Библиотека Литературы Древней Руси

ТОМ 9

(Конец XIV - первая половина XVI века)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. – 566 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Лихачев. **Эпоха решительного подъема общественного значения литературы**

Волоколамский патерик *(Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Ольшевской)*

Повесть о Петре, царевиче ордынском *(Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод Л. А. Дмитриева)*

Повесть о царице Динаре *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой)*

Повесть о старце, просившем царскую дочь себе в жены *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой)*

Повесть о Луке Колочском *(Подготовка текста, перевод и комментарии Л. И. Журовой)*

Повесть о Тимофее Владимирском *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой)*

Из "Хроники Константина Манассии" *(Подготовка текста М. А. Салминой, перевод и комментарии О. В. Творогова)*

Послание игумена Памфила *(Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой)*

Четыре послания и завещание Нила Сорского *(Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова)*

Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого *(Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод А. А. Алексеева)*

Послание Иосифа Волоцкого княгине Голениной *(Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье)*

Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков *(Подготовка текста и комментарии Н. А. Казаковой, перевод А. А. Алексеева)*

Повесть о Псковском взятии *(Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой)*

Из Хронографа 1512 года *(Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова)*

Видение хутынского пономаря Тарасия *(Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева)*

Сказание о князьях владимирских *(Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод Л. А. Дмитриева)*

Послания старца Филофея *(Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова)*

Сочинения Максима Грека *(Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина)*

Переписка Федора Ивановича Карпова с Максимом Греком *(Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина)*

Сочинения Федора Ивановича Карпова *(Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина)*

Поучение Даниила, митрополита всея Руси *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Понырко)*

Тайная Тайных *(Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина)*

Сказание об Аристотеле *(Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина)*

Сочинения Ивана Семеновича Пересветова *(Подготовка текста М. Д. Каган-Тарковской, перевод А. А. Алексеева, комментарии Я. С. Лурье)*

Сочинения Ермолая-Еразма *(Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод А. А. Алексеева и Л. А. Дмитриева)*

Вступление

ЭПОХА РЕШИТЕЛЬНОГО ПОДЪЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Первая половина XVI века — эпоха, когда развивается вера в социальное переустройство общества на основе принципов «правды», то есть «истины-справедливости».

На первый план начинает выступать новое сословие — сословие дворян — служилых людей, выдвигаемых не по родовитости и заслугам предков, а по личным достоинствам и стремящихся укрепить свое положение различными проявлениями преданности государству и его главе — великому князю московскому.

Как и всякий новый общественный слой, дворянство стремится идеологически обосновать свои права и притязания, верит в силу разума. Впрочем, вера в доводы разума характерна не для одного дворянства. Во всем русском обществе поднимается вера не только в рассудок, логику, разумную целесообразность, но и в силу человеческого слова, в книгу. Роль и значение литературы поднимается необыкновенно. Сама литература меняет свой характер, становясь все более и более философичной, и проникается духом публицистической полемики.

Никогда прежде не спорили так много в Древней Руси, как в первой половине XVI века. Развитие публицистики — политической и философской — идет на гребне общего подъема веры в разум, характерной и для ренессансной Европы XVI века. О значении книжного слова неоднократно пишется в сочинениях, приписываемых приехавшему с Запада дворянину Ивану Пересветову. В «Сказании о царе Константине» поведано о том, что вельможи властителя — «ленивыя богатины» — дали ему прочесть неправильные книги, в которых проводилась мысль, что царь не должен ходить войной «на иноплеменническую землю», в результате чего «царь книги прочел да укротел». С другой стороны, успехи султана Магмета Пересветов объясняет опять-таки влиянием книг — на этот раз правильных и мудрых: «Царь турской Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турским, а се греческия книги прочел, и написав слово

в слово по-турски, ино виликия мудрости прибыло у царя». Рассказав о той «правде», которую ввел Магмет в своем царстве, Пересветов заключает: «А ту мудрость царь снял з греческих книг образец — таковым было греком быти»; «А то царь Махмет списал со християнских книг ту мудрость»; «Махмет списал со християнских книг ту мудрость и праведный суд»; «А все то Магмет-салтан, турской царь, снял образец жития света сего со християнских книг».

Пересветов придает исключительное значение «речам» волошского воеводы Петра. Он стремится пересказать их царю; сообщает царю то, что пишут о нем в Литве «философи греческия и дохтуры латынския», наконец, в особом «Сказании о книгах» Пересветов рассказывает, что Магмет-султан повелел у константинопольского патриарха Анастасия взять и перевести на турецкий язык христианские книги, с которых «снял образец жития света сего», то есть заимствовал образец общественного устройства.

Вера в возможность установить социальную справедливость с помощью убеждения и доброй воли просвещенного законодателя-князя отличает и сочинения другого замечательного писателя — протопопа кремлевского Благовещенского собора Ермолая-Еразма. Ермолай-Еразм предназначал свои сочинения для государя. К государю обращена его «Правительница» и «Моление к царю», его «челобитные», а отчасти сочиненные им на основе местных сказаний жития — «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и «Повесть о Василии Рязанском», в которых он в косвенной форме поучает государя социальной справедливости и выступает против своеволия и спеси боярства.

В связи с этой верой в силу личного убеждения следует поставить и общее Пересветову и Ермолаю-Еразму желание, чтобы царь лично прочел их писания. Об этом Пересветов просит царя в первой своей челобитной; об этом же просит Грозного Ермолай-Еразм в своем «Молении к царю».

Вера в силу книжного слова была характерна в это время не только для представителей дворянской литературы. Однако эта вера имела свои оттенки в каждом из сословий. Представители церкви, обращавшиеся к государю со своими посланиями, надеялись в основном не только на силу своих доводов (как Пересветов и Ермолай-Еразм), но и на авторитет церкви. Митрополит Даниил самое свое слово считал как бы данным ему Богом: «даде нам Господь Бог от слова помощь». Представители же боярства редко предназначают свои сочинения непосредственно для царя. Они излагают свои взгляды не только для того, чтобы кого-то убедить, но и чтобы просто выразить свое негодование окружающими непорядками. Впоследствии Вассиан Патрикеев говорил, что его называли «дерзким языком». Он жаловался, изливал свои недовольства: «Что убо безмилостивно и спротивно святым Писанием сътворяю, аще о сицевых беседую с *боголюбивыми князи*, плачася и рыдая (выделено мною. —*Д. Л.*) церковное нестроение».

Вера в книги была присуща и оппозиционному кружку, собиравшемуся вокруг приехавшего на Русь ученого-гуманиста Максима Грека. Участник кружка Берсень-Беклемишев спрашивал Максима, «как устроить государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити». Максим отвечал ему: «у вас книги и правила есть, — можете устроится» (выделено мною. — *Д. Л.*).

Мировоззрение дворянских публицистов проникнуто максимально действенным началом. Это сказывается не только в обращениях к царю и воинству с «коня не сседати», «на инопленники ходити воевати», в призывах к коренным преобразованиям в социальной и государственной сфере, но и в общефилософских посылках всей их публицистической деятельности. В этом отношении особенное значение имеет учение Ивана Пересветова о превосходстве «правды» над «верою». «Правда» — это исполнение веры, это практика, действительность, справедливость, устроенная самими людьми, — волей государя в первую очередь. Одной веры, по представлениям Пересветова, недостаточно. Необходимо воплощение этой веры в «правде», то есть «истине-справедливости». Без «правды» вера не нужна. «Коли правды нѣтъ, ино то и всего нѣту»; «правда Богу сердечная радость»; «Бог не веру любит — правду»; «Бог любит правду лутчи всего» и т. д. Следовательно, только практическое осуществление добра есть ценность. Это резко противостоит лютеранским представлениям о примате над всем именно веры, которая одна якобы спасает человека.

Идя по пути признания первенства практики над «верою», Пересветов дошел до крайних границ отрицания «веры». Он высказывает чрезвычайно смелую мысль о том, что православные греки, которые «Евангилие чли, а иные слушали, а воли Божии не творили», оказались менее угодны Богу, чем магометане турки, которые хотя и не имели истинной веры, но «правду» осуществляли. С изящной смелостью формулируя свои мысли, Иван Пересветов заявляет о русском царстве: «Есть ли к той истинной вере християнской да правда турская, ино бы с ними ангели беседовали!» Бог отдал греческое царство в руки магометан за то, что в нем власть императора оказалась ограниченной вельможами, за то, что вельможи творили неправый суд, томили народ рабством. «Обленивевшиеся» вельможи своею леностью «Богу лжут и государю». Отсюда требования Пересветова самой сильной, самой неограниченной и самой деятельной власти: «Царь кроток и смирен на царстве своем — и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр — царство его ширеет, и имя его славно по всем землям».

Чтобы ввести в царстве своем «правду», нужна «гроза»: государь должен быть грозен для своих подданных. Без грозы «правды в царство не мощно ввести. Правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадити, нашедши виноватого. Как конь под царем без узды, так царство без грозы». Здесь почти что обоснование будущих жестокостей Ивана Грозного.

Таким образом, максимальная собранность всех сил государства для введения «правды», наибольшая активность, отрицание «веры» без «правды», неуклонное до беспощадности проведение в жизнь всех мероприятий государственной власти — таково деятельное и бескомпромиссное мировоззрение поднимающегося сословия — дворянства, заинтересованного в реформах, во внедрении нового и в искоренении старых порядков феодальной раздробленности и самого боярства как сословия, опирающегося на заслуги предков, а не на собственные способности и дела.

Культ разума, деятельного проведения разумных начал в жизни фактически ведет в мировоззрении Пересветова к требованию последовательной и постепенной секуляризации, обмирщению всей жизни. Пересветов выступает против церковного провиденциализма. Не Бог, но сам человек творит свою судьбу, а Бог только «помогает» тем, кто стремится ввести в жизнь «правду» — справедливость и разумность. «Богъ помогает не ленивым, но кто труды приимает и Бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведный суд судит. Правда Богу сердечная радость, а царю великая мудрость».

Мировоззрение дворянских публицистов проникнуто духом реформаторства, стремлением активно преобразовать общество на «разумных» или казавшихся разумными основаниях, не считаясь ни с чем.

Литература приобретает публицистический характер. Публицистика же требует немедленного вмешательства в жизнь, немедленного ее «исправления». Публицистика в XVI веке с ее челобитными, ставшими своеобразным литературным жанром, с ее проектами была наиболее действенной формой литературы. Она не только поучала и убеждала — она порой как бы приказывала, распоряжалась (произведения Грозного, послания митрополитов), вносила на рассмотрение общества разработанные до мелочей деловые проекты (Ермолай-Еразм и Иван Пересветов).

Однако Пересветов выступает и за свободу страны. Он пишет: «Которая страна порабощена, те люди не храбры». Против чьего же «насильства» выступает Пересветов и чью свободу он отстаивает? Из всего контекста его сочинений ясно: против «насильства» и притеснения вельмож, бояр.

Итак, с одной стороны — убежденность, что только от одного человека, государя, от его ума и просвещенности зависит благосостояние страны, а с другой — проповедь свободы и «добровольного» начала даже в военной службе. Противоречие это характерно для идеологии так называемого «просвещенного абсолютизма», в разных формах и вариантах проявившего себя в XVI веке по всей Европе.

*

Противоречие между требованиями абсолютной власти монарха и стремлением к свободе сказывается прежде всего в вопросе об организации вооруженных сил Русского государства. Вопрос о свободе

возник в сочинениях Пересветова в связи с необходимостью заменить феодальное ополчение регулярным войском. Первое собиралось по принуждению, второе находилось на жалованье (денежное жалованье, пожалование поместьем, натуральное довольствие). Иван Пересветов постоянно подчеркивает, что воевать нужно за награду, а не по принуждению: «Воинника держати, как сокола чредити: и всегда сердца имъ веселити». Авторы публицистических произведений связывают свои предложения социальных реформ с необходимостью укрепить русское войско, реорганизовать его. Авторы аргументируют необходимость этих реформ тем, что они сделают русское войско более мощным, позволят быстрее созывать ратников во время военной опасности, укрепят их дух и т. д. Образование централизованного государства на востоке Европы было ускорено интересами обороны. Следовательно, интересы обороны диктовали многие государственные реформы. Войны на востоке, юге и западе России создавали необходимость в такой государствен-ной системе, которая отвечала бы нуждам военных.

Как рассказывает о себе сам Иван Пересветов в своей «Малой челобитной», он выехал в Россию из-за границы «на царское имя» и вывез с собой образец гусарского щита, который хотел распространить в русском войске. Это не было безделкой, мелким военным изобретением. От такого рода изобретений зависел исход сражений. Гусарский же щит Пересветова представлял собой серьезную защиту пешего войска от атак степной конницы, Щит был одобрен, и через боярина Михаила Юрьевича Захарьина Пересветов получил крупный заказ на такие щиты. «И Михайло Юрьевич образцы посмотрив, и тебѣ, государю, службу мою похвалил и обо мнѣ тебѣ, государю, печаловался. Дѣлати было, государь, мнѣ щиты гусарския добраго мужа косая сажень, с клеем и с кожею сырицею, и с ыскарами, и с рожны желѣзными, — а тѣ, государь, щиты макидонсково оброзца. А дѣлати их в ветляном древе, легко, добрѣ и крѣпко: один человѣк с щитом, гдѣ хощет, тут течет и на конѣ мчит. И тѣ щиты в поле заборона: из ближняго мѣста стрела неймет, а пищаль из дальные цѣли неймет ручныя. А из-за тѣхъ щитов в поле с недругом добро битися огненною стрельбою из пищалей, и из затинных з города».

Эти сведения о себе Ивана Пересветова, сообщаемые им в «Малой челобитной», чрезвычайно существенны для понимания его публицистической деятельности. Иван Пересветов был военным. Он заботился об укреплении военного могущества Русского государства в первую очередь. История с гусарскими щитами очень показательна. Иван Пересветов как писатель делал то же, что он делал как профессионал военный: он и делом и словом стремился к переустройству русского войска. Его вооружение он пытался улучшить, создавая производство нового типа щитов; его организацию он пытался усовершенствовать, предлагая реформы в своих публицистических сочинениях.

Заканчивая свою «Большую челобитную», Пересветов подчеркивал, что приехал он служить царю «с тѣми речми и з дѣлы с воинскими» потому, что услышал, что русский царь имеет «от Бога мудрое прирожение и

счастливое к воинству». Ради этого Пересветов оставил «службы богатыя и безкручинныя». Публицистические сочинения Ивана Пересветова далеко перешагнули основную волновавшую его тему устройства русского воинства и имели гораздо более широкое значение, но об исходной теме всей деловой и публицистической деятельности Пересветова не следует забывать. Забота о военных силах Русского государства не раз сказывается в его сочинениях. О «воинской мудрости» царя, раньше чем об «управѣ во царствѣ своем» и «уставе жития царьского», говорит Пересветов в «Большой челобитной». Богатство и знатность ослабляют воинов. «Хотя и богатырь обогатѣетъ, и обленивеетъ. Богатый любит упокой». Мысль эту Пересветов повторяет дважды, настойчиво подчеркивая, что вельможи плохие воины. Он приводит в пример греческое царство, в котором вельможи царством «обладали… и изменяли и царьство измытарили своими неправедными суды», собирали богатства «от слез и от крови християнския», а сами «обленивели, за вѣру християнскую крѣпко не стояли», царя отвлекли от военных дел и тем погубили страну. Он советует царю приближать к себе тех воинов, которые «люто» могут «против недруга государева смертною игрою играти», возвышать их имена, раздавать награды, выслушивать жалобы и любить их, как отец любит своих детей. Пересветов предлагает огнем жечь и иными «лютыми смертями» истреблять тех, кто отвращает царя от его воинских дел. «А царю без воинства не мочно быти, — говорит Пересветов, — ангели Божии, небесныя силы, и тѣ ни на един час пламенного оружия из рук своих не выпущают, стрегут рода християнского от Адама и до сего часа, да и тѣ службою своею не скучают. А царю как без воинъства быти? Воинником царь силенъ и славен. Царю быти благодатию Божиею и мудростию великою на царьстве своем, а до воинников быти аки отцу до детей своих щедру. Что царьская щедрость до воинников, то его и мудрость. Щедрая рука николиже не оскужает и славу себѣ великую збирает». Пересветов не только предлагает царю укрепить свое воинство, но и поощряет его к завоеванию Казанского царства. Он передает слова. сказанные Петром, волошским воеводой: «Да тому велми дивимся, что та земля (речь идет о Казанском царстве. — *Д. Л.*) не велика и угодна велми у таково у великово у силново царя под пазухою в недружбе, а онъ ей долго терпит и кручину от них великую приимает».

Те или иные наставления о «воинской мудрости» заключает в себе и «Сказание о царе Константине», и «Сказание о Магмете-салтане», и «Предсказание философов и докторов», и «Малая челобитная», и «Сказание о книгах», то есть все те произведения, которые традиционно приписываются Пересветову. В сущности, предложения Пересветова можно рассматривать как предложения воинских реформ в первую очередь. Они соответствовали интересам дворянства и не случайно частично осуществлялись впоследствии Иваном Грозным при содействии Адашева. Это объясняется тем, что воинские реформы мыслятся Пересветовым с необычной для своего времени широтой как реформы всего государственного и социального строя, исходящие из интересов и идеологии дворянства.

Но не только Пересветов занят идеями этих воинских преобразований. Стремлением к укреплению армии отмечена и «Правительница» Ермолая-Еразма. Он предлагает регламентировать ратные повинности помещиков количеством отводимой им земли. С каждой территориальной единицы — «четвертогранного поприща» — выходит на военную службу сам помещик и его слуга в бронях. Помещик и слуга живут в городе, чтобы в случае нужды немедленно явиться по призыву. И самые размеры «четвертогранного поприща», устанавливаемые Ермолаем-Еразмом, и повинности крестьян в отношении помещиков определяются в известной мере этой воинской организацией.

Сочетание строжайшей дисциплины и добровольности, личной заинтересованности представляются обоим реформаторам — Пересветову и Ермолаю-Еразму — наиболее разумным решением вопроса. Жизнь, однако, показала, что такое сочетание не всегда бывает возможным: в феодальной Руси либо одно, либо другое берет верх, и тогда возникает или деспотизм вместо дисциплины, или же бунт вместо свободы.

*

Стремление найти «вечные», разумные, логические, незыблемые основания в самой жизни, провозгласить общие принципы, которые устанавливали бы основы социальной справедливости, в широкой степени характерны не только для воинских проектов Ермолая-Еразма. Он говорит об обязанностях царя заботиться о благе своих подданных, исходя из воззрений на Русское государство как на единственное православное государство во всем мире. Благо подданных Ермолай-Еразм понимает, стремясь найти общие принципы его в самом мироздании. И в этом отношении огромный философский интерес представляет созданная им концепция. Он утверждает: в основе всего социального порядка находятся крестьяне, так как производимый ими хлеб — главный источник жизни. «В начале же всего потребни суть ратаеве (пахари. — *Д. Л.*); от их бо трудов есть хлеб...» Хлебом питаются все — от царя и до крестьянина; хлеб — свят, он возносится в таинстве евхаристии. Хлеб — основа благосостояния людей и государства. Следовательно, крестьяне, непосредственные производители хлеба, — главный слой населения, и он называет крестьян необычно и торжественно — «ратаи».

Как и Пересветов, Ермолай-Еразм выступает против знатности. Неравенство может основываться только на неравном труде. Больший надел должен соответствовать большим обязанностям. «Аще же будет гдѣ поприще по поприщу землею неравно, есть бо тако и людие: суть вь едином удобствии, сирѣчь равенствѣ, имут же нѣкая отстояния, межю себе суще неравна, по человеку убо разсмотряй, и поприще раздѣляет лучешим лучешая». Дворянский характер этого внешне демократического принципа ясен. По существу он обосновывает право на представляемые поместья и отрицает право на наследственные вотчины. Ермолай-Еразм пишет про вельмож, что они «ни от коих же своих трудов доволствующе», и противопоставляет им служилое дворянство, которое, по его мнению, несет службу не бездельно и за эту

службу получает землю и крестьян. О награждении последних землею Ермолай-Еразм умалчивает.

Ермолай-Еразм заявляет в «Молении к царю», что он ставит себе целью своими предложениями достигнуть «благоугодия земли и умаления насильства». Однако Ермолай-Еразм озабочен по преимуществу тем, чтобы владение крестьянами передать из рук боярства целиком в руки дворянства. Он стремится также упорядочить эксплуатацию крестьян.

*

Наставлять подданным царя, а царю подданных стало одним из важнейших дел культа разума, столь характерного для европейского XVI века. К этому же роду наставительных произведений принадлежат и сочинения Максима Грека, обращенные к игуменам и простым инокам. Наконец, и обычные исторические сочинения и повести клонились к этому наставительному пафосу, пафосу исправления нравов, привычек, поведения и управления начальников и монархов. «Повесть о царице Динаре» — это произведение о мудрой управительнице. И мудрости своей сама царица Динара учится из опыта истории и исторических книг: «Первѣе — показа любовь ко властодержавцем своимъ, и милость к народомъ, и праведный суд. И паче всего имѣаше прилежание к божественному Писанию, и о преднихъ царѣх и властодержавцех, како бѣ пребывание в нихъ и временное прехождение и от того навыче воиньской храбрости. Якоже пчела събираетъ от цвѣтов медъ, тако и сиа Динара от памятных книгъ».

Не случайно и увеличение значения переводных произведений, обращенных с наставлениями именно к главам государств. Таковы, например, нравоучения Аристотеля Александру Македонскому, собранные в замечательном памятнике «Тайная тайных». В наставлениях Аристотеля звучит тот же призыв выбирать людей не по их происхождению, а по их способностям. В главе «Об управлении слугами своими, и боярами, и витязями (глава 6. Пятница)» Аристотель говорит Александру: «А не смотри на отчину (происхождение. — *Д. Л.*) их, но на дела их» и о том же напоминает в связи с советами стеречь правду, справедливость и закон: «И досмотряй достоиньства каждого человека к службе своей, ни земли его, ни роду его». «Тайная тайных» внимательно читал и Иван Грозный, как это видно из многих рассуждений в его посланиях.

На несколько иных позициях стоит философ и публицист XVI века Федор Карпов. С общеморальных позиций Федор Карпов протестует против «терпения», то есть безусловного подчинения подданных царской власти. Он утверждает, что «терпение» приводит к неограниченному произволу властителей, что покорность развращает власти, и постоянно сетует на современность, на безнравственность современного ему общества. Мировоззрение Федора Карпова в сущности пессимистично. Его идеал покой, и он ищет этот покой в потустороннем мире. В конце своего послания к митрополиту Даниилу Федор Карпов пишет об обетованной земле живых, о рае, в котором

«часы не начинають дней, восхода и захода не имѣютъ, годоваго предѣла не стяжут, старость младеньства не пременяеть, немощъ здравиа не озлобляеть, смерть живота не скончеваеть; времена несчатиа тамо не чаются, тамо вся красна, ничто неблаго, вся добра, ничто спротивно, нѣсть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бес конца тихий покой, никоего неразумиа, но всевѣчна премудрость».

*

Огромная роль, которая отводилась в мечтах и чаяних людей первой половины XVI века Русскому государству, побуждала к созданию особой теории его национального и мирового значения, которая обосновывала бы право этих надежд. Русское государство становится «идеологическим государством» — со своей теорией общемировых обязанностей и права на эти обязанности.

Чем решительнее и чаще обращались публицисты и проповедники к государям всея Руси с требованиями внутренних реформ и укрепления власти, тем больше возрастала убежденность самого государства в своем общерусском и мировом значении. Это было решительное изменение во взглядах русских государей и князей отдельных княжеств на самих себя. Ничего подобного не было в предшествующие века, когда главы отдельных русских княжеств ощущали свои права как права владельцев, обязанности же свои ограничивали самозащитой и защитой населения своих княжеств от внешних вторжений. Объединив отдельные русские княжества под своей властью, московские государи стали воспринимать свои обязанности прежде всего как некое служение — служение православию во всем мире, а себя — как единственных после падения Византии защитников православия во всем мире.

Права и обязанности в средние века были прежде всего правами по наследованию и удостоверялись определенными знаками, пророчествами, регалиями, генеалогическими «свидетельствами» — родословными и «сказаниями». Поэтому все теории власти, которые начали возникать в XV и XVI веках о мировой роли Русского государства, строились прежде всего на обоснованиях права по наследству — от Рима Восточного и Рима Западного, или Первого.

Три теории привлекли к себе внимание русских государей и были ими восприняты для обоснования своих неограниченных прав на вмешательство в судьбы мира: теория, изложенная в «Повести о Вавилонском царстве» (см. настоящее издание, т. 6) и обоснованная там обретением царских регалий; теория, высказанная «попутно», как сама собой разумеющаяся, в посланиях старца псковского Елеазарова монастыря Филофея о Москве — Третьем и последнем Риме, и третья теория, основная часть которой была создана бывшим московским митрополитом Спиридоном-Саввой и изложенная им в «Послании о Мономаховом венце», а затем переработанная и официально принятая в «Сказании о князьях владимирских», где власть московских государей рассматривалась как унаследованная от римских цезарей.

Что было между ними общего и в чем они различались?

«Сказание о Вавилоне-граде» — наиболее ранняя из попыток заявить и обосновать права Русского государства. Она относилась к XV веку и рассказывала легенду о том, как равные права получают одновременно для своих царств грек, грузин и русский. Они проникают в заколдованное и таинственно охраняемое Вавилонское царство, где и получают венцы царя Навуходоносора, драгоценные камни и кубки.

Важно отметить, что, несмотря на весь свой сказочный характер, «Сказание» было включено в XVI веке в официальный сборник.

Сказочный характер «Сказания о Вавилоне-граде» не мог, однако, удовлетворить читателей, искавших более деловитых и бесспорных исторических доказательств прав русских государей на власть. Сказка не претендует на достоверность — скорее на занимательность. Поэтому вскоре рядом со «Сказанием о Вавилоне-граде» появляется другая легенда — «Сказание о князьях владимирских».

«Сказание о князьях владимирских», ставшее в конце концов официальной концепцией исторических прав Русского государства в XVI веке, прошло несколько стадий в своем развитии. Создал историческую легенду тверской монах Спиридон-Савва, посвященный в XV веке в Царьграде в митрополиты всея Руси, но не признанный в Москве и сосланный московским великим князем в Ферапонтов монастырь. Ему первому принадлежит идея связать родословие московских князей с римскими цезарями. Он составил «Послание о Мономаховом венце», в котором утверждал, что от Августа-кесаря его потомок Прус получил свою часть на востоке Европы. Это его наследство перешло затем к его потомку Рюрику, а от него к русским князьям рюриковичам. Вторая часть того же послания излагает историю получения в Царьграде «шапки (венца) Мономаха» Владимиром Мономахом, а с ним вместе и других даров, удостоверяющих его царское достоинство. Третья часть послания — родословие литовских князей гедиминовичей, свидетельствующее о том, что Спиридон-Савва, создавая свою легенду, не собирался непременно связать ее лишь с московскими князьями и их правами на царский венец. Этому послужило уже другое произведение, сохранившее тот же легендарный характер, — «Сказание о князьях владимирских». Неизвестный нам автор специально приспособил легенду, изложенную Спиридоном-Саввой в его послании, для доказательства правомерности притязаний потомков Даниила Александровича московского через его сына Юрия Даниловича на возглавление Руси. Примечательно, что заканчивалось оно упоминанием победы Дмитрия Донского на Куликовом поле, как бы закреплявшим окончательно его права.

Именно это «Сказание» и было принято в качестве официального обоснования прав московских великих князей на возглавление всех русских княжеств, а затем и Русского царства. В 1547 году Иван Васильевич IV был коронован «шапкой Мономаха» на русский престол. На основе «Сказания» был составлен и самый «Чин венчания»

московских государей. Идеи «Сказания» излагались в дипломатических документах, в официальных летописях, в «Степенной книге царского родословия». Отдельные сцены из него и самый текст «Сказания» был вырезан на дверцах царского трона, стоявшего в московском Успенском соборе.

Более же широкое историческое обоснование прав Москвы на первенствующее положение в мире было изложено в неофициальных посланиях псковского старца Филофея. Сперва в «Послании на звездочетцев» 1524 года, а затем еще в двух посланиях, адресованных судя по относительно поздним спискам Василию III и Ивану IV, Филофей упоминает о Москве как о Третьем и последнем Риме. Но в официальную мысль представления о том, что Москва является третьим и последним мировым государством — Третьим Римом, вошли не ранее XVII века и то как бы под сурдинку — без помпезного провозглашения своих прав. Согласно этой теории старца Филофея, не представлявшей ничего исключительного для средневековой Европы, где большинство царствующих династий связывали свое происхождение либо с римскими императорами, либо с участниками Троянской войны, мировая история представляет собой последовательную смену мировых держав. Первой мировой державой был Рим Древний (основателями которого иногда выступали герои Троянской войны). Второй мировой державой, пришедшей на смену первому, являлся Рим Второй, или Византия. После же отпадения Второго Рима от православной веры в результате Флорентийской унии и захвата Константинополя магометанами, Третьим Римом, защитницей и центром истинного православия стала являться Москва. «Четвертому же Риму не быть» — утверждала легенда, пока еще, в XVI веке, утвердившаяся в среде сторонников Москвы в Пскове.

*

Развитие публицистической мысли вызвало появление новых форм литературы, новых жанров. Первая половина XVI века отмечена сложными и разносторонними исканиями в области художественной формы. Устойчивость средневековых жанров нарушена. В литературу проникают деловые формы, а в деловую письменность — элементы художественности. Мы видели уже, что темы литературы XVI века близки к публицистике, — это темы живой, конкретной политической борьбы. Многие из тем, прежде чем проникнуть в литературу, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся и литературными формами — это прежде всего касается введения в литературу формы челобитных и писем.

Пересветов пишет челобитные. Их содержание близко к содержанию обычных деловых челобитен. В них, как и во всяких челобитных, есть конкретный адресат (у Пересветова — великий князь, царь), есть в них и обычные личные просьбы: о допущении его «речей и дел перед государя», о защите его от сильных людей и о заказе ему изделий (щитов). Однако наряду с обычными для челобитных просьб есть и необычные. Основная тема челобитных Пересветова — отнюдь не личная. Личная — лишь прикрытие, дань деловой условности. Он

обращается не с просьбами, а предлагает государственные проекты. При этом в челобитных Пересветова имеются элементы легенды, развитой рассказ. Перед нами очень важный процесс претворения деловой литературы в литературу художественно-публицистическую, обогащение жанровой системы древнерусской литературы за счет деловых жанров. Процесс этот способствовал секуляризации литературы, протянувшись на целые полтора-два века.

В литературе XVI века часто трудно решить — где кончается литература и начинается деловая письменность. Трудно решить: в деловую ли письменность проникают элементы художественности, или в литературе используются приемы деловой письменности. Литература широко обращается к формам устной, ораторской речи, к формам диалога, философской прозы. Литература не столько показывает, сколько рассуждает, размышляет, спорит, доказывает, приводит широкую аргументацию. В форме диалога написано «Того же инока пустынника Васьяна (Вассиана Патрикеева. — *Д. Л.*) на Иосифа, игумена Волоцкаго, собрание, от святых правил и от многих книг собрано, и на его ученики, и различныя межь собя ответы от книг». Произведение построено как диалог между Вассианом и Иосифом.

Многие приемы церковной литературы используются в литературе светской и частично изменяют ее характер. Так, например, широкое развитие в литературе XVI века приобретает аллегория, в прошлом теснейшим образом связанная с традиционной церковной символикой и с жанром притчи. В публицистической литературе первой половины XVI века аллегория используется очень часто, но характер ее становится светским. В форме аллегории написана «Повесть некоего боголюбивого мужа». Характерно, что и в этой повести, как и во многих произведениях XVI века, исторические события служат основой для назиданий и рассуждений, между тем в предшествующее время, в XI—XV веках, на первом месте всегда стояла историческая сторона, а назидательная была как бы дополнителъной. В повести действует «некий» (этим словом подчеркивается, что не важно, кто именно, какое историческое лицо) «благоверный, боголюбивый и милостивый царь». Отсутствие имен исторических действующих лиц облегчает возможность применений этой повести к тогдашней действительности. Освобождение аллегории от церковности было связано с обращением ее к сказочности — на месте церковной аллегории появляется аллегория, пользующаяся сказочными, басенными формами. Характер средневекового мировоззрения требовал и в светских сочинениях обращения к авторитету древних изречений. Эти изречения и давались в светских полемических и философских произведениях, но они приводились без ссылок на авторитетных авторов: сама форма афоризмов, изречений подкрепляла их убедительность. Афористической формой пользуются Пересветов, Ермолай-Еразм и многие другие авторы первой половины XVI века. Авторы облекают свою мысль в форму, близкую народным пословицам и поговоркам. Перед нами любопытная деталь секуляризации, поисков новых форм убедительного изложения аргументации.

*

Литература первой половины XVI века опережает свое время. Она не следует слепо за действительностью, а, исходя из нужд и забот своего времени, указывает и подсказывает пути, по которым эта действительность станет развиваться, неся в себе добрые тенденции, но отчасти и зародыши будущих злоупотреблений властью, когда государь утвердится в своих идеях вседозволенности для него.

Перед нами в первой половине XVI века один из высших подъемов сознания литературой своей ответственности перед судьбой страны и народа. Многое в этом подъеме опережало свое время, многое было и правильного и ошибочного, ибо писатели судили на уровне своего времени, исходя из его представлений и ошибаясь в пределах опять-таки своего времени, однако вместе с тем они постоянно поднимались над своей эпохой, стремились не только заглянуть в будущее, но и предопределить ход истории. Одно положительное явление совершенно несомненно и бесспорно: в литературу вошли новые общественные и отвлеченные темы, новые мысли, новая терминология — особенно политическая и философская, множество новых понятий, расширилась жанровая система в сторону ее обмирщения.

Уже в первой половине XVI века мы можем заметить многие явления, которым суждено было стать типичными для литературы второй половины XVI века и всего XVII века. Одним из таких новых явлений было появление в литературе имен светских писателей. Как правило, до XVI века литература светского характера была в основном безымянной. Мы не знаем имени даже автора «Слова о полку Игореве». По именам мы знаем по преимуществу писателей церковного направления — авторов проповедей, поучений, житий святых, изредка летописцев. Сейчас, в первой половине и середине XVI века, в связи с ростом личностного начала, становятся известными и значимыми имена авторов светских публицистических произведений.

Д. С. Лихачев

ВОЛОКОЛАМСКИЙ ПАТЕРИК

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Ольшевской

ВСТУПЛЕНИЕ

Волоколамский патерик — сборник рассказов о жизни святых иосифлянской школы русского монашества, прежде всего произведений о самом Иосифе Волоцком, его учителе Пафнутии Боровском, сподвижниках и учениках, а также сказаний, бытовавших в этой монашеской среде. Волоколамский патерик создается в первой половине XVI в. и открывает ряд монументальных памятников той эпохи (Стоглав, Домострой, Великие минеи четии митрополита Макария и др.). Появление патерикового свода именно в Иосифо-Волоколамском монастыре закономерно. По словам В. О. Ключевского, в XVI в. «ни один русский монастырь не обнаружил литературного возбуждения, равного тому, какое находим в обители Иосифа» (*Ключевский В. О.*

Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 291–292). Писатели-иосифляне активно работали не только в публицистических, но и в агиографических жанрах («житие», «служба», «похвала», «надгробное слово», «патерик»), доказывая существование «новых чудотворцев» и готовя их канонизацию на церковных соборах 1520—1540-х гг. Многие агиографические сочинения, созданные ими, имеют пропатериковый характер, например Житие Пафнутия Боровского редакции Вассиана Санина, 10-е слово Духовной грамоты Иосифа Волоцкого.

С Иосифо-Волоколамским монастырем связана литературно-книгописная деятельность Досифея Топоркова (ум. после 1547 г.), составителя патерика, и Вассиана Кошки (ум. в 1568 г.), который продолжил его труд. Оба писателя были кровными или духовными «сродниками» Иосифа Волоцкого: Досифей приходился ему племянником; Вассиан жил в монастыре «под началом» старца Фотия, бывшего учеником Кассиана Босого, ближайшего сподвижника Иосифа. Оба писателя были людьми энциклопедических знаний и универсального художественного таланта. Они славились как книгописцы-профессионалы, агиографы, публицисты, кроме этого, Досифей Топорков был известен как художник, близкий к школе Дионисия, и составитель Хронографа 1512 г., а Вассиан Кошка — как лексикограф. Деятельность обоих монахов-писателей не ограничивалась стенами Иосифо-Волоколамского монастыря. Материал для будущих патериковых сборников дала им жизнь в монастырях Москвы, Подмосковья и Твери, поэтому Волоколамский патерик выходит за рамки «агиографической монастырской летописи». Создание патерика способствовало усилению роли Иосифо-Волоколамского монастыря в делах государственного, религиозного и литературного развития страны, по значению ставило его в один ряд с Киево-Печерской лаврой, первой «академией» русских писателей и церковных иерархов.

Многие проблемы, связанные с историей формирования и бытования Волоколамского патерика, решить до конца нельзя из-за утраты авторской редакции произведения.

О содержании и структуре патерика Досифея Топоркова мы можем судить по описанию рукописи Иосифо-Волоколамского музейного собрания (№ 17/664), сделанному П. М. Строевым в конце XIX века (см.: *Строев П. М.* Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый-Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского. СПб., 1889. С. 201).

В авторский список патерика входили следующие тексты: предисловие о месте и времени основания Волока Ламского (без начала); «Слово о житии Пафнутия Боровского» и цикл «Повестей отца Пафнутия»; «Надгробное слово Иосифу Волоцкому» и рассказ о Макарии Калязинском, записанный Иосифом со слов святого; разные повести, «приложенные писавшим сию книгу, им самим слышанные и виденные».

Фрагменты патерика Досифея Топоркова дошли до нас в двух сборниках Вассиана Кошки 60-х гг. XVI в. № 927 из Синодального собрания ГИМ (по нему произведение было опубликовано в 1914—1915 и 1973 гг. и публикуется в настоящем издании) и № 1257 из Музейного собрания РГБ, в состав которого входят фрагменты патерика, отсутствуюшие в первом сборнике (они впервые публикуются в настоящем издании). Сопоставление содержания Волоколамского патерика Досифея Топоркова с текстом произведения в сборнике из Синодального собрания позволяет сделать вывод о том, что Вассианом Кошкой была создана новая редакция памятника, в которой первоначальный замысел Досифея Топоркова был развит и укрупнен. Весь сборник Вассиана Кошки представляет собой патериковый ансамбль. Иосифлянское начало в сборнике усилено путем введения в него Жития Иосифа Волоцкого редакции Саввы Крутицкого и публицистических сочинений самого Иосифа. Пафнутьевский же цикл произведения предельно сокращен (нет жития святого) и выступает как часть Иосифова, повествуя об истоках иосифлянства. Идея духовной и литературной преемственности реализуется через введение в сборник сочинений, посвященных ученикам и последователям Иосифа (жития Фотия Волоцкого, Кассиана Босого). Дорожа идейно-тематическим единством сборника, Вассиан Кошка нарушил хронологический принцип расположения материала в патерике, главный для Досифея Топоркова. Однако оба патериковых сборника имеют и много общих черт: открытость жанровой структуры, мысль о преемственности в духовной жизни народа и культ наставничества-ученичества, рассмотрение монастырской истории как части общерусского процесса развития.

Волоколамский патерик является ценным историческим источником. Его рассказы в образной форме обосновывают союз «царства» и «священства» в борьбе за единение страны, консолидацию русских земель вокруг Москвы, централизацию власти. В патерике нашла отражение ожесточенная борьба официальной церкви с пережитками язычества, с еретическими движениями, обосновывалась необходимость самых суровых мер по искоренению инакомыслия в стране. Ярко выраженное полемическое начало в патерике Досифея Топоркова сближает памятник с произведениями русской публицистики XV—XVI вв., сочинениями Иосифа Волоцкого и писателей иосифлянского круга. Материал патерика может служить основой для иссдедования эсхатологических воззрений Древней Руси. Цикл рассказов Пафнутия о «хождениях» по раю и аду развивает традиционную для мировой средневековой литературы тему загробной судьбы человека, перекликается с четвертой книгой Римского патерика и «Божественной комедией» Данте. Ряд рассказов Волоколамского патерика, в основном фольклорного происхождения, посвящен национально-патриотической теме, действие их восходит к временам, «когда Орда слыла Златая», к судьбоносным для русской истории событиям 1480 г. Волоколамский патерик донес до нас такие ценные исторические свидетельства, как рассказ о «моровой язве» 1427 г., после которой «мало же и редко остася людей», и связанный с ним цикл «слов», где героями являются князь Иван Данилович Калита, митрополит Петр, литовский князь Витовт. Агиографической части Волоколамского патерика предпослано «летописное» вступление, в

котором кратко излагается история основания города Волок-на-Ламе и монастырского строительства в нем, причем дается она в широком контексте истории всей страны: от расселения славянских племен до нашествия Батыя.

Широк и разнообразен жанровый состав памятника. В Волоколамский патерик входят поучение Иосифа об общежительстве и личном нестяжании монахов, дидактические новеллы на тему «бесования женского», популярные в монашеской среде, христианские легенды и религиозные сказания, жития и рассказы-воспоминания о святых, бывших современниками Досифея и Иосифа. Если «легендарная» часть патерика («Повести отца Пафнутия») занимательна и остросюжетна, погружает читателя в мир религиозной фантастики, то «мемуарная» часть больше дорожит историческими и бытовыми подробностями, публицистична по своему характеру, так как события недавнего прошлого еще не успели подвергнуться процессу фольклоризации, стать монастырским преданием. «Предлагая в целях назидания не отвлеченные рассуждения и нравоучения, а наглядные, конкретные примеры нравственных совершенств, а равно и наказаний свыше за грехи, изложенные в виде коротких занимательных своею фабулой рассказов, давая лишь изредка чистое наставление, и то в краткой афористической форме», Волоколамский патерик отражал уровень художественного развития древнерусского общества, литературные интересы широкой читательской аудитории (см.: *Кадлубовский А. П.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. 1—5. Варшава, 1902. С. 140).

Текст Волоколамского патерика издается по рукописи ГИМ, Синод. собр., № 927, лл. 2—42 и дополнен фрагментами из второго сборника Вассиана Кошки (РГБ, Музейное собр., № 1257), где выписки из патерика читаются на лл. 85 об., 350—352, 354 об.—362, 429—429 об.

ОРИГИНАЛ

Понеже убо мнози изъначала отъ отецъ начаша чинити повѣсти преже бывшихъ отецъ, имьже ти сожителствоваша и отъ нихъ слышаша, инаа же сами видѣша и слышаша, странствующе по монастыремъ, и по лаврамъ, и по пустынямъ, — бывающаа чюдеса отъ Бога и святыхъ его, уже отшедшихъ къ нему, инаа же отъ пребывающихъ еще въ мирѣ семъ, и не точию сами отъ сихъ ползовашася, но инѣмъ писаниемъ предаша въ древняа роды, не скрывше таланта, яко добрии строителие благодати Владычня,[1] яко да не забвена будутъ лѣты Божиа чюдеса и святыхъ его, — изволися и мнѣ послѣдовати преданию святыхъ отецъ,[2] предати писаниемъ сущимъ по насъ бывшаа преже отецъ нащихъ, елико они слышаша отъ сущихъ преже ихъ святых отецъ и елика въ ихъ лѣта быша, намъ исповѣдаша, такоже и въ наши лѣта бывшаа, еже отъ иныхъ слышахомъ и сами видѣхомъ, бывшаа во обители отца Пафнутиа[3] и ученика его отца Иосифа,[4] и елика отъ нихъ слышахомъ и отъ ученикъ ихъ, сущихъ въ ихъ обителехъ, понеже отецъ нашь Иосифъ по скончании отца своего Пафнутия прииде во свое отечество, на Волокъ Ламский,[5] и состави зъ Богомъ свой монастырь.

Волокъ же той бяше изъначала предѣлъ Великаго Новаграда.[6] Достоитъ же рещи и о Велицемъ Новѣграде, яко древний той бяше градъ. Во времяна святыхъ апостолъ еще не бѣ ту града, но живяху нарицаемии «словене», идѣже нынѣ Новъградъ. Святый же апостолъ Анъдрѣй восхотѣ ити въ Римъ,[7] и вниде во устие Днѣпрьское и по нему въ Понтъ-море,[8] и тако прииде въ Римъ. Словене же по отшествии его разыдошася по многимъ мѣстомъ. Инии же отъ нихъ седоша около езера великаго Ильмеря,[9] и создаша градъ, и нарекоша имя ему Новъградъ, и прозвашася «новогородци», и пребыша некрещени до великаго князя Владимера.[10]

Волокъ же Ламьский — предѣлъ того града, и подъ областию архиепископа того града и до сего времени.[11] Тако древний бяше градъ той. Бѣ же первие на брезе Ламы-рекы, и той нынѣ нарицаетьца «Старый Волокъ»,[12] великаго же князя Владимера, крестившаго всю Рускую землю. По преставлении же его великий Ярославъ,[13] сынъ его, проязду творя по градомъ рускымъ, прииде на Старый Волокъ. И прошедъ его два поприща,[14] и ста шатры на горѣ близъ рѣчкы, иже впаде в Ламу, в полудни починути. И явися ему во снѣ мужъ старъ, и показа ему перъстомъ на другой странѣ рекы, глаголя: «На семъ мѣстѣ заложи градъ Волокъ и люди приведи оттулева». И близъ показа гору, и глагола ему: «А на сей горѣ постави церковь Воздвижение Честнаго Креста Христова и сотвори монастырь.[15] А на нейже почиваеши горѣ сотвори церковь во имя святаго пророка Ильи и такоже сотвори монастырь».[16] Вопроси же его: «Господи, ты кто еси?» Онъ же рече: «Азъ есмь боговидець пророкъ Илья»,[17] — и, си рекъ, невидимъ бысть. Възбнувъ же благочестивый великий князь Ярославъ и сотвори вся, елика повелѣ ему святый пророкъ Илья. И градъ сотвори Волокъ идѣже и донынѣ стоить, и оба монастыря на показаныхъ ему горахъ, и внутрь града соборную церковь Воскресение Господа нашего Исуса Христа.[18] И дасть свещеникомъ и обоимъ монастыремъ во окормъление тамгу со всего: и помѣрно, и явку з животины, и пятно;[19] и дастъ имъ грамоты вѣчныя, и печати златыя приложи, ихже мы самовидци быхомъ и прочтохомъ. И пребыша до князя Бориса Васильевича[20] лѣтъ мало не съ пятьсотъ; и той взятъ ихъ, не вѣмъ, с которою мыслию, к себѣ въ казну, а имъ дастъ свои грамоты (или паче хотя соблюсти ихъ, но не соблюде). Преставлешуся ему, и изгибоша у него в казне, и погуби паметь прародителей своихъ.

А якоже Великый Новградъ никогдаже не бысть взятъ от агарянъ, сице и предѣлъ его Волокъ.[21] Внегда по Божию попущению, грѣхъ ради нашихъ, безбожный агаряньскый царь Батый Росискую землю поплени и пожже, и поиде к Новому граду, и покры его Богъ и пречистая Богородица явлениемъ Михаила-архистратига,[22] иже возбрани ему ити на него. Онъ же поиде на литовьскыя грады, и прииде къ Киеву, и видѣ у каменыя церкви надъ дверьми написанъ великый Михаилъ-

архаангелъ, и глагола княземъ своимъ, показуя перъстомъ: «Сей ми възбрани поити на Великий Новъгородъ».

Сиа исповѣда ученикомъ своимъ отець Пафнутие, слышавъ от тѣхъ, иже постави Батый властели по русскимъ градомъ (иже «баскаки» нарицаетъ тѣхъ языка рѣчь), и отъ дѣда своего Мартина слыша,[23] иже и той бяше баскакъ въ граде Боровъсцѣ. Егда же убиенъ бысть безбожный Батый секирою богоданною и на конѣ, отъ Бога посланнѣмъ, отъ угорьскаго краля Владислава, егоже крести святый Сава Сербьский[24] от латыньскыя въ православную вѣру, и тогда вси держатели Русскиа земли избивати повелѣша Батыевы властели, поставленыя по градомъ, аще который не крестится. И мнози отъ нихъ крестишася. Тогда и отца Пафнутиа дѣдъ крестися и нареченъ бысть Мартинъ.

Изволих же писаниемь предати о жительстве отца Пафнутиа, якоже преди рѣхъ, елика отъ него слышахомъ и отъ ученикъ его, бывшая въ его обители и индѣ, еже онъ исповѣда ученикомъ своимъ; такоже и ученика его, отца Иосифа, надгробными словесы почтохомъ и мало объявихомъ о жительствѣ его:[25] кто и откуду бѣ, — еже отъ него слышахомъ и сами видѣхомъ въ его обители и инъдѣ, елика онъ намь исповѣда, и сиа такоже поставихомъ в рядъ. Сиа же пишемъ, не яко они требоваху таковая, но мы, прочитающе сиа, тщимся подражати житие ихъ, — сего ради послѣдующе древнему преданию, занеже въ патерицѣхъ не точию великихъ и знаменоносныхъ отець житиа, и чюдеса, и словеса, и поучениа писаху, но и елици не постигоша въ соверъшение таково, но по силе подвизашася, поелику возможно, такоже и тѣхъ житиа, словеса писанию предаваху. О нихъ же пишетъ: овъ убо уподобися солнцу, овъ же лунѣ, инии же велицей звѣздѣ, инии же малымъ звѣздамъ, — а вси на небеси житие имутъ. И якоже у земныхъ царей велиции ихъ, яко друзи, велико дръзновение имутъ и вся, елико хотятъ, могут творити, и помагати молящимся имъ, а елици мнѣе тѣхъ, имутъ же, но не тако, а инии воини малымъ златицамъ, аще и не имутъ такова деръзновениа, но себе точию ползоваша, но обаче пребываютъ въ царстей полате, — сице есть разумѣти и о святыхъ. Якоже апостоли други и братию нарече, и якоже мученици и знаменоснии отци — сии вси могутъ помагати молящимся имъ, симъ всѣмъ святии отци во все лѣто кануны и празники сотвориша и доволно узакониша Христовѣ церкви; инѣхъ же великихъ и знаменоносныхъ отець оставиша, якоже Великого Паисия, Иоанна Колова, и Аполония, и Марка, и Макариа Александрийскаго,[26] и инѣхъ множество бесчисленое, съ нимиже всѣмъ вкупѣ празновати предаша, малымъ и великимъ, въ недѣлю по Пятдесятницы,[27] а житиа и чюдеса въ патерицѣхъ писати.

Нынѣ же постигохомъ на послѣдняя лѣта и не можемъ приходити въ мѣру великихъ и соборныхъ отець, но, якоже рекоша святии отци, яко въ послѣдняя лѣта и не можемъ приходити въ мѣру великихъ и соборныхъ отець, но, якоже рекоша святии отци, яко въ послѣдня времена мнозѣми скорбми и бѣдами спасутся и будутъ не менши первыхъ,[28] — сего ради изволихъ по силѣ трудившихся писаниемъ изложити въ патерицѣ, по отеческому преданию: перьвѣе о отци Пафнутии и о ученицѣхъ его, и елика отъ него они слышаша; потомъ же и о отцѣ Иосифѣ, и о ученицѣхъ его, и елика отъ него слышахомъ и сами видѣхомъ, такоже, во инѣхъ монастырехъ пребывая, елико слышахъ и самъ видѣхъ, и елика отъ сущихъ въ мирѣ слышахъ. Подщахся писанию предати таковая, елика отъ древнихъ святыхъ бываемая и отъ сущихъ въ нашей земли святыхъ, глаголющихъ ради и неправе мудръствующихъ, яко въ нынѣшняя времена такова знамения не бываютъ:[29] сиа глаголюще, хотяще и на преже сущая знамениа ложь положити, не вѣдуще, яко и нынѣ той же Богъ, самъ и святыми своими, и до скончяния вѣка творитъ чюдеса. Мы же, възбраняюще таковое зломудрие, подщахомся писанию предати бывшая точию въ лѣта наша, послѣдующе древнему преданию отеческому, въ славу Богу и святыхъ его. Иматъ же предидущее речение сице.

Рече старець Иосифъ: «Якоже инокъ, пребываяй въ кѣлии своей, и прилежа рукодѣлию, и молитвѣ, и чтению, и себѣ внимая, отъ облегчениа совести, отъ слезъ иматъ утѣшение, — начальствуяй же братии едино иматъ утешение, аще видитъ своя чада по Бозѣ живуща, по божественому апостолу: “Болше сеа радости не имамь, да вижу моя чада во истиннѣ ходяща”».[30] Рече паки: «Истинное сродство се есть, еже подобитися добродѣтелию сродному и Богови угодная творити, ему спострадати во всемъ». Рече паки: «Достоитъ иноку, въ общемъ житии живущу, едино брашно оставляти и глаголати: “Сие часть Христа моего”». Рече паки: «Аще который братъ совершитъ довлѣяся трапезною пищею, отъ сего не осуженъ будеть, яко съ благословениемъ предлагаема суть. Горе же тайно ядущему, по писанию Григориа Двоеслова, и вещи, и сребреникы особно имущему».[31] Рече паки: «Се есть милостыня обще живущимъ, еже пострадати другъ другу, и претерпѣти смутившемуся на нь брату, и не воздати зла за зло».[32]

Повѣда намъ отець Иосифъ: «Приидоша ко мнѣ два человѣка, оба мирянина, житие имуще по Бозѣ, оба мнѣ дѣти духовныя, и оба тезоименита Божиа дара; Феодосие-живописецъ и ученикъ его Феодоръ,[33] во иноцехъ тезоименитъ ему, иже по имени и житие свое управиша, свѣтилници дѣвьствении отъ младеньства стяжаша. Пишетъ бо и сие: “Безъ Божиа дарованиа не мощно исправити, огнь бо есть дѣвьство”. И не се точию стяжаша по буимъ дѣвамъ, но повсегда, якоже мудрии, масло куповаху,[34] раздавающе имѣние свое и до скончяниа, яко да не угаснутъ свѣтилници ихъ: огнь бо есть дѣвьство, масло же — милостыни. Сиа рекохъ о нихъ, хотя показати, яко истинно

глаголющимъ имъ и кромѣ лукавыя лжи, и яко отъ нихъ слышахъ таковое чюдо страшное.

Якоже первѣе рѣхъ, сии приидоша ко мнѣ. Бѣ же тогда обыскъ от державныхъ государей Русскиа земля на безбожныя еретики.[35] Приведоша нѣкоего человѣка, егоже и азъ знаахъ и имя свѣмъ, но не пишу, недостоинъ бо есть именованиа, по Господню слову. Онъ же, хотя утаитися, нача глаголати: “Яко нѣкогда, — рече, — стояхъ въ церкви и размышляа, елико слыщахъ отъ мудрствущихъ еретическая, и глаголахъ въ себѣ: «Аще бы сие истинно было, еже они мудрствуютъ, како святии апостоли, еже проповѣдаша, за то и крови своя излияша, тако же и мученици, и колико святителей мудрыхъ и чюдотвор-цевъ быша — вси едино мудръствоваша?» Паки же наченшу ми еретическая размышляти, и се напрасно изыде огнь ото олтаря, восхотѣ попалити мя. Азъ же падохъ ниць, моляся, и оттоле совершенно оставихъ размышление еретическое”. Сие же рече не истинно, но хотя избыти пришедшая на нь бѣды, еже потомъ явлено будетъ. Они же яша ему вѣру и пустиша его.

По времени же и въ попы поставленъ бысть. И служивъ литургию, прииде в домъ свой, и потырь имѣя в руку своею.[36] Пещи тогда горящи, а подружие его стоя, брашно варяше. Он же, волиа ис потыря въ огнь пещный, отъиде. Подружие же его возрѣ въ пещь и видѣ во огни отрочя мало.[37] И гласъ отъ него изыде, глаголя: “Ты меня здѣ огню предаде, а азъ тебе тамо вѣчному огню предамъ”. Абие отверзеся покровъ у избы, и жена зрить: прилетѣли двѣ птицы велики и, взяша отрочя ис пещи, полетѣша на небо. (Ей ся видѣли птицы, ано то ангели). И покровъ изьбный по обычею сталъ. Она же во страсѣ бывши, и не повѣда никомуже. Имяше же нѣкую знаему жену, иже часто к ней прихожаше, живущу близъ дому того мужа, иже ми сказа. И яко обычна ей сущи и вѣрна, повѣда ей, еже сотвори мужь ея попъ и како видѣ отроча во огни и гласъ отъ него слыша. Слышавши же, и та страхомъ одержима бѣ, исповѣда мужу своему. Мужъ же еа знаемъ бѣ тому, еже мнѣ сказа, исповѣда ему, еже слыша отъ жены своеа. Онъ же намъ исповѣда».

Мы же прославихомъ Бога, творящаго преславная, и отъ сего разумѣти есть, яко не точию православнии суще, недостойнѣ служаще и кресщающе, но и елици и ересь тайно имуще въ себѣ и страха людскаго ради творяще по преданию соборныя церкви, и мы, отъ нихъ кресщаеми, и исповѣдь къ нимъ творяще, и божественыя тайны отъ рукъ ихъ приемлюще, не поврежаемся ничимже, Богъ бо совершаетъ своя таинъства Святымъ Духомъ и служением ангильскимъ. Якоже мнози отъ святыхъ свидѣтельствоваша, развѣ точию явлении еретици и не по преданию церковному творяще — отъ сихъ удалятися и дружбы не

творити съ ними, но бѣгати отъ нихъ, яко отъ враговъ истиннѣ. Богу нашему слава!

Повѣда намъ отець Васиянъ,[38] братъ отца Иосифа, бывый потомъ архиепископъ Ростову. «Стоящу ми, — рече, — на Москвѣ въ соборной церкви преславныя Владычица нашея Богородица честнаго еа Успениа,[39] видѣхъ нѣкоего человѣка-поселянина, молящася прилѣжно великому мученику Христову Никите[40] и пытающу, гдѣ есть написанъ образъ его. Азъ же, искусенъ сый въ таковыхъ, видѣхъ вѣру человѣка и необычное моление его, приступивъ, въпросихъ его вину таковаго молениа. Онъ же рече: “Господине отче, азъ много время болѣзнию одержимъ и всегда молящуся и призывающу ми великаго мученика Никиту. И лежащу ми на одрѣ, окно же открыто бѣ надъ главою моею, и вси сущии со мною въ храминѣ крѣпко спяху, — единъ же азъ болѣзни ради не могий спати. Много же нудимъ быхъ отъ своихъ, еже призвати чародѣа въ домъ свой. Азъ же никакоже восхотѣхъ, но всегда моляхся великому мученику Никите. Въ нощи жъ той слышахъ, яко врата дому моего отверзошася. Въздвигъ же очи, видѣхъ: и се мужъ свѣтелъ, язде на конѣ, приближися ко окну, иже открыто надъ главою моею, и рече ми: «Въстани и изыди ко мнѣ!» Азъ же рѣхъ: «Не могу, господи». Онъ же паки глагола ми: «Востани!» Азъ же двигся, и обрѣтохъ себе здрава, и изыдохъ исъ храмины, никомуже слышавшу, и поклонихся ему до земля.

И въставающу ми видѣхъ человѣка черна зѣло, мечь огненъ въ руку его, — на конѣ борзо, яко птица, прилѣтѣ и восхотѣ мене посѣщи. Свѣтлый же онъ мужъ възбрани ему, глаголя: «Не сего, но онъсицу и онъсицу во оной веси», — имя ей нарекъ, такоже и человѣкомъ имена, иже къ чародѣемъ ходиша. Онъ же пакы борзо, якоже птица, отлѣтѣ. Азъ же вопросихъ свѣтлаго того мужа: «Господи, ты кто еси?» Онъ же рече ми: «Азъ есмь Христовъ мученикъ Никита и посланъ отъ Него исцѣлити тебе сего ради, яко не введе чародѣе въ домъ свой, но на Бога упование свое положи и мене призываше, еже помощи тебѣ. И дасть ти Богъ еще приложение животу двадесять и пять лѣтъ». И сиа рекъ, изыде ото очию моею, яздя на кони тѣми же враты дому моего. Азъ же поклонихся ему, и ктому невидимъ бысть. И се уже, господине отче, пять лѣтъ, отнелиже сиа быша.

Азъ же наутрие всѣмъ, иже въ дому моемъ, сказахъ. Они же, яко послуха имуще мое здравие, удивишася зѣло и прославиша Бога и святаго страдалца его Никиту. Азъ же наутриа послахъ въ реченныя веси, и обрѣтоша, яко въ ту нощь тѣ человѣци умроша, ихже великий мученикъ повелѣ черному оному посѣщи, иже къ волхвомъ ходиша. И множае прославихомъ Бога, яко избави насъ отъ таковыя бѣды и смерти”. Богу нашему слава!»

Повѣдаю вамъ ину повѣсть, яже бысть во Иосифовѣ манастыри. Якоже бо въ богатьстве пребывая, аще добрѣ устроитъ его, спасение обрѣтаеть, сице и въ нищетѣ, аще со благодарениемъ терпитъ, — якоже Избавитель нашъ во Евангелии поминаетъ Лазаря нищего, яко благодарна и терпѣлива, — и по скончянии отнесену ему быти ангелы на лоно Авраамле.[41] Подобно сему бысть и въ наша лѣта. Нѣкый человѣкъ, именемъ Илиа, не зело отъ славныхъ, но имяше малу весь; человѣци же злии отняша ея у него, и сего ради живяше въ нищетѣ, не имый отъ чего приобрѣтати дневную пищю, но въ малѣй убозѣй храминѣ живяше съ подружиемъ своимъ, и та не его сущи — у нѣкоего христолюбца испросилъ. И пребываша въ послѣдней нищетѣ, терпя со благодарениемъ и молчаниемъ, повсегда ходя на церковное пѣние; и, приходя въ Иосифовъ манастырь, малу потребу приимаше повелѣниемъ его.

По нѣкоемъ же врмени разболѣся сухотною,[42] и до кончины пребысть со умомъ и съ языкомъ. Братъ же у него, старець, вземъ его, постриже во Иосифовѣ манастыри и служаше ему до кончины. Егда же прииде часъ, уму его еще утвержену сущу и языку, предстоящу старцу со инымъ инокомъ, болный же инокъ Илинархъ (тако бо преименованъ бысть по иноцѣхъ) весело и со всею тихостию рече: «Во се Михаилъ-архангелъ», — и мало потомъ рече: «И Гаврилъ». Братъ же его, предстоя ему, воздохнувъ, рече: «Что то паки дасть Богь?» Онъ же, слышавъ, рече: «Богъ у мене». И тако предасть духъ.

Чюдно поистинѣ, како отверзъшимся тому мысленымъ очемъ и позна святыа архаангелы, ихже николиже видѣлъ. Отъ сего яве есть: аще бо во плоти достоинъ есть видѣти и познати, колми паче, отрѣшився отъ соуза плотскаго, можетъ познати не точию святыя ангелы, но и вся святыя. И отъ сего яве есь: аще и женатъ бѣ, но въ дѣвстве пребываху, яко братия его многи дѣти имяху, толико же пожиша съ женами, — и сего ради сей сподобися. Тако бысть отъ Бога, ему же слава нынѣ, и присно, и во вѣкы вѣкомъ.

Во обители старца Иосифа нѣкий человѣкъ, отъ славныхъ родомъ, именемъ Елевферие Волынский именуемъ,[43] прииде къ старцу Иосифу, и приятъ ангелский образъ въ его манастыри, и нареченъ бысть Евфимие. Сей въ толико умиление и слезы прииде, яко не точию въ келии, но и въ церковномъ правилѣ молитву Исусову[44] со вниманиемъ глаголаше и безпрестани плакаше; и въ келии ничесоже ино не дѣлаше, точию слезамъ прилѣжа и колѣнопреклонению; и никомуже бесѣдоваше; на всякой литургии у старца Иосифа прощение приимаше въ помыслѣхъ.

Нѣкогда стоящу ему на литургии, молящуся и плачющу, внезаапу ото олтаря облиста его свѣтъ неизречененъ; онъ же страхомъ великымъ обьятъ бысть и помале приступи клиросу, исповѣда старцу Иосифу сияние свѣта того. Старець же рече ему: «Не внимай тому, но точию молитвѣ и слезамъ». По видѣнии же томъ инокъ Евфимие положи на ся иноческый великий образъ и причястився животворящаго тѣла и честныя крови Христа, Бога нашего.

И во единъ ото дний не пришедшу ему на утренее словословие, пославъ отець, възбужающаго братию; онъ же, пришедъ со огнемь, обрѣте его лежаща на колѣнехъ предо образомъ Божиимъ и пречистыя Богородица, и четкы въ рукахъ держаща, и слезы на лице многи имуща — на колѣнопреклонении душу свою Богу предасть. Посланный же братъ, мнѣвъ его спяща, и хотѣ его возбудити, и обрѣте его отшедша ко Господу. Таковыя убо смерти Богъ посылаетъ на готовыхъ, насъ устрашаа, неприготованныхъ, и на покаяние обращая, еже всегда помышляти безвѣстное нашествие смерти.

По скончании же его, по времени, намъ исповѣда старець Иосифъ о свѣте, иже осиа преже реченнаго инока Еуфимиа, и како възбрани ему не внимати таковыхъ. Мы же начахомъ разсужати таковаа на благая. Онъ же глагола намъ: «Аще и блага будетъ, но намъ ни на коюже ползу таковая, но отвращати и не приимати, да не вмѣсто пастыря волка приимемъ. Нѣкоему ото отець явися Сатана, и свѣтомъ неизреченымъ облиста, и глагола ему: “Азъ есмь Христосъ”. Онъ же смѣжи очи свои и глагола ему: “Азъ Христа не хощу здѣ видѣти”». Колми паче намъ, немощнымъ, и въ послѣднее сие время не искати таковыхъ, но послушание имѣти, и тружатися телеснѣ, и посту и молитвѣ по силѣ прилежати, и смирению, еже имѣти себе подо всѣми (сие бо есть покровъ всѣмъ добродѣтелемъ) и полагати начало.[45]

Якоже у насъ инокъ Феогностъ, по мирьскому пореклу Скряба, иже положи начало житию своему сице: вмѣсто свиты отъ тѣла положи броня желѣзны да на всякъ день совершаше псалмы Давидовы, да пять каноновъ, да тысящу колѣнопреклонениа, да пять тысящь Исусовыхъ молитвъ. И не измѣни таковаго правила и до кончины своея, и по трехъ лѣтехъ отойде ко Господу. Якоже Епифание, иже бѣ отъ великихъ и славныхъ, отверьжеся мира въ юности и пребысть въ послушании. Якоже древний Досифее пять же точию лѣтъ со смирениемь въ нищетѣ работая всѣмъ, яко незлобивый агнець и голубь цѣлый, и по пяти лѣтъ отъиде къ Господу. И Давидъ юнный, иже седми лѣтъ престрада, якоже древний Иевъ: червемъ ногу его грызущимъ, глаголемымъ волосатикомъ,[46] и по вся нощи и спати ему не даяху, но со стенаниемъ гласъ испущаше и сущимъ съ нимъ не даваше почити. И въ

той болѣзни скончася и отойде къ Господу. И инии мнози въ нашей обители со смирениемъ по силе подвизашася и послушаниемь; яко вещни суще, по Лѣствичникову слову, вещно и житие изволиша проходити.[47] И вси ти вѣруютъ Богу, яко спасение получиша.

Повѣдаю же вамъ ино чюдо преславное, еже слышахъ ото отца Никандра, иже въ странахъ родившагося Литовьския земля и жительствовавшаго тамо. И въприхожение еже къ Угрѣ безбожнаго царя агарянскаго Ахмата[48] и той плененъ бысть нѣкоимъ отъ князей его, еще пребывая въ мирьскомъ образѣ, и понуженъ бысть отоврещися Господа нашего Исуса Христа. Множество же крестовъ на гойтане, еже взяша у християнъ злочестивии того слуги, и тѣхъ множество животворящихъ крестовъ повелѣ той безбожный князь давати ему (пещи тогда горящи въ храмине той), яко да вверзетъ ихъ во огнь, а другому слузѣ стояти с мечемъ надъ главою: аще не вверзетъ ихъ, да усечетъ его. Онъ же изволи паче умрети за Господа нашего Исуса Христа и глагола безбожному князю: «Мы симъ поклоняемся и лобзаемъ ихъ». Злочестивый же той повелѣ устрашити его посѣчениемъ, и рѣзати помалу по шии его, и давати ему кресты — да вверзетъ ихъ въ огнь. Онъ же не хотяше того сотворити. Безбожный же той повелѣ, веземъ за гойтанъ, тѣми кресты бити его безъ милости. Онъ же никакоже не послуша. И абие внезапу прииде страхъ на безбожнаго царя Ахмата, и побѣже. Тогда и той и князь побѣже. А его во единой срачице и босого повергоша на лединѣ, и великаго ради мраза перьсти ногамъ его отпадоша. И по отшествии безбожныхъ взяша его, елѣ жива, во градъ; бысть произволениемъ мученикъ и безъ крови вѣнечникъ.

Бѣ же благоразуменъ: аще и не навыче писаниа, но отъ слуха вся въ памяти имяше и разумѣвъ, коликихъ благъ сподоби его Богъ, яко не отвержеся Того и честнаго креста не вверже во огнь, но скорбяше зѣло, яко не скончяся мучениемъ за Христа. И сего ради изволи отврещися мира, и иде къ старцу Иосифу въ его монастырь, и бысть мнихъ. Ему же и азъ много время сожительствовахъ. И пребысть въ немъ лѣтъ 40 и 3, всякую добродѣтель исправи: нестяжание, и послушание, и молитву, и слезы; и до тридесяти лѣтъ пребысть болнымъ служа, не имый ни келиа своеа. Воздержание же толико исправи, яко и до самого конца, но всегда зъ братиею представленая, и та не вся приимаше, но повсегда приимаше, но брашно оставля, якоже старець Иосифъ глаголя: «Се есть, — рече, — часть Христа моего». Всѣхъ же добродѣтелей его невозможно въ мимотечении сказати; еже ему поспѣшествова Богъ исправити сего ради, яко не отвержеся имени его — великаго и честнаго креста не вверьже во огнь.

Сей ми исповѣда таковое преславное чюдо. «Еще ми, — рече, — въ мирѣ живущу, на краехъ земля Литовьскиа, бѣ же тамо церкви владычици

нашеа Богородици, въ нейже многи чюдеса бываху преславною Богородицею. Едино же тебѣ повѣмъ.

Бѣ тамо нѣкая вдавица отъ благородныхъ, имѣа сына единочада, и тому въ воиньстве учинену сущу. Случи же ся ему, болѣвшу, скончатися. Его же по закону умершихъ скутавше, несоша къ той церкви, хотяще погребению предати его. И начинающимъ еже вложити его въ гробъ и землею посыпати, мати же его, безпрестани плачющи, и биющи въ перси, и власы терзающи, съ воплемъ крѣпкимъ моляше пречистую Богородицу и главою биющи о гробъ сына своего, глаголющи: “Дай ми, Владычице миру, жива сына моего, и разрѣши вдовьство и сиротство!” И на многь часъ плачющи горко, не дасть во гробъ вложити его, яко и инѣмь съ нею плакати. И егда подвигоша его, еже во гробъ вложити, вдовица же поверже себе на землю, горко плачющи. И абие подвижеся умерший. И, открывше, разрѣшиша его, якоже иногда Лазаря.[49] Онъ же абие воста здравъ, яко николиже болѣвъ. Сущии же ту возопиша: “Господи, помилуй!” — и со многимъ удивлениемъ и страхомъ со вдовицею и съ сыномъ ея прославляху преславную Богородицу на многъ часъ, сотворшую таковое страшное чюдо. И отъ того времени до вторыя смерти “Мертвымъ” нарицаху его.

Вопросиша же его, аще что видѣ отъ тамо сущихъ. Онъ же рече, яко: “Ничесоже не помню”. И отъ сего вѣдомо есть, яко и видѣвъ тамошняа, но забывъ, занеже до нынѣшняго умертвиа пребысть въ жизни сей до четыредесять лѣтъ и вся забывъ, елико въ тѣ лѣта быша. Но егда воскресе, якоже и второе родися: и тамошняя, и здѣ сущая — вся забывъ, по таковому образу, яко и намъ многажды случается во снѣ видѣти, возбнувъше же, вся забыти. Якоже о Лазарѣ писано есть, яко ничесоже не повѣда: или не оставленъ есть видѣти, или и видѣ, да не повелѣно есть ему повѣдати».

Есть же и ина смерть человѣкомъ: видимъ есть яко мертвъ, но душа его въ немъ есть, — и иже бываетъ молниею пораженымъ и громомъ. Яко Анастасие-царь пораженъ бысть громомъ,[50] его же въскорѣ затвориша во гробѣ, и потомъ оживе и нача восклицати во гробѣ, тако же и въ наша лѣта нѣкий юноша пораженъ бысть громомъ, его же въскорѣ погребоша, и глаголаху о немъ, яко вопи во гробѣ. Такожe елици и виномъ горющимъ опивахуся и умираху или ото угару умираху, сии по нѣколицехъ днехъ оживаху нѣции, занеже души ихъ еще въ нихъ быти и не совершенно умираху. И елици ото удара, или отъ болѣзни малы, или въскорѣ умираху — сихъ всѣхъ въскорѣ не подобаетъ погрѣбати, ниже на студени полагати: случаетъ бо ся нѣкимъ убо умирати, а души ихъ еще въ нихъ быти. Нѣкий мнихъ умеръ, и, нарядивше его, положиша въ гробници. И прииде понамарь взяти и нести его въ церковь, еже пѣти надъ нимъ, и обрѣте его погребалныя ризы свергьша съ себе и сѣдяща. И аще бы въскорѣ погребенъ былъ и во

гробѣ ожилъ бы, и паки нужною смертию умерлъ бы. Но тогда лѣто бѣ, и сего ради и оживе; аще бы зима была, и онъ мразомъ умеръ бы. Сего ради, якоже рѣхъ, не подобаетъ въскорѣ погрѣбати, ниже на студени полагати.

Повѣмъ же и другое чюдо владычица нашея, преславныя Богородица, еже бысть во дни наша. Нѣкий человѣкъ отъ болярьска роду, именемъ Борисъ, порекломъ Обабуровъ,[51] пострижеся во иноческый чинъ и нареченъ бысть Пафнутие. И живяше въ манастыри старца Иосифа на Волоцѣ на Ламскомъ. Въ томъ градѣ манастырь есть дивический, церковь же въ немъ святыя и великиа мученици Варвары.[52] Въ томъ убо манастыри преже реченнаго старца сожительница пострижеся. Дщи же у нихъ бѣ мужеви съпряжена и помале бысть разслаблена и нема; ея же мати, земши, постриже въ томъ же манастыри. И пребысть нема и разслаблена 5 лѣтъ, не могий ни рукою двигнути.

Приближающу же ся празднику преславныя Богородица честнаго ея Успения во Иосифове манастыри, родители тоя инокини умолиста старца Иосифа, да повелитъ ея въ нощи принести и положити въ церкви Успениа святыя Богородица въ его манастыри. Онъ же преклонися молению ихъ: невходно убо бяше тамо женамъ. Пославъ же единого священника, стара суща, и повелѣ молебное пѣние сотворити. Совершаему же пѣнию болящия ощути въ себѣ малу крѣпость въ телеси, такоже и въ гортани, и повелѣ въздвигнути себе со одра, отъ негоже никогдаже може двигнутися. Въздвигши же ся и двоими ведома, иде и целова икону Успениа святыя Богородица. И, отведше, поставиша ея у клироса; она же держащися за клиросъ, стоя до скончания пѣниа. Потомъ же отвезоша ея во свой манастырь.

И въ постъ преславныя Богородица восхотѣ причаститися животворящаго тѣла и честныя крови Христа, Бога нашего, за два дни до бесмертнаго Успениа пречистыя его Матери. И въ ту нощь случися ей телесная немощь: она же тѣ дни пребысть безъ пища, упражняющися въ молитвахъ. На божественое же Успение пресвятыя Богородица предъ литургиею принесше еа во церковь тоя обители и поставиша о клиросе. Священный же инокъ, игуменъ святаго Покрова,[53] восхотѣ ей проговорити «Покаяние» и повелѣ ей умомъ внимати силу глаголемыхъ. И егда рече: «Исповѣдаюся Богу и пречистой его Матери», — тогда той отверзошася уста, и нача глаголати во слѣдъ его, и бысть вся здрава. Священникъ же убояся страхомъ велиимъ и, трепеща, глаголаше. Она же по немъ изглагола все чисто «Покаяние» и по совершении сама тече скоро въ кѣлию свою, зовый и вопиа свѣтлымъ гласомъ къ родившей еа, проповѣдая свое исцѣление и бывшее чюдо на ней преславныя Богородица. И бѣ видѣти матерь, о чадѣ веселящуся; и вси слышавшие и съ нами прославиша Бога и пречистую его Матерь о преславныхъ ея чюдесѣхъ.

Достоитъ же и се повѣдати вамъ, еже бысть во Иосифове манастырѣ. У благовѣрнаго князя Бориса Васильевича бысть нѣкий боляринъ — князь Андрей, прозваниемъ Голенинъ; и роди три сыны: Иоанна, и Семиона, и Андрея,[54] — во всемъ приличны себѣ, и возрастомъ, и промысломъ, — и прейде отъ жизни сея. Потомъ же первый сынъ Иоаннъ, болѣвъ тяжко зѣло, покаявся и причастився, преставися и положенъ бысть въ Иосифовѣ монастырѣ.

По мале же времени мати ихъ Мариа[55] (сице бо нарицашеся) по обѣднемъ времени, стихословивъ Псалтырь и утрудився, посклонися мало почити. И, воздремався, видитъ сына своего Иоанна и съ радостию рече: «Чадо мое сладкое, ведь ты уже преставися». Онъ же рече: «Преставихся, госпоже моя мати». «Да каково, господине, тебѣ тамо?» Онъ же рече: «Добро, госпоже, того ради, яко во святый Великий пятокъ покаяхся отцу духовному чисто, и епитемью взяхъ, и обѣщахся, еже к тому грѣха не творити, и сохрани мя Богъ и до кончины». Она же рече: «Возми же, чадо мое, и мене къ себѣ». Онъ же рече: «Не тебѣ, но брату Семиону». Она же возопи со слезами: «Что глаголеши, чадо мое?» Онъ же, въздѣвъ руцѣ горѣ, рече: «Богъ тако изволи». Она же, въспрянувши, радостию и печалию содержима бысть: радостию, яко видѣ възлюбленнаго своего сына, извѣщение приатъ, яко въ части праведныхъ есть; печалию же, яко и вторый сынъ ей вземлется отъ нея.

Помале же и въторый сынъ Симионъ разболѣся, покаявся и причастникъ бысть животворящимъ тайнамъ Христа, Бога нашего. И тако преставися, и положенъ бысть во Иосифове манастырѣ со братомъ своимъ. Мати же много плакавши, якоже древняя Клеопатра,[56] и повсегда по нихъ многи милостыни творяше и священныя службы, и единѣмъ меншимъ сыномъ Андреемъ утешашеся. И моляшеся, еже тѣмъ погрестися. И по времени преставися, и тѣмъ погребена бысть.

И сотворивъ памяти ея священноприношениемъ и многими милостынями, и свободь бысть ото всѣхъ. И расмотривъ нестоятелное мира сего, — бѣ бо зѣло смысломъ совершенъ и добрѣ вѣды Божественое писание, — и поревнова божественому Святоши,[57] отвержеся мира, и множество служащихъ ему свободою почте, и всѣхъ удовли. Они же со многими слезами проводиша его въ манастырь отца Иосифа. И рукою его отлагаетъ власы, и облеченъ бысть въ священный иноческый образъ, и нареченъ бысть Арсение. И многое богатьство, и села свои — все приложи къ манастырю отца Иосифа,[58] а прочее богатьство свое, много суще, разда рабомъ своимъ и нищимъ. И бысть нищь Бога ради, и странными ризами одѣянъ, и въ странныхъ службахъ повсегда тружаяся въ хлѣбне и въ поварне, яко единъ отъ нищихъ, и ко

всѣмъ стяжа смирение и терпѣние много, яко инъ никтоже. И ко отцу Иосифу велию вѣру стяжа, и по его воли все творяше, якоже сынъ присный; и не токмо здѣ съ нимъ желаше быти, но и по смерти. Сотвори же родителемъ своимъ и себѣ память вѣчну въ Иосифовѣ манастырѣ, еже поминати ихъ во вседневномъ списке, доколева и манастырь Пречистыя стоитъ, и по шести трапезъ ставити на всяко лѣто по нихъ и по собѣ на братию и на нищихъ.[59] Таковымъ благотворениемъ не точию себе ползова, но и родитѣлей своихъ недостаточное наверши.

Отцу же Иосифу отшедшу къ Господу, онъ непрестанно моляшеся въ его: гробници Господу Богу и пречистой его Матери, и отца Иосифа призываше на молитву, и желание простираше, еже отрѣшитися плоти и быти съ нимъ. И услыша Богъ молитву его; и не по мнозѣ времени, мало поболѣвъ, наложи на ся великий ангельский образъ, и, причастився животворящаго тѣла и крови Христа, Бога нашего, и простився со всѣми, веселымъ лицемъ отойде къ Господу. Братиа же зѣло пожалѣша о немъ. Бѣ бо мужь благъ, и языкомъ сладокъ, всѣхъ Господа славяше, и лицемъ свѣтелъ, браду черну, и густу, и не добрѣ велику имяше, на конець разсохата, и возрастомъ умеренъ. Положиша его во придѣле церковнѣмъ съ братиами его, преже отшедшими, славяще Бога, ему же слава нынѣ и присно.

О ОТЦЫ МАКАРИИ КАЛЯЗИНЬСКОМЪ[60]

Повѣда намъ отець Иосифъ Волоцкый о отци Макарии Калязиньскомъ. Глаголаше его быти сродника болшимъ боляромъ тверьскимъ, прародителие же его нарицаеми Кожины. И еще юнну ему сущу, родителие же его сопрягоша ему жену. Онъ же помале увѣща ея отоврещися мира и облещися во иноческый образъ. Такоже и онъ оставивъ миръ и бысть мнихъ. И во своихъ мѣстехъ созда манастырь, въ Кашине, на брезе великиа рѣки Волги, и отчину свою, вси села, приложи тому манастырю. Бѣ же на томъ мѣсте жилъ земледѣлець, емуже прозвание Каляга. И смирениа ради не повелѣ его нарицати своимъ именемъ, но нарече его Калязинъ. Законъ же положи не держати хмелнаго пития, ни ясти, ни пити по келиямъ.

Егда же собрася къ нему немало число инокъ, той же не восхотѣ священьства приати и начальствовати братиамъ, но во смирении жити. И сего ради, избравъ единаго отъ сущихъ съ нимъ инокъ, поставляетъ игумена, самъ же, яко единъ отъ послѣднихъ инокъ, пребываше во всякихъ службахъ тружаяся и одѣяние всѣхъ хужьше ношаше, смиренъ и кротокъ зѣло; и егда кого нарицаше по имени, всякому глаголаше: «Старчушко доброй». И ничимгъ не владяше сущимъ во обители, точию смотряше, еже бы жили по преданому закону манастырьскому.

Игуменъ же присовокупивъ себѣ нѣкоихъ отъ братий и начаша нѣкоя розоряти сущая обычая въ манастыри: и въ брашне, и питии, и прочая вся не по преданному закону творити. Святый же много наказавъ его, и не послушающу ему, сказавъ о немъ епископу и инаго избравъ себѣ, поставляетъ игумена. И по времени и тому наченшу тѣмъ же обычеемъ жити, онъ же и того отстави ото игуменъства.

И преспѣвшу святому възрастомъ до средовѣчиа, епископъ же наченъ самого его нудити прияти херотонию и начальствовати во своемъ манастыри братии. Такоже и сродници его — Захариа, Бороздинъ прозваниемъ,[61] и инии вси его сродници — едва увѣщаша его прияти священьство, яко достойна суща. И, благословивъ его, епископъ пославъ его въ манастырь свой начальствовати братии; онъ же шедъ и добрѣ стадо свое пасяше на пажити преданаго имъ закона, и всѣмъ образъ бысть пощениемъ, и нищетою, и труды, и молитвами, и въ церковномъ правиле всѣхъ напередъ обреташеся. И тако добрѣ подвизася и поживе въ простотѣ, якоже великий Спиридонъ.[62] И многи ученики преди пославъ къ Богу, потомъ же и самъ въ старости добрѣ преставися къ Господу, умноживъ данный ему благодати талантъ, и вниде въ радость Господа своего, и поставленъ бысть надъ ученики своими, ихже онъ спасе и нынѣ спасаетъ въ его обители, ревнующихъ житию его. И положенъ бысть близъ стѣны церковныя.

И по мнозѣхъ лѣтехъ нѣкий человѣкъ въ Кашине, благочестивъ и богатъ зѣло, именемъ Михаилъ, прозваниемъ Воронъковъ, имѣя вѣру велику къ святому, въсхотѣ церковь камену сотворити въ его манастырѣ. И копающимъ ровъ обрѣтоша гробъ святаго, цѣлъ и невреженъ, и, открывше, видѣша святаго не токмо самого цѣла и неврежена, но и ризы его яко въ той день положены, ничимже врежены. И возопиша вси: «Господи, помилуй!» О чюдо, братие, — пребысть святый въ земли до четыредесять лѣтъ и вящьше, обрѣтеся, яко въ той часъ положенъ.

Бѣ же въ обители его нѣкий человѣкъ, имѣя ноги съкорчены, и повсегда на колѣнехъ и на рукахъ плежаше, и сего ради «Кочкою» его прозваша. И прикоснуся рацѣ святаго съ воплемъ и со слезами, и абие здравъ бысть въ той часъ, скача и хваля Бога, яко при апостолехъ у Красныхъ дверей хромый.[63] И повсегда многи чюдеса бываху отъ честныхъ его мощей въ славу Богу, якоже о нихъ въписание свѣдѣтельствуетъ. Богу нашему слава нынѣ и присно!

Повѣда намъ той же отець Иосифъ. Бысть нѣкий игуменъ въ велицѣ манастыри въ Тверской странѣ[64] добродетеленъ зѣло: ото

младѣньства чистоту стяжа, въ юности мира отвержеся — и поживе много время, начальствуя братии. Имяше же обычей стояти у прежнихъ дверей церковныхъ, имиже братиа въхожаху и исхожаху; и елици исхожаху не на нужную потребу и въ паперть церковную на празнословие, онъ же, яростию побѣжаемъ, биаше таковыа жезломъ, сущимъ въ рукахъ его. И пребысть тако творяй до кончины своея и не зазрѣвъ себѣ о таковомъ недастаткѣ, но имѣя въ мысли, яко пользы ради братня сие творитъ. Пришедши же ему блаженнѣй кончине, нападе на руки его болѣзнь и, яко огнемъ, пожизаше руцѣ его. Братия же поставляху ему делбу, полну снѣга, въ немже погружаше руцѣ свои до запястиа, и, истаевшу ему, паки насыпаваху. И сице творяще, дондеже скончася онъ о Господѣ.

Възвѣстиша же таковая отцу Пафнутию, иже въ Боровъсцѣ, онъ же рече таковая: «Старець имѣ въ мысли, яко ползы ради братняа сиа творяше, и сего ради не зазрѣ себѣ, ни поскорбѣ о семъ. И сего ради Богъ при кончинѣ попусти таковая пострадн ему зде, а тамо милуя его». Якоже пишетъ о велицемъ Арсении въ святѣмъ Никонѣ,[65] яко нѣхто отъ святыхъ видѣ великаго Арьсения въ неизреченнѣмъ свѣтѣ на златѣмъ престолѣ сѣдяща, нози же его на ветхой кладѣ утвержены, и въпросивъ его о семъ, онъ же рече: «Сего ради, яко нозѣ свои повсегда омывахъ укропомъ и въ честныхъ сандалиахъ имѣхъ, и не зазрѣвъ собѣ о семъ».

Аще бо и велиции отци и о малыхъ недостатковъ не позазрятъ себѣ въ семъ вѣцѣ, тамо слово въздадятъ, якоже речеся, колми паче азъ, окаянный, увы мнѣ, и подобнии мнѣ, иже не токмо малыя недостаткы презирающе, но и въ велицѣхъ грѣсѣхъ пребывающе и не кающеся, великому осужению достойни будемъ, аще здѣ не омыемъ ихъ слезами и милостынею или телеснымъ злостраданиемъ, попущаеми отъ Бога ко врачеванию душевных язвохъ, отъ милостиваго и душелюбиваго врача, и здѣ восприимемъ отомщение противу душевнымъ согрѣшениемь. Аще ли же, здѣ не очистившеся отъ нихъ, отойдемъ, тамо великому осужению повинны будемъ. Сего ради подщимся плачемъ, и слезами, и прочими добродѣтелми уврачавати язвы душевныя благодатию и человѣколюбиемъ Господа нашего Исуса Христа, ему же подобаеть слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ нынѣ, и присно, и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

И се слышахомъ у преподобнаго отца Иосифа. Егда, деи, бысть Орда слыла Златая,[66] грѣхъ ради нашихъ близъ Руския земли, и полониша нашихъ дѣтей боярскихъ христианския вѣры, дву братовъ родныхъ. Единъ же братъ въ понедѣлникъ постился, скоромныя ествы не ялъ. Егда же ихъ начяша злыя тѣ агарянскиа дѣти нудити ясти свою ихъ еству, они же день, не покоришася, претерпѣша гладни, а на другый день единъ не могъ терпѣти, нача ихъ еству ясти. Другый же братъ, которой постился въ понедѣлникъ, не покорися имъ, бысть гладенъ. Они

же начяша его бити и понужати ясти свою еству; я сего до трехъ дний пребысть гладенъ и раны претерпѣ, а имъ не покорися.

Агарянѣ же, видя его крѣпость и терпѣние, связаша его и кинуша подъ тѣлѣгу въ вечеръ. Онъ же моляся и терпя болѣзни. И бысть яко о полунощи, прииде къ нему человѣкъ свѣтелъ и рече ему: «Въстани!» Онъ же отвѣща: «Како ми, господине, вастати: связанъ есмь крѣпко?» Онъ же вдругые рече ему; «Въстани, не бойся!» Онъ же начя вставати, абие связание все разрушися; и егда воста, и рече ему свѣтлый той человѣкъ: «Не бойся, пойди за мною». Егда же поидоша безбожною тою ордою, и по ихъ скверной вѣрѣ въ нощи всякое дѣло поганское чинятъ, глаголюще: «Богъ, — деи, — спитъ», — и пиютъ безъ меры, и во всякыхъ скврнахъ поганыхъ сквернятся. Онъ же нача страшитися, и рече ему свѣтлый онъ: «Не бойся, токмо пойди за мною». И тако прошли сквозѣ всю безбожную ту орду ничемъ вредими. И какъ вышли изъ людей, стоитъ де тутъ древо. Свѣтлый же онъ повелѣ ему на древо то взыйти и глагола ему: «Не бойся никого, токмо молчи». Онъ же глагола ему: «Ты кто еси, господине?» И рече ему свѣтлый: «Азъ понеделникъ», — и тако невидимъ бысть. Онъ же бысть въ велицѣй радости и трепетѣ, и тако седящу ему на древѣ и зряше на безбожную орду.

Егда же хватилися злые тѣ агарянѣ того сына боярскаго, что подъ тѣлѣгою его нѣтъ, изымаша брата его и начяша его бити, глаголюще: «Ты, — деи, — брата упустилъ». И тако биша его, и связаша и руки, и ноги, и продѣша древо, и тако его начяша на огни пещи, якоже свинии палятъ, и сожгоша его. Егда же розсвѣтало, и тако двиглася вся орда, а на древо никаковъ человѣкъ не взозрилъ. Онъ же, сшедъ зъ древа, выйде на Рускую землю и не пойде къ своимъ, но прииде въ Пафнутиевъ монастырь, и постритжеся, и сиа повѣда всѣмъ.

ПОВѢСТИ ОТЦА ПАФНУТИЯ[67]

Повѣда намъ отець Пафнутие: «Въ время, въ неже бысть великий моръ, въ лѣто 6935-го, а мерли болячкою глаголемою прыщемъ:[68] и кому умереть, и прыщь той на немъ синь бываше, и, три дни болѣвъ, умираше. И которыи себе берегли, и они съ покааниемъ и въ черньцехъ животъ скончеваху. Елици же нечювъствени, питию прилежаху, занеже множество меду пометнуто и презираемо бѣ, они же въ толико нечювствие приидоша злаго ради пианьства: единъ отъ пиющихъ, внезапу падъ, умираше, они же, ногами подъ лавку впихавъ, паки прилежаху питию. И не точию медъ небрегомъ бѣ тогды, но и ризы, и всяко богатьство. Которымъ же живымъ быти, ино на нихъ болячька та черлена; и много лежатъ, да мѣсто то выгниетъ, — и не умираютъ. И не

много тѣхъ, но мало зело осташася людей. И тии точию злато и сребро възимаху, а о иномъ небрегуще ни о чемъ.

Наказание же то Божие, яко вѣдомо Богъ сотвори, кому умрети или живу быти, занеже въ три дни мочно покаятися и въ черньци пострищися. Елици же нечювьствиемъ содержими, и въ такомъ наказании и гнѣвѣ Божии, посланнѣмъ отъ Бога, погибоша, яко нечювьствении скоти. Мало же и рѣдко остася людей».

Глаголаше же блаженный отець Пафнутие, яко въ той моръ нѣкая инокини умре — и помалѣ въ тѣло возвратися. Глаголаше же, яко многи видѣ тамо: овы въ раи, инии же въ муцѣ, и ото иноческаго чину, и отъ сущихъ въ мирѣ. И елицѣхъ повѣда, и разсудиша: по житию ихъ, — и обрѣтеся истина.

О великомъ князе Иване Даниловиче

«Видѣ, — глаголаше, — въ раи князя великаго Ивана Даниловича»; нарицаху же его Калитою[69] сего ради: бѣ бо милостивъ зѣло и ношаше при поясѣ калиту, всегда насыпану сребрениць, и, куда шествуя, даяше нищимъ, сколько вымется. Единъ же отъ нищихъ вземъ отъ него милостыню, и помалѣ той же прииде,[70] онъ же и вторицею дасть ему. И паки, отоинуду зашедъ, просяше, онъ же и третие дасть ему, рече: «Възми, несытый зѣници». Отвѣщавъ же, онъ рече ему: «Ты несытый зѣницы: и здѣ царствуешь, и тамо хощеши царствовати». И отъ сего явѣ есть, яко отъ Бога посланъ бяше, искушая его и извѣщая ему, яко по Бозѣ бяше дѣло его, еже творить.

О видѣнии сна великого князя Ивана Даниловичя

Сий видѣ сонъ: мняшеся ему зрѣти, яко гора бѣ великая, на верху еа снѣгъ лежаше; и зрящу ему, абие, истаявъ, снѣгъ изгыбе, и помале такоже и гора изгибе. Възвѣсти же видѣние преосвященному митрополиту всея Русии Петру.[71] Онъ же рече ему: «Чадо и сыну духовный! Гора — ты еси, а снѣгъ — азъ. И преже тебѣ мнѣ отойти отъ жизни сеа, а тебѣ — по мнѣ». И перьвѣе преосвященный митрополитъ всея Руси Петръ преставися, въ лѣто 6834, декабря въ 21, а князь великий Иванъ Даниловичь 849-е преставися. И добрыхъ ради его дѣлъ преже реченная инокини видѣ его въ раю.

И шедъ же оттуду и мѣста мучнаго не дошедъ, и видѣ одръ и на немъ пса лежаща, одѣяна шубою соболиею. Она же въпроси водящаго ея, глаголя: «Что есть сие?» Онъ же рече: «Се есть щерьбетьника сего гарянинъ, милостивый и добродѣтелный. Неизреченныя ради его милостыни избави его Богъ отъ муки; и яко не потщася стяжати истинную вѣру и не породися водою и Духомъ, недостоинъ бысть внити въ рай, по Господню словеси: “Иже не родится водою и Духомъ, не внидетъ въ царство небесное”.[72] Толико же бѣ милостивъ: всѣхъ искупая ото всякия бѣды и отъ долгу, и пускаше, и, по ордамъ посылая и плененыя христианы искупуя, пущаше; и не точию человеки, но и птица, ото уловившихъ искупуя, пускаше. Показа же Господь по человѣческому обычяю: зловѣриа ради его — въ песиемъ образѣ, милостыни же честное — многоцѣнною шубою объяви, еюже покрываемъ, избавление вѣчныя муки назнамена. Тамо бо и невѣрныхъ душа не въ песиемъ образѣ будуть, ниже шубами покрываются, но, якоже рѣхъ, псомъ зловѣрие его объяви, шубою же — чесное милостыни. Виждь ми величество милостыни, яко и невѣрнымъ помогаетъ!»

О Витофте[73]

Потомъ же веде ея въ мѣсто мучениа, и многи видѣ тамо въ мукахъ, ихже сложиша по житию, — и обрѣтеся истинна. Видѣ тамо во огни человѣка, велика суща въ здѣшней славѣ, латыньския вѣры суща, и мурина страшьна,[74] стояща и емлюща клещами изо огня златица, и въ ротъ мечюща ему, и глаголюща сице: «Насытися, окаанне!» И другаго человѣка, въ сей жизни прозваниемъ Петеля, иже у велика зѣло и славна человѣка любимъ бѣ, и отъ таковыя притча неправедно стяжа множество богатьства, — и того видѣ нага и огорѣвша, яко главню, и носяща обоими горьстьми златица, и всѣмъ глаголаше: «Возмите!» И никтоже рачаше взяти.

И сиа показана бысть человѣческимъ же обычаемъ, яко неправды ради, и лихоимства, и сребролюбиа, и немилосердиа таково осужение приаша. Тамо бо осуженныи не имуть ни златиць, ни сребрениць, и даемы — никтоже требуетъ ихъ взяти, но показа Господь тѣмъ образомъ, чего ради осужини быша; не точию же тѣхъ, но и добродѣтели прилежащихъ телеснымъ образомъ показуеть, чесо ради спасени быша.

О милостыни

Глаголаше же и се блаженый отец нашь, яко: «Можетъ и едина милостыни спасти чловека, аще законно живетъ. Слышахъ нѣкоего чловека, яко до скончаниа живота творяше милостыню, и, скончавшуся ему, — якоже нѣкоему откровено бысть о немъ, — приведенъ бысть къ рецѣ огненѣй, а на другой странѣ рѣки — мѣсто злачно, и свѣтло зѣло, и различнымъ садовиемъ украшено.[75] Не могущу же ему преити въ чюдное то мѣсто страшныя ради рѣки, и се вънезапу приидоша нищихъ множество, и предъ ногами его начаша ся класти по ряду, и сътвориша яко мостъ чрезъ страшную ону рѣку — онъ же преиде по нихъ въ чюдное то мѣсто».

Можаше бо Богъ и безъ моста превести реку ону. Пишетъ бо о Лазарѣ: несенъ бысть ангелы на лоно Авраамле, аще и пропасть велика бѣ промежу праведныхъ и грѣшныхъ, и не потребова мосту на прешествие; но нашая ради пользы, таковымъ образомъ показа осужение грѣшныхъ и спасение праведнаго, яко да увѣмы, чесо ради осужени быша, такоже яви, чесо ради праведный спасенъ бысть.

Подобно тому и въ «Бесѣдахъ» Григориа Двоесловца писано: чрезъ реку огненую мостъ,[76] а на немъ искусъ, грѣшныи же въ томъ искусе удержани бываху отъ бесовъ и во огненую рѣку помѣтаеми; а на той странѣ рѣки тако же мѣсто чюдно и всякими добротами украшено. Праведнии же не удержани бываютъ тѣмъ искусомъ, но со многимъ дерзновениемъ преходятъ въ чюдное то мѣсто. И ино многа тамъ писано и праведныхъ и о грѣшныхъ, по человѣческому обычаю показаемо.

О князе Георгие Васильевиче[77]

Повѣдаша намъ ученици отца Пафнутиа: «Имяше убо обычай отець нашь преже утреняго словословиа въставати и Богови молитвы и пѣниа воздавати. И егда церковный служитель умедлить клепати,[78] отець же самъ его възбужаше.

И во едину отъ нощей, побудивъ служителя, самъ шедъ, сѣде на празе церковнѣмъ. Служителю же коснящу, отець же, ото многаго труда мало въздремавъ, и зритъ во снѣ: и се врата манастыря отверзошася, и множество людей со свѣщами грядутъ къ церкви, и посреди ихъ князь Георгие Васильевичь. И, пришедъ, поклоны сотвори церкви, и поклонися отцу до земля, и отець подобно ему. И въпроси его отець, глаголя, яко: “Ты уже, государь, преставися”. Онъ же тако рече:

“Отче...”. “Да каково тебѣ нонече?” Онъ же рече: “Твоими молитвами далъ ми Богъ добро, отче, понеже сего ради, яко, егда шествуя противу агарянъ безбожныхъ подъ Олексинъ,[79] у тебѣ чисто покаяхся”. И, егда начя звонити служитель церковный, отець же възбнувъ, и удивися необычному зрѣнию, и прослави Бога.

Бѣ же той князь много время душею ко отцу приходяше и безъженно и чисто житие живый. И глаголаше той же князь: “Коли пойду на исповедь ко отцу Пафнутию, и ноги у мене подгибаютца”. Толико бѣ добродѣтеленъ и богобоязнивъ».

О татехъ

Повѣдаша намъ и се: «Имяше убо отець нашь супругъ воловъ, на них же самъ и братъ монастырьскую работу творяху, и въ лѣтнее время пометаху ихъ внѣ обители, въ чястинѣ лѣса. Во время же нощи татие, пришедше, оброташа ихъ и восхотѣша отвести и лишити отца отъ любезныя ихъ работы. И пребыша всю нощь, блудяще по чястине лѣса, дондеже заря осия. И видѣвше ихъ манастырьстии работници, и къ старцу приведоша. Онъ же, наказавъ ихъ, ктому не восхищати чюжа ничтоже, и повелѣ имъ дати пищу, и отпусти ихъ».

Повѣдаша намъ ти же ученици отца Пафнутия, яко нѣкий старець старъ (имя тому старцу Еуфимие), духовенъ же зело и даръ слезамъ многъ имый, яко не точию въ келии, но и въ церкви на всякомъ правиле выну слезы теплы безъ щука испущаше. Хотя же Богъ показати отцу и инѣмъ прочимъ, яко не суетни того бяху слезьг, но по Бозе.

Два брата нѣкая любовь имуще между собою, отець же о семъ негодоваше, они же сего ради тай мышляху отити отъ обители. И во время божественыя литургия преже реченный старець Еуфимие обычное ему дѣло творяше: въ мнозе умилении слезы теплы испущаше — и възрѣвъ на отца и на поющихъ съ нимъ. Бяху же съ нимъ въ лице и она два брата. Старець же Еуфимие зритъ и изъ-за нихъ выникнувша нѣкоего мурина, имуща на главѣ клобокъ остръ зело, самъ же клокатъ, отъ различныхъ цвѣтовъ клочье имый; и въ рукахъ крюкъ желѣзенъ имый, имже начятъ преже реченная два брата привлачити къ собѣ за ризы ихъ. И, внегда привлекъ, хотяше хватити рукама, и абие желѣзное то орудие безсилно биваше и отскакаше.

И отъ сего разумѣти есть, яко: егда врагъ всѣвааше имъ помыслъ еже не покоритися старцу и изыти отъ обители, они же приимаху его и согласоваху ему, сего ради и тъй удобно привлачаше ихъ; егда же супротивляхуся помыслу и отлагаху его, тогда и желѣзное то орудие безсилно бываше и отскакаше отъ нихъ.

Егда же начяша чести святое Евангелие, тогда муринъ той безъ вести бысть, и по скончянии же Евангелие паки явися, по первому образу творяше; и во время Херувимския пѣсни паки исчезе, по скончянии же тоя явися, по тому же творяше. Егда же възгласи ерѣй «Изрядно пречистей владычице нашей Богородици», страшный той муринъ, яко дымъ, исчезе и ктому не явися.

Старець же онъ, видѣвъ сиа, зело въ трепете бысть и яко во иступлении прейде все время службы. По скончании же литургиа, пришедъ, исповѣда отцу. Блаженный же, призвавъ реченныя иноки, поучивъ ихъ еже не приимати отъ врага всѣемая помыслы и не таити ихъ, но исповѣданиемь истерзати.

Повѣдаша намъ ученици отца Пафнутия, блаженый Иосифъ. «Нѣкогда, — рече, — посланъ быхъ отцемъ въ градъ Воротынескъ, ко князю,[80] сущему тамо, нѣкоихъ ради потребъ и обрѣтохъ его въ скорби велицей: занеже имѣ нѣкоего человѣка, зело любима ему, добродѣтелна и боголюбива, еже повсегда совѣтоваше ему полезная, именемъ Матфия, по отчю имени Варнавинъ; сынъ же князя того ненавидяше его, яко отцу его не по его воли совѣтоваше, и сего ради повелѣ убити его нѣкоему человѣку отъ служащихъ ему; отцу его не вѣдущу.

Убиену же ему бывшу, въсхотѣ всесилный Богъ мстити кровь праведнаго, възопившую къ нему от земля, якоже Авелева древле.[81] И сего ради сынъ князя того, повелѣвый его убити, помале напрасною смертию умре; такоже и убивый праведнаго повелѣниемъ его злою смертью и напрасною умре. Мати же того убици восхотѣ сотворити въ третий день, якоже обычай есть, приношение приносити о немъ. Священникъ же облекса въ санъ, посла взяти у творящаго просфиры, хотя проскомисати, еже принести приношение о убици. Творяй же просфиры откры пещь, хотя изяти ихъ и послати къ священнику, — обрѣте пещь, полну крови. Священникъ же и вси обрѣтшиися со страхомъ многимъ прославиша Бога, отомъстивъшаго кровь праведнаго, безъ правды излиянную, и отъ сего разумѣша, каково осужение приаша убившии праведнаго, яко всякаа помощи лишени быша».

Той же отець Иосифъ повѣда намъ. «Слышаахъ, —рече, — у отца Пафнутия, яко блаженый Петръ Чюдотворець, преосвященный митрополитъ всея Руси, въ соборной церкви пречистыя Богородица честнаго ея Успениа, еже самъ созда, нача молитися о нѣкоихъ дѣлехъ земскихъ. И пришедъ къ нему инокъ, келейникъ его, прозваниемъ Цѣлада, и глагола ему: „Ты молишися и хощеши услышанъ быти, а въ казнѣ у тебе три рубли". Онъ же въ той часъ повелѣ ему раздати нищимъ и абие получи прошение, о немже моляшеся». Вижь ми, каково нестяжание имяше блаженый сей, и сего ради нареченъ бысть «новый чюдотворець».

Той же отець Иосифъ повѣда намъ. «Нѣкий, — рече, — разбойникъ, именемъ Ияковъ, прозваниемъ Черепина, лютъ зѣло, и, помянувъ своя злая, прииде къ старцу Пафнутию, и облечеся во иноческый образъ. И помале, отложивъ образъ, начатъ паки разбивати. И нѣкогда стоящу отцу Пафнутию во вратѣхъ манастыря, Ияковъ же грядый на конѣ мимо манастырь, отець же глагола ему: "Горе тебѣ, страстниче, сугубо зло сотворилъ еси: отвергъ иноческый образъ и на первое зло возвратися, яко песъ на своя блевотины!" Онъ же извлекъ саблю и восхотѣ пресѣщи его, и ударивъ ею по верѣе, за нюже отець ускоривъ скрытися.

Потомъ же въспомянувъ своя злая, и усрамився възъвратитися ко отцу Пафнутию, и поиде ко отцу Варъсунофию, въ Савиной пустыни живущу во отходе,[82] и у него сконча животъ свой въ покоянии, слезахъ. Слышавъ отець Пафнутие, рече: "Сего ради дарова ему Богъ таковый конець, занеже не предавывалъ ни единого человѣка на смерть, но и дружене своей възбраняше, и хотящихъ убиеннымъ быти, отъемъ, пускаше"».

Повѣдаше нѣкий инокъ. «Нашедшимъ, — рече, — нѣкогда агареномъ, по Божию попущению, грѣхъ ради нашихъ, и много зело поплениша христианъ. Единъ же отъ варваръ взятъ инока и дѣвицу: инока же, связавъ, поверже, а дъвицу веде въ кущу свою и мало отшедъ. Дѣвица же глагола иноку: "Господине отче, разумѣхъ, что хощетъ мнѣ сотворити безаконникъ сей; и аще ударю его ножемъ, нѣсть ли мнѣ грѣха?" Онъ же рече: "Богъ благословитъ тя, тщи: сего ради онъ, разъярився, убиетъ тя, и будеши съ мученики". И пришедъ онъ, и восхотѣ коснутися ея, она же удари его ножемъ въ руку. Онъ же, разъярився, earemъ мечь, изсѣче ея, и бысть мученица Христова.

Тогда же плениша два воина, и связани лежаху. И повелѣ безаконный князь сихъ усѣкнути. И къ пръвому прииде, и възведъ мечь, онъ же смежи очи и перекрестився, усеченъ бысть, и бысть мученикъ Христовъ. И на другаго возведъ мечь, онъ же устрашився, дияволомъ

прелщенъ, хрящимъ пяту его, сирѣчи конець жития, и возопи окааннымъ гласомъ и рыдания достойнымъ: “Увы мнѣ! Не усѣкай мене: азъ стану въ вашу вѣру!” И едва поспѣ изрещи проклятый той гласъ, и абие усеченъ бысть. И чюдо, любимици: и яко въ мегновение часа единъ обрѣтеся въ руцѣ Божии, а другий — въ руцѣ диавола».

Сего ради, якоже преже рѣхъ, и въ путь добродѣтели шествуя, и дольжно есть сѣбѣ внимати и молитися Богу со слезами, да не оставитъ насъ искушеномъ быти отъ диавола и погубити трудъ нашь; кольми паче въ таковыхъ бѣдахъ, сирѣчь въ нашествие варварьское, себѣ внимати и молити Бога со слезами, да не погибнемъ въ единь часъ душею и теломъ; сего бо ради и молимся: «Не введи насъ въ искушение», — сирѣчь не побѣдитися искушениемъ, душею и тѣломъ же подвизатися до смерти, тръпѣти искушение, приходящее намъ отъ съпротивника-диавола, яко да приимемъ отъ Бога вѣнець терпѣния.

Въ то же время у нѣкоего воина плениша жену. Онъ же, вземъ съ собою единаго пса да секиру, поиде въ слѣдъ ихъ. Они же приидоша въ некое село болярьское, людемъ выбежавшимъ, и обрѣтоша множество пития. И многаго ради зноя упившеся зъло, и спаху, яко мертви; воинъ же секирою поотсѣче всѣмъ главы. И влѣзъ въ едину отъ клетей, и видѣ жену свою со княземъ ихъ лежащу на одрѣ, такоже ото многаго пияньства спящу. Она же, видѣвши мужа, возбуди варвара. Онъ же въставъ и нача битися съ мужемъ ея, и, одолѣвъ ему, сѣдяше на немъ, и наченъ имати ножь, хотя заклати его. Песъ же его, видѣвъ господина своего хотяща заклана быти, вземъ варвара за усты, за видение и за главу, совлече его со господина своего. Онъ же, въставъ, уби варвара, и, вземъ жену свою, новую Далиду,[83] отъиде, и сотвори ей, елико восхотѣ.

Оле бѣсованиа женьскаго! И звѣрей явися злѣйши: сей убо избави господина своего отъ смерти, жена же предаде его на смерть. Изъначала убо вся злая роду человѣческому быша жены ради: Адамъ жены ради изъ рая испаде,[84] и того ради весь родъ человѣчь тлѣниемь и смертию осуженъ бысть; Соломонъ премудрый женъ ради отъ Бога страненъ бысть;[85] такоже и Самсонъ великий, освященный отъ чрева, женою преданъ бысть иноплемянникомъ,[86] и ослепленъ, и удалися отъ Бога. Не точию въ Древнемъ, но и въ Новѣй благодати, не въ мире сущии токмо, но и иноци, и пустыньский прибытокъ лобызавше, женъ ради погибоша и иноческый трудъ погубиша. И изъначала и до сего часа врагъ женами прельщаеть родъ человѣчьскый. Елици побѣдиша таковый искусъ, — якоже прекрасный Иосифъ,[87] и сего ради въ вѣкъ вѣка похваляемъ есть, аще послѣди и жену имѣ, — а девъство до конца в Ветхомъ мали зѣло сохраниша. А отнелиже отъ Дввы израсте цвѣтъ жизни, Господь нашь Исусъ Христосъ, оттуле множество безчислено сохраниша и сохраняютъ подвигъ дѣвъственный, паче песка морьскаго,

не точию иноци, но и въ мире сущии, и бракъ презирають, и дѣвъственый подвигъ подвизающесе и до кончины живота въ славу Богу, ему же слава нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

Повѣда нам нѣкий отець: «В нѣкоемъ селѣ к нѣкоему прозвитеру приидоша насельници того села въ святую Великую среду, еже приати во святый Великий четверток пречистое тѣло и честную кровь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, якоже обычай есть христианом. И с вечера в среду обычному правилу скончану, и поновивъ священникъ покаанием всѣх. В нощи же четвертъка нѣкий муж, уловленъ от диавола и побѣженъ похотию, прииде на жену свою, еже совокупитися с нею. Она же много его наказоваше, сокращение времени предлагающи и труд пощениа, и како малыя ради похоти лишитися имамы животворящаго тѣла и честныа крови Господа нашего Иисуса Христа. И много наказавъ его, и не повинуся ему. Онъ же, усрамився глаголъ еа, отоиде. От диавола же распалаемъ, не възможе удержатися, и, пореваемъ на свою погибель, вниде в коньское стоялище, и нача совершати грѣх над скотиною, и абие пад, умре смертию, рыдания достойною. Во утрие же взыскаша его и не обретоша. Егда же восхотѣша кони вести напоити, и под нагами их обрѣтоша того человѣка мертва; и вси убояшася страхомъ велиим зѣло.

И ино, подобно тому же, бысть в нѣкоем монастыри, емуже бяше близ село; и нѣкий инок шед в него, и побѣжен бысть похотию, и совокупися с женою. И лежащу ему на ней внезапу мертвъ бысть».

Таковыа убо смерти случаются за небрежение конечное человѣка. И Господь, прогнѣвався, не дастъ ему дождати урока жизни своеа конечнаго ради небрежениа, срьпом смертным посѣкаеть и преже времени, и яко да и живии, зреще таковаа, убоатся, не впасти в таа же, или, якоже пишет: «Враг, — рече, — зрит пяту человѣка, сирѣчь конець жизни его, и в той час уловляет». Еже согрѣшити к Богу в он же приближися конець живота его — и не возможет покаятися, но во грѣсѣ своем умрет, по пророческому словеси: «В немже тя обрящу, в том и сужу ти», — глаголетъ Господь. Сего ради подобает всякому християнину на всякъ час молитися, чтобы далъ Богъ не вскорѣ, но в покаании христианьский скончати живот свой, и всегда помышляти безвѣстное нашествие смерти.

И праведным убо случаются скорыа смерти в наше накозание, яко да мы, убоявшеся, покаемся, а имъ в том нѣсть повреженна, но болшая похвала, яко всегда готови суть. Горе же мнѣ, таковаа, и сущим, подобным мнѣ! Господь убо человѣколюбець, егда видит скончавающеся урокъ жизни человѣку, нѣкыя ради первыя добродѣтели

обратит ему мысль на покаяние, якоже пишет въ Отечьнице: «Нѣкая инокини изыде от монастыря и много время пребысть в телесном грѣсѣ. Потом обратися на покаание и поиде во свой манастырь, и пред враты, пад, умре. И открыся о ней нѣкоему ото отець: бѣсом съ аггелы прящимся о ней, яко: “Наша есть и много время работала нам!” Аггели же глаголаху: “Но покаяся”. Бѣси же глаголаху, яко: “Не успѣ и в манастырь внити”. Аггели же отвещавьше, яко: “Та убо покаяниемъ владяше, Богъ же — животом”. И, вземше душу ея, оттоидоша, а бѣси посрамлени быша».

Сице убо Господь-человѣколюбець творит милости ради своея; вселукавый же врагъ зритъ человѣку конець уреченных денъ и прелщаетъ его сътворити грѣхъ, якоже преди рѣхъ, яко да не получит времени покаяниа; инѣх же прелщает согрѣшати и до самого конца, и восхищаеми бывают бес покаяниа.

Повѣда нам отець Паисѣя Ярославовъ:[88] «Во отходѣ у нѣкоего манастыря инок живый, и по времени нача глаголати старцем, яко: “Являет ми ся, — рече, — Фома-апостолъ”. Они же глаголаша ему: “Не приемли того, мечтание есть, но твори молитву”. Онъ же рече имъ: “Мнѣ молящуся и той со мною молится”. Они же мьного наказоваху его, онъ же не послуша. Прелщенный же инок не причащашеся божественым тайнам, крови и тѣлу Христову, много время. Старьцы же и отець Паисѣа возбраняху ему; онъ же укрепленъ прелестию вражиею и глагола старцем: “Фома-апостолъ не велѣлъ мнѣ причащатися”. Старцы же и отець Паисѣя глаголаше ему с великим прещением: “Старче безумный, прелщенъ еси бесовьским привидѣниемъ”, — и многыми жестокими словесы укаряху его, и укрепляху не внимати вражей прелести. Прелщенный же инокъ глагола старцем: “Как приидет ко мнѣ Фома, и яз с нимъ спрошуся, велит ли мнѣ причащатися”. И по малех днех глагола прельщенный инок: “Велелъ мнѣ Фома-апостолъ причащатися и говѣти седмицу и с пятка на суботу”. Братиа того манастыря на завьтрене не обрѣтоша того инока. Игуменъ же посла в кѣлию навестити его: егда убо болит и сего ради не прииде. Пришедше же, обрѣтоша его мертва, удавлена руками за щеки от злаго бѣса, являющагося ему во образѣ Фомы-апостола».

Многообразнѣ вселукавый Сотана тщится на погубление человѣку. Аще кого видит не послушающа на злыа дѣла и подвизающася на добродѣтель, уловляет его послѣдовати своей воли и ни с ким же совѣтовати, якоже святый пишет Дорофѣй:[89] «Во мнозѣ совѣте спасение бывает, послѣдуя же самосмышлению падаетъ, якоже листъ». Потом же влагает ему тщеславиа помыслы, и то самосмышление — начало и корень тщеславиа, понеже мнит себе доволна суща не точию свой животъ управити, но и всѣх разумнѣйша и не требующа совѣта, и яростию не дастъ ничтоже противу себе рещи, но хощет, да вси словесъ

его слушають, яко Богослова. Егда же видит вселукавый, аще укрепится в таковых прилежай добродѣтели, начинает его прелщати блещаниемъ свѣта или зрѣниемъ нѣкоего вида въ образѣ ангела или нѣкоего святого. И аще таковым вѣру имѣть, якоже преже реченный брат, и тако удобъ погибает человѣкъ; не точию злым прилежа, но и благаа творя, — от самосмышления погибаеть.

Повѣда нам священноинок Иона, духовникъ пресвященнаго епископа Тверьскаго Акакиа.[90] «Еще ми, — рече,—пребывающу в манастыри Святаго Николы на Улейме,[91] священноинок нѣкий нача служити во обители святую литургию. И егда восхотѣ чести святое Евангелие, внезапу паде, яко мертвъ. Они же, вземше его, изнесоша. По днех же нѣких проглагола. Братиа же начаша его вопрошати о случившемся ему. Он же нача повѣдати со слезами: “Азъ, убо окаянныа, нечювъствием многим одержим, творя любодѣяние и дерзаа служити божественую литургию. И во едину от нощей на своей недели быв в веси и сотворивъ грѣх любодѣяниа. И въ толико нечювьствие приидох, яко не потщався ни поне водою омыти скверну тѣла моего, ниже оскверненую ризу премених, и, проскомисав, начах служити божественую литургию. И егда прочтоша апостольское учение и начаша пѣти «Аллилуиа», азъ же восхотѣвъ пойти чести святое Евангелие, — и видѣх мужа, брадата и стара, стояща за престолом и жезлъ в руцѣ имый (ото образа его разумѣти, яко святый Николае есть). И рече ми съ яростию: «Не дерзай служити, окаянне!» Аз же мнѣхъ, яко призракъ есть, и времени принужающу устремихъся чести. Онъ же удари мя по главѣ и по раму жезломъ, сущимъ в рукахъ его. И падохъ, яко мертвъ, и пребысть, лежа на одрѣ, много время полсухъ”. Глаголаше же той священноинокъ Иона: “И, егда отойдохъ ото обители, не вѣм, что ему конець бысть”».

Сущии убо в мирѣ, елици издадятъ себе неудержанно въ скверну злаго любодѣяниа, и, аще не покаются, множайше себѣ возжигаютъ пещь огня негасимаго; кольми паче иночески живуще и въ таковаа впадающе, множайше себѣ, паче мирьских, огнь геоньский возжигают. Кто может изрещи, иже не точию в мире сущии, но и во иночествѣ пребывающе любодѣяниемъ побѣжаеми; множае мирьских осужение приимутъ, аще деръзнут на священничество; и в мирѣ сущии после жены своея, побѣжаеми любодѣяниемъ и дерзающе служити, паче простых осужение приимутъ; сущии же во иночествѣ и побѣжаеми любодѣянием и дерзающе на священничество и касатися некасаемых, ихже и самиитииань[92] глаголи трепещутъ, они же, побѣжаеми конечным нечювствиемъ и отчаянием или невѣрьем хотящаго быти суда и воздаяниа, дерзают на таковое таиньство и касаются некасаемых. И не точию до священничества, таковыми же сквернами побѣжаеми, дерзают служити, но и по священничествѣ, тая же творяще, дерзают служити, иже не суть достойнии ко олтарю приближитися.

И Господь-человѣколюбець, аще восхощет нѣкиа ради добродѣтели на кого от тѣхъ излияти каплю милости своея, послет на нь скорбь, и возбранит ему от таковыя дерзости, и скорбьми обратит его на покаание. Аще ли же которым попустит и не возбранит им скорбьми от таковыа дерзости, всеконечно оставляеми суть от Бога и достойни слезамъ, яко тамо вѣчно отомщение восприимут своея дерзости. Не точию священноиноком и мирьским иерѣем, но и простым иноком и миряномъ, уклоняющимся неудержанно к плотским сквернам, сущих въ жизни сей, и дерзающим приимати пречистыя тайны без достойнаго запрещениа и покаяниа, аще скорбьми не возбранит имъ от таковых, но на концѣ или после смерти объявитъ на нихъ, которому осужению достойни. Сие творит не им ползу сотворяа, но нас въ страх и на покаяние наставляа. Такоже и добродѣтелныхъ в конець и по кончинѣ благими знаменми объявляа, нас наставляа ко уподоблению их, и прославляет угодивших ему, якоже преди рекохъ.

Повѣда нам отець Иосифъ: «Пребывающу ми въ честнѣй обители преславныа Богородица на Симоновѣ,[93] повелѣниемъ державнаго привезоша в той манастырь человѣка разслаблена и постригоша. Идохъ же посѣтити его и вопросихъ вину болѣзни его. Он же, воздохнувъ, рече: “Господине отче, се есть вина напасти моея. Приближающуся празнику святых верховных апостолъ Петра и Павла,[94] у тѣхъ бо церкви азъ живяхъ, и, совѣщавъ с сосѣды, въ честь святых апостолъ обще сотворихом питие медьвеное. Аз же, акаанный, на святый празникъ преже литургиа поемъ с собою нѣкиа и начахом пити преже литургиа. И лежащу ми, яко въ изступлении, и видѣхъ мужа, емуже брада черна, поизвита, плешивъ и възоромъ страшенъ. И возрѣвъ на мя ярымъ оком, и удари мя десною рукою за ланиту; и от страшнаго ударениа всь разслабленъ быхъ, яко мертвъ лежахъ, и ис тоя страны испадоша зубы моя. Внидоша же въ храмину сущии в дому моем, мнѣвше мя спяща, еже возбудити к литургии, и видѣвше мя, разслаблена всего и исполумертва, и обрѣтоша пять зубов на постели моей. Вопрошаем же от них о случавшемся мнѣ. Аз же, окаянный, едва приидохъ в себе и исповѣдахъ имъ вся, якоже и тебѣ; и приятъ страхъ вся, и разумѣша ото образа, яко апостолъ Павелъ бѣ явлеися мнѣ.” И со многими слезами прославиша Бога и святыхъ апостолъ, молящеся, да милостивъ будет ему молитвами святых апостолъ. Пребысть же лѣто едино в манастырѣ, каяся, и преставися».[95]

---

[1] *...не скрывше таланта, яко добрии строителие благодати Владычня...* — «Добрый и верный раб» евангельской притчи, получив от господина серебро, не зарыл его в землю, а приумножил богатство, употребив таланты (денежная единица у древних евреев) в дело. Ср.: Мф. 25, 14—30; Лк. 19, 11—27.

[2] *...изволися и мнѣ послѣдовати преданию святыхъ отець...* — Созданию Волоколамского патерика предшествовала редакторская работа Досифея Топоркова над переводом Синайского патерика (1528—1529). Ряд фрагментов в предисловиях к Синайскому и Волоколамскому патерикам имеет почти дословное совпадение.

[3] *...бывшаа во обители отца Пафнутиа...* — Пафнутий Боровский (1394—1477) — внук татарина, принявшего христианство, родился в селе Кудинове недалеко от Боровска, при крещении был назван Парфением. В возрасте двадцати лет постригся в Покровском монастыре на Высоком у игумена Маркела и после его смерти был тридцать лет настоятелем этого монастыря. Во время тяжелой болезни оставил игуменство, принял великую схиму, а после выздоровления в 1444 г. ушел из обители и поселился с одним иноком на берегу реки Протвы, где вскоре собралась братия и был основан монастырь Рождества Богородицы, каменный собор которого расписывал Дионисий. В 1610 г. монастырь был разорен войсками Лжедмитрия II, восстановлен при царе Михаиле Федоровиче. Рассказ о смерти Пафнутия Боровского см. в 7-м т. наст. изд.

[4] *...и ученика его отца Иосифа...* — Иосиф Волоцкий (1439—1515), в миру Иван Санин, церковный писатель и публицист, основатель Иосифо-Волоколамского монастыря. Происходил из семьи богатого вотчинника, предки которого были выходцами из Литвы. Принял постригв Боровском монастыре и стал любимым учеником Пафнутия. В 1479 г. основал волоколамский монастырь Успения Богородицы, позднее получивший его имя. На соборе 1503 г. Иосиф и его сторонники добились отклонения проекта ликвидации монастырского землевладения, выдвинутого нестяжателями и поддержанного Иваном III, на соборе 1504 г. — расправы над еретиками. Иосиф Волоцкий выступил с обоснованием идеи божественного происхождения великокняжеской власти. Основные литературные сочинения Иосифа — книга против еретиков «Просветитель», послания к Нифонту Суздальскому, Вассиану Санину, Ивану III, Василию III, И. И. Третьякову-Ховрину, Б. В. Кутузову и др., часть из которых опубликована в этом же томе. Местное почитание Иосифа Волоцкого как святого началось при митрополите Антонии с 1579 г., повсеместное празднование было установлено собором 1591 г.

[5] *...Иосифъ... прииде во свое отечество, на Волокъ Ламский...* — Прадед Иосифа Волоцкого Александр (Саня) «от Литовскыя земли влечашеся родом». По предположению А. А. Зимина, переселение Саниных в Волоколамский уезд относится к 1408 г., когда целый ряд выходцев из Литвы с князем Свидригайлом перешли на службу к московскому князю (см.: *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977. С. 40—41). Отцу Иосифа Волоцкого Ивану принадлежали село Язвище (Покровское) и деревня Спировская, ставшие впоследствии вотчинами Иосифо-Волоколамского монастыря.

[6] *Волокъ же той бяше изъначала предѣлъ Великаго Новаграда.* — Волоколамск в старину именовался Волоком Ламским, или Волоком.

Первое упоминание относится к 1135 г.; основали город, вероятно, новгородцы. В 1177 г. Великий Новгород отдал Волок князю Ярославу Мстиславичу, внуку Юрия Долгорукого. В 1178 г. город был взят войсками Всеволода Юрьевича и сожжен. Перешел во владение Новгорода в 1231 г. В 1237 г. Волок был разорен Батыем; в 1237 г. его «повоевал» Святослав Александрович Тверской; в 1293 г. город был завоеван татарским князем Дюденем. С конца XIII в. одна половина Волоцкой волости находилась под управлением Новгорода, другая — Москвы. В 1304 г. Иван Калита отдал свою часть Волоцкой волости вместе с городом киевскому князю Розпопу Несторовичу, который вскоре присоединил к ней и другую половину, отняв ее у новгородцев. В 1345 г. Симеон Гордый, женившись на дочери Федора Святославича Дорогобужского, отдал Волок своему тестю. В конце XIV в. Волок снова перешел во владение Новгорода, но уже в 1398 г. великий князь Василий Дмитриевич сумел присоединить его к Москве. В 1462 г. Волоцкое княжество становится самостоятельным уделом, его первым князем был Борис Васильевич (1462—1494). Княжество наследовал его сын Федор (1494—1513), который уступил Рузу и Ржев брату Ивану. После смерти бездетного Федора Борисовича Волоцкое княжество было присоединено к Москве.

[7] *Святый же апостолъ Анъдрѣй восхотѣ ити въ Рим...* — Апостол Андрей — святой, брат апостола Петра, раньше которого был призван следовать за Иисусом Христом, поэтому носит имя «Первозванного». По преданию, проповедовал христианство «скифам», то есть народам, жившим на берегах Черного моря. По сказанию Повести временных лет, апостол Андрей, совершая путешествие из Синопа в Рим, побывал на Днепре и водрузил на месте, где позднее возник Киев, крест. См. наст. изд., т. 1. Как полагают исследователи Повести временных лет, «Хождение апостола Андрея по Руси» — позднейшая вставка в текст летописи. См. наст. изд., т. 1, комментарий.

[8] *...въ Понтъ-море...* — «понт» в переводе с греческого — «море». В данном случае речь идет о Черном море, которое в Повести временных лет называется «Понетьским» и «Русским».

[9] *Словене... седоша около езера великаго Ильмеря...* — Текст восходит к рассказу Повести временных лет о расселении славянских племен (см. наст. изд., т. 1). По современным данным, славянские поселения на месте будущего Новгорода возникли в IX—X вв.

[10] *...и пребыша некрещени до великаго князя Владимера.* —- Владимир (ум. в 1015 г.) — сын Святослава от ключницы княгини Ольги Малуши. Сначала княжил в Новгороде; в 980 г., хитростью расправившись с братом Ярополком, стал киевским князем. Одержал ряд побед над радимичами, вятичами, поляками, волжскими болгарами; за военную помощь византийскому императору Василию II получил в жены его сестру Анну. В 988 г. крестился; при нем на Руси было принято христианство как единая официальная религия. Причислен к лику святых.

[11] *Волокъ же Ламьский... подъ областию архиепископа того града и до сего времени.* — Волоцкое княжество в XV — первой половине XVI в. входило в Новгородскую епархию и управлялось в церковных делах новгородскими архиепископами. Новгородскнй архиепископ Геннадий покровительствовал Иосифу Волоцкому, который, как и он, вел борьбу против еретиков, выступал в защиту монастырского землевладения, разделял мысль о превосходстве духовной власти над светской. Отношения Иосифа с преемником Геннадия на архиепископском престоле Серапионом были конфликтными: Серапион отлучил волоколамского нгумена от церкви, когда тот без его ведома передал свой монастырь под власть великого князя Василия III, «отступил от небесного, а перешел к земному». Иосиф Волоцкий обратился за поддержкой к главе русской церкви, митрополиту Симону, и на церковном соборе Серапион был лишен престола и заточен в Андроников монастырь.

[12] *Старый Волок* — по мнению А. А. Зимина, город, который был основан в VIII—IX вв. новгородцами на берегу реки Ламы, на месте села Староволоцкого. При князе Ярославе Мудром город был перенесен на то место, где находится до сих пор (см.: *Зимин А. А.* Новгород и Волоколамск в XI—XV вв. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 99—100).

[13] *...великий Ярославъ...* — Ярослав Мудрый, сын Владимира I Святославича от Рогнеды. Княжил в Новгороде, выступил против Святополка, убившего братьев Бориса и Глеба; победив Святополка в битве на реке Альте в 1019 г., занял киевский стол и княжил до 1054 г. Его правление ознаменовалось укреплением государственного и политического положения Киевской Руси, расцветом культуры.

[14] *...два поприща...* — Поприще — древнерусская мера длины, примерно равная версте.

[15] *...постави церковъ Воздвижение Честнаго Креста Христова и сотвори монастырь.* — Крестовоздвиженский монастырь был расположен на берегу реки Городни. По преданию, в нем с семи лет обучался грамоте Иосиф Санин. Монастырь возобновлен в 1659 г., приписан к Иосифо-Волоколамскому монастырю в 1693 г., упразднен в 1761 г.

[16] *...сотвори церковь во имя святаго пророка Ильи и такоже сотвори монастырь.* — Известно, что в XVI в. игуменами Ильинского мужского монастыря были Иосиф, Гавриил, Нифонт. В XVII в. монастырь был обращен в женский. В начале XVIII в. действовал как ружная церковь.

[17] *«Азъ есмь боговидець пророкъ Илья»...* — История жизни и деятельности пророка Илии излагается в 3-й и 4-й книгах Царств. Во время преображения Господня Илия вместе с пророком Моисеем был свидетелем этого чуда, за что прозван «Боговидцем».

[18] *...и внутрь града соборную церковь Воскресение Господа нашего Исуса Христа.* — Собор был построен московскими мастерами из белого

камня при князе Борисе Васильевиче в 1480 г. В 1693 г. «за ветхостью» перестроен. Сильно пострадал во время осады города польским королем Сигизмундом III в 1613 г. В храме три придела: Сретенский, Никольский и в честь Иосифа Волоцкого.

[19] *И дасть... тамгу со всего: и помѣрно, и явку з животины, и пятно...* — Тамга — внутренняя таможенная пошлина, взимавшаяся со всех продаваемых товаров, преимущественно деньгами, а также товарами. С местных жителей тамга взималась в меньшем размере, чем с приезжих и иностранцев. Померное — пошлина за пользование казенной мерой при продаже и покупке сыпучих товаров. Явка — пошлина с являемых на продажу товаров. Пятно — пошлина, взимавшаяся с клеймения лошадей при их продаже.

[20] *И пребыша до князя Бориса Васильевича...* — Борис Васильевич, князь Волоцкий (1462—1494), сын Василия Васильевича Темного, родился в Москве в 1449 г. По смерти отца получил в удел Волоколамск, Ржев, Рузу. Вместе с Иваном III ходил в поход на Новгород (1471—1478), воевал против хана Ахмата, осадившего Алексин (1472), «стоял на Угре» (1480), «ходил на Тверь» (1485—1486). В 1491 г. по требованию великого князя «высылал воевод» на помощь крымскому хану Менгли-Гирею, воевавшему против ханов Золотой Орды. Неоднократно вступал в конфликт с Иваном III и даже «отъезжал» от него, ища защиты у Литвы, Пскова, Углича. Умер в Рузе в 1494 г., погребен в московском Архангельском соборе.

[21] *...Великый Новградъ никогдаже не бысть взятъ отъ агарянъ, сице и предѣлъ его Волокъ.* —- Агаряне — потомки Измаила, сына Агари, служанки и наложницы ветхозаветного патриарха Авраама. Магометане почитают Агарь как родоначальницу и совершают паломничества к ее гробнице в Мекке. В Древней Русн «агарянами» называли кочевые народы Востока. В 1237 г. Волоколамск был разорен войсками хана Батыя, а в 1293 г. его «повоевал» татарский царевич Дюдень. По сообщению Московского летописного свода XV в., «новгородци прислаша... Семена Климовича къ царевичю Дюденю на Волокъ со многыми дары. Дюдень же възратися с Волока, много зла створивъ христьянам».

[22] *...Батый... поиде к Новому граду, и покры его Богъ и пречистая Богородица явлениемъ Михаила-архистратига...* — Батый — Бату (1208 — ок. 1253), монгольский хан, сын Джучи, внук Чингисхана. В 1243 г. основал в низовьях Волги Золотую Орду. Возглавлял монголо-татарское нашествие на Восточную Европу, завоевал Русь (1237—1240), совершил поход на Польшу, Венгрию и Далмацию. Легенда о спасении Новгорода от монголо-татарского нашествия, подробно изложенная в Волоколамском патерике, восходит к сообщению Хронографа редакции 1512 г., составителем которой был Досифей Топорков. В статье Хронографа «О шествии Батыа в Новгородскую землю» рассказывается, что после разгрома Торжка «Батый... поиде к Новугороду и за сто верст воротися, заступи бо его Бог и святаа Богородица. Глаголют же, яко виде Михаила-архангела, стояща со оружием и возбраняюща ему» (см.: ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 399).

[23] *...отъ дѣда своего Мартина слыша...* — Мартын — дед Пафнутия Боровского, был крещеным татарским баскаком из города Боровска. Видимо, крещение он принял под угрозой смерти, которая нависла над ним в 70—80-е гг. XIV в. в связи с народным движеннем против татар в русских княжествах.

[24] *...убиенъ бысть безбожный Батый... отъ угорьскаго краля Владислава, егоже крести святый Сава Сербьский...* — Источннком этого эпизода патерика является Повесть об убиении Батыя в ее хронографической версии. Авторство Повести приписывается Пахомию Сербу (XV в.). Сюжет произведения является вымышленным. Савва, архиепископ Сербский, жил в 1169—1237 гг. В Житии Саввы Сербского рассказывается, что ему удалось обратить в христианство одного из венгерских королей, однако имя короля не названо (им был венгерский король Эмерих, который в 1202 г. вторгся в Сербию). Нашествие Батыя на Венгрию произошло в 1241 г., а победоносные сражения венгерских войск с монголо-татарами относятся к 1282 г. Батый же умер не в Венгрии от рук «угорского короля», а своей смертью в Орде (между 1252 и 1253 гг.). Исследователь Повести об убиении Батыя С. П. Розанов установил, что в XIII в. в Венгрии короля по имени Владислав не было. Во время нашествия Батыя Венгрией правил король Бела IV (1235—1270). По-видимому, автор Повести отождествил его с Владиславом I Святым (1077—1095), при котором Венгрия достигла могущества и процветания. См. подробнее: *Розанов С. П.* Повесть об убиении Батыя // ИОРЯС. 1916. Кн. 1. С. 109—142. Согласно другой версии, в XV в. с именем Владислава III, короля Польши (с 1434 г.) и Венгрии (с 1440 г.) был связан ряд побед над турками, что, возможно, послужило толчком для сближения двух разных исторических событий. Созданная в конце XV в. Повесть об убиении Батыя вошла в состав русских летописей (под 1247 г.), хронографов и миней четий (под 20 сентября).

[25] *...отца Иосифа надгробными словесы почтохомъ и мало объявихомъ о жительствѣ его...* — Надгробное слово Иосифу, по мнению большинства исследователей, было создано Досифеем Топорковым после 1546 г., так как Савва Крутицкий, автор Жития Иосифа Волоцкого, в предисловии к произведенню утверждал: «...никто же изъяви о нем, и 30 лет по преставлении его». Однако, как считал К. Невоструев, Надгробное слово Иосифу, богатое биографическими подробностями, могло быть создано Досифеем вскоре после кончины Иосифа (1515): Савва не упоминал об этом произведении, ибо оно не житие, но использовал как источник сведений о святом. Надгробное слово Иосифу оригинально по своей жанровой природе: высокий риторический стиль похвалы святому переплетается здесь с документальным стилем биографической справки о герое.

[26] *...великого Паисия, Иоанна Колова, и Аполония, и Марка, и Макариа Александрийскаго...* — Паисий Великий — египетский подвижник IV в., родился в Александрии, с юных лет посвятил себя иночеству, жил в пещере в пустыне, обладал даром прозорливости и чудотворения, имел широкий круг последователей, скончался в 400 г. в Александрии. Иоанн Колов — египетский подвижник V в., учился

послушанию у фивейского старца Павла, скончался около 428 г. Аполлоний — египетский монах, совершавший свои аскетические подвиги в Нитрийской пустыне. В течение 25 лет он покупал в Александрии на свои деньги, обретенные тяжелым трудом, лекарства и пищу, чтобы лечить иноков окрестных монастырей. Марк — египетский монах, проживший более 100 лет; он прославился тем, что уже в юности знал наизусть Ветхий и Новый Завет. Макарий Александрийский — египетский монах, который был начальником и наставником христианского училища в Александрии, церковным писателем. Жития Макария, Марка, Аполлония входят в состав Египетского патерика.

[27] *...въ недѣлю по Пятдесятницы...* — Первая неделя (воскресенье) после Пятидесятницы посвящается празднованию Дня Всех Святых. В день Пятидесятницы, то есть на пятидесятый день после Пасхи, празднуется сошествие Святого Духа на апостолов.

[28] *..яко въ послѣдня времена мнозѣми скорбми и бѣдами спасутся и будутъ не менши первыхъ...* — Ср.: Мф. 19, 30; 20, 16; Лк. 13, 30.

[29] *...глаголющихъ... яко въ нынѣшняя времена такова знамения не бываютъ...* — Речь идет о московско-новгородских еретнках, которые отрицали возможность чудес в современности и среди которых были сильны иконоборческие настроения.

[30] *...по божественому апостолу: «Болше сеа радости не имамь, да вижу моя чада во истиннѣ ходяща».* — 3 Иоан. 1, 4.

[31] *...Горе же тайно ядущему, по писанию Григориа Двоеслова, и вещи, и сребреникы особно имущему».* — Григорий Великий, или Двоеслов, папа римский (590—604), не был сторонником строгой аскезы, его идеал — соединение созерцательной жизни с земной деятельностью. «Диалоги о жизни и чудесах отцов италийских и о бессмертии души» папы Григория Великого были переведены на славянский язык в X—XI вв., известны авторам славянских Прологов, в Древней Руси они назывались «Римский патерик». «Диалоги» Григория Двоеслова были популярны в иосифлянской литературной среде, они цитируются в посланиях Иосифа Волоцкого, являются источником для Досифея Топоркова, составителя Волоколамского патерика. Обличению «тайно ядущих» монахов посвящены рассказы Римского патерика о святом Венедикте, о брате монаха Валентиниана (кн. II, гл. 12 и 13), а также рассказ о монахе Галатова монастыря, который постился при братии, но имел обыкновение есть тайно; умирая, он поведал братии, что «предан дракону для пожрания» (кн. IV, гл. 38). Обличению «вещи и сребреникы особно имущих» посвящен рассказ Римского патерика о враче Иусте, тело которого после смерти Григорий приказал бросить в навозную яму вместе с сокрытыми тремя золотыми монетами (кн. IV, гл. 55).

[32] *«Се есть милостыня обще живущимъ, еже пострадати другъ другу... и не воздати зла за зло».* — 1 Петр 3, 9; Рим. 12, 17.

[33] *...оба тезоименита Божиа дара: Феодосие-живописець и ученикъ его Феодоръ...* — В переводе с греческого языка имена «Феодосий» и «Феодор» означают «Божий дар». Феодосий — сын известного древнерусского изографа Дионисия. Вместе с ними Досифей Топорков участвовал в поставлении и росписи Успенского собора Иосифо-Волоколамского монастыря (1484—1486). Истолкование имени Феодосия и сообщение, что «изящный живописец» «по имени и житие свое управил», входят и в Надгробное слово Иосифу, написанное Досифеем. Рассказ Феодосия о чуде с попом-еретиком читается и в Житии Иосифа Волоцкого редакции Саввы. Феодосий был богатым вкладчиком Иосифо-Волоколамского монастыря; сюда, например, он вложил «землицу, и ту землицу продали, а взяли на ней 40 рублев, на те деньги купили 2 деревни на Фаустовой горе». Видимо, под влиянием Феодосия развивалось мастерство Досифея, иконописца и миниатюриста. В композиционном и колористическом отношении выполненные им заставки близки к стилю Евангелия 1507 г., орнаментированного Феодосием и предназначавшегося для дворцового казначея И. И. Третьякова. О художнической грани таланта Досифея Топоркова можно судить по наличию в его литературных произведениях ряда портретных зарисовок героев, выполненных в стиле иконописного подлинника. Для писательской манеры Досифея характерны стремление к созданию «зримого» образа героя, акцентирование внимания не только на духовном, но и на внешнем облике святого.

[34] *...якоже мудрии, масло куповаху...* — Имеется в виду евангельская притча (Мф. 25, 1—12): из десяти дев, которые вышли со светильниками навстречу жениху, пять было мудрых и пять неразумных. Мудрые вместе со светильниками взяли масло, а неразумные нет. Когда у неразумных дев стали гаснуть светильники, они пошли покупать масло и опоздали на брачный пир.

[35] *Бѣ же тогда обыскъ отъ державныхъ государей Русскиа земля на безбожныя еретики.* — Московско-новгородская ересь, возникшая в Новгороде в 1470—1471 гг., широко распространилась в среде духовенства и мирян, проникнув и в великокняжескую среду. Еретики выражали сомнение в существовании загробной жизни и отвергали главную функцию монахов как молитвенников за умерших. По свидетельству Соборного приговора 1490 г., многие еретики «ругалися образу Христову и Пречистые образу, написанным на иконах... а инии... святыми иконами и кресты о землю били и грязь на них метали». Обнаруживший ересь новгородский архиепископ Геннадий учинил розыск и направил дело в Москву. На церковном соборе 1490 г. еретики были преданы проклятию. Относительно мягкий приговор объяснялся сочувственным отношением к еретикам Ивана III, заинтересованного в ликвидации монастырского землевладения, и его невестки Елены Волошанки. Иосиф Волоцкий отстаивал наиболее радикальный способ борьбы с ересью — полное физическое уничтожение «жидовствующих»: убить еретика — «руку освятити», жалость к ним преступна; чтобы искоренить «еретическое семя», нужны «рать и нож». В Послании Ивану III о еретике Кленове Иосиф убеждает великого князя: «...они, государь, почели каитися мук деля, а не Бога ради». Иосифу Волоцкому

было необходимо доказать вынужденный характер покаяния еретиков, потому что смертной казни могли подвергаться лишь нераскаявшиеся еретики. Рассказ Волоколамского патерика о ложно раскаявшемся попе-еретике восходит к событиям 1490 г. и развивает в сюжетной форме мысль Иосифа, что еретики — вероотступники и их покаяние недействительно. См. текст Слова об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого, а также комментарии к нему, входящие в наст. т. Окончательный разгром московско-новгородской ереси относится к 1504 г., когда по решению церковного собора предводители движения были казнены, а остальные еретики заточены в монастыри. Вторая половина 80-х—90-е гг. — время активного сотрудничества Досифея, автора патерика, и Феодосия, рассказавшего Иосифу Волоцкому о «страшном чуде».

[36] *...и потырь имѣя въ руку своею.* — Потир — греческое название сосуда в виде чаши на высокой ножке, употребляемого во время литургии для вознесения святых даров.

[37] *...волиа ис потыря въ огнь пещный... и видъ во огни отрочя мало.* — Это чудо, с небольшими разночтениями входящее и в состав Жития Иосифа Волоцкого редакции Саввы (ВМЧ, сентябрь, 1—13. СПб., 1868, стб. 475), близко к распространенным в средневековье христианским легендам о спасении святыни от поругания. О традиционных мотивах этого рассказа патерика и литературных параллелях к нему см. подробнее: *Кадлубовский А. П.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. 1—5. Варшава, 1902. С. 148—159. Чудо о попе-еретике имеет под собой реальную историческую основу: «жидовствующие» не отрицали евхаристии, но пытались реформировать это понятие, видя в хлебе и вине только символы, а не подлинные тело и кровь Христа.

[38] *Повѣда намъ отець Васиянъ...* — Вассиан Санин (ум. в 1515 г.), архиепископ Ростовский, писателъ, брат Иосифа Волоцкого, родился в середине 40-х гг. XV в., в начале 60-х гг. постригся, как и его брат, в Пафнутьево-Боровском монастыре. Поддерживал Иосифа, выступавшего за введение в монастыре строгого общежительного устава, однако, по мнению Я. С. Лурье, не ушел вместе с братом на Волок, что привело к «разлучению» между ними, о чем Иосиф упоминает в Послании к Вассиану Санину. С 1502 по 1506 г. Вассиан — архимандрит московского Симонова монастыря, где какое-то время жил Досифей Топорков. Его переход от Иосифа в Симонов монастырь был, видимо, связан не только с «немощью» или существованием внутренних разногласий в иосифлянской среде, но и с потребностями общего с Вассианом литературного дела. В Житии Пафнутия Боровского, созданном Вассианом, и в Волоколамском патерике Досифея Топоркова много «общих мест». Вассиан Санин, бывший с 1506 г. архиепископом Ростовским, умер в Москве, похоронен в кафедральном соборе Ростова.

[39] *...на Москвѣ въ соборной церква... Успениа...* — Успенский кремлевский собор был заложен в августе 1326 г. по инициативе митрополита Петра Иваном Даниловичем Калитой. Митрополит Петр завещал похоронить себя в этом соборе. В 1472 г. храм был разобран за

ветхостью; в 1475 г. итальянский архитектор Аристотель Фиораванти начал возводить его по образцу владимирского Успенского собора. См. об этом подробно в Независимом Московском летописном своде 80-х гг. XV в. (наст. изд., т. 7). Начиная с XVI в., Успенскнй кремлевский собор в Москве стал главным храмом Руси.

[40] *...молящася прилѣжно великому мученику Христову Никите...* — Никита (ум. в 372 г.) — готский воин, проповедовавший христианство между соплеменниками и за это, после истязаний, сожженный по приказу царя Афанариха. Кроме канонического Жития Никиты Готского существовало апокрифическое переводное житие другого христианского мученика Никиты. В Прологах и Минеях они стояли рядом, что привело к отождествлению их героев-святых. Древнерусский человек видел в мученике Никите главного защитника от демонов, поэтому на иконах, как правило, святой предстает попирающим беса и бьющим его цепью.

[41] *...Избавитель нашъ во Евангелии поминаетъ Лазаря нищего... отнесену ему быти ангелы на лоно Авраамле.* — В евангельской притче о богатом и бедном Лазаре, в которой изображена загробная участь праведных и грешных, нищий и больной Лазарь обрел после смерти вечную жнзнь, так как был добродетельным и богобоязненным человеком (Лк. 16, 19—31). Евангельская притча о Лазаре дважды упоминается в Волоколамском патерике, как и в Римском. В главе 29-й четвертой книги Римского патерика Григорий Двоеслов вспоминает ее, чтобы доказать, что душа грешника «терпит от огня не только видением, но и ощущением», поскольку богач умолял Авраама: «…посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде, и устудит язык мой, яко стражду во пламени сем»; в главе 33-й — утверждая, что «добрые узнают добрых в царстве небесном, а злые злых в аде», недаром богач просит за братьев, которые, как и он, могут попасть в «место мучное». Популярность притчи о богатом и Лазаре в иосифлянской среде связана с обостренным вниманием к проблемам эсхатологии, с борьбой за утверждение идеи личного нестяжания среди монашества.

[42] *...разболѣся сухотною...* — Сухотная, сухотка — болезнь, ведущая к истощению организма, иссушающая тело.

[43] *Во обители старца Иосифа нѣкий человѣкъ, отъ славныхъ родомъ, именемъ Елевферие Волынский именуемъ...* — По-видимому, речь идет об Алферии Селивановиче Волынском, правнуке князя Д. М. Волынского-Боброка, прославившегося в Куликовской битве.

[44] *...Исусова молитва.* — молитва Иисусу Христу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

[45] *...полагати начало.* — Речь идет об определенной последовательности молитв, которые предшествуют всякой службе: церковной, келейной и домашней.

[46] *...якоже древний Иевъ: червемъ ногу его грызущимъ, глаголемымъ волосатикомъ...* — Иов — библейский персонаж, являющийся примером терпения и преданности Богу во всех постигших его несчастиях; в конечном счете был возвышен и вознагражден Богом за все его страдания. Волосатик — тонкий волосообразный червь, проникающий в организм человека с водой и вызывающий прободение внутренних органов, язвы и опухоли.

[47] *...яко вещни суще, по Лѣствичникову слову, вещно и житие изволиша проходити.* — Иоанн Лествичник (ум. ок. 606 г.) — христианский подвижник, 40лет бывший отшельником, а затем выбранный братией настоятелем Синайского монастыря (отсюда прозвание «Синаит»). Известен как автор «Лествицы райской», книги, где дается руководство монахам для восхождения по «лестнице» к духовному совершенству. В Волоколамском патерике приводится цитата из 26-го слова «Лествицы» (статья 200).

[48] *...въ прихожение еже къ Угрѣ безбожнаго царя агарянскаго Ахмата...* — Ахмат (Ахмед, ум. в 1481 г.) — сын Кичи-Мухаммеда, внук Тимура-Кутлу, с 1465 г. был ханом Большой Орды, образовавшейся во второй четверти XV в. в низовьях Волги после распада Золотой Орды. В 1480 г. предпринял поход на Русь в связи с отказом великого князя Ивана III платить ежегодную дань Орде. После неудачной попытки войска Ахмата форсировать Угру и наступления, по сообщению Софийской Второй летописи, «мразов великих» монголо-татары не решились на ведение активных боевых действий против объединенного войска русских князей и отступили. Бегство Ахмата было обусловлено и тем, что его союзник польский король Казимир IV не пришел ему на помощь, а с тыла Ахмату угрожал союзник Ивана III Менгли-Гирей. «Стояние на Угре» и завершившийся неудачей поход Ахмата на Москву привели к окончательному освобождению Руси от монголо-татарского ига. Повесть о «стоянии на Угре» см. в наст. изд., т. 7.

[49] *...якоже иногда Лазаря.* — Лазарь — брат Марфы и Марии, друг Христа, которого Господь воскресил из мертвых на четвертый день после смерти. См.: Иоан. 11, 1—46.

[50] *...яко Анастасие-царь пораженъ бысть громомъ...* — Анастасий (ок. 430—518) — император Восточной Римской империи, узурпатор, поддерживал монофизитов, вел войну с персами (502—505), подавил народные восстания в Константинополе (512) и во Фракии (515). В Хронографе редакции 1512 г. рассказывается, что царь Анастасий увидел во сне «мужа страшна», который предрек ему сокращение жизни на 14 лет и поразил молнией. После того как был положен во гроб, спустя несколько дней ожил, начал звать на помощь и кричать, чтоб открыли гроб. Этот фрагмент Волоколамского патерика восходит к хронографической статье о царе Анастасии, он введен Досифеем Топорковым и в составленную им редакцию Синайского патерика (45-я глава).

[51] *Нѣкий человѣкъ отъ болярьска роду, именемъ Борисъ, порекломъ Обабуровъ...* — Речь идет о боярине Борисе Степановиче Обобурове,

дьяке волоцкого князя Бориса Васильевича, в иночестве Пафнутии, который был монахом Иосифо-Волоколамского монастыря.

[52] *...манастырь есть дивический, церковь же въ немъ святыя и великиа мученици Варвары.* — Варварин девичий монастырь был расположен в посаде г. Волоколамска. В 1764 г. упразднен и обращен в приходскую церковь Покрова.

[53] *...игуменъ святаго Покрова...* — Покровский мужской монастырь в Волоколамске существовал с XIII в. Известно, что игуменом монастыря в 1296 г. был Антоний. Монастырь упоминается в 1523 г.; он значится и в списке монастырей, получивших грамоты до 1623 г. В 1760 г. на месте обители была приходская деревянная церковь.

[54] *...бысть нѣкий бояринъ князь Андрей, прозваниемъ Голенинъ; и роди три сыны: Иоанна, и Семиона, и Андрея...* — Андрей Федорович Голенин — потомок ростовских удельных князей, боярин волоцкого князя Бориса Васильевича, незадолго перед смертью постригся в Иосифо-Волоколамском монастыре под именем Афанасия, умер около 1482 г. Андрей Андреевич Голенин — сын А. Ф. Голенина, в 1495—1501 гг. был воеводой русского князя Ивана Борисовича, с 1503 г. находился на службе у дмитровского князя Юрия Ивановича. В 1508 г. принял постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре под именем Арсения. Известен своей книгописной деятельностью, входил в число соборных старцев, пользовался уважением Иосифа Волоцкого и считался одним из возможных преемников Иосифа на игуменском посту, умер после 1515 г., вскоре после смерти Иосифа. Был погребен в Иосифо-Волоколамском монастыре, как и старшие его братья — Семен и Иван Голенины.

[55] *...мати ихъ Мариа...* — Мария Ивановна Голенина — княгиня, вдова Андрея Федоровича Голенина, мать волоцкого монаха Арсения Голенина. Давала вклады в монастырь и находилась в переписке с Иосифом Волоцким. В «Послании к некоей княгине-вдове, давшей по своих детех сорокоуст и пороптавшей» (после 1504 до 1513 г.) Иосиф Волоцкий создает образ Марии Голениной, отличный от образа этой женщины в Волоколамском патерике. Письмо вдовы к волоцкому игумену не дошло до нас, о его содержании и стиле мы можем судить по ответному посланию Иосифа. Защищая право церкви на многочисленные и разнообразные доходы с прихожан, обосновывая принцип платности всякой церковной службы («даром священник ни одное обедни, ни понафиды не служит»), Иосиф сначала приводил аргументы в споре из письма «пороптавшей вдовы»: «Писала еси к нам: “Коли у меня было, и яз милостыню давала”»; «А что еси писала: по твоих детех не бывала ни одна понафида у нас»; «А что еси писала: “И четверть от того возмуть, что в синаник написати”»; «А что еси писала о том, что “дати 20 рублев на семь лет, ино то грабежь, а не милостыня”»; «А что еси писала: дала еси по своем князе и по своих детех боле семидесят рублев»; «А что еси писала: “Толко выпишете моего князя и моих детей из годовова поминания, ино судия вам Бог”». Образ Марии Голениной в послании Иосифа далек от идеализации: перед нами женщина, расчетливая даже в глубоком горе. По смерти

сына Ивана она делает в Иосифо-Волоколамский монастырь вклад (одиннадцать рублей и лошадь), «а велела еси писати в сенаник князя Афонасиа, — да отца своего Ивана, — да сына своего Ивана»; когда же прошло «лет с пятнадцать и больши того», потребовала особой ежедневной службы по умершим родственникам, в том числе и по сыне Семене, по смерти которого она дала в монастырь «шубу да два мерина» (см. наст. т. «Послание Иосифа Волоцкого княгине Голениной»). Сведения о Марии Голениной в сочинении Иосифа Волоцкого нельзя расценивать как документальный источник, ибо Послание тенденциозно по своей основе, но они позволяют наполнить условный образ «благочестивой женщины», созданный Досифеем Топорковым, исторически конкретными, индивидуальными чертами.

[56] *Мати же много плакавши, якоже древняя Клеопатра...* — Клеопатра — блаженная, жена Тирона, жила в Египте в IV в. Построила церковь во имя святого мученика Уара, куда перенесла его мощи. После смерти двенадцатилетнего сына Иоанна Клеопатра, «припаде ко гробу Иуарову, два дни невосклонно вопиаше». Святой Уар, явившись во сне возроптавшей Клеопатре, сообщил, что Иоанн взят им в небесное воинство, и предсказал, что через год женщина умрет. После смерти Клеопатра была погребена в построенной ею церкви. Житие Клеопатры вошло в состав Великих миней четиих под 19 октября.

[57] *...и поревнова божественому Святоши...* — Святоша — Святослав Давидович (ок. 1080—1142), князь Черниговский и Луцкий. В 1098 г. принимал участие в битве на Рожне поле в составе войск Святополка Изяславича Киевского против войск Владимира Мономаха и Василька Теребовльского. 17 февраля 1106 г., оставив черниговское княжение, дом и семью, Святослав постригся в Киево-Печерском монастыре под именем Николая. Стал одним из самых авторитетных печерских монахов. Служил в поварне и трапезной, был монастырским привратником, занимался врачеванием и перепиской книг. В 1141 г. участвовал в переговорах между Ольговичами и Ярославичами по поводу спорных владений. Канонизация его как местночтимого святого относится к 1643 г., как общерусского — к 1762 г. Житие Святоши, созданное Симоном, епископом Владимиро-суздальским, в 20-х гг. XIII в., входит в состав Киево-Печерского патерика (см. наст. изд. т. 4)

[58] *И многое богатьство, и села свои — все приложи къ манастырю отца Иосифа...* — Андрей Андреевич Голенин (в иночестве Арсений) являлся одним из богатых постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря, о которых Иосиф с гордостью сообщал в Послании к Б. В. Кутузову (кон. 1510 — нач. 1511): «...почали ся стричи в чернци добрые люди от князей, и бояр, и от детей боярскыхъ, и от торговых людей, и они, господине, давали много». Андрей Голенин в качестве вклада передал в монастырь не только деньги и ценности, но и земли, принадлежавшие родителям или пожалованные ему князем. В Житии Иосифа Волоцкого редакции Саввы сообщается, что при пострижении А. А. Голенин вложил в монастырь «села Бели с храмом Преображения Христа, Момашино и Скирмано». Из документальных источников известно, что кроме сел Скирманово, Бели и Мамошино Арсений

Голенин передал в монастырь села Фроловское, Кореневское и Спасское с деревнями.

[59] *...и по шести трапезъ ставити на всяко лѣто по нихъ и по собѣ на братию и на нищихъ.* — Трапеза — заздравное или поминальное монастырское застолье, общий стол; угошение, которое присылалось монахам по большим праздникам для поминания усопших или здравствующих.

[60] *О отцы Макарии Калязиньскомъ.* — Макарий Калязинский, в миру Матвей, родился в 1402 г., происходил из рода кашинских бояр Кожиных. После смерти родителей и жены постригся в Николаевском Клобуковском монастыре, откуда вскоре ушел с семью монахами и основал недалеко от Кашина Троицкий монастырь (Макарьевский — по имени создателя, Калязинский — по имени владельца земли, где был выстроен монастырь). Макарий был сторонником строгого общежительного устава, долго уклонялся от игуменства, но по настоянию братии был посвящен в игумены монастыря тверским епископом Моисеем (1453—1459). Макарий вел трудническую жизнь, носил «худые ризы», за что позднее Вассиан Патрикеев назвал его «калязинским мужиком», выступив против канонизации Макария как «нового чудотворца». При Макарии монастырь был духовным центром борьбы Твери с Москвой; в Калязинском монастыре получил благословение на «хождение за три моря» тверской купец Афанасий Никитин (см. наст. изд., т. 7). В 1478 г. монастырь посетил Иосиф Волоцкий и со слов Макария составил рассказ о его жизни, который читается в Волоколамском патерике. Макарий умер 17 марта 1483 г., его мощи обретены 26 мая 1521 г., повсеместное празднование святому установлено на соборе 1547 г.

[61] *...сродници его — Захариа, Бороздинъ прозваниемъ...* — Речь идет о боярине Захарии Бороздине, основателе рода Захарьиных-Бороздиных. Ему принадлежало село Кузьмодемьянское Дмитровской волости Старицкого уезда, которое его внук Ф. Б. Бороздин в 1547/1548 г. передал в Иосифо-Волоколамский монастырь.

[62] *...поживе въ простотѣ, якоже великий Спиридонъ.* — Спиридон Тримифийский (ум. в 348 г.) — родился на острове Кипр; его родители — люди «простого звания»; после смертн жены за святость был избран епископом города Тримифии. Несмотря на отсутствие богословского образования, на Первом Вселенском соборе в Никее (325) сумел убедить одного известного философа в истине православного учения.

[63] *...яко при апостолехъ у Красныхъ дверей хромый.* — В «Деяниях святых апостолов» рассказано об исцелении апостолом Петром хромого от рождения человека, который обычно сидел у Красных дверей иерусалимского храма (Деян. 3, 1—16).

[64] *Бысть нѣкий игуменъ въ велицѣ манастыри въ Тверской странѣ...* — Речь идет о Савве, игумене тверского Саввина монастыря, который насаждал дисциплину в обители «жезлом и затвором». С ним Иосиф познакомился, совершая путешествие по русским монастырям в

поисках строгого общежительного устава в первой половине 60-х гг. XV в. Подробный рассказ о Савве Тверском содержится в десятом слове «Духовной грамоты» Иосифа Волоцкого — «Отвещании любозазорным и сказании вкратце о святых отцах, бывших в монастырях, иже в Русской земле сущих», которое является прообразом Русского патерика. В отличие от рассказа Волоколамского патерика о Савве, наказанном болезнью за жестокое обращение с монахами, в произведении Иосифа Савва, пятьдесят лет бывший настоятелем монастыря, и «жестокъ, егда потреба, и милостивъ, егда подобаше»:. он прощает личную обиду монаху, который, будучи наказан, в окно «ухвати обѣма рукама» бороду Саввы «и мало остави, всю же истръгъ» (ВМЧ, сентябрь, 1—13. СПб., 1868, стб. 553).

[65] *Якоже пишетъ о велицемъ Арсении въ святѣмъ Никонѣ...* — Арсений Великий — преподобный, происходил из знатной римской семьи, родился в 354 г. Был воспитателем Аркадия и Гонория, сыновей императора Феодосия. В 394 г. тайно оставил двор и удалился в Египетскую пустыню. Скончался около 450 г. Житие Арсения Великого составлено Феодором Студитом. Житие святого и его «изречения» пользовались большой популярностью среди восточного и русского монашества; они вошли в состав Скитского патерика и Пролога, а также «Пандектов» Никона Черногорца, на которые ссылается автор Волоколамского патерика. Никон жил в XI в. и был монахом в обители Святой Богородицы на Черной горе в Сирии, потом — в монастыре Симеона Дивногорца. Патриархом Антиохийским Феодосием III (1057—1059) Никон Черногорец был поставлен в священники и дидаскалы. «Пандекты» созданы им в подражание «Пандект» Антиоха; это монтаж выписок из творений отцов церкви, соборных постановлений и других памятников. Статьи из «Пандект» вошли в состав Пролога, Кормчей, Измарагда, Златой цепи; особой популярностью произведения Никона Черногорца («Пандекты» и «Тактикон») пользовались на Руси в конце XV—XVI вв.

[66] *...бысть Орда слыла Златая...* — Золотая Орда — феодальное монголо-татарское государство, основанное в начале 40-х гг. XIII в. ханом Батыем. В состав Золотой Орды входили Западная Сибирь, Волжская Болгария, Северный Хорезм, Крым, Северный Кавказ. Столица Золотой Орды — Сарай-Бату, с первой половины XIV в. Сарай-Берке. В XV в. это государство распалось на Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское и другие ханства.

[67] *Повѣсти отца Пафнутия.* — Этот цикл эсхатологических рассказов, читаюшихся и в Волоколамском патерике, и в Житии Пафнутия Боровского, имел самостоятельное бытование и мог быть источником как для Досифея Топоркова — составителя патерика, так и для Вассиана Санина-агиографа. Генетически эсхатологическая легенда восходит к апокрифическому Апокалипсису Петра, от которого пошли разнообразные средневековые «хождения по мукам». Оригинальные русские сказания о хождениях по раю и аду возникли и получили широкое распространение в XV в., что было связано с эпидемией «черной смерти», опустошившей русские города, развитием еретических движений, ожиданием конца света. Эсхатологический

цикл рассказов Волоколамского патерика близок к четвертой книге Римского патерика, где, например, «хождение по аду» совершает незадолго перед смертью сенатор Репарат, который видит, как готовятся костры для грешников (гл. 31). Во время моровой язвы 590 г. юноша Арментарий был «внезапно восхищен от присутствующих», побывал на небе, потом «возвратился в себя» и стал предсказывать, кто умрет от болезни в Риме (гл. 26).

[68] *...бысть великий моръ, въ лѣто 6935-го, а мерли болячкою, глаголемою прыщемъ...* — В Московском летописном своде XV в. сказано, что в 1427 г. «моръ же бысть великъ въ градѣх русскых, тогда преставися князь Василей Володимерович и положенъ въ Архаггелѣ на Москвѣ». Судя по описанию болезни, это была бубонная чума.

[69] *«Видѣ, — глаголаше, — въ раи князя великаго Ивана Даниловича»; нарицаху же его Калитою...* — Иван Данилович Калита (ум. в 1340 г.) — князь Московский с 1325 г., великий князь Владимирский с 1328 по 1340 г., сын московского князя Даниила Александровича. Сыграл выдающуюся роль в усилении Московского княжества, в собирании русских земель вокруг Москвы. В борьбе с политическими противниками опирался на помощь Золотой Орды, для которой собирал дань. По указанию Ивана Калиты хан Узбек в 1339 г. расправился с тверским князем Александром Михайловичем. Влияние Московского княжества распространялось на ряд земель Северо-восточной Руси (Новгород, Ростов, Углич, Галич, Белоозеро). При Иване Калите Москва стала резиденцией митрополита «всея Руси». «Калитой» («денежной сумой») князь Иван Данилович был прозван за то, что сумел собрать большие богатства, которые использовал для покупки землн в других русских княжествах. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина прозвише князя объясняется, как и в Волоколамском патерике, тем, что Иван Данилович всегда носил при себе мешок с деньгами для раздачи их нищим.

[70] *Единъ же отъ нищихъ вземъ отъ него милостыню, и помалѣ той же прииде...* — Этот рассказ о князе Иване Калите и нищем близок к эпизоду Жития Иоанна Милостивого, когда к святому за милостыней трижды обращается один и тот же человек. В отличие от князя Ивана Калиты святой не осуждает нищего, а дает ему в три раза больше золота, ибо понимает, что это «Христос искушает его» (ВМЧ, ноябрь, 1—12. СПб., 1897. С. 822—823).

[71] *Възвѣсти же видѣние преосвященному митрополиту всея Русии Петру.* — Петр (ум. в 1326 г.) — первый митрополит Московский. В 1310 г. был обвинен в симонии, но с помощью князя Ивана Даниловича Калиты был оправдан. В 1313 г. получил в Орде от хана Узбека ярлык, подтверждающий льготы духовенства. В 1325 г., после убийства в Орде великого князя Юрия Даниловича, официально перенес митрополичью резиденцию из Владимира в Москву и сделал Москву духовным центром Руси. По его инициативе в Кремле был заложен Успенский собор. Местной канонизации Петра (1327) немало способствовал московский князь Иван Данилович Калита, записавший чудеса исцеления недужных у гроба святого, которые были прочитаны в один из

праздничных дней ростовским епископом Прохором в кафедральном соборе Владимира. Тем же Прохором были составлены в Житие и Служба святому Петру. Канонизация Петра как общерусского святого, поборника идеи возвышения Москвы, относится к 1339 г.

[72] *«Иже не родится водою и Духомъ, не внидетъ въ царство небесное».* — Ср.: Иоан. 3, 5.

[73] *О Витофте.* — Витовт (Витаутас) (1350—1430) — великий князь Литвы (с 1392 г.), сын Кейстута, князя Троцкого и Жмудского. Трижды вторгался на территорию Московского княжества (1406—1408), захватил Смоленск. Был одним из организаторов разгрома немецких рыцарей в Грюнвальдской битве (1410). После унии, заключенной между Литвой и Польшей в 1385 г., боролся за независимость Литвы и добился у польского короля Ягайлы признания за собой (на правах наместника) Великого княжества Литовского. Препятствовал объединительной политике русскнх князей; заключал договоры с враждебными Москве князьями: тверским (1427), рязанским (1430), пронским (1430); устранил местное княжение в Подолии, Киеве, Витебске. Витовт по рождению был православным, но затем принял католичество.

[74] *Видѣ тамо... мурина страшьна...* — Мурин — эфиоп, негр; в данном случае — бес, ибо «черны бо есть беси, якоже черны и мурских стран человецы».

[75] *...на другой странѣ рѣки — мѣсто злачно и свѣтло зѣло, и различнымъ садовиемъ украшено.* — Ср.: Римский патерик, кн. IV, гл. 36, где воин, пораженный язвой, попав в рай, видит «широкий зеленеющий луг, украшенный цветами пахучих трав, на котором виднелись собрания людей, одетых в белые одежды». По его свидетельству, в раю «приятный эапах», «жилища, наполненные светом», «удивительной красоты дом из золотых кирпичей».

[76] *...въ «Бесѣдахъ» Григориа Двоесловца писано: чрезъ реку огненую мостъ...* — Ср.: Римский патерик, кн. IV, гл. 36. По словам воина, совершившего «хождение по аду и раю», между ними «мост, под которым протекала река, черная и туманная, испускающая несносный запах и мглу... На мосте было такого рода испытание: кто из нечестивых хотел перейти чрез него, тот падал в мрачную и смердящую реку; праведные же, на которых не было внны, свободно и безопасно переходили чрез него к прекрасным местам».

[77] *О князе Георгие Васильевиче.* — Юрий (Георгий) Васильевич Меньшой — сын великого князя Василия Васильевича Темного, князь Дмитровский (1441—1472). В 1454 г. вместе с братом Иваном ходил в поход к Оке против татарского царевича Салтана, который бежал от московских войск. В 1460 г. сопровождал отца в поездке в Новгород, откуда великий князь послал его на псковское княжение. Будучи псковским князем, «ходил ратью на немцев», вел переговоры с рижским магистратом о перемирии. Выехал из Пскова после назначения наместником князя Ивана Васильевича Стриги. По

завещанию отца, кроме трети в Москве получил во владение Дмитров, Можайск, Серпухов, Хотунь, несколько подмосковных сел, а также вотчины своей бабки — княгини Софьи Витовтовны. В 1468 г. вместе с братом Андреем принудил казанского хана Ибрагима заключить мир на выгодных для Москвы условиях. В 1472 г. воевал с татарами у Алексина и не позволил войску Ахмата переправиться через Оку, «понеже бо имени его трепетаху» татары. Скончался холостым.

[78] *И егда церковный служитель умедлить клепати...* — Клепало — деревянная или металлическая доска, в которую ударяют для созыва братии на молитву.

[79] *...егда шестеуя противу агарянъ безбожныхъ подъ Олексинъ...* — В июле 1472 г. хан Золотой (Большой) Орды Ахмат взял штурмом город Алексин и двинулся в сторону Оки. В разгроме войск Ахмата активное участие приняли дружины дмитровского князя Юрия Васильевича. В войсках Большой Орды началась эпидемия, и татары бежали.

[80] *...посланъ быхъ отцемъ въ градъ Воротынескъ, ко князю...* — Воротынск — город в Калужской земле, существовавший уже в XII в., центр удельного княжества с середины XV в. В патериковом рассказе речь идет о первом удельном князе Федоре Львовиче Воротынском. В 1442 г. он дал великому князю Литовскому Казимиру грамоту, в которой обязался служить ему. В 1448 г. стал наместником Козельским. В 1455 г. получил от короля Казимира жалованную грамоту на свои владения. Был женат на Марии Дмитриевне, внучке Ольгерда. В 1493 г. его сыновья Семен и Дмитрий Федоровичи перешли на службу к московскому князю Ивану III.

[81] *...въсхотѣ всесилный Богъ мстити кровь праведнаго, възопившую къ нему от земля, якоже Авелева древле.* — Авель — второй сын Адама и Евы. По библейскому рассказу Авель был пастухом, его старший брат Каин — земледельцем. Каин убил брата за то, что авелева жертва была принята Богом более благосклонно, чем его. «И сказал Господь Каину... что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли» (Быт. 4, 2—10). В Евангелии об Авеле говорится как о первомученике и праведном (Мф. 23, 35).

[82] *...и поиде ко отцу Варъсунофию, въ Савиной пустыни живущу во отходе...* — Варсонофий Неумой — старший брат Саввы Тверского, с которым вместе они основали Саввин (по главному храму — Сретенский) монастырь на реке Тме недалеко от Твери (1397). После пяти лет игуменства Варсонофий удалился в пустыню, передав правление монастырем своему брату. В уединении прожил сорок лет, любил нищету и нестяжание, знал наизусть Священное Писание. У него по богословским вопросам консультировался митрополит Фотий; он дал совет Иосифу Волоцкому отправиться в Боровский монастырь к Пафнутию и там начать свой монашеский путь. В глубокой старости вернулся в Саввин монастырь; прожил более ста лет; умер в первой половине 60-х годов XV в., раньше Саввы, скончавшегося около 1467 г. Савва и Варсонофий причислены к лику местночтимых тверских святых, память празднуется 2 марта.

[83] *...вземъ жену свою, новую Далиду...* — Далила — возлюбленная Самсона, предавшая его. См. подробнее коммент. к словам *Самсонъ Великий... женою преданъ бысть иноплемянникомъ* (сноска 86).

[84] *...Адамъ жены ради изъ рая испаде...* — Вслед за своей женой Евой Адам нарушил заповедь Бога и вкусил плод с древа познания добра и зла, за что оба были изгнаны из рая (Быт. 1—3).

[85] *...Соломонъ премудрый женъ ради отъ Бога страненъ бысть...* — Соломон — сын царя Давида от Вирсавии, преемник его власти в Израильско-иудейском царстве, создатель Храма Богу. Обладал огромными познаниями, достиг вершин земной мудрости. Ему приписывается составление следующих библейских книг: «Песнь Песней Соломона», «Екклезиаст, или Проповедник», «Притчи Соломона». С увеличением богатства посредством торговли и дани с подвластных народов в нем проявилась страсть к роскоши и чувственным удовольствиям, особенно к вину и женщинам. В гареме Соломона содержалось до 700 жен и 300 наложниц, которые большей частью были язычницами. Из-за любви к женам Соломон разрешил устроить капища языческим божествам и сам стал служить Астарте, Хамосу и Молоху(см.: Вт. 17, 17; 3 Цар. 4, 20—34 и 11, 1—8).

[86] *...Самсонъ великий... женою преданъ бысть иноплемянникомъ...* — Самсон — сын Маноя из колена Данова, из города Цора; по ветхозаветному преданию, был наделен громадной физической силой, тайна которой заключалась в его длинных волосах. Возлюбленная Самсона филистимлянка Далила остригла у спящего богатыря волосы и выдала его врагам. Когда волосы у пленного Самсона выросли, он разрушил храм, под развалинами которого погибли филистимляне (см.: Суд. 13—16).

[87] *Елици побѣдиша таковый искусъ, — якоже прекрасный Иосифъ...* — По библейскому преданию, Иосиф — любимый сын патриарха Иакова от его жены Рахили. Был продан братьями купцам, направлявшимся с торговым караваном в Египет. Здесь он стал рабом начальника стражи фараона Потифара, жена которого сначала пыталась соблазнить Иосифа, а затем оклеветала его перед мужем. Иосиф был заточен в темницу, но за проявленную мудрость в истолковании снов освобожден и приближен к фараону. За красоту, телесную и духовную, Иосиф прозван «Прекрасным» (см.: Быт. 30; 37—50).

[88] *Повѣда нам отець Паисѣя Ярославовъ...* — Паисий Ярославов (ум. в 1501 г.) — один из основателей течения нестяжателей, учитель Нила Сорского; был постриженником Спасо-Каменного монастыря под Вологдой и создателем Сказания об этом монастыре (кон. XV в.). С 1479 г. был игуменом Троице-Сергиева монастыря; вместе с Вассианом Рыло крестил сына Ивана III — будущего великого князя Василия III. В начале 80-х гг. Паисий покинул Троицкий монастырь из-за «самовластья князей-иноков», какое-то время жил в Москве, где великий князь уговаривал его стать митрополитом вместо Геронтия. В 1490 г. вместе с Нилом Сорским участвовал в церковном соборе и, возможно, содействовал тому, что еретики были приговорены к

торговой казни, а не к сожжению, на чем настаивал новгородский архиепископ Геннадий. Паисий был близок к брату московского князя Андрею Меньшому, который выстроил каменную церковь в Спасо-Каменном монастыре, сделал ряд богатых пожертвований в Троице-Сергиев монастырь.

[89] *...якоже святый пишет Дорофѣй...* — Авва Дорофей — святой, умер в 620 г. Был монахом монастыря Сериды в Сирии, потом настоятелем собственного монастыря близ Газы. Автор аскетических «Наставлений» и тридцати «Слов» о подвижничестве. В его записи известны поучения других отцов церкви, учеником которых он был, — Зосимы, Варсонофия и Иоанна.

[90] *Повѣда нам священноинок Иона, духовникъ пресвященнаго епископа Тверьскаго Акакиа.* — Акакий (1481—1567) — епископ Тверской и Кашинский (с 1522 г.), происходил из семьи священника, был постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря, с 1517 по 1522 г. — игуменом тверского Вотмицкого монастыря. В 1549 г., во время похода царя Ивана Грозного на Казань, был местоблюстителем митрополичьего престола. Участвовал в Стоглавом соборе 1551 г. и в соборе на еретика Матвея Башкина 1553 г.

[91] *...пребывающу в манастыри Святаго Николы на Улейме...* — Николо-улейминский монастырь был основан недалеко от Углича в 1400—1460 гг.; расположен на древней дороге, ведущей в Ростов.

[92] *...самиитииань...* — Возможно, речь идет о самаритянах, древнем народе Палестины, потомках вавилонских колонистов, переселенных в Самарию после разрушения ассирийцами Израильского царства. Самаритяне приняли иудаизм, но продолжали поклоняться и языческим богам, поэтому между ними и евреями существовала вражда.

[93] *...въ честнѣй обители преславныа Богородица на Симоновѣ...* — Симонов (Успенский) мужской монастырь был основан в Москве около 1370 г. племянником и учеником Сергия Радонежского Феодором, назначенным в 1390 г. первым архиепископом Ростовским. Преемником Феодора на посту игумена Симонова монастыря был Кирилл Белозерский. В 1379 г. монастырь был перенесен на новое место, в район Крутицкого подворья, но старый Симонов монастырь, находясь в подчинении нового, существовал до конца XVIII в. В описываемый в патерике период московский Симонов монастырь был одним из центров иосифлянства.

[94] *Приближающуся празнику святых верховных апостолъ Петра и Павла...* — Праздник апостолов Петра и Павла отмечается церковью 29 июня.

[95] *Повѣда нам нѣкий отець... каяся, и преставися.* — Этот текст не входит в первый сборник (ГИМ, Синод. собр., № 927) и публикуется по второму сборнику Вассиана Кошки (РГБ, Музейн. собр., № 1257).

ПЕРЕВОД

Поскольку многие монахи издавна сочиняли повести о древних святых, с которыми они вместе жили и от которых многое слышали, иное же сами видели и узнали, странствуя по монастырям, и по лаврам, и по пустыням, — чудеса, совершающиеся по воле Бога и его святых, умерших или пребывающих еще в этом мире, и не только сами из этого извлекали пользу, но и другим через написанное передавали то, что случилось в древности, не сокрыв таланта, как достойные строители благодати Владыки, чтобы не были забыты со временем Божьи чудеса и святых его, — захотелось и мне последовать святоотеческому преданию, описать для тех, кто будет после нас, свершившееся прежде наших отцов, как слышанное от ранее живших святых и в их времена случившееся, что они нам поведали, так и происшедшее в наше время, что мы от других узнали или сами видели, бывшее в обители отца Пафнутия и ученика его отца Иосифа, о чем слышали от них и от их учеников, живших в их монастырях, потому что отец наш Иосиф после кончины отца своего Пафнутия вернулся на родину, на Волок Ламский, и с Божьей помощью создал свой монастырь.

Тот Волок изначально был владением Великого Новгорода. Следует сказать и о Великом Новгороде, ибо древним был тот город. Во времена святых апостолов города тут еще не было, но там, где ныне Новгород, жили люди, которых называли «славянами». Святой же апостол Андрей захотел пойти в Рим, и проплыл в устье Днепра, а по нему в Понтийское море, и так прибыл в Рим. Славяне же после его ухода расселились по многим местам. Некоторые из них стали жить около большого озера Ильменя, и построили город, и назвали его Новгород, и стали называться «новгородцами», и были некрещенными до великого князя Владимира.

Волок Ламский — владение того города, и под властью новгородского архиепископа находится до нашего времени. Этот город является таким же древним. Первоначально он располагался на берегу Ламы-реки, ныне этот город великого князя Владимира, крестившего всю Русскую землю, называется «Старый Волок». После смерти Владимира великий Ярослав, его сын, объезжая русские города, пришел на Старый Волок. И, отойдя от него два поприща, поставил шатры на горе близ речки, что впадает в Ламу, чтобы отдохнуть в середине дня. И явился ему во сне старый человек, и указал перстом на другую сторону реки, говоря: «На том месте заложи город Волок и людей приведи оттуда». И показал на возвышенность рядом, и сказал ему: «А на этой горе поставь церковь Воздвижения Честного Креста Христова и создай монастырь. А на горе, на которой отдыхаешь, воздвигни церковь во имя святого пророка Ильи и также сотвори монастырь». Князь спросил его: «Господин, кто ты?» Он же ответил: «Я боговидец пророк Илья», — и, сказав это, стал невидим. Пробудившись, благочестивый великий князь Ярослав сделал все, что повелел ему святой пророк Илья. И построил город Волок там,

где и доныне стоит, и оба монастыря на указанных ему горах, и внутри города соборную церковь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. И дал священникам и обоим монастырям на содержание тамгу со всего: и померное, и явку, и пятно; и дал им вечные грамоты, и печати золотые приложил, которые мы сами видели и читали. И хранились они до князя Бориса Васильевича почти пятьсот лет; и тот взял их, не знаю, с каким намерением, в свою казну, а им дал свои грамоты (возможно, хотел надежнее сохранить их, но не сумел). Когда он скончался, пропали у него в казне, и погубил память предков своих.

Как Великий Новгород никогда не был завоеван кочевниками, так и удел его Волок. Когда Божьим попущением, ради наших грехов, безбожный агарянский царь Батый Российскую землю взял в плен и пожег, то он пошел к Новгороду, который Бог и пречистая Богородица защитили явлением архистратига Михаила, запретившего ему идти на Новгород. Батый пошел на литовские города, и пришел к Киеву, и увидел написанный над дверями каменной церкви образ великого архангела Михаила, и сказал своим князьям, указывая на него перстом: «Этот мне запретил идти на Великий Новгород».

Все это поведал своим ученикам отец Пафнутий, услышав от тех, кого поставил Батый властителями по русским городам («баскаками» называли их на языке врагов), и от своего деда Мартына, который был баскаком в городе Боровске. Когда же безбожный Батый был убит секирою, данной Богом, венгерским королем Владиславом, которого крестил святой Савва Сербский из католической в православную веру, на коне, посланном от Бога, тогда все правители Русской земли приказали убивать поставленных по городам властителей Батыя, если они не примут крещения. И многие из них крестились. Тогда и отца Пафнутия дед крестился и был наречен Мартыном.

Я же захотел написать о жизни отца Пафнутия, как сообщал выше, все, что от него слышал и от его учеников, бывшее в его монастыре и в других, о чем он поведал своим последователям; а также о жизни ученика его, отца Иосифа, которого мы почтили «Надгробным словом» и о жизни которого кратко рассказали: кто и откуда был, — что от него узнали и сами видели в его монастыре и других, все, что он нам поведал, мы также изложили по порядку. Пишем же мы об этом не потому, что святые отцы этого требовали, но для того, чтобы мы, читая, старались подражать их житию, — поэтому следуем древнему преданию, так как в патериках не только великих и чудотворных отцов жития, и чудеса, и слова, и поучения написаны, но и тех, что не достигли такого совершенства, но по силе возможностей подвиги творили, и тех тоже жития и слова описаны. О них пишется: один уподобился солнцу, другой луне, иной же большой звезде, некоторые малым звездам, — но все пребывают на небе. Как у земных царей

знатные люди, подобно друзьям, большую свободу имеют и могут совершать все, что хотят, и помогать просящим у них, а которые менее знатны, обладают властью, но не такой, а иные воины подобны малым золотым монетам, если и не имеют власти над людьми, то для себя извлекают пользу, но тоже пребывают в царской палате, — так же надо разуметь и о святых. Как апостолы, названные Господом друзьями и братьями, как мученики и чудотворцы — все эти святые могут помогать молящимся, всем им святые отцы на весь год создали каноны и праздники и, как должно, узаконили в Христовой церкви; иных же великих и чудотворных отцов оставили, таких как Паисий Великий, Иоанн Колов, и Аполлоний, и Марк, и Макарий Александрийский, и бесчисленное множество других, которым завещано вместе праздновать, малым и великим, в воскресенье по Пятидесятнице, а жития и чудеса их писать в патериках.

Ныне же мы дошли до последних дней и не можем сравниться с великими и соборными старцами, но, как говорили святые, те, что в последние времена будут спасаться многими скорбями и бедами, будут не меньше первых, — ради этого изволил я написать в патерике, по старинному преданию, о тех, кто по силе возможностей совершал подвиг трудничества: сначала об отце Пафнутии и его учениках, и что от него слышали; затем об отце Иосифе и его последователях, и что от него узнали и сами видели, также все, что поведали мне миряне. Постарался я описать, что от древних святых бывало и от живущих в нашей земле святых, ради неправедно говорящих и думающих, что в нынешние времена таких знамений не бывает: утверждающие это хотят и ранее совершившиеся знамения подвергнуть сомнению, не ведая, что и сейчас тот же Бог, сам и святыми своими, до конца мира творит чудеса. Мы же, предостерегая от такого зломудрия, постарались описать то, что действительно было в наше время, последуя древнему отеческому преданию, во славу Бога и его святых. Сначала скажем следующее.

Говорил старец Иосиф: «Как монах, пребывающий в своей келье, прилежно занимаясь рукоделием, и молитвой, и чтением, и углубляясь в свой внутренний мир, принимает утешение от облегчения совести и слез, так и начальствующий над братией одно имеет утешение, если находит своих духовных детей живущими по заповедям Бога, по божественному апостолу “Не имею большей радости, чем видеть своих детей пребывающими в истине”». Сказал также: «Истинное родство есть, если, уподобившись добродетелями ближнему, творишь богоугодные дела, разделяя все его страдания». Сказал еще: «Следует иноку, пребывающему в общежительном монастыре, часть пищи оставлять и говорить: “Это часть Христа моего”». Изрек и другое: «Если монах удовлетворяется трапезной пищей, не будет за это осужден, так как она дается с благословением. Горе же тайно вкушающему, по утверждению Григория Двоеслова, и вещи, и деньги имеющему в личном пользовании». Сказал и это: «Милостыня обще живущим, если

они пострадают друг от друга, и претерпят от обидевшегося на него брата, и не воздадут злом за зло».

Поведал нам отец Иосиф: «Пришли ко мне два человека, оба мирянина, по-божески живущие, оба мне дети духовные, имена обоих означают “Божий дар”: Феодосий-живописец и ученик его Феодор, который в иночестве носил имя учителя, — оба они по имени и жизнь свою построили, от младенчества обрели светильники девственности. Пишется ведь так: “Без Божьей благодати этого не совершить, не обрести путь истинный, ибо девственность есть огонь”. Они же не только его стяжали, как неразумные девы, но постоянно, подобно мудрым, покупали масло, до полного истощения раздавая свое имение, чтобы не угасли их светильники, ибо огонь — девственность, масло же — милостыня. Это сказал я о них, желая показать, что говорили они истину, а не коварную ложь, ибо от них я слышал такое страшное чудо.

Как говорил я выше, эти люди пришли ко мне. Был же тогда розыск от державных государей Русской земли на безбожных еретиков. Привели некоего человека, которого и я знал, и имя его мне известно, но не пишу, так как, по слову Господа, не достоин он упоминания. Он же, желая скрыть истину, начал рассказывать: “Однажды стоял я в церкви и размышлял о том, что слышал от проявляющих ложную мудрость еретиков, и подумал: «Если бы верно было их учение, то как святые апостолы, которые проповедовали христианство и за то кровь свою проливали, так же и мученики, и сколько святителей мудрых и чудотворцев было — все одинаково рассуждали?» Опять начал я размышлять как еретик, и неожиданно исходящий от алтаря огонь хотел опалить меня. Я же упал ниц, молился и с тех пор полностью отказался от еретических мыслей”. Это же говорил не истинно, а желая избежать надвигающегося наказания, как потом станет известно. Они же поверили ему и отпустили.

Со временем он был поставлен в священники. И, отслужив литургию, пришел в дом свой, держа в руках потир. Печь тогда топилась, а жена его, стоя рядом, готовила пищу. Он же, вылив содержимое потира в огонь печи, отошел. Жена же его посмотрела в печь и увидела в огне малое дитя. И послышался голос его: “Ты меня здесь огню предал, а я тебя там вечному огню предам”. Тотчас разверзлась кровля избы, и жена видит: прилетели две большие птицы и, взяв отрока из печи, полетели на небо. (Ей привиделись птицы, но то были ангелы). И кровля избы встала на свое место. Она же, испугавшись, никому не рассказала об этом. У нее была одна знакомая женщина, которая часто к ней приходила и которая жила рядом с домом того человека, что мне об этом поведал. И так как была ей близка и пользовалась доверием, то рассказала ей женщина, что сотворил ее муж-поп и как видела дитя в огне и голосу его внимала. Услышав это, та женщина, объятая страхом,

призналась мужу своему. Муж же ее был знаком тому, кто мне рассказал, и сообщил он ему, что слышал от своей жены. Он же нам поведал».

Мы же прославили Бога, творящего преславные чудеса, и с тех пор поняли, что не только православные, недостойно служащие и крестящие, но и которые являются тайными еретиками и из страха человеческого совершают службы по правилам соборной церкви, и мы от них получаем крещение, и исповедуемся у них, и божественные тайны от них принимаем, и эти ничем не вредят нам, ибо Бог совершает свои таинства Святым Духом и служением ангельским. Как многие святые свидетельствовали, разве только от отъявленных еретиков и совершающих службы не по церковному правилу — от этих надо удаляться, и дружбы с ними не поддерживать, и избегать их, как врагов истины. Богу нашему слава!

Поведал нам отец Вассиан, брат отца Иосифа, бывший потом архиепископом Ростовским. «Когда стоял я, — говорил, — в московском соборе честного Успения преславной владычицы нашей Богородицы, видел некоего крестьянина, который прилежно молился великому мученику Христову Никите и выяснял, где его икона. Я же, сведущий в этих делах, видя веру человека и необычную его молитву, подойдя, стал выяснять причину такой просьбы. Он же отвечал: "Отец мой и господин, я долгое время страдал от болезни и всегда молился и призывал на помощь великого мученика Никиту. Все бывшие со мной в доме крепко спали, один я, лежа на постели у открытого окна, не мог из-за боли уснуть. Много раз понуждали меня родные позвать в дом чародея. Я же никак не хотел и молился всегда великому мученику Никите. Ночью же той я услышал, что ворота моего дома отворились. Подняв глаза, я увидел: муж светлый, сидя на коне, приблизился к окну, которое было открыто над моей головой, и сказал мне: «Встань и выйди ко мне!» Я же ответил: «Не могу, господин». Он же вновь сказал мне: «Встань!» Я пошевелился, и почувствовал себя здоровым, и вышел из дома так, что никто не услышал, и поклонился ему до земли.

А когда я вставал, видел очень черного человека с огненным мечом в руке; он прилетел на коне быстро, как птица, и хотел меня зарубить. Светлый же тот муж запретил ему, говоря: «Не этого, а такого-то и такого-то в том селении», — и название его сказал, также и имена людей, которые ходили к чародеям. Черный человек вновь быстро, как птица, улетел. Я же спросил светлого того мужа: «Господин, кто ты?» Он же отвечал мне: «Я Христов мученик Никита и от Него послан исцелить тебя за то, что в свой дом не ввел ты чародеев, но на Бога надеялся и меня призывал, чтобы помог тебе. И даст тебе Бог жизни еще двадцать пять лет». И это сказав, скрылся из глаз, выехав на коне из моего дома теми же воротами. Я поклонился ему, и затем он

невидим стал. И уже, отец и господин, прошло пять лет, как случилось это.

Утром я рассказал об этом всем, кто был в моем доме. Они же, видя доказательство сказанному в моем здоровье, очень удивились и прославили Бога и святого мученика его Никиту. Я же наутро послал в названное селение, и обнаружили, что в ту ночь умерли люди, которых великий мученик повелел черному человеку убить, те, что ходили к волхвам. И мы еще больше прославили Бога, что избавил нас от такой беды и смерти”. Богу нашему слава!»

Поведаю вам другую повесть, что произошло в Иосифовом монастыре. Подобно тому как пребывающий в богатстве, если по-доброму распорядится им, спасение обретет, так и находящийся в нищете, если с благодарностью терпит, — как Избавитель наш в Евангелии упоминает Лазаря нищего, благодарного и терпеливого, — быть ему после кончины отнесенным ангелами на лоно Авраамово. Подобное случилось и в наше время. Некий человек, по имени Илья, был не очень знатного рода, но имел небольшую деревню; злые люди отняли ее у него, и поэтому жил он в нищете, не имея возможности приобрести необходимую пищу, в убогой избушке жил со своей женой, и то не в своей — у некоего христолюбца выпросил. И пребывал в крайней нищете, терпя с благодарением и молчанием, никогда не пропускал церковной службы; и, приходя в Иосифов монастырь, немногое, что требовалось ему, брал по повелению игумена.

Спустя некоторое время разболелся сухоткою, но до кончины пребывал в уме, и не терял дара речи. Брат его, монах, взяв больного, постриг в Иосифовом монастыре и ухаживал за ним до смерти. Когда же пришел час кончины, а его ум и речь еще были тверды, присутствующим при этом старцу и другим монахам больной Илинарх (так называли его в иноках) радостно и со смирением сказал: «А вот архангел Михаил», — и немного спустя промолвил: «И Гавриил». Брат же его, стоя перед ним, вздохнул и сказал: «Что-то еще даст Бог?» Он же, услышав, ответил: «Бог со мной». И так скончался.

Поистине удивительно, как открылись у него мысленные очи и познал он святых архангелов, которых никогда не видел. Из этого явствует: если человек во плоти был удостоен видеть и разуметь, тем более, отрешившись от плотских уз, может узнать не только святых ангелов, но и всех святых. И из этого следует: хотя он и женат был, но пребывал в невинности, ибо братья его имели много детей, столько же прожив с женами, — вот почему Илинарх был удостоен этого видения. Так было от Бога, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков.

В обители старца Иосифа был некий человек из знатного рода по имени Елевферий Волынский, он пришел к старцу Иосифу, и стал монахом его монастыря, и был назван Евфимием. Этот монах приходил в такое умиление и слезы, что не только в келье, но и во время церковной службы молитву Иисусову читал сосредоточенно и плакал беспрестанно; и в келье ничего другого не делал, только слезно плакал и преклонял колени; и ни с кем не разговаривал; и на каждой литургии каялся в греховных помыслах, и получал у старца Иосифа прощение.

Однажды, когда он стоял на литургии, молясь и плача, внезапно от алтаря его озарил несказанный свет; он же был охвачен великим страхом и спустя некоторое время приблизился к клиросу и поведал старцу Иосифу о сиянии света. Старец же сказал ему: «Не внимай этому, думай только о молитве и слезах». После этого видения инок Евфимий принял схиму и причастился животворящего тела и честной крови Христа, Бога нашего.

Когда в один из дней он не пришел на утреннее славословие, отец-игумен послал к нему монаха, который будил братию; он же, придя с огнем, нашел Евфимия, лежащего на коленях перед образом Божиим и пречистой Богородицы, держащего в руках четки, с заплаканным лицом — на коленопреклонении предал душу свою Богу. Посланный же брат, думая, что Евфимий спит, хотел его разбудить и обнаружил, что он мертв. Такую смерть Бог посылает готовым к ней, устрашая нас, неподготовленных, и на покаяние обращая, чтобы всегда помнили о неожиданном приходе смерти.

Спустя время после кончины его старец Иосиф рассказал нам о свете, осиявшем монаха Евфимия, о чем шла речь выше, и о том, как запретил ему обращать внимание на это. Мы же начали толковать случившееся как благое знамение. Он же сказал нам: «Если и благо будет, но нам не на пользу такое; от этого нужно отдаляться и не внимать ему, чтобы не принять вместо пастыря волка. Некоему из монахов явился Сатана, и несказанным светом осиял, и сказал ему: “Я Христос”. Он же закрыл свои глаза и ответил ему: “Я Христа не хочу здесь видеть”». Тем более нам, немощным, и перед концом света нельзя стремиться к такому, а надо иметь послушание, заниматься трудом, по силе возможностей прилежать посту и молитве, а также смирению, считая себя ниже всех, так как это главная из добродетелей, и держать начало.

Как у нас инок Феогност, по мирскому прозванию Скряба, который положил житию своему такое начало: вместо рубашки возложил на

тело железные латы, и каждый день читал псалмы Давидовы да пять канонов, и совершал тысячу земных поклонов да пять тысяч Иисусовых молитв. И не изменил этого обычая до своей смерти, которая произошла через три года. Как Епифаний, который был богатым и знатным человеком, но в юности отрекся от мирского и пребывал в послушании. Как достигший глубокой старости Досифей, который только пять лет со смирением и в нищете служил всем, как незлобивый агнец и целомудренный голубь, а по прошествии пяти лет умер. И юный Давид, который семь лет страдал, как и древний Иов: черви, называемые волосатиками, грызли ему ногу и не давали все ночи спать, и бывшие с ним не могли уснуть от его стонов и крика. И в той болезни скончался и отошел к Господу. И иные многие в нашей обители со смирением и послушанием совершали посильные для них подвиги; будучи созданы по законам вещественной жизни, по словам Лествичника, прожили они жизнь по вещественным законам природы. И все веруют Богу, что спасение получили.

Поведаю же вам другое чудо преславное, которое слышал от отца Никандра, что родился и жил в Литовской земле. Когда безбожный агарянский царь Ахмат пришел к Угре, Никандр, будучи еще мирянином, был пленен одним из князей Ахмата и принуждаем к отречению от Господа нашего Иисуса Христа. Повелел тот безбожный князь дать Никандру шнурок со множеством животворящих крестов, которые его злочестивые слуги отняли у христиан, чтобы бросил их в огонь (в том доме тогда топилась печь), а другому слуге повелел стоять с мечом, поднятым над головой пленника: если Никандр не ввергнет их в огонь, то отрубить ему голову. Никандр же предпочел лучше умереть за Господа нашего Иисуса Христа и сказал безбожному князю: «Мы крестам поклоняемся и целуем их». Злочестивый же князь повелел устрашить его смертью: резать понемногу шею Никандра и давать ему кресты, чтобы бросил их в огонь. Он же не хотел этого сотворить. Безбожный же князь повелел, взяв за шнурок, теми крестами бить Никандра без милости. Он же никак не подчинялся. И внезапно напал страх на безбожного царя Ахмата, и побежал он. Тогда и тот князь побежал. А Никандра в одной сорочке и босого бросили на льдине, и из-за сильного мороза пальцы на ногах его отмерзли. И после ухода безбожных взяли его, едва живого, в город; был он по своей воле мучеником и без крови принял этот венец.

Был он благоразумным человеком: хотя и не научился писать, но со слуха все в памяти хранил и разумел, скольких благ сподобил его Бог, потому что не отрекся от Него и не бросил в огонь честного креста, только сильно печалился, что не умер мученической смертью за Христа. И поэтому пожелал отречься от мира, и пришел в монастырь к старцу Иосифу, и стал монахом. С ним и я долгое время жил. Никандр пребывал в монастыре 43 года, исполненный всякими добродетелями: нестяжанием, и послушанием, и молитвой, и слезами; около тридцати лет служил больным, не имея даже своей кельи. Воздержание такое

творил, что всегда, до самой смерти, не все, принесенное братиею, принимал, а обычно принимаемую пищу оставлял, говоря, как старец Иосиф: «Это часть Христа моего». О всех его добродетелях нельзя сказать мимоходом; это ему Бог помог совершить за то, что Никандр не отрекся от него — не бросил в огонь великого и честного креста.

Никандр поведал мне это преславное чудо. «Когда я, — говорил, — еще жил в миру, на окраине Литовской земли, там была церковь владычицы нашей Богородицы, в которой многие чудеса совершались преславною Богородицею. Об одном из них тебе расскажу.

Была там некая вдовица из знатных людей, имела единственного сына, который находился на военной службе. Случилось так, что он, заболев, умер. Его же, как принято делать с умершими, обрядили и понесли к той церкви, чтобы предать погребению. Как только хотели положить его во гроб и засыпать землей, мать, беспрестанно рыдая, и ударяя себя в грудь, и терзая волосы, с громким воплем стала молить пречистую Богородицу и биться головой о гроб сына своего, говоря: “Верни мне, Владычица мира, живого сына и разреши вдовство и сиротство!” И много времени плакала горько, не давая положить его во гроб, так что и другие с ней плакали. И когда подняли его, чтобы положить во гроб, вдова упала на землю, горько плача. И вдруг пришел в движение умерший. И, открыв, распеленали его, как некогда Лазаря. Он же тотчас встал здоровым, будто никогда не болел. Бывшие же тут воскликнули: “Господи, помилуй!” — и со многим удивлением и страхом со вдовицей и сыном ее долго прославляли преславную Богородицу, сотворившую такое страшное чудо. И с того времени до второй смерти “Мертвым” звали его.

И спросили его, видел ли что там. А он отвечал: “Ничего не помню”. И стало ясно, что, если и видел он там бывшее, то забыл, потому что до нынешней смерти пробыл в этой жизни до сорока лет и все забыл, что в те годы было. Но когда воскрес, будто бы второй раз родился: и тамошнее, и здешнее — все забыл, подобно тому, как и нам часто случается во сне видеть, пробудившись же, все забыть. Как и о Лазаре писано, что ничего не поведал: или не позволено было видеть, или и видел, но не разрешено ему было рассказывать».

Бывает и другая смерть людям: по виду как мертвый, но душа его в нем, — это бывает с пораженными молнией и громом. Как Анастасий-царь поражен был громом и вскоре положен во гроб, а потом ожил и начал кричать во гробе, так же и в наше время некий юноша поражен был громом, его же вскоре погребли, и говорили о нем, что кричал в гробу. Также и некоторые из тех, что вином горящим опивались или от угару

умирали, после нескольких дней оживали, потому что души их еще в них были и они не совсем умерли. И если от удара, или от скоротечной болезни, или внезапно умерли — всех этих не следует вскоре хоронить, тем более в холодное место класть: случается с некоторыми, что уже умерли, но души их еще в них находятся. Некий монах умер, и, обрядив его, положили во гроб. И пришел пономарь взять и нести его в церковь, для того чтобы отпеть его, и нашел монаха снявшим с себя погребальные одежды и сидящим. И если бы вскоре похоронен был и во гробе ожил, то вновь жестокой смертью умер бы. Но тогда лето было, поэтому он остался в живых; если бы зима была, то умер бы он от мороза. Поэтому, как я уже говорил, не следует вскоре погребать, ни в холодное место тело класть.

Поведаю и другое чудо владычицы нашей, преславной Богородицы, которое было в наше время. Некий человек из боярского рода, по имени Борис, по прозванию Обабуров, постригся в монахи и был назван Пафнутием. И жил в монастыре старца Иосифа на Волоке Ламском. В том городе есть девический монастырь, а в нем церковь святой великомученицы Варвары. В том монастыре постриглась бывшая супруга вышеназванного старца. Их дочь, выданная замуж, вскоре сделалась расслабленной и немой; мать, взяв ее, постригла в том же монастыре. И пребывала она немой и расслабленной 5 лет, даже рукой не могла двинуть.

Когда же в Иосифовом монастыре приблизился праздник преславной Богородицы, честного ее Успения, родители той инокини умолили старца Иосифа, чтобы разрешил принести ее ночью и положить в церкви Успения святой Богородицы в его монастыре. И он уступил их просьбам, несмотря на запрет входить туда женщинам. Послал одного старого священника и приказал совершить молебен. Когда началось пение, больная ощутила, как немного окрепло ее тело, также и гортань, и повелела поднять себя с ложа, с которого никогда раньше не могла встать. Поднявшись, она, поддерживаемая двумя людьми, подошла и стала целовать икону Успения святой Богородицы. И, отведя, поставили ее у клироса; она же, держась за клирос, стояла до конца пения. Потом отвезли ее в свой монастырь.

И в пост преславной Богородицы захотела она причаститься животворящего тела и честной крови Христа, Бога нашего, за два дня до бессмертного Успения пречистой его Матери. И в ту ночь случилась с ней телесная немощь: она те дни пребывала без пищи, совершая молитвы. На божественное Успение пресвятой Богородицы перед литургией принесли ее в церковь того монастыря и поставили у клироса. Священный же инок, игумен Покровского монастыря, хотел произнести над ней «Покаяние» и велел ей вникать в силу сказанного. И когда произнес: «Исповедаюсь Богу и пречистой его Матери», —

тогда открылись ее уста, и стала повторять за ним, и выздоровела. Священник был поражен великим страхом и говорил, трепеща. Она же чисто повторила за ним все «Покаяние» и по окончании сама быстро пошла в свою келью, с радостным криком призывая родившую ее, извещая о своем исцелении и о бывшем с ней чуде, совершенном преславной Богородицей. И можно было видеть мать, радующуюся за свое чадо; и все, слышавшие об этом, вместе с ними прославляли Бога и пречистую его Матерь за преславные ее чудеса.

Подобает же и это поведать вам, что произошло в монастыре Иосифа. У благоверного князя Бориса Васильевича был некий боярин — князь Андрей, по прозванию Голенин, у которого было три сына: Иоанн, и Семен, и Андрей, — во всем подобны ему, и телом, и разумом, — и умер он. Потом старший сын Иоанн после тяжелой болезни, покаявшись и причастившись, преставился и был погребен в Иосифовом монастыре.

Вскоре после этого их мать Мария (такое она носила имя) после обеда, читая вслух Псалтирь и устав, легла немного отдохнуть. И, задремав, увидела сына своего Иоанна и с радостью молвила: «Дитя мое сладкое, ведь ты уже скончался». Он же ответил «Скончался, госпожа моя матушка». «Да каково, господин, тебе там?» Он же поведал: «Хорошо, госпожа, потому что на святую Великую пятницу искренне покаялся отцу духовному, и епитимию взял, и обещал впредь греха не творить, и сохранил меня Бог до смерти». И она сказала: «Так возьми, мое чадо, и меня к себе». А он отвечал: «Не тебя, а брата Семена». Она же вскричала со слезами: «Что ты говоришь, чадо мое?» А он, воздев руки, ответил: «Бог так повелел». И она, очнувшись, радостна и печальна была: радостна, потому что видела своего возлюбленного сына, получив известие, что находится он среди праведников; печальна же, потому что и второй ее сын будет взят у нее.

Вскоре и средний сын Семен разболелся, покаялся и причастился животворящих тайн Христа, Бога нашего. И так преставился, и был положен в Иосифовом монастыре вместе со своим братом. Мать же много плакала, как древняя Клеопатра, и всегда по ним творила многие милостыни и священные службы, и находила утешение в одном младшем сыне Андрее. И молилась, чтобы быть похороненной им. И по прошествии времени она скончалась, и была погребена сыном.

И сотворил он в ее память священноприношения и многие милостыни, и был свободным от всех. И увидев несостоятельность сего мира, — ибо у него был совершенный ум и он хорошо знал Божественное писание, — и подражая божественному Святоше, отрекся он от мира, и множество слуг отпустил на свободу, и всех ублаготворил. Они же со многими

слезами проводили его в монастырь отца Иосифа. И рукою его был пострижен, и облечен в священный иноческий образ, и был наречен Арсением. И многое богатство, и села свои — все вложил в монастырь отца Иосифа, а прочее многое богатство раздал слугам своим и нищим. И был нищ Бога ради, и в плохие одежды одет, и выполнял тяжелую работу в хлебне и поварне, как один из нищих, по отношению ко всем был смиренным и многотерпеливым, как никто другой. И к отцу Иосифу имел великую веру, и все делал по его воле, как сын родной; и не только здесь с ним хотел быть, но и по смерти. Сотворил же родителям своим и себе вечную память в Иосифовом монастыре, чтобы поминали их во вседневном списке, пока стоит монастырь Пречистой, и по шести трапез устраивали на всякий год по ним на братию и на нищих. Таким благотворением не только себе принес пользу, но и своих родителей возместил недостатки.

Когда же Иосиф умер, он непрестанно молился у его гробницы Господу Богу и пречистой его Матери, и отца Иосифа призывал на молитву, и выражал желание отрешиться от плоти и быть с ним. И услышал Бог молитву его; и вскоре, немного поболев, принял великую схиму, и, причастившись животворящего тела и крови Христа, Бога нашего, и простившись со всеми, с веселым ликом отошел к Господу. Братия же очень жалела о нем. Был он прекрасным человеком, и речь его была сладка, всегда Господа славил, и лицом был светел, имел бороду черную, густую и не очень большую, раздвоенную книзу, а роста был среднего. Положили его в приделе церковном с братьями его, которые прежде умерли, славяще Бога, которому слава ныне и присно.

ОБ ОТЦЕ МАКАРИИ КАЛЯЗИНСКОМ

Поведал нам отец Иосиф Волоцкий об отце Макарии Калязинском. Говорил, что он был родственником знатных бояр тверских, предки его назывались Кожины. Когда еще был юным, родители женили его. Он же понемногу уговорил жену отречься от мира и принять монашество. Также и он оставил мир и стал монахом. И в своих родных местах, в Кашине, на берегу великой реки Волги, создал монастырь и вотчину свою, все села, вложил в тот монастырь. В том месте жил земледелец по прозванию Каляга. Из смирения Макарии не разрешил назвать монастырь своим именем, но Калягиным назвал. Устав же принял не держать хмельных напитков, не есть, не пить по кельям.

Когда же собралось к нему много иноков, то он не пожелал принять священство и начальствовать над братией, но пожелал в смирении жить. И поэтому, выбрав одного из бывших с ним иноков, поставил его игуменом, сам же, как один из последних монахов, пребывал в труде,

выполняя всякую работу, и носил самую плохую одежду, был очень смирен и кроток; и когда кого называл по имени, всякому говорил: «Старчушко добрый». И ничем, бывшим в обители, не владел, только следил, чтобы жили по установленному монастырскому закону.

Игумен же, объединившись с некоторыми монахами, начал нарушать бывшие в монастыре обычаи: и в пище, и в питии, и в прочем во всем отступать от установленного правила. Святой же много поучал его, но не послушался игумен; Макарий, доложив о нем епископу и другого избрав, сделал игуменом. Со временем и тот начал таким же образом жить, Макарий и того отставил от игуменства.

И когда святой достиг возраста зрелости, епископ начал самого его побуждать принять посвящение и начальствовать над братией в своем монастыре. Также и родственники его — Захария, по прозванию Бороздин, и другие все его родные — с трудом уговорили его, как наиболее достойного, принять священство. И, дав благословение, епископ послал его в монастырь начальствовать над братией; он же пошел, и должным образом пас свое стадо на пажити данного им закона, и всем был примером в лощении, и нищете, и в трудах, и в молитвах, и был первым в исполнении церковного правила. И был хорошим подвижником, и жил в простоте, подобно великому Спиридону. И многих учеников прежде себя отправил к Богу, потом и сам в старости должным образом преставился, умножив данный ему талант благодати, и обрел радость Господа своего, и поставлен был над учениками своими, которых он спас и которых ныне спасает в своем монастыре, тех, кто подражает его житию. И был положен около церковной стены.

И много лет спустя некий человек в Кашине, очень благочестивый и богатый, по имени Михаил, прозванием Воронков, имея великую веру в святого, захотел создать в его монастыре каменную церковь. И, когда копали ров, обрели гроб святого, целый и невредимый, и, открыв, увидели святого не только самого целого и невредимого, но и одежды его, будто в тот день положенные, ничем не поврежденные. И воскликнули все: «Господи, помилуй!» О чудо, братья, — пробыл святой в земле до сорока лет и больше, а обретен, будто сейчас положен.

Был же в обители его некий человек, у которого ноги были скорчены и который ползал всегда на коленях и руках, и поэтому его прозвали «Кочкой». И прикоснулся он к раке святого с воплем и слезами, и внезапно в тот же час выздоровел, скакал и хвалил Бога, как во времена апостолов у Красных дверей хромой. И потом всегда многие чудеса

бывали от честных мощей Макария во славу Бога, как о них запись свидетельствует. Богу нашему слава ныне и присно!

Поведал нам тот же отец Иосиф. Был некий игумен в большом монастыре в Тверской земле, очень добродетельный: с младенчества чистоту обрел, в юности от мира отрекся — и жил долгое время, начальствуя над братией. У него был обычай стоять у передних дверей церковных, в которые братия входила и выходила; и если монахи выходили не из-за неотложных дел, а на паперть церковную на празднословие, он, одержимый яростью, бил тех жезлом, бывшим в его руках. И так поступал до кончины своей и не ставил себе в вину этот недостаток, но думал, что совершает это ради пользы братии. Когда блаженный достиг конца жизни, охватила его руки болезнь и, как огнем, жгла их. Братия ставила ему кадку, полную снега, в который погружал он руки свои до запястья, и, когда таял снег, вновь насыпали. И так делали, пока он не скончался.

Сообщили об этом отцу Пафнутию, что в Боровске, он же сказал так: «Старец думал, что ради пользы братии он это делал, и потому не осуждал себя и не скорбел об этом. Вот почему Бог при кончине его здесь наказал страданием, чтобы там помиловать». Также написано о великом Арсении у святого Никона: некто из святых видел великого Арсения в неизреченном свете сидящего на золотом престоле, а ноги его были на ветхой колоде поставлены, и вопросил его о том, он же сказал: «Это из-за того, что ноги свои всегда омывал я теплой водой и держал в дорогих сандалиях, и не ставил себе этого в вину».

Если уж и великие отцы будут отвечать в том мире за то, что не осудили себя в этой жизни за малые недостатки, как было рассказано, то тем более я, окаянный, увы мне, и подобные мне, которые не только малые недостатки презирают, но и в великих грехах пребывают и не каются, будем достойны великого осуждения, если здесь не омоем грехи своими слезами и милостыней или телесным тяжким страданием, допускаемы Богом, милостивым и душелюбивым врачом, к врачеванию душевных язв, и не примем здесь наказания за согрешения души. Если же здесь не очистившись, отойдем туда, будем подвергнуты жестокому осуждению. Поэтому постараемся плачем, и слезами, и прочими добродетелями излечить язвы душевные с помощью благодати и человеколюбия Господа нашего Иисуса Христа, ему же подобает слава с Отцом и со Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

И это мы слышали у преподобного отца Иосифа. Когда, де, была Орда, называемая «Золотой», ради наших грехов около Русской земли, взяли в плен двух детей боярских христианской веры, двух родных братьев.

Один из братьев по понедельникам постился, не ел скоромного. Когда злые те кочевники стали принуждать их есть свою пищу, они, не покорившись, один день терпели голод, а на другой день один из братьев не мог терпеть, стал есть их пищу. Другой же брат, который постился по понедельникам, не покорился им, был голодным. И они начали его бить и принуждать к принятию их пищи; он же три дня голодал и страдал от ран, но им не покорился.

Вечером кочевники, видя его твердость и терпение, связали пленника и бросили под телегу. Он же молился и стойко переносил боль. И около полуночи явился к нему человек светлый и сказал ему: «Востань!» Он же отвечал: «Как мне, господин, встать, если связан я крепко?» Тот же повторил ему: «Востань, не бойся!» Юноша начал вставать, и неожиданно все, чем он был связан, разрушилось; и, когда он встал, светлый тот человек сказал ему: «Не бойся, иди за мною». Когда они шли через безбожное то кочевье, то видели, как в ночи кочевники по их скверной вере творят греховные дела, говоря: «Бог, — мол, — спит», — и пьют без меры, и во всякую скверну языческую впадают. Юноше стало страшно, и сказал ему тот светлый: «Не бойся, только следуй за мной». И так прошли они сквозь все безбожное то кочевье невредимыми. И как вышли из людного места, увидели стоящее дерево. Тот светлый приказал юноше влезть на дерево и сказал: «Никого не бойся, только молчи». Он же спросил его: «Ты кто, господин?» И ответил ему светлый: «Я понедельник», — и исчез. Юноша, пребывая в великой радости и страшном волнении, сидел на дереве и смотрел на кочевье язычников.

Когда же хватились те злые кочевники сына боярского, обнаружив, что под телегой никого нет, они схватили его брата и начали его бить, говоря: «Ты, — мол, — брата освободил». И избили его, и связали по рукам и ногам, и продели сквозь них палку, и стали на огне печь, как палят свиней, и сожгли его. Когда же рассвело, то кочевье двинулось вперед, и никто из людей не посмотрел на верх дерева. Юноша же слез с дерева, вышел на Русскую землю и пошел не к родным, а в Пафнутьев монастырь, и постригся, и всем рассказал это.

РАССКАЗЫ ОТЦА ПАФНУТИЯ

Поведал нам отец Пафнутий: «Во время, когда был великий мор, в 6935 (1427) году, люди умирали от болезни, называемой “прыщ”: кому суждено было умереть, на том этот прыщ был синим, и после трех дней болезни человек умирал. И которые берегли свою душу, те в покаянии и монашестве кончали свою жизнь. Которые же были духовно неразумны и много пили, так как огромное количество меда было брошено и

оставлено без присмотра, те в такое бесчувствие впадали из-за злостного пьянства, что, когда один из пьющих внезапно падал и умирал, они, запихав его ногами под лавку, продолжали пить. И тогда находился без присмотра не только мед, но и ризы, и всякое богатство. Кому же суждено было остаться в живых, на них болячка была красной; и долго болеют, и место то выгнивает, — но не умирают. Однако не много таких было, очень мало осталось людей. И те только золото и серебро брали, а всем другим пренебрегали.

Наказание же то Божие; Бог сотворил так, чтобы было известно, кому умереть или остаться живым, ибо за три дня можно покаяться и постричься в монахи. Которые были одержимы неразумием, те в этом наказании и гневе Божьем, ниспосланном Богом, погибли, как бесчувственные скоты. Мало же и редко осталось людей».

Рассказал же блаженный отец Пафнутий, что в тот мор некая монахиня умерла, но вскоре ее душа возвратилась в тело. И поведала она, что многих видела там: кого в раю, а иных в муке, и монахов, и мирян. И стали рассуждать о тех, о ком она рассказала, что это обрели они согласно их житию, — и открылась истина.

О великом князе Иване Даниловиче

Она рассказывала, что видела в раю великого князя Ивана Даниловича; назвали его Калитою, так как был он очень милостивым, и всегда носил на поясе мешок, полный серебряных монет, и, куда бы ни шел, раздавал нищим, сколько достанет из мешка рука. Один из нищих, получив от него милостыню, вскоре снова пришел, и князь дал ему второй раз. И потом, с другой стороны зайдя, просил, князь же и в третий раз дал ему, говоря: «Возьми, ненасытные глаза». Нищий сказал ему в ответ: «Это ты ненасытные глаза: и здесь царствуешь, и там хочешь царствовать». И стало ясно, что от Бога был послан, искушая его и извещая, что Богу угодно дело, которое он творит.

О видении великого князя Ивана Даниловича

Видел он сон: привиделась ему большая гора, на верху которой лежал снег; и на глазах его снег, растаяв, исчез; вскоре также и гора исчезла. Поведал он о видении преосвященному митрополиту всея Руси Петру. Он же сказал князю: «Чадо мое и сын духовный! Гора — это ты, а снег

— я. И прежде тебя суждено мне уйти из этой жизни, а тебе — после меня». И сначала преосвященный митрополит всея Руси Петр преставился, 21 декабря 6834 (1326) года, а великий князь Иван Данилович умер в 6849 (1341) году. И ради добрых его дел инокиня, о которой прежде рассказывалось, видела князя в раю.

И идя оттуда и не дойдя до места мучений, видела ложе, на котором лежал пес, укрытый собольей шубой. Она обратилась к проводнику, спросив его: «Что это?» И он отвечал: «Это агарянин того щербетника, милостивый и добродетельный. Бог избавил его от муки ради несказанной его милостыни; но поскольку не потрудился он обрести истинную веру и не крестился, недостоин войти в рай, по слову Господа: “Кто не родится от воды и Духа, не может войти в царство небесное”. Но он был столь милостив, что всех отпускал, избавляя от нужды и всякого долга, и освобождал пленных христиан, посылая за ними по кочевьям и выкупая их; и не только людей, но и птиц отпускал, выкупив их у поймавших. Показал это Господь в понятных для человека образах: ради злой его веры — в образе пса, ради честной милостыни — в многоценной шубе, которой покрыт в знак избавления от вечной муки. Там же души неверующих в Бога не в образе пса будут, не шубами покроются, но, как уже говорил, дав ему образ пса, Господь указал на его зловерие, дав шубу — на честную милостыню. Смотри, как велика сила милостыни, что и нехристианам помогает!»

О Витовте

Потом же повел ее проводник в место мучений, и многих видела она там в муках, которые обрели за свою жизнь, — и явилась истина. Видела она там в огне человека, который в этой жизни был велик и славен, исповедовал католическую веру, и страшного мурина, стоящего рядом с ним и кидающего ему в рот золотые монеты, выхваченные клещами из огня, и приговаривающего: «Насыться, окаянный!» И другого человека, который в этой жизни назывался Петеля и был любим богатым и знатным человеком, и благодаря тому неправедно стяжал большое богатство, — его видела она нагим и обгоревшим, как головня; и носил в обеих горстях золотые монеты, говоря всем: «Возьмите!» И никто не хотел взять.

И это было показано в привычных для человека образах, что из-за неправды, лихоимства, сребролюбия и немилосердия такое наказание приняли. Там же осужденные не имеют ни золота, ни серебра, и, если бы и давали им их, — никому они там не нужны, но таким образом показал Господь, почему были они наказаны; и не только тех людей, но

и добродетельных в телесных образах являет, показывая, за что они были спасены.

О милостыне

Говорил и это блаженный отец наш: «И одна милостыня может спасти человека, если живет, не нарушая законов. Слышал я о некоем человеке, который до конца жизни творил милостыню и, когда он скончался, — как было некоему откровение о нем, — был приведен к огненной реке, а на другой стороне реки — место злачное и очень светлое, садовием украшенное. И не мог он перейти в то чудесное место из-за страшной реки, и внезапно пришло множество нищих, и стали перед его ногами укладываться в ряд, и сделали подобие моста через страшную ту реку — и он перешел по ним в чудесное то место».

Бог мог и без моста перевести через эту реку. Ведь пишется о Лазаре: перенесен был ангелами на лоно Авраамово, хотя и была великая пропасть между праведными и грешными, и не потребовалось моста, чтобы преодолеть ее; но таким образом, ради нашей пользы, было показано наказание грешных и спасение праведного, чтобы мы узнали, за что будем осуждены, и также явил Бог, за что праведный был спасен.

Подобно тому и в «Беседах» Григория Двоеслова написано: через огненную реку мост, а на нем испытание, и грешные при том испытании бывают задержаны бесами и сброшены в огненную реку; а на другой стороне реки такое же место чудесное, всякими красотами украшенное. Праведные же не задерживаются при испытании, но свободно проходят в то чудесное место. И другое многое там писано о праведных и о грешных, показано в образах человеческих.

О князе Георгии Васильевиче

Поведали нам ученики отца Пафнутия: «Имел наш отец обычай вставать прежде заутрени и воздавать Богу молитвы и пение. И когда церковный служитель опаздывал бить в клепало, сам отец его будил.

И в одну из ночей, разбудив служителя, сам пошел и сел на пороге церкви. Служитель медлил, а отец, устав от многого труда, задремал и видит во сне: ворота монастыря открылись, и множество людей со свечами идет к церкви, и среди них князь Георгий Васильевич. И, подойдя, поклонился церкви и отцу до земли, и Пафнутий сделал так же, как он. И вопросил его отец, говоря так: “Ты уже, государь, умер?” Он же сказал: “Отче...” “Каково тебе нынче?” Князь же ответил: “Твоими молитвами Бог дал мне добро, отец, так как когда я шел против безбожных кочевников под Алексин, принес тебе чистое покаяние”. И когда начал звонить церковный служитель, отец проснулся и удивился необычному видению, и прославил Бога.

Тот князь долгое время приходил к Пафнутию как к духовному отцу и жил в чистоте, не зная женщины. И говорил тот князь: “Как пойду на исповедь к отцу Пафнутию, и ноги у меня подгибаются”. Таким был добродетельным и богобоязненным».

О ворах

Поведали нам и это: «Имел наш отец пару волов, на которых вместе с братом выполнял монастырскую работу, и в летнее время оставил их вне обители, в чаще леса. Ночью пришли воры, обротали их и хотели увести, лишив отца Пафнутия любимой им работы. И всю ночь блуждали они в чаще леса, пока не рассвело. И увидели их монастырские работники, и привели к старцу. Он же, наказав им никогда не брать ничего чужого, повелел их накормить и отпустить».

Поведали нам те же ученики отца Пафнутия,, что некий старый инок (имя его Евфимий), очень духовный человек, имел такой великий слезный дар, что не только в келий, но и в церкви на всякой службе безмолвно испускал теплые слезы. И захотел Бог показать отцу Пафнутию и другим монахам, что не суетные то были слезы, но обращенные к Богу.

Некие два брата имели любовь между собою, отец же Пафнутий был недоволен этим, поэтому они задумали тайно уйти из монастыря. И во время божественной литургии старец Евфимий, о котором говорилось выше, творил обычное для него дело: в сильном умилении испускал теплые слезы — и посмотрел на Пафнутия и на поющих с ним. Были с ним на клиросе и оба те брата. Старец Евфимий видит: из-за них высунулся некий мурин, на голове которого был очень острый колпак, а сам он был клокат, и клочья были разного цвета; и в руках он держал

железный крюк, каким тех братьев стал за ризы притягивать к себе. И, когда привлекал и хотел схватить руками, внезапно железное то орудие лишалось силы и отлетало в сторону.

И это надо понимать так: когда враг внушал им мысль не покоряться старцу и уйти из монастыря и они принимали помысл и действовали согласно ему, бесу было легко притягивать их; когда же сопротивлялись помыслу и отвергали его, тогда железное то орудие лишалось силы и отлетало в сторону от них.

Когда же начали читать святое Евангелие, тогда тот мурин исчез, а по окончании Евангелия снова явился и стал совершать прежние дела; и во время Херувимской песни опять исчез, а по окончании той явился и стал делать так же, как прежде. Когда же возгласил иерей «Изрядно пречистой владычице нашей Богородице», тот страшный мурин, как дым, исчез и больше не являлся.

Тот старец, видевши это, был в сильном волнении и в великом смятении пребывал все время службы. По окончании литургии, прийдя, поведал виденное отцу Пафнутию. Блаженный же, призвав названных монахов, наставил их не принимать внушаемые врагом мысли и не скрывать их, а искоренять покаянием.

Поведали нам ученики отца Пафнутия, блаженный Иосиф. «Некогда, — рассказывал Иосиф, — был я послан отцом в город Воротынск к бывшему там князю ради некоторых нужд и нашел его в великой скорби: у князя был некий человек, очень любимый им, добродетельный и боголюбивый, который всегда давал ему полезные советы, по имени Матвей, по отчеству Варнавин; сын же князя ненавидел его, так как тот давал отцу советы не такие, как он хотел, и поэтому приказал одному из своих слуг убить его; князь же об этом ничего не знал.

Когда убили Матвея, захотел всесильный Бог отомстить за кровь праведного, возопившую к нему от земли, как в древности Авелева. И поэтому сын князя, приказавший убить Матвея, вскоре внезапно умер; также и убивший праведного по его приказу умер злой и неожиданной смертью. Мать того убийцы захотела на третий день по обычаю принести дары в память о нем. Священник же облачился в одежды, послал за просфорами, желая начать проскомидию, чтобы принести дары об убийце. Пекущий просфоры открыл печь, чтобы взять их и отправить к священнику, — и увидел печь, полную крови. Священник

же и все бывшие с ним в великом страхе прославили Бога, отомстившего за кровь праведного, несправедливо пролитую, и поняли, какое наказание приняли убийцы праведного, ибо были лишены они всякой помощи».

Тот же отец Иосиф поведал нам. «Слышал, — говорил, — от отца Пафнутия, как блаженный Петр Чудотворец, преосвященный митрополит всея Руси, в соборной церкви Успения пречистой Богородицы, которую сам создал, начал молиться о некоторых государственных делах. И пришел к нему монах, его келейник, по прозванию Целада, и сказал ему: “Ты молишься и хочешь быть услышан, а в казне у тебя три рубля”. Петр тотчас повелел ему раздать деньги нищим и сразу же получил то, о чем просил в молитве». Смотри, какое нестяжание имел этот блаженный, вот почему он был назван новым чудотворцем.

Тот же отец Иосиф поведал нам. «Некий, — говорил, — разбойник, именем Яков, прозванием Черепина, был очень жесток, и, вспомнив все совершенное им зло, пришел к старцу Пафнутию, и постригся в монахи. Но вскоре, отказавшись от монашества, стал снова разбойничать. И однажды, когда отец Пафнутий стоял в монастырских воротах, а Яков ехал мимо на коне, отец-игумен сказал ему: “Горе тебе, побежденный страстями человек, двойное зло сотворил ты: отверг монашество и возвратился к первоначальным злым делам, как пес на свои блевотины!” Разбойник достал саблю и хотел убить Пафнутия, но удар пришелся по верее, за которую отец успел скрыться.

Потом, вспомнив свои злые дела и постыдившись вернуться к отцу Пафнутию, пошел он к отцу Варсонофию, который жил в пустыне за пределами Саввина монастыря, и там окончил жизнь свою в покаянии и слезах. Услышав об этом, Пафнутий сказал: “Того ради даровал ему Бог такой конец, что ни одного человека не предал он смерти, и дружине своей запрещал, и тех, кого хотели убить, взяв, отпускал”».

Поведал некий монах: «Во время нашествия кочевников, по Божьему попущению, ради грехов наших, многие христиане попали в плен. Один из язычников взял в плен монаха и девицу: монаха, связав, он бросил на землю, а девицу отвел в жилище свое и ненадолго ушел. Девица сказала монаху: “Отец мой и господин, я знаю, что хочет со мной сотворить этот беззаконный; если ударю его ножом, не будет ли на мне греха?” Он же ответил: “Бог благословит тебя, дочь моя: язычник, придя в ярость от этого, убьет тебя, и ты будешь с мучениками”. И пришел враг, и хотел коснуться ее, она же ударила его ножом в руку.

Он, разгневавшись, взял меч и иссек ее, и стала она мученицей Христовой.

Тогда же попали в плен два воина и лежали связанные. И приказал нечестивый князь отрубить им головы. И к первому пришел палач, и поднял меч над ним, он же закрыл глаза и перекрестился, и был убит, и стал мучеником Христовым. И над другим был поднят меч, он же испугался, прельщенный дьяволом, увидевшим пяту его, то есть конец жития, и вскричал ужасным голосом, подобным рыданию: “Увы мне! Не убивай меня: я обращусь в вашу веру!” И как только произнес тот проклятый эти слова, тотчас был убит. И произошло чудо, любимые: в одно мгновение один попал в руки Бога, другой — в руки дьявола».

Этого ради, как сказал я прежде, шествуя по пути добродетели, надо быть внимательным к своему внутреннему миру и молиться Богу со слезами, чтобы не оставил нас искушенными от дьявола и погубившими наш труд; особенно в таких бедах, как вражеское нашествие, надо углубиться в самопознание и молить Бога со слезами, чтобы в один час не погибнуть и телом, и душою; поэтому и просим в молитве: «Не введи нас во искушение», — то есть просим не быть побежденными искушением, душою и телом совершая подвиги до смерти, претерпев искушение, приходящее к нам от врага-дьявола, чтобы принять от Бога венец терпения.

В то же время пленили жену некоего воина. И он, взяв с собою одного только пса и меч, пошел вслед за врагами. Они же пришли в одно село боярское, оставленное людьми, и нашли много хмельного пития. И опились им из-за сильного зноя, и спали, как мертвые; воин же секирою всем отсек головы. И вошел в одно из жилищ, и увидел свою жену, лежащую на постели с главным из врагов, спящую, как и они, после долгого пьянства. Она, увидев мужа, разбудила язычника. А он, встав, начал биться с ее мужем и, победив, сидя на нем, стал вынимать нож, чтобы его зарезать. Пес же, увидев, что его хозяин может быть убит, стал хватать врага за губы, глаза и голову, стащил его со своего господина. И он, встав, убил язычника, и, взяв жену свою, новую Далилу, ушел оттуда, и поступил с ней, как захотел.

О, бесование женское! И зверей явилось злейшим: пес избавил своего хозяина от смерти, жена же предала его на смерть. Изначала все злое роду человеческому было от женщины: Адам из-за жены был изгнан из рая, и поэтому весь род человеческий был осужден на тление и смерть; премудрый Соломон из-за жен отстранился от Бога; также и великий Самсон, освященный в чреве матери, женою был предан иноземцам, и ослеплен, и удалился от Бога. Не только в Ветхом, но и в Новом завете,

не только миряне, но и монахи, и те, кто возлюбил пустынное житие, из-за женщин погибли и иноческий свой труд погубили. Сначала и доныне дьявол женщинами прельщает род человеческий. Таких, победивших этот искус, — как прекрасный Иосиф, которому за это из века в век творят похвалу, хотя он потом и имел жену, — и девство сохранивших, в Ветхом завете было очень мало. А с тех пор, как от Девы произрос цвет жизни, Господь наш Иисус Христос, бесчисленное множество людей сохранило девственность и совершает этот подвиг; их больше песка морского, не только монахов, но и мирян, которые брак презирают и в подвиге девственности подвизаются, и творят его до конца жизни во славу Бога, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Поведал нам некий отец: «В некотором селе к одному пресвитеру пришли сельские жители в святую Великую среду, чтобы по христианскому обычаю в святой Великий четверг причаститься пречистого тела и честной крови Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. И вечером в среду после окончания обычного правила священник исповедовал всех. В четверг же ночью некий человек, прельщенный дьяволом и побежденный похотью, пришел к своей жене, чтобы совокупиться с нею. Она же долго его поучала, указывая ему на то, что скоро кончится время поста, и напоминая о постнических трудах, которые он претерпел, и о том, что из-за малой похоти приходится им лишиться животворящего тела и честной крови Господа нашего Иисуса Христа. И долго она поучала его, и не повиновалась ему. Он же, устыдившись ее речей, ушел. Но, распаляем дьявольским желанием, не мог удержаться, и, стремясь к своей погибели, вошел в конюшню, и начал совершать грех со скотиною, и внезапно упал, умерев смертью, достойной рыдания. Утром стали его искать и не нашли. Когда же хотели вести коней на водопой, под их ногами обнаружили того человека мертвым; и всех охватил великий страх.

И другое, подобное тому, было в некоем монастыре, близ которого было село; один монах пошел туда, и был побежден похотью, и совокупился с женщиной. И, когда лежал на ней, внезапно умер».

Так случается умереть тем, кто не радеет о конце человеческой жизни. И Господь, прогневавшись, не дает ему дождаться урочного часа ради пренебрежения к концу жизни, серпом смерти посекает его прежде времени, чтобы и живые, видя это, убоялись и не оказались в таком же положении, как пишется: «Враг видит пяту человека, то есть конец его жизни, и тотчас уловляет в свои сети». Грешить перед Богом человеку в то время, когда приблизился конец его жизни, значит — лишиться покаяния и умереть в своем грехе, по пророческому слову: «Каким тебя обрету, таким и судить буду», — говорит Господь. Поэтому подобает каждому христианину ежечасно молиться о том, чтобы Бог дал не

скорую смерть, а позволил в покаянии принять конец христианской жизни, и всегда думать о неожиданном пришествии смерти.

И праведным случается быстро умереть ради наставления нам, чтобы мы, убоявшись, покаялись, а им в том нет вреда, но большая похвала, так как они всегда готовы к смерти. Горе мне, такому, и другим, подобным мне! Господь-человеколюбец, когда видит подходящий к концу урок жизни какого-либо человека, ради какой-нибудь прежней его добродетели обратит его мысль на покаяние, как пишется в Отечнике: «Некая монахиня ушла из монастыря и долгое время пребывала в телесном грехе. Потом покаялась и пошла в свой монастырь, но перед воротами, упав, умерла. И было откровение о ней некоему монаху: бесы спорили с ангелами о ней: “Наша есть и много времени работала у нас!” Ангелы же говорили: “Но покаялась”. Бесы утверждали так: “Не успела и в монастырь войти”. Ангелы отвечали: “Как та владела покаянием, так Бог — жизнью”. И, взяв душу ее, отлетели, а бесы были посрамлены».

Это Господь-человеколюбец совершает по милости своей; вселукавый же дьявол видит конец установленного срока человеческой жизни и прельщает его совершить грех, как я прежде говорил, чтобы тот не имел времени для покаяния; иных же прельщает грешить до самой кончины, и те восхищаемы бывают без покаяния.

Поведал нам отец Паисий Ярославов: «Рядом с одним монастырем жил инок-отшельник, и спустя время он начал говорить старцам так: “Является мне апостол Фома”. Они же сказали ему: “Не воспринимай это наваждение, но твори молитву”. Он же отвечал им: “Когда я молюсь, и тот со мной молится”. Старцы долго наставляли его, он же не послушал их. Длительное время прельщенный монах не причащался божественных тайн, крови и тела Христова. Старцы и отец Паисий корили его за это; он же, побежденный кознями дьявола, отвечал монахам: “Апостол Фома не велел мне причащаться”. Старцы и отец Паисий говорили ему с великим осуждением: “Безумный инок, ты прельщен бесовским наваждением”, — и многими жестокими словами укоряли его, и наставляли не внимать козням дьявола. Прельщенный же монах говорил старцам: “Как придет ко мне апостол Фома, я у него спрошу, велит ли мне причащаться”. Спустя немного времени прельщенный инок сказал старцам: “Апостол Фома велел мне причащаться и говеть неделю, с пятницы до субботы”. Но на заутрене среди монастырской братии не оказалось того монаха. Игумен послал проведать его в келию: может быть, заболел и потому не пришел на службу. Пришедшие нашли его мертвым, удавленным за щеки руками злого беса, который являлся ему в образе апостола Фомы».

Вселукавый Сатана, принимая разные образы, стремится погубить человека. Если видит кого не совершающего злые дела, а подвизающегося в добрых, стремится подчинить его своей воле и заставить ни с кем не советоваться, как пишет святой Дорофей: «Во многом совете спасение бывает, последующий самосмышлению падает, как лист». Потом вселяет в него дьявол тщеславные помыслы, то самосмышление — начало и корень тщеславия, так как человек мнит себя не только способным как следует жизнь свою устроить, но и самым разумным, не нуждающимся в совете, он с яростью отвергает против него сказанное и желает, чтобы слова его, как речи Богослова, слушали. Когда же видит вселукавый дьявол, что укрепится в этом прилежащий к добродетели, то начинает прельщать его блистанием света или каким-нибудь видением в образе ангела или святого. И если человек в это поверит, как вышеназванный брат, то тогда погибает; не только прилежащий злу человек, но и творящий добро, — погибает от самосмышления.

Поведал нам священноинок Иона, духовник преосвященного тверского епископа Акакия: «В то время, когда я еще жил в монастыре Святого Николы на Улейме, некий священноинок начал служить святую литургию в обители. И, когда хотел читать святое Евангелие, внезапно упал, как мертвый. Монахи, взяв его, вынесли из церкви. Через несколько дней к нему вернулся дар речи. Братия стала спрашивать его о случившемся. Он же начал рассказывать со слезами: “Я, окаянный, лишившись разума, совершал прелюбодеяние и осмеливался служить божественную литургию. И в одну из ночей на неделе, в которую служил, был в селении и совершил грех прелюбодеяния. И до такой степени утратил рассудок, что не потрудился после этого не только омыть нечистое тело, но и переменить оскверненную ризу, и, выполнив проскомидию, начал служить божественную литургию. Когда прочли Апостол и начали петь «Аллилуйя», а я хотел пойти читать святое Евангелие, то увидел старого человека с бородой, стоящего за престолом с жезлом в руке (по облику можно было узнать, что это святой Николай). И сказал он мне с яростью: «Не смей служить, окаянный!» Я же думал, что это призрак, и, чтобы не опоздать, поторопился начать чтение. Он же ударил меня по голове и плечам жезлом, который был в его руках. И я упал, как мертвый, и долгое время лежал на постели парализованный”. И сказал тот священноинок Иона: “Не знаю, каким был его конец, ибо я ушел из монастыря”».

Миряне, которые не удержатся и впадут в скверну злого прелюбодеяния, если не покаются, разжигают для себя печь великого неугасимого огня; но более мирян возжигают геенский огонь монахи, впадающие в такой грех. Кто может вымолвить, что не только в мире живущие, но и в иночестве пребывающие побеждаются любовной страстью; больше мирских наказание они примут, если посягнут на священнические обязанности; и мирские попы после жен своих, побежденные любовным влечением, которые решаются служить в

церкви, больше простых смертных будут осуждены; монахи же, одержимые любовной страстью и дерзающие быть священниками и касаться неприкасаемых, чего трепещут касаться и слова самаритян, а они, теряя последний рассудок и надежду, побеждаемые неверием в грядущий суд и воздаяние, осмеливаются совершать таинство и касаются некасаемого. И не только до священничества, побеждаемые нечистыми помыслами, дерзают служить, но и после принятия священства, совершая то же, осмеливаются творить службу, хотя недостойны и к алтарю приближаться.

И Господь-человеколюбец, если захочет ради какой-либо добродетели на кого-нибудь из тех излить каплю своей милости, пошлет на него скорбь, и запретит такую дерзость, и страданием обратит на покаяние. Если же от кого отступится и не оградит страданиями от такой дерзости, те навсегда будут оставлены Богом и достойны слез, так как там обретут вечное наказание за свой грех. Не только священноинокам и мирским иереям, но и простым монахам и мирянам, которые неудержимо стремятся к существующим в этой жизни плотским грехам и осмеливаются принимать причастие без должной епитимий и покаяния, если страданием не оградит их Бог от этого, то в конце жизни и после смерти укажет им, какого наказания они достойны. Бог это творит не ради их пользы, но наставляя нас на страх и покаяние. Также он и добродетельных в конце жизни и после смерти объявляет добрыми знамениями, поучая нас быть подобными им, и прославляет угодивших ему, как я прежде говорил.

Поведал нам отец Иосиф: «Когда я был в честной обители преславной Богородицы на Симонове, по повелению правителя привезли туда расслабленного человека и постригли. И я пошел посетить его и спросил о причине его болезни. Он же, вздохнув, сказал: “Отец мой и господин, вот причина моей напасти. Когда приближался праздник святых верховных апостолов Петра и Павла, у церкви которых я жил, то, посоветовавшись с соседями, сотворили мы в честь святых апостолов сообща хмельной напиток из меда. Я же, окаянный, на святой праздник до литургии, взяв с собой некоторых, начал пить вино. И, когда лежал я, словно в исступлении, увидал человека, борода которого была черной и вьющейся, а сам был плешив и взором страшен. И посмотрел на меня с яростью, и ударил меня правой рукой по щеке; и с той стороны выпали зубы мои, а я от страшного удара был весь расслаблен и лежал, как мертвый. Вошли в комнату бывшие в моем доме люди, думая, что я сплю, чтобы разбудить к литургии, и увидели меня, расслабленного и полумертвого, и нашли пять зубов на моей постели. Спрашивали, что случилось со мной. Я же, окаянный, едва пришел в себя и рассказал им все, как и тебе; и охватил всех страх, и поняли по описанию, что мне являлся апостол Павел”. И со многими слезами прославили они Бога и святых апостолов, молясь, чтобы милостив был к нему Бог молитвами святых апостолов. Пробыл он год в монастыре, каясь, и потом умер».

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ

Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод Л. А. Дмитриева

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о Петре, царевиче ордынском» была написана в Ростовской земле, имевшей в XIV—XV вв. свою богатую литературную среду. На основании историко-литературных явлений, отразившихся в «Повести», время ее создания следует отнести к 70—80-м гг. XV в.

В основу повести положена легенда об ордынце — основателе монастыря или церкви. По мнению М. О. Скрипиля (Повесть о Петре, царевиче ордынском // Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958. С. 430—432), этот тип легенды в сложившемся виде начал бытовать на Руси с XV в. При написании второй части «Повести», как полагает М. О. Скрипиль, были использованы летописные записи, ведшиеся при Петровском монастыре.

Литературный талант автора «Повести» проявился прежде всего в том, что он сумел органично объединить названные источники. Последовательность изложения легенды автором «Повести» тесно связана с достоверными фактами из истории Ростовского княжества в пределах от 50-х гг. XIII в. до 20-х гг. XIV в. Следует отметить, что в исторических документах не упоминается ни имени самого Петра, ии его потомков.

Симпатии автора на протяжении всей «Повести» явно на стороне Петра и его рода. Произведение было написано не только для прославления Петровского монастыря и его основателя, но и с целью утвердить права на земельные угодья потомков Петра и монастыря. К ростовским князьям автор «Повести» относится с пренебрежением. Это позволяет считать, что произведение было написано в то время, когда ростовские князья теряли свою власть и авторитет, а Москва все больше и больше овладевала ростовскими землями.

В «Повести» ни разу ни один ростовский князь не назван по имени. По летописям и документальным материалам хорошо известен князь Борис Васильевич, который при епископе Кирилле (после 1237 г.) стал ростовским князем и скончался в 1278 г.; известны имена его внуков и правнуков, о которых говорится во второй части произведения. Возможно, это тоже своего рода выражение пренебрежительного отношения автора к ростовским князьям. Напротив, ростовским владыкам в «Повести» оказывается большое внимание. Упоминание их имен и позволяет связать описываемые события с конкретной исторической обстановкой. В произведении также названы по именам

внуки и правнуки Петра, однако достоверность этого нельзя проверить. При сопоставлении описываемых в «Повести» взаимоотношений между князьями и потомками Петра с датами жизни упомянутых в «Повести» исторически достоверных лиц легко устанавливаются хронологические несовпадения. Поэтому надо признать, что автор памятника пользовался письменными источниками, повествующими о церковной жизни Ростовской епархии в XIII—XIV вв., и совершенно вольно, не обращаясь к документальным материалам, передавал историю династии ростовских князей.

Наблюдения над содержанием «Повести» позволяют считать, что автор ее был близок к церковной среде, и вполне вероятно, что он был иноком Петровского монастыря. Этот наделенный литературным талантом человек был также и хорошо образован, — он легко и свободно включает в свой текст цитаты и приводит аналогии из книг Священного Писания.

Текст «Повести» публикуется по списку: РНБ, Софийское собр., № 1364, изданному в кн.: Русские повести XV—XVI вв. М.; Л., 1958. С. 98—105; исправления внесены по списку: РНБ, Соловецкое собрание, № 854/964.

Согласно последнему исследованию «Повести» М. М. Беляковой (Древнерусская «Повесть о Петре, царевиче Ордынском». Л., 1990. Автореф. канд. дис.) публикуемый текст относится ко 2-му виду Основной редакции, который значительно отличается от 1-го вида, более близкого оригиналу.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА ИЮНЯ, В 29 ДЕНЬ. ЖИТИЕ БЛАЖЕННАГО ПЕТРА, БРАТАНИЧА ЦАРЯ БЕРКИ,[1] КАКО ПРИИДѢ ВЪ СТРАХ БОЖИЙ И УМИЛИСЯ ДУШЕЮ, И, ПРИШЕД ИЗЪ ОРЬДЫ В РОСТОВЪ[2] В ЛЪТО *6761* И КРЕСТИСЯ, И КАКО ВИДѢНИЕ ВИДѢ СВЯТЫХ АПОСТОЛЪ ПЕТРА И ПАВЛА НА ПОЛИ, ИДѢЖЕ НЫНѢ ЦЕРКОВЬ СТОИТ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ ПЕТРА И ПАВЛА И МОНАСТЫРЬ СОТВОРЕН

Благослови, отче!

Святому епископу ростовьскому Кирилу[3] ходящу в татары с честию къ царю Берькѣ за дом святыа Богородица.[4] Царь же слышавъ от него о святѣм Леонтии,[5] еже от Гречьскиа земля родомъ, како крести град Ростовъ, како увѣри люди, како благословением патриарха приидѣ, и како честь приа от русскых князий и от гречьскаго царя и патриарха и от всего вселеньскаго събора, и како по преставлении его сдѣваются чюдѣса от ракы мощий его и до сего дни. И ина многа поучениа от *евангельских* святых указаний.

И, слышавъ царь Берка от епископа, възрадовася и почти и его и вдасть ему, егоже требует, и отпусти и его. Да смѣю рѣщи, царь Берка *повеле* по его бо животѣ князи ярославьстии годовнии оброкы носят над гробъ его.

В то же лѣто разболѣся сынъ его, единъ бо бѣ у него. Царь же от врачевъ не обрѣте никоеа ползы, но умысли сице: пославъ в Ростовъ по святаго владыку и обѣща ему дары многы, да исцѣлит сына его. Владыка же повѣлевъ пѣти мльбены в Ростовѣ по всему граду, освятивъ воду и, пришед в татары, исцели сына царева. Царь же възрадовася съ всѣм домомъ и съ *всею* Ордою своею и повѣлѣ давати владыцѣ оброкы годовнии в домъ святыа Богородица.

Нѣкто же отрокъ, брата царева сынъ, юнъ сый, предстоя пред царемъ всегда, слыша поучениа святаго владыкы, умилися душею и прослезися. Выходя на полѣ уединяяся и размышляа: «Како си вѣруют цари наши солнцу сему и месяцу, и звѣздамъ и огневи? И кто сей есть истинный Богъ?» Размышляа, акы древний Аврамъ.[6] От благаго корене и лѣторасль блага, а съй отрокъ — от злаго корене лѣторасль блага. И умысли сице — ити съ святымъ владыкою и злаго корене лѣторасль блага. И умысли сице — ити съ святымъ владыкою и видѣти божницу Русскиа земля и чюдеса, бываема от святых, и глаглолаше: «В наших странах от солнца сего, и от месяца, и от звѣздъ, и от огня чюдеса не бывают».

Бѣ бо тъгда отцю его, брату цареву, умръшу, а матери его дръжащи многа имениа ему. Он же вся та ни во чтоже мняше душею своею, развѣ единоа вѣры. Мати же его, слезящи о размысле отрока, и показа ему имѣниа многа отца его. Онъ же вся та разда нищим татарьскым требующимъ и многа имѣниа владыцѣ вдавъ.

И утаився всѣх, акы древний Мелхиседекъ,[7] сынъ царевъ, избежа, велию себѣ благодать прежде крещениа приобрете, иерей саномъ почтеся, тако и съй отрокъ приа прежде крещениа сице в разумъ. О таковых Богъ в Еуангелии рече: «Мнози будут прьвии послѣднии, а послѣднии — прьвии». И прииде съ владыкою в Ростовъ, видѣ церковь, украшену златомъ и жемчюгомъ и драгым камениемъ, акы невѣсту украшену. В ней пѣниа доброгласная, якоже аггельска: бѣ бо тогда въ церкви святыа Богородица лѣвый клиросъ греческы пояху, а правый русскый.

Слышав же сиа отрокъ, сый в невѣрии, и огнь възгорѣся въ сердци его, взыде луна въ умѣ его, възсиа солнце въ души его, припаде к ногама святаго владыкы и рече: «Господи, святче Божий, азъ размышлях о бозех царевых и о родительскых, и о солнци, и о луне, и о огни — яко тварь суть, а ваша вѣра права и добра, вашь Богъ истинный. Молю тя, да бых и азъ приялъ святое крещение». Владыка же почти и его и повѣле ждати, бѣ бо размышляа о искании отрока.

И по малѣ времени царю Беркѣ умрѣшу. Ордѣ мятущися и искания отроку не бѣ, крести сего отрока святый владыка[8] и нарече имя ему Петръ. И бѣ Петръ в учении Господни по вся дни въ святилище у владыки. И преставися святый владыка Кирилъ, и погребоша его честно с пѣсньми; *вѣчная* ему память! И приа престолъ святый владыка Игнатий;[9] и нача крыти оловомъ и дно мостити мраморомъ храмъ святыа Богородица ростовскиа, въ Орду ходя, емля оброкы царьскиа. Петръ же, яко навыче у владыкы, молитвы плачевныа дневныа и нощныа приносити къ Богу и непристаннаго поста не оставаяся.

И царьские своеа не преставая утехы: бѣ выѣздя при езерѣ Ростовстем птицами ловя. И единою же, ему при езере ловящу, по обычнѣй молитвѣ усну. И вечеру глубоку сущу, и приидоста к нему два мужа свѣтла, сущу акы солнце, и възбудиста и, глаголюще: «Друже Петре, услышана бысть молитва твоа и милостыня твоя взыдоша пред *Богом*».

Оле чюдо, братие! Како не удивимся милостивней силѣ: в невѣрии раздаяннѣ, а в вѣре услышанно быти. Аки древний Еустафий Плакыда[10] в невѣрии милостыня дая бѣ, а в вѣрѣ, како сий, сугубы и здѣ приа мзды и по трудѣ — Царствие Небесное. О сей бо милостыни Господь рече своими усты: «Не 5 ли птиць на единой цениста цатѣ, ни едина их не забвена есть пред Богом».[11] Тако ти и сего блаженаго Петра милостыни в неверии раздаянна, а в вѣре и молитвѣ услышана бысть.

Петръ же, възбнувъ, видѣ два сиа мужа, паче възраста человечя, мнѣти ему от ужасти — *акы до облак, а светлостию* акы весь миръ осиающи. Въ ужасти въставъ и падеся дващи, въста и падеся и въ третий такожде. Сиа же свѣтлаа мужа яста и за руку и глаголаста ему: «Друже Петре, не бойся, вѣ ествѣ послани к тебѣ Богомъ, въ ньже вѣрова, крестися, *укрѣпит* род твой и племя и внуци твои до скончаниа мира, и въздати тебѣ мьзду милостыня твоеа, а противу трудом твоимъ вѣчная благая приимеши».

И вдаста ему два мешца и глаголаста: «Възми сия мѣшца, въ едином ти злато, а въ другомъ — сребро. Утро да идеши въ град, вымени три иконы — икону святыа Богородица съ младенцемъ, икону святаго Дмитриа и святаго Николы — и вдаси на них, еже просят мѣнящии». Петръ же възревъ на ня и видѣ акы человека, и взя мешца, и мнѣв, акы в татарех племя его укрепляета, не разумѣ глаголемаго ими.

И, събра ума, рече има: «Господиа моя, аще въспросят мѣнящи из мѣшець от иконъ, что сътворю? А вы кто есть?» И рѣста ему два свѣтлая мужа: «Мѣшца сиа дръжиши у собѣ в запазусѣ, инѣми и невѣдоми, а въпросят мѣнящии 9 сребряных, а 10-тый златъ. И ты даждь по единому, и, взем иконы, да иди ко владыцѣ и рци ему: “Петръ и Павелъ, Христова апостола, посласта мя к тобѣ, да устроиши церковь, идеже азъ спах при езере. А се знамение ею иконы сиа вымѣних, а мѣшца сиа въдасти ми. Да что ми велиши сътворити?” И елико ти речеть сътворити, сътвори. А вѣ есвѣ Христова апостола Петръ и Павелъ». И невидима быста.

Смотрите, братие, не ложъ есть рекый: «Прославляюща мя, — рече, — прославлю»;[12] како ти сего Петра Богъ прослави милостыня его ради!

Тъйже нощи и владыцѣ явистася страшна свята апостола и рѣста ему: «Да устроиши церковь изъ епископиа слузѣ нашему Петру, много бо владыцѣ злата въ епископию вда, и освятиши ю в наше имя. Аще ли сего не сътвориши, то смертнию умориве тя». И, се рекша, невидима быста. И святый Игнатий въставъ от сна и размышляа о видѣнии. Злата и сребра многа въ епископии бѣ.

Призва князя[13] и рече ему: «Что сътворю, не ведѣ. Явиста ми ся Петръ и Павелъ, акы на иконѣ зракъ ею, устраши мя, а глаголы ею: устроити церковь свою. Не вѣмъ — где, камо?» Княз же рече ему: «Вижду тя, господи, ужасна суща».

Сиа же имъ бѣседующимъ въ епископии, и узрѣ князь Петра идуща от церкви святыа Богородица въ епископию, и свът сиающе от иконъ его выше церкви, паче огня, и ужасеся и рече: «О владыко, то есть сий огнь?» Сии мнѣти им человека горяща, инъ же никтоже не видяще огня.

Петръ же утро иде въ град, взем иконы по повелѣнию святыхъ апостолъ и, иде въ епископию, поставль иконы пред князем и пред владыкою, и поклонися до земли и рече: «О владыко, Петръ и Павелъ, Христова апостола, посласта мя к тебѣ, да устроиши церковь, идѣже азъ спах при езере, а се ти есть знамение их. А мѣшца сиа вдаста ми, и да что ми велиши сътворити?»

Бѣ же в то время пред службою. Княз же и владыка въстаста и поклонистася святым иконамъ, и не ведяху откуду суть: писца въ градѣ не бысть их, Петра *знаяху* уна суща и от тотаръ. И въпрашахут его: «Кто суть менящий иконы сиа?» Петръ же рече: «На торгу выменихъ *аз*, господи». И размышляху о видѣние, *аще сему быти*. Свѣтъ же въ храмине от иконъ, идеже беаху, акы солнце, и вси предстоащи ужасошася.

И по службѣ певъ молебны владыка Игнатей святѣй Госпожи Богородици, и святому Димитрею, и святому Николѣ. И почти святый Игнатей Петра и повелѣ *взыти на колѣсницу съ иконами и повѣле* ити до места, идеже спа Петръ. Владыка же и князь и весь град проводиста съ пѣсньми иконы до места Петрова, и на месте спаниа его поятса молебны святым апостолъмъ. Княз же и владыка на молебене съ слезами и радостию призываста имя святых апостолъ Петра и Павла и обрекоста им домы и села. Сий молебенъ пояху, и людие клѣть соградиша повелениемъ князя, привезши из града, и оплотомъ оградивше, и възвратишася, и ту Петръ иконы постави.

Князь же всѣд на конь и, глумяся, рече Петру: «Владыка тебѣ церковь устроит, а язъ мѣста не дамъ! Что сътвориши?» Петръ же рече: «Повелениемъ, княже, святых апостолъ азъ куплю у тебя, елико отлучить благодать твоя, от земля сиа». Князь же, яко видѣ мешца Петровы въ епископии, помолча, помысли: «У тебѣ колико отлучит от ужасти владыкы от святых апостолъ». И рече к себѣ: «Аще мощно сему быти, яко при Ильи бысть: “Горьсть мукы не оскудѣеть, водоносъ воды не погибнеть, чванець масла не умалится”?»[14] И рече, играя, Петру: «Петре, въпрошу тя: якоже вдалъ еси на иконах, такоже по моей земли кладеши ли 9 литръ сребра, а 10 злата? Сътвориши ли тако?» Петръ же рече: «Святии апостоли рекоша ми, якоже владыка ми повелит сътворити, сътворю. Да въпрашаю, господи». И въпроси владыкы. Владыка же,埋 вземъ крестъ, благослови Петра и рече: «Чадо Петре, Господь рече своими усты: “Всякому просящему у тебѣ, дай”, — и ты убо, чадо, не пощади имениа родитель, пишет бо ся: “Чванець масла не умалится, горсть мукы не оскудееть”. Молитвою, чадо, святых апостолъ род твой благословенъ будеть, дай же князю волю, якоже хощеть». Петръ же поклонися владыцѣ до земли и, вѣрова глаголомъ его, пришед къ князю и рече ему: «Да будеть, княже, воля святых апостолъ и твоя повелениа, княже».

И повелѣ князь изврещи вервь от воды до ворот и от ворот до угла, от угла возле езеро — се мѣсто великое. Петръ же рече: «Да повелиши, князь, ровъ копати, якоже *в* Ордѣ бываеть, да не будет погибениа мѣсту тому». И бысть тако: и гражане, иже провожааху иконы, в той час ископаша ровъ, иже есть донынѣ. Петръ же нача от воды класти, емля из мешець по единому, 9 литръ сребра, а 10-й злата. Наполниша възила Петровых кунъ, и ты колесници, на нихже клѣть възили, едва можаху како двизатися им.

Видѣв же князь и владыка множество злата и сребра, еже бы 10 выход дати, а мѣшца цѣлы, и реша к себѣ: «Что се есть, Господи? Не по нашимъ грехомъ сеа сътвори! Велию бо благодать человекъ си обрете пред Богом, дивимся милости твоей и силѣ святых апостолъ». И поставиша стражы у двора Петрова обѣшанныа люди, иже на молебне, и повелѣша Петру ити на конь. И бысть радость велика въ градѣ, почтиша Петра великою честью и многими дары, и на многи дни поюще молбны, прославляху Бога и святых и апостолъ о чудеси, бывшим в наша дни, и многу даянию бывшу милостыня и кръмление нищим.

Не вѣдяше же Петръ, что ся се сътворися о чюдеси семъ и бѣ молча, уединяася. И видев же владыка и князь Петра умлъкающи и рѣша к себѣ: «Аще сей мужь, царево племя, идеть в Орду, и будет спона граду нашему». Бѣ бо Петръ възрастом великъ, а лицемъ красенъ. И реша ему: «Петре, хощеши ли, поимем за тя невѣсту?» Петръ же, прослезися, отвѣща князю и владыцѣ: «Аз, господи, възлюбих вашу вѣру и оставих родительскую вѣру, приидох к вам. Воля Господня да ваша буди». Княз же поя ему от великих велможъ невѣсту, бѣша бо тогда в Ростовѣ ординьстии велможа. Владыка же вѣнча Петра и устрои церковь ему и святи ю по заповѣди святыхъ апостолъ.

Князь же поимаше Петра на царьскую утеху, около озера съ ястребы тѣшаше его, дабы ся в нашей вѣрѣ удръжалъ. И рече ему князь: «Велию бо ты благодать обрете пред Богомъ и граду нашему. Писано бо есть, что “Въздамъ Господеви от всех, яже въздасть нам”. Приими, Петре, малое се земли нашея вътчины противу дома святых апостолъ от езера сего. Азъ *тебе* грамоты *испишу*». Отвѣщав же Петръ: «Аз, княже, от отца и от матери не знаю землею владѣти, и грамоты сиа чему суть?» Князь же рече: «Азъ тебѣ все уряжу, Петре. А грамоты суть на се: да не отъимают *тех* земель мои дѣти и мои внуци у твоих дѣтей и внуковъ по нас». Петръ же рече: «Да буди, княже, воля Господня». И повеле князь пред владыкою писати грамоты множество земель от езера, воды и лесы, яже суть и донынѣ; и урядиша Петру домы по его землямъ. Орда же тогда тиха бѣ и на многа лѣта.

Бяху бо Петрови сладци отвѣти и добрыа обычая въ всемъ. И толми любляше князь Петра, яко и хлеба без него не ясть, яко владыцѣ братати Петра въ церкви съ княземъ. И прозвася Петръ братъ князю. И родишася Петру сынове в него мѣсто.

И по малых летех святый епископъ Игнатей преставися и приат Царство Небесное. И вѣчнаа ему память!

Старый же князь по владыцѣ не по мнозех днех преставися. И сего князя дѣти зваху Петра дядею и до старости. И мирна лѣта много живша, преставися Петр же въ глубоцѣ старости, въ мнишьском чину къ Господу отъиде, егоже възлюби. И положиша у святаго Петра и Павла, у его спалища. И от того дне уставися монастырь сей.[15]

Внуци же стараго князя забыша Петра и добродѣтель его и начаша отъимати лузи и украины земли у Петровых детей. Сынъ же Петровъ шед въ Орду, сказася брата царева внукъ. Възрадовашася дяди, и почтиша его, и многы дары даша ему, и посолъ у царя исправиша ему. Пришед же посолъ царевъ в Ростов и, възревъ грамоты Петровы и стараго князя, и суди их. И положи рубежы землям по грамотамъ стараго князя и оправи Петрова сына и давъ ему грамоту съ златою печатию, еже у младых князей — внукъ стараго князя, по цареву слову. И оттоиде.

И младыи же князи к собѣ и къ своимъ бояромъ начаша глаголати: «Слышахомъ, еже родители наши зваху дядею сего отца Петра, дедъ бо нашь много у него сребра взя и братася с ним въ церкви, а родъ татарьскы, кость не наша, что се есть намъ за племя? Сребра нам не остави ни сей, ни родители наши». И такими бѣседами беседующимъ им и не искаху чюдотворениа святых апостолъ, а прародитель забыша любовь. И тако пожиша *лета* многа, зазирающим Петровым дѣтемъ, еже въ Ордѣ *выше их* честь приимаху. Сыну же Петрову родишася сынове и дщери, и въ глубоцѣ старости къ Господу отъиде.

Внукъ же Петров, именемъ Юрие, якоже навыче у родитель своих честь творити святей Госпоже Богородице в Ростовѣ, и гривны на ню възлагати[16] и пированиа владыкамъ и клиросу и собору церковному и праздникомъ святых апостолъ Петра и Павла и памяти ради, и творити родитель и прародитель и вѣчнаа их память по вся лѣта.

Ловцем же *их* задѣвахутся рыбы паче градскых ловцемъ. Аще бы играя, петровстии ловци въвръгли сѣть, то множество рыбъ, а градстии ловци, тружающеся много, оскудѣваху.

И рѣша же ловци князем: «Господине княже, аще петровьстии ловци не престануть ловити, то езеро наше будеть пусто. Они бо вся рыб поимаху». *Правнуци же стараго князя глаголаша* Юрию: «Слышахом исперва, еже дѣдъ вашь грамоты взя у прародитель наших на мѣсто монастыря вашего и рубежи землям его, а езеро есть наше, грамоты на нь не взясте, да уже не ловят ловци ваши». И събыстся пророчество стараго князя, брата царева Петра, иже рече о обидѣ внук пред *грамотою*.

Слышавше сиа Юрие, внукъ Петров, и поиде въ Орду, сказася правнукъ брата царева. Дяди же его честьми многими почтиша его и дары многы даша и посолъ у царя исправиша ему. Прииде же посолъ в Ростов и съде при езере у святаго Петра и Павла. И бысть боязнь княземъ царева посла, суди их съ внукомъ Петровым. Юрий же пред посломъ положи вся грамоты, и посолъ възрѣв на грамоты и рече княземъ: «Не лож ли суть грамоты сия купля? Ваша ли есть вода, есть ли под нею земля? Можете ли воду сняти съ земли тоя?» И отвѣщаша князи: «Ей, господи, не ложъ грамоты сиа. А земля под нею есть; вода наша есть отчина, господи. А съняти ея не можем, господи». И рече посолъ царевъ, судиа: «И аще не можете сняти воду съ земля, то почто своею именуете? А *се творение* есть вышьняго Бога на службу всем человеком». И присуди по землѣ и воду Юрию, внуку Петрову, посол царевъ: «Како есть купля землям, тако и водамъ». И вдаст Юрию грамоту съ златою печатию по цареву слову и отъиде. Князи же ростовстии и не можаху зла сътворити ничтоже Юрию. И утишися житие их и на многа лѣта. И славяху Бога, якоже навыкоша у родитель и творити память святым апостоломъ съ слезами и радостию, поминающе съ въздыханиемъ чюдеса их, и памяти поминати годовнии родители съ великыми милостынями.

И *възрасте* же правнукъ Петровъ — у Юрия сынъ Игнатъ. И при его животѣ съдѣяся *сия*.

И прииде Ахмылъ[17] на Рускую землю и пожже град Ярославль и поиде к Ростову съ всею силою своею, и устрашися его вся земля, и бѣжаша князи ростовьстии, и владыка побеже Прохоръ.[18] Игнат же извлекъ мечь и согони владыку и рече ему: «*Аще* не идеши со мною противу Ахмыла, то самъ посеку тя. Наше есть племя, сродничи». И послуша и его владыка съ всѣм клиросом, в ризахъ, веземъ крестъ и

хоруговь, поиде противу Ахмыла. А Игнатъ пред кресты съ гражаны и, веземь тѣшь царьскую — кречеты, шубы и питие, край поля и езера ста на колену пред Ахмыломъ и сказася ему древняго брата царева племя: «А се есть село царево и твое, господи, купля прадѣда нашего, идѣже чюдеса сътворяхуся, господи».

Страшно же видѣти рать его вооружену. И рече Ахмылъ: «Ты тѣшь подаеши, а си кто суть в белах ризахъ и хоруговь сиа, егда сѣщися с нами хотят?» Игнат же отвѣща: «То богомолци царевы и твои суть, и да благословять тя, а се ношаху божницу по закону нашему».

В то же время у Ярославля *в* тяжцѣ недузе бысть сынъ Ахмыловъ, въжахут его на возилѣх. И повелѣ привести сына, да благословити. Владыка же Прохоръ святивъ воду и вда ему пити, и благослови его крестомъ. И бысть здравъ. Ахмыл же видѣвъ сына здрава, и сниде с коня противу крестовъ, и въздѣвъ руце на небо, и рече: «Благословенъ Бог вышний, иже вложи ми въ сердци ити до здѣ. Праведенъ еси, господи епископъ Прохоръ, яко молитва твоя въскреси сына моего. Благословен же и ты, Игнатъ, иже упасе люди своя и съблюде град сей. Царева кость, наше племя; еже ти здѣ будеть обида, да не лѣнися ити до нас». Ахмыл же, веземъ 40 литръ сребра, вдасть владыцѣ, а 30 литръ[19] вдасть клиросу его, и взя тѣшь у Игната, цѣлова Игната, и поклонися владыцѣ, и взыде на конь и отъиде въсвояси. Игнат же проводи Ахмыла и възвратися съ владыкою и съ гражаны, възрадовася и, пѣвъ молебны, прославиша Бога.

Дай же, Господи, утѣху почитающимъ и пишущимъ древнимъ с их прародитель дѣание, и здѣ и въ будущемъ вѣцѣ покой, а Петрову всему роду съблюдение и умножение животу. И не оскудеет *радость* бес печали, вечная ихъ памяти до скончаниа мира.

И о Христѣ Исусе, Господе нашем, емуже слава, дръжава, честь и поклонение и нынѣ, и присно, и въ векы вѣком. Аминь.

---

[1] *...царя Берки...* — Хан Золотой Орды в 1255—1266 гг. Берке — внук Чингис-хана, третий сын Джучи, брат Батыя. При Берке в 1257 г. была проведена перепись населения на Руси для сбора дани и введена система баскачества: баскаки, чиновники хана, находились с

вооруженными отрядами в различных населенных пунктах и ведали сбором дани и учетом населения, следили за исполнением ханских предписаний. От переписи и взимания налогов было освобождено духовенство и монастыри.

[2] *Ростов* — Ростов Великий, один из древнейших городов Руси, назван в самом начале «Повести временных лет» среди таких городов, как Новгород, Изборск, Полоцк. Расположен на берегу озера Неро (в древних источниках озеро называется Ростовским).

[3] *...епископу ростовьскому Кирилу...* — Епископом Ростова Кирилл был с 1231 по 1261 г. (В 1261 г. по старости и болезни оставил епископию, умер в 1262 г.). Время епископства Кирилла пришлось на наиболее трагические годы истории Руси — при нем произошли монголо-татарское нашествие и установление монголо-татарского ига. О поездках Кирилла в Орду летописи ничего не сообщают, но, вероятнее всего, ему приходилось там бывать неоднократно: ростовский князь Борис Василькович. на время княжения которого (с начала 40-х гг. XIII в. по 1277 г.) приходится почти весь период епископства Кирилла, очень много раз ездил в Орду.

[4] *...дом святыа Богородица.* — Успенский кафедральный собор Ростова. Был заложен в 1161—1162 гг. Андреем Боголюбским. Это первое каменное сооружение Ростова обвалилось в 1204 г. В 1213 г. было заложено новое здание Успенского собора, строительство которого завершилось в 1231 г., но и этот собор во время большого пожара 1408 г. разрушился. Здание Успенского собора, сохранившееся до настоящего времени, — постройка XVI в.

[5] *...о святѣм Леонтии...* — В «Киево-Печерском патерике» (в «Послании епископа владимирского Симона к Поликарпу») говорится, что многие монахи — постриженики Печерского монастыря — стали епископами и проповедовали христианство в Русских землях. Первым среди них назван Леонтий, епископ ростовский, и о нем здесь сказано, что «его, после многих мучений, убили неверные» (см. наст. изд., т. 4). Однако в «Житии» Леонтия о его мученической кончине ничего не говорится. Согласно «Житию», он после своей проповеднической деятельности мирно скончался в Ростове в период с середины до 70-х гг. XI в. Мощи его были открыты в ростовской церкви Иоанна Богослова в 1164 г., в 1230 г. были перенесены в Успенский собор.

[6] *...древний Аврамъ.* — Ветхозаветный патриарх Авраам, мифический родоначальник израильских племен (см.: Быт. 15, 6).

[7] *И утаився всѣх, акы древний Мелхиседекъ...* — Мельхиседек — легендарный библейский персонаж. В апокрифических сказаниях о Мельхиседеке рассказывается, что посланный отцом Мелхилом, царем Палестинской земли, за «волами и овцами» в стадо, чтобы принести их в жертву кумирам, Мельхиседек посмотрел на небо и уверовал в Бога «всевышнего». Бежав от гнева отца на Фаворскую гору, Мельхиседек прожил там в одиночестве много лет, молясь Богу, и Бог нарек его своим иереем «вовеки».

[8] *...царю Беркѣ умрѣшу... крести сего отрока святый владыка...* —- На самом деле епископ Кирилл умер на четыре года раньше хана Берке.

[9] *...святый владыка Игнатий...* — Обязанности ростовского епископа Игнатий начал выполнять в 1261 г., когда заболел Кирилл, а официально был поставлен епископом Ростова в 1262 г, после его смерти; занимал епископскую кафедру по 1288 г. Летописи под 1280 г. сообщают, что «того же лета епископ Игнатий покрыл церковь Ростовьскую оловом и дно ея мрамором красным» (см.: Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 152).

[10] *Аки древний Еустафий Плакыда...* — Широкой популярностью в Древней Руси пользовалось «Сказание об Евстафии Плакиде» — житие-мартирий. Герой этого произведения, переведенного с греческого еще в эпоху Киевской Руси, воевода времен Траяна (римский император, правивший с 98 по 117 г.), очень богатый; хотя и был язычником, «но украшал себя праведными делами, кормил голодных, поил жаждущих, одевал нагих, помогал бедствующим, освобождал из темниц и вообще стремился помочь всем людям». Во время охоты Евстафия увлек погоней за собой чудесный олень, который оказался посланцем Иисуса Христа. После этого Евстафий стал христианином. Он и его семья претерпели всевозможные несчастия, и в конце, когда все, казалось, завершилось благополучно, за отказ вернуться в язычество Евстафий, его жена и двое их сыновей были подвергнуты жестоким истязаниям и умерли мученической смертью. «Сказание об Евстафии Плакиде» опубликовано в наст. изд., т. 3.

[11] *«Не 5 ли птиць... ни едина их не забвена есть пред Богом»*. — Лк. 12. 6.

[12] *«Прославляюща мя, — рече, — прославю».* — 1 Цар. 2, 30.

[13] *Призва князя...* — Сказать, какой имеется в виду конкретный ростовский князь, в данном случае весьма трудно. Епископскую кафедру Игнатий занял во время княжения Бориса Васильковича и был при нем епископом в течение пятнадцати лет (до 1277 г.), после смерти Бориса Васильковича в течение одного года в Ростове княжил его брат Глеб Василькович (ум. в 1278 г.). Затем на ростовском столе (некоторое время одновременно) княжили сыновья Бориса Васильковича — Дмитрий Борисович (ум. в 1294 г.) и Константин Борисович (ум. в 1307 г.). Сведения о том, что через несколько дней после смерти епископа Игнатия умер князь, с которым Петр побратался, невозможно соотнести ни с одним из названных выше ростовских князей, так как Игнатий умер в I288 г.

[14] *...яко при Ильи бысть: “Горьсть мукы... не умалится?”* — Имеется в виду библейский эпизод. Во время великого голода Илью-пророка по Божьему повелению должна была кормить вдова. Придя в Сарепту Сидоноскую, Илья попросил у встретившейся ему женщины дать ему напиться воды и накормить его. Эта женщина — вдова — ответила: «У меня ничего нет печеного, а только есть горсть муки в кадке и немного масла в кувшине; и вот я наберу полена два дров, и пойду приготовлю

это для себя и для сына моего; съедим это и умрем». На это Илья сказал женщине: «...говорит Господь, Бог израилев: мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю...» (3 Цар. 17).

[15] *И от того дне уставися монастырь сей.* — Ростовский Петровский монастырь, что на Поле, находился на берегу озера Неро в трех верстах к северо-востоку от Ростова. Согласно «Повести», он был основан в XIII в. при епископе Игнатии. Исторические документы о монастыре сохранились только начиная со второй половины XVII в. Известно, что в монастыре в 1684 г. вместо деревянной была выстроена каменная церковь Петра и Павла. Летописи сохранили известие о существовании в Ростове Петровского монастыря еще в начале XIII в.: ростовский епископ Пахомий, умерший в 1216 г., до поставления в епископы (в 1214 г.) был тринадцать лет игуменом Петровского монастыря. По всей видимости, летописные известия относятся к другому Петровскому монастырю, более древнему. В. В. Зверинский (в кн.: Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Т. III. С. 125) считает, что второй (древнейший) ростовский Петровский монастырь находился не на восточной, а на западной окраине г. Ростова, недалеко от Спасско-Яковлевского монастыря, на улице Петровской.

[16] *...и гривны на ню възлагати...* — Имеется в виду украшение к иконе.

[17] *Ахмыл* — посол золотоордынского хана Узбека. В 1322 г., как сообшают летописи, он с большим воинским отрядом, сопровождая возвращавшегося из Орды московского князя Ивана Даниловича Калиту, пришел на Русь: «...и много зла учиниша Низовским градом, и Ярославль взяша сожгоша, и много полона безчислено взят» (Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 188).

[18] *...владыка... Прохоръ.* — Прохор был епископом ростовским с 1311 по 1328 г.

[19] *40 литръ сребра... 30 литр...* — Имеется в виду единица веса золота и серебра.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА ИЮНЯ, В ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ. ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО ПЕТРА, ПЛЕМЯННИКА ХАНА БЕРКЕ, КАК ОХВАТИЛ ЕГО СТРАХ БОЖИЙ, И УМИЛИЛСЯ ОН ДУШОЮ, И, ПРИЙДЯ ИЗ ОРДЫ В РОСТОВ В ГОД 6761 (1253), КРЕСТИЛСЯ, И КАК ВИДЕЛ В ВИДЕНИИ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА НА ТОМ ПОЛЕ, ГДЕ НЫНЕ ЦЕРКОВЬ СТОИТ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА И МОНАСТЫРЬ ПОСТРОЕН

Благослови, отче!

Святейший епископ ростовский Кирилл ходил в Орду на поклон к хану Берке, радея о храме святой Богородицы. И хан услышал от него о святом Леонтии, который родом был из Греческой земли, как пришел тот в Ростов по благословению патриарха, и как крестил город Ростов и привел в веру православную людей, и как удостоен был похвалы за это от русских князей, и от греческого царя и патриарха, и от всего вселенского собора, и о том, как после преставления Леонтия и до сих пор свершаются чудеса от раки с мощами его. И о многом другом беседовал епископ от евангельских наставлений.

И, услышав это от епископа, хан Берке полюбил его, и оказал ему почет, и пожаловал ему все, чего тот просил, и отпустил его. Напомню о том, что хан Берке велел, чтобы после смерти святого князья ярославские ежегодными дарами чтили гробницу его.

В то время разболелся сын хана, а был он у него один. Хан же, видя, что нет никакой пользы от врачей, сделал так: послал в Ростов за святейшим владыкой и обещал ему много даров, если исцелит сына его. Владыка же, повелев служить молебны по всем церквам в Ростове, освятил воду и, придя в Орду, исцелил той водой ханского сына. Хан возрадовался со всем домом своим, и вся Орда радовалась, и повелел хан давать владыке ростовскому ежегодную дань в храм святой Богородицы.

Некий же отрок, ханова брата сын, еще юный, который постоянно находился в свите хана, слышав поучения святейшего владыки, умилился душою и пролил слезы. Стал уходить он в степь, уединялся там и размышлял: «Как это веруют ханы наши в солнце и месяц, в звезды и огонь? А кто же истинный Бог?» Так размышлял он, словно древний Авраам. От благого корня отрасль благая бывает, а сей отрок — благая отрасль от злого корня. И надумал он уйти со святейшим владыкой, чтобы увидеть храм Русской земли и чудеса, свершаемые святыми, так говоря: «В наших землях от солнца, и от месяца, и от звезд, и от огня чудес не бывает».

Отец его, брат хана, в то время уже умер, а мать его владела большим богатством, которое хранила для него. Он же все это ни во что не ставил, а размышлял лишь о Боге. Мать же отрока, удрученная помыслами его, показала ему все богатства отца. А он все раздал нищим татарам и много золота владыке вручил.

И, утаившись ото всех, подобно древнему Мельхиседеку, сыну цареву, решил уйти, — как тот великой благодатью до крещения преисполнен был и саном иерея от Бога наречен, так этот отрок благодать в душу свою воспринял до крещения. Это о таких Бог в Евангелии сказал: «Многие из первых станут последними, а из последних — первыми». И пришел он с владыкою в Ростов и увидел церковь, украшенную золотом, и жемчугом, и драгоценными каменьями, словно невесту нарядную. И пение в ней услыхал дивное, подобно ангельскому: ведь тогда было в церкви святой Богородицы так, что левый клирос пел по-гречески, а правый — по-русски.

Когда услышал это отрок, пребывавший еще в язычестве, то разгорелся огонь в сердце его, и пал он в ноги святейшего владыки и воскликнул: «Господин мой, праведник Божий, я размышлял о богах хана и родителей моих, и о солнце, и о луне, и об огне — ведь все это сотворено Богом, а ваша вера правая и благая, ваш Бог истинный. Молю тебя — сделай так, чтобы и я принял святое крещение». Владыка внял его просьбе и велел ждать, ибо был он в раздумье — не ищут ли отрока.

Прошло немного времени, и хан Берке умер. В Орде начались раздоры и никто отрока не искал; тогда святейший владыка крестил отрока, дав ему имя — Петр. Все дни проводил Петр в храме у владыки, учась слову Господнему. Потом святейший владыка Кирилл преставился, и погребли его честно с песнопениями; вечная ему память! На владычный престол вступил святейший владыка Игнатий; в ростовском храме святой Богородицы он начал крыть купола оловом и пол мостить мрамором, стал ходить в Орду, собирая оброки ханские. Петр же, как научил его владыка Кирилл, слезные молитвы днем и ночью возносил к Богу и строго соблюдал пост.

Однако не оставил он и своей царской утехи: ездил охотиться с ловчими птицами на Ростовское озеро. Однажды после охоты, как всегда помолившись, он уснул на берегу озера. И когда наступил поздний вечер, то подошли к нему два мужа, сияющие словно солнце, и разбудили его, говоря: «Друг Петр, услышана молитва твоя и милостыня твоя угодна Богу».

О чудо, братия! Как не подивиться силе милостыни: подана была неверным, а когда уверовал в Бога, то услышан был им. Как в древности Евстафий Плакида милостыню творил язычником, а уверовав в Бога, и на земле получил великое вознаграждение, и после мученической смерти — Царство Небесное. О такой ведь милостыне сам Господь сказал своими устами: «Не пять ли птиц продаете за одну монетку, а

ведь ни одна из них не забыта у Бога». Так же и этого блаженного Петра милостыня, розданная им до крещения, после крещения и молитв была Богом услышана.

Петр же, проснувшись, увидел этих двух мужей, ростом выше человеческого, так что от страха почудилось ему, что они до самых облаков и светлостию своей словно весь мир освещали. В ужасе дважды пытался подняться он и падал, в третий раз встал и снова упал. Эти же светлые мужи взяли его за руку и сказали ему: «Друг Петр, не бойся, мы оба посланы к тебе Богом, в которого ты уверовал и крестился, укрепит он род, и племя твое, и внуков твоих до скончания мира, и вознаградит тебя за милостыню твою, а за труды свои ты вечных благ удостоишься».

Потом дали ему два кошелька и сказали: «Возьми эти кошельки, в одном из них золото, а в другом — серебро. Утром пойди в город и выменяй три иконы — святой Богородицы с младенцем, святого Дмитрия и святого Николы — и дай за них столько, сколько спросят меняющие». Петр же взглянул на незнакомцев, и теперь показались они ему обычными людьми, и взял кошельки, и подумал, что кто-то из татарского племени хочет его поддержать, ибо не уразумел смысла их слов.

И, набравшись смелости, спросил у них: «Господа мои, если спросят у меня, кто иконы выменивает, о кошельках этих, то что отвечать? И кто вы такие?» Тогда сказали ему два светлых мужа: «Кошельки эти спрячь за пазуху, чтобы их никто не видел, и попросят обменщики девять монет серебряных, а десятую — золотую. И ты отсчитай по одной, и, взяв иконы, иди к владыке, и скажи ему: “Петр и Павел, Христовы апостолы, послали меня к тебе, чтобы ты поставил церковь в том месте, где я уснул около озера. А эти иконы, которые я выменял, — их знамение, а кошельки эти они мне дали. Что велишь мне с ними делать?” И что тебе повелит сделать, то и сделай. А мы — Христовы апостолы, Петр и Павел». И стали они невидимы.

Смотрите, братья, не обманул сказавший: «Прославляющего меня, — сказал, — прославлю»; ведь вот как этого Петра Бог прославил милостыни его ради!

В эту же ночь и к владыке, приведя его в трепет, явились святые апостолы и сказали ему: «Построй церковь на деньги епископии слуге нашему Петру, ибо много он владыке Кириллу золота в епископию дал,

и освяти ее нашим именем. Если этого не сделаешь, то смертью погубим тебя». И, сказав это, стали невидимы. И святой Игнатий, проснувшись, начал размышлять о ночном видении. Золота же и серебра в епископской казне много было.

Позвал Игнатий князя и сказал ему: «Что делать, не знаю. Явились мне Петр и Павел, обликом как на иконе, так что устрашен был я, и сказали мне, чтобы построил я церковь в их имя. А я не знаю — где и как?» Князь же ответил ему: «Вижу, господин, что в смятении ты великом».

И когда они так разговаривали в доме епископа, то увидел князь Петра, который шел от церкви святой Богородицы в дом епископский, а от икон, которые он нес, свет сиял ярче, чем от огня, и поднимался выше церкви, и ужаснулся князь и воскликнул: «О владыка, что это за огонь?» Им показалось, что Петр охвачен пламенем, а никто другой огня не видел.

Петр же утром сходил в город, выменял иконы, как повелели ему святые апостолы, и, придя в дом епископа, поставил те иконы пред князем и владыкой, поклонился до земли и сказал: «Владыка, Христовы апостолы Петр и Павел послали меня к тебе и велели сказать, чтобы построил ты церковь в том месте, где я спал у озера, а иконы — знамение их. А эти кошельки они дали мне, что велишь мне с ними сделать?»

Было же тогда время перед службой. Князь и владыка встали и поклонились святым иконам, хотя и не ведали, откуда они: иконописцев в их городе не было, а Петр был еще юн и из татар. И спросили они его: «Кто был обменщиком икон этих?» Петр тогда ответил: «Я их на торгу выменял, господа мои». И думали они о видении владыки, — что так и будет. Свет же исходил от икон в горнице, где они стояли, словно сияние солнца, и все находившиеся там были в ужасе.

После службы владыка Игнатий отпел молебны святой Госпоже Богородице, святому Дмитрию и святому Николе. И почтил владыка Игнатий перед всеми Петра; повелел ему взойти на колесницу с иконами, а всем велел идти на то место, где спал Петр. Владыка, и князь, и все горожане провожали с песнопениями иконы до места Петрова, и на том месте, где спал он, отпели молебны святым апостолам. Во время молебна князь и владыка со слезами и радостью призывали имена святых апостолов Петра и Павла и пожертвовали их храму дома и села. Отпев молебен, люди, по велению князя, соорудили

часовню, привезенную из города, и тыном ее оградили, и там Петр иконы поставил, и стали собираться в город.

Когда князь садился на коня, то в шутку сказал Петру: «Владыка тебе церковь построит, а я земли не дам! Что ты тогда будешь делать?» Петр же ответил: «По повелению, княже, святых апостолов я куплю у тебя из земли этой, сколько пожалует благодать твоя». Князь же, который видел кошельки Петровы в доме у епископа, подумал: «Владыка из-за страха перед святыми апостолами едва ли много у тебя возьмет». И сказал сам себе: «А что, если случится так, как при Илье, когда он сказал: “Горсть муки не истощится, сосуд с водой полным останется, в кувшине масло не убудет”?» И сказал он Петру с усмешкой: «Петр, вот что спрошу у тебя — как дал за иконы, так за мою землю выложишь ли по меже девять гривен серебра, а десятую — золотую? Сделаешь так?» Петр ответил: «Святые апостолы сказали мне — как тебе владыка велит сделать, сделай. Спрошу его, господин». И спросил у владыки. Владыка же, взяв крест, благословил Петра и сказал: «Чадо Петр, Господь сказал своими устами: “Каждому, просящему у тебя, дай”, — и ты, чадо, не пожалел же богатств родителей своих; ведь написано: “В кувшине масло не убудет, горсть муки не истощится”. Молитвой, чадо, святых апостолов род твоей благословен будет, заплати князю за землю, как он просит». Тогда Петр поклонился владыке до земли, и, уверовав словам его, подошел к князю, и сказал ему: «Да будет, князь, по воле святых апостолов и по твоему повелению».

И велел князь отмерить мерной веревкой от озера до ворот и от ворот до угла, а от угла снова к озеру — место очень большое. Петр же сказал: «Вели, князь, рвом окопать, как в Орде делают, чтобы было обозначено место это». И так сделали: горожане, провожавшие иконы, сразу же выкопали ров, который сохранился доныне. Петр же начал от самой воды, вынимая из кошельков по одной деньге, выкладывать девять гривен серебряных, а десятую — золотую. И наполнили потом Петровыми деньгами повозки и те колесницы, на которых часовню везли, и кони едва смогли тронуться с места.

И видев такое множество золота и серебра, которого хватило бы, чтобы вдесятеро больше купить земли, — а кошельки все оставались полными, — князь и владыка подумали: «Что же это такое, Господи? Не по нашим грехам сие свершилось! Великую, видно, благодать обрел человек этот пред Богом, дивимся мы милости твоей, Господи, и могуществу святых апостолов». И поставили стражей у двора Петрова из назначенных людей, бывших на молебне, и определили, чтобы Петр ездил на коне. И была в городе радость великая, славили Петра с великой честью и многими дарами одаривали, и много дней пели молебны, прославляя Бога и святых его апостолов за чудо, свершившееся в нынешнее время, и нищим много милостыни раздали и кормили их.

Не понимая, — как же свершилось чудо такое, — Петр задумался и пребывал в молчании и уединении. И владыка и князь, видя, что Петр затосковал, решили между собой: «Если этот юноша ханского рода уйдет в Орду, то беда большая может быть городу нашему». А был Петр высок ростом и красив лицом. И сказали они ему: «Петр, хочешь — сосватаем тебе невесту?» Петр же, прослезившись, ответил князю и владыке: «Я, господа мои, возлюбил вашу веру и, оставив веру отцов своих, пришел к вам. Воля Господня и ваша да будет». Князь же сосватал за него невесту из рода великих вельмож — жили еще тогда в Ростове ордынские вельможи. Владыка обвенчал Петра, и построил церковь, и освятил ее по заповеди святых апостолов.

Князь брал с собой Петра на царскую утеху, около озера тешил его ястребиной охотой, чтобы его в нашей вере удержать. И как-то сказал князь Петру: «Великую ведь ты благодать обрел от Бога и сам, и городу нашему, ведь написано: “Воздам Богу от всех благ, как он дал нам”. Прими от меня, Петр, этот небольшой надел земли нашей вотчины, что напротив храма святых апостолов подле озера этого. Я тебе и грамоты напишу». Ответил ему Петр: «Я, княже, ни отцом, ни матерью не обучен землею владеть, и грамоты к чему эти?» Князь же сказал: «Я все сделаю, как нужно, Петр. А грамоты вот для чего: чтобы не отнимали те земли дети мои и мои внуки у твоих детей и внуков после нас». Тогда Петр сказал: «Пусть будет, княже, воля Господня». И велел князь при владыке написать грамоты на владение многими землями вдоль озера, и водами, и лесами, и сохранились те грамоты доныне, и переписали на Петра усадьбы, расположенные по его землям. Орда же тогда набегов не совершала, и прошло много лет, и было тихо.

Был у Петра нрав спокойный и покладистый и добрый обычай во всем. И так полюбил князь Петра, что и за трапезу без него не садился, и владыка побратал Петра с князем в церкви. И стал Петр названым братом князя. И родились у Петра сыновья — его наследники.

В скором времени скончался святейший епископ Игнатий и обрел Царство Небесное. Вечная ему память!

Через несколько дней после владыки умер старый князь. И дети князя звали Петра дядей до самой его кончины. И, много лет прожив в мире и спокойствии, в глубокой старости приняв монашество, преставился Петр, отошел к Господу, которого он так возлюбил. И погребли его на том месте, где спал он, возле церкви святых Петра и Павла. И с того времени возник монастырь сей.

Внуки же старого князя забыли Петра и его благие дела и начали отнимать луга и окраинные земли у Петровых детей. Тогда сын Петра пошел в Орду и сказал, что он ханова брата внук. Обрадовались его дядья, с почетом приняли его, одарили многими подарками и ханского посла выхлопотали для него. Пришел посол хана в Ростов и, рассмотрев грамоты Петра и старого князя, рассудил тяжущихся. И определил и утвердил рубежи владений Петрова сына по грамотам старого князя, и дал ему от имени хана грамоту с золотой печатью, которая есть и у молодых князей, внуков старого князя. После этого посол ушел.

И Молодые князья меж собой и своим боярам стали говорить: «Слыхали мы, что родители наши звали дядей его отца — Петра, что дед наш много у него серебра взял и братался с ним в церкви, а все равно — род татарский, не наша кость, какая это нам родня? Серебра нам ни от них не досталось, ни от родителей наших». И вот такие разговоры вели они, и не вспоминали уже о чудесах святых апостолов, а про любовь прародителей своих забыли. И так вот прожили они много лет, завидуя детям Петра, потому что те в Орде большим почетом пользовались. У сына же Петрова родились сыновья и дочери, и в глубокой старости отошел он к Господу.

Внук же Петра, Юрий, по завету родителей своих с почитанием относился к храму Госпожи святой Богородицы в Ростове — много гривен жертвовал и пиры учреждал священникам, и клирикам, и всему собору церковному, и отмечал праздники и память святых апостолов Петра и Павла, и каждый год поминал родителей и прародителей своих.

И рыбаки их всегда больше вылавливали рыбы, чем городские рыболовы. Словно бы играя, петровские рыбаки бросят сеть и богатый улов извлекают, а городские рыболовы как ни трудятся, а улова почти нет.

И пожаловались они князю: «Князь наш, господин, если петровские рыбаки не перестанут ловить, то озеро наше Ростовское будет пусто. Они всю рыбу выловят». Тогда правнуки старого князя сказали Юрию: «Слышали мы изначала, что дед ваш получил грамоты от прародителей наших на место под монастырь ваш и на земли, рубежи которых обозначены, а озеро наше — грамот на него нет; так пусть ваши рыбаки больше в озере не ловят». Так сбылось предсказание старого князя, побратима Петрова, который говорил, что грамоты нужны, чтобы не нарушили договора внуки.

Услышав такое, Юрий, внук Петра, пошел в Орду и объявил, что он правнук ханова брата. Дядья же Юрия приняли его с почетом, одарили многими подарками и ханского посла выхлопотали для него. Вот пришел посол в Ростов и остановился в монастыре Петра и Павла, возле озера. Испугались князья ханского посла, стал он судить их с внуком Петровым. Юрий положил перед послом все грамоты, и посол, рассмотрев те грамоты, говорит князьям: «Не ложны ли эти грамоты на земли? Ваша ли вода в озере и есть ли под ней земля? Можете вы воду снять с земли той?» Ответили князья: «Да, господин, не ложны грамоты эти. А земля под водою есть; озеро — наша вотчина, господин. А снять воду с земли не можем, господин». И сказал посол ханский, судья: «А если не можете снять воду с земли, то почему своей называете? Это сотворено всевышним Богом на благо всем людям». И присудил по земле и воду Юрию, внуку Петрову, ханский посол: «Как куплена земля, так и вода, прилегающая к ней». И дал он Юрию от имени хана грамоту с золотой печатью и ушел. И не смогли князья ростовские никакого зла сотворить Юрию. И установилась мирная жизнь на долгие годы. И славили Бога, как повелось еще от родителей, и чтили память святых апостолов со слезами и с радостью, вспоминали с умилением чудеса их, и каждый год поминали своих родителей, раздавая щедрую милостыню.

И уже вырос правнук Петров — сын Юрия Игнат. При его жизни вот что произошло.

Пришел Ахмыл на Русскую землю, и сжег город Ярославль, и двинулся на Ростов со всей силою своею, и устрашилась его вся земля, и бежали князья ростовские, и владыка Прохор побежал. Игнат же нагнал владыку, извлек меч и сказал ему: «Если не пойдешь со мной навстречу Ахмылу, то я сам зарублю тебя. Наше это племя, там есть мои сродники». И владыка послушался его и со всем клиром, облачившись в ризы и взяв крест и хоругвь, пошел навстречу Ахмылу. А перед крестным ходом шел Игнат с горожанами, взяв дары для забавы ханской — ловчих кречетов, шубы и пития разные, остановился он на краю поля около озера, преклонил колени пред Ахмылом и, назвавшись потомком ханского рода, сказал: «А это село хана и твое, господин, купля прадеда нашего, где чудеса происходили, господин».

Страшно было видеть грозную рать татарскую. И говорит Ахмыл: «Ты меня утехой ханской даришь, а кто эти такие в белых ризах и с хоругвью, наверное, биться с нами хотят?» А Игнат ответил: «То богомольцы хана и твои, пришли благословить тебя, а это несут божницу — так полагается по закону христианскому».

А в это время под Ярославлем находился сын Ахмыла, охваченный тяжким недугом, везли его на повозке. И велел Ахмыл привезти сына своего, чтобы благославил его владыка. И владыка Прохор, освятив воду, дал ему выпить ее и благословил его крестом. И тот выздоровел. Ахмыл же, увидев, что сын его здоров, сошел с коня, остановился против крестов, поднял руки к небу и сказал: «Благословен Бог вышний, который внушил мне мысль идти сюда. Праведен ты, господин епископ Прохор, так как молитва твоя воскресила сына моего. Благословен и ты, Игнат, ибо спас людей своих и сохранил город этот. Ханская кость, наше племя; если тебе будет здесь какая-нибудь обида, не поленись прийти к нам». Взял Ахмыл сорок гривен серебра и дал их владыке, а тридцать гривен дал клиру его, и принял подарки у Игната, и целовал его, и поклонился владыке, потом сел на коня своего и пошел восвояси. Игнат же проводил Ахмыла, потом вернулся с владыкой и горожанами в город, и возрадовались все, и, отпев молебны, прославили Бога.

Пошли, Господи, утешение читающим и пишущим о делах давних прародителей наших, дай им здесь покой и в будущей жизни, а всему роду Петрову здоровья и многих лет жизни. Пусть не оскудеет радость без печали и будет о них вечная память до скончания мира.

Господу нашему Иисусу Христу слава, держава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ ДИНАРЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о царице Динаре» была создана, по-видимому, в начале — первой половине XVI в. (в конце XV в. начались дипломатические отношения Московской Руси с Грузией; древнейшие списки «Повести» датируются второй четвертью XVI в.). Исторический прототип царицы Динары — знаменитая грузинская царица Тамара, правившая Грузией в конце XII — начале XIII в. (1184—1212). Материалы грузинской летописи «Картлис Цховреба» и народных грузинских преданий, рассказывающие о царице Тамаре, содержат много общего с русской «Повестью о царице Динаре»: Тамара наследовала престол своего отца,

Георгия III, еще до замужества; ее царствование прославилось блестящими победами над турками (в Шамхорской битве 1205 г. грузины первые напали на войска оскорбившего царицу алеппского султана Нукардина и разбили его), богатейшими пожертвованиями в христианские храмы и др. (подробный анализ этих исторических соответствий см. в исследовании: *Сперанский М. Н.* Повесть о Динаре в русской письменности // Изв. ОРЯС. Л., 1926. Т. XXXI. С. 43—92). Рассказы о царице Тамаре, принесенные в Московскую Русь грузинскими дипломатами или афонскими монахами (на Афоне находится крупнейший грузинский монастырь — Иверский, где имя царицы Тамары, создавшей могучее грузинское государство, высоко чтилось), контаминировались с известиями о другой грузинской царице — Динаре, утвердившей православие в западной Грузии (X в.). Характер сведений о царице Тамаре (Динаре), обработанных русским книжником в начале — первой половине XVI в., отвечал насущным задачам государственного строительства Московской Руси: они содержали идею сильной царской власти, пекущейся о нуждах государства, идею подчиненности (политической и нравственной) боярства авторитету царицы (царя), христианскую идею Божественного Промысла и покровительства Богородицы Иверии (Грузии) и Русской земле; особенно актуальной (для начала — первой половины XVI в.) была идея борьбы православных государств с «агарянами» (татарами, персами, турками) — восточными народами, угрожавшими государственной независимости Руси и Грузии. Идейная близость легенд о царице Тамаре и политической мысли Московской Руси начала — первой половины XVI в. послужила причиной создания русской повести. Повесть о грузинской царице Динаре активно использовалась в официальной культуре Московской Руси второй половины — конца XVI в. Меньшая Золотая палата в Кремлевском дворце была украшена стенной живописью на сюжет этой «Повести» (см.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Изд. 3-е. М., 1895. С. 178); в тексте третьей редакции «Казанской истории», созданной в 1592—1617 гг., был использован ее фрагмент: речь Динары к вельможам, содержащая призыв «ускорить» на борьбу с персами, вошла в состав речи Ивана Грозного к боярам перед походом на Казань и др.

«Повесть о царице Динаре» пользовалась большой популярностью у читателей Московской Руси XVI—XVII вв., она включалась и в сборники житийного характера, повествующие о чудесах Богородицы, и в сборники исторического и воинского содержания, часто сопровождала текст «Русского хронографа». Известны разные виды текста «Повести», использовавшие традиции житий, воинского повествования и торжественной ораторской прозы. Попытки точного исторического комментирования текста «Повести» вряд ли возможны, так как, во-первых, основой ее сюжета являются легендарные сведения, а во-вторых, московский книжник воспринимал «царство» царевны Динары, победившей грозного персидского царя, наследника самого Навуходоносора, как некую желанную утопическую ситуацию — ситуацию полной победы над агарянами и достижения длительного мира. Характер политической утопии, присуший «Повести», позволил сохраниться в ее тексте утверждениям о «нераздельности» «доныне»

Иверского царства и о его полной политической самостоятельности (люди в нем живут «никимже обладаеми»).

Текст «Повести» издается по списку конца XVI в.: РНБ, Соловецкое собр., № 51/1510, лл. 517 об.—522, с исправлениями по списку третьей четверти XVI в.: РГБ, ф. 113, № 627, лл. 58 об.—66.

ОРИГИНАЛ

ДИВНА ПОВѢСТЬ МУЖЕСТВЕНА *О* ХРАБРОСТИ И *МУДРОСТИ* ЦЕЛОМУДРЕНЫЯ ДЕВИЦА, ДИНАРЫ ЦАРИЦЫ, ДЩЕРИ ИВЕРСКАГО ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА

Умершу Иверьскому властодержавцу Александру Мелеку[1] и не имѣющу дѣтища мужеска полу, но едина дщерь остася 15 лѣт, зело разумна и мужествена, и не посягну присовокупитися мужеви, и предаде ей отець ея властодержавство свое. Она же бѣ мудра и разумна, и нача владѣти по преданью отца своего, въ дни перскаго царя.

Царство царици Динары.[2] Первѣе — показа любовь ко властодержавцем своимъ, и милость к народомъ, и праведный суд. И паче всего имѣаше прилежание к Божественому Писанию и о преднихъ царѣх и властодержавцех, како бѣ пребывание в нихъ и временное прехождение, и от того навыче воиньской храбрости. Якоже пчела събираетъ от цвѣтов медъ, тако и сиа Динара от памятных книгъ. И со многою кротостию правяще державу свою, и попечение велие имяше о своем властодержавъствѣ. Яко добрый кормъчий преплавати корабль чрез морскую пучину, и госпожа же сия печашеся, како бы ей быти в тихости.

И доиде слух перьскому царю, яко умре Александръ и приа власть Иверьскую дщи его, царевна Динара. И умысли персинъ приати Иверию и попрати вѣру их, еже въ Христа, и посла к ней, сице рек: «Аще хощеши от мене милости и державъствовати, да сугубыя дары подаси нашему величеству, аще ли не тако — не повелѣваю ти власти держати, но отъиди! Аще ли невъскоре послушаеши — и величество мое възяриши на ся, и милости не имам дати ти!»

Динара же царица, видѣвъ посланникы перскиа с таковыми глаголы пришедшая, и посла к персину свои послы и дары свыше отца своего, и глаголя: «Еже ми повелѣваеши не дръжати власти, но не от тебя бо прияхъ ю́, но от Бога ми дано свыше. И ты како имаши часть въ жребии Богоматере?[3] Но не того ради да послахъ сиа дары к тебѣ. Вы убо

бесерменскый законъ, мы же истинный законъ имамы. И како глаголеши и величаешися, яко тлѣненъ еси, не дано ти будет свыше!»

И видѣ перьсинъ посланники ея, с таковыми глаголы пришедша, и не въсприа даров ея, но съ звѣрозлобиемъ своим отпусти посланникы ея бездѣлны, глаголя имъ: «Милость даю вам: аще хощете царствовати, но въ единых срачицах повелѣваю вам остатися; аще же не тако — иду на васъ с величеством воиньства моего и въсприиму тя и вся велможа твоя с тобою!»

Динара же царица, слышавъ таковыя глаголы от персьскаго царя посланниковъ, отосла посланникы его и рече: «С таковым ополчениемъ вооружаешися на мя, противу немощной чади, девици! Аще и побѣдиши мя— не получиши чести, яко немощную чадь побъдилъ еси. Аще ли въсприму от Христа, Бога моего, побѣду на тя и от Богоматере его помощь, и женскою възступлю ногою на царское тѣло, и отъиму главу твою, тогда каковой чести сподоблюся, яко царя перскаго побѣдивъ женскою храбростию; иверьским женам нанесу похвалу, а перским царемъ наведу срамъ!»

И слышав персинъ, и възъярися лютѣ, и поиде со многым ополчениемъ на страну еа.

И начя Динара царица посылати велможа свою противу перскаго воиньства. Они же рекоша к ней: «Како можем стати съпротивне многаго воиньства и таковаго перскаго ополчениа?» Динара же царица отвеща к ним: «Въспомяните Девору и Гедеона, како побѣдиша множество вои мадиамляны![4] Не Богъ ли дарова им побѣду? И нынѣ той же Богъ нашь и наша заступница Пречистая Богородица! Не отягчяйтеся! Аще ли нынѣ не въоружимся противъ иновѣрных и за свою вѣру не умрем? Умрем же всяко! И предамы себе в работъство? И кою славу воздадим своему благочестию, посрамлени и беспамятни погибнем! Въсприимите себѣ мужество, и отверзите от себе женочревство! Егда убо наполнивьшимся долинам от дождевныя туча воды и преизлишнюю мокроту имущим, и во днех от великаго жжениа *солнечьнаго* иссушит мокроту, и много время пребудет земля суха, но и бесплодна, и нужно собрание плодовъ еа. Такоже и в державѣ земля нашеа: умножившимся народом и распространшимся; егда же ли возмут ны персы и расплenят, како можемъ собрани быти и коей чести достоини будемъ, аще не въсприимем храбрости и дадимъ себе въ страхование, поверзем свое благочестие! Отженем от себе женочревъство, и въсприимем попечение о своих сокровищех. *Егда убо жена зача въ чревѣ, и нача готова ей быти; такоже и вамъ*, богатство и честь въсприимшим, и гордости наполньшимся; поверзаете народ

единоверных своих,[5] и оставляете любы къ единородным своим! Послѣди же и сами възрыдаете и повержени будете, яко худый рубъ, на землю, и потаптаем ногами, никимже не брегом. Отложите гордость, и отверзете от себе страхование, и облецѣтеся въ храбръство, еда же не пленят вы перси, и расточат васъ, и расхитят богатство ваше! Но что ради тако закосняем? Ускоримъ противъ варваръ, якоже и азъ иду, девица; и восприиму мужескую храбрость, и отложю женьскую немощь, и облекуся в мужеумную крѣпость, и препояшу чресла своя оружиемъ, и возложю броня и шлемъ на женьскую главу, и восприиму копие в девичю длань,[6] и въступлю въ стремя воиньскаго ополчениа, но не хощу слышати враговъ своих, пленующых жребий Богоматери и данныя от нея нам державы! Та бо Царица подастъ намъ храбрость и помощь о своем събытии. Они же убо, персы, борзящеся и без сна пребывающе, и конемъ ихъ томящеся день и нощь, и в великомъ трудѣ пребывающим. Яко болящиа *жене* приближается родити, и пребываетъ в великом разстоянии тѣла своего, такоже и персом в великомъ истомлении. Но ускорим противу ихъ и не дадимъ внити имъ во свою страну, и идемъ на них Богоматере помощию; аще въсхощет Владычица подати нам побѣду над врагы своими, вся убо ей возможна. Но не отягчайтеся! Своего ради благочестиа идемъ и начнем, да Богомати совершит ны. Аз же преди васъ начну съ врагы братися!»

Велможи же слышаше таковая от устъ ея, и охрабришеся, и собрашеся вси, и рекошя: «Дерзай, госпоже, дерзай!»

И повелѣ Динара собрати вся воя своя, и поиде самодержателница к Тевризи в Шарбеньский монастырь,[7] к Пречистей Богоматери, помолитися о дарованней помощи, пѣша и необувеныма ногама по острому камению[8] и жестскому пути. И пришед въ Пречистой Богородицы храм, и паде пред образомъ ея и рече: «Владычице-дево, Госпоже Богородице! Въ твоем жребии державствую по твоему преданию, еже ми еси предала своем милосердиемъ, отца моего приала еси, мнѣ же, немощной чяди, власть вручила еси над своим достояниемъ державствовати. Но виждь, Госпоже, гордаго сего и свирѣпаго персина, надѣющася на ся и уповающаго на множество воиньства своего! Аз же, Царице, надѣюся на тя, и уповаю на милосердие твое, и помощи от тебе прошу. Не дай, Госпоже, своего достояниа в попрание врагом своимъ, но стани в помощь нашу, и не возвыси надѣющихся на ся, и не уничижи *уповающих* на тя! Но, о Владычице, потщися на враги, и ускори на помощь нашу, и даруй храбръство немощьной чади, и сокруши врагы своя, и покори под ногы вѣрующим в тя. Аще, Госпоже, твоимъ посѣщениемъ и непобѣдимым воеводством Богоматере побѣжду враги твоя, и вся нам *преданая* тобою от перских сокровищь да не восприиму на расхищение, но дамъ, Госпоже, в домы твоя,[9] на украшение церквам твоим, и на воспоминание твоеа помощи и заступлениа, еже покажеши милость во своемъ жребии!»

И изыде из церквѣ, и сѣде на конь свой, и *рече* к всѣм воеводам своимъ: «Друзи и братиа! Азъ главу свою положити наперед васъ хощу за достояние Богоматере, и за наше благочестие, и за все православие нашея дръжавы. Аще ли и вы також сътворите, Богъ да поспѣшит намъ и Пречистая Богомати его да подастъ нам помощь. Аще ли не сотворите, Богъ да съкрушит васъ и Пречистая Богомати его, да предасть васъ в работу и в расхищение, якоже израильтеских иереовъ!»[10]

И поиде из своея державы въ срѣтение персина.

И приближися къ перским полком, и вземъ копие в руку, и ударися скоро на персьскиа полкы, возопи гласомъ велиемъ въ услышашие обоим полком: «Господа нашего Исуса Христа силою и Пречистыа его Матере помощью да побежать перси!» И удари персина копием, и пронзе.

И от гласа таковаго побѣгоша персы. Она же и вся воя еа погнаша ихъ и сѣчяху без милости; ятъ царя перскаго, и отъятъ главу его Динара царица, и въньзе на копие свое, и несе ю́ въ град Тевриз перский. И прият *град*, и пленивъ, и взя вся сокровища предних царей: камение многоценное и блюдо, с негоже, глаголють, Навходоносоръ царь яде,[11] и бисеру драгаго, злата же множество много. И возложи дань на Тевризъ, на свою потребу — на масти драгия, а с Шамахии[12] повелѣ на своя воя конскиа подковы имати. А прочая грады раздаде вельможамъ своим.

И возвратися во свою страну, показавыи славную побѣду Богоматерию, Непобѣдимою Побѣдителницею, враги гордыя побѣди.

Такову бо Пречистая дарова помощь немощьной чяди, и такову храбрость показа женьскимъ ополчениемъ, и от таковаго гласа девици толикое множество перских вои устрашися, и таковымъ девица пронзениемъ копиа смути, и таковою скоростию девичью и от гласа ея перси вси от страха омертвѣша, и таково дерзновенье девици дарова в чюждую страну, и такову державу немощной чяди вручи, и таковъ разумъ дарова Богомати!

И пришед Динара царица въ свою страну, и преданное ей Богоматерию сокровища царская, обещание свое исполни: блюдо златое, и камение, и бисеръ, и злато, и вся царскиа потребы, еже от персиких имѣний, раздаде в домы Божии въ своей земле, и не прикоснуся ни ко единому от царских сокровищъ.

И начя дръжавъство свое тихо и немятежно, и от персъ имаше дань и до преставлениа своего. И никтоже не смѣаше от того времени дръзнути на ню от окрестныхъ ея странъ, и повсегда Пречистые заступлениемъ пребывают никимже обладаеми.[13]

И правяше власть свою 38 лѣт и шесть месяць,[14] и по преставлении своем предаде власть сродником своимъ, и погребена бысть в Шарбенскомъ монастыри.[15]

Дажь доднесъ нераздѣлно дръжавьство Иверьское пребываетъ.

Глаголет же ся о них, яко быти от рода Давыдова, царя еврѣйскаго,[16] от колѣна Июдина.

Богу нашему слава и Пречистѣй его Матери в вѣкы. Аминь.

---

[1] *Александру Мелеку...* — «Александр Мелек» значит «Александр царь»; Мелек (Мелех) — слово восточного (тюркского) происхождения, обозначающее царское достоинство. Правителя с таким титулованием грузинская летопись и народные предания не знают, хотя Александр — имя нескольких древних имеретинских царей; автор «Повести» считает, по-видимому, отцом легендарной Динары Александра I (1413—1442), при котором средневековая Грузия была сильным, объединенным государством.

[2] *Царство царицы Динары.* — Это фраза — заглавие части «Повести» в той ее разновидности текста, которая читается в рукописях «Хронографа», где изложение исторических событий расположено по «царствам» византийских императоров.

[3] *И ты како имаши часть въ жребии Богоматере?* — По средневековой легенде Грузия (Иверия) досталась — по жребию — для проповеди христианства самой Богоматери.

[4] *Въспомяните Девору и Гедеона, како побѣдиша множество вои мадиамляны!* — Библейская история побед пророчицы Деворы и Гедеона над царем Ханаана и мадианитянами (Суд. IV—VIII) была популярна в средневековье как образ-символ победы над иноверными, одержанной с помощью небесной силы. Гедеона вспоминала в своей речи царица Тамара накануне Шамхорской битвы; роспись на сюжет победы Гедеона находилась в Золотой палате Кремлевского дворца (1547—1552).

[5] *...тако же и вамъ... гордости напояпьшимся; поверзаете народ единоверных своих...* — Здесь, по-видимому, утрачена часть текста, по смыслу нсобходимо противопоставление: *тако же и вамъ (надлежит, но вы) поверзаете народ...*

[6] *...и азъ иду, девица... и препояшу чресла своя оружиемъ, и возложю броня и шлемъ на женьскую главу, и восприиму копие в девичю длань...* — Близкая параллель к этикетному описанию воинского убранства Динары — идеальной царицы-воительницы — есть в грузинской хороводной песне: «Пришла царица, на голове у нее шлем, в ушах серьги... одета она в кольчугу, под нею — атлас, закована в латы, сидит она на коне песочного цвета с золотым седлом и золотой уздой» (Сперанский, с. 56).

[7] *...и поиде самодержателница к Тевризи в Шарбеньский монастырь...* — Географические указания «Повести» основаны на вымышленных представлениях: Тевризи ниже назван «перским градом» (действительно, известен Тебриз — столица южного Азербайджана, входившего в состав Персии), однако царица идет туда молиться в монастырь; в названии монастыря — Шарбеньский — по-видимому, отразились сведения о знаменитом Шатберском монастыре в Сванетии, крупном культурном и общественном центре средневековой Грузии.

[8] *...пѣша и необувеныма ногама по острому камению...* — По народным грузинским преданиям, царица Тамара, чье блестящее правление послужило исторической основой легенды о царице Динаре, после речи к вельможам, «снявши обувь с ног своих, пошла босыми ногами в церковь Матери Божией в Метекхни» (Сперанский, с. 57).

[9] *...дамъ, Госпоже, в домы твоя...* — Культ Богородицы в средневековой Грузии характеризовался обильными пожертвованиями в храмы. Богатства, пожертвованные царицей Тамарой не только храмам Грузии, но и монастырям Афона после ее победы над турками в знаменитой Шамхорской битве (1205), послужившей прообразом победоносной битвы царицы Динары с персами, были так велики, что византийский император Алексей Ангел грабил монахов в Константинополе, разносивших дары грузинской царицы.

[10] *...Бог да сокрушит... иереовъ!* — Речь идет о разорении Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором (см.: Иер. 20, 4—5).

[11] *...и отъятъ главу его Динара царица... и несе ю въ град Тевриз перский... и взя вся сокровища предних царей... и блюдо, с негоже, глаголють, Навходоносоръ царь яде...* — О походе царицы Тамары на персидский город Тебриз история умалчивает; Навходоносор — вавилонский царь Навуходоносор I (604—592 гг. до н. э.), обычно выступал в средневековых исторических представлениях (согласно библейскому тексту) как символ неограниченной царской власти и гордыни; в «Повести» — один из предшественников врага Динары — «перскаго царя». Упоминание о принадлежности блюда самому Навуходоносору увеличивает ценность военной добычи Динары.

[12] *Шамахи* — Шемаха, город в северном Азербайджане, столица Ширвана (вассальное владение Грузии в XII в.).

[13] *...и повсегда Пречистые заступлением пребывают, никимже обладаеми* (ниже в других списках добавлено: «Дажь до-днесь нераздѣлно дръжавьство Иверское пребывает»). — Последний раз средневековая Грузия была ненадолго объединена в XV в. при сыне Георгия VII Александре I, временно освободившем страну от власти мусульманских соседей. Однако эти указания «Повести» не могут быть использованы для прямой ее датировки, так как время благоденствия Иверии после победы Динары над персами не является историческим фактом: это время утопического благоденствия страны, победившей неверных.

[14] *И правяше власть свою 38 лѣт и шесть месяць.* — Не исключено, что это обозначение периода спокойного правления Динары возникло в подражание Библии: и Девора, и Гедеон имели — после победы — «сорок лет покоя».

[15] *И погребена бысть в Шарбенскомъ монастыри.* — Эти сведения также легендарны; место погребения царицы Тамары неизвестно; историческая царица Динара (X в.) была погребена в Имеретии, дипломатические документы середины XVII в. упоминают о реликварии с волосами «Динары-царевны», находящемся в храме села Таткрели (Гамкрели? — Статейный список посольства Никифора Толчанова к имеретинскому царю Александру в октябре 1650 г.).

[16] *Глаголет же ся о них, яко быти от рода Давыдова, царя еврѣйскаго...* — Легенда о происхождении иверских царей от библейского царя Давида — типичная средневековая легенда о священном происхождении царской власти; она была отражена в византийской историографии, в частности в известном сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» (952 г.) и в титуловании грузинских царей.

ПЕРЕВОД

ДИВНА ПОВѢСТЬ МУЖЕСТВЕНА *О* ХРАБРОСТИ И *МУДРОСТИ* ЦЕЛОМУДРЕНЫЯ ДЕВИЦА, ДИНАРЫ ЦАРИЦЫ, ДЩЕРИ ИВЕРСКАГО ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА

Умершу Иверьскому властодержавцу Александру Мелеку[1] и не имѣющу дѣтища мужеска полу, но единa дщерь остася 15 лѣт, зело разумна и мужествена, и не посягну присовокупитися мужеви, и предаде ей отець ея властодержавство свое. Она же бѣ мудра и разумна, и нача владѣти по преданью отца своего, въ дни перскаго царя.

Царство царици Динары.[2] Первѣе — показа любовь ко властодержавцем своимъ, и милость к народомъ, и праведный суд. И паче всего имѣаше прилежание к Божественому Писанию и о преднихъ царѣх и властодержавцех, како бѣ пребывание в нихъ и временное прехождение, и от того навыче воиньской храбрости. Якоже пчела събираетъ от цвѣтов медъ, тако и сиа Динара от памятных книгъ. И со многою кротостию правяще державу свою, и попечение велие имяше о своем властодержавъствѣ. Яко добрый кормъчий преплавати корабль чрез морскую пучину, и госпожа же сия печашеся, како бы ей быти в тихости.

И доиде слух перьскому царю, яко умре Александръ и приа власть Иверьскую дщи его, царевна Динара. И умысли персинъ приати Иверию и попрати вѣру их, еже въ Христа, и посла к ней, сице рек: «Аще хощеши от мене милости и державъствовати, да сугубыя дары подаси нашему величеству, аще ли не тако — не повелѣваю ти власти держати, но отъиди! Аще ли невъскоре послушаеши — и величество мое възяриши на ся, и милости не имам дати ти!»

Динара же царица, видѣвъ посланникы перскиа с таковыми глаголы пришедшая, и посла к персину свои послы и дары свыше отца своего, и глаголя: «Еже ми повелѣваеши не дрьжати власти, но не от тебя бо прияхъ ю́, но от Бога ми дано свыше. И ты како имаши часть въ жребии Богоматере?[3] Но не того ради да послахъ сиа дары к тебѣ. Вы убо бесерменскый законъ, мы же истинный законъ имамы. И како глаголеши и величаешися, яко тлѣненъ еси, не дано ти будет свыше!»

И видѣ перьсинъ посланники ея, с таковыми глаголы пришедша, и не въсприа даров ея, но съ звѣрозлобиемъ своим отпусти посланникы ея бездѣлны, глаголя имъ: «Милость даю вам: аще хощете царствовати, но въ единых срачицах повелѣваю вам остатися; аще же не тако — иду на

васъ с величеством воиньства моего и въсприиму тя и вся велможа твоя с тобою!»

Динара же царица, слышавъ таковыя глаголы от персьскаго царя посланниковъ, отосла посланники его и рече: «С таковым ополчениемъ вооружаешися на мя, противу немощной чади, девици! Аще и побѣдиши мя— не получиши чести, яко немощную чадь побъдилъ еси. Аще ли въсприму от Христа, Бога моего, побѣду на тя и от Богоматере его помощь, и женскою възступлю ногою на царское тѣло, и отъиму главу твою, тогда каковой чести сподоблюся, яко царя перскаго побѣдивъ женскою храбростию; иверьским женам нанесу похвалу, а перским царемъ наведу срамъ!»

И слышав персинъ, и възъярися лютѣ, и поиде со многым ополчениемъ на страну еа.

И начя Динара царица посылати велможа свою противу перскаго воиньства. Они же рекоша к ней: «Како можем стати съпротивне многаго воиньства и таковаго перскаго ополчениа?» Динара же царица отвеща к ним: «Въспомяните Девору и Гедеона, како побѣдиша множество вои мадиамляны![4] Не Богъ ли дарова им побѣду? И нынѣ той же Богъ нашь и наша заступница Пречистая Богородица! Не отягчяйтеся! Аще ли нынѣ не въоружимся противъ иновѣрных и за свою вѣру не умрем? Умрем же всяко! И предамы себе в работъство? И кою славу воздадим своему благочестию, посрамлени и беспамятни погибнем! Въсприимите себѣ мужество, и отверзите от себе женочревство! Егда убо наполнившимся долинам от дождевныя туча воды и преизлишнюю мокроту имущим, и во днех от великаго жжениа *солнечьнаго* иссушит мокроту, и много время пребудет земля суха, но и бесплодна, и нужно собрание плодовъ еа. Такоже и в державѣ земля нашеа: умножившимся народом и распространшимся; егда же ли возмут ны персы и распленят, како можемъ собрани быти и коей чести достоини будемъ, аще не въсприимем храбрости и дадимъ себе въ страхование, поверзем свое благочестие! Отженем от себе женочревъство, и въсприимем попечение о своих сокровищех. *Егда убо жена зача въ чревѣ, и нача готова ей быти; такоже и вамъ*, богатство и честь въсприимшим, и гордости наполньшимся; поверзаете народ единоверных своих,[5] и оставляете любы къ единородным своим! Послѣди же и сами възрыдаете и повержени будете, яко худый рубъ, на землю, и потаптаем ногами, никимже не брегом. Отложите гордость, и отверзете от себе страхование, и облецѣтеся въ храбръство, еда же не пленят вы перси, и расточат васъ, и расхитят богатство ваше! Но что ради тако закосняем? Ускоримъ противъ варваръ, якоже и азъ иду, девица; и восприиму мужескую храбрость, и отложю женьскую немощь, и облекуся в мужеумную крѣпость, и препояшу чресла своя оружиемъ, и возложю броня и шлемъ на женьскую главу, и восприиму копие в

девичю длань,[6] и въступлю въ стремя воиньскаго ополчениа, но не хощу слышати враговъ своих, пленующых жребий Богоматери и данныя от нея нам державы! Та бо Царица подастъ намъ храбрость и помощь о своем събытии. Они же убо, персы, борзящесе и без сна пребывающе, и конемъ ихъ томящесе день и нощь, и в великомъ трудѣ пребывающим. Яко болящиа *жене* приближается родити, и пребываетъ в великом разстоянии тѣла своего, такоже и персом в великомъ истомлении. Но ускорим противу ихъ и не дадимъ внити имъ во свою страну, и идемъ на них Богоматере помощию; аще въсхощет Владычица подати нам побѣду над врагы своими, вся убо ей возможна. Но не отягчайтеся! Своего ради благочестиа идемъ и начнем, да Богомати совершит ны. Аз же преди васъ начну съ врагы братися!»

Велможи же слышаше таковая от устъ ея, и охрабришесе, и собрашесе вси, и рекошя: «Дерзай, госпоже, дерзай!»

И повелѣ Динара собрати вся воя своя, и поиде самодержателница к Тевризи в Шарбеньский монастырь,[7] к Пречистей Богоматери, помолитися о дарованней помощи, пѣша и необувеныма ногама по острому камению[8] и жестскому пути. И пришед въ Пречистой Богородицы храм, и паде пред образомъ ея и рече: «Владычице-дево, Госпоже Богородице! Въ твоем жребии державствую по твоему преданию, еже ми еси предала своем милосердиемъ, отца моего приала еси, мнѣ же, немощной чяди, власть вручила еси над своим достояниемъ державствовати. Но виждь, Госпоже, гордаго сего и свирѣпаго персина, надѣющася на ся и уповающаго на множество воиньства своего! Аз же, Царице, надѣюся на тя, и уповаю на милосердие твое, и помощи от тебе прошу. Не дай, Госпоже, своего достояниа в попрание врагом своимъ, но стани в помощь нашу, и не возвыси надѣющихся на ся, и не уничижи *уповающих* на тя! Но, о Владычице, потщися на враги, и ускори на помощь нашу, и даруй храбръство немощьной чади, и сокруши врагы своя, и покори под ногы вѣрующим в тя. Аще, Госпоже, твоимъ посѣщениемъ и непобѣдимым воеводством Богоматере побѣжду враги твоя, и вся нам *преданая* тобою от персकिх сокровищь да не восприиму на расхищение, но дамъ, Госпоже, в домы твоя,[9] на украшение церквам твоим, и на воспоминание твоеа помощи и заступлениа, еже покажеши милость во своемъ жребии!»

И изыде из церквѣ, и сѣде на конь свой, и *рече* к всѣм воеводам своимъ: «Друзи и братиа! Азъ главу свою положити наперед васъ хощу за достояние Богоматере, и за наше благочестие, и за все православие нашея дръжавы. Аще ли и вы також сътворите, Богъ да поспѣшит намъ и Пречистая Богомати его да подастъ нам помощь. Аще ли не сотворите, Богъ да съкрушит васъ и Пречистая Богомати его, да

предасть васъ в работу и в расхищение, якоже израильтеских иереовъ!»[10]

И поиде из своея державы въ срѣтение персина.

И приближися къ перским полком, и вземъ копие в руку, и ударися скоро на персьскиа полкы, возопи гласомъ велиемъ въ услышашие обоим полком: «Господа нашего Исуса Христа силою и Пречистыа его Матере помощью да побежать перси!» И удари персина копием, и пронзе.

И от гласа таковаго побѣгоша персы. Она же и вся воя еа погнаша ихъ и сѣчяху без милости; ятъ царя перскаго, и отъятъ главу его Динара царица, и въньзе на копие свое, и несе ю́ въ град Тевриз перский. И прият *град*, и пленивъ, и взя вся сокровища предних царей: камение многоценное и блюдо, с негоже, глаголють, Навходоносоръ царь яде, [11] и бисеру драгаго, злата же множество много. И возложи дань на Тевризъ, на свою потребу — на масти драгия, а с Шамахии[12] повелѣ на своя воя конскиа подковы имати. А прочая грады раздаде вельможамъ своим.

И возвратися во свою страну, показавыи славную побѣду Богоматерию, Непобѣдимою Побѣдителницею, враги гордыя побѣди.

Такову бо Пречистая дарова помощь немощьной чяди, и такову храбрость показа женьскимъ ополчениемъ, и от таковаго гласа девици толикое множество перских вои устрашися, и таковымъ девица пронзениемъ копиа смути, и таковою скоростию девичью и от гласа ея перси вси от страха омертвѣша, и таково дерзновенье девици дарова в чюждую страну, и такову державу немощной чяди вручи, и таковъ разумъ дарова Богомати!

И пришед Динара царица въ свою страну, и преданное ей Богоматерию сокровища царская, обещание свое исполни: блюдо златое, и камение, и бисеръ, и злато, и вся царскиа потребы, еже от перских имѣний, раздаде в домы Божии въ своей земле, и не прикоснуся ни ко единому от царских сокровищъ.

И начя дръжавъство свое тихо и немятежно, и от персъ имаше дань и до преставлениа своего. И никтоже не смѣаше от того времени дръзнути на ню от окрестныхъ ея странъ, и повсегда Пречистые заступлениемъ пребывают никимже обладаеми.[13]

И правяше власть свою 38 лѣт и шесть месяць,[14] и по преставлении своем предаде власть сродником своимъ, и погребена бысть в Шарбенскомъ монастыри.[15]

Дажь доднесъ нераздѣлно дръжавьство Иверьское пребываетъ.

Глаголет же ся о них, яко быти от рода Давыдова, царя еврѣйскаго,[16] от колѣна Июдина.

Богу нашему слава и Пречистѣй его Матери в вѣкы. Аминь.

---

[1] *Александру Мелеку...* — «Александр Мелек» значит «Александр царь»; Мелек (Мелех) — слово восточного (тюркского) происхождения, обозначающее царское достоинство. Правителя с таким титулованием грузинская летопись и народные предания не знают, хотя Александр — имя нескольких древних имеретинских царей; автор «Повести» считает, по-видимому, отцом легендарной Динары Александра I (1413—1442), при котором средневековая Грузия была сильным, объединенным государством.

[2] *Царство царицы Динары.* — Это фраза — заглавие части «Повести» в той ее разновидности текста, которая читается в рукописях «Хронографа», где изложение исторических событий расположено по «царствам» византийских императоров.

[3] *И ты како имаши часть въ жребии Богоматере?* — По средневековой легенде Грузия (Иверия) досталась — по жребию — для проповеди христианства самой Богоматери.

[4] *Въспомяните Девору и Гедеона, како побѣдиша множество вои мадиамляны!* — Библейская история побед пророчицы Деворы и Гедеона над царем Ханаана и мадианитянами (Суд. IV—VIII) была популярна в средневековье как образ-символ победы над иноверными,

одержанной с помощью небесной силы. Гедеона вспоминала в своей речи царица Тамара накануне Шамхорской битвы; роспись на сюжет победы Гедеона находилась в Золотой палате Кремлевского дворца (1547—1552).

[5] *...тако же и вамъ... гордости напояпьшимся; поверзаете народ единоверных своих...* — Здесь, по-видимому, утрачена часть текста, по смыслу нсобходимо противопоставление: *тако же и вамъ (надлежит, но вы) поверзаете народ...*

[6] *...и азъ иду, девица... и препояшу чресла своя оружиемъ, и возложю броня и шлемъ на женьскую главу, и восприиму копие в девичю длань...* — Близкая параллель к этикетному описанию воинского убранства Динары — идеальной царицы-воительницы — есть в грузинской хороводной песне: «Пришла царица, на голове у нее шлем, в ушах серьги... одета она в кольчугу, под нею — атлас, закована в латы, сидит она на коне песочного цвета с золотым седлом и золотой уздой» (Сперанский, с. 56).

[7] *...и поиде самодержателница к Тевризи в Шарбеньский монастырь...* — Географические указания «Повести» основаны на вымышленных представлениях: Тевризи ниже назван «перским градом» (действительно, известен Тебриз — столица южного Азербайджана, входившего в состав Персии), однако царица идет туда молиться в монастырь; в названии монастыря — Шарбеньский — по-видимому, отразились сведения о знаменитом Шатберском монастыре в Сванетии, крупном культурном и общественном центре средневековой Грузии.

[8] *...пѣша и необувеныма ногама по острому камению...* — По народным грузинским преданиям, царица Тамара, чье блестящее правление послужило исторической основой легенды о царице Динаре, после речи к вельможам, «снявши обувь с ног своих, пошла босыми ногами в церковь Матери Божией в Метекхни» (Сперанский, с. 57).

[9] *...дамъ, Госпоже, в домы твоя...* — Культ Богородицы в средневековой Грузии характеризовался обильными пожертвованиями в храмы. Богатства, пожертвованные царицей Тамарой не только храмам Грузии, но и монастырям Афона после ее победы над турками в знаменитой Шамхорской битве (1205), послужившей прообразом победоносной битвы царицы Динары с персами, были так велики, что византийский император Алексей Ангел грабил монахов в Константинополе, разносивших дары грузинской царицы.

[10] *...Бог да сокрушит... иереовъ!* — Речь идет о разорении Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором (см.: Иер. 20, 4—5).

[11] *...и отъятъ главу его Динара царица... и несе ю въ град Тевриз перский... и взя вся сокровища предних царей... и блюдо, с негоже, глаголють, Навходоносоръ царь яде...* — О походе царицы Тамары на персидский город Тебриз история умалчивает; Навходоносор — вавилонский царь Навуходоносор I (604—592 гг. до н. э.), обычно выступал в средневековых исторических представлениях (согласно

библейскому тексту) как символ неограниченной царской власти и гордыни; в «Повести» — один из предшественников врага Динары — «перскаго царя». Упоминание о принадлежности блюда самому Навуходоносору увеличивает ценность военной добычи Динары.

[12] *Шамахи* — Шемаха, город в северном Азербайджане, столица Ширвана (вассальное владение Грузии в XII в.).

[13] *...и повсегда Пречистые заступлением пребывают, никимже обладаеми* (ниже в других списках добавлено: «Дажь до-днесь нераздѣлно дръжавьство Иверское пребывает»). — Последний раз средневековая Грузия была ненадолго объединена в XV в. при сыне Георгия VII Александре I, временно освободившем страну от власти мусульманских соседей. Однако эти указания «Повести» не могут быть использованы для прямой ее датировки, так как время благоденствия Иверии после победы Динары над персами не является историческим фактом: это время утопического благоденствия страны, победившей неверных.

[14] *И правяше власть свою 38 лѣт и шесть месяць.* — Не исключено, что это обозначение периода спокойного правления Динары возникло в подражание Библии: и Девора, и Гедеон имели — после победы — «сорок лет покоя».

[15] *И погребена бысть в Шарбенскомъ монастыри*. — Эти сведения также легендарны; место погребения царицы Тамары неизвестно; историческая царица Динара (X в.) была погребена в Имеретии, дипломатические документы середины XVII в. упоминают о реликварии с волосами «Динары-царевны», находящемся в храме села Таткрели (Гамкрели? — Статейный список посольства Никифора Толчанова к имеретинскому царю Александру в октябре 1650 г.).

[16] *Глаголет же ся о них, яко быти от рода Давыдова, царя еврѣйскаго...* — Легенда о происхождении иверских царей от библейского царя Давида — типичная средневековая легенда о священном происхождении царской власти; она была отражена в византийской историографии, в частности в известном сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» (952 г.) и в титуловании грузинских царей.

ПОВЕСТЬ О СТАРЦЕ, ПРОСИВШЕМ ЦАРСКУЮ ДОЧЬ СЕБЕ В ЖЕНЫ

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о старце» — оригинальное русское сочинение, по-видимому, второй половины — конца XV в. (самый ранний список датируется началом XVI в.) — содержит динамичный рассказ, напоминающий

рассказы переводных патериков, об испытании Евангельского текста безымянным старцем-отшельником. Старец хочет проверить Евангельские строки (Мф. 7, 7): «Стучите — и отворят вам, просите — и дадут вам, ищите — и найдете». Сюжет «Повести» строится как прямая реализация Евангельского речения: старец, уйдя из пустыни, стучится в ворота царского дворца — и его пускают внутрь, он просит у царя дочь себе в жены — и царь соглашается, при условии выполнения старцем трудной задачи — добыть (в обмен на царевну) камень-самоцвет; старец ищет камень — и находит (с помощью беса). Проверив незыблемость буквы Евангелия, отшельник уходит обратно в пустыню. В организации сюжета «Повести» большую роль играет симметрия, заданная исходным книжным текстом — Евангельской притчей: три эпизода испытания точно соответствуют трем строкам Евангелия. Так, сюжетная конструкция «Повести» изяшно и точно выявляет христианские идеи текста. Дидактическое задание «Повести» — самим сюжетом рассказа подтвердить буквалъную точность Евангелия — сближает текст с жанром притчи. Однако эта притча разработана книжником как повесть, использующая в развитии сюжета сказочные мотивы: мотив решения трудных задач ради добывания невесты и мотив заключенного и освобожденного беса-помощника. Популярный — и древний — мотив мировой литературы о заключенном и освобожденном бесе встречается в индийских сказках о Викрамадитье, монгольских сказках, в западно-европейских легендах о Виргилии и Парацельсе; русскому читателю XV в. он был хорошо знаком из пересказов легенд о царе Соломоне и из повестей Скитского патерика, он отразился также в византийских житиях Марины, Конона Исаврийского, вошел в русские повести об Аврамии Ростовском, Иоанне Новгородском и др. В силу наличия сказочного начала в сюжете «Повесть» утверждает эпический идеал: необходимость активного отношения к жизни, поисков, дерзания, смелости (ср. использование этих Евангельских строк Н. С. Лесковым для создания образа мятущегося Ивана Северьяныча в «Очарованном страннике») — и (что удивительно для средневекового текста) не осуждает старца за отсутствие слепой веры. Давление эпического начала в повествовании приводит и к тому, что фигура старца не терпит нравственного ущерба ни от сговора с бесом, ни от его обмана, ибо в этом повороте сюжета старец выступает как эпический герой, состязающийся в хитрости с могучим, но недалеким соперником (ср. подобные эпические сюжеты в «Повести временных лет»: обман княгиней Ольгой, собирающейся креститься, византийского императора; мудрость белгородского старца, перехитрившего печенегов). В многочисленных последующих переделках XVI и XVII вв. «Повесть» становится более пространной, в ее содержании усиливается назидательный дидактический элемент: старец называется «преподобным», безымянные герои получают имена, и полуфольклорный в своей основе текст приобретает черты псевдоисторической «душеполезной» повести. (Подробнее: *Демкова Н. С.* Принципы сюжетной организации текста в повествовательной литературе XVII в. // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1984. С. 33—41).

Текст «Повести» издается по древнейшему списку первой трети XVI в. — РНБ, Софийское собр., № 1478, лл. 161—164 об.

ОРИГИНАЛ

ОТ ЕВАНГЕЛИА, ГЛАВЫ ОТ МАТФЕА. СЛОВО О СТАРЦѢ, ПРОСИЛ У ЦАРЯ ДЩЕРИ ЗА СОБЯ, ЯЛСЯ ЦАРЬ ДАТЬ

Некый старець, живый в пустыни, томляаху его три *строкы* от Евангелиа: «Толцете — отврьзется вамъ, просите — дастъся вамъ, ищете — обрящете». И взятъ посохъ свой, поиде въ град.

И прииде ко цареве полате, и толъкнувшу ему во двери полаты, идеже царь сѣдитъ. Таже царь повеле пустити его к себѣ въ палату. Царь же рад ему бысть.

И вопроси его царь: «Что ради, старче, прииде к нашей дръжавѣ?» Старець же рече: «Сѣдѣхъ, царю, в пустыни многыа лѣта и молихъ Бога, и прииде ми помыслъ таковъ. Господь рече во Евангелие: “Толцете — отврьзется вамъ”. Ино ми, царю, первое слово его, Господарево, збылося: пришелъ есми к твоей полатѣ, и ты ми велелъ, царю, двери отврьсти; то ми и прьвое збылося». Таже глаголеть старець ко царю: «Царю господине! Есть у тебе дщи, дай ми ее!» Царь же помыслил совѣтъ благь, рече старцу: «Наутрие отвѣтъ дам ти, старче».

Наутрие прииде старець ко царю в полату; царь же помысли нѣчто Божию промыслу быти, не просто, рече старцу: «Калугере! Мочно ли добыти мнѣ камень драгый самоцвѣтной?» Рече старець: «Господине царю! Добуду ти камень драгый самоцвѣтный». Рече царь: «Аз ти, старче, дарую свою дщерь, аще ты мнѣ камень такый добудешь».

Старцу же второе прошение — слово збылося Христово: «Просите — и дасться вамъ».

Абие старець, благословя царя, поиде къ морю; и обрѣте в лукомории печеру, помысли старца в ней живуща, рад бысть зѣло; прииде в печеру, и влезе, и обрѣте старца уже преставльшася, и благодари Бога, Господа Вседръжителя и старца, живущаго о Бозѣ и скончавшася. Абие и слышитъ во единомъ углѣ печеры нечто борчитъ, акы муха, и зритъ сосудъ сцлянъ, а в немъ акы муха, а покрыто крестомъ спроста. И глаголеть к нему старець: «Что ты здѣ живешь, кто тя покрылъ знамениемъ симъ крестнымъ?» В сосудѣ же отрече старцу: «Сей старец, лежаи в печере сей, *запечатал* в сей сосуд». Абие молитъ старца:

«Испусти мя ис сосуда!». Старец рече: «Дай же ми слово таково, что ти мнѣ добыти камень драгый самоцьвѣтной». Бѣс же далъ ему слово таково — воскоро добыти камень драгый свѣтлый. Старець же сложи с сосуда крестъ, бѣс же искочи ис печеры и ста пред печерою, акы великый дубъ, рече старцу: «Пожди мене на семь мѣсте, старче». Абие бѣсъ искочи в море и возмути вѣтры великыми и волнами силными, и изнесѣ бѣсъ камень драгый самоцвѣтный, и дасть старцу. Старець же подивися Божию милосердию, рече Христос: «Ищете — и обрящете».

Рече старець бѣсу, *яко* «Дивлюся вашему величесьтву: овогда велики есте, овогда мали есте!» Бѣсъ рече: «Наше существо таково, яко хотимъ: и малъ и великъ, и свѣтелъ и мраченъ, и скоръ, якоже молниа». Рече старець: «Аще можеши таковъ быти, якоже и в сосудѣ видѣх тя?» Он же воскочи к нему на длань, якоже и в сосудѣ былъ. Старец же словомъ Божиимъ запѣчатлѣ, тѣм же крестомъ, Бог вѣсть, в той же сосуд, и двери печере загради, и отъиде во град ко царю, и дасть ему камень драгый.

Царь почюдися, и взял, и преставль ему свою дщерь. Старець рече царю: «Господине! Дивлюся Божию милосердию, исполнилъ есми свой помыслъ уже: “Толцете — отврьзется вамъ, просите — и дасться вамъ, ищете — и обрящете”; ино, господине царю, тѣ словѣса всѣ збылися». Рече старець царю: «Дщи твоа тебѣ, и камень драгый тебѣ».

Абие старець благослови царя и возвратися во свою пустыню, идѣ прьвое былъ.

Богу нашему слава нынѣ и присно, и в вѣкы вѣкомъ, аминь.

ПЕРЕВОД

ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ, ГЛАВЫ ОТ МАТФЕЯ, СЛОВО О СТАРЦЕ, КАК ОН ПРОСИЛ У ЦАРЯ ДОЧЬ СЕБЕ В ЖЕНЫ, И ЦАРЬ СОГЛАСИЛСЯ ДАТЬ

Жил некий старец-отшельник, долго и мучительно раздумывал он над тремя Евангельскими строками: «Стучите — отворят вам, просите — и дано будет вам, ищите — и найдете». И, взяв посох свой, пошел в город.

И пришел старец к царскому дворцу, и постучал в двери той палаты, где царь находится. Царь велел пустить его к себе в палату. И рад был царь ему.

И спросил его царь: «Зачем, старец, ты пришел к нашей державе?» Старец же ответил: «Я, царь, много лет жил в пустыне и молился Богу, и пришла мне такая мысль. Господь сказал в Евангелии: “Стучите — и отворят вам”. И на мне первое это слово Господне сбылось: пришел я к твоей палате, и ты, царь, велел мне двери отворить; так на мне сбылось первое изречение». Затем говорит старец царю: «Царь-господин! Есть у тебя дочь — дай мне ее в жены!» Царь подумал, что ему нужен хороший совет, и сказал старцу: «Завтра утром я тебе дам ответ, старец».

На другой день утром пришел старец к царю в палату; царь же решил, что просьба старца не простая и сделана она не без Божьего промысла, и сказал старцу: «Монах! Можешь ли ты добыть мне камень драгоценный самоцветный?» Ответил старец: «Господин царь! Добуду я тебе камень драгоценный самоцветный». Сказал царь: «Я тебе, старец, отдам свою дочь, если ты мне камень такой добудешь».

Так сбылось и второе прошение старца — слово Христово: «Просите — и дано будет вам».

Затем старец, благословив царя, пошел к морю; и нашел он на берегу моря пещеру, подумал, что отшельник в ней живет, и обрадовался; он вошел в пещеру, прошел в глубь нее и нашел отшельника, уже умершего, и возблагодарил Бога, Господа-Вседержителя, и помолился о старце, жившем во славу Божью и скончавшемся. И слышит он, как в одном из углов пещеры нечто жужжит, словно муха, и видит сосуд стеклянный, а в нем находится что-то, похожее на муху, а сосуд просто покрыт крестом. И спрашивает у него старец: «Зачем ты здесь находишься, и кто тебя покрыл крестом этим?» Из сосуда же кто-то ответил старцу: «Тот старец, что лежит в этой пещере, заключил меня в этом сосуде». И затем стал молить старца: «Выпусти меня из сосуда!» Старец же сказал: «Дай мне слово, что ты мне добудешь камень драгоценный самоцветный». Бес же дал ему слово, что добудет быстро драгоценный светящийся камень. Старец снял с сосуда крест, бес же выскочил из пещеры и стал перед пещерою, громадный, как великий дуб, и сказал старцу: «Подожди меня на этом месте, старец!» Затем бес бросился в море, возмутил его ветрами великими и волнами сильными и вынес драгоценный камень самоцветный, и дал его старцу. Старец же удивился Божию милосердию — сказал Христос: «Ищите — и найдете».

Сказал старец бесу: «Удивляюсь я вашей — бесов — величине: иногда вы так велики, а иногда малы!» Бес же сказал: «Наше существо таково: мы такие, какими хотим быть: я могу быть и мал и велик, и светел и темен, и скор, как молния». Сказал старец: «Можешь ли стать таким, каким я в сосуде видел тебя?» Бес же вскочил ему на ладонь и стал таким, каким он был в сосуде. Старец же запечатал его в сосуде словом Божиим, по Божию изволению, и тем же крестом, что на сосуде был, и двери пещеры загородил, и пошел оттуда в город к царю, и отдал ему камень драгоценный.

Царь изумился, взял камень и вручил старцу свою дочь. Старец же сказал царю: «Господин, удивляюсь я Божьему милосердию: уже выполнил я свое желание, постиг смысл этих слов: “Стучите — и отворят вам, просите — и дано будет вам, ищите — и найдете”; ведь все слова эти, господин царь, сбылись». И сказал старец царю: «Дочь твоя тебе и камень драгоценный тебе».

Затем старец благословил царя и вернулся в свою пустыню, где и раньше был.

Богу нашему слава ныне и всегда, и во веки веков, аминь.

ПОВЕСТЬ О ЛУКЕ КОЛОЧСКОМ

Подготовка текста перевод и комментарии Л. И. Журовой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о Луке Колочском» — один из оригинальных памятников XV—XVI вв., который, видимо, возник в Северо-восточной Руси.

В основе сюжета лежит традиционный для древнерусской литературы мотив о явлении чудотворной иконы и рассказ об основании Колочского монастыря. Но основным содержанием «Повести» стало изобилующее беллетристическими элементами занимательное повествование о неправедной жизни простого селянина Луки, неожиданно разбогатевшего за счет иконы. Конфликт строится на взаимоотношениях удельного князя Андрея Дмитриевича Можайского и земледельца; это обстоятельство позволяет поставить вопрос об особом идейном звучании литературного произведения, отразившем одну из актуальных проблем своего времени — учение о пределах царской власти.

Литературная история «Повести о Луке Колочском» тесно связана с историей Можайского княжества. Можайск — один из первых «примыслов» московских князей XIV в. Первое упоминание о Можайске относится к 1293 г. Однако рост города связан с XIV—XV вв., когда Можайск становится опорным пунктом борьбы против литовского наступления и важным центром на торговом пути с Западом.

В начале XIV в. Можайск входил во владения московских князей и передавался старшему сыну, после Дмитрия Донского стал центром самостоятельного удела. В Можайске в начале XV в. чеканилась своя монета, можайские князья выплачивали большую дань Орде, можайские купцы торговали с западными странами и с Кафой (Феодосией). Все это — показатели экономической и политической мощи Можайского княжества. Упоминаемый в «Повести» Андрей Дмитриевич Можайский, третий младший сын великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского, получил по завещанию отца в удел Можайск. Вся деятельность князя Андрея Дмитриевича как правителя говорит о том, что он стремился показать себя умелым организатором, заботящимся о своих владениях. Князь занимался не только административными вопросами, но вмешивался в дела церковные. Известно «Послание» Кирилла Белозерского, написанное в 1408 или в 1413 г. (1413 г. — год основания Колочского монастыря), которое служит своеобразным примером так называемого «среднего» мнения по вопросу о пределах царской власти. Суть этого мнения заключалась в том, что князю не подвластна сфера церковных отношений, но власть князя не ограничивается делами исключительно светскими, в его обязанности, по мнению Кирилла, должна входить забота о том, чтобы его подданные выполняли предписания веры, которым их учат духовные наставники. Содержание «Повести о Луке Колочском» перекликается с этой мыслью Белозерского старца.

Конфликт между простым поселянином и удельным князем трудно объяснить. Возможно, такой случай в самом деле имел место в биографии Андрея Дмитриевича Можайского, он стал известен Кириллу, и тот написал свое «Послание», в котором призывает князя «людей своих уймати от лихаго обычая». В свете теории Кирилла Белозерского можно, наверное, понять сюжет «Повести». Возможно, «Повесть о Луке Колочском» появилась под влиянием и по поводу сложившихся отношений между удельным князем и Белозерским старцем в Кирилловом монастыре, который считался патрональным монастырем можайских князей и оказался в середине XV в. чуть ли не в центре борьбы великокняжеского дома. Младший сын Андрея Можайского — Михаил — поддерживал старцев Кириллова монастыря и был замешан в конфликте митрополита Геронтия с Иваном III.

«Повесть о Луке Колочском», вероятно. была известна в оппозиционных Москве кругах. Дело в том, что потомки Можайского князя — Иван Андреевич Можайский и Михаил Андреевич Верейский — участвовали в политической борьбе против великого Московского князя: первый действовал заодно с Шемякой и после неудачного для него похода вынужден был бежать в Литву, Можайское княжество в 1454 г. было присоединено к Москве; второй был замешан в событиях политического

характера последней четверти XV в. Таким образом, совершенно четко прослеживаются связи «Повести о Луке Колочском» с историей удельного Можайского княжества и идеологической борьбой централизующейся Московской Руси XV в.

В период феодальной войны сказания о чудесах приобретали усиленное идеологическое звучание, защишали права удельных княжат от наступающей власти московских князей. «Повесть о Луке Колочском» была использована разными политическими силами в этой борьбе.

«Повесть» дошла в составе целого ряда русских летописей XVI—XVII вв., «Степенной книги», сборников смешанного состава XVI—XX вв. Общерусские летописные своды XV в. сохранили отдельные детали сюжета, свидетельствуюшие о существовании оригинала в книгописных центрах XV в.

Летописные материалы XVI в. показывают новые этапы литературной истории «Повести о Луке Колочском», когда с ослаблением идеологической борьбы великокняжеского дома «Повесть» входит в состав официальных летописных сводов, таких как Никоновский и «Степенная книга», которые призваны были прославлять предков великих князей и выписывать родословную великого князя Московского.

Многочисленные списки памятника дают несколько редакций, появление которых обусловлено определенными изменениями в общественно-политической и историко-культурной жизни Московского государства.

«Повесть о Луке Колочском» была издана по списку второй половины XVII в. М. О. Скрипилем в сборнике «Русские повести XV—XVI веков». Л., 1958. Повесть вошла в издание Никоновской летописи (ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 221—223), Мазуринского летописца (ПСРЛ. М., 1968. Т. XXXI. С. 99—100), «Книги Степенной царского родословия» (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. XXI. Ч. 2. С. 446—448).

Текст «Повести о Луке Колочском» публикуется по списку: РГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 11, «Летописец русский», вторая половина XVI в., лл. 222 об.—225 об. Исправления делаются по Никоновской летописи.

ОРИГИНАЛ

«Повесть о Луке Колочском» — один из оригинальных памятников XV—XVI вв., который, видимо, возник в Северо-восточной Руси.

В основе сюжета лежит традиционный для древнерусской литературы мотив о явлении чудотворной иконы и рассказ об основании Колочского монастыря. Но основным содержанием «Повести» стало изобилующее беллетристическими элементами занимательное повествование о неправедной жизни простого селянина Луки, неожиданно разбогатевшего за счет иконы. Конфликт строится на взаимоотношениях удельного князя Андрея Дмитриевича Можайского

и земледельца; это обстоятельство позволяет поставить вопрос об особом идейном звучании литературного произведения, отразившем одну из актуальных проблем своего времени — учение о пределах царской власти.

Литературная история «Повести о Луке Колочском» тесно связана с историей Можайского княжества. Можайск — один из первых «примыслов» московских князей XIV в. Первое упоминание о Можайске относится к 1293 г. Однако рост города связан с XIV—XV вв., когда Можайск становится опорным пунктом борьбы против литовского наступления и важным центром на торговом пути с Западом.

В начале XIV в. Можайск входил во владения московских князей и передавался старшему сыну, после Дмитрия Донского стал центром самостоятельного удела. В Можайске в начале XV в. чеканилась своя монета, можайские князья выплачивали большую дань Орде, можайские купцы торговали с западными странами и с Кафой (Феодосией). Все это — показатели экономической и политической мощи Можайского княжества. Упоминаемый в «Повести» Андрей Дмитриевич Можайский, третий младший сын великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского, получил по завещанию отца в удел Можайск. Вся деятельность князя Андрея Дмитриевича как правителя говорит о том, что он стремился показать себя умелым организатором, заботящимся о своих владениях. Князь занимался не только административными вопросами, но вмешивался в дела церковные. Известно «Послание» Кирилла Белозерского, написанное в 1408 или в 1413 г. (1413 г. — год основания Колочского монастыря), которое служит своеобразным примером так называемого «среднего» мнения по вопросу о пределах царской власти. Суть этого мнения заключалась в том, что князю не подвластна сфера церковных отношений, но власть князя не ограничивается делами исключительно светскими, в его обязанности, по мнению Кирилла, должна входить забота о том, чтобы его подданные выполняли предписания веры, которым их учат духовные наставники. Содержание «Повести о Луке Колочском» перекликается с этой мыслью Белозерского старца.

Конфликт между простым поселянином и удельным князем трудно объяснить. Возможно, такой случай в самом деле имел место в биографии Андрея Дмитриевича Можайского, он стал известен Кириллу, и тот написал свое «Послание», в котором призывает князя «людей своих уймати от лихаго обычая». В свете теории Кирилла Белозерского можно, наверное, понять сюжет «Повести». Возможно, «Повесть о Луке Колочском» появилась под влиянием и по поводу сложившихся отношений между удельным князем и Белозерским старцем в Кирилловом монастыре, который считался патрональным монастырем можайских князей и оказался в середине XV в. чуть ли не в центре борьбы великокняжеского дома. Младший сын Андрея Можайского — Михаил — поддерживал старцев Кириллова монастыря и был замешан в конфликте митрополита Геронтия с Иваном III.

«Повесть о Луке Колочском», вероятно. была известна в оппозиционных Москве кругах. Дело в том, что потомки Можайского князя — Иван

Андреевич Можайский и Михаил Андреевич Верейский — участвовали в политической борьбе против великого Московского князя: первый действовал заодно с Шемякой и после неудачного для него похода вынужден был бежать в Литву, Можайское княжество в 1454 г. было присоединено к Москве; второй был замешан в событиях политического характера последней четверти XV в. Таким образом, совершенно четко прослеживаются связи «Повести о Луке Колочском» с историей удельного Можайского княжества и идеологической борьбой централизующейся Московской Руси XV в.

В период феодальной войны сказания о чудесах приобретали усиленное идеологическое звучание, защишали права удельных княжат от наступающей власти московских князей. «Повесть о Луке Колочском» была использована разными политическими силами в этой борьбе.

«Повесть» дошла в составе целого ряда русских летописей XVI—XVII вв., «Степенной книги», сборников смешанного состава XVI—XX вв. Общерусские летописные своды XV в. сохранили отдельные детали сюжета, свидетельствуюшие о существовании оригинала в книгописных центрах XV в.

Летописные материалы XVI в. показывают новые этапы литературной истории «Повести о Луке Колочском», когда с ослаблением идеологической борьбы великокняжеского дома «Повесть» входит в состав официальных летописных сводов, таких как Никоновский и «Степенная книга», которые призваны были прославлять предков великих князей и выписывать родословную великого князя Московского.

Многочисленные списки памятника дают несколько редакций, появление которых обусловлено определенными изменениями в общественно-политической и историко-культурной жизни Московского государства.

«Повесть о Луке Колочском» была издана по списку второй половины XVII в. М. О. Скрипилем в сборнике «Русские повести XV—XVI веков». Л., 1958. Повесть вошла в издание Никоновской летописи (ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 221—223), Мазуринского летописца (ПСРЛ. М., 1968. Т. XXXI. С. 99—100), «Книги Степенной царского родословия» (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. XXI. Ч. 2. С. 446—448).

Текст «Повести о Луке Колочском» публикуется по списку: РГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 11, «Летописец русский», вторая половина XVI в., лл. 222 об.—225 об. Исправления делаются по Никоновской летописи.

ПЕРЕВОД

«Повесть о Луке Колочском» — один из оригинальных памятников XV—XVI вв., который, видимо, возник в Северо-восточной Руси.

В основе сюжета лежит традиционный для древнерусской литературы мотив о явлении чудотворной иконы и рассказ об основании Колочского

монастыря. Но основным содержанием «Повести» стало изобилующее беллетристическими элементами занимательное повествование о неправедной жизни простого селянина Луки, неожиданно разбогатевшего за счет иконы. Конфликт строится на взаимоотношениях удельного князя Андрея Дмитриевича Можайского и земледельца; это обстоятельство позволяет поставить вопрос об особом идейном звучании литературного произведения, отразившем одну из актуальных проблем своего времени — учение о пределах царской власти.

Литературная история «Повести о Луке Колочском» тесно связана с историей Можайского княжества. Можайск — один из первых «примыслов» московских князей XIV в. Первое упоминание о Можайске относится к 1293 г. Однако рост города связан с XIV—XV вв., когда Можайск становится опорным пунктом борьбы против литовского наступления и важным центром на торговом пути с Западом.

В начале XIV в. Можайск входил во владения московских князей и передавался старшему сыну, после Дмитрия Донского стал центром самостоятельного удела. В Можайске в начале XV в. чеканилась своя монета, можайские князья выплачивали большую дань Орде, можайские купцы торговали с западными странами и с Кафой (Феодосией). Все это — показатели экономической и политической мощи Можайского княжества. Упоминаемый в «Повести» Андрей Дмитриевич Можайский, третий младший сын великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского, получил по завещанию отца в удел Можайск. Вся деятельность князя Андрея Дмитриевича как правителя говорит о том, что он стремился показать себя умелым организатором, заботящимся о своих владениях. Князь занимался не только административными вопросами, но вмешивался в дела церковные. Известно «Послание» Кирилла Белозерского, написанное в 1408 или в 1413 г. (1413 г. — год основания Колочского монастыря), которое служит своеобразным примером так называемого «среднего» мнения по вопросу о пределах царской власти. Суть этого мнения заключалась в том, что князю не подвластна сфера церковных отношений, но власть князя не ограничивается делами исключительно светскими, в его обязанности, по мнению Кирилла, должна входить забота о том, чтобы его подданные выполняли предписания веры, которым их учат духовные наставники. Содержание «Повести о Луке Колочском» перекликается с этой мыслью Белозерского старца.

Конфликт между простым поселянином и удельным князем трудно объяснить. Возможно, такой случай в самом деле имел место в биографии Андрея Дмитриевича Можайского, он стал известен Кириллу, и тот написал свое «Послание», в котором призывает князя «людей своих уймати от лихаго обычая». В свете теории Кирилла Белозерского можно, наверное, понять сюжет «Повести». Возможно, «Повесть о Луке Колочском» появилась под влиянием и по поводу сложившихся отношений между удельным князем и Белозерским старцем в Кирилловом монастыре, который считался патрональным монастырем можайских князей и оказался в середине XV в. чуть ли не в центре борьбы великокняжеского дома. Младший сын Андрея

Можайского — Михаил — поддерживал старцев Кириллова монастыря и был замешан в конфликте митрополита Геронтия с Иваном III.

«Повесть о Луке Колочском», вероятно. была известна в оппозиционных Москве кругах. Дело в том, что потомки Можайского князя — Иван Андреевич Можайский и Михаил Андреевич Верейский — участвовали в политической борьбе против великого Московского князя: первый действовал заодно с Шемякой и после неудачного для него похода вынужден был бежать в Литву, Можайское княжество в 1454 г. было присоединено к Москве; второй был замешан в событиях политического характера последней четверти XV в. Таким образом, совершенно четко прослеживаются связи «Повести о Луке Колочском» с историей удельного Можайского княжества и идеологической борьбой централизующейся Московской Руси XV в.

В период феодальной войны сказания о чудесах приобретали усиленное идеологическое звучание, защишали права удельных княжат от наступающей власти московских князей. «Повесть о Луке Колочском» была использована разными политическими силами в этой борьбе.

«Повесть» дошла в составе целого ряда русских летописей XVI—XVII вв., «Степенной книги», сборников смешанного состава XVI—XX вв. Общерусские летописные своды XV в. сохранили отдельные детали сюжета, свидетельствуюшие о существовании оригинала в книгописных центрах XV в.

Летописные материалы XVI в. показывают новые этапы литературной истории «Повести о Луке Колочском», когда с ослаблением идеологической борьбы великокняжеского дома «Повесть» входит в состав официальных летописных сводов, таких как Никоновский и «Степенная книга», которые призваны были прославлять предков великих князей и выписывать родословную великого князя Московского.

Многочисленные списки памятника дают несколько редакций, появление которых обусловлено определенными изменениями в общественно-политической и историко-культурной жизни Московского государства.

«Повесть о Луке Колочском» была издана по списку второй половины XVII в. М. О. Скрипилем в сборнике «Русские повести XV—XVI веков». Л., 1958. Повесть вошла в издание Никоновской летописи (ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 221—223), Мазуринского летописца (ПСРЛ. М., 1968. Т. XXXI. С. 99—100), «Книги Степенной царского родословия» (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. XXI. Ч. 2. С. 446—448).

Текст «Повести о Луке Колочском» публикуется по списку: РГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 11, «Летописец русский», вторая половина XVI в., лл. 222 об.—225 об. Исправления делаются по Никоновской летописи.

ПОВЕСТЬ О ТИМОФЕЕ ВЛАДИМИРСКОМ

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о Тимофее Владимирском» относится к оригинальным русским повестям о «великих грешниках» и датируется концом XV — началом XVI в. История «великого грешника» — владимирского священника Тимофея, согрешившего во время исповеди, бежавшего в Орду, принявшему мусульманство и ставшего воеводой казанского царя, — разворачивается на фоне описания острых столкновений Москвы и Казани накануне окончательного падения татарского ига в 1480 г. Тимофей тридцать лет служит казанскому царю, часто и безжалостно проливая кровь невинных русских людей; финальное действие «Повести» приурочено ко времени княжения Ивана III и деятельности митрополита Филиппа, то есть к периоду между 1464 и 1473 гг. Таким образом, этическая проблематика «Повести» полностью сливается в тексте с общественно-политической: «Повесть» четко противопоставляет добро и зло, злодейство и раскаяние, Русь и Орду (Казань). Фигура Тимофея в развитии сюжета повести все время как бы пересекает — в полном соответствии с агиографическим каноном изображения человека — полосы света и тьмы, и в конце — самоуничтожается в нравственном катаклизме. Необычность «Повести» (при сопоставлении с другими агиографическими повествованиями о грешниках) — в крайней экзальтации ее главного героя, напоминающей о принципах описания человека в литературе XVII в. Кроме повышенного внимания к описанию душевных переживаний героя «Повесть о Тимофее Владимирском» сближается с повестями XVII в., в частности с «Повестью о Горе-Злочастии», изображением «механизма» духовного перерождения грешника; и в том и в другом произведении прозрение героя наступает после пения: в «Повести о Горе-Злочастии» — после песни «доброго молодца» о матери, в «Повести о Тимофее» — после пения Тимофеем «красного стиха любимого» Богородице. Повесть была популярным чтением в Московской Руси XVII в., все старшие списки «Повести» — списки XVII в.

Текст «Повести» издается по полному списку XVIII в.: РНБ, Q. XVII. 199, лл. 187—191 с исправлениями по рукописи конца XVII в.: ГИМ, Барсовское собр., № 2134, лл. 215 об.—226 об.

ОРИГИНАЛ

ПОВЕСТЬ О ПРЕЗВИТЕРЕ, ВПАВШЕМ В ВЕЛИКИЙ ГРЕХ ТЯЖКИЙ, ИЖЕ БЫСТЬ В РУСКОЙ ЗЕМЛИ В КНЯЖЕНИЕ ГОСУДАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИИ, И ПРИ МИТРОПОЛИТЕ ФИЛИППЕ[1]

Бѣ во градѣ Владимерѣ презвитеръ нѣкий живый, именемъ Тимофей. Случи же ся ему быти, по Божию попущению, искусъ сицевъ на пагубу души его.

В первую убо неделю святаго и Великаго поста обычай имутъ православнии христиане, боголюбивии людие — мужие и жены, и младые дети — поститися во всю неделю. Постивше же ся, в пятокъ вечера ко отцемь духовным на покаяние приходити и о грѣсѣхь своихь очищатися, и в суботу на литоргии приимати святое тѣло и кровь Христа, Бога нашего. Такоже и к сему попу Тимофею прииде на исповѣдание грѣховъ своих девица нѣкая,[2] красна зѣло, дщи славных града того. Бысть же има наединѣ в церкви двѣма, и начатъ презвитера дияволъ на неутолимую похоть разжигати. Презвитер же, не могий терпѣти разгорѣния плоти своея, и падеся з девицею в церкви, не убояся Божия суда и вѣчнаго мучения лютаго.

И сотворивъ грѣхъ з девицею, и убояся изымания, и бѣжа ис церкви вонъ, в домъ свой, и утаяся всѣх людей, да не явленъ будетъ властелемъ града того, и про то бы ему злою смертию не умрети. И осѣдла конь своей, и пременив образ свой поповский, и облечеся в воинскую одежду, и не явися, и не сказася женѣ своей, ни дѣтемъ своимъ, и всѣд на конь, скоро погна из дому своего и из града своего, бѣжа на чюждую страну, в поганую землю татарскую, в Казань.

И тако в Орду прибѣжавъ,[3] и вдадеся царю казанскому служити, и отвержеся вѣры християнския, и священнический чинъ попра, и бусарманскую срацынскую злую вѣру приятъ, и взятъ себѣ двѣ жены.

Охъ, увы! Первие бѣ чиститель, и говѣин священникъ, и предстатель престолу Божию, и поручник грѣшных душъ, потом же — золъ гонитель бысть, и лютъ кровопийца христианескъ, и воевода в Казани храбръ. И часто его посылаше царь с татары своими воевати отечество его, Русския земли християнъ. Живяше же он 30 лѣтъ в Казани, царю служилъ, и разбоготѣлъ вельми.

Богъ же, не хотя смерти грѣшнику, но еже обратитися ему и живу быти, восхотѣ же и сего преступника в первое благочестие привести.

По времени же посла его царь на то же обычное и беззаконное дѣло, якоже и прежде, — пролияти кровь неповинных руских людей. Он же иде по словеси царя и возвратися в Казань с руским полономъ. Идущу же ему чистым и великимъ полемъ к Казани, и пусти полкъ свой напреди себя, сам же единъ остася назади, *ездяше, некоего* ради орудия. Ѣдушу же ему на конѣ своемъ в полудни, после полка своего

далече остася и пояше умилно красный стих любимый Пресвятѣй Богородицѣ: «О тебе радуется, Обрадованная, всякая тварь!»[4]

Тогда же по случаю бѣжа плѣнникъ ис Казани, некий отрок, русинъ, и, западше, лежаще, утаяся в дубровѣ, по страну путя того, ждущий, докуду минетъ весь полкъ татарский, чтобы востати от места того и паки бы побѣжать, не блюдяся, к Руси.

И егда отрокъ слыша поюща стихь, и, воставъ от лежания своего, и мнѣвъ поюща его стихь быти русина, не бояся, радостен изыде оттуду, и потече из дубровы на путь свой, и явися тому, окаянному варвару, прежде бывшему попу. Он же, видя отрока ярыма своима очима звѣриныма, и похватив мечь нагъ, и хотѣ отроку главу отсѣщи. Пленник же паде на землю з горкими слезами, милости прося у него, чтобы не убиенъ былъ от него. И сказа ему о себѣ, яко «Плѣнникъ есмь, русинъ, бѣжа ис Казани на Русь, и слышах тебя, по-руски поюща великий стихь Богоматере, еже любезнейши есть той стихь всѣх стиховъ Богородичных, и у нас его на Руси честно поють, славяще Пресвятую Богородицу, молитвенницу и заступницу нашу, и чаяхъ тебя русина быти и явихся, господине, лицу твоему, не бояся!» Преступник же то слыша, и жесткое и каменное свое сердце во умилении положи, и нача великим гласом жалостно плакати и рыдати, и, сшед с коня, о землю убивашеся, яко устрашитися отроку тому, и вмалѣ не побѣжа от него, дивяся в себѣ, что се таково сотворилося; бѣ бо и отрокъ той грамотен же. И плакася от полудне того до вечера, донелѣ гортань его премолча и слезы исчезосте от очию его. И обозреся со отроком ту, и спа до утра на травѣ, давъ отроку нѣчто мало снѣсти, сам же ничего не вкуси.

Плѣнник же нача прилѣжно вопрошати, глаголя: «Что се, господине, есть, и что плачь твоя, и почто горко плачеши? Повѣждь ми, рабу своему». Он же устранися от плача и мало пришед в себѣ, все отроку вышеписанное повѣда, яко попъ на Руси былъ. Плѣнник же увѣщеваше его на покаяние обратитися, яко Богъ нашъ милостив есть и кающихся от грехов очищаетъ. Он же рече отроку: «Молю же тя, отроча, и заклинаю тя Богом вашим Исусом Христом, пришедшим в миръ грѣшники спасти, да сотвориши ми любовъ духовную! Иди нынѣ от мене без боязни к Москвѣ, на Русь, и пришед, возвѣсти о мнѣ вся митрополиту вашему,[5] еже сказа ти. Аще есть такому грѣшнику покаяние, и они бы меня восприяли, и запретили, и простили, како подобаетъ по заповѣди Господа нашего Исуса Христа; дабы и попечаловался о мнѣ великому князю московскому, дабы и онъ простилъ во всем моемъ злѣ, еже много лѣтъ воевах землю его и христианство губя. Да рукописание бы прощения мнѣ во всемъ написалъ, и двѣма печатми запечатавъ, великаго князя печатью да своею другою печатью, да тогда веру иму, и поехалъ бы к Москвѣ без боязни. Да по двою месяцу прислал бы ми с тобою на сие же мѣсто, и

азъ бы с радостию и без сумнѣния к Москвѣ ис Казани приѣхалъ, и вдался бы я в монастырь плакатися грѣховъ своих. Ты же, брате, потрудися Бога ради о мнѣ всѣмъ сердцемъ своим без лѣности, Господь же ради труда твоего мзду воздастъ ти во царствии небеснѣм!» И одари отрока сребром немало. И обѣща ему отрок истинно и неложно повелѣнное имъ сотворити.

И воставше заутра, и тако же много плакався бусурманъ той, и цѣловавшеся оба, и разъѣхавшеся. Отрока отпусти к Руси, а сам х Казани за полком своимъ скоро погна.

Отрок же к Москве пришед и скоро сказа вещь сию митрополиту Филиппу. Истинный же пастырь церкви Христовѣ в той же час скоро шед в полату и возвѣсти сыну своему духовному, великому князю, все по ряду и подробну, еже что ему отрокъ сказа. Князь же великий и митрополитъ умилишася зѣло, и в размышлении оба надолзѣ быша, и призваше отрока паки пред себя, вопрошающе его, истинно ли тако бысть. Отрок же паки то же сказа имъ истинну подробну. И помянуша они Евангельское слово, реченное: «Аще изведеши честное от недостоинства, яко уста моя будеши». И совѣтовавше между себѣ князь же и митрополитъ, и написавше грамоту, и запечатавше своими печатми, и послаша со отроком к бусорману тому, и прощение ему, покаявшемуся и возвратившемуся от тмы во свѣтъ, сказаша, и во всемъ его простиша, и наказавше звати его, чтобы ѣхалъ к Москвѣ безо всякия боязни, и да будетъ честенъ в службѣ великому князю.

Наставшу же третиему месяцу, плѣнникъ, отрокъ той, тщашеся безо лжи любовь Божию сотворити и тамо итти; то бо есть любовь истинная, кто положитъ душу свою за брата своего.[6] И иде отрокъ полем многия дни до уреченного мѣста того, и поспѣ на срокъ свой, и ту пришед, ждаше бусормана два дни и мнѣвъ, якоже не быти ему.

В третий же день зряше отрокъ прилѣжно х Казани прямо на горѣ высоцѣ на древо возлѣзе, узрѣ: и се гнаше полемъ единъ человѣкъ от Казани путем на дву скорых драгих конехъ своихъ к мѣсту тому, вельми спѣшася. Отрок же позна, яко той есть другъ его, бусорман, и вмалѣ скрыся от него, искушая его. Он же прискочи на мѣсто то, и не видѣ отрока, чаяше, яко солгахъ ему, и не пришедша во уреченний час и день. И свержеся с конех своихъ долу на землю, и плакася вельми горко, яко могущу что и самое камение с собою на плачь подвигнути, и не можаше от плача утѣшитися, верстою бы онъ в пятьдесят лѣтъ бывъ. Такоже скоро отрокъ явися ему. Он же, видѣвъ его, борзо з горы идуща к себѣ, и тако же позна его, и потече скоро к нему, противу его, и объемъ, паде на выю отроку, и целую его и плакася з горкими слезами,

глаголя ему: «Что ти воздамъ, любимый мой брате, и нелестный друже, и вѣрный посланниче, и великотрудниче, еже о мнѣ, поганомъ, сотворилъ еси!» Отрок же моемъ влагалище из-за *пазухи* своея, и развергъ, и вынялъ из нея грамоту, и даде ему. Бусорман же приимъ, и прочте со многими слезами, и вопияше непрестанно гласомъ мытаревымъ: «Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшному,[7] беззаконному преступнику! Боже, очисти грѣхи моя и помилуй мя!» И простеръ руцѣ свои на небо и рече: «Боже щедрый, благодарю тя, человеколюбче, грѣшнымъ милостиве, яко сподобилъ мя еси, окаяннаго, от начальнаго пастыря моего беззаконию моему прощение прияти!» И абие внезапну падъ на землю тихо, и нозѣ свои, яко живъ, простре, и обрѣтеся мертвъ.

Отрок же во ужасѣ надолзѣ бывъ, и разумѣ истинно, яко умре. И сня с него драгия ризы и всю коньскую зъбрую, и облече на него смиренныя свои одежды, ископа землю, и погребе его ту со слезами, и нощь ту преспа у гроба его. Тимофей же явися ему *во сне* у гроба своего, благодарение воздавая ему: «Яко тебе ради прияхъ от Бога прощение грѣхъ своихъ, да возми кони мои со всѣмъ, еже на них, за труды своя, и иди отсюду на Русь, и поминай меня до живота своего молениемъ и милостынею и прощениемъ».

Отрок же наутрие простився у гроба его, и взя кони оба драгия Тимофеевы, *со* збруею, и обрѣте на них басманы великие, полны насыпаны злата и сребра и драгихъ каменей, и всѣдъ на конь, и поѣде на Русь, радуяся и веселяся.

И приѣхавъ к Москвѣ, и *подробну* повѣда о Тимофѣи, еже случися ему, великому московскому князю и митрополиту, и како погребе его, и како его видѣ во сне, и оставльшаяся вся показа имъ. Князь же и митрополитъ удивишася о семъ и прославиша Бога, како покаяниемъ и слезами очистився, и простишася грѣси его, и душа его спасена бысть. Князь же и митрополитъ все имѣние Тимофеево повелѣста отроку тому отдати. Еще же к тому князь и земли удѣлъ даде ему.

Сия же повѣсть многа лѣтъ не написана бысть, но тако в людехъ в повѣстехъ ношашеся. Аз же слышахъ от многихъ сие и написахъ ползы ради прочитающимъ, да не отчаются согрѣшившии спасения своего, но притекутъ ко всемилостивому Богу истиннымъ покаяниемъ, и отпущение грѣховъ получатъ, и жизнѣ вѣчную сподобятся прияти, и в безконечныя вѣки на небеси с преподобными имутъ царьствовати. Аминь.

---

[1] *...в княжение государя и великаго князя Ивана Васильевича московского и всея Русии, и при митрополите Филиппе.* — Иван III княжил в 1462—1505 гг. Филипп был московским митрополитом в 1464—1473 гг.; финальное действие «Повести» отнесено, таким образом, к 60-м — самому началу 70-х гг. XV в., «падение» Тимофея — к 1430—1440-м гг.

[2] *...прииде на исповѣдание грѣховъ своих девица нѣкая...* — Тема искушения духовного лица во время исповеди — книжного происхождения (ср. «Пролог», 27 октября).

[3] *...бѣжа... в поганую землю татарскую, е Казань. И тако в Орду прибѣжавъ...* — Казанское царство возникло во второй четверти XV в., когда из Золотой Орды был изгнан хан Улу Мухаммед, основавшийся в Казани; сын его Мамутек сделал Казань столицей нового ханства в 1445 г.; в 1487 г. в Казань вошли войска Ивана III; в 1552 г., после победы Ивана Грозного, Казань была присоединена к Московскому государству.

[4] *...О тебе радуется, Обрадованная, всякая тварь!»* — Распространенная на Руси Богородичная молитва.

[5] *...возвѣсти о мнѣ вся митрополиту вашему...* — Одно из правил исповеди, разработанных отцами церкви (см., напр., слова Симеона Солунского, гл. 13), предписывает — в случае отсутствия духовного отца — исповедь именно епископу (в данном случае — митрополиту).

[6] *...любовь истинная, кто положитъ душу свою за брата своего.* — Ср.: Иоан. 15, 13.

[7] *Боже, милостиеъ буди мнѣ грѣшному...* — Лк. 18, 13; сравнение молитвы Тимофея с молитвой евангельского мытаря (сборщика податей в древней Иудее) означает полную искренность его покаяния (в отличие от лицемерной молитвы фарисея).

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ О СВЯЩЕННИКЕ, ВПАВШЕМ В ВЕЛИКИЙ ГРЕХ ТЯЖКИЙ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В РУССКОЙ ЗЕМЛЕ ВО ВРЕМЯ КНЯЖЕНИЯ ГОСУДАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА И ПРИ МИТРОПОЛИТЕ ФИЛИППЕ

Жил в городе Владимире некий священник, по имени Тимофей. Случилось ему, по Божьему попущению, в такое искушение впасть на пагубу своей души.

В первую неделю святого и Великого поста есть обычай у православных христиан и боголюбивых людей, чтобы и мужчины, и женщины, и малые дети постились всю неделю. После же поста в пятницу вечером они приходят к духовным отцам для покаяния и очищаются от своих грехов, а в субботу на литургии причащаются: принимают святое тело и кровь Христа, Бога нашего. Так и к этому попу Тимофею пришла на исповедь грехов своих некая девица, очень красивая, дочь известных в городе родителей. Когда остались они вдвоем в церкви наедине, начал дьявол разжигать неутолимое плотское желание священника. Священник же не смог выдержать своего столь сильного желания и согрешил с девицею в церкви, не убоялся ни Божьего суда, ни вечного мучения лютого.

И совершив грех с девицей, и испугавшись, что его схватят, он бежал из церкви вон, в дом свой, и спрятался там от всех людей, чтобы утаиться от правителей города и чтобы не пришлось ему умереть злой смертью за содеянное. Оседлал он своего коня, изменил свой облик поповский, оделся в воинскую одежду, не появился и не сказался ни жене своей, ни детям своим, но сел на коня и быстро помчался из дома своего и из города своего, бежал в чужую страну, в поганую землю татарскую, в Казань.

И, прибежав в Орду, стал служить казанскому царю и отрекся от веры христианской, пренебрег своим священническим саном, принял басурманскую сарацинскую злую веру и взял себе две жены.

Ох, увы! Вначале был очистителем душ, благочестивым священником, предстателем за души грешных у престола Божия, потом стал злым гонителем, и лютым кровопийцей христиан, и храбрым воеводой в Казани. И часто посылал его царь с татарами своими воевать его отечество, христиан Русской земли. Жил же он тридцать лет в Казани, царю служил и очень разбогател.

Бог же не хочет смерти грешника, но хочет, чтобы исправился он и был живым, захотел он и этого преступника в прежнее благочестие привести.

Через некоторое время послал его царь на то же обычное и беззаконное дело, что и прежде, — проливать кровь неповинных русских людей. Он же пошел по повелению царя и вернулся в Казань с русскими пленными. Когда он шел чистым и великим полем к Казани, то пустил отряд свой впереди себя, сам же отстал и ехал один — ради какого-то дела — сзади. Когда же ехал он на коне своем в полдень далеко позади полка своего, запел жалостно свой любимый красивый стих Пресвятой Богородице: «О тебе радуется, Обрадованная, всякая тварь!»

Тогда же случилось так, что бежал пленник из Казани, некий юноша русский, и лежал он, прижавшись к земле, укрываясь в дубраве, в стороне от дороги, ожидая, пока пройдет все войско татарское, чтобы подняться из своего укрытия и опять побежать, не опасаясь погони, на Русь.

И когда отрок услышал пение стиха, он встал с места, где лежал, без страха, так как думал, что человек, поющий стих, — русский, и радостный, вышел оттуда, и побежал из дубравы на дорогу, и появился перед окаянным варваром, бывшим попом. Тот же с яростью взглянул на отрока своими звериными глазами, выхватил меч обнаженный и хотел отроку голову отсечь. Пленник же упал на землю с горькими слезами, милости прося у него, чтобы тот его не убил. И рассказал ему про себя: «Пленник я, русский, бежал из Казани на Русь, и, услышав тебя, поющего по-русски великий стих Богоматери, — тот стих, что приятнее для души всех других стихов Богородичных, и у нас на Руси его с благоговением поют, почитая и славя Пресвятую Богородицу, молитвенницу и заступницу нашу, — подумал я, что ты русский, и поэтому показался, господин, перед лицом твоим без страха!» Когда преступник услышал это, умилилось его жестокое и каменное сердце, и начал он громко и жалостно плакать и рыдать, и сошел с коня, упал на землю с рыданием, так что напугался отрок и чуть не побежал от него, недоумевая, что такое случилось; отрок тот был образованным человеком. И плакал Тимофей от полудня того до вечера, до тех пор, пока гортань его не замолчала и слез в глазах его не осталось. И осмотрелись они с отроком вокруг, и спал он до утра на траве, дав отроку немного поесть, сам же ничего не ел.

Пленник же начал подробно расспрашивать его: «Что случилось, господин, и что значит плач твой, и почему горько плачешь? Расскажи мне, рабу своему». Он же перестал плакать и, придя в себя, рассказал отроку все то, что уже было написано выше, — что он попом был на Руси. Пленник же увещевал его покаяться, ибо Бог наш милостив и тех, кто кается, от грехов очищает. Он же ответил отроку: «Молю тебя, отрок, и заклинаю Богом вашим Исусом Христом, пришедшим в мир спасти грешников, покажи мне свою любовь духовную: иди сейчас от меня без боязни к Москве, на Русь, и, придя, возвести обо мне

митрополиту вашему, расскажи ему все, что я сказал тебе. Если есть такому грешнику покаяние, пусть бы они меня приняли обратно, и дали отпущение грехов, и простили, как подобает по заповеди Господа нашего Исуса Христа; пусть попросит он, митрополит, за меня великого князя московского, чтобы и он простил меня за мое зло, ведь много лет воевал я землю его и христиан губил. Пусть бы он прощение мне во всех моих грехах в грамоте написал и двумя печатями бы запечатал — печатью великого князя да своею другой печатью, митрополита, тогда я поверю в прощение и поеду к Москве без страха. Да пусть бы он прислал через два месяца грамоту с тобой на это же самое место, и я бы с радостью и без сомнения к Москве из Казани поехал, и пошел бы я в монастырь оплакивать свои грехи. Ты же, брат, потрудись Бога ради обо мне всем сердцем своим, без лености, Господь же за труд твой воздаст тебе мзду в царстве небесном!» И одарил отрока серебром богато. И обещал ему отрок истинно и без обмана выполнить его повеления.

И когда встали утром, снова так же много плакал басурман тот, и поцеловались оба, и разъехались. Отрока он отпустил на Русь, а сам быстро в Казань погнал вслед за полком своим.

Отрок же пришел в Москву и сразу же рассказал об этом митрополиту Филиппу. Истинный же пастырь церкви Христовой в тот же час, не замедлив, пошел во дворец и возвестил сыну своему духовному, великому князю, все подробно и последовательно, о чем ему отрок сказал. Князь же великий и митрополит очень разжалобились, и оба долго размышляли, и позвали отрока к себе, и расспрашивали его, действительно ли так все было. Отрок же опять то же самое рассказал им, всю истину подробно. И помянули они Евангельское слово: «Если выведешь честное из недостойного, то будешь как будто бы уста мои». И, посоветовавшись между собой, князь и митрополит написали грамоту, запечатали ее своими печатями и послали с отроком к тому басурману, и прощение ему, покаявшемуся и возвратившемуся из тьмы в свет, написали, и во всем его простили, и велели звать его, чтобы ехал он к Москве безо всякой боязни и честно бы служил великому князю.

Когда настал третий месяц, бывший пленник, отрок тот, стремился безо лжи сотворить любовь Божию и идти обратно, ибо это и есть любовь истинная, если кто положит душу свою за брата своего, и шел отрок полем много дней до назначенного места того, и поспел в срок, и, придя туда, ждал басурмана два дня, и думал уже, что тот не придет.

В третий же день увидел отрок, пристально глядя в сторону Казани, — он на высокой горе влез на дерево: вот едет полем один человек со

стороны Казани на двух быстрых дорогих конях, едет к месту тому и очень торопится. Отрок же узнал друга своего, басурмана, и спрятался от него, чтобы его проверить. Басурман же прискакал на место то и, не увидев отрока, подумал, что тот обманул его и не пришел в назначенный день и час. И бросился с коней своих ниц на землю, и плакал так горько, что мог бы и камень заставить плакать вместе с собой, и не мог от плача утешиться, хотя по возрасту было ему уже лет пятьдесят. Тогда быстро отрок вышел к нему. Он же, увидев отрока, бегущего к нему с горы, узнал его, и побежал к нему навстречу, и, обняв, упал ему на шею, и целовал его, и плакал горькими слезами, и говорил ему: «Чем я отплачу тебе, любимый мой брат, не обманувший меня друг и верный посланник мой, много потрудившийся для меня, за все, что ты для меня, поганого, сделал!» Отрок же, взяв суму из-за пазухи, раскрыл ее, и вынул из нее грамоту, и дал ему. Басурман же принял ее, и прочел со многими слезами, и вопил непрестанно голосом мытаря: «Боже, милостив будь ко мне, грешному, беззаконному преступнику! Боже, очисти меня от грехов и помилуй меня!» И простер руки свои к небу и сказал: «Боже щедрый, благодарю тебя, человеколюбца, милостивого к грешникам, что сподобил меня, окаянного, получить прощение моему беззаконию от первого из пастырей!» И затем внезапно тихо упал на землю, и ноги свои, как живой, протянул, и умер.

Отрок же долго был в ужасе и убедился, что тот умер. И снял с него дорогие одежды и всю сбрую с коней, и одел его в свои смиренные одежды, выкопал могилу, и предал его погребению со слезами, и ночь ту спал у могилы его. Тимофей же явился ему во сне у своей могилы и благодарил его: «Так как благодаря тебе принял я от Бога прощение грехов своих, то возьми моих коней, со всем, что есть на них, за труды свои, и иди отсюда на Русь, и поминай меня до конца своей жизни в молитвах, и милостыню и прощение твори».

Отрок же утром попрощался с могилой его, взял обоих дорогих коней Тимофеевых со сбруей и нашел на них сумки большие — басманы, доверху насыпанные золотом, серебром и драгоценными камнями, сел на коня и поехал на Русь, радуясь и веселясь душой.

И приехал к Москве, и подробно рассказал то, что случилось с Тимофеем, великому московскому князю и митрополиту, и то, как он похоронил его и как видел во сне, и все, что привез, показал им. Князь же и митрополит дивились случившемуся, тому, как Тимофей покаянием и слезами очистился от грехов, и простились ему грехи его, и душа его была спасена, и прославили Бога. Князь и митрополит все имение Тимофееве повелели отдать отроку тому. Еще к этому князь и земли в удел ему дал.

Эта повесть много лет была не записана, но в рассказах была известна людям. Я же слышал от многих эту историю и записал ее пользы ради всех читающих, чтобы не отчаивались согрешившие в спасении своем, но обращались к всемилостивому Богу с истинным покаянием; и отпущение грехов они получат, и сподобятся жизнь вечную принять, и в бесконечные времена на небе с преподобными будут царствовать. Аминь.

ИЗ ХРОНИКИ КОНСТАНТИНА МАНАССИИ

Подготовка текста М. А. Салминой, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

Распространенным жанром древнерусской литературы являлись переведенные или составленные на Руси хроники и хронографы, в которых излагалась всемирная история: повествование о сотворении мира и библейских временах, о странах Востока, о походах Александра Македонского, история Рима и Византии; в поздних хрониках XVI—XVII вв. содержалось также изложение истории Руси и славянских государств.

Стихотворная хроника, написанная в XII в. византийским поэтом Константином Манасси (Манассией), была в XIV в. переведена на болгарский язык. Этот болгарский перевод не позднее начала XVI в. стал известен на Руси. Здесь он подвергся небольшой языковой правке (преимущественно орфографической) и был широко использован при составлении «Русского хронографа». Существовала и русская версия болгарского перевода «Хроники», которая дошла до нас в трех списках XVII в.

В данной публикации приводятся шесть фрагментов из этой версии «Хроники» (в переводе они обозначены римскими цифрами).

Первый фрагмент содержит рассказ о сотворении мира: скупой библейский рассказ (Книга Бытия, 1, 1) хронист пытается превратить в страстный панегирик красоте и богатству мироздания. Второй фрагмент содержнт рассказ о Троянской войне. Автор обращается к

осведомленному читателю (каким и был византийский читатель XII в.), поэтому в ряде случаев он опускает важные сюжетные подробности, не называет имен персонажей или, напротив, упоминает того или иного героя без каких-либо пояснений. Эта глава «Хроники» была использована древнерусским книжником при составлении «Повести о создании и попленении Тройском...», вошедшей в состав «Русского хронографа» и переписывавшейся в сборниках (она издана в наст. изд., т. 8). Четыре остальных фрагмента повествуют о истории Византии. Хронист озабочен созданием увлекательного и динамичного повествования. Он весьма экспрессивен: то с восхищением, то с неприязнью оценивает поступки и характеры своих героев, демонстрирует свое литературное мастерство, прибегая к ярким сравнениям, широко употребляя неологизмы, созданные по архаичным моделям гомеровского эпоса, прибегает к реминисценциям из античной мифологии. Следует учитывать при этом, что характеристики, даваемые хронистом историческим деятелям, крайне субъективны и неточны. Его труд интересен не как исторический источник, а как широко известный и популярный на Руси литературный памятник, недаром стилю и манере изложения Манасси подражали русские писатели XVI—XVII вв.

Первый фрагмент из «Хроники» воспроизводится по списку СПбФИРИ, ф. 11, № 140, остальные четыре по списку РНБ, Софийское собр., № 1497. Исправления вносятся по фототипическому изданию (Летописта на Константин Манаси. София, 1963) болгарского перевода из библиотеки Ватикана (Slav, II), как наиболее близкому к протографу русских списков, а в первом фрагменте по Синодальному списку болгарского перевода (ГИМ, Синодальное собр., № 38), так как в Ватиканском списке этот текст отсутствует. При цитировании Ватиканского списка (из которого восполняются пропуски Софийского списка) при замене букв «юс большой» и «юс малый» буквами ю, у и а последние выставляются в соответствии с нормами древнерусской орфографии, игнорируя их смешение, характерное для среднеболгарской орфографии XIV в.

Текст «Хроники» весьма труден для понимания, поэтому при переводе на современный русский язык допускалась в необходимых случаях корректировка по греческому оригиналу. Для удобства читателей в переводе имена исторических лиц и мифологических персонажей приводятся в традиционной форме.

ОРИГИНАЛ

I

ЗАЧАЛО. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Божие всесовершенное и мирожиждителное Слово небо безвездное приведе в началѣ, безчисленою добротою сияющи лучами

божественными, и землю всепитателницу, и с ними свѣтъ. Земля же неукрашена и невидима бѣ, и тма належаще на тою плещу глубока. Свѣту же восиявшу и повсюду пролиявшусе, и свѣтлостию исполненому и свѣтозарну дню бывшу, явишася преже невидимая, и мрачная тьма прогна бысть сияниемъ свѣтлых луч. В сѣхъ убо претече первый днем.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Оку же восиявшу дне втораго, небо второе утверди премудре, егоже земный всекровен содѣлав покров, нарече твердь Богъ доброхудожный, паче первыя безвездныя, вторую, другу твердь. Тогда и вселѣтное естество водное и бездны разделив, ово убо горѣ к высоте недовидимый легцы вознесъ, ово же на земли оставль, постави по средѣ сихъ небо яко преграду и яко тверду стѣну. Зеница же убо захождаше дню второму, а третий паки восияваше.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

И паки художникъ всезиждитель премудрый и другимъ внимаше дѣломъ. И понеже убо проливашеся по земли всей елико от небесных вод остала бѣ вода и все лице ея покрываше езерьствие, все пролитие воедино совокупи внезапу, якоже нѣкто млека бела влагу сладкопролитну, яко да *усырить* и сырный кругъ сотворитъ. Отделившу же ся убо первие належащему, явися лице земленое, и красота восия каменю, и горамъ, и брегомъ глубокодолнимъ. От сего убо состав водный и моря нарече; сушное же естество, елико каменемъ составлено и елико толстобразднo, земли хитрецъ нарече Богъ вседѣтель. Премногую же свою силу являя, не восиявши *еще* зари *исполина* солнца, многоразличному повелѣ былию прозябнути, ово убо на сладость токмо красоту очима, ово же и живопытно и сущимъ на земли потребно. Тогда первие красотами земля украсися, паче отроковица младе внове уневещаемее, златоносящую и сияющую пестротами бисерными. Сияще яко благоуханный *шипокъ*. Якоже шар[1] многоразличный всюду смияшеся, белозрачная и всебагрена, червлена же инюду. Ово убо багрено паче шипокъ зрима бяху, ово же беляхуся сладце сияху. Бяше кринъ снѣгообразне, бяху агалиды. Иакинфъ восхождаше, бяше наркису доброта и все первоносие пролѣтных даров. Возращаху класы отягчени пшеницею. Бяше просо мудролиствино стеблиемъ колиблемъ. Добра вся и росна и доброты лучами богатящися и землю облагоухающи ростворенными благоуханми. Распростерта бѣ трава мякка, зеленящися и говедо кормящии, коня питающия и воловы росная пажить. Таковую красоту *преиспещрена* земля ношаше, таковою одеждою доброцветущее и добротканною одияна. Бяху и множество садовиямъ, прозебаху и древеса добролиственная и доброцветуща и

овощноносная веия. Бяху и яблони доброрастныя, и свѣтлоплоднии стебле, маслены тукоточныя, и услажающия смокви, тополие толтостебленое, елие, дубие, брестие. Приложися никий тополеву вѣтръ листвие и сладокъ шепет творяше листвиемъ. Тако бѣ и чрешна добрая, и финикъ медовный, гроздная мати виноград, и состави лознии, гроздъ, месть точащии, растиша на лозахъ. Все совершенаплодна и пресовершена вся; ничтоже бо неодарованно и несовершено приведено бысть. В сих же убо заиде и свѣтъ дне третяго.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Восияваше же лице четвертаго дне, и паки дѣломъ начатокъ, и повелѣние зиждителево небу добровенчану звездами быти. Тогда звѣздное небо добротою просветися, яко одежда, бисериемъ обнизана, и златотканная риза, и яко тканица, украшенная сияющимъ камениемъ. Тогда первие восия зѣница дневная, великий исполин Солнце, иже живопитателный свѣтилникъ, источникъ свѣту неиздаемый, дом огня бездровнаго. Тогда первие начат свѣтити нощъ лунный белосвѣтлый и светоносный кругъ, скорообходный, и всесвѣтлый, и многоразличный, и совершенный. Тогда первие небо звѣзды великие доброокруглы виде предъспевающе другъ друга и украшающе его, яко цвѣтия юдолия.

ИМЕНА ЗВЕЗДЪ ВЕЛИКИХЪ

Крон бяше мудръ и оловен образомъ; блещашеся Завсе, яко сребро; Ар же пламенем зряшеся. Сияше Солнце, яко доброкоренно злато. Светяше же ся, яко касытер, кругъ Афродитин; яко мѣдь чермнозрачная, Ермие сияше;[2] свѣтло, яко иел, *сиааше* Луна. Сице одежда небесная *преиспещрена* зрима бѣ. Крон мудряшеся, яко акинфов зракъ; яко кринъ бѣлияшеся Завсе. Ар же яко огнь, яко щипокъ червленый Солнце сияше; яко бѣлоцвѣтная агалидо сияшеся Денница.[3] Яко свѣт чермнозрачнь, Ермие блещашеся. Наркис добролиственный являшеся Луна. Таковая нѣкая цвѣтная пестрота небо украшаше, таковая нѣкая належаше небесному лицу многоразлична и радостна и доброзрачная красота. И вертоград новосажден небо творяше, емуже вертоградарь Богъ, яко садовия же и отрасли, и яко цвѣтия многоразличная звѣздные светлости. Тогда первие Солнцу восиявшу и просветившуся, явльши же ся красотѣ небесней и добротѣ дневной, послужиша повелѣнию сотворшаго и преклонив свершеный день четвертый. Сице убо свершися яже о звездахъ и учинено бысть Солнце, звезда день здержащия, лунное же бревно просвещаше нощь.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Животное же ни едино живяше на земляных широтах, ни по водѣ пловущее, ни по суху ходящее, ниже по аеру летящее. Но всесвершеный Богъ водному естеству крѣпость вложив одушевленую и силу рождественную, живи души оттуле повелѣ произыти, яко из чрева внове зачатымъ младенцемъ болящаго и обременена рожествомъ свершена отрочате, яко сѣмя бо Божие повелѣния спадши, водоточныя струя творяше многоплодны. От сего простокрилнии птице аеропарнии, имѣяху свободно перо, на летании борзаа, и легцы возвышахуся к ширинамъ воздушнымъ, обтичюще пролития его тонкопролитная. Ово убо великокрилни и *великобедри*, и *ключатаноктии*, и яко стрѣлы нокте протяжуще, остри клюнове имуще паче ножев, имъже хотяше снѣдь мяса быти, и дружина быти на снидение плотемъ птицами владущи орел, ястребы суровоядцы, и всѣ, имъже *и нѣстъ* потребен огнь, плоть ядущимъ. От сего птица пѣснивыя и былия ядущия, малоперие и худотрупие; различно возглашаху дрозгове, славие, бригорие, синице, скворцы и всяко перо, селная былие обходящее и оттуду нетрудную снѣдь и красную збирающе. Тогда и звѣрие на земли явишася страшнии: львове частогривии, медвѣди, пардуси, тигры, *кози* стремозубые,[4] птищонозеи заецы, и пси острозубии, твердоперсий елифантинъ, и всяка птица, и всяко ползающее, елико в водах живет, и елико в мори, и в горах вкупе елико. Толиким же животными мокрую исполнив и сушу, еще же и нерукотканную одежду, аер, егоже божественых испрядоша перстъ тонкодѣлания, яко град твердонырен и простран распространив плотоснидным птицамъ и былия ядущимъ, дне соверши течения пятого.

ДЕНЬ ШЕСТЫЙ

Шестый же день паки облистоваше шипкозрачен, и вертоград добродревен Богъ насаждаше, не мотыками раскопав, ни рылми, ни разорав доброту прекрасные земля, ниже дланми насадителными, но словомъ единым. И древо всяко прозябаше доброплодно тамо, благовонно, добросѣнно, листвено, добровѣтвено и сладкоуханно. И кто убо доброту едемскую пред лицемъ представит? Ово бо стеблия садовиямь бѣху овощноносным, ово же множество древес, благоуханнымъ и присноцветущих, ово медоточныя прозябаху овощия, ово же на красоту изращаху небесемъ точныя высотою древеса: елешия водами питаемая, и островерхое елие, превысокая тополия, и кипарисия, и брестия. Листвия сражахуся вкупе древняя, вѣия смешахуся и соединяхуся стеблия. Подобляхуся якоже самохотне древняя листвия пригренующася друг со другомъ сплетенми любезнейшими. Солнце восияваше и к садовию приближашеся, сметаше долу тихо листвие их кротко, елико же частина отверзашеся листвию. Восияваху шипкими доброты, и крином святяшеся бѣлость.

Небодливии же и бес трении шипцы они, елико багро и белозрачно в нихъ, яко звѣзда луча испущающи сияющи от земля. Ово же земленое лице зеленяшеся травами, ово же мудрияшеся росокаплеными цвѣтовы и многоразличными доброзрачнии. Зефир тиходыходателнии подыховаше отвсюду, и цвѣтными вонями наполняше воздух. <…>

II

ЗДѢ ПОВѢДАЕТ, КАКО ВЕЧЕРНЫИ ЕЛЛИНЕ И ВОСТОЧНЫЕ МЕЖДУСОБНУЮ РАТЬ СОТВОРШЕ ВЕЛИКУЮ НѢКОГДА

Давыду же обладующу еще иноплеменными,[5] яже кь троям брань составлена бысть ради Еллини, жени Менелаови. Сию аз восхотѣв брань списати, якоже писавшими прежде пишетца о ней, и хотя глаголати о ней, не якоже Омирь списует, прощения прося от благоразумных. Омир бо, сладкий языком и доброумный, различными шарови премудрости украшает словеса, инужду многая обращает и прелагает.[6] Но се убо прочее сиа да сповѣмыи.

Цареву сыну, обладающу Троем, Приаму, супружница бѣше Екава, дщи Киссова, и мати бысть от сего многим дѣтем. Имущи убо в чреве и близ рожества сущии, страхованми устрашися ношьных снов; видети бо мняшеся главню, горящую огнем, из чрева ея проничющу и попаляющу град весь вкупе. Услыша же Приамъ сиа и волхвом предложи; разумѣ, яко полезно есть ему и граду, аще раждаемое звѣрем дано будет или во огнь палящий на погибель ввержено будет. По мале же Александръ[7] изыде на свѣтъ, младенец радостен, благообразен, добролѣпен. Подобаше убо Приаму не разложити никако, но абие проникшее из чрева отроча погубити. Он же естеством побежден быв, пощаде рождьшеася: *мню* же прѣмудрити дръзость добрыя чясти, иныимъ на вьспитание пометну е на селъ, еже от самого Парида Париемъ прозванное. Повръжено убо бѣ небрѣгомо, обрѣтошу же е пастырие, и ущедришу, и вьзяшу, и пощудѣшу отрочя, и яко младенца вьскръмишу е, Париемъ нарекше.

Приближившу же ся ему юношьскаго вьзраста, Приамь съобѣдника его приемъ, мня, яко избѣгнулъ есть яже от него пакости. Ну бѣху нерассукана прядена добрыя чясти, и единою реченому не мощно бѣ погыбнути. Александръ бо, нѣкого от сътродник си убивъ неволними убо стръмленми, ну обаче съдъла убийство, отиде къ Менелаю от Троа въ Спартъ. Прият же сего добрѣ онъ, яко друга, почьте его и угости, и вьсѣчьскыи полюби. Зде твоа игра, мучителю вьсѣхъ, рекь,[8] зде твоа

игра и враждное сѣмя, тѣмже въжеглъ еси великуя пещь брани! Отиде же Менелае, а оста единъ Парие, и видѣ Менелаову вь клѣти жену. Бѣ же жена прѣкрасна, добровѣждна, доброзрачна, добролична, и доброобразна, голѣмоока и, якы снѣгъ, бѣла, и даровъ испльнена множьствомъ сущи. Видѣ убо сию Александръ и вьсхитися добротою ея. И что много дльгословити и писати — вьсхыти я хотящу и бѣга ся ятъ. И бѣганиа инако не могы утолити, въ корабь вьшедъ морскый, отиде вь Финикъ, от ведущаго уклонився шествиа въ Трои, гонение бо ожидааше от обидѣныихъ. Объят же бывъ вѣтры крѣпкыми и многомутными, едва въ нѣкое приста устие Нилово, Кановикъ[9] нарицаемое въ лѣтѣх послѣднихъ, идеже созданъ бѣ храмъ ироа Ираклеа, потрѣбу подавая чловѣкомъ нескудную. Въ сей убо храмъ прибѣгше от нужду бежавшей с ним путници и *съплававшей* многими его облагаху досадами и поношенми, обличающе злая, сътворенная от него, поругание и нечестие еже к страннориемодавшему его, показа о восхищенн жене, паче же о имѣние. Услыша же сиа воевода обладаяи мѣсто, услышав же и Протевсъ, царь египетский, и бывает приведен к нему Парие со женою и со имѣнием, и с путники. И он убо вопрашааше, кто есть жена и чиа есть, и откуду веземъ ю, сюду блудиши; Александръ же составляаше ложная словеса. Протевсь же увидѣв яже о Елене, сицевая ко Александру изрече словеса: «Аще ся не бы прежде обещал и проуставил, еже ни единаго странна убивати от буря тужаемых лютыя и здѣ приметаемых, великими тя убо бых и лютыми муками обложил, неблагодѣтну о благодѣтели и устав поправша и дружнюю любовь. Ныне же ти имѣния и жену сию не дамъ, аще и многими мя обидеши подхибами, Елену же тобою напаствованнаму соблюду, ты же от нее останися и от Египта бежи».[10] Протевес убо сь прещенми отгна Париа. Он же тщами руками возратися ко отечеству, сласти вкусивъ краемъ прьста тъкмо, и къ воздуху досяжющи пламянь вьжег, ибо по отшествии его от Спарта и по Еленинѣ восхищении сицевая приключившисе.

Возвратися Менелае от ошьствиа, и *увѣдѣв* бывшее, растерза ризы своя, и с ним Дарие, отець Еленинъ. По среди же приведоша еллинския первие, одрани лици суща и почернѣла и клятву помянует страшных онѣх, имиже заклинахуся еллини вси, яко аще прилучитца от некоего Еленѣ въсхищенѣ быти, вси своими телесы о ней да поборетца. Много убо молився и припадавше, увещаша елени воевати на трояни. И убо мнози стекошася от остров и от суша, воскраи сущии моря и далече отстоящее, от Афин и тоземцы, от всякого мѣста: от Феталие и от Архие,[11] и от всее Еллади. Бѣху же имъ поборници Родь, Ифакь, Скирь и Салам,[12] с ними великий Крит; коринтинѣ *увѣдеше*, и аргиане *съпособьствоваху*, и столъ тьмаме сьставленъ тѣм сьставльшеся.

Бѣше Менесфес от Афен, Нестор от Пила, от Итака Дисевсь, от Саламина Еа, от Крита же бѣ Идоменевсь, Тлиполемъ же от Рода. Вси роди имуще от благородных кровий, мужолѣпни, доброродни, храбри, добли, добри и яровьвни, мужие кровии вси. Ефиянин же Ахиллей[13]

сияше паче всѣх, человѣкъ ратем побѣдник, силен и крѣпкорук. И, собравше многочисленую рать, царя поставиша[14] ратиначалника и военачалника, мужа храбра и добра, *ироя* крѣпкаго, и добротою сиаю и мышьцею силы. От отечествь убо своих исходят и другов, и сродникъ, яростию же ополчаютца на брань. И убо вси свещавшася расудиша быти добро, еже пленовати и расиповати сущая под областию Трою, яко да и симъ будет на потребу и трояном ослабеет помощь. Послан убо бывает Ахиллей и от храбрых друзи, и на острови нападоша, и поплениша сушю, и до конца затерше еллика бѣху супостатная. Услышано же бысть еллини яже о Еленѣ, яко Протевсь царь отяът ю от Пара, и яко у него хранится во градѣ Мемфѣ. Нь *тьщахуся* окрестъ напасти Троа, слышаще о нем, яко сокровищи златыми исполнен есть и многим богатством кипит. Хотѣху же и отмстити оскорбившим их, нехрабрость бо, и смирение, и слабость непщеваху, еже не отдати поношению своему мук достойных.

Якоже убо трояне вѣдѣша толикую рать и множество смотриша вои пришедших, отвсюду себѣ собраша пособники: кари, ликиани, миси, и меони, и фриги,[15] и предруживши весь асийски род и язык, елико на суши и елико в примори, противу изведоша число вой безчисленое. И время проводиша многобранно. Града же того жителие Троя бѣху же вещьшеи 50 тысущь мужей. И спрьва убо крѣпко ополчахуся на брань и храбросрьдыми сплетаньми полки разбивающе, да якоже искусиша до конца Ахиллеово стремление и искусное, и теплое видѣша подвизание, и храбрость, и мужественую дрьзость, седяху при стенах заключившися и *никакоже* еллином сопротивитися смѣюще, дондеже вся возвращающая и вся возмущающия и всѣмъ мати злым, зависти глаголю, *Ахилеово* притупи стремление дрьзостное и трояны дрьзостны сотвори, оному ослабѣвшу. Скорби же вина сего прогнѣвавшой Паламидово убивство бысть, без правды погибшу. Како же бысть, и кто створивы е, скажу.

Нисиотянин Дисев[16] сохраняше на Паламида враждьную ненависть и *злобу* в сердци, зане еллином бѣ Паламед слава и вси, аки богу, внимающе оному, сердечную к нему внимаху любовь. И убо провидѣ гладни огненосий лук[17] и всѣмъ провозвести еллинским воеводам, и всѣмъ от тоѣ злобы горце погибающимъ, тои соблюде еллини невреждени, ово предлагая и словеси разстроая, ово же и вещьми наказуа их полезному. От сего убо Дисевсь разставаше завистью, видѣ прелюбима всѣми Пиламида, того же непщуема, яко единаго от народа. Тѣмъже и льсти растраяше и злокозньна соплетания, и составляше совѣти полни клевет. И убо крѣпкорукому Ахиллеови сущу ту, бездѣлни бѣху совѣти сына Лаертиина, и *въсе* составляемое на Паламида и сошиваемое бѣше аки паучинное прядено, да якоже Ахилеи послан бысть со другими храбрыми составити брань со пособники Троя града, спутшествующа со собою Палимида *имѣше* — желаше бо присно с ним быти, — от сего убо *предерзый* он муж обрѣтъ отраду, и *царево* украдает слабоуме заперва, и являяся, яко прелюбити его: «Хощеши ли, — рече,

— о царю,[18] власти еллинстѣй крѣпкоруки Ахилей бодет бо юность. И Паламида, якоже есть зло рещи, обольсти и привѣтника и споспѣшника на сие приемлетъ. По мале же приидут, брани совершени бывши, и тебѣ *убо* волови приведут и стада овча, сами же удержат имѣнием сокровища, имиже елленские силники премогут же, и на тя подвигнуть, яко да от власти отпаднеши». Услыша же сия царь, и вѣрова, и совосхитися, и льсти росстроителю приобщается на совѣтъ. И абие призван бысть Паламид, и уединен бысть в сѣти впадает вражние. И оболган бысть, яко трояном хощет еллини предати, и бывает камением побьен — о горе, какова твориши зависти! — ино ничто рек, развѣ глаголъ сей: «О убогая истинно, тебѣ плачюся и стеню: ты бо первие мене погибе и умреть».

Взыде убо Фетид[19] съ свѣтлыми побѣдами, увидѣ же бывшее, и ущедри Паламида, и тяжце проплака и поскорбѣ, а еллином поручи, да оставят братися и способствовати им.[20] От сего бысть дръзость Ектору и того пособником, и составляют со еллины *брани* крѣпкоратние: оттолѣ бывше убивства, и заклания, и пролитя кровемъ, мужеубивства, и воплеве, и езера кровавая. И падают, якоже класия, еллинская телеса, и смиряютца, и лютыми многими объяти бывше, в раскаяни бывша о прегрешение их. Иже первие высокоумнии словесы молебными моляху Фетида смилитися на них, но не внят Ахилей симъ, ни приклонися, дондеже пад Патраклие, егоже вельми любляше, из руку крѣпкую и доблою Екторовою, того принуди потещы на трояни. Изыде убо Ахилей на брань огнемъ дыхая; и разбивает полки, и побивает первоборца и с ними Ектора, столпа тройскаго, мужа тяжка и храбра, во оружих воспитана, язвы ношаща на персех безчисление, имиже соплеташася сь юнцы дивими, преже даже не бяху еллини пришли и составили брань.

Убьену же бывшу Ектору дръзосръдому, призва Приям на помощь амазони, и паки брань крѣпка, и умирают вси. От всѣх убо пустъ бысть окаянный старець, къ Давыду, царю иудѣйскому, посылает, руку прося помощи от него. Но Давыдъ не дасть ему, или от сего спротивляяся языком иноплеменномъ, или ненавидя еллини и варвари, яко не вѣдущих Бога, но идолом служащих, и бояся, яко да не впаднуть в прелесть жидовѣ, аще послани будут от него на помощь сущимъ в Трои, на злобу имуще доброволная естества. Тавьтантия же, индѣйскаго царя, Приамъ умоли, и со множеством посылаетца Мемнон[21] бесчисльнаго числа. Войска же бѣ индѣяне все чернообразни, ихже видѣвше еллини во странных зрацех, и убоявшеся от зрака их и оружия, и от звѣри устрашившеся, ихже индѣя кормит, нощию бежати мысляху и оставити Трои. Но обаче ополчишася противу чермнообразным, и индийскими кровми очервишася нивиа, и скамандови струя оброщися кровми.

В сих же наста жертовное еллином тръжество, паче же и варваром, и всѣмъ бѣ покой от ратей и трудов. И убо вои еллинстии и тройское множество въедино смешахуся, сьдѣяти ничтоже смѣяху. Бѣ же храмъ при *станах* добронырнаго Троя, идѣже часто приходя Ахилей видѣ Поликсению.[22] Он же увещеватися отаи творяшеся и сия лестию дѣяху Диифов и Парие. Якоже убо внидоша в церковь Аполона Алсеанина, клятвами связующе яже о *Поликсении*; Диифов убо приснѣе любляше Пилея, филея жениха сестрѣ своей нарицая его, близ же став, Александръ прободе его, и отскочив избеже з *Диифовомъ*.[23] Ахилей же паки на издыхании бѣ послѣднем. Ощюти же сиа, Дисевес, яздяше бо с нимъ, и с ннмъ Диоген Еа Теламонянин.[24] Вкупѣ же убо в церковь въскочивше, обрѣтоша ироа лежаще, кровми облиянна и угасша, дыхающа едва, и движуща языкъ, и хотящима очима его покрытися тмою. Якоже убо видѣста его, проплакаста, и нападь на перси его, Еа великий с плачем к Пилеу рече: «О ратем разрушителю и исполине крѣпкорукий, кто погубити тя возможе львояростънаго»! Он же, едва прогласив, рече: «Убиста мя Диифов и Парие лестию». И сия рек, и издыше толикий ирое. Ее же на рамо возложити тѣло Ахилеово горце, войску принесе плачася.

Абие же принесе Пира Ахилеова, новаго Птоломѣя, сущаго от Диидамие.[25] И паки бѣша убивства и заклания, паки мужоубиения, и паки кровми облияся земля и тройска поля, и паки кроваблени быша скамандрови струя,[26] дондеже волхви им пророчеством изрекоша, яко нѣсть мощно по рати взяти Трои, ни руками, ни по мечю, но токмо лестию единою. И абие содѣяше коня древяна, и затворени в немъ мужа вложивше, отити творяху ко отечеству своему. И коня убо оставиша ту у пристаница, сами же творяхуся в Тенедскнй *остров*.[27] Видѣвше же трояне приключившееся, видѣша пристаница пуста. Коня же единаго видяще, недоумѣюще дивляхуся. И сперва убо мняще быти все прелесть, погубити коня покушающеся и огневи предати, или поврещи низ стѣну, или в глубину морскую. Та же, понеже приспѣло бѣ Трою взяти тогда, в дом увещаше внести коня, яко образ и корысть от супротивных, И ови убо внесоша его, и питием и играм себе вдавше, усыпаху глубоким сном. Мужие же крыющеися и на сие ловяще, изшед молкомъ, пламень воздвигоша велик, иже видѣвше еллине проотплувшеи воскоре пловущеи придоша ко Трою, и вратом отверстом бывшу от предвшедших, яко вода вольяшеся зело нѣкако наводнившиеся.

Твердонирьному же сице прияту бывшу Трою, жены восхищаеми бѣху ис чертогъ новонасажденных, земля наводняема бѣ кровми падающих, младенцы наперстни ударими бѣху о стену. И спроста рещи, яко вмале плачь вся содержаше, и все лютое и горкое изполняше град. Руце кровми капляху, и червляняхуся мечи, земля же оброщися, и попираеми бяху младенцы. И якоже убо нѣкогда насытившеся, восхищающе и убивающи, огневи предают и попаляют от основание

еже во градовох прекраснаго и преизряднаго, якоже убо о рати си имяше образ.

Честь же претыкнувшися единою от Менелаа, другими новыми истает окаяннаго болѣзньми. И паки плавание должайшее, воевание морско другое, и болѣзни приемлют ветхи новии, корабли елиспонские египетские глубины. Отходит убо къ Египту, и лютая измѣряет море, и обурен быв и оволнен вѣтры крѣпкими и страшными *едва* приспѣ к нему. Възыде же кь Протеу царю и обрете и супружницу тамо въ Мѣмфе, и угощен и почьтен бысть, поемлет Елену, и с трудом довольнымъ приспевает ко отечеству си, и по тройсцем пленение осмому лѣту текущу по заблуждению еже къ Протеу. Обретает и сродника сии окаянне погибша лестию злыя жены, ехидны прелукавые, обретает братова си сына Ореста растаявша отчий посрамившаго род и сродство, и с ним безстудную матерь нареченную обручницу.[28] <...>

III

ЦАРСТВО ФЕОДОСИЯ МАЛОВО

Якоже убо перстъ Аркадие отдастъ телесную, на восточных странах Феодосѣе посаждаетца, егоже царь Аркадие зачат от Евдоксии.[29] Феодосие же убо свою дщерь посылает к Валентияну[30] на приобщение брака. Нъ сластолюбивое сего юноши и слабость неудръжаннаа плотолюбию и жизни лиши его и царства, и блуду обещьника низведе в поругание. Како же сеи бысть, сказати иматца вскоре.

Максим нѣкто бѣ ипать в Римѣ прьвый сьй. Сьй имѣшь жену прекрасну зраком, доброту безчислинну имущу, врьтограду супртивна добротою, украшаше же жену целомудрие наипаче. Юже видѣв, царь восхитися добротою и всяку кознь воздвизает, еже получити желание. И убо с мужем жены оное совозвращаася и превышьши явлься, не нося злата, взимает перстень златый его, на извещение *быти* ему хотению.[31] Посылает же перстень к женѣ знамением, приити веля ей кь царици. Вѣрова же симъ жена, познавши знамение, и приде въ царскаа. Что же по сих: поем ю царь, осрамоти нуждою. Увѣдѣв же сиа Максим и уязвися сердцем, на вражду вооружися, и лукавства всякаа сшиваше, и конечнѣе уморяет мечем царя,[32] от стражи и добрых вой того лишив, осрамоти же и жену его Евдоксию.[33] Царица же зжалиси о срамотѣ, и поскорбѣ, и посылает кь Гизериху уандалскому ризѣ, на Рим приити

устремляет. Прииде убо Гизерих, и приат Рим, поработѣ горце, и пороби самую царицю и тое дѣвицю.

И убо Рим, вмале ещо царствовав, дръжавы царьские до конца лишися, и варварскимъ ригамъ повинуся и языконачалником дланми их люте смѣрися. Въцари бо ся Максимъ, иже тогда *враждевавый*; а по том Анфем, Олимврие великий, а по Олимврие дръжа Майоръ, а по том Клекерие, а по том паки Непотиан, таже Орестъ, и по Оресте сынъ его Ромил[34] власти причастися послѣдний сий. И град великий во градох Рим, Ромила имѣв в начале[35] узаконена царя, и паки приставльши дръжаву в Ромила, к тому правлениа не имѣ от царей, варваром же подклонився и попран бысть, и сих лютѣ оружием прѣетъ бывъ, риги видѣ князя в себѣ, странам владыки и сатрапи. И лишевсе злѣ ипать же, и дръжатель, и правитель, и совѣтник, еще же и патрикий, на рамо взем ярем варварский. И бысть первѣе вол чрѣдний невпражен, в покорѣ бысть силным орачем и земляными браздами мучитися осужден бысть.

И сиа убо приключишася старому Риму, нашь же новий Цариград доить и растить, крѣпится и омлаждается, буди же ему и до конца расти, еи царю всѣми царьствуя и сицеваго приемшу свѣтла и свѣтоносца царя, великаго владыку и изрядного побѣдоносца, корене суща Иоанна, прѣизящнаго царя болгаром Асаня, Александра, глаголю, прекроткаго и милостиваго, и мнихолюбиваго, и нищим кормителя, и великаго царя болгаром, егоже дръжаву солнца бесчисльнаа да исьчтет![36]

Но и паки слово на путь наставлено буди, и да скончаетца оставшее слово списанию.

Новому Феодосию[37] ещо младу сущу, провождающу же юный прьвый возрастъ, *Аркадиа* посади на царских *престолех* и хранителя пристави егову царству, еже въ синклите прьвие и мудрѣйшее, и с ними князя перскаго Издигерда;[38] иже увѣдѣв навѣть на Феодосиа, от нѣкоих сшиваем мужии любомучитель, запрѣти им наити даже до Византиа со многими ратники крѣпкими и оружноносци. И убо навѣтовавше на царя сътресшеся душами своими от страха варварова,[39] злоумие отвергаше и злонравие, и от совѣта отставшесе злаго и начинания. Якоже убо благообразное да би понѣ въ поганых, и дружество невреждено и междусобную любовь вѣсть муж иноазычен без смущениа хранити, доброе бо от естества всѣмъ *всѣяно* бысть.

Бѣше же сестра сему Феодосию, чистообразна и чиста житием, именем Пулхѣриа,[40] добротою сиающе телеси доброобразнаго и совьтещися

се дарми внутренего благолѣпиа, яже дѣвою соблюсти себе произволивши и чистотѣ некрадомо хранити сокровище, мужскаго отречеся всячески бесѣдованиа, чистому же радовашеся и красному житию, и теплоту являше на всяко благое дѣла. Не токмо же свое сице украшаше житие, но и брата своего всякими козньми на всяку добродѣтель и нрави добрие привлачаше, яже и приведе ему на приобщение браку добротами светящуюся всякими Евдокию, яже обилие имущи доброти личнии. Бѣше же от Атин великих, к византийскому же красному прииде граду, яко да опадает свою присную братию, яко от отчаа имѣниа не дающим ей ничесоже, много же паче користное безприкладное, обрете. А еже како сие бысть, словеси малими скажу.

Биаше во Афинѣх нѣкто муж, Леонтие нарицаем, въ конец достиг всякие философие, и словесным, и естьствные, и звездочьтные. Сему от единие жены родишася три дѣти: двѣ же бѣста мужский пол, а третие дщи, дщи свѣтообразна и весела, Атина же наречена бысть отцем своим отроковица. Якоже убо житие хотяаше оставити всѣяви я, смертное оставль и конечное писание: отроком убо остави стяжаниа свое, елико в ризах и елико во злате, в домовох же и въ скотех, и в сосудех, и в рабѣх — бѣше бо вельми богат от многоимѣнниих. Дщери же повелѣ, и сие от любови, токмо единѣх 100 златник даровати в наслѣдие, часть прекрасну рек довольно ей быти, всяку превосходящую женскую доброту. И он убо, рек, испив смертную чашу; отроковице, братиа, злонравни явльшеся, все приаша отчее достоание и всячески без ждребиа оставиша юнотку. О них же сожалившися и душею уязвившися, к матере своей сестрѣ приступи Афина отроковица, сказает аже о себе, и беду авляет, болѣзньними воздыханми обличает страсть. Ущедри же отроковицу лелѣ ею плачющуся, о сестрине же дщере уазвися сердцемъ, и с нею, востав, отиде во град прьвий градом и град дръжавный. Къ Пулхерии же приступиста благодѣтми украшенѣй, посещениа от *нея* просита и помощи отроковици, от своих неправедно лишеной. Удиви же ся отроковичнѣй царица добротѣ, почюдися свѣтоносным даром лица еа, удивися благоразумию и великоумию еа, и вопроси, еда кто разтлил есть девъство еа. И увѣдѣвшу, яко неискусна есть ложу отроковица и доброту несквернну сохранила есть чистотѣ, абие банею очищает ю честною, сиречь крещаех, и имя ей прѣлагает, нарицает доброю отроковицу Евдокиа, припрязает же ю цареви и причитает на брак, способствовашу наипаче о сем и Павлину, иже в прьвых вочинен бысть царских другох. От сие убо Феодосие роди Евдоксию, юже Уалентиниану, скипетра дръжащу Рима старого, посла на припряжение житию.

Но ничто же есть доброчестно въ житии, бури и части непричастно, ниже есть добро кое овощие, не имуще с собою растеще трьние, ибо и шипькъ благоуханний творит трьние частое, солнечное же брьвно помрачают облацы, и вражда возращает на творящих доброе, и всяко

доброчестие честное и все красное в житии имат злочество размѣшено с собою.

Но убо чему хощет проглашение слова сего: царица убо плаваше в мори житейсцем, ясными и тихими вѣтри носима, безмолвно провождаше плавание добраго житиа, якоже корабль отоварен, прилежним вѣтром плавае. Но напрасно дохну, яко буря, вражда, и вѣтръ смути море и буря, облак разсѣдеся мутен и низведе буря, смути и сотрясе ладию, яко листъ, и мльвы воздвиже лютые и смущениа тяжкаа, и лодию убо сокруши, на възещее же уста люта отверзе зианиа злоплавнаго. От сего убо царици горясти наполнися и со искушенми брася тяжкобѣдными. Что же бѣ нападшее на ню слово скажет.

Феодосию царю, живущу с нею, яблоку добру и превелику принесе нѣкто. Он же доброзрачию удивлься овощному же красотѣ почюдився, паче же и величеству, яко нѣчто ново дар царици посилает, — еже *великим* бысть начаткъ злобам, горшее бо бысть зависти враждѣние яблока, еже принесе на зло нѣкто, тогда разсѣцающее брачные соузы Фетида и Пилея.[41] Каковаа бо и приключишася за яблоку сию? Удиви же ся царица взору овощному, паче естества вмени доброту яблочину, и любочестную имуще къ свѣтлому Павлину, яко споспѣвшовавшу ей взяти на высоту царствиа, яблокою *горкотворивою* мужа почте. Он же цареви дар воспущаех, не вѣдый, якоже достоит, откуду принесена бысть. Случи бо ся не быти съ царем тогда окаанному, егда Феодосие приемаше яблоку, адово горкое, аще речет кто, овощие смертно, емуже насадитель смерть и садодѣлатель адъ. Видѣ же яблоку дръжей и позна овощие, скрый убо яблоку у себе и мльчанием удръжа, вопроси жену свою, гдѣ есть яблока. Оной же рекши, яко изѣдох ю, клятвами объятъ ю. Она же чьсти горцей, яко же подобает, погрешивше заклятся, яко изѣдох ю. Что же по сих? В помысли царь недобрии впадает, показа абие сокровеное и обличи ю лжущу, разъярися и прогнѣвася, и омрази, и возненавиди царицю. От сего возмутися страсти вльна, и бѣдам море, и злобам *буря*. От сего нестерпимую видѣв солнце страсть, и убо Павлин смерть обра от сего, и мечь кровопийца опоися убийством. Царица же, ненависть увидѣвши цареву, во град Иерусалимъ вскоре отходих и тамо, прочее скончавше житие, естества отдастъ долгъ земльнаго.

Сьй Феодосие во других убо бѣ благоразумен, радостен, великодаровитец, в книгах присно упражняяся, по сей прѣдспѣании сими имѣше и нѣкий зол плевел, яко житейскую часть. Аще кто какову любо принесше ему хартию, чрьвеними шарми сию назнаменоваше,[42] не расмотрив, ни увидѣв, какова суть писаниа. Сице ничтоже цело въ человѣчи естествѣ, ничтоже проказу непричастно отпадением. И убо благодѣтми вѣнчаннаа и божественаа Пулхериа много показоваше тъщание о цари, избавитися хотяще тому от прегрѣшениа того; якоже

убо многаа и *частаа* соплетши наказаниа и словеси вразумивши цѣломудреными, вещьше ничтоже ползова, умышляет нѣчто таково, улавляет же брата кознними умышлении. И списа бо писание, яко от самого царя, рабу дарующу тои царицу свою, дасть же сие брату своему и умоли царя, яко да знаменует писание слови царскими. И он убо преклenися ей, о семъ молящися, и трость убо бысть в царевѣ руку, и чрьвленообразними шарми хартию увѣряше. Она же писание назнаменано, якоже приобретение въземши, яко рабу, сребром куплену, имяше царицу. Оному же ругаему рекшу о семъ, сия царское изношаше писание, и от того глаголаше ей право глаголати. Разумѣвъ же царь и устыдися, и оставися прочее таковаго безумиа. И сие убо въ благую постиже кончину, якоже убо благоговѣнием и часть добраго житиа доброумным человѣком и чистѣ жите любящим, а не оскверняющем друголюбие.

Еще же хоругви дръжащу сему цареви, пробудившеся, явишеся от сна долголѣтнаго, крѣпчайшие мученици юноше. От бесовъства бо бѣжеще злочьстиваго Декиа,[43] въ врьтоп самоисѣчен въкупѣ свышедше во *прѣдѣлех* прилежащих града Ефескаго,[44] глубоким и долгоусопным сном бѣху спящу. Пробудивше же ся тогды, и вѣрными увидѣвшися, и почтени бывше от них и царем, совершениим успоше и послѣдним сном.

Трусу же лютому землю подвизающу ис корѣне и сотрясающу душе человѣчьские и колѣблющу, и множеству благочьстивыих Бога молящу, внезаапу отроча восхищено бысть до самых воздух горе, пѣснь трисвятую услыша от аггелъ! Паки же *съведено* бывшее, оле страшныя крѣпости, по срѣдѣ возупи, како подобает пѣснь плести. Бѣху бо не прежде сево многаа погрѣшивше.

Сей Феодосие от Хрисафиа прѣльщен бyв[45] и прогнѣвався неа Пулхирию и многими многащи сию уязви трьнии всѣми украшенную добродѣтелными образы. Скопець же бѣ Хрисафие, нечестив, злообычаен, лукавен и убийца и мрьзок нравы; егоже злобу послѣжде яко увѣдѣ самодръжць, опленив проклятого и нища сотворив, и во изгнание лютое послав осуждена. И убо длъгъ опщи Феодосию давшу и телесный кал в землю отложившу, въ Пулхерию добраа дръжава приходит. <...>

IV

ЦАРСТВО РАМАНА ЛАКАПИНА

Сия убо царь к Роману творяше,[46] оного привлача, якоже можаше, в любовь. Глубокоумный же Роман, многокозньствовав и укрепив себе повся дръжаву, яко цареви и яко владыцѣ припрягъ дщерь свою, от высоты властны лютѣ отчее и дѣднее багренородную отрасль[47] — зятя своего — на землю сьврьже и токма даровав имя царствиа, еже убо злочастому и злочасте того присвоившому, самъ приемлет скипетродръжаниа и царь нарицащеся Роман всѣми языки, а Константин никакоже; честь бо възбраняше и покрываше его, якоже звѣзду облак. И убо в сытость прием таковую пищу, не до сего състави ласкосрьдьство разума своего, нь, весь чюжди хлѣб восхитив, насыти свое, имущаго хлѣб — остави алчюща, ибо дѣти своа и Христофорова сына, сына своего прьвороднаго, самодръжца проповѣда и царя самовластны.[48] И еже печалнийшее и вещьшее в горесть и костии касаамое самых и срдца — прьвѣйшее пологаше всю от Константина въ проповѣданих, въ писаних и на прѣстолех.[49] <…>

Бѣ же убо многоглавень въ царствех змий, и нива нъсхождаше сьпрѣмо царская, яко приповѣсти земленые притча сьставляет прозябающую от змиа муже зубонасаждени,[50] а посредѣ бяше злострастны багряничный клас, яко шипок подавляем трьнием островрьхим.

Нь егда вся Роман имяше утверждена, и стѣну Семирамидѣ[51] тьчна основа или столпъ исполины създан Халански[52] утверди, тогда пад ниц, лице сокруши си, и, от власти отлад, окаанне прстрада. Ибо багренородные царь Констянтин юже юностьскаго дошед и мужскаго возраста, егда мудростьнаа заря человѣком облиставает, правосъвѣтники приемъ мужа добронравны,[53] змиины главы ехиднины пожат и к себѣ скипетром препасти творит, дебели же и мутни отгнав облак, чистѣйшее властные луча облиставает.

Прьвое бо Роман, уже в старости достигъ, и престар быв долгою старостию, и многою проводив власти време, всѣх же наполнив даров и тѣмъ добро сотвор, от сынов своих изврьжен бысть[54] от прѣстола, и власи остризает, прьвѣ венцем украшение, якоже аще кто речеть, заходя старородный Крон.[55]

ЦАРСТВО КОНСТЯНТИНА БАГРЯДОРОДНАГО, СЫНА ЛВОВА

Таже чада Романова злокозньная багрянородный ухватив царь Констянтин, измѣтну их,[56] сътворъ внезаапу острьвѣни, сиречь въ

островѣ отслав их. И тогда прьвие видѣ старицу царство, яко отроковицу златоутворну и аки бисероносную, и яко новоодеждну и красну и яко младящуся и смеющуся тихо, и бесѣдующу с ним, и примешающуся невѣстъски на дѣтородие.

Сьй Варду Фоку[57] военачальника постави, егоже схолом доместика нарицают грѣци, скопца же Василиа,[58] единаго от изрѣзаных, родившагося Лакапину из рабыни, паракимумена и хранителя царской постели. А понеже Вардѣ угасѣ аже на бранех теплота и скорострьмное нападение, увѣну старостию, в Никифора Фоку[59] военачалие прелагает, якоже аще кто речет, от лва на тогова щенца. Сына же видети получив от своею чреслу, иже из Елены, Романовы дщери, прозябе ему, нарече его Романа. Достигша же его до возраста и женѣ припряже, и видѣвъ от сына своего чадо Василия, великаго в побѣдах,[60] и младенца на руку поносив толикаго, и хотя отрешитися от естьственых соуз, грѣком царя поставляет Романа,[61] сына своего.

ЦАРСТВО РАМАНА, КОНСТЯНТИНОВА СЫНА БАГРЯНОРОДНАГО

Нь сей всю крѣпость и всю силу злиимъ и худоумным евнухом предав, самъ о ловленыих печашесе и бѣсовски внима на пьсиа течениа. Тогда *Крит**[62]*** злочестивыим аровом приемшим, и *крѣпко* убѣжище положившим остров, и озлобляющим сушу и все пленующим, Никифор Фока, си лют въ бранѣх, и стремлением искуснъ, и крѣпок рукама, ратиначальник показася, и предана ему бысть брань. Тѣмь и исполняет море кораблей доброратных и добропловных, и на звѣри посылается сие водусушные, и рать сьставль крѣпку, победи супостаты <…> и погрузи разбойнические насади аравом, ухвати же разбоюначальника прѣдрьзаго оного и исполинорукаго, яко младенца, объят.[63] Оттуду възвратись свѣтлыми побѣдами многочестными и *свѣтлыми позорищи* обличает.

Тогда прекрасный град Антиохов,[64] благородный, и благолѣпный, и яко невѣста украшеный, исмаильтяне убийственый оружием вземше, яко прерабу посрамиша и яко напутную блудницу. И паки прехрабрый преемлет Фока оружие, паки подвизается на враги крови ради иноплеменние. И победи иноплеменники, а своаплеменником пособствуя, и паки доброзрачную и доброобразную отроковицу възвращает матери доброчаднѣй.

Еще же тогда Фоцѣ на брани борющуся, царя Романа смерть въсхити, женѣ своей Феофанѣ[65] власть оставльша и дѣтем ее младородным и

сущим. Увѣдѣ же сия и Фока, и оттуду востече и к великому граду въскоре достиже, и паки показася восточный чиноначальник, клятвами страшными увязан быв царицею, яко да не будет навѣтник Романовѣм дѣтем, и паки послан бывает в Сирию. Нь убо не почину люты звѣрь вражда, иже земльнородных сердцеснѣдий медвѣдь. Ибо нѣкый скопец[66] от сущих въ царских, иже тогда вся власть горѣ и долу обращаи, трьнием враждным уязвився на воеводу и толикий успѣхъ чести не трьпя зрѣти Микифору Фоцѣ, вь уриах воюющу, писание кь Цимисхиу[67] доброперо начрьтьвает, — Цимисхиеви же бѣ имя измлада Иоаннь, — дѣло оружию Фоку положити подвизающи, самому же въ Византию приити принуждающи, яко быти ему царю и дръжателю грѣком. Приат же послание оно Иоаннь Цимисхий и прочте написанию образы, и разум злоненавистен ими и благообычен, вьручает сиа Фоце и вещь исповѣдает. Омрази же убийстьвном оного скопца. Бѣ же добръ Цимисхий, доброзрачен, доброобразен, доброкос, трьпелив, храбросрьдъ, мужеумен, ратник непобѣдим, и сьвѣтник непобедим, человѣкъ великодушен, не храня в себѣ вражду, цѣлоумен, храбрь, кроток, и копиемъ потрясати научен, и лук тяглити вь тятивах стрѣлам внушенам, муж простодушен, не храня в себѣ злобы, ниже злобе гнѣздо срьдци свое содѣвая, ниже желае лютѣйшее велбуда тяжцѣ храмящаго. Подобает же малыми долгаа и многаа явити: и душевлен бѣ рай благодѣтнаа садовна храня, ограда многих благъ насаждена овощиемъ, Божиима напояема дланми садорастными, духовными наваждаема водами *златоструйнами*, в немже ликоваше добродѣтелей хоро, противным же вѣщаниемъ въспѣваше благодѣтное ликование.

Таков же сий Цимисхий, толико в мужствѣ, и тогда с Фокою приключився воюя и потребу сущих под рукою воин соврьшаему, бѣ же сродник Фоце и от тѣхже кровий. И убо вкупѣ рукою писание *имѣше открьвено и вь себѣ протече* умь, лежащих в немъ, и кь воеводѣ все обличает и «о горе, — рече, — о воеводо грѣчьские части, доколе царствиа корабль правити имут скопцы женосрьдии, стръмни на злобу, всѣмъ же злым обрѣтителие и всѣмъ злым дѣлателие, человѣци мяккодушьни и сосуди лукавству, неподобным проходи, сопоти злодѣланию». Услыша же сие воевода и воздвиже ярости пламень, от сего спей и в горах крыяся лев отверзе око и рыкание испусти, и страх опътече удолиа, и лугови, и горы. Царь наречеся, и *постиже* Констянтин град, и без нужде винде, и видѣн бысть, и *видѣ*, и возвеселися. Все множество просыпашеся, елико въ дворѣ и елико светлотою сиаше, елико под работою и елико свободных, прежде всѣх царица со священнослужители, разпростертома подъемаше дланма мужа, и съвѣтом бывает *опщиим* царь Никифор.

ЦАРСТВО НИКИФОРА ФОКѢ

Бѣ же воиничон, благодрьзновенен, крѣпкорук, труды неумякченъ, камень твердъ в болѣзнех. И примесися къ Феофанѣ, прьвой царици, и к *дѣтем* Романовым любовь *отчюю* показует. Тогда Фока душевное объяви мужество, и дрьзость срьдие, и еже въ бранехъ топлоту, имѣша бо <...> прѣдстояние душѣ *благородныя*, и крѣпкое терпеливое показоваше изначала, и хитраго конника издалеча обнажаше.[68] Нь дѣланию силѣ *прилежащи*, той храбродушие таяше въ глубинѣ, яко главня в пепеле сѣмя огню храня. Да якоже прият время и дѣланию мощь и вся *съвращающае* коло злотекущего жития того самого постави на доброоружных колесницах, тогда убо и Фока, яко молние, разсѣдесе и вся оптече племена варварских язык; якоже огнь, аще речет кто, впад во угол многодревень, и духом гоним, и повсюду обходя, и весь сад поадаа, и холми попаляа. Убоявшеся его арави и поклонися Сирия, Киликѣя усумнѣся, и Финикиа повинуся,[69] и приложишеся грѣкомъ грѣчскаа. Сице непобѣдим Фока бяше супротивным. Коло бо добродѣтелное венчаваше мужа, и все доброе просвѣщаше, все благо украшаше его: крѣпость, мужество, смыслъ, *кротость*, цѣломудрие. Но убо непорочен никтоже от земляных человѣкъ, аще на врьх добродѣтели постигнет? Ибо добровѣнчаны Фока толикии въ иных убо сиаше добротах телесных и душа являше, благодѣтми *съвтящуся*, яко невѣсту новоукрашену и яко младящуся. Толико бо душевною печашеся красотою, яко притяжати тѣлу своему трьнию подобными остротою рубы, и одежду жестокую крыти багреницея, и трапезъ ошаатися мясоястныихъ. И убо въ прочиихъ свѣтилникъ бѣ свѣтозаренъ, вьсюду сиая. Ну, обаче, яко нося земную и прьстную пльть, имѣше и скврьны нѣкыихъ прѣтъкновений, яко на[70] одежди чистѣ скврьны злоизмовение. Якоже бо рекоша написавшеи прѣжде времен дрьвнѣйшиих, еже по духу срьдьство имѣа къ царици, обаче и к ней примешатися и плотьски дрзнѣша. Си прьва скврьна, втораа же абие сии. Недостойно цреви имѣша худословие, и даролюбное от разума его отостоаше, яки око ис тила и от *ревинфа* листъ.[71] Тѣмъ и все Фочино начинание и доброта нелѣпотная явлѣашеся и злообразно видѣашеся. Ибо от тѣла истрьгшися зеници, вьсь трупъ потемнѣлъ есть, и весь мраченъ съюзъ, якоже от сланутка младу листу открьшившуся, стъблие невесело естъ и корень дряхль.

Прѣдложено же ми буди и сказание худоразумию его. Ибо лютостия злобною народъ погыбааше, и вьси рыдааху от *гладные* язвы, на златици бо кобель[72] един продавашеся. Взыди же сиа к Фоцѣ, он же *поскрьбѣ*, услышав, и злое исцѣлити собою возревновав царские *исчрьпати* повѣлѣ житницы и по два на златице продавати кобля. Сице Фока худолѣпне о вещи радяше[73] паче же и многожитными богат сий житницами, отоваренными тяготою и пшеницами наполнеными, от нихже скрышася прьвая благодушиа, не вьзревновавъ великому Василиу вь сем, еже поистинѣ сущаго царе от Македония,[74] иже видѣвъ страждущь византийскый народъ и глад вину сущь увѣдѣвъ печали, доброкьзньнѣ съпротивися страсти злоратнѣй, съпротивъ брався храбрѣ съ храбрыимъ и погубль звѣрѣ лютааго удавами нуждныими; 12 бо къбелъ на златицѣ продаати повелѣ продающимъ пшеницу.

И сиа убо, якоже кому воля да въменит, Фока же уязвився от нѣкоего зазора, яко убо к Цимисхию похотный соуз имат царица и творит с ним прелюбы. Увѣдѣвъ же Цимисхиа, теплъ воцаритися желающа, всякое власти лишает его и силы, и особъ, якоже хощет, жити повелевает ему, ино ничтоже возрадовася муж сътворь. Но царица тяшко прѣвменивши, еже Цимисхия не видѣти вь царскыихъ дворохъ, творитъ Фоку призвати мужа пакы и красоту вьдати ему пръвую. И убо срьдцемь уязвеномъ възвратися онъ, и нося язвы вь души лукавыя, и образомь убо бестрастенъ и без печали сый, коваръствнѣ явлѣашеся и свѣтообразенъ показоваашеся, вьнятрьяду же имы и въ глубинѣ огнь, вься копааше злокъзньные навѣты. Фока же, не вѣды сѣти и ловитвы сьвѣтъ сьставляемых, яко орел ношашеся перием высокопарным и лѣгцѣ възношашеся кь добродѣтели *въздуху*. Тѣмъ въ устѣх его бѣ Давыдъ медовный[75] и леганиа жестокопостлании нужных долулегании, постяля же мякконастланы, и багряны одровя, и смѣшениа плотскаа, и яже въ смѣшениих, ни вь сьних видяше, по рекшему же, яко звѣздам подобляшеся всякымъ сладкодушиемъ. Удалѣя убо удалися и отбѣже бѣгая, и особяшияся на здѣ бысть птица и нощный вранъ безь сьна на зданиихъ. Ну бѣху неугодна сиа царици, трѣбовааше бо пригрьновении и пльтьскыихъ смѣшений. Вьсприемьши же Цимисхиа благоврѣменнѣ и привязавшися ему любовия, — бѣ же и онъ зломысля на царѣ, — вьзводить того съ многыми отай оружноносци, и представляет ловца лвову ложу, и предает — о горе! — врагомъ супружника си, яко Сапсона Далида[76] убийстьвнаа, яко Тиндарида[77] служителя своего, храбраго ироя! Каа убо щенца крьмящаа лвица дрьзну таковое, или кий тигропардус или злогнѣвнаа мечка? Вьтекоша же Фоку следящеи пси и обрѣтоша его на худѣ лежаща долулегании, и убивают его, имуща во устѣх божествнаа. И кръвь убо течаше праведнааго по земли, яко Авелева древле от руку братоубийствною Каинову, и кь Богу вьспущааше вепля плачевныя. <...>

V

САМОДРЪЖСТВО ЦАРЯ КОНСТЯНТИНА, БРАТА ВАСИЛИЮ[78]

И понеже не щадит никогоже адъ всядьца, и объяша и Василиа челюсти смертные и грѣчское утвержение смилаяше, яко пшеницу, но обаче въ глубоце, и мнозе, и долголѣтнѣй старостѣ. Царская же крѣпость и грѣчьские *хоругви* къ брату его Констянтину тече. Но бяше истинствующей всячески притча: поданиптиръ и кипел от тѣхжде прьстий. Житиа бо братенцю сию бѣста разнѣ, другь друга отстоащи многочисльными числы. Елико бо Василие, сласти отринув, *поучение* о бранех творяше житие свое, присно прѣдпочитаа доброконники, и *оружноносцы*, и желѣзные щитники, и на брани уготовлени, толико же

паки Констянтин ни трьпяше зрѣти листные оклопи, и желѣзнаа одежда, и сапоги, ни клопот оружных слышати понѣ въ снѣ, ни трубный вопль понѣ ратный, ни кричаний мужских, ни гласа злоратныплищьных; въ пищах упражняшеся присно и толстых трапезах, и о женах радовашеся присно безстудных и игрѣчевыих, любящих ликования, и свирѣли, и гусли, паче же и много времени сий, и сѣд, и прѣстар. Душу же страшливосрьду и трясущуюся ими, от худа помысла множайшее ослепляше, обльгующе их, яко копающе лукавство отступлениа. О двою же колебля житие дщерю.[79] И от нѣкого увѣдѣвъ, яко власть по нем на Романа приидет на единаго от синклита, подреклом Аргыропула, принуждает мужа обручницу свою и жену отложити прьвую и припрящися Зои багренороднѣй. И сиа увещав, прѣходит от житиа, вмале самодрьстьвная насладився.

ЦАРСТВО РАМАНА АРГИРОПУЛА[80]

Роман же всѣдает на царские прѣстоли, муж премудръ, благочестив, поучаяся въ божественых и о книгах радуется много и стояниих всенощьныих, иже зело великолѣпен Богородицы-отроковицы сьзда храм, емуже звание Перивлептъ.[81] И убо царица, юностию цвѣтущи и *клокоти* плотными распалаемаа, и видяще Романа особнѣ живуща и *ни* помянующа, ако привязани есть женѣ, ниже яко живетъ съ женою, паче же и юно, лукавыми нѣкими и злыми помыслы уязвляшеся. Бѣ же нѣкто благообразен и доброзрачен юноша, имя же сему Михаил, родом от Пефлагон.[82] Тому убо Михаилу радостнообразне во царских дворех живущу, царица похотный возложивше взор и личные его видѣвше доброты и заря — бяше бо младообразен, благозрачен, радостен, бѣлъ и румян, — похотными капле росами, похотнѣ же примешашеся, прилѣжне объимаше от лица Михаилова благодатнии цвѣти. И убо нѣкогда Роману царю плоть упокоающу банею и тѣшающу, мужие нѣции, радующуся злу, убийстьвнѣ нападшеи, удавивше и, яко змие обившеся о выи его. Не вѣдѣ, како и откуду наведени бывше, или, якоже глаголятъ, и Зои царици на сие изволивши, ни ли не видящий никакоже, ибо не имам что рещи.

ЦАРСТВО МИХАИЛА ПЕФЛАГОНА

Роману же житие земленое оставльшу, Михаил воцарися и приятъ скипетра, иже прежде мала не явлен и смирен человѣкъ родом. Бѣ же добръ Михаил не токмо образом, но сиаше и благодатми, ихже добродѣтели раждают, душевные красоты и умные светила. Разумѣаше бо, яко смыслен и в себѣ сматряше, от каковаго смирениа взыде на царство и от каковые худости на каковую высоту взятся. Тѣмъже бяше благоувѣтлив, негрьделив, смиреномудръ, прѣкланяяся вь милость и

щедре злостраждущих, утешаа убогих и обогащаа нищиих, и увядше злобою неимѣния оживляя, и посѣщая, и грѣя, и златоструйными водами напаая жаждущиих. Никтоже бо, того видѣв, отхождаше и слезы точа, никтоже бо, помолився, възвратися скорбя. Нь убо съдръзашеся недугом лютом, якоже Саулъ[83] лукавою удавою бесовскою, и житие болѣзньно имѣша и бѣдно, или от болѣзньныих времений омрачаяся и падаа, или *нуждныимъ* мучителем бѣсомъ борим. И множицею бо на землю без гласа пометашеся, пѣны теща из устъ и слины точа, устнѣ имѣя синѣ и очи развращенѣ, и гласи испущая злы и неподобны, яко овча. И аще не прикличахуся нѣции помагающе ему о страсти, биаше главу свою о стѣну, яко чюжду, От сицевые убо страсти многащи въспрянув, теплѣйши бываше добродѣтели дѣлатель и множае прилежаше, еже от сих здравию,[84] и иноческое житие паче жедаше. Бяху же ему единокровницы и от тѣхжде сѣмян, сиречь братиа,[85] мужие злонрави нѣции, люти и хищници, мужие сластолюбиви, скътни, и злооблични, паче же и свиножителни, и говядопасци, говядаре, мужие овчаре, живущи въ безумии и *церовѣмъ* плодом пекущеся и дубовым желудемъ. Таковѣмъ убо братиам сущим царевѣмъ и в злых прьвѣньствовавшаго, иже сродством бѣ прьвый, скоплен сий издалеча дѣтотворные уди, человѣкъ злодѣлатель, нравомъ лукав, скврьнноумен, иже прием попечение гирокомства и прочаа вся власти водяше горѣ и долу и дръжащому точен являшеся строитель. Сѣй убо увещевает Михаила присьненика сътворити братова си сына[86] царици Зои. Бяху же сиа таковаа, а яже по сих кая? Царь убо Михаил анепсея своего, сице бо нарицашеся, женѣ своей присняет и кесарским венцем скотнаго украшает, точнаго свини умом. Сам же придавляяся страстию обычною, во одежду облачитца лутшую багряницу, духовным чрьнилом ризы своя очрьнив, и к тишине притек от многомятежного житиа.

Оттоле убо царица прият попечение власти. <...>

VI

ЦАРСТВО КОНСТЯНТИНА МОНОМАХА[87]

Нь царица Зоя, грѣчьскую власть самодръжца мужа трѣбовати умыслишви, и дѣтемъ въсприятие и рождьства жаждущи, и желающе дѣтородна услышетися чадом мати, — от двѣю бо врьтоградарю, яко древо, напоившися, дряхла страждаше без племене цѣла быти, — тѣмъ и мужа нѣкоего красна, именемъ Констянтина из Лезве приводит корабли вѣтрилоперными, егоже Мономаха нарицаху отчим пореком. Ибо осужден бѣ в том острове жити от прьваго Михаила царствовавшаго, по иных убо, яко царство покушающься въсхитити, — обоюду бо удръжашеся яжо о нем прослутия, — якоже друзии рекоша, имже

неложен языкъ, зане примѣсися похотнѣ Зои царици. Въ Лезвъ убо осужден быв сьй Констянтин, и вмале не пострадав угашением очным, внезаапу падшу въспять колу чести и скодѣлю ее инако прѣврьгъшуся,[88] царь показася и владыка, сий прьвий раб, самовладыка бысть *осуждены* и самодръжець сьвезаны, и царицю Зою уневѣщает на брак. Сице неисправлено есть земленородных житие, сице имѣниа коло, горѣ и долу текущи, валяет вся мертвная и размѣшена творит. Похвалы же въообразуют сего Мономаха на бранех убо неискусна и на оружноносие, а въ иных великаго лѣпна, даролюбива, весела, свѣтлодушна, красолюбива, милостива нравы, даролюбию море, езеро пиванию, из негоже восприемше мнозии потомки добракапелные, из негоже почрьпоша мнози воды живопитателные, пролитиа бо повсюду, източив, явися златопроходный Пактолос,[89] Нил сребrоструйный. Познаша сего и людие длани любодаровитие, увѣдяше сего и храми красолюбние руцѣ. Нищи напоишеся и почрьпоша в сытость, всяк храм восприят напояния златоточная. Сице обща рѣка, всюду наводняема, издаваше бо даром нескуднополитная излияния, яко не вь тренныя проходи въ обидимые.[90] Ибо Ксерьксь,[91] грьдый он персом князь, поддобрую тополу *въсклонився*, яко въ жатву красотами бездушными сад почитаяше. Ового же и камениа, и садовиа, и острови, и пристанища дарми упоишася доброросными и приснотекущими. Сице богату душу, сице велику имѣша. И аще кто разумѣти хощет великодушие его, добросозданные храмъ увѣрит ему вещь, егоже от основанна въздвиже и от корен прьвыих божественому мученику побѣдоносцу Георгию. Но убо добрыими цвѣти паче кедра, сице свьтеся добродѣтелми листвием, яко финиксь, зело недужен бяше плотию прьстною, ноголием бо тяжким стезашесе, ногама, яко желѣзы твердыми и яко нерешимыми оковы. И убо пребываше весь день в мякких постелях, упокоая свои недужнѣи нозѣ.[92]

От сего рассѣдошася на нь многии влъны и напастем и бедамъ вѣтри бурнии. Слышится всячьскы он лютый Манияк,[93] муж исполиноруk, бръзорук, мужоубийца, дрьзосрьдъй, добросрьдъ, дыхая стремлением усрьдьным. Той убо, собрав муже ратные, шлемоносца и копийники, мужа исполина тѣлом, *доброрастен* възрастъ имущем тѣла, паче тополий водных высоту имущих, яко облак ста над главою царю, дебель и мрачен, и мутен, и чрънѣйше смолы, тяжкими дожди прѣтя, не водными же дожди, но струями кровными, но кровными пролитии. Постиже убо убѣжища, постиже градови. Идѣше прѣте яростию и дыхаа паче кентаврь, яко Капаневь,[94] велерѣчуя и гордяся, яко Антѣй.[95] И кто убо надѣяшеся избѣгнути от злобы толикие? Но стрѣгомий Божиима дланма не убоится исполин, ни звѣрие устрашится, ниже въстрепещет желѣза, ни каркиновѣх устъ,[96] имат бо поборника Бога паче всякого тяжка камене, паче тигрьскаго звѣрогонителя Минда.[97] Тѣмь и въсия солнце свѣтлыя луча, и разори тму, и прогна облак, и видяше свѣтъ без облака царь и градове, бысть бо в ребра прободен злый звѣрь, и вси избѣгоша от звѣроядныих его челюстей. Паки же Торник[98] другое зло прониче, други звѣрь, егоже Даниил провидѣ древле, попирая вся и развѣвая и ногами сьтирая, а оставшая съкрушает зубы.[99] Нь и сего въсхитити суд, неизбѣжными стрѣлами того стрѣлявши и звѣря

уязвивши язвами напастными. И тогда объятъ самодръжца тишина немутнаа, не имущи приражениа бурнаго.

САМОДРЪЖЬСТВО ФЕОДОРЫ[100] ЦАРИЦЫ

Да якоже притужаху ему лютии недузи, и брения телеснаго естьство прошаше, на багрянородную абие Феодору, Зоину сестру, царство прѣходит, ибо царица Зоя прежде умрьла бѣ. Яже на властную вмале всѣдше колесницу и исхождение свое разумѣвши еже ис тѣла, бяше же, якоже глаголять, неискусна плодскимъ сквррьнам, мужа нѣкоего долгоживша, и сѣда, и трясущася възводит всадника на колесницу толикую, ему же имя Михаил.

ЦАРСТВО МИХАИЛА СТАРЪЦА

Иже лѣтными убо многожительными украшашеся врьхи долгостаростными, въспять убо достигших кь западом жития, и от служениа убо его рать погибе, вь иних же и добронравен, и изящен бѣ. Но убо не возможе срьдечные отрасли на свѣтъ произвести и показати сущий въ глубинѣ клас, ибо обдержаху всю власть Феодорины сродници, прьвые царици, не брѣщи о Михаиле подобне, яко безвременную зелку безлистьвну, и стару, и уже увядшу, понеже и связан бѣ страшными клятвами, яко да предасть имъ вся: и словесы правити и вещьми. Бяше убо тьй яко сѣнь и словеси токмо царь, а прочаа вся руками онѣх правляху, ихже пѣстуны Михаилу остави Феодора и хранителя, и строителя, и власти его отца, двопѣстунны ибо суть старцы, по притчи. Тѣмъ и приходящей и приступающей к ним и по всему по воли их устроени суще почрьпаху обилия даров. Человѣци же воинстьвнии, ратем искуснии, и от корени славныих прозябшеи и добровѣтьвных, имже добра отечьства и прародителие и род от храбрых, яки сьсуд нѣкий скуделнич и безчестьнь премѣтахуся. Увѣрити же имать глаголемое Комнинь[101] он, емуже имя Исакие, иже въ храбрътсвѣих имяше и прослутие велико, имѣша бо руцѣ блази на добрая дѣла и прьсти доброуказани на рати. Иже приступль к Михаилу и плодние трудни богати от негоже потяжати вознепщевавъ, и надеждъ не получив, ни пожав цвѣти, но и паче поругания обрѣтъ трьние от злых врьтоградар властные ограды. И гнѣвен быв, възрѣвъ на отметнутие, и придружив Дуку Констянтина[102] и многие ини, великим богатьством кипящих и роду начала свѣтла имущих, и собрав воя из *Асие*, оружники, нападе на царя, хотя его съ *прѣстола* свреши. Услыша же сиа Михаил, трясущийся старець, и, судив паче себе недостойна быти сану, яки гробна уже старца и гнила, готов бѣ слѣсти съ прѣстола и уступити. Но иже корабль властный устроеный, не хотяще спасении его, но потопити и погрузити богатѣйши влънами тяжко шумящими, на брань и не

хотяща старца подвизают — вмале не погребена — на ополчение. От сего брани междусобные, и десница грѣчьскыя на грѣки сулица остряще и копиа, и омакаеми кровми междусобными, и серпь простирашеся, разделяа съединение, и друга на друга подвиже, яко во мрацѣ, и чада единаго отца друга на друга расверѣпие. Бывает же Комнин изящнѣй въ брани, и град пръвый градом[103] постигъ *безперною* бръзостию, и венець возложив на ся, самодръжец показася.

---

[1] *...шар...* — перевод греческого слова со значением «цвет, краска».

[2] *Крон бяше мудръ... Ермие сияше...* — Перечисляются планеты: Сатурн, Юпитер, Марс, Венера и Меркурий. «Мудръ» вместо «модръ»; наш перевод сделан в соответствии с греческим оригиналом.

[3] *Денница* — планета Венера.

[4] *...стремозубые...* — буквально: «с выступающими вперед, выдающимися наружу зубами».

[5] *Давыду же обладующу еще иноплеменными...* — По средневековым представлениям, Троянская война происходила во времена царя Давида (1004—965 гг. до н. э.). Современные историки датируют ее серединой XIII в. до н. э.

[6] *Омир бо... многая обращает и прелагает.* — Здесь отразилось характерное для средневековья противопоставление поэм Гомера сочинениям мнимых участников Троянской войны — «Истории разрушения Трои» Дарета (Дареса) Фригийца и «Дневнику Троянской войны» Диктиса Критянина. Хотя Дарес — жрец Гефеста — упоминается в «Илиаде», оба сочинения возникли в первые века нашей эры: старший фрагмент из «Дневника» Диктиса датируется серединой III в., а латинский текст Дарета — V в., правда, возможно, что существовал греческий оригинал II—III вв.

[7] *Александръ* — имя, данное Парису при рождении.

[8] *Зде твоа игра, мучителю вьсѣхъ, рекь.* — В славянском переводе слово «рек» стоит вместо имени бога любви Эроса (так в греческом оригинале «Хроники»).

[9] *Кановикъ* — Каноб, город в устье западного рукава Нила со знаменитым храмом Сераписа.

[10] *...Протевсъ, царь египетский... от Египта бежи.* — Версия, согласно которой Елена во время Троянской войны находилась у египетского

царя Протея, известна уже греческому поэту Стесихору (VI в. до н. э.), отразилась она и в трагедии Еврипида «Елена».

[11] *...Феталие и от Архие...* — Фессалия — область в Северной Греции; Ахайа — северная часть полуострова Пелопонес.

[12] *Родь, Ифакь, Скирь и Салам* — острова в Эгейском море.

[13] *Ефиянин же Ахиллей...* — Вероятно, здесь искаженное определение «фтиянин»: Ахиллес происходил из царства Фтии на юге Фессалии.

[14] *...царя поставиша...* — Говорится о предводителе греческого войска под Троей микенском царе Агамемноне.

[15] *...кари, ликиани, миси, и меони, и фриги...* — Народы, обитавшие в западной части полуострова Малая Азия.

[16] *Нисиотянин Дисев...* — «Нисиотенин» — грецизм, означающий «островитянин»: Одиссей был царем острова Итаки. Согласно некоторым мифам, Одиссей ненавидел Паламеда, сына евбейского царя Навплия, за то, что тот разоблачил его мнимое безумие, симулируя которое Одиссей рассчитывал уклониться от участия в Троянской войне.

[17] *И убо провидѣ гладни огненосий лук...* — Место испорчено; принимается во внимание греческий текст.

[18] *Хощеши ли, — рече, — о царю...* — Перевод сделан в соответствии с греческим оригиналом; вместо «хощеши ли» следовало бы «хощет».

[19] *Взыде убо Фетид...* — То есть Ахиллес, сын богини Фетиды.

[20] *...а еллином поручи, да оставят братися и способствовати им.* — Перевод сделан с учетом греческого текста: речь идет о том, что Ахиллес, возмущенный убийством Паламеда, отказывается вместе со своими воинами-мирмидонянами помогать остальным грекам (эллинам). В «Илиаде» это решение Ахиллеса вызвано его ссорой с Агамемноном из-за пленницы Брисеиды.

[21] *...Мемнон...* — Об участии в Троянской войне эфиопского царя Мемнона упоминают лишь послегомеровские мифы.

[22] *...Ахилей видѣ Поликсению.* — Рассказ о любви Ахиллеса к юной дочери Приама Поликсене встречается у Дарета, который заимствовал его из поздних греческих мифов. В трагедии Еврипида «Гекуба» говорится, что Поликсена была принесена в жертву тени Ахиллеса. См. также «Метаморфозы» Овидия (кн. XIII, 439—504), где описана скорбь Гекубы после заклания Поликсены.

[23] *...Диифов убо приснѣе любляше Пилея, филея... избеже з Диифовомъ.* — Текст испорчен. Греческое слово «филес» («любимого,

милого») не переведено. Убийцей Ахиллеса античная традиция называет обычно Париса, реже — его брата Гелена.

[24] *...Диоген Еа Теламонянин.* — Славянский переводчик сохранил греческое слово «Диоген» («божественный» — эпитет Эанта), видимо, приняв его за личное имя.

[25] *...Пира Ахилеова, новаго Птоломѣя, сущаго от Диидамие.* — Пирр Неоптолем (это имя ошибочно переведено как «Новый Птоломей») — сын Ахиллеса и Деидамии, дочери царя Ликомеда, у которого воспитывался юный Ахиллес.

[26] *...скамандрови струя...* — Скаамандр — река, протекавшая в окрестностях Трои.

[27] *...Тенедский остров.* — Остров Тенедос у побережья Малой Азии, недалеко от Трои.

[28] *Обретает и сродника сии... нареченную обручницу.* — Речь идет о судьбе брата Менелая — Агамемнона. Он был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом. Сын Агамемнона Орест отомстил за отца, убив мать и Эгиста. Слово «растаявша» — неудачный перевод греческой глагольной формы со значением «убившего».

[29] *...Феодосѣе посаждаетца, егоже царь Аркадие зачат от Евдоксии.* — Феодосий II, восточноримский (византийский) император (408—450), сын нмператора Аркадия (395—408).

[30] *Валентияну...* — Валентиниану III, императору Западной Римской империи (452—455).

[31] *...совозвращаася... на извещение быти ему хотению.* — Текст испорчен. При переводе учтен греческий оригинал.

[32] *...и конечнѣе уморяет мечем царя...* — Валентиниан III собственноручно убил своего полководца Аэция, а сам был убит его оруженосцами, которых он взял себе на службу.

[33] *...осрамоти же и жену его Евдоксию.* — Максим, провозглашенный императором, вынудил вдову Валентиниана стать его женой. Когда же он признался ей в том, что косвенно способствовал гибели ее мужа, оскорбленная женщина обратилась за помощью к вандальскому королю Гейзериху (428—477). В 455 г. он захватил Рнм, предав его разграблению, а Евдокию и ее дочерей увез в качестве пленниц.

[34] *...Максимъ... сынъ его Ромил...* — Перечисляются последние императоры Западной Римской империи: Петроний Максим (455), Авит (455—456), Майориан (457—461), Олибрий (472), Глицерий (473—474), Непот (474—475) и Ромул Августул (475—476). В 476 г. вождь германского племени скиров Одоакр сверг Ромула Августула. Государство Одоакра просуществовало до 493 г., когда Италия была завоевана остготами.

[35] *...Ромила имѣв в начале...* — Вспоминается Ромул — первый римский царь, согласно легендарному повествованию об основании Рима.

[36] *И сиа убо приключишася... солнца бесчисльнаа да исьчтет!* — В греческом оригинале читается похвала императору Мануилу Комнину (1143—1180), при правлении которого Константин Манассия написал свою «Хронику». Болгарский переводчик добавил слова «новий Царь-град», имея в виду, возможно, столицу Болгарского царства Тырново, а вместо имени Мануила вставил слова «корене суще Иоанна... великаго царя болгаром», обращенные к вероятному заказчику перевода — болгарскому царю Ивану Александру (1331—1371), которого хронист называет потомком Ивана Асеня. Скорее всего, имеется в виду Иван II Асень (1218—1241), хотя в действительности Иван Александр принадлежал к другому роду (Шишмановичей).

[37] *Новому Феодосию...* — Феодосием Новым или Малым именовали этого императора в отличие от Феодосия Великого (379—395).

[38] *...князя перскаго Издигерда...* — Аркадий в своем завещании поручил персидскому царю Йездегеду I (399—420) оказывать помощь юному Феодосию.

[39] *...от страха варварова...* — Византийцы противопоставляли римлян и греков («ромеев») всем иным народам, которых презрительно именовали варварами.

[40] *Бѣше же сестра сему Феодосию... Пулхѣриа...* — Следующая далее восторженная характеристика Пульхерии далеко не соответствует действительности: она была религиозной, фанатичной, деятельной интриганкой, окружившей себя евнухами и продажными сановниками, открыто враждовала с императрицей Евдоксией и т. д.

[41] *...яблока, еже принесе на зло нѣкто... Фетида и Пилея.* — Речь идет об известном мифе: богиня Эрида подбросила яблоко с надписью «Прекраснейшей» в сад во время брачного пира у Фетиды и Пелея. Это вызвало соперничество и ссору нашедших яблоко богинь, а в конечном счете привело к Троянской войне.

[42] *...чрьвеними шарми сию назнаменоваше...* — Византийские императоры подписывали документы пурпурными чернилами.

[43] *Декиа...* — При римском императоре Деции (249—251) были ожесточенные гонения на христиан.

[44] *...града Ефескаго...* — Ефес — город на западном берегу Малой Азии, южнее современного г. Измир.

[45] *...от Хрисафиа прѣлъщен быв...* — Хрисафий — евнух, руководивший финансами, один из влиятельнейших людей в империи. Между ним и Пульхерией шла ожесточенная борьба по религиозно-догматическим и политическим мотивам. В 450 г. Хрисафий был удален в изгнание. В

том же году умер и Феодосий, и на престол была возведена пятидесятидвухлетняя Пульхерия.

[46] *Сия убо царь к Роману творяше...* — Константин Багрянородный стал императором в 913 г., в восьмилетнем возрасте. В ходе дворцовых интриг выдвинулся друнгарий (командующий) флота Роман Лакапин. В 919 г. он женил Константина на своей дочери Елене, получил титул кесаря, а в 920 г. был объявлен соправителем Константина.

[47] *багренородную отрасль...* — Багрянородными именовались императоры, родившиеся в то время, когда их отцы сами были императорами, и поэтому младенцы появлялись на свет в Багряной палате дворца.

[48] *...ибо дѣти своа и Христофорова сына... царя самовластны.* — В 921—924 гг. соправителями императора были провозглашены сыновья Романа — Христофор, Стефан и Константин, а если верить «Хронике» — и сын Христофора.

[49] *...на прѣстолех.* —Далее в рукописи читается приписка (в других списках она находится не в тексте, а на поле), сообщающая, что при Романе болгарский царь Симеон (893—927) дошел до стен Константинополя и захватил Одрин (Адрианополь) (имеется в виду поход 914 г.).

[50] *...яко приповѣсти земленые прича... муже зубонасаждени...* — Имеется в виду миф о Язоне, посеявшем зубы дракона, из которых выросли вооруженные воины.

[51] *...стѣну Семирамидѣ...* — С именем Семирамиды (Шеммурамат), ассирийской царицы (810—806 до н. э.), в античности связывались представления о диковинных архитектурных сооружениях,. например о висячих садах в Вавилоне, в действительности сооруженных в VI в. до н. э.

[52] *...столпъ... Халански...* — Согласно библейской легенде — гигантская башня (то же, что Вавилонская башня). Название — Халанский — из апокрифа.

[53] *...правосъвѣтники приемъ мужа добронравны...* —- В греческом тексте далее следует сравнение со спутником Геракла Иолаем и спутником Тезея Перифеем.

[54] *Роман... от сынов своих извръжен бысть...* — В декабре 944 г. Роман был низложен Стефаном и Константином и сослан на остров Прота, где спустя 4 года умер.

[55] *...заходя старородный Крон...* — В греческом тексте говорится о Кроносе, поверженном его сыном — Зевсом.

[56] *Таже чада Романова... царь Констянтин, измѣтну их...* — Сыновья Романа были низложены и сосланы в январе 945 г., однако

инициатором расправы был не сам император, а поддерживавшая его дворцовая партия. Константин сторонился политики, занятый научным и литературным трудом: ему принадлежат книги «О фемах» (о географии страны), «О церемониях византийского двора», «Об управлении империей».

[57] *...Варду Фоку...* — Варда Фока до 954 г. являлся доместиком схол Востока — главнокомандующим войсками восточной части империи.

[58] *...Василиа...* — Василий, побочный сын императора Романа I Лакапина от рабыни скифянки, евнух. Он был паракимоменом (начальником службы личных покоев императора). При Константине VII он был влиятельнейшим лицом в гражданском управлении империи. Отстраненный в начале царствования Романа II, он вновь вышел на политическую арену при Никифоре Фоке и Цимисхии.

[59] *...Никифора Фоку...* — Сына Варды Фоки, с 954 г. доместика схол Востока, будущего императора.

[60] *...чадо Василия, великаго в побѣдах...* — Будущего императора Василия II (976—1025).

[61] *...Романа...* — Романа II, императора (959—963).

[62] *Крит* — остров Крит был отвоеван у арабов Никифором Фокой в 961 г.

[63] *Тѣмь и исполняет море... яко младенца, объят.* — В Софийском списке эта фраза ошибочно разрезана вставкой, в которой сообщается о смерти болгарского царя Петра (927—969) и возвращении из Константинополя его сыновей — Бориса и Романа, находившихся там в качестве заложников.

[64] *...град Антиохов...* — Антиохия, в античности и средневековье один из крупнейших городов Ближнего Востока (ныне Антакья в северной части Сирии). Антиохия была взята войсками Никифора Фоки в 969 г.

[65] *...женѣ своей Феофанѣ...* — Роман II был женат на дочери владельца харчевни Анастасии, принявшей затем имя Феофано. Она отличалась необычайной красотой.

[66] *...нѣкый скопец...* — Евнух Иосиф Вринга, ставший паракимоменом после устранения Василия.

[67] *...кь Цимисхиу...* —- Иоанн Цимисхий, будущий император (969—976), в описываемое время — полководец, сподвижник Никифора Фоки.

[68] *Тогда Фока... издалеча обнажаше.* — Эта фраза после слов «имѣша бо» разрезана вставкой, в которой сообщается о походе русских войск, предводительствуемых Святославом, на Болгарию. Конец фразы недостаточно ясен.

[69] *Убоявшеся его араеи... Киликѣя усумнѣся, и Финикиа повинуся...* — Речь идет о победах, одержанных императором Никифором Фокой в 969 г., когда была завоевана Киликия (область на крайнем юго-востоке полуострова Малая Азия), северные районы Сирии и Месопотамии.

[70] *Толико бо душевною печашеся... яко на...* — Этот фрагмент воспроизводится по Ватиканскому списку, так как в Софийском списке пропуск. По той же причине из Ватиканского списка добавлены также фрагменты: «явлѣашеся и злообразно... и вьси радааху», «невьзревноваvъ великому Василиу... повелѣ продающимъ», «видѣти вь царскыихъ дворохъ... копааше злокъзньные», «всякымъ сладкодушиемъ... съ многыми отаи оружносци» и «божествнаа... вепля плачевныя».

[71] *...от ревинфа листъ...* — Здесьи далее («от сланутка») упоминается растение, названное в греческом тексте теребинт. В Болгарии оно именуется «овечий горох». Деревья н кустарники семейства теребинтовых распространены в южной Европе.

[72] *...кобель...* — Кобл — византийская мера сыпучих тел (медимн).

[73] *Сице Фока худолѣпне о вещи радяше...* — Во время голода 965—969 гг. император и его брат Лев Фока продавали хлеб из государственных житниц по спекулятивным ценам.

[74] *...великому Василиу... царе от Македония...* — Автор вспоминает императора Василия Македонянина (867—886).

[75] *...Давыдъ медовный...* — Имеется в виду Псалтирь, составление которой приписывалось библейскому царю Давиду.

[76] *...Сапсона Далида...* — Имеется в виду библейский рассказ (Суд. 16, 4—30), как филистимлянка Далида обрезала волосы, в которых заключалась сила героя, влюбленному в нее израильскому богатырю Самсону, тем самым приведя его к гибели.

[77] *Тиндарида* — дочь Тиндарея Клитемнестра.

[78] *...царя Констянтина, брата Василию.* — После смерти императора Василия II Болгаробойцы (рассказ о его правлении мы опустили) на престол взошел его шестидесятипятилетний брат Константин (1025—1028) — жестокий, распутный и трусливый.

[79] *О двою же колебля житие дщерю.* — У Константина было три дочери: Евдокия, ставшая монашенкой, Зоя (последовательно бывшая замужем за тремя императорами — Романом III, Михаилом IV и Константином IX — преемниками ее отца) и Феодора. Здесь речь идет о Зое и Феодоре.

[80] *Царство Рамана Аргиропула.* — Роман III Аргир, византийский император (1028—1034), в прошлом эпарх (префект Константинополя),

стал мужем дочери Константина VIII — Зои и тем получил право на престол.

[81] *Перивлептъ* — монастырь Богородицы в Константинополе.

[82] *Михаил, родом от Пефлагон.* — Будущий византийский император Михаил IV (1034—1041) происходил из незнатной семьи из Пафлагонии, области на северном побережье Малой Азии.

[83] *...недугом лютом, якоже Саулъ...* — Михаил был эпилептиком. Он сравнивается с Саулом, основателем Израильско-иудейского царства (конец II в. до н. э.).

[84] *...и множае прилежаше, еже от сих здравию...* — Текст неясен, и перевод его предположителен.

[85] *Бяху же ему единокровницы... сиречь братиа...* — У Михаила было четыре брата: Иоанн, Никита, Константин и Георгий. Все они, кроме Никиты, были евнухами. Старший — Иоанн был при Романе III препозитом (евнух, ведающий церемониями императорских приемов), а в 1033—1034 гг. также смотрителем сиротского приюта, за что получил прозвище Орфанотроф («кормилец сирот»). Здесь же он именуется попечителем гирокомства, то есть «пекущимся о старцах».

[86] *...присьненика сътворити братова си сына...* — Славянский переводчик ошибся: речь идет о сыне сестры (а не брата) Михаиле — Михаила Калафате, будущем императоре (1041—1042), усыновленном Зоей. Описание его царствования мы опускаем.

[87] *...Констянтина Мономаха.* — Константин Мономах — византийский император (1042—1055). На его дочери был женат сын Ярослава Мудрого, черниговский и киевский князь Всеволод.

[88] *...скодѣлю ее инако прѣврьгъщуся...* — Имеется в виду остракизм — обычай некоторых полисов античной Греции. На глиняных черепках (остаконах) члены народного собрания писали имя того, кого, по их мнению, следовало изгнать из страны.

[89] *...златопроходный Пактолос...* — Пакто, золотоносная река в Лидии (древнем малоазийском государстве).

[90] *...яко не вь тренныя проходи въ обидимые.* — Текст, видимо, испорчен (в старейшем славянском списке «Хроники» — «въ нетренныя проходы», греческий текст также не ясен). Конец фразы не переведен.

[91] *Ксерьксь* — персидский царь Ксеркс (486—465 гг. до н. э.). Смысл образа не ясен.

[92] *...упокоая свои недужнѣи нозѣ.* — Константин болел подагрой.

[93] *Манияк* — Георгий Маниак, византийский феодал и полководец, поднявший в 1043 г. мятеж против императора. Он был гигантского

роста и отличался огромной силой. По словам современника, византийского государственного деятеля и историка Михаила Пселла, «окружающие смотрели на него снизу вверх, как на холм или горную вершину... голосом обладал громовым, руками мог сотрясти стены и разнести медные ворота».

[94] *...Капаневь...* — Капаней, один из участников похода семерых против Фив в античном греческом мифе.

[95] *...гордяся, яко Антѣй.* — Согласно мифу, Антей — великан, сын Посейдона и Геи, считавшийся непобедимым, пока его не одолел Геракл.

[96] *...ни каркиновѣх устъ...* — В греческом оригинале «каминустома» — то есть «огненной пасти». Возможно, однако, что чтение было испорчено в греческом списке-оригинале славянского перевода: «каркина» по-гречески «рак».

[97] *...Минда...* — Образ не ясен.

[98] *Торник* — Лев Торник, предводитель мятежа против Константина в 1047 г.

[99] *...Даниил провидѣ древле... съкрушает зубы.* — Имеется в виду один из вещих снов библейского пророка Даниила. Характеристика зверя представляет собой слегка измененную цитату из описания видения (Книга пророка Даниила, гл. VII), однако там четыре зверя — это символы четырех царств.

[100] *...Феодоры...* — Феодора, сестра Зои, царствовала в 1042 г. совместно с ней, а одна в 1055—1056 гг. Фактически же императором был Михаил Старик (или Стратиотик, так как он являлся хранителем казны стратиотов — зажиточных воинов-феодалов).

[101] *Комнинь* — Исаак Комнин, полководец. В 1057 г. он поднял мятеж, сверг Михаила Стратиотика и стал императором (1057—1059).

[102] *...Дуку Констянтина...* — Будущего императора (1059—1067).

[103] *...град прьвый градом...* — Т. е. Константинополь.

ПЕРЕВОД

I

НАЧАЛО. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Всесовершенное и мир созидающее божественное Слово сотворило вначале небо беззвездное, неизмеримой красотой сияющее лучами божественными, и землю, всех питающую, и с ними свет. Земля же была неукрашена и невидима, и тьма глубокая лежала на плечах ее. Когда же воссиял свет и разлился повсюду и настал день, полный света и светозарный, явилось прежде невидимое, и мрачная темнота была прогнана сиянием светлых лучей. Вот так прошел первый день.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Когда же засветилось око дня второго, второе небо создал Бог премудро, сделав его всей земли покровом, и нарек его твердью Бог преискусный: создал он вторую, другую твердь совершеннее первой, беззвездной. Тогда же и разлившуюся повсюду стихию водную и бездну разделив, часть ее вверх легко вознес, в высоту необозримую, а часть на земле оставил, воздвиг между ними небо, словно преграду и словно твердую стену. Зеница скрылась дня второго, а третий за ним воссиял.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

И снова искусный и премудрый созидатель всего к другим обратился делам. И так как разлилась по всей земле вода, оставшаяся после отделения небесных вод, и весь лик земной испещрен был озерами, все разлившееся собрал мгновенно вместе, словно бы некто — сладкую влагу молока белую, чтобы в сыр превратить ее и сделать сырный круг. Когда же отделилось то, что прежде покрывало землю, явился лик земной, и засверкали красотой своей камни, и горы, и склоны крутые долин. И с той поры собрание вод морем нарек, а сушу, все, что из камня сложено и что почвой покрыто, нарек землею премудрый Бог-всесоздатель. Великую же свою силу являя, еще когда не воссиял свет исполина солнца, разнообразнейшим травам повелел прорасти, одним лишь для услаждения очей красотою своей, другим же на пропитание живого и на нужды сущим на земле. Тогда впервые земля красотою украсилась, словно отроковица юная, вступившая в возраст невесты, вся в золоте и сверкающая переливающимся жемчугом. Сияла она, словно благоуханная роза. Словно разнообразие красок отовсюду смеялось белозрачное, и багровейшее, а там — червленое. Одно казалось алее розы, другое сияло чудесной белизной. Были лилии снегу подобны, виднелись ирисы. Гиацинт взошел, был прекрасен нарцисс и все первые дары весны. Поднимались колосья, отягченные зернами пшеницы. Колыхало стеблями просо темнолистое. Прекрасно было все, омытое росой и залитое благостными лучами и землю наполняющее разлитым повсюду благоуханием. Расстилалась трава, мягкая и зеленеющая и тельцов кормящая; коней и волов питали росистые луга.

Такую многоцветную красоту земля на себе носила, в такую одежду яркоцветную и добротканную была она облечена. Повсюду в рощах произрастали деревья с пышной листвой и цветами, с ветвями, отягощенными плодами. Были и яблони густолистые со светлоплодными ветвями, маслины, источающие масло, и сладкие смоквы, тополя толстоствольные, ели, дубы и березы. Пробегал ветер по листве тополей и нежный шепот будил в листьях. Росли там и черешня прекрасная, и финик медовый, виноград, рождающий грозди: сила лоз растила на них грозди, истекающие соком. Все плоды были совершенством и все совершеннейшим было, ничего не осталось неодаренным и несовершенным. Тогда померк и свет дня третьего.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Засиял лик четвертого дня, и снова делам начало, и повелено созидателем — небу быть звездами увенчану. Тогда звездное небо засияло красотой, словно одежда, жемчугом расшитая, и златотканая риза и словно ткань, украшенная сияющими камнями. Тогда впервые засияло око дневное, великий исполин Солнце, живопитательное светило, неисчерпаемый источник света, вместилище огня бездровного. Тогда впервые начал светить в ночи лунный белосветный и светоносный круг, быстро бегущий по небу, и пресветлый, разноликий, и совершенный по форме. Тогда впервые увидело небо звезды, огромные и круглые, соперничающие друг с другом и украшающие его, словно цветы долину.

ИМЕНА ЗВЕЗД ВЕЛИКИХ

Кронос был темен, видом подобен олову, сверкал Зевс, как серебро, Арей же виделся пламенным. Сияло Солнце, подобно чистому золоту. Светился оловянным блеском диск Афродиты, словно темная медь Гермес сиял, ярко, как кристалл, сияла Луна. Таким разноцветным виделось одеяние небесное. Кронос синевой напоминал гиацинт, подобно лилии белел Зевс, Арей же был словно огонь, как алая роза сияло Солнце, как белоцветный ирис сияла Денница. Словно огонек красный Гермес блестел. Нарциссом с прекрасными лепестками казалась Луна. Такая разноцветная пестрота украшала небо, таковой была лика небесного многообразная, и радостная, и доброзрачная красота. И саду новонасажденному уподобилось небо, в нем же садовник — Бог, словно сады и рощи, и цветы различные были светлые звезды. Тогда впервые Солнце засияло и засветило, явилась же красота небесная и красота дня, послужив повелению создателя, и склонился к концу день четвертый. Таковое свершено было со звездами и создано было Солнце — звезда, днем сияющая, лунное же око освещало ночь.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Живое же ничто не обитало на шири земной, — ни в воде плавающее, ни по суше ходящее, ни по воздуху летающее. Но, исполненный всех совершенств, Бог наделил водную стихию способностью давать жизнь и силой рождать, повелел из нее выйти живым существам, как из чрева, носящего вновь зачатого младенца и ожидающего рождения отрока, и словно семя пало божественное повеление, и струи водоточные стали плодоносящими, И поэтому обрели способность к полету легкокрылые птицы, на летание быстрые и легко возносящиеся к небосводу, купаясь в легких воздушных струях. Одни — сильнокрылые, с могучими лапами и острыми когтями, которые они вонзали словно стрелы, с клювами острее, чем ножи, им же мясо служило пищею, и стаями слетались терзать плоть и птицами повелевающий орел, и ястребы-сыроядцы, и все, поедающие мясо, которым не потребен огонь. Есть еще и птицы певчие, кормящиеся травами, с маленькими крылышками и щуплые; по-своему поют дрозды, соловьи, жаворонки, синицы, скворцы и всякие пернатые, летающие по травам полевым и там без труда обретающие пищу. Тогда и звери страшные явились на земле: львы густогривые, медведи, пардусы, тигры, козлы большегубые, быстроногие зайцы, и псы острозубые, мощногрудый слон, и всякие птицы, всякие пресмыкающиеся, которые в воде живут и которые в море, и в горах. Такими животными воду морскую наполнив и сушу, а также и нерукотканную одежду — воздух, спряденный искусством божественных перстов, словно город крепкобашенный и обширный распростер Бог птицам хищным и злаками питающимся, и окончил течение дня пятого.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Шестой же день снова засиял, подобно розе, и сад дивных деревьев насадил Бог, ни мотыгами землю вскопав, ни лопатами не вспахав красоту прекрасной земли, ни дланями сеятеля засеяв, но одним только словом. И дерево всякое произрастало там доброплодно, благовонное, с красивой кроной и ветвями, источающее сладкий запах. И кто может представить себе красоту Эдема? Там стволы деревьев плодовых, там множество деревьев, благоуханных и вечно цветущих, там спеют вкуснейшие плоды, там, красуясь, растут, достигая небес, высокие деревья: платаны водолюбивые и островерхие ели, превысокие тополя, и кипарисы, и березы. Сливается вместе листва деревьев, сплетаются ветви и тянутся друг к другу стволы. И кажется, что листья деревьев по собственной воле обнимают друг друга, нежно сплетаясь. Солнце воссияло и, сады озаряя, осторожно и бережно сметало на землю листья, чтобы реже была густота тени от крон. Сияла красота роз, и

светилась белизна лилий. Не кололись еще лишенные шипов эти розы и так алели и белели они, словно это звезды испускали лучи с земли. Где лицо земное зеленело травой, где темнело орошенными росой цветами и многоразличными красотами. И нежно веяли повсюду зефиры, подобные легкому дыханию, и наполняли воздух запахами цветов. <...>

II

ЗДЕСЬ ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК ЗАПАДНЫЕ ЭЛЛИНЫ И ВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ ВЕЛИ НЕКОГДА МЕЖДУ СОБОЮ ВЕЛИКУЮ ВОЙНУ

Когда Давид еще повелевал иноплеменниками, произошла война с троянцами из-за Елены, жены Менелаевой. Я же, моля о снисхождении мудрых, хочу поведать о той войне, следуя описаниям древних авторов, и думаю рассказать о ней не так, как рассказывал Гомер. Ибо Гомер, изящный в слоге и премудрый, различными цветами красноречия украшает рассказ, а между тем многое изменяет и искажает. Но теперь обо всем этом поведаем.

У царского сына Приама, владеющего Троей, была супруга Гекаба, дочь Киссеева, родившая ему много детей. Когда носила она в чреве и уже приближался срок родов, устрашили ее зловещие сны ночные: привиделась ей головня, охваченная пламенем, извергнутая из чрева ее, от которой сгорел в огне весь город. Услышал об этом Приам, и поведал волхвам, и узнал, что благом будет ему и городу, если новорожденный будет отдан зверям или ввержен будет на смерть в огонь горящий. Вскоре после того родился на свет Александр, младенец веселый, милый и красивый с виду. Следовало бы Приаму не раздумывать, тотчас же погубить рожденного отрока. Но одолел голос природы, и пощадил он младенца, надеясь перехитрить решение судьбы, отдал его некиим на воспитание в село, которое самим Парисом было названо Парие. Был брошен младенец без присмотра, и нашел его некий пастух, и смилостивился, и взял к себе, и пожалел ребенка, и воспитал его как своего сына, и назвал его Парисом.

Когда вступил он в пору юношескую, сделал Приам его своим сотрапезником, думая, что избежал грозящей от него беды. Но запутаны нити судьбы, и предвещанному однажды не суждено измениться. Ибо Александр нечаянно убил одного из своих родственников, и так как этим совершил преступление, то покинул Трою и отправился в Спарту к Менелаю. Тот радушно принял его как

друга, окружил его почестями, и угощал, и полюбил от всего сердца. Вот твоя прихоть, мучитель всех Эрос, вот твоя забава и семена вражды, ибо ты разжег великую печь войны! Уехал Менелай, и остался Парис один, и увидел в палатах Менелаеву жену. Была та прекрасна, с красивыми ресницами, дивна лицом и телом, большеокая, белая, как снег, и исполнена всяческих прелестей. Увидел ее Александр и пришел в восторг от красоты ее. И что долго говорить и расписывать — похитил ее, на то согласную, и бежал с ней, и, не имея другой возможности к бегству, вошел на корабль морской, направился в Финикию, отклонившись от пути, ведущего в Трою, ибо ждал погони от оскорбленных им. Оказавшись во власти бурных и грозных ветров, с трудом пристал к устью Нила, к месту, впоследствии названному Кановик, где был построен храм героя Геракла, оказывавшего щедрую помощь людям. К этому храму и явились в горести своей его товарищи по бегству и плаванию, излив на него много укоров и поношений, обличая содеянное им зло, поругание и бесчестие, нанесенное тому, кто принял его как гостя, — ибо похитил он жену его и богатство. Услышал же об этом наместник тамошний, узнал и Протей, царь египетский, и был приведен к нему Парис с женой, со всем имуществом и со спутниками. И спросил тот, кто жена его и чьей была и где добыл ее, прежде чем достиг их земли; Александр же сочинил в ответ лживую историю. Но Протей узнал все о Елене и ответил Александру, сказав так: «Если бы раньше не поклялся я и не установил, что ни единый чужеземец, изнуренный бурным морем и приставший к этим берегам, не будет убит, то принял бы ты от меня великие и страшные муки, ибо неблагодарностью ответил на благодеяние, переступил закон и братскую любовь. Ныне же тебе женщины этой и имущества не отдам, что бы ты ни измышлял, сохраню их для эллина, тобой обманутого, ты же с ней разлучен будешь и покинешь Египет». И Протей с угрозами изгнал Париса. Он же вернулся на родину с пустыми руками, только кончиком пальца дотронувшись до желанного, и возжег пламя, достигшее самого неба, ибо после того, как он покинул Спарту, похитив Елену, вот что случилось.

Возвратился Менелай из похода и, узнав о происшедшем, в отчаянии разорвал на себе одежды, так же и Тиндарей, отец Елены. И в кругу сошедшихся к нему знатнейших из эллинов, стоявших с расцарапанными в знак скорби лицами и почерневших от горя, вспомнил Менелай о клятве страшной, провозглашенной всеми эллинами: если приведется быть похищенной Елене, то все пожертвуют собою в борьбе за нее. И настойчиво молил Менелай и просил, уговаривая эллинов пойти войной на троянцев. И собрались многие с островов, и с прибрежных земель, и из отстоящих от моря стран, из Афин и из земли той, и из всех стран: из Фессалии, из Ахайи, и из всей Эллады. Были же им союзниками Родос, Итака, Скирос и Саламин, и с ними великий Крит; коринфяне о том узнали, и аригвяне пришли на помощь, собралось много тысяч кораблей.

Были там Менесфей из Афин, Нестор с Пилоса, с Итаки Одиссей, с Самалина Эант, с Крита же был Идоменей, а Тлеполем с Родоса. Все они происходили из благородных родов, отличались мужеством, благородством, храбростью, доблестью, были исполнены достоинств, а яростью подобны львам, воины, готовые на кровопролитие. Фтиянин же Ахиллес выделялся среди всех людей, непобедим в бою, могучий и крепкорукий. И, собрав огромное войско, поставили они царя над ним, и полководца, и военачальника, мужа храброго и без порока, могучего героя, сияющего благородством и силою мышц. Оставив отечество свое, покинув друзей и сородичей, движимые гневом, собираются они на войну. И, посоветовавшись, решили, что хорошо бы захватить и покорить подвластные Трое земли, ибо тогда и эллины обретут добычу, и троянцы лишатся поддержки. И был послан Ахиллес и другие храбрейшие, и напали они на острова, и захватили земли на суше, и наголову разбили своих противников. Дошли до эллинов вести о Елене, что царь Протей отнял ее у Париса, и она находится у него в городе Мемфисе. Но жаждали они со всех сторон напасть на Трою, зная, что в ней много золотых сокровищ и изобилен город богатством. Хотели также отомстить оскорбившим их, ибо считали признаком трусости, покорности и слабости уйти, не воздав должным образом за поношение.

Когда же троянцы увидели такое войско и множество собравшихся воинов, то созвали отовсюду своих союзников: карийцев, ликийцев, мизийцев, и меонов, и фригийцев, и сплотили все азиатские племена и народы, жившие вдали от моря и на побережье, и выставили против эллинов бесчисленное войско. И день за днем проходил в боях. В городе же в том, в Трое, из жителей было более пятидесяти тысяч мужей-воинов. И сначала яростно вступали они в битву и, храбросердые, в бою полки разбивали, но когда поняли, как жаждет боя Ахиллес, и как искусен он в битве, и как горяч, и увидели храбрость и мужественную дерзость его, засели в стенах крепости и не решались биться с эллинами, пока все переворачивающая и все разрушающая, источник всех зол — я говорю о зависти — не угасила доблесть Ахиллесову и не придала троянцам дерзости, когда он ослабел. А причиной скорби его и гнева явилось убийство Паламеда, безвинно погибшего. Как все случилось и кто совершил это, расскажу.

Нисиотянин Одиссей питал к Паламеду лютую ненависть и таил злобу в сердце, ибо Паламед был славнейшим из эллинов и все, словно богу, ему внимали и питали к нему сердечную любовь. Ибо он предвидел чумы огненосные стрелы и сообщил всем эллинским воеводам и всем, кто погибал от этого бедствия, он помог эллинам остаться невредимыми, советуя и словом успокаивая или же примером уча их полезному. Поэтому Одиссей и пылал завистью, видя, как сильно любим всеми Паламед, а на него, Одиссея, смотрели, как на одного из многих. Потому-то возводил он наветы, и злые козни плел, и распускал слухи, полные клеветы. И пока был тут крепкорукий Ахиллес, бесплодными оставались происки сына Лаертина, и все, что городил он против

Паламеда и что сшивал, не прочнее оказывалось паутины, но когда Ахиллеса послали вместе с другими храбрецами на битву с союзниками троянцев, взял тот с собою Паламеда (ибо всегда желал быть вместе с ним), тогда и обрел коварный тот муж <Одиссей> свободу и прежде всего воспользовался царским простодушием, явившись к нему с показной любовью: «Хочет, о царь, власти эллинской крепкорукий Ахиллес: раззадоривает на то его юность. И Паламеда, о чем горько говорить, совратил и сделал своим союзником и поспешником. Вскоре вернутся они, окончив поход, и тебе быков пригонят и стада овец, а у себя скроют богатые сокровища, которыми подкупят влиятельнейших из эллинов и против тебя их поднимут, чтобы лишить тебя власти». Услышал все это царь и поверил, и дал себя убедить, и последовал советам создателя этой лжи. И тут призван был Паламед, и, оставшись один, попал он в сети вражеские. И оклеветан был, будто бы он троянцам хочет предать эллинов, и был забит насмерть камнями — о горе, что зависть творит! — и ничего не успел сказать, кроме таких слов: «О, бедная истина, к тебе взываю с плачем: ты раньше меня погибла и умерла!»

И вот явился Фетид, овеянный славой победы, и узнал о случившемся, пожалел Паламеда, и горько оплакал его, скорбя, а эллинам заповедал, чтобы не выходили они биться и помогать. И с той поры преисполнились дерзостью Гектор и его союзники, и сходились они в жарких схватках с эллинами, и много было тогда убито и пало в бою, и кровопролитие было, и гибель мужей, и вопли, и озера крови. И падали как колосья эллины, и ослабели духом, и под градом напастей раскаивались в своих прегрешениях. И лучшие из высокоумных с мольбой обратились к Фетиду, чтобы простил он их, но не внимал им Ахиллес, не склонялся <к мольбам> до тех пор, пока не пал Патрокл, которого он очень любил, от руки могучего и доблестного Гектора, и это побудило Ахиллеса выйти на бой с троянцами. Вышел Ахиллес на битву, словно огнем распален; и громит полки, и избивает лучших из воинов и с ними Гектора, бывшего опорой троянцев, мужа могучего и храброго, выросшего в доспехах, носящего на груди шрамы бесчисленные с тех еще времен, когда до нашествия эллинов боролся он с дикими быками.

Когда же был убит Гектор, дерзкий сердцем, Приам обратился за помощью к амазонкам, и снова разгорелись ожесточенные бои, и многие погибли. Всеми оставлен был несчастный старец, и к Давиду, царю иудейскому, посылает, прося у него помощи. Но Давид не дал ему, либо потому что воевал с иноплеменниками, либо сторонясь эллинов и варваров, ибо они не знали Бога, а поклонялись идолам, и опасаясь, как бы не впали в тот же грех евреи, если будут посланы на помощь к <осажденным> троянцам, имеющим естественную склонность к пороку. Тавтания же, индийского царя, Приам умолил, и Мемнон явился с бесчисленным войском. Воины-индиане все были темнолики, так что эллины, увидев их необычный вид, испугались облика их и

оружия, и испугались зверей, которых кормят индийцы, и задумали бежать под покровом ночи и снять осаду Трои. Но, однако, выступили против темноликих, и индийскою кровью обагрились поля, и струи Скамандра побагровели от крови.

Вскоре после этого настало время, когда эллины, а также варвары торжественно приносили жертвы, и все отдыхали от ратного труда. И воины эллинские, и бесчисленное множество троянцев сошлись все вместе, не смея ничего злоумышлять. Был храм подле стен крепкобашенной Трои, где Ахиллес, не раз туда приходя, увидел Поликсену. Собрался он тайне с ней сговориться, а все хитростью подстроили Деифоб и Парис. Когда вошли они все в храм Аполлона Алсеанина, чтобы клятвами подтвердить все задуманное о Поликсене, Деифоб стал клясться в любви к Пелееву сыну, называя его милым женихом своей сестры, а Александр <Парис>, став рядом, пронзил его и, отскочив, выбежал вместе с Деифобом. Ахиллес же остался при последнем издыхании. Почувствовал недоброе Одиссей, приехавший с Ахиллесом, и с ним бывший благородный Аякс Теламонид. Вместе вбежали они в храм и увидели, что герой лежит, залитый кровью, угасает и едва может дышать и шевелить языком, и очи его вот-вот уже покроет тьма. Когда увидели это, то зарыдали, и упал ему на грудь Аякс Великий и с плачем обратился к Пелеиду: «О, завершитель сражений и исполин крепкорукий, кто смог одолеть тебя, яростью равного льву!» Тот же, едва прошептав, сказал: «Убили меня обманом Деифоб и Парис». И только это успел сказать герой, и умер. Аякс же, в горе положив на плечо тело Ахиллеса, с плачем принес его к войску.

Тогда послали за Пирром, <сыном> Ахиллесовым, новым Птолемеем, рожденным от Деидамии. И снова начались убийства и гибель, снова истребления мужей, и снова кровь орошала землю и троянские поля, и снова обагрялись струи Скамандра, пока волхвы не изрекли, пророчествуя, что невозможно взять Трою в битве ни руками, ни оружием, но только одной хитростью. И тогда изготовили коня деревянного и поместили, затворив в нем, воинов, а сами сделали вид, будто вернулись в отечество свое. Коня же оставили возле стана, а сами будто бы отплыли к острову Тенедон. Троянцы увидели все это и опустевший стан. Видя там только одного коня, недоумевали они и дивились. И первоначально полагали, что все это обман, и собрались уничтожить коня, и предать его огню, или сбросить со стены, или погрузить в глубину моря. Однако же — так как настало уже время взятия Трои — порешили ввезти коня в город на память как трофей от врагов. И те, кто ввезли его, стали пировать и играть, а потом уснули глубоким сном. Мужи же, спрятавшиеся и того ожидавшие, тихо вышли и разожгли большое пламя, увидев которое отплывшие в море эллины тотчас же подошли к Трое, и, когда прежде проникшие <в город> отворили им ворота, влились в Трою, как вода во время половодья.

Когда таким образом была взята крепкобашенная Троя, женщин выволакивали из домов, недавно возведенных, земля пропиталась кровью убитых, младенцев грудных разбивали о стены. И, иначе говоря, тотчас же раздались повсюду рыдания, и страшные беды и горе наполнили город. С рук капала кровь, обагрились мечи, земля была <кровью> орошена, и потоптаны были тела младенцев. И когда пресытились эллины грабежом и убийством, предали огню и сожгли дотла все, что было в городе прекрасного и дорогого, как это обычно на войне.

Судьба, отвернувшаяся раз от Менелая, подвергла несчастного другим новым испытаниям. И снова — долгое плавание, снова борьба с морской стихией, и снова встретились со старыми бедами новые, и направляются Геллеспонтом в Египетское море. Отплывает он к Египту, и пересекает жестокое море, и, терзаем бурями и волнами и ветрами сильными и страшными, едва достигает берегов. Явился же к Протею-царю и нашел супругу свою там, в Мемисе, и, приняв угощение и почести, берет Елену и не без трудностей достигает отечества, когда шел уже восьмой год после пленения Трои и после плавания к Протею. И узнает он, что родич его погиб страшной смертью по наущению злой жены, ехидны коварной, и что сын брата его, Орест, убил осквернителя отчего рода и родственных уз и с ним бесстыдную мать, нареченную супругой <отцу его>. <…>

III

ЦАРСТВО ФЕОДОСИЯ МАЛОГО

Когда Аркадий вернул земле прах тела своего, в восточных провинциях сел на престол Феодосии, рожденный царем Аркадием от Евдокии. Феодосии дочь свою отправил к Валентиниану на бракосочетание. Но сластолюбие этого юноши и неудержимое пристрастие к плотскому и жизни его лишили, и царства, и обрекли на поругание как прелюбодея. Как же это случилось, будет сейчас рассказано.

Был в Риме некий вельможа Максим — один из знатнейших патрициев. Была у него жена, прекрасная лицом и украшенная многими добродетелями, саду подобная достоинствами своими, и всего более украшало ту женщину целомудрие. Увидев ее, пришел царь в восхищение от красоты ее и на всякую хитрость решил пойти, лишь бы добиться желаемого. Как-то, <играя в кости> с мужем этой женщины и выиграв, он попросил у не имевшего с собой золота Максима его

перстень золотой <в залог проигрыша>. Посылает же тот перстень к жене Максима, в знак того, что должна она явиться к царице. Поверила этому женщина, узнав перстень, и пришла в царские палаты. Что же далее: опозорил ее царь, насильно овладев ею. Узнав об этом, Максим был ранен в самое сердце, возненавидел царя и, плетя против него нити заговора, в конце концов убил его, когда остался тот без стражей и верных воинов, и осквернил жену царя Евдокию. Царица же, оплакивая свой позор, посылает к Гейзериху, вандальскому королю, призывая его прийти на Рим. Пришел Гейзерих, захватил Рим, покорил его и пленил саму царицу и дочь ее.

С той поры недолго еще просуществовало Римское царство, а затем вышло оно из-под власти царской и стало повиноваться варварским королям и вождям, грубой рукою их принуждаемо к покорности. Стал царем Максим, который тогда враждовал <с Валентинианом>, за ним Авит, потом Олибрий Великий, а после Олибрия держал власть Майориан, а потом Глицерий, и потом еще Непот, затем Орест, и после Ореста сын его Ромул, последний, кто причастился власти. И город Рим, величайший из городов, имевший Ромула первым законным царем, снова с Ромулом же окончил свое существование, с тех пор уже не имев царского правления, подчинился варварам, и покорен был ими, и, оружием их терзаем, видел у себя королей их, наместников и сатрапов. И лишился на горе свое консулов и сенаторов, и правителей и советников, и даже патрициев, возложив на плечи ярмо варварское. И тот, кто в прошлом был подобен быку свободному, не знающему ярма, ныне стал покорен сильному пахарю и обречен страдать на пашне.

И все это случилось со старым Римом, наш же новый Царьград цветет и растет, крепнет и молодеет, и да будет он вечно расти, о царь, всеми царствуя и такого получив светлого и светом сияющего царя, великого владыку и славного победоносца из рода Иоаннова, достойного царя болгарского, Асеня, — говорю я об Александре, кротком и милосердном, и мнихолюбивом, и нищих кормителе, великом царе болгарском, в его же царство утратят счет бесчисленным восходам солнца!

Но пусть снова слово вернется на стезю свою, и да будет окончено наше повествование.

Когда Феодосии Новый был еще молод, опекая его юношеский возраст, Аркадий посадил на царском престоле и хранителями царства его сделал тех, кто были знатнейшими и мудрейшими в синклите, и с ними князя персидского Йездегерда, который, узнав о заговоре против Феодосия, сплетенном некими мужами, жаждущими злодеяний, со

многими сильными вооруженными воинами не дал им даже приблизиться к Византии. И выступавшие против царя затрепетали в страхе перед варваром, отреклись от злоумышления своего и злонравия, и от замыслов отступили злых и намерений. Вот если бы добродетель всегда была бы среди иноверцев и нерушимую дружбу и взаимную любовь неколебимо хранили бы мужи иноязычные: ведь добро от природы всем присуще.

Была у того Феодосия сестра, непорочна и чиста в жизни своей, по имени Пульхерия, сияющая телесной красотой и светящаяся дарами внутренней красоты, решившаяся свое девичество и сокровище чистоты сохранить нетронутыми, всячески избегала она бесед с мужчинами, радуясь целомудренной и тихой жизни и ревностно посвящая себя всяким благим делам. Не только свою так украшала жизнь, но и брата своего всякими способами побуждала к всякой добродетели и добронравию, она же и привела к нему на сочетание брака всякими добродетелями светящуюся Евдокию, отличавшуюся необыкновенной красотой лица. Происходила она из великих Афин и пришла в византийский город с жалобой на своих родных братьев, которые не оставили ей ничего из отцовского наследства, но много более ценное здесь обрела. А как это случилось, расскажу вкратце.

Жил в Афинах некий муж по имени Леонтий, в совершенстве постигший философию и словесную, и естественную, и звездочетную науку. Родилось у него от одной жены трое детей: двое мужского пола, а третья дочь, дочь светлоликая и веселая, Афиной назвал отец свою отроковицу. Когда же собрался уйти из жизни зачавший их, то составил свое посмертное завещание: отрокам даровал имущество свое — все одежды, и все золото, и весь скот, и все сосуды, и всех рабов — был он богат и немалым владел имуществом. Дочери же завещал, любя ее, только сто золотых монет и предрек ей счастливую судьбу, <ибо есть у нее> все превосходящая женская прелесть. И, сказав так, испил он смертную чашу; братья же, оказавшись злодеями, забрали себе все отцовское богатство, всей доли лишили девушку. Пожалев о случившемся и огорчившись в душе, обратилась Афина-отроковица к сестре матери своей, рассказала ей о себе и своей беде, тяжелыми вздохами выражая свое горе. Утешила тетка плачущую девушку и, болея всем сердцем о дочери сестры своей, отправилась с нею в первый из городов и царствующий град. Обратилась она к Пульхерии, украшенной благодеяниями, испрашивая разрешения прийти к ней и прося помочь девушке, своими <родичами> несправедливо обобранной. Поразилась царица красоте девушки, удивилась светлости ее лица, восхитилась благоразумием и умом ее и спросила, не нарушил ли кто ее девственности. Узнав же, что неискушена в любви отроковица и неоскверненным сохранила благой дар чистоты, омывает ее в бане честной — то есть крестит ее и имя ей изменяет — называет прекрасную девицу Евдокией, приближает ее к царю и сочетает их браком; особенно же содействовал тому Павлин, один из ближайших

друзей царя. От нее же родилась у Феодосия Евдоксия, которую он послал на бракосочетание с Валентинианом, державшим скипетр Рима старого.

Но нет ничего хорошего в жизни, что бы не было подвержено невзгодам и злому року, как нет ни одного полезного овоща, рядом с которым не произрастал бы сорняк, ибо даже роза благоухающая усыпана бывает шипами, солнечное же око закрывают облака, и злоба поднимается против добродетельных, и всякое честное доброчестие и все лучшее в жизни смешано бывает со злом.

Но вот к чему приведены слова эти: царица плавала в море житейском, ясными и тихими ветрами носима, в тишине плывя по волнам счастливой жизни, словно корабль, груженный товарами, с попутным ветром плывет. Но внезапно дохнуло, как бурный ветер, зло, и от ветра помутилось море, и началась буря, туча мутная все затмила и ниспослала бурю, и сотрясла ладью, точно листок, и наговоры возбудила злые и смуты тяжкие, и ладью потопила, а на плывшую раскрыла пасть злой бездны, гибельной для плавающих. С той поры горе обрушилось на царицу, и вступила она в борьбу с тяжкобедными испытаниями. Что же за напасть приключилась с ней, слово <дальнейшее> скажет.

Так жили они с царем Феодосией, но вот кто-то принес яблоко, очень крупное и красивое. Поразился царь чудесному виду плода, и красоте его, и величине и как новый подарок послал царице, что явилось началом великих бед, вред от яблока того оказался большим, чем зависть, с которой принес некто яблоко на зло, чтобы омрачить брачный союз Фетиды и Пелея. Что же случилось из-за яблока этого? Удивилась царица виду плода, невиданной в природе красоте яблока и, приязнь питая к светлому Павлину, который споспешествовал ее восхождению на высоту царского престола, яблоком тем, горе творящим, мужа того почтила. Он же этот дар царю поднес, не зная, как видно, откуда оно принесено было. Не привелось тогда ему, несчастному, быть подле царя, когда Феодосии получил это яблоко, адское, горькое — как бы мы сказали — смертоносный плод с древа, посаженного смертью и садовником адом. Увидев же яблоко, узнал его державный и спрятал его у себя и, утаив это, спросил жену свою: «Где яблоко?» Когда же она ответила, что съела его, то заставил ее в том поклясться. Она же, как бывает на беду, не остереглась и поклялась, что съела его. Что же далее? Закралось в душу царя недоброе подозрение, тотчас же показал ей спрятанное и обличил во лжи, рассердился на нее и разгневался и неприязнь и ненависть стал питать к царице. От того поднялись волны страстей и бедами исполнилось море, и бурей злой. От того нестерпимые горести увидело солнце, ибо Павлин из-за этого смерть принял и меч кровопийца насытился

убийством. Царица же, увидев ненависть царя, вскоре отправилась в город Иерусалим и, проведя там остаток дней своих, отдала долг естества бренного.

Тот Феодосии во всем другом был благоразумен, весел, щедр на дары, никогда не расставался с книгами, но было угодно судьбе, чтобы наряду с достоинствами этими имел он и некий злой плевел, такой житейский обычай. Если кто-либо приносил ему хартию, то подписывал ее пурпуром, не прочитав и не вникнув в ее содержание. Вот так ничто не совершенно в человеческой природе, все подвластно греховному заблуждению. Добродетелями украшенная и божественная Пульхерия усердно пыталась избавить царя от его дурной привычки; постоянно обращалась к нему с многими советами и стыдила его словами благочестивыми, но так как ничто не шло на пользу, то придумала нечто такое, чтобы поймать брата на хитрой выдумке. Написала она грамоту, будто бы от имени царя, в которой он дарил ей жену свою как рабыню, и дала грамоту брату своему, и попросила царя, чтобы он заверил ее подписью царской. Он же склонился к ее просьбе, благо и стило было в руке его, пурпурной подписью хартию ту заверил. Она же приняла как ценный дар подписанную им грамоту и как рабыню, купленную за деньги, приобрела царицу. Когда же возмутился царь, то принесла царскую грамоту, и тогда увидел царь ее правоту. Понял он все, и устыдился, и навсегда отвык от такого безрассудства. И все это разрешилось благополучно, как бывает у доброумных людей, с благоговением стремящихся праведно жить, а не нарушать узы дружбы.

Когда еще держал скипетр этот царь, проснулись, восстав от сна многолетнего, стойкие мученики юноши. Спасаясь от неистовства злочестивого Декия, вошли они все вместе в пещеру, природой высеченную в окрестностях города Эфеса, и заснули глубоким и долгим сном. Проснулись же в то время и правоверным явились, почести приняли у них и от царя и снова уснули настоящим и последним сном.

Когда земля потряслась до самых глубин, и содрогнулись души человеческие, и заколебался дух, и благочестивые во множестве Бога молили, внезапно отрок был вознесен ввысь до самого неба и там песнь тресвятую услышал от ангелов. Снова возвращен был — о сила предивная! — и среди людей возгласил, как следует песнь петь. Прежде же того во многом ошибались.

Феодосии этот был Хрисафием подстрекаем и разгневался на Пульхерию и много раз многими терниями уязвлял ее, украшенную всякими добродетелями. Скопец же Хрисафий был нечестив, жесток, коварен, убийца и мерзок душой; о его злодеяниях позднее узнал

самодержец, схватил проклятого и, всего лишив и осудив, отправил в изгнание. И долг всех отдал Феодосии, и тело бренное в землю положил, к Пульхерии же благая власть перешла. <...>

IV

ЦАРСТВО РОМАНА ЛАКАПИНА

Все царь делал для Романа, чтобы завоевать, насколько возможно, его любовь. Хитроумный же Роман козни многие плел и, подчинив себе всю державу, царю и владыке отдал в жены дочь свою и с высоты власти безжалостно сверг отчую и дедовскую багрянородную отрасль — зятя своего — и оставил ему только одно имя царское, горемыке, на горе себе его носящему, сам же принял скипетры власти и называем всеми народами царем Романом, а Константин — никак, ибо Роман честь его отнял и скрыл, словно звезду облако. И досыта напитался таковой пищей, но и этим не ограничил ненасытности своих вожделений, но весь чужой хлеб отняв, насытился сам, а владельца хлеба оставил голодным, ибо детей своих и <внука> (от сына своего старшего — Христофора) провозгласил самодержцами и самовластными царями. И что все печальнее и всего горше, что проникает до костей самых и до сердца, — все первостепенное провозглашал от имени Константина в речах, в писаниях и с престола.

Был <Роман> как многоглавый змей на царстве, и нива царская возрастала вопреки ему, как говорит миф о мужах, выросших из земли из зубов драконовых, а посередине был бедами снедаемый багряничный колос, словно розовый куст, заглушаемый тернием островерхим.

Но когда Роман все воздвиг, словно сложил основу стены Семирамидовой или построил башню Халанскую, исполинами созданную, тогда ниспровергнут был, и лик свой разбил, и, власти лишившись, пострадал жестоко. Ибо багрянородный царь Константин, вступив в юношеский возраст и возмужав, когда свет мудрости озаряет человека, взял себе в советники мужей добронравных, змеиные и ехиднины головы отрубил и добился, что к нему перешли скипетры, и, темные прогнав тучи, засиял чистыми лучами самовластия.

Прежде всего Роман, уже бывший в преклонных летах и доживший до глубокой старости и много лет пребывавший у власти,

облагодетельствованными им же сыновьями своими свергнут был с престола, и постригли ему волосы, прежде венцом украшенные, как сказал бы кто — склонился первородный Кронос.

ЦАРСТВО КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО, СЫНА ЛЬВОВА

Также и детей Романовых злонравных приказал схватить багрянородный царь Константин, изгнал их, превратив немедля в островитян, то есть на остров сослал их. И тогда впервые увидел он, как подобное старухе царство предстало вдруг девушкой, одетой в золото и бисер, и в одеяниях новых, и прекрасной, и молодой, и смеющейся звонко, и болтающей с ним, и жаждущей, как невеста, чадородия.

Этот Константин Варду Фоку поставил военачальником, которого греки именуют доместик схол, а скопца Василия, одного из евнухов, рожденного Лакапину рабыней, поставил паракимуменом и хранителем царской постели. А так как в Варде угас бранный пыл и стремительность в бою и увял он в старости, то на Никифора Фоку военачалие переложил, как сказал бы кто — со льва на его львенка. И удостоился сына своего увидеть, рожденного ему Еленой, дочерью Романа, и назвал его Романом. Когда же тот возмужал, женил его и увидел сына своего чадо — Василия, великого в победах, и, только поносив на руках младенца того, готовясь отрешиться от бренных уз, грекам царем поставил Романа, сына своего.

ЦАРСТВО РОМАНА, СЫНА КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

Но этот всю власть и всю силу злым и недалеким евнухам передал, сам же заботился лишь об охотах и по бесовскому наущению любовался на собачьи бега. Когда Крит захватили злочестивые арабы и, превратив остров в укрепленный лагерь, стали совершать нападения на окрестные земли и захватывать там пленных, Никифор Фока — был он яростен в битве, и в нападении искусен, и крепок руками — назначен был полководцем, и поручено ему было ведение войны. И наполнил он море кораблями, лучшими в бою и плавании, и послал их на зверей водосушных, и в жестоком сражении победил врагов, и потопил разбойнические корабли арабские, захватил словно младенца предводителя разбоев их, дерзкого и сильнорукого. Возвратившись оттуда со светлыми победами, отмечает их многочестными и светлыми праздниками.

Тогда прекрасный град Антиохов, благородный, и благолепный, и словно невеста украшенный, измаильтяне смертоносным оружием покорили, посрамили, словно вечно бывшую рабыней или уличную блудницу. И снова прехрабрый Фока берется за оружие, снова поднимается на врагов, жаждуя крови иноплеменников. И победил иноплеменников, а соплеменникам помог, и снова прекрасную и благородную отроковицу возвращает матери чадолюбивой.

Когда Фока еще находился в походе, смерть похитила царя Романа, и оставил он власть жене своей Феофане и малолетним детям ее. Услышал об этом Фока, и оттуда вернулся, и вскоре оказался в великом городе, и снова провозглашен военачальником Востока и клятвами страшными клянется царице, что не будет злоумышлять против детей Романовых, и снова посылается он в Сирию. Но не дремала вражда, подобная лютому зверю медведю, пожирающему сердца земнородных. Ибо один из евнухов, которые пребывали во дворце царском и обладали всей силою власти, словно тернием злым был уязвлен против воеводы, не в силах видеть такие почести, воздаваемые Никифору Фоке, воюющему на границах, к Цимисхию, шлет быстрокрылое послание (Цимисхию же имя было с детства Иоанн), убеждая его оставить дело войны Фоке, а самому явиться в Византию, чтобы стать царем и властителем греков. Получил это послание Иоанн Цимисхий и прочитал написанное, но, будучи нравом злоненавистен и благороден, вручил его Фоке и все рассказал. И был убит этот евнух. Был же Цимисхий всем хорош, с красивыми глазами, с приятным лицом, пышноволосый, скромный, храбр сердцем, с умом, достойным мужа, непобедим в бою и мудрый советчик, человек великодушный, незлопамятный, целомудренный, храбрый, милосердный, прекрасно владел он копьем и из лука посылал без промаха стрелы, сердцем был открыт, не помнил зла, не давал ему свить гнезда в своем сердце, не уподоблялся разъяренному верблюду. Подобает же мне вкратце многое и важное поведать: был он словно одушевленный рай, хранящий блага садовые, ограда многих плодов прекрасных, напояемый из дланей Божьих, сад растящих, наполняемый духовными водами златострунными, в саду том воспевал хор добродетелей, которому вторил хор благодеяний.

Таков был Цимисхий в своем мужестве, и когда случалось ему воевать вместе с Фокой, то оказывал помощь необходимую бывшим под их началом воинам, а был он родич Фоке и от той же крови. И, развернув писание то и поняв смысл написанного в нем, все рассказал воеводе: «О горе, — сказал, — о, воевода войска греческого, доколе же кораблем царствования будут править скопцы с сердцем женщин, готовые на зло, всего злого искатели и всякого зла свершители, люди слабодушные и сосуды коварства, врата всему недостойному, сифоны, извергающие злодеяния». Услышал же об этом воевода, и охватило его пламя ярости, и словно в горах спавший лев открыл око и испустил рык, и ужас охватил долину, и поля, и горы. И провозгласил себя <Фока> царем, и

прибыл в Константинополь и без препон вступил в него, и все увидели его, и сам всех увидел и возликовал. Множество людей собралось: кто был при дворе и кто мог гордиться знатностью рода, и кто был в рабстве и кто принадлежал к свободным, впереди всех — царица со священнослужителями, с распростертыми объятиями встречают мужа, и по решению всеобщему провозглашается царем Никифор.

ЦАРСТВО НИКИФОРА ФОКИ

Был он воинствен, решителен на благие дела, крепкорук, в трудах несгибаем, в горестях тверд, как камень. И сблизился с Феофаной, бывшей прежде царицей, и к детям Романовым отнесся с отцовской любовью. Тогда Фока проявил мужество души своей и дерзость сердца и боевой пыл, ибо обладал он твердой душой и благородной, и постоянно выдержку проявлял, и издали узнавал коварного всадника. Но пока в руках иных была сила деяний, он таил в себе храбрость свою, подобно тому, как головня прячет в пепле искру огня. Когда же настало время и явилась нужда и все меняющее колесо злотекущей жизни возвело его на боевые колесницы, — вот тогда Фока словно молния вспыхнул и охватил все племена варварских народов; вот так огонь, как сказал бы кто, занявшись в лесной долине, гонимый ветром, все охватит, и все растущее пожрет, и холмы опалит. Затрепетали перед ним арабы, и склонилась Сирия, Киликия задрожала, и Финикия изъявила покорность, и снова покорилось грекам все греческое. Так неодолим был Фока врагами своими. Колесо судьбы добродетельное увенчало мужа, и все благое осияло его, и все благородное украшало его: крепость, мужество, ум, сдержанность, целомудрие. Но кто из земных людей без порока, хотя и вершин добродетели достигнет? Ибо добровенчанный Фока уж так сиял многими достоинствами телесными и душу являл, добродетелями светящуюся, словно невесту новоукрашенную и блистающую молодостью. Столь заботился он о душевной чистоте, что носил на теле своем рубище, грубое и колючее, как терновник, и такую одежду простую прикрывал багряницей, и трапезы избегал мясной. И во всем другом был он светочем светозарным, повсюду сияющим. Но при всем этом, как всякий, обладающий земной и тленной плотью, не лишен и он был некиих пороков, как на одежде чистой бывают пятна грязи. Как утверждают писавшие в прошлом о времени том, он не только духовную близость питал к царице, но дерзнул и плотски сойтись с нею. Это первый его порок, а второй вот каков был. Присуща ему была недостойная царя скупость, и щедрость была отделена от его души, как око от тела или от теребинта листа. Потому-то и все, что делал Фока, и добродетели его вызывали неприязнь и казались злообразными. Ибо если из тела исторгнута зеница, то весь труп темнеет и становится мрачным так же, как если у сланутка опадет молодая листва, то грустный стоит стебель и вянет корень.

Предложен же будет мне рассказ о неразумии его. Тогда в страшных бедствиях гибли люди и все стенали от голодных мук, так как за златницу продавали всего один кобел. Дошли вести о том до Фоки, опечалился он, услышав таковое, и решил помочь бедствию, царские велел открыть житницы и по два кобла велел продавать за златницу. Вот так скупо Фока порадел о той беде, а владел он амбарами, забитыми товарами и наполненными пшеницей, но не проявил присущей ему прежде щедрости, не возревновал он великому Василию Македонскому, который был поистине достоин царского сана, ибо, увидев страдания византийского народа и узнав, что голод — причина его бедствий, ополчился разумом на страдания губительные, против них вышел храбро с храбрыми и погубил зверя лютого удушением тяжким: по двенадцать коблов за златницу повелел продавать пшеницу торгующим.

И как об этом всякий смог бы догадаться, Фока стал терзаться некиими подозрениями, что с Цимисхием плотскую связь имеет царица и прелюбодействует с ним. Заподозрил он, что Цимисхий страстно возжелал царской власти, и всего положения его лишает и могущества, и повелевает ему проживать где захочет, но поодаль, но больше ничего не сделал тому мужу. Однако для царицы показалось слишком тяжким не видеть Цимисхия в царских покоях, и убеждает она Фоку вернуть этого мужа и возвратить ему прежнее положение. И возвращен тот, оскорбленный в душе, лелеющий в сердце коварные замыслы, но с виду был спокоен и весел, коварен в душе, со светлым лицом перед всеми являлся и таил в глубине души огонь, умыслы злокозненные вынашивая. Фока же не ведал о сетях, уготовленных на лов, которые вокруг него плелись, словно орел летал на крыльях высокопарящих и легко возносился к небосводу добродетели. Потому и был на устах его Давид медоточивый, и томил себя, лежа на земле на жестком одре, — постели же мягко постланной и багряницей покрытого ложа, близости плотской и того, что <связано> с близостью этой, и во сне не видел; как говорится — звездам уподобился своим сладкодушием. Удаляясь от всего, удалился, отбегая — отбежал, и пребывал в одиночестве, был как птица на здании и как ночной ворон, бодрствующий на башне. Все это нелюбо было царице, жаждавшей ласки и плотской близости. Привлекла она к себе Цимисхия, улучив к тому удобное время и привязав к себе своей любовью (да и он зло таил против царя!), ввела его тайно со многими вооруженными воинами, а привела ловца ко Львову логову, и предает врагам (о, горе!) супруга своего, как Самсона Далила-убийца и как Тиндарида мужа своего, храброго героя! Какая детенышей кормящая львица поступила бы так же, или какой тигропардос, или разъяренная медведица? Врываются Фоку выследившие псы, и находят его на убогой постели, на полу лежащего, и убивают его с застывшими на губах словами божественными. И кровь праведного потекла по земле, как в древности Авелева от братоубийственной руки Каиновой, и к Богу вознес он вопль отчаяния. <…>

V

ЦАРСТВО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА, БРАТА ВАСИЛИЕВА

Так как не щадит никого ад всепожирающий, схватили и Василия челюсти смертные, и власть его над греками смололи как пшеницу, но произошло это, когда он был уже глубоким стариком и в самых преклонных годах. Царская же власть и греческие скипетры к брату его Константину перешли. Но справедливо говорится в пословице: из одной и той же глины таз для мытья ног и священный сосуд. Жили братья каждый по-своему, и во многом они отличались друг от друга. Если Василий, забыв о сладостях мира, жизнь свою посвятил браням, всем предпочитая добрых конников, и вооруженных воинов, и латников со щитами, готовых к битве, то Константин, напротив, не терпел и вида поножь, железных доспехов и сапог, а звона оружия и во сне не хотел слышать, и звука труб, и боевых кличей, и воплей мужей, и возгласов злобных; вечно проводил он время в пирах и обильных трапезах, веселился с бесстыдными женщинами и танцовщицами, любящими песни, и свирели, и гусли, хотя был уже далеко не молод, сед и дряхл. Душу же имел трусливую и трепетную, по злым наветам многих присуждал к ослеплению, обвиняя их в том, что замышляют против него коварную измену. Имел он двух дочерей. И когда кто-то предсказал ему, что наследует престол один из синклитиков — Роман, по прозвищу Аргиропул, то принудил того развестись с прежней женой и обручиться с багрянородной Зоей. И, так завещав, ушел из жизни, недолго самодержавной властью насладившись.

ЦАРСТВО РОМАНА АРГИРОПУЛА

Взошел Роман на царский престол, муж мудрый, благочестивый, взыскующий мудрости божественной и имеющий пристрастие к книгам и к молитвам ночным; он же построил храм великолепнейший Богородице-деве, именуемый Перивлепт. Но царица, цветущая юностью и желаниями плотскими распаляемая, видя, что Роман живет обособленно и не вспоминает, что соединен браком с женой, и не приближается к ней, к тому же юной, коварными и жестокими помыслами распаляется. Был некий благообразный и красивый юноша по имени Михаил, родом был он из Пафлагонии. Тот Михаил прекрасноглазый жил в царском дворце, и царица чувственный взор на него устремила и, видя красоту и сияние <лица его> (был он юн с виду, с цветущим, веселым, свежим и румяным лицом, орошенным чувственной росой), соединилась с ним плотски, с радостью срывая цветы благодатные с лица Михаила. И как-то, когда царь Роман тело свое нежил и покоил в бане, мужи некие, радующиеся всему злому,

напали на него и убили, удавив его, словно змеи, обвившись вокруг шеи его. И неведомо, как и кем они посланы были, или же — как говорили — Зоя-царица того пожелала, но, не бывший тому свидетелем, не знаю, что об этом сказать.

ЦАРСТВО МИХАИЛА ПАФЛАГОНЦА

Когда Роман оставил земную жизнь, Михаил воцарился и принял в руки скипетр царский, а ведь прежде был никому не ведом, человек смиренный и незнатного рода. Был же Михаил не только внешностью хорош, но сиял и достоинствами, рожденными добродетелями, красотой душевной и светом ума. Понимал он, ибо был неглуп и способен взглянуть на себя со стороны, из каких низов взошел на царский престол, из какого ничтожества на какую высоту вознесся. Поэтому был он приветлив, негорделив, скромен, склонен к милосердию и щедр к страждущим, утешал убогих и одаривал нищих, а страдающих от злой бедности возвращал к жизни, и посещал, и согревал, и златоструйными водами утолял жаждущих. Никто, будучи принят царем, не уходил со слезами, никто из обратившихся к нему с просьбой не возвращался печальный. Но страдал царь от недуга лютого, подобно Саулу, страдавшему от бесовского наваждения, и жизнь его протекала в болезни и муках, то от <приступов> болезни терял он сознание и падал, то страдал, одолеваемый бесовским недугом. И не раз безгласный падал на землю, пена текла из уст его и слюна, синели губы и закатывались глаза, и издавал он страшные и дикие крики, словно овца. Если же не случалось рядом никого, кто бы мог помочь ему в страданиях, то бился своей головой о стену, словно она чужая. Но, придя в себя после такого приступа, еще ревностнее устремлялся он на добрые дела, надеясь заслужить ими исцеление, и жаждал стать иноком. Были у него единокровные, от того же семени, братья его, мужи дурного нрава, злые хищники, сластолюбивы, скотоподобны и неприятны с виду, все они были скотоводами и пастухами, ходили за плугом, разводили овец, живя в хлевах и питаясь дубовыми желудями. Из этих братьев царя во всем злом первенствовал тот, кто был из них старшим, был он в детстве оскоплен, пристрастие имел к злодеяниям, был коварен нравом, низок умом, был опекуном старцев и правил всем сверху донизу и во всем уподоблялся самодержцу. Он уговорил Михаила, чтобы царица Зоя усыновила сына сестры его. Свершилось так, а что после того? Царь Михаил племянника своего (то же имя носящего) объявляет усыновленным женою своею и кесарским венцом его украшает, свинье подобного умом. Сам же, измученный своею болезнью, облачился в одежды, которые лучше багряницы, — духовными чернилами ризы свои почернил и ушел в жизнь тихую из многострадальной жизни.

С той поры царица приняла всю полноту власти. <...>

VI

ЦАРСТВОВАНИЕ КОНСТАНТИНА МОНОМАХА

Но царица Зоя, желая греческую власть передать мужу самодержцу и мечтая родить, и растить детей, и детородной стать матерью чадам (от двух садовников, словно дерево, напоенное влагой, страдала, оставаясь без плода), поэтому и мужа некоего прекрасного собой, именем Константин, с Лесбоса доставляет на кораблях, быстрых как птицы, его же Мономахом называли по отчему роду. Осужден он был жить на том острове еще первым Михаилом царствовавшим, по словам одних, потому, что собирался захватить власть (разные ходили о нем слухи)>, а другие, слывшие правдивыми, утверждали, что был он в плотской связи с царицей Зоей. Присужден был к ссылке на Лесбос сей Константин и едва не был ослеплен, но повернулось внезапно назад колесо судьбы, и жребий ему иной выпал — царем стал и владыкой этот недавний подданный, самовластцем стал осужденный и самодержцем связанный, и с царицей Зоей вступает в брак. Так вот непостоянна жизнь на земле рожденных, так колесо судьбы то вверх, то вниз устремляет, вертит всеми смертными и все может смешать. Молва же говорит, что Мономах этот был не искусен в бою и во владении оружием, а во всем остальном человек достойный, щедрый, веселый, светлодушный, любящий красоту, добрый по характеру, море даролюбия и озеро жаждущим, из которого проистекает множество потоков светлоструйных, и черпают из них воду живопитательную: источниками повсюду разлившийся, явился он как золотоносный Пактол и как Нил среброструйный. Узнали люди руки его, щедрые на дары, узнали и храмы руки его, красоту ценящие. Нищие напоены и накормлены досыта, всякий храм одарен потоками золотыми. Так являлся он всем, как река полноводная, неистощимая в дарах своих <...> Ибо Ксеркс, гордый царь персидский, склонился под прекрасным тополем, за летнюю красоту неодушевленную сад почтил. Этого же <Константина> дарами щедрыми и постоянными напоены и камни, и сады, и острова, и пристани. Такую богатую и щедрую душу имел он. И если кто хочет убедиться в великодушии его, то засвидетельствует это прекрасный храм, им созданный, воздвигнутый им от основания и от самой земли в честь божественного мученика Георгия Победоносца. Но хотя был царь прекрасен, как кедр, листвой добродетелей красовался, как финиковая пальма, тяжело было больно его тело бренное, тяжко страдал он от болезни ног — были они тверды словно железные, точно заключены в несокрушимые оковы. И поэтому пребывал он все дни в мягкой постели, покоя свои больные ноги.

Из-за того поднялись на него одна за другой волны напастей, принесли беды ветры бурные. Услышан был всеми некий лютый Маниак, муж с руками исполина, быстрорукий, мужей убийца, бесстрашный и мужественный, исполненный бранного пыла. Тот собрал мужей ратных, шлемоносцев и копьеносцев, мужей, могучих телом, а ростом поднимающихся выше тополей прибрежных, словно туча, встал над головой царской, туча тяжелая, и мрачная, и мутная, чернее смолы, грозящая сильными дождями, но не водными ливнями, а потоками крови и кровопролитием. Захватил он крепости, завладел и городами. Двигался, дыша яростью, словно кентавр, уподобясь Капанею, величаясь и гордясь собой, как Антей. И кто бы мог надеяться, что избежит такой беды? Но тот, кого хранят божественные длани, не убоится исполина, не устрашится зверя, не вострепещет перед железом и перед зевом огненным, ибо имеет он защитником Бога, что сильнее самого тяжелого камня и тигрского зверогонителя Минда. Потому и воссияло солнце светлыми лучами, и разорвало тьму, и прогнало тучу, и увидели небо безоблачное и царь и города, в ребра же был пронзен злой зверь, и все избавлены были от звероядных его челюстей. Но за ним Торник новое зло затеял, другой зверь явился, предсказанный еще в древности Даниилом, все круша, развевая <по ветру> и ногами топча, а оставшееся сокрушая зубами. Но и того постиг рок, неумолимыми стрелами его поразил и зверя уязвил ранами смертными. И тогда воцарилась вокруг самодержца тишина светлая, не нарушаемая тревогами бурными.

ЦАРСТВО ФЕОДОРЫ ЦАРИЦЫ

Когда же одолели его тяжкие недуги и природа потребовала бренное его тело, к багрянородной Феодоре, Зонной сестре, снова переходит царство, ибо царица Зоя уже умерла. Но и эта не надолго взошла на колесницу власти и, предвидя близкое расставание с телом (как говорят, не искушена она была плотской скверной), мужа некоего, долгую жизнь прожившего и седого, и трясущегося, возводит править колесницей этой, имя же ему Михаил.

ЦАРСТВО МИХАИЛА СТАРЦА

Он, прожив много лет, украшен был достоинствами глубокой старости, находился на самом закате жизни, и стараниями его прекратились войны, в остальном же был добронравным и достойнейшим. Не мог он плода сердца своего на свет произвести и явить сущий в глубине колос, ибо держали всю власть родственники Феодоры, бывшей царицы, которые вовсе не считались с Михаилом, точно он был не вовремя выросшим кочаном капусты, без листвы, старым и уже увядшим, ибо

был он связан страшными клятвами, что отдаст им все: и право решения, и власть над людьми. Был он поэтому, словно тень, и лишь по имени царь, вся же власть в их руках была, а тех пестунов приставила к Михаилу Феодора как хранителей, и советников, и отцов державы, ибо, как говорится, старики — это вдвойне дети. Поэтому все приходящие и являющиеся к ним и все совершающие по воле их получали обильные дары. Мужи же бранные, в бою искусные и принадлежавшие к славным родам и корням, имевшие происхождение благородное и предков храбрых, были отринуты, словно это дешевые глиняные горшки. Решил убедиться в справедливости слухов этих Комнин, ему же имя Исаакий, храбростью завоевавший великую славу, ибо руки его были готовы на всякие благие дела, а грудь словно создана была для битвы. Приступил он к Михаилу, рассчитывая получить от него богатые дары, но не оправдались его надежды, не обрел он цветов, а получил в поругание терние от злых садовников царского сада. И разгневался, претерпев такое унижение, и привлек на свою сторону Константина Дуку и многих других, прославленных великим богатством и происходящих из славных родов, и собрал воинов из Азии, оружие носящих, и напал на царя, решив свергнуть его с престола. Услышал об этом Михаил, трясущийся старец, и понял сам, что недостоин он царского сана и что на краю могилы уже стоит, хилый старец, и готов был сойти с престола и уступить его. Но те, кто управляли кораблем царствования, не о спасении его помышляя, но готовые потопить и погрузить корабль богатейший в водах тяжкошумящих, сего старца против воли посылают — едва живого — на битву. И началась междоусобица, и десницы греческие на греков же сулицы острят и копья, и обагряют друг друга кровью междоусобий, и серп простирается, разделяя друзей и поднимая их друг против друга, словно в помрачении, и чада одного отца друг против друга свирепо борются. Но оказался Комнин удачливей в брани и города, первого среди городов, достиг быстрее, чем на крыльях, и, венец возложив на себя, объявил себя самодержцем.

ПОСЛАНИЕ ИГУМЕНА ПАМФИЛА

Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Послание игумена Памфила — одно из немногих произведений древнерусской литературы, живо и эмоционально рисующее народные обряды в день Ивана Купалы. Это был древний языческий праздник в ночь с 23 на 24 июня, приуроченный к дню высшего солнцестояния, носил веселый и разгульный характер. В ночь на Ивана Купалу добывали «живой» огонь, жгли костры и прыгали через них, сжигали или топили соломенных кукол, изображающих древних божеств (Купалу, Марену), водили хороводы, собирали травы и цветы — сорванные в ночь на Ивана Купалу они считались особо целебными и чудодейственными.

С древним языческим праздником совпал один из основных христианских праздников — день Рождества Иоанна Предтечи (Иоанна Крестителя), отмечаемый 24 июня. Купальские игрища противоречили христианским обрядам и морали, церковь пыталась бороться с языческими обычаями и верованиями, но они продолжали жить. Об этом свидетельствует и Послание игумена псковского Елеазаровского монастыря Памфила, написанное в самом начале XVI в. Возмущенный тем, что день Рождества Иоанна Предтечи все еще встречают бесовскими играми, неистовыми плясками, чародейством и распутством, Памфил пишет в Псков наместнику великого князя и вменяет ему в обязанность искоренять остатки язычества, ибо день Рождества Иоанна Предтечи подобает встречать «в чистоте и целомудрии».

Известны две редакции Послания — Краткая (встречается в сборниках) и Летописная (читается в Псковской Первой летописи под 1505 г.), обе они принадлежат Памфилу. Первым, как считают ученые, появилось Послание в Краткой редакции, но оно не достигло цели: псковские наместники не проявили усердия в борьбе с остатками язычества. И Памфил вторично отправляет в Псков Послание на ту же тему, позаботившись о том, чтобы оно звучало более грозно и убедительно. В новой редакции Послания он почти дословно повторяет описание купальских обрядов, но говоря об ответственности наместников за жизнь и нравы города, о тяжких последствиях идолослужения и наказания за совершение языческих обрядов, Памфил обращается к Священному Писанию, примеры и цитаты из Священного Писания придают его словам весомость, обоснованность. Краткая редакция Послания по сравнению с Летописной производит более непосредственное и живое впечатление, хотя и в ней Памфил ведет речь в согласии с литературными канонами и законами риторики. Свободное владение разными манерами повествования и риторическими приемами характеризует его как искусного н опытного стилиста.

Публикуется текст Послания в Краткой редакции по списку РНБ, Q. XVI. 50, лл. 170—172 об.

ОРИГИНАЛ

ОТ ПАНФИЛИА, ИГМЕНА ЕЛИЗАРОВЫ ПУСТЫНИ,[1] СЛОВО УЧИТЕЛНО О ИВАНЕ ДНИ ПРЕДТЕЧИ КЪ БОЖИЮ ХРИСТОЛЮБИВАГО ГРАДА ПСКОВА И ВСЕМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИЯНСТВУ

Благословение и послание изо обители пречистыя Богоматере честнаго ея Рожества и Трех Святитель — Василья, и Григорья, и Ивана Златаустаго;[2] Елизарова монастыря Божиею волею и того благодатию Панфилей игуменъ о Христѣ з братьею, богомолець государей наших великых князей и царей и всея Русии,[3] сице тако есмь вкупѣ и вашь богомолець, господей наших.

И о всем благословяю вас, и бью челом, и молю вашу власть, да с любовию Господа ради послушайте словес грубости моея, вам бо есть держава и власть и въ граде сем по Бозе и государей великых князей, и того ради явите боязнь вашу, яко православныя християне сущеи, еже к Богу.

Сице бо еще есть останокъ неприязни въ граде сем, и зело не престала здѣ еще лесть идолскаа, кумирское празнование, радость и веселие сотонинское, в нем есть ликование и величание диаволу и красование бесом его в людех сих, не ведущих истины. Но иже яве паче есть нечестие въ людех к Богу предо очима вашима: си бо на *всяко* лѣто кумирослуженным обычаем сотона призывает во град сей, и тому, яже жертва, приносица всяка скверна и безаконное богомерское празнование.

Еда бо приходит велий празникъ, день Рожества Прдтечева, и тогда, во святую ту нощъ, мало не весь град взъмятеца и възбѣсица бубны и сопѣли, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскыми, плесканием и плясанием.[4] И того ради двинеца и всяка въстанет неприязненая угодиа, яко в поругание и в бесчести Рожеству Предотечеву, и в посмѣх, и в поругание, и в коризну дни его. Въстучит бо град сей и возгремять в нем *людие* си безаконием и погибелью лютою, злым прелщением пред Богом; стучать бубны и глас сопѣлий, и гудут струны. Женам же и дѣвам плескание и плясание, и главам их накивание, устами их неприязненъ кличь и вопль, всескверненыя пѣсни, бесовская угодиа свершахуся, и хрептом ихъ вихляние и ногам ихъ скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прелщение и падение, но якоже на женское и девическое шатание бдуномъ и възрѣние, такоже и женам мужатым безаконное осквернение, тоже и девам растлѣние.

Что же бысть въ граде сем в годину? Сотона красуетца, и печалуеть ими Богъ, прогнѣвася на творяща безакония сия, егда совершивше нощь ту въ всяцѣх играх и дѣлесех неприязненых, в бесовских угодии, яко сущие идолослужителие, бесовски празникъ сей. Подобает же сей день Рожества великаго Ивана Предотечи в чистотѣ и целомудрии духовне и в молитвах празновати.

Пакы же о тѣх же плесковичи. В той святый день Рожества великаго Ивана Предотечи исходят обавници мужи и жены чаровници по лугам и по болотамъ, в пусти же и в дубравы, ищуще смертныя травы и привѣта чревоотравнаго зелиа на пагубу человечеству и скотом; ту же и дивиа

копают корениа на потворение и на безумие мужем. Сиа вся творят с приговоры дѣйством дияволим в день Предотечевъ с приговоры сатанинскыми.

И сия ли Христосъ избра? И тако ли есть християном православным вѣра и чинъ? И сиа ли христианскаа лепота и законъ, играниемъ и плясанием, и блудом, и чародѣянием, и бесовскими пѣсньми, дудами же и бубны, веселием сотоны сомого день рожениа великаго Предотечи почитати и празновати, яко не крестьяном сущимъ, глумом безлѣпотным, но паче горше невѣрных прелстишася, неведы, и заблудиша от истины.

Вы же, господье мои, благочестивыи мужи, властели сущи и грозная держава града сего христолюбиваго! Уймите храбским мужеством вашим от таковаго начинаниа идолскаго служениа богозданный народ сей, творящая злая бесовскаго угодия во Предотечевъ день, да молитвами великаго сего предстателя вселенныя Ивана Крестителя милостивъ нам будет и щедръ и оставит грѣхи наша в страшный день Суда праведнаго своего Господь нашь Иисус Христосъ, емуже бо слава со Отцем его и пресвятым, и благым, и животворящим Духом нынѣ и присно и в вѣки вѣком. Аминь.

---

[1] *От Панфилиа, игумена Елизаровы пустыни…* — Елеазаровский монастырь находится в 30 км от Пскова на реке Толве. Он был основан в середине XV в. и получил свое название по имени основателя-монаха Евфросина, который в миру носил имя Елеазар (Елизар).

[2] *…изо обители пречистыя Богоматере честнаго ея Рожестеа и Трех Святитель — Василья, и Григорья, и Ивана Златаустагo…* — Главным храмом монастыря была соборная церковь во имя трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, поэтому монастырь назывался Елеазаровский Трехсвятительский. В церкви Трех Святителей был придел во имя Рождества Богородицы.

[3] *…богомолецъ государей наших великых князей и царей и всея Русии…* — Форма множественного числа свидетельствует о том, что Послание написано в последние годы царствования Ивана III (1502—1505), когда его сын Василий Иванович был объявлен соправителем отца с титулом великого князя.

[4] *…плесканием и плясанием.* — Слово «плескание» употребляется в древнерусском языке в значении «рукоплескание», «торжество»,

«радость». Оно обозначает также игрища эротического характера в языческих обрядах. Контекст, в котором встречается это слово в Послании, позволяет предположить, что и Памфил имел в виду действия, носящие чувственный, страстный характер. Это значение более определенно проявляется в другой фразе Послания: «Женам же и дѣвам плескание и плясание...»

ПЕРЕВОД

ИГУМЕНА ЕЛИАЗАРОВОЙ ПУСТЫНИ ПАМФИЛА СЛОВО ПОУЧИТЕЛЬНОЕ О ДНЕ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ К НАМЕСТНИКУ ХРИСТОЛЮБИВОГО ГОРОДА ПСКОВА И ВСЕМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИАНСТВУ

Благословение и послание из обители пречистой Богоматери, честного ее Рождества и Трех Святителей — Василия, Григория и Иоанна Златоуста; Божьей волею и благодатию игумен Елиазарова монастыря Памфил с братьею во Христе, богомолец за государей наших великих князей и царей всея Руси, а также ваш богомолец, господа наши.

Во всем благословляю вас, и бью челом, и молю вашу власть: Господа ради с любовию выслушайте невежественные речи мои, ибо вам от Бога и государей великих князей даны в этом городе правление и власть, и потому бойтесь Бога, как истинные православные христиане.

Есть еще в городе этом остатки зла, и не исчезла еще здесь ложная вера идольская, праздники в честь кумиров, радость и веселие сатанинские; во всем этом — ликование и возвышение дьявола и торжество его бесов в людях, не знающих истины. Но еще большее бесчестие Богу творят люди перед очами вашими: так каждый год сатана призывает служить кумирам, и, словно в жертву ему, творятся в городе этом скверные дела и совершаются безобразные богомерзкие празднования.

Когда приходит великий праздник, день Рождества Предтечи, то тогда, в ту святую ночь, чуть ли не весь город впадает в неистовство, и бесится от бубнов, и сопелей, и гудения струн, и услаждается непотребными всевозможными игрищами сатанинскими, плесканием и плясками. Оттого и поднимаются и восстают все злые силы на поругание и бесчестие Рождества Предтечи, на осмеяние и поругание и поношения дня его. Зашумит город и возгремят в нем люди эти, охваченные беспутством, грехами постыдными, низким отступничеством от Бога — стучат бубны, поют сопели, гудят струны. Плескание и плясание, тайные знаки головой, непристойные крики и вопли из уст, самые

непристойные песни — так угождают бесам жены и девы, и телом вихляют, и скачут, и выплясывают; во всем этом великое искушение и грехопадение для мужей и отроков, когда они видят распущенность жен и девиц, равно как и замужним женщинам позорное бесчестие и девицам растление.

Что же происходит в городе в это время? Сатана красуется, и печалится Бог, гневаясь на творящих эти безобразия, когда проводят они эту ночь во всяких играх и делах непотребных, бесовских удовольствиях, как настоящие идолослужители, по-бесовски празднуя этот праздник. Подобает же день Рождества великого Иоанна Предтечи праздновать в чистоте и целомудрии духовном и молитвах.

И еще о тех же псковичах. В тот святой день Рождества великого Иоанна Предтечи выходят волхвы-мужи и жены-чародейки на луга и болота, в степи и дубравы, ища смертной травы и отравного приворотного зелья на пагубу людям и скоту; тогда же копают дикие коренья, чтобы приворожить и свести с ума мужчин. Все это делают в день Предтечи с заклинаниями сатанинскими по дьявольскому наущению.

И это ли избрал Христос? И таковы ли у православных христиан вера и обряды? И это ли христианское благолепие и порядок — игрищами, и плясками, и блудом, и чародейством, и бесовскими песнями, дудами и бубнами, веселием сатаны самого почитать и праздновать день рождения великого Предтечи глумлением безобразным, как будто и не христиане, но язычники хуже нечестивых прельстились, невежествуя, и позабыли истинную веру.

Вы же, господа мои, благочестивые мужи, властители и грозная опора этого города христолюбивого! В храбром мужестве вашем остановите от таких обрядов идолослужения Богом созданный народ сей, творящий злые бесовские действа в день Предтечи, чтобы молитвами великого сего наставника вселенной Иоанна Крестителя милостив был к нам и щедр и оставил грехи наши в страшный день Суда праведного своего Господь наш Иисус Христос, которому слава с Отцом его и пресвятым, и благим, и животворящим Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ЧЕТЫРЕ ПОСЛАНИЯ И ЗАВЕЩАНИЕ НИЛА СОРСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова

ВСТУПЛЕНИЕ

Нил Сорский — русский церковный и общественный деятель второй половины XV — начала XVI в., автор ряда сочинений («Предания ученикам», «Устава», двух молитв, по крайней мере четырех посланий и «Завещания»), составитель, редактор и переписчик книг. Родился в Москве около 1433 г. в семье Майковых, служил в молодости «судиям книгочеем», принял монашеский постриг в Кирилло-Белозерском монастыре, путешествовал на Афон, в подвластный туркам Константинополь, в Святую Землю. По возврашении на Русь ушел из монастыря и километрах в двадцати от него основал свой скит на лесной речке Соре. Прославился в качестве «заволжского» (по отношению к Москве) старца, идеолога нестяжательной, наполненной умственной и книжной работой жизни в тиши лесной пустыни с небольшим числом учеников. В 1503 г. на соборе в Москве выступил против ставшего традиционным монастырского владения селами и таким образом стал начинателем движения «нестяжателей», против которых выступил Иосиф Волоцкий и его последователи «иосифляне». Умер 7 мая 1508 г. Послания Нила Сорского прекрасно показывают, каким деликатным он был в отношениях с людьми и какую важность придавал постоянному внимательному чтению, «испытанию», «святых писаний», «божественных писаний». Завещание же хорошо характеризует его как человека, избегавшего мирской славы и заботившегося о судьбе книг, — как тех, которые писал он сам, так и тех, которыми пользовался.

Три больших послания старца Нила известны во множестве списков (см.: *Прохоров Г. М.* Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 125—143). Ученые пытались приписать ему еще некоторые послания (см., например: *Архангельский А. С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882. С. 56—57), но достаточных для этого оснований не обнаружено.

Первым из трех в рукописях всегда помещается послание «брату, вопросившему его о помыслѣх». В некоторых списках указан его получатель — Вассиан Патрикеев. В миру — князь Василий Иванович Патрикеев, в 1499 г. он был насильно пострижен в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре, встретился там с Нилом Сорским и сделался его учеником. Впоследствии как писатель-публицист он развивал нестяжательские взгляды Нила на право монахов владеть селами и выступал против применения к еретикам смертной казни. В 1431 г. он был осужден и заточен в Иосифо-Волоколамском монастыре, где и умер. «Вопрошая» Нила Сорского «о помыслех», он, видимо, еще недавно простился со светской жизнью. Будучи пострижен насильно, он, однако же, явно старался победить в себе прежние мирские

влечения, но это давалось ему с трудом. Послание — наставление ему от опытного монаха.

Вторым в рукописях помешается послание «иному о ползе». В списке РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, 188 (1576), вторая половина XVI в., л. 98 об., подзаглавием этого послания написано: «Гурей Туш<ин>». Гурий Тушин (1452 или 1455—1526) — монах и игумен (1484) Кирилло-Белозерского монастыря, один из близких Нилу Сорскому людей младшего поколения, книжный писец, организатор монастырского книгописания, составитель сборников и редактор. Вскоре после смерти Нила Сорского он с помощниками переписал с автографа Нила Сорского составленный тем трехтомный «Сборник», собрание расположенных в хронологическом порядке (с сентября по август) житий святых. Адресованное Гурию послание Нила является ответом на устную, а затем и письменную просьбу написать, «како не заблудити от истиннаго пути». Рукой Гурия Тушина сделан список трех посланий Нила Сорского в рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 142/1219, 10—20-е гг. XVI в.

Третье послание «къ брату, просившу от него написати ему еже на ползу души» адресовано Герману Подольному. В списке РНБ, Софийское собр., 1460, вторая четверть XVI в., рядом с зтим посланием на листах 325 об.—326 снизу написано: «Послание старца Нила Заволжскаго Сорскыа пустыня и скита Герману Подолному», а в РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, 188, л. 103 об., стоит: «Герман Пустын<ник>». И Герман Пустынник, или Подольный, жил в Кирилло-Белозерском монастыре одновременно с Нилом Сорским; затем он навещал его в лесном скиту. У них, видимо, возник при встрече спор. Вспоминая этот разговор, Нил в послании просит его не скорбеть из-за того, что было тогда между ними сказано. Главная мысль этого послания: инок во всем должен постоянно руководствоваться святыми писаниями, постоянно их читать и «испытывать», обдумывать. Это послание могло быть написано не раньше, но и не намного позже 70—80-х гг. XV в. Известен его список (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 101/1178, последняя четверть XV в.), сделанный рукой получателя.

Маленькое четвертое послание Нила Сорского известно лишь в одном списке конца XV — начала XVI в. (РГБ, Волоколамское собр., № 577). Оно следует здесь за тремя обычно переписываемыми вместе посланиями Нила Сорского. Кому оно адресовано, мы не знаем, но, судя по словам об адресате как о «брате с въсточныа страны», возможно, выходцу с греческого «Востока» (из Крыма через Морею и Рим), мангупскому (на Руси писали «Манкувский» или «Мавнукский») князю Константину, ставшему на Руси Кассианом Учемским.

Списки посланий, сделанные рукой самого Нила, нам неизвестны, как неизвестны и те письма, на которые он отвечал.

Три послания Нила Сорского воспроизводятся здесь по рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 89/1166, конец XV — начало XVI в., лл. 126—156, происходящей из Нило-Сорского скита. Маленькое четвертое — по упомянутому единственному списку РГБ,

Волоколамское собр., № 577, того же времени, лл. 22—22 об. Завещание печатается по рукописи РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 188, Сборник, XVI в., лл. 18—19.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ ВАССИАНУ ПАТРИКЕЕВУ

ПОСЛАНИЕ ВЕЛИКА СТАРЦА БРАТУ, ВЪПРОСИВШЕМУ ЕГО О ПОМЫСЛѢХ

Похвално желание подвигнулъ еси, о възлюбленне, еже слышати слово Божие ищеши на утверждение себѣ, на съхранение от злых и поучение к благым. Но подобно было тебѣ, господине, сиа от добрѣ разумѣющих навыцати. Ты же требуеши сие от мене неразумнаго и грѣшника. Азъ убо и въ учимых чину непотребен есмь, того ради отрицахся и отлогах намнозѣ: не яко не хотя послужениа принести благому твоему произволению, но ради неразумиа и грѣх моих. Что бо азъ реку, не сътворивь сам ничтоже благо! Кый есть разум грѣшнику? Точию грехы. Но понеже множицею понудил мя еси на се — еже написати ми тебѣ слово къ съзиданию добродѣтели, и азъ дерзнух написати тебѣ сиа, еже выше мѣры моея, не могы презрѣти прошение твое, да не множее оскорбишися.

Въпрошение же твое — о находящих помыслъ предних мирскаго житиа. И сие и сам от искуса разумѣеши, колики скорби и развращения имат миръ сей мимоходящий и колика злолюства сътворяет любящимь его и како посмѣавается, отходя от работавших ему, сладокь являяся им, егда ласкает вещми, горекь бываа последи. Поелику убо мнят благая его множащася, егда удръжаваются имь, потолику растут скорби им. И мнящаася бо его благая по-видимому суть блага, внутрь же исполнена многа зла. Того ради имущим разум истинною благый явленѣ показует себе — да не възлюбленъ будеть ими.

По прешествии же от житиа сего что бываеть? Положи мысль твердѣ въ глаголемое. Чимь ползова мир дръжащихся его? Аще кои и славы, и чьсти, и богатьство имѣшя, не вся ли сиа ни въ что же бышя и яко сѣнь мимоидошя и яко дым исчезошя? И мнози от сих, съобращающеся в вещех мира сего и любяще пошествие его, въ время юности, благоденьства своего смертию пожати быша, яко цвѣтци сельнии, процветше, отпадоша и, нехотяще, отведени быша отсюду. А егда пребываху в мирѣ семь, не поразумѣша злосмрадиа его, но тщахуся въ украшение и покой тѣлесный, изъобретающе разумы прикладныя въ прибытки мира сего, и въ учениих прохождааху яже вѣнчевають тѣло въ

вѣце сем преходящем. И аще сиа вся получиша, а о будущем и некончаемом блаженьствѣ не попекошася, что непщевати о таковыхъ? Точию сих миръ безумнѣйши не имать, якоже рече нѣкый премудрый святый.

Неции же от сих благоговѣйнѣйша быша и съобращаху умъ свой в помышлениих желаниа спасениа души, и имяху борениа къ страстем, и образы добродѣтелей по възможьному творяху, хотяще разрѣшитися и отступити мира сего, но не могоша оттръгнутися от сѣтей его и избежати коварствъ его.

Тебе же възлюбивь Богъ, и изят от мира сего, и поставилъ в чину службы своея милостию и строением своимь. Того ради длъжен, еси попремногу благодарити милость Его и творити вся, елико по силѣ, къ благоугождению Его и к спасению душа своея, задняа мирская забываа, яко непотребна, къ предним же добродѣтелем простираася яко животу вѣчному ходатайствена. Радуйся, гряди на почесть вышняго званиа, иже въ небеснѣм отечьствѣ подвизавшихся щадимаа.

А еже рекл ми еси о помыслѣхь нечистых, иже от врага душь нашихь приносимых, о сихъ не зѣло поглощайся скорбию, ни ужасайся, понеже не точию намь немощным и страстным от сихь стужение бываеть, глаголють отцы, но и сущимь въ предспѣании и въ житии достохвалнѣмь пребывающимь и благодати духовнѣй отчасти сподобльшимся. И симь ратование бываеть много от таковыхь помыслъ, и в подвизѣ велицѣ от сихь обрѣтаются и благодатию Божиею едва отгоняють сих, тщащеся всегда на отсѣчение сих.

И ты, симь утешаася, потщателно отсѣцай лукавыя помыслы. Имѣй же на сих всегдашнюю побѣду — молитву, Господа Исуса призываа. Сим бо призываниемь отгоними бѣжаще отидут. Якоже рече Иоанъ Лѣствичный[1]: «Исусовымь именемь бий ратникы, крѣпчайши бо сего оружиа нѣсть». Аще ли зѣлне укрѣпятся на тя ратующеи тя, тогда, въставь и на небо очи и руцѣ възвед, рци усерднѣ съ смирениемь: «”Помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь”[2] «ты, Господи, силенъ еси”,[3] и твой есть подвиг. Ты ратуй о нас и побѣди, Господи». И аще сице творя будеши нелѣностно, всяко искусомь научишися, яко Вышняго силою сиа побѣждаются.

Твори же что-либо и рукодѣлие, и сим бо лукавыя помыслы отгоняются. И се есть предание аггельско нѣкому от великых святыхь. И изъучай

что от Писаниа изъ усть, в томь ум полагаа: и сиа възбраняют к намь вход нашествиа бесовскаго. И то есть изъобрѣтение святыхь отець.

Съхраняй же ся от бесѣдъ, и слышаниа, и зрѣний неподобных, иже въздвижут страсти и укрѣпляють нечистыя помыслы, и Богъ поможет ти.

О страховании же еже глаголеши, се есть младенчественый обычай немужественыа душа. Тебѣ же не свойствено есть сие. И егда прилучят ти ся таковая, подвизайся, да не обладають тобою, и утверди сердце свое уповати на Господа и рци в себѣ сице: «Имамь Господа, храняща мя, и без воля Его не можеть никтоже ни в чемже повредити мя. Аще ли что попустить на мя — еже пострадати ми,и азъ се не злолютнѣ приемлю и не хощу упразднити хотѣние Его, понеже Господь множае мене вѣсть и хощет полезная мне. И азъ о сихь всѣхь благодарю благость Его». И тако благодатию Божиею благодръзостен будеши. Молитвою же всегда и на се въоружайся. И егда в кыих местѣх сие прилучит ти ся, тамо наипаче тщися приходити и, руцѣ крестаь образомь простер, Господа Исуса призывай. И помощию Вышняго «не убоишися от страха нощнаго и от стрелы, летящаа в дне».[4] И сиа убо о сих.

Прочая же вся, елико похвална, и честна, и добродѣтелна, сиа помышляй и твори, мудръ бываа въ благое, всяку же злобу ненавидя. Имѣй послушание къ наставнику и прочим отцемь о Господе въ всяко дѣло благо.

Службѣ же, ейже нынѣ порученъ еси, или въ иную преидеши, буди служа свѣтлымь предложением и тщаниемь благообразным, яко самому Христу, всю братью святы имѣя.

Аще прилучит ти ся слово — въпрос или отвѣтъ кому, благоглаголива и сладко бесѣду твори съ любовъю духовною и съ смирениемь истинным, неразлѣнено и не преобидя брата. Благоговѣйным отцемь прилѣпляйся, и то — въ время и в мѣру. От не таковых же ошайся, съхраняй же ся и тщися не укорити, ни осудити кого в чем, аще и не благо что зрит ти ся. Но себе гръшна и неключима въ всемь вмѣняй.

Аще потребна ти будеть каа вещь от настоятеля или прочихь въображеных отецъ на то, прежде помолився и размысли в себѣ, аще

полезно есть, и тако въпроси. Аще ли не устроить ти, якоже хощеши, не огорчися, ни ужостися про то — еже не по твоему хотѣнию сътвориша, аще и благо мнить ти ся, якоже ты хощеши, но съ терпениемь преиди и съ тихостию и съ пожданиемь все твори. И аще къ благоугождению Божию и къ спасению душа своея управляася будеши, всяко извѣстить Богь сътворити кому по потребѣ твоей и время и руку помощи подасть.

Буди же усерденъ къ послушанию божественых писаний, и сихь глаголы, яко водою животною, напоай свою душю и тщися, елико по силѣ, по сих творити. Тако же имущимь разумь божественых писаний и мудрование духовно и жителство свѣдѣтельствованно в добродѣтелех, таковым тщися повиноватися и тѣхъ житию подражатель быти. Тръпение имѣй в скорбех, и за оскорбивших тя молися, и имѣй тѣх яко благодетелѣ.

И се разумѣй, еже глаголю ти разумъ божественых писаний, повѣдающь хотѣние благодѣания Божия: яко от века святии, иже съдѣаша правду и получиша обѣтованиа, ходивше в путех добродетели, не токмо бѣды и скорби претръпѣша, но и крестомь, и смертию шествуема бѣ стезя их. И се есть знамение любве Божиа, еже скорби принесутся кому о дѣлании правды. И сие глаголется дар Божий, апостолу пишущу: «Се дано бысть намь от Бога, еже не токмо в Христа вѣровати, но и еже о Немь страдати».[5] Сие бо сътворяеть человѣка обещника страстемь Христовымь и подобна святымь, иже претръпѣша скорби за имя Его. И не инако благодѣтельствует Богъ любящихь Его, точию посылает имь искушениа скорбей. И въ семь разньствують любимци Божии от прочих: да сии убо въ скорбех живуть, любящии же мир сей в пищи и покои веселятся. И се есть путь правый — еже претръпѣти искушения скорбей о благочестии. И на сей путь поставляя, Богъ страдалцев своих приводить въ живот вѣчный. И сего ради съ радостию подобаеть шествовати намь непорочнѣ в путь сей, ходяще в заповѣдех Господних, всѣмь сердцемь благодаряще Его, яко посла намь благодать сию, възлюбивь нас, беспрестанно молящеся благости Его, поминающе конець житиа сего скорбнаго и бесконечное блаженьство будущаго вѣка. И Богъ всякоа радости и утѣшениа утѣшить сердце твое и съхранит тя в страсѣ Своемь молитвами Пречистыа Богородица и всѣх святых.

Незабвена же Господа ради сътвори и мене, грешника, въ молитвах своих, глаголющи ти доброе, а не творяща, да Господь изведет мя от потопа страстей и от тимѣниа грѣхов.

ПОСЛАНИЕ ГУРИЮ ТУШИНУ

ТОГО ЖЕ ИНОМУ О ПОЛЗѢ

Еже усты къ устом бесѣдова твоа святыни къ мнѣ, честнѣйший мой господине отче, таже и писаниица о том же присылал ми еси: требуеши от моеа худости написано послати тебѣ слово полезно — еже къ благоугожению Божию и къ ползѣ души. И аз, господине, человѣк грѣшенъ и неразумен есмь и всѣми страстми побеждаемь, боахся начати такову вещь. Того ради отрицался есмь и отлагалъ. Но понеже духовнаа твоа любовь устрои мя еже дрьзнути ми выше мѣры моеа, писати тебѣ подобающяа, того ради убѣдихся на се.

Въпрошение же твое прьвое о помыслѣх блудных: како съпротивитися имь. И о сем не тебѣ точию тщание и подвигь, но и всѣм подвизающимся съ Богомь, понеже велиа сиа борба, глаголють отцы, сугубу рать имѣа — въ души и тѣлѣ, — и не имат нужднейши сего естество. Того ради крѣпце тщатися подобает и трезвьно, и бодрено съблюдати свое сердце от сихь помыслъ и, страх Божий имѣа пред очима, поминати обѣщание наше, еже исповѣдахомь — пребывати въ цѣломудрии и чистотѣ. Цѣломудрие же и чистота не внѣшнее точию житие, но съкровенный сердца человѣкь егда чистотьствуеть от сквернных помыслъ. Тѣм же всячьскы потщателно отсѣцати сиа помыслы; сию же побѣду велию на них поставляти, еже молитися Богу прилѣжно, якоже предаша святии отцы, — различными образы, единѣм же разумомь. Овъ убо, рече, от Давида приемь сице молитися: «”Изгонящеи мя нынѣ обыдоша мя”.[6] Радости моа, “избави мя от обышедших мя”».[7] Ин же от тѣх же глаголеть сице: «Боже, в помощь мою вънми»[8] — и к сим подобная. Ин же пакы от тѣх: «Суди, Господи, обидящим мя и възбрани борющим мя»[9] — и прочее псалма.

Призывай же на помощь и яже слышиши в писаниих подвизавшихся о цѣломудрии и чистотѣ. Егда же зѣлнѣ належит ти брань, абие въстав и на небо очи и руцѣ простеръ молися сице: «”Ты силенъ еси, Господи”,[10] и Твой есть подвиг. Ты ратуй и побѣди в томь, Господи, о насъ». И възопи къ Всесилному въ помощех смиренѣми вѣщанми: «Помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь». Сие убо предание святыхь есть. И аще въ сих борениихь проходя будеши, познаеши искусомь, яко благодатию Божиею сиа сими зѣлнѣ побѣждаются.

Всегда же Исусова имене оружиемь рани ратники. Крѣпчайши бо сеа побѣды нѣсть.

Съхраняй же ся от видѣниа лиць и слышаниа бесѣдъ таковых, иже въздвижуть страсти и възставляють нечистыя помыслы. И Богъ съблюдет тя. И сиа убо о сих.

Второе же въпрошение твое о хулном помыслѣ. И сий помыслъ безстуденъ и лютъ есть зѣло. Стужает же крѣпцѣ и непостоателнѣ. И не точию нынѣ, но и древле бысть, и великымь отцемъ и святымь мученикомь, и в самое то время, егда хотяаху мучители предаати тѣлеса их на раны и смерти горкыа, исповѣданиа ради вѣры еже въ Господа Бога нашего Исуса Христа.

И на сий помыслъ побѣду имѣти сице — еже не свою душю, но нечистаго бѣса виновна быти сему. Глаголати же противу хулному духу сиа: «Иди за мя, сатана. Господу Богу моему поклонюся и Тому единому послужу. Тебѣ же хула твоа на верхь твой възвратится, и тебѣ напишеть сию Господь. Отступи убо от мене. Богъ, създавый мя по образу своему и по подобию, да упразнит тя».

Аще ли и по сихь стужаеть, безстудствуа, преложи помыслъ на ину нѣкую вещь божествену или человѣчьску — аще что не внѣ подобающих.

Съхраняй же ся от гордыня и в путех смирениа тщися проходити. Речено бо есть отцы, яко от гордыня ражаются хулныя помыслы. Бывают же и от зависти бѣсовскыа. И аще от сего или оного бывають, но якоже ални губителна ядовитым звѣрем, тако и сей страсти губително есть смирение. Не точию же сей, но и прочимь, — речено бысть святыми отцы.

3 въпрос.

А еже испытуеши, како отступити от мира, — и сие добро усердие твое. Но тщися дѣломь сему съвершитися сице в тебѣ. Сие бо есть потлаченый путь къ вечному животу, имже, въ внятии премудрости познавше, идоша преподобнии отцы.

Наипаче бо тому подобно отступление мира, емуже въ обычаи бысть съвокупление съ миром. Аще бо не отступить, якоже образи нѣции и

начертаниа мира, прежде бывшаа в нем от слышаниа и видѣниа мирскых вещей, пакы поновляются. И не может трезвьно пребыти въ молитвѣ и Божиимь волям поучатися. Хотяй же поучатися благоугождению Божию долженъ есть оступити мира.

Не въсхощи же приати обычныхь другов бесѣды, иже мирская мудрьствующих и упраждняющихся в безсловеснаа попечениа — яже въ прибыткы монастырскаго богатьства и стяжениа имѣний, яже мнятся сиа творити в образѣ благости и от неразумѣниа божественых писаний или от своих пристрастий, — добродѣтель мнять проходити. И ты, человѣче Божий, таковым не приобщайся. Не подобает же и на таковыхь рѣчми наскакати, ни поношати, ни укоряти, но — Богови оставляти сиа: силен бо есть Богъ исправити их.

Съхраняй же себе въ всячьскыхь от дръзновениа. Дръзновение бо, якоже писано есть, подобно огню велику, еже егда бываеть, вси бѣжат от лица его. И отвращайся слышати и видѣти вещи братняа и таиньства их и дѣаниа. Сие бо сътворяет душу пусту всякого блага и устраает сматряти недостаткы ближняго и съставляеть еже плакати своя грехы.

И не тщися скороглаголивь быти въ бесѣдах къ братии, аще и полезна быти мнятся. Но аще который брат извѣщение имат к нам и истинно требуеть слова Божиа и аще имамы, длъжни есми подати ему не точию слово Божие, по апостола свидетельству, но и свою душу. Събращай же ся с таковыми и съблаговоли тѣмь въ дѣланиихь, иже духовнѣ мудрьствують, яже суть чада таинъ Божиих. Съ не таковыми же бесѣды, аще и малы суть, изсушають цвѣты добродѣтелей, иже вновѣ процвѣтающа от растворениа безмолвия и окружающая съ мяккостию и младостию сад душа, всажденному при исходищих вод покааниа, якоже рече премудрый святый.

4 въпрос.

А еже ищеши, како не заблудити отъ истиннаго пути, и о семь съвѣт благь даю ти.

Свяжи себе законы божественыхь писаний и послѣдуй тѣмь, писанием же истиннымь, божественымь. Писаниа бо многа, но не вся божествено суть. Ты же истинная извѣстнѣ испытавь от чтений сих и бесѣд разумных и духовных мужей — понеже не вси, но разумнии

разумѣвають сих — и без свѣдѣтельства писаний таковыхь не твори что, якоже и азъ. О себѣ повѣдаю ти, понеже яже по Бозѣ любовь твоа безумна мя сътворяеть — еже о себѣ глаголати ми. Но якоже речено есть: «Таиньства моа любящим мя открываю».[11] Того ради глагола ти.

Аз убо не творю что без свѣдѣтельства божественыхь писаний, но по святых писаний послѣдуя, творю елико по силѣ. Егда бо сътворити ми что, испытую прежде божественаа писаниа. И аще не обрящу съгласующа моему разуму в начинание дѣла, отлагаю то, донѣжѣ обрящу. Егда же обрящу благодатию Божиею, творю благодрьзностно яко извѣстно. От себе же не смѣю творити, понеже невѣжда и поселянинъ есмь.

Сице и ты, аще хощеши, сътворяй по святых писаниих и по сих разуму тщися дѣлати заповѣди Божиа и предания святых отецъ. И аще влънениа житейскых вещей каа подвижут сердце твое, не ужасайся, утверждаем на недвижимѣмь камени заповѣдей Господних и ограждаемь преданми святыхь отецъ. И о всемь буди ревнитель тѣм, ихже зриши и слышиши от святых писаний, имущихь свѣдетельствованно житие и мудрование. Сих бо право есть шествование пути. И сиа написуа в сердци своемь, поиди неуклонно в путь Божий и не заблудиши благодатию Божиею от истины. Писано бо есть, яко невъзможно правѣ мудрьствующему и благочестнѣ живущу погыбнути. Но елици растлѣннѣмь разумомь творять дѣло Божие, сии погрѣшають от праваго пути.

Шествуй же невъзвратно, положивь руку на рало Господне и не зря въспять, да управлен будетши в царство Божие.[12] И потщися, приемь сѣмя слова Божиа, не обрѣстися сердцу твоему путь, ни камень, ни терние, но благаа земля, сътворяа многосугубенъ плодъ, в спасение душа своеа. Да и азъ, разумное твое въ услышании слова Божиа разсмотривь и яже достойная похваламь въ исправлении добродѣтелемь в тебѣ обрѣтъ, възрадуюся, благодаря Бога, увѣдѣвь тебе слышавша слово Божие и храняща е. Молю же тя Господа ради молити за мя грѣшника, глаголюща ти доброе, а не творяща никакоже.

Богь же, творяй преславная и подаваа всяко даание благо творящим волю Его, да подасть ти разумъ и утверждение творити волю Его святую молитвами Пречистыа Владычица нашеа Богородица и всѣхь святых, яко благословень в вѣкы. Аминь.

ПОСЛАНИЕ ГЕРМАНУ ПОДОЛЬНОМУ

ПОСЛАНИЕ ТОГОЖЕ ВЕЛИКАГО СТАРЦА КЪ БРАТУ, ПРОСИВШУ ОТ НЕГО НАПИСАТИ ЕМУ ЕЖЕ НА ПОЛЗУ ДУШИ

Писаниице твое, отче, еже писалъ еси къ мнѣ, — просиши у мене отписати ми к тебѣ, еже на пользу и извѣстити ми тебѣ о себѣ, — что мниши скорбь мнѣ на тебя тѣх ради рѣчей, что бесѣдовали есмя с тобою, коли еси былъ здѣ. И о том прости мя. Съвѣтовалъ есмь, въспоминаа себѣ и тебѣ, яко присному своему любимому, якоже и писано есть: «Таиньство Моа Моимь и сыновомь дому Моего открываю», [13] — что не просто или якоже прилучися подобаеть намь творити дѣланиа каа, но по божественыхь писаниихь и по преданию святыхъ отець, прежде изшествие из монастыря. Точию не ползы ли ради душевныа, а не за ино что? Занеже не видятся нынѣ хранима жительства законъ Божиих по святых писаниих и по преданию святых отецъ, но по своих волях и умышлениих человѣчьскых. И въ мнозѣх обретается се, что и самое то развращеное творимь, и сие мномь добродѣтель проходити. Се же случается от еже невѣдети нам святая писаниа, понеже не тщимся съ страхом Божиимь и съ смирениемь испытовати сиа, но небрежемь о них и въ человѣчьская упраждняемся.

Аз же того ради тако бесѣдовах ти, понеже истинно, а не притворено хощеши слово Божие слышати и творити е. И аз, не ласкаа тя, ни съкрываа жостоту тѣснаго и прискорбнаго пути, предложих ти. Инѣм же противу мѣрѣ комуждо бесѣдую. Ты же вѣси мою худость изначала, яко присный духовнѣ любимый мой. Сего ради и нынѣ пишу тебѣ, явлено о себѣ творя, понеже по Бозѣ любовь твоа понуждает мя и безумна мя творить — еже писати к тебѣ о себѣ.

Егда въ монастыри купно жили есмы, сам вѣси, яко съплетений мирскых удаляюся и творю, елико по силѣ, по божественых писаний, аще и невъзмогаю тако ради лѣности моеа и небрежениа. Таже по ошествии странничьства моего пришед в монастырь, вънѣ близь монастыря сътворих себѣ келию и такоже живях, елико по силѣ моей.

Нынѣ же в далѣе от манастыря преселихся, понеже благодатию Божиею обрѣтох мѣсто угодно моему разуму, занеже мирской чяди маловходно, якоже и самъ видѣлъ еси.

И наипаче испытую божественаа писаниа: прежде заповѣди Господня и толкованиа ихь и апостольская предания, таже и житиа и учениа

святыхъ отецъ — и тѣмь вънимаю. И яже съгласна моему разуму къ благоугождению Божию и к ползѣ души преписую себѣ и тѣми поучаюся, и въ томь живот и дыхание мое имѣю. А немощь мою и лѣность и нерадѣние на Бога и на Пречистую Богородицу възложих.

И аще что лучится творити ми, аще не обрящу то в святых писаниихь, отлагаю се на время, дондеже обрящу. Понеже по своей волѣ и по своему разуму не смѣю что творити. И аще кто любовию духовною прилѣпляется мнѣ, такоже съвѣтую дѣлати, наипаче же тебѣ, занеже изначала духовною любовию усвоаемь еси мнѣ. Сего ради и слово подвигохь к тебѣ, съвѣтуа въ благо, яко своей души: како самъ тщуся дѣлати, тако и тебѣ бесѣдовах.

Нынѣ же, аще и разнѣ тѣлом есмы, но духовною любовию съпряжени и съвокуплени. И устава ради сеа божественыа любве бесѣдовах ти тогда и нынѣ пишу призывающаа в спасение души. И ты яже слыша от мене и написанна видѣвь, аще угодно ти есть, подражай сиа. Желаа сынъ и наслѣдникь быти святых отецъ, твори заповѣди Господня и предания святых отецъ и сущимь с тобою братиамь глаголи.

И аще особнѣ вселение твое есть или в монастыри съ братиами еси, вънимай святымь писаниемь и по стопамь святых отецъ шествуй. Занеже божественая писаниа намь тако повелѣвают: или повинутися таковому человѣку, кто будеть свѣдѣтельствованъ в дѣлании словомь и разумомь духовнѣ, — якова же пишеть Великый Василие[14] въ словѣ, емуже начало: «Придете къ Мнѣ вси тружающеися».[15] Аще ли не обрящется таковь, ино повинутися Богу по божественыхь писаниихь, а не так безсловесно, якоже нѣции. И егда в монастырѣ съ братиами, мнящеся в повиновании, самоволием безсловесно пасутся и ошельствие такоже творять неразумно, волею плотскою ведущеся и разумомь неразсудном невѣдуще ни яже творять, ни о нихже утверждаются. О таковых Иоаннъ Лѣствичный, разсуждаа въ иже о различии безмолвиа словѣ, глаголеть: «Самочиниемь паче, неже наставлениемь, от мнѣниа плавати изволиша». Еже да не будеть намь. Ты же, творя по святыхъ писаниих и по жительству святыхъ отецъ, благодатию Христовою не погрѣшиши.

Нынѣ же и азъ оскорбихся о томь, что ты скорбенъ. Того ради понудихся и писати к тебѣ, — чтобы еси не скорбенъ был. Богъ же всякыа радости и утѣхы да утѣшить сердце твое и извѣстить о нашей любви еже к тебѣ.

Аще и грубо написах ти что, но не иному кому, но тебѣ — присному възлюбленному моему, не хотя презрѣти прошение твое. Надѣю бо ся, яко съ любовию приимеши и не позазриши неразумию моему.

А о вещехь нашихь, о нихже молих святыню твою, та добрѣ потщался еси устроити, о томь челомь бию. Богъ да въздасть ти мьзду противу твоему труду.

К тому же еще молю твою святыню, да не положиши словеса она скорбь, яже глаголахомь тогда. Аще бо и по внѣшнему мнятся жостока, внутрь же исполнь ползы. Понеже не своя глаголахь, но от святых писаний. Жостъка убо поистинѣ онѣм,иже не хотять истинно смиритися въ страсѣ Господни и плотьскыхъ мудрований отступити, но по своих воляхь страстних жити, а не по святыхь писаниихъ. Таковии бо не испытуют святая писаниа съ смирениемь духовнѣ. Нѣции же от нихь не хотять и слышати нынѣ еже по святыхь писаний жити, якоже бы рещи: не намь писана суть и не подлежить еже въ нынѣшнем родѣ хранити та.

Истинным же дѣлателем и древле, и нынѣ, и до вѣка словеса Господня чиста, яко сребро ражжено и очищенно седмерицею, и заповѣди Его свѣтлы, и въжделѣнны имь паче злата и камениа честна, и услаждають ихь паче меда и сота, и хранять я. И вънегда съхранять та, въсприимуть въздааниа многа.

Здравьствуй о Господѣ, господине отче, и моли о нас грѣшныхь, а мы святыни твоей велми челом бием.

ПОСЛАНИЕ БРАТУ, ПРИШЕДШЕМУ С ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ

ТОГО ЖЕ СТАРЦА ПОСЛАНЕИЦЕ ПРОСИВШЕМУ У НЕГО БРАТУ С ВЪСТОЧНЫА СТРАНЫ НА ПОЛЗУ ДУШИ

Так ся, господине, нам мнить полезно тебе окормлятися: правило в телесных деланиих по силе, а не выше меры, а в писаниих божественых поучатися, и в рукоделиих себе обучати, и безмолвие любити. А коли, Богу хотящу, друг друга узрим, тогда пространнее будет беседа о всем, про все.

ЗАВЕЩАНИЕ

Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа. Завѣщаваю яже о себе моимъ приснымъ господиямъ и братиям, яже суть моего нрава: молю вас, повергните тѣло мое в пустыни сей, да изъядятъ е звѣрие и птица, понеже съгрѣшило есть къ Богу много и недостойно есть погребения. Аще ли сице не сътворите, и вы, ископавше ровъ на мѣстѣ, идѣже живемъ,съ всякимъ безчестиемь погребите мя. Бойте же ся слова,иже великий Арсений[16] завѣща своимь учеником, глаголя: на судѣ стану с вами, аще кому дадите тѣло мое. Мнѣ потщание, елико по силе моей, что бых не сподобленъ чести и славы вѣка сего никоторые — якоже в жити семъ, тако и по смерти. Молю же всѣх, да помолятся о души моей грѣшней, и прощения прошу от всѣх, и от мене прощение: Бог да простит всѣх.

Крестъ болшей, что в нем камень страстей Господних, такоже и что писал есми сам книжки,[17] то — господѣ моей и братии, кто учнетъ тръпѣти на мѣстѣ семъ. Аще бы потщалися по мнѣ службу священную сотворити до 40 дней, отомвелми челомъ бью. Малые книжицы Иоаннъ Дамаскинъ, Потребникъ, и Ермолой такоже здѣ, Псалтирь в четверть Игнатиева писма, — къ Кириловъ монастырь. И прочие книги и вещи Кирилова монастыря, что мнѣ давали за любовь Божию — чие что есть, тому и отдати; или нищим, или монастыря коего, или отъинуду христолюбца коего, что въ лицѣх, — тому и отдати.

---

[1] *Иоанъ Лѣствичный* — Иоанн Синайский, или Лествичник (VII в.), автор популярной в Византии, а с XIV в. и на Руси, книги «Лествица», учащей борьбе со страстями и внутреннему восхождению к Богу.

[2] *«Помилуй мя... немощенъ есмь».* — Пс. 6, 3.

[3] *«Ты, Господи, силенъ еси»...* — Ср.: Пс. 88, 9.

[4] *...«не убоишися от страха... летящаа в дне».* — Пс. 90, 5.

[5] *«Се дано бысть намь от Бога... еже о Немь страдати».* — Ср.: Фил. 1, 29.

[6] *«Изгонящеи мя нынѣ обыдоша мя».* — Пс. 16, 11.

[7] *...«избави мя от обышедших мя»*. — Ср.: Пс. 30, 16.

[8] *«Боже, в помощь мою вънми»...* — Пс. 70, 12.

[9] *«Суди, Господи, обидящим... борющим мя»...* — Пс. 34, 1.

[10] *“Ты силен еси, Господи”...* — Пс. 88, 9.

[11] *«Таинства моа любящим мя открываю»*. — Источник цитации неопределен.

[12] *Шествуй невъзвратно... в царство Божие.* — Ср.: Лк. 9, 62.

[13] *«Таиньство Моа Моимь и сыновомь дому Моего открываю»...* — Источник цитации не определен.

[14] *Великый Василие* — Василий Великий (ок. 329—379), архиепископ Кесарии Каппадокийской, плодовитый церковный писатель, борец с арианской ересью.

[15] *«Придете къ Мнѣ вси тружающеися».* — Мф. 11, 28.

[16] *...великий Арсений...* — Знатный и образованный римлянин, воспитатель Аркадия и Гонория, детей константинопольского императора Феодосия, удалившийся в скит в Египте, долго безмолвствовавший и завещавший ученикам не воздавать чести его телу и памяти, а молиться о его душе. Жил в 354—449 (450) гг.

[17] *...что писал есми сам книжки...* — Из написанного собственноручно Нилом Сорским нам сейчас известны три тома составленного и отредактированного им «Сборника», содержащего переведенные с греческого жития святых, расположенные в хронологическом порядке по дням празднования (начиная с сентября и кончая августом), а кроме того (в одной рукописи), — выписки из сочинений византийских писателей-аскетов, конец скитского устава и начало его собственного «Предания» и (в другой рукописи) сделанный при его значительном участии древнейший из сохранившихся список антиеретического сочинения Иосифа Волоцкого «Просветитель» (см.: *Прохоров Г. М.* Автографы Нила Сорского // Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975. С. 37—54).

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ ВАССИАНУ ПАТРИКЕЕВУ

ПОСЛАНИЕ ВЕЛИКОГО СТАРЦА БРАТУ, СПРОСИВШЕМУ ЕГО О ПОМЫСЛАХ

Похвальное желание подвигло тебя, о возлюбленный, — ты стараешься услышать слово Божие для утверждения себя, для сохранения от зол и поучения в благом. Но надо бы тебе, господин, это узнавать от хорошо разумеющих. Ты же требуешь этого от меня, неразумного и грешника. А я и как ученик непригоден, оттого и отказывался и откладывал так долго: не потому что не хотел оказать услугу хорошему твоему пожеланию, но из-за неразумия и грехов моих. Что же скажу я, сам не сделав ничего хорошего! Какой разум у грешника? Только грехи. Но поскольку ты меня многократно к этому понуждал, — чтобы я написал тебе слово о созидании добродетели, то я и дерзнул написать тебе то, что выше меры моей, не смогши пренебречь твоей просьбой, — чтобы более ты не обиделся.

Вопрос же твой — о приходящих прежних мыслях, из мирской жизни. И это ты и сам по опыту знаешь, — сколько скорбей и разврата содержит этот мир мимоходящий, и сколько лютых зол причиняет он любящим его, и как посмеивается, отходя от рабствовавших ему, сладким являясь им, когда ласкает их чувства, горьким оказываясь впоследствии. Ведь поскольку они считают блага его умножающимися, когда удерживаются им, постольку растут у них скорби. Ибо мнимые его блага по видимости суть блага, внутри же они наполнены многим злом. Поэтому тем, кто имеет разум поистине благой, он ясно показывает себя, — да не будет ими возлюблен.

По переходе из этой жизни что бывает? Сосредоточься на том, о чем речь. Какую пользу принес мир держащимся за него? Хотя и славу, и честь, и богатство некоторые имели, не все ли это ни во что обратилось и, как тень, прошло мимо и, как дым, исчезло? И многие из них, вращаясь среди дел мира сего и любя движение его, во время юности и благоденствия своего смертью пожаты были: как цветы полевые, процветше, опали и против желания отведены были отсюда. А пребывая в мире сем, не уразумели они зловония его и заботились об украшении и покое телес, изобретая способы, пригодные для получения прибылей в мире сем, и проходили обучение тому, что венчает тело в сем преходящем веке. И если это все они получили, а о будущем и нескончаемом блаженстве не позаботились, то что надо думать о таковых? Только, что безумнее их в мире нет, как сказал некий премудрый святой.

Некие же из них были благоговейнейшими людьми, и занимали ум свой мыслями о желанном спасении души, и вели борьбу со страстями, и приличествующее добродетелям по возможности совершали, желая оторваться и отступить от мира сего, но не смогли выпутаться из его сетей и избежать его коварств.

Тебя же Бог, возлюбив, изъял из мира сего и поставил в чин службы Своей по милости и по замыслу Своему. За это ты должен много благодарить Его милость и делать все, что в силах, для благого угождения Ему и для спасения своей души, прошлое мирское забывая как ненужное, вперед к добродетелям устремляясь как к ходатаям о вечной жизни. Радуйся, иди к почести высшего звания, в небесном отечестве для подвизавшихся приуготовленной.

А что ты мне сказал о нечистых помыслах, врагом душ наших приносимых, — из-за них не очень поддавайся скорби, не пугайся, потому что не только у нас, немощных и подверженных страстям, бывает от них досада, говорят отцы, но и у достигших преуспеяния, в достохвальном житии пребывающих и отчасти сподобившихся духовной благодати. И у них бывает много борьбы с такими помыслами, и в великом подвиге из-за них они оказываются, и с трудом отгоняют их благодатью Божией, всегда стараясь их отсекать.

И ты, утешаясь этим, старательно отсекай лукавые помыслы. Используй против них всегда доставляющую победу молитву, — Господа Иисуса призывая. Этим ведь призыванием отгоняемые, бегом они отойдут. Как сказал Иоанн Лествичник: «Иисусовым именем бей нападающих, ибо крепче этого оружия нет». Если же сильно ополчатся на тебя воюющие с тобой, тогда, встав и очи и руки к небу возведя, говори усердно со смирением: «Помилуй меня, Господи, так как я немощен. Ты, Господи, силен, и Твой это подвиг. Ты воюй за нас и победи, Господи». И если будешь так делать, не ленясь, обязательно на опыте узнаешь, что силой Вышнего они побеждаются.

Занимайся также и каким-либо рукоделием, ибо и этим лукавые помыслы отгоняются. И это было передано ангелом одному из великих святых. И учи что-нибудь из Писания наизусть, на том ум сосредоточивая: и это возбраняет доступу к нам нашествия бесовского. И это — изобретение святых отцов.

И сохраняй себя от бесед, чтобы не слышать и не видеть неподобающего, что возбуждает страсти и укрепляет нечистые помыслы, и Бог поможет тебе.

О страхе же что ты говоришь, — это младенческий обычай немужественной души. Тебе же это не свойственно. И когда случится с

тобой такое, старайся, чтобы он не овладел тобою, и утверди сердце свое в уповании на Господа, и говори в себе так: «Есть у меня Господь, охраняющий меня, и без Его воли не может никто ни в чем повредить мне. Если же Он что-то попускает на меня, чтобы я пострадал, то я принимаю это без лютой злобы и не хочу, чтобы не исполнилось Его желание, поскольку Господь больше меня знает и хочет полезного мне. И я за все это благодарю благость Его». И тогда благодатью Божией дерзновенен будешь в благом. Молитвой же всегда и при этом вооружайся. И когда в каких местах это с тобой случится, туда особенно старайся приходить и, руки крестообразно подняв, Господа Иисуса призывай. И с помощью Вышнего «не убоишься от страха ночного и стрелы, летящей днем». Об этом достаточно.

Обо всем же остальном, что похвально, честно и добродетельно, — о том думай и то делай, мудрым бывая в благом, всякое же зло ненавидя. Будь послушен наставнику и прочим отцам о Господе во всяком благом деле.

Службу же, которая ныне поручена тебе, или иную, к какой перейдешь, исполняй, служа с радостной готовностью и с благообразной старательностью, как Самому Христу, всех братьев считая святыми.

Если случится тебе задать вопрос или дать кому-либо ответ, веди беседу благожелательно и ласково, с духовной любовью и истинным смирением, без лености и не обижая брата. С благоговейными отцами общайся, но во время и в меру. От не таковых же сторонись, береги себя, и старайся никого не укорить, ни осудить ни в чем, хоть и кажется тебе что-то нехорошим. А себя считай грешным и вовсе негодным.

Если потребуется тебе какая-то вещь от настоятеля или прочих приставленных к тому отцов, то прежде помолись и рассуди в себе, полезно ли это, и тогда спроси. Если же не получится так, как хочешь, не огорчайся и не ожесточайся из-за того, что сделали не по твоему желанию, хоть и хорошим кажется тебе то, что ты хочешь, но терпеливо отойди и, тихо ожидая, все делай. И если к благоугождению Божию и к спасению своей души будешь стремиться, обязательно известит Бог кого-нибудь, как сделать по твоей потребности, и время и руку помощи подаст.

Будь также усерден во внимании божественным писаниям, и их словами, как живой водой, напаивай свою душу и старайся по мере сил, им следуя, поступать. Также людям, обладающим пониманием божественных писаний и духовной мудростью, чья жизнь

свидетельствует о добродетелях, — таким людям старайся повиноваться и их житию подражать. Имей терпение в скорбях и за обидивших тебя молись, и относись к ним как к благодетелям.

И то разумей, что говорю тебе о смысле божественных писаний как сообщающем желание благодеяния Божия: так, от века святые, поступавшие по правде и получившие обетования, ходя путями добродетели, не только беды и скорби претерпели, но и через крест и смерть проходила их стезя. И это знак любви Божией, — когда скорби достаются тому, кто поступает по правде. И даром Божиим это называется, ибо апостол пишет: «Это дано было нам от Бога — не только во Христа веровать, но и за Него страдать». Это ведь делает человека причастным страстям Христовым и уподобляет святым, претерпевшим скорби за имя Его. И не иначе благодетельствует Бог любящих Его, — только посылает им искушение скорбями. Этим и отличаются любимцы Божий от прочих: эти ведь в скорбях живут, а любящий мир сей веселятся в пище и покое. Это и есть правый путь — претерпевать искушения скорбей за благочестие. На этот путь направляя, Бог приводит страдальцев Своих в жизнь вечную. И потому с радостью подобает нам шествовать непорочно этим путем, ходя в согласии с заповедями Господними, всем сердцем благодаря Его за то, что Он послал нам эту благодать, возлюбив нас, — непрестанно молясь о благости Его, помня о конце этой скорбной жизни и о бесконечном блаженстве будущего века. И Бог, податель всякой радости и утешения, утешит сердце твое и сохранит тебя в страхе Своем молитвами Пречистой Богородицы и всех святых.

Незабвенным же Господа ради сделай и меня, грешника, в молитвах своих, — говорящего тебе хорошее, а не делающего: да выведет меня Господь из потопа страстей и трясины грехов.

ПОСЛАНИЕ ГУРИЮ ТУШИНУ

ТОГО ЖЕ — ИНОМУ. О ПОЛЬЗЕ

О чем устами к устам беседовала со мной святыня твоя, честнейший мой господин-отец, о том же и писаньица затем присылал ко мне: требуешь от моей худости послать тебе написанным слово, руководствующее к благоугождению Богу и к пользе души. А я, господин, человек грешный и неразумный, и всеми страстями побеждаемый, боялся приняться за такое дело. Поэтому отказывался и откладывал. Но поскольку твоя духовная любовь заставила меня

дерзнуть на то, что выше моей меры, — писать нужное тебе, постольку я решился на это.

Вопрос твой первый о блудных помыслах: как им сопротивляться. В этом не только у тебя труд и подвиг, но у всех подвизающихся с Богом, потому что эта тяжелая борьба, говорят отцы, состоит из двойной войны: в душе и в теле, — и труднее ее нет у естества. По этой причине подобает очень стараться и строго, в бодрости охранять свое сердце от этих помыслов и, страх Божий имея пред очами, помнить наше обещание, которое мы дали, — пребывать в целомудрии и чистоте. Целомудрие же и чистота — это не только внешняя жизнь, но — когда сокровенный сердца человек остается чистым от скверных помыслов. Потому надо всячески старательно отсекать эти помыслы; а оружие против них следует применять такое — молиться Богу прилежно, как научили святые отцы, — различными способами, тождественно же по смыслу. Один ведь говорит, что, от Давида научившись, молится так: «”Преследующие меня ныне окружили меня”. Радость моя, “избавь меня от окруживших меня”». Другой из них говорит так: «Боже, о помощи мне услышь», — и тому подобное. Другой, тоже из них: «Суди, Господи, обижающих меня и запрети борющимся со мной», — и дальнейшее псалма.

Призывай также на помощь тех, о ком узнаешь из писаний как о подвизавшихся в целомудрии и чистоте. Если же тяжелой для тебя окажется брань, тут же, встав и возведя очи и руки к небу, так помолись: «”Ты силен, Господи”, и Твой это подвиг. Ты воюй и победи в этом, Господи, за нас». И воскликни, обращаясь к Всесильному в помощи, смиренным голосом: «Помилуй меня, Господи, ибо я немощен». Таково предание святых. И если будешь применять эти приемы борьбы, узнаешь на опыте, что благодатью Божией эти искушения ими легко побеждаются.

И всегда оружием Иисусова имени наноси раны ратникам. Ибо крепче этой победы нет.

Береги себя и от того, чтобы смотреть на такие лица и слушать такие речи, которые возбуждают страсти и навевают нечистые помыслы. И Бог охранит тебя. Об этом достаточно.

Второй же твой вопрос — о помысле хуления. И этот помысел бесстыден и очень лют. Нападает он сильно, но непостоянно. И не только ныне, но и в древности он был, и у великих отцов и святых

мучеников, и в то самое время, когда мучители собирались подвергнуть их тела ранам и горькой смерти за исповедание веры в Господа нашего Иисуса Христа.

А побеждать этот помысел надо так: не свою душу, но нечистого беса считать его виновником. Говорить же против духа-хулителя следующее: «Иди за меня, сатана. Господу Богу моему поклонюсь и Ему одному послужу. К тебе же хула твоя, на твою голову возвратится, и тебе ее припишет Господь. Отступи же от меня. Бог, создавший меня по Своему образу и подобию, да удалит тебя».

Если же и после этого, бесстыдствуя, он нападает, переведи мысль на какой-то иной предмет, божественный или человеческий, — только не вне подобающих.

Береги себя и от гордыни и старайся ходить путями смирения. Ибо сказано отцами, что хулительные помыслы рождаются от гордыни. Но бывают и от бесовской зависти. От того ли, или от иного они бывают, но как олени суть губители ядовитых зверей, так и для этой страсти губительно смирение. И не только для этой, но и для прочих, — сказано было святыми отцами.

Третий вопрос. А что ты спрашиваешь, как отступить от мира, — и это усердие твое хорошо. Только старайся, чтобы на деле это в тебе совершилось. Это ведь выровненный путь к вечной жизни, которым шли, познав и поняв премудрость, преподобные отцы.

Особенно же тому нужно отступление от мира, у кого в обычае было совокупление с миром. Ведь если он не отступит, то некие образы и картины мира, прежде в нем возникавшие оттого, что он слышал и видел мирские вещи, вновь появятся. И не сможет он трезвенно пребыть в молитве и поучаться волям Божиим. Желающий же поучаться благому угождению Божию должен отступить от мира.

Не возжелай также вести беседы с обычными друзьями, думающими о мирском и занятыми попечением о бессмысленном — о приращении

монастырского богатства и стяжании имуществ, воображающими, что они делают это как благое дело, и от незнания божественных писаний или от своих пристрастий полагающими, что идут путем добродетели. И ты, человек Божий, с таковыми не общайся. Не подобает на таковых и словами наскакивать, ни поносить, ни укорять их, но надо предоставлять это Богу: Бог в силах их исправить.

Также уберегай себя во всем от дерзости. Дерзость ведь, как написано, подобна великому огню, от которого, когда он возникает, все убегают. И отворачивайся, чтобы не слышать и не видеть принадлежащего братиям, их тайн и их дел. Ибо это делает душу опустошенной от всякого блага, приучает смотреть на недостатки ближнего и мешает оплакивать свои грехи.

И не старайся быть скорым в речах при беседах с братией, даже если это кажется полезным. Но если какой-то брат имеет что сказать нам и поистине нуждается в слове Божием, то, если имеем, мы должны подать ему не только слово Божие, но, по свидетельству апостола, и свою душу. Общайся с таковыми и помогай в делах тем, кто мыслит духовно, каковые суть дети Божиих тайн. Беседы же с людьми иного рода, пусть и малые, иссушают цветы добродетелей, только-только расцветающие от сохранения безмолвия и наполняющие мягкостью и молодостью сад души, насаженный при источниках вод покаяния, как сказал премудрый святой.

Четвертый вопрос. А что ищешь, как не заблудиться, сбившись с истинного пути, — и об этом даю тебе благой совет.

Свяжи себя законами божественных писаний и последуй им — писаниям истинным, божественным. Писаний ведь много, но не все они божественные. Ты же, в точности убедившись в их истинности из чтения их и из бесед с разумными и духовными мужами, — поскольку не все, но разумные люди понимают это, — без свидетельства таковых писаний ничего не делай, как и я. О себе говорю тебе потому, что по Боге любовь твоя делает меня безумным настолько, что я говорю о себе. Но как сказано: «Тайны мои любящим меня открываю». Того ради я и сказал о себе.

Я ведь ничего не делаю без свидетельства божественных писаний, но святым писаниям следуя, делаю сколько по силам. Когда мне нужно что-либо сделать, я прежде всего вопрошаю божественные писания. И если не найду согласное с моим соображением о начинании дела, откладываю его, пока не найду. Когда же найду благодатью Божией, делаю в благой уверенности как одобренное.

Так и ты, если хочешь, поступай по святым писаниям и согласно их смыслу старайся осуществлять заповеди Божий и предания святых отцов. И если какие-нибудь волнения, связанные с житейскими делами, подвигнут сердце твое, не пугайся, утверждаясь на недвижимом камне заповедей Господних и ограждаясь преданиями святых отцов. И во всем будь ревностным подражателем тем, кого видишь и о ком слышишь из святых писаний, что они имеют засвидетельствованное житие и мышление. Ибо их движение по пути правое. И записывая это в сердце своем, пойди неуклонно в путь Божий, и не собьешься благодатью Божиею в сторону от истины. Ибо написано, что невозможно правильно мыслящему и благочестиво живущему погибнуть. А кто с растленным разумом делает дело Божие, те уклоняются от правого пути.

И шествуй, не возвращаясь, возложив руку на плуг Господен и не озираясь назад, да пригоден будешь для царства Божия. И постарайся, приняв семя слова Божия, чтобы не оказалось сердце твое ни путем, ни камнем, ни тернием, но — благой землей, творящей множество плодов во спасение своей души. Да и я, усмотрев твою разумность при слышании слова Божия и обретя в тебе то, что достойно похвал, в деле осуществления добродетелей, возрадуюсь, благодаря Бога, — увидав, что ты и услышал слово Божие, и сохраняешь его. Молю же тебя Господа ради молиться за меня, грешника, говорящего тебе хорошее, а никак не делающего.

Бог же, творящий преславное и подающий всякое благое даяние исполняющим волю Его, да подаст тебе разум и уверенность, чтобы творить волю Его святую молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы и всех святых, ибо благословен вовеки. Аминь.

ПОСЛАНИЕ ГЕРМАНУ ПОДОЛЬНОМУ

ПОСЛАНИЕ ТОГО ЖЕ ВЕЛИКОГО СТАРЦА К БРАТУ, ПРОСИВШЕМУ У НЕГО НАПИСАТЬ ЕМУ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДУШИ

В письмеце твоем, отец, которое ты написал мне, ты просишь меня написать тебе что-то полезное и известить тебя о себе, — тебе кажется, что я обижен на тебя из-за тех речей, что были сказаны, когда мы с тобою беседовали, когда ты был здесь. И за то прости меня. Я высказывал мнение, имея в виду себя и тебя, как всегда мною любимого, — согласно написанному: «Тайны Мои Моим и сыновьям дома Моего открываю», — что не просто так и не как случится подобает нам осуществлять какие-либо дела, но по божественным писаниям и по преданию святых отцов, прежде всего — уход из монастыря. Только — не пользы ли это ради душевной, а не ради чего-то иного? Потому что не видно ныне общежительства по законам Божиим, по святым писаниям и по преданию святых отцов, но только — по своим волям и умышлениям человеческим. И во многих из них оказывается, что и самые развратные дела мы творим, и полагаем, что это — осуществление добродетели. Случается же это от нашего неведения святых писаний, потому что мы не стараемся со страхом Божиим и со смирением вопрошать их, но пренебрегаем ими и занимаемся человеческими делами.

Я же потому так говорил с тобой, что ты истинно, а не притворно хочешь слышать слово Божие и осуществлять его. И не льстя тебе, не скрывая трудность тесного и прискорбного пути, предложил я это тебе. С иными же соответственно мере каждого беседую. Ты ведь знаешь мою худость с самого начала, как всегда мною духовно любимый. Из-за этого и ныне пишу я тебе, объявляя о себе, поскольку по Боге любовь твоя понуждает меня к тому и делает меня безумцем, — заставляя писать тебе о себе.

Когда в монастыре мы жили вместе, ты сам видел, что от мирских сплетен я удаляюсь и поступаю, насколько есть силы, по божественным писаниям, хотя и не справляюсь из-за моей лености и небрежности. Затем, по завершении странничества моего придя в монастырь, я построил себе келью вне, поблизости от монастыря и так жил, насколько было силы моей.

Ныне же подальше от монастыря я переселился, так как благодатью Божией нашел место, угодное моему разуму, потому что мирским людям оно труднодоступно, как ты и сам видел.

И больше всего я вникаю в божественные писания: прежде всего — в заповеди Господни и их толкования и апостольские предания, затем — в жития и учения святых отцов, — и им я внимаю. И что согласуется с моим представлением о благоугождении Богу и о пользе для души, переписываю себе и тем поучаюсь, и в том жизнь и дыхание мое имею.

А немощь мою, леность и нерадение я возложил на Бога и на Пречистую Богородицу.

И когда случается мне что-то предпринять, если не нахожу того в святых писаниях, то откладываю это на время, пока не найду. Потому что по своей воле и по своему разуму я не смею ничего делать. И если кто-то по любви духовной прилепляется ко мне, советую так же поступать, особенно тебе, потому что с самого начала духовная любовь сделала тебя своим для меня. Оттого и обратил я к тебе слово, советуя во благо, как своей душе: как сам стараюсь делать, так и тебе говорил.

Ныне же, хоть и порознь мы телами, но духовной любовью сопряжены и совокуплены. И по закону этой божественной любви и тогда я беседовал с тобой, и ныне пишу, призывая к спасению души. И тому, что ты слышал от меня и написанным увидел — если это тебе угодно, подражай этому. Желая быть сыном и наследником святых отцов, твори заповеди Господни и предания святых отцов и живущим с тобой братьям то же говори.

И живешь ли ты особо, или в монастыре с братьями пребываешь, внимай святым писаниям и шествуй по стопам святых отцов. Потому что божественные писания нам так повелевают: или повиноваться такому человеку, который будет засвидетельствован в духовном делании словом и разумом, как пишет Василий Великий в слове, у которого начало: «Придите ко Мне все труждающиеся». Если же не найдется таковой, тогда — повиноваться Богу с помощью божественных писаний, а не так без смысла жить, как некоторые. Они и в монастыре с братьями, будто бы в повиновении, в самоволии без смысла пасутся, и отшельничество также осуществляют неразумно, плотской волей ведомые и не понимая неразмышляющим разумом ни того, что делают, ни того, в чем утверждаются. О таковых рассуждая, Иоанн Лествичник в Слове о различии безмолвия говорит: «Самочинно скорее, нежели согласно наставлению, следуя своему мнению, плавать они захотели». Да не будет этого с нами! Ты же, поступая по святым писаниям и по житиям святых отцов, благодатью Христовой не погрешишь.

А теперь и я стал скорбеть из-за того, что ты скорбен. Из-за этого-то и заставил себя написать тебе, — чтобы ты не скорбел. Бог же всякой радости и утехи да утешит сердце твое и известит о нашей любви к тебе.

Хоть и грубо я написал, но — ведь не кому-то иному, но тебе, постоянному возлюбленному моему, чтобы не презреть твою просьбу. Надеюсь ведь, что с любовью примешь ты это и не осудишь мое неразумие.

А что касается наших дел, о которых я просил твою святыню, — ты хорошо постарался их устроить, за то челом бью. Бог да воздаст тебе по твоему труду.

Сверх того, и еще молю святыню твою: да не сочтешь обидными те слова, что мы говорили тогда. Хотя внешне они кажутся жесткими, внутри же наполнены пользой. Потому что не свое я говорил, но — из святых писаний. Жестки они поистине для тех, кто не хочет истинно смириться в страхе Господнем и отступить от плотских мудрований, но хочет согласно своим страстным волям жить, а не по святым писаниям. Такие люди не вникают ведь со смирением, духовно в святые писания. Некоторые из них ныне не хотят и слышать о том, чтобы жить по святым писаниям, как бы говоря: не для нас они писаны и не надо людям нынешнего рода их хранить.

Для делателей же истины и в древности, и ныне, и до скончания века слова Господни чисты, как серебро, расплавленное и очищенное семикратно, и заповеди Его светлы и вожделенны для них больше золота и драгоценных камней, и услаждают они их больше меда и сотов, и они их соблюдают. И если они сохранят их, то воспримут многие воздаяния.

Здравствуй о Господе, господин отец, и молись о нас, грешных, а мы святыне твоей весьма бьем челом.

ПОСЛАНИЕ БРАТУ, ПРИШЕДШЕМУ С ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ

ТОГО ЖЕ СТАРЦА ПОСЛАНЬИЦЕ БРАТУ, <*ПРИШЕДШЕМУ*> С ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ, ПРОСИВШЕМУ У НЕГО НАПИСАТЬ ПОЛЕЗНОЕ ДЛЯ ДУШИ

Так, господин, нам кажется полезно тебе руководствоваться: в телесных занятиях правилом по силе, а не выше меры, а в писаниях

божественных поучаться, и какой-то ручной работе обучаться, и безмолвие любить. А когда, если Бог захочет, друг друга увидим, тогда пространнее будет беседа обо всем, про все.

ЗАВЕЩАНИЕ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Завещаю о себе моим вечным господам и братьям, людям моего нрава: молю вас, бросьте тело мое в этой глуши, чтобы съели его звери и птицы, потому что грешило оно перед Богом много и недостойно погребения. Если же этого не сделаете, тогда, выкопав яму глубокую на месте, на котором живем, со всяким бесчестием погребите меня. Бойтесь же слова, которое Арсений Великий завещал своим ученикам, говоря: на суде стану с вами, если кому-нибудь отдадите тело мое. Я стараюсь, насколько в моих силах, не быть сподобленным чести и славы века сего никакой — как в жизни этой, так и по смерти. Молю же всех, да помолятся о душе моей грешной, и прощения прошу у всех, и от меня прощение: Бог да простит всех.

Крест большой, в котором камень страстей Господних, а также книжки, которые я сам писал, то — господам моим и братьям, кто начнет терпеть на этом месте. И чтобы постарались по мне службу священную совершать в течение сорока дней, — об этом очень прошу. Маленькие книжицы, Иоанн Дамаскин, Потребник, и Ирмологий здесь также, Псалтирь в четверть, Игнатьева письма — в Кириллов монастырь. И прочие книги и вещи Кириллова монастыря, что мне давали по любви Божией, — чье что есть, тому и отдать; или нищим, или монастыря какого-нибудь, или откуда-то христолюбца какого-то лицевую книгу — тем и отдать.

СЛОВО ОБ ОСУЖДЕНИИ ЕРЕТИКОВ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод А. А. Алексеева

ВСТУПЛЕНИЕ

«Слово об осуждении еретиков» было написано уже после составления краткой редакции основного противоеретического сочинения Иосифа Волоцкого — «Просветителя» и после расправы его над еретиками в 1504 г. «Слово об осуждении еретиков», написанное, по всей видимости, самим Иосифом Волоцким, было затем включено во вторую

пространную редакцию «Просветителя», составленную в 1510—1511 гг., в качестве тринадцатого «слова».

Один из самых ярких памятников религиозной нетерпимости господствующей церкви начала XVI в. «Слово об осуждении еретиков» был, очевидно, ответом на довольно широко распространенное в русском обществе того времени отрицательное отношение к массовым казням еретиков. До XVI в. казни еретиков на Руси были довольно редким явлением; до этого времени не существовало и достаточно разработанной системы инквизиционных процессов (недаром предшественнику Иосифа — Геннадию Новгородскому — приходилось в этом вопросе сослаться на опыт «шпанского» (испанского) короля). Сам Иосиф Волоцкий писал в шестнадцатом «слове» «Просветителя», что после того как еретиков осудили «на смерть, то християне православнии скорбятъ и тужатъ, и помощи руку подаваютъ, и глаголють, яко подобает сих сподобити милости». В полемику эту включился и виднейший публицист нестяжательского направления — Вассиан Патрикеев, разобравший в своем «Ответе кирилловских старцев» (см. наст. т.) многие из примеров религиозной нетерпимости, на которые ссылался в «Слове» Иосиф Волоцкий.

При включении в пространную редакцию «Просветителя» в «Слово» был вставлен ряд дополнительных примеров наказания еретиков и иноверцев из Библии и церковной практики.

«Слово об осуждении еретиков» публикуется по списку: РНБ, F. I. 229, лл. 259—280, для исправлений привлекается список РГБ, ф. 247 (Рогожское собр.), № 530.

В списке F. I. 229 «Слово об осуждении еретиков» помечено как «Слово 10» — это связано с тем, что ему предшествует особая редакция «Просветителя», состоящая из девяти «слов» (точнее, из десяти «слов», но десятое и девятое «слова» слиты воедино). В списке РГБ, ф. 247, № 530, пометы «Слово 10» нет; мы опускаем ее при публикации.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО НА ЕРЕСЬ НОВГОРОДЦКИХ ЕРЕТИКОВЪ, ГЛАГОЛЮЩИХ, ЯКО НЕ ПОДОБАЕТЪ ОСУЖАТИ НИ ЕРЕТИКА, НИЖЕ ОТСТУПЪНИКА. ЗДѢ ЖЕ ИМАТЬ СКАЗАНИЕ ОТ БОЖЕСТВЕННЫХ ПИСАНИЙ, ЯКО ПОДОБАЕТЪ ЕРЕТИКА И ОТСТУПНИКА НЕ ТОКМО ОСУЖАТИ, НО И ПРОКЛИНАТИ, ЦАРЕМЪ ЖЕ, И КНЯЗЕМЪ, И СУДИЯМЪ ПОДОБАЕТ СИХ И В ЗАТОЧЕНИЕ ПОСЫЛАТИ, И КАЗНЕМЪ ЛЮТЫМ ПРЕДАВАТИ

Понеже убо нынѣ новоявлъшиися новогородцкие еретицы, Алексѣй протопоп, и Денис поп, и Феодоръ Курицынъ, и инии мнози, иже таяже мудрътвующеи, много зла содѣаша, яко язык не может изърещи, ниже слово сказати, ниже ум вмѣстити, елико хуление изрекоша на святую и животворящую Троицу, и на пречистую Богородицу, и на великаго Иоанна Предтечю, и на вся святыя, и колико сквернения содѣлаша на

святыя Божия церкви, и на честныя и животворящия кресты, и на всячестныя иконы, и толика и такова зла сотворше, убояшася и православъных еже о благочестии ревности, яко да не увидѣвше толикая их зла, соборне осудят ихъ по божественнымъ правилом в конечьную погибель в нынешнем вѣце и в будущемъ, сего ради вседушьно подщашася, еже утаитися от православных и сими глаголы хотяще устрашити правовѣръныя, глаголаху, яко не подобает осужати не еретика,[1] ниже отступника, на свидѣтелъство же приносяще Господня глаголы, еже *рече*: «Не осужайте, да не осужени будете»,[2] — и святаго Иоана Златаустаго,[3] еже глаголетъ, яко не достоит никогоже ненавидѣти, или осужати, ниже невѣрнаго, ниже еретика, и не убо достоит убивати еретика, — аще ли же и судити подобаетъ еретика или отступника, от царьских и градских закон судитися, а не от инокъ, ниже от миръских человекъ, иже не присѣдящимъ судищным двором.

И о семь убо, еже рече Господь: «Не осужайте, да не осужени будете», хотяй извѣстно разумѣти, да прочтетъ свидѣтельство божественных писаний, еже о семь написаша святии и преподобнии и богоноснии отцы наши, святый Иоанн Златаустый, и Великий Василие,[4] и божественный Афонасие Великий,[5] и инии мнози святии отцы наши. И от сих убо писаний сбора добрѣйши же и высочайший преподобный отець нашь Никонъ во своей велицей книзе, въ тридесять и девятомъ словѣ,[6] положи.

Ныне же прочее о сем речемъ, еже глаголетъ божественный Иоан Златаустый. Глаголетъ, яко не достоит зло творити или ненавидѣти какова любо человека, или нечестива, или еретика. Сия глаголетъ великий Иоан и равноапостолный муж, показуетъ нѣкая повелѣния временна. Не бѣ же воля Божия всегда тако быти, якоже самъ той свидѣтельствуетъ великий Златаустъ, сице глаголетъ, яко не достоит зло творити, или ненавидети какова любо человека, или нечестива, или еретика, егда не имам от них душевный вред. Тако бо и пастырие творят: доидеже убо ничтоже забавляет имъ звѣрь, подъ дубомъ или под смерчиемъ себе повергъше, тростию свиряют, оставльше на власти всяцей овца пастися. Внегда же волъкомъ нахождение ощутятъ бывшее, въскоре трость повергъше, прашьшу восхищаютъ и свиръль оставльше, дреколми и камениемъ себе вооружают, и пред стадомъ ставше, и велми ужаснѣ воскликнувъше гласомъ, множицею преж веръжения звѣря отгнавъше. Тако убо и намъ подобаетъ творити, иже Христово стадо пасущимъ, пастыремъ же и учителемъ. Егда убо видят невѣрнаго или еретика, ни коегоже вреда душевънаго не творяше вѣрнымъ, тогда и они, в травницѣ нѣкоемъ книжных повестей поучающеся, смирениемъ же и кротостию да наказуютъ невѣръныя и еретики. Егда же видятъ иже всѣхъ волъковъ лютѣйших окаянныя еретики, хотящих Христово стадо погубити и растлити еретическими июдейскими учении, тогда подобает имъ всяко тщание и ревность показати, яко да ни едино овча *Христова стада* звѣрьми восхищено будетъ. Зри, яко о семь глаголетъ

священный Златаустъ. Егда невѣрънии еретицы *никого*же от православных прельщают, тогда не достоитъ имъ зло творити или ненавидети ихъ; егда же узритъ невѣрныя же и еретики, хотящих прельстити православныя, тогда подобаетъ не точию ненавидети их или осужати, но и проклинати и язвити, и симъ руку свою освятити.

Якоже повелеваетъ сам той священный Златаустъ, глаголя сице: «Понеже о хулении намъ слово бысть, иже на единороднаго Сына Божия, нынѣ же единаго от вас хощу просити дара, да хулящая вся иже во граде накажете. Аще услышиши нѣкоего на распутии или на торгу среди народа, Владыку Христа хуляща, приступив, воспрети. Аще и язвы ему наложити подобает, не отмещися, зауши, сокруши его уста, освяти си руку язвою. Аще и поемлют нѣцыи, и аще судъ влекутъ, въслѣдуй. Аще и на судѣ воспросят, сирѣч судии истяжет, глаголи *с* дерзновениемъ, якоже царя аггельскаго похулилъ есть: аще бо хулящаго земнаго царя мучити подобаетъ, велми паче, иже хулящихъ небеснаго царя. Объщий есть грѣхъ, всѣх есть бесправдие. Подобаетъ же комуждо от хотящихъ оглаголавати, да увѣдятъ н жидове и поругании еретицы, яко спасители суть граду християне, и строители, и заступъници, и учители. Да увѣдятъ се не утомлении и развращении жидове и еретицы, яко божиих рабъ боятися тѣмъ подобаетъ, да, аще изволятъ когда извещати нѣчто таково, друг на друга взирают всюду, и стѣней трепещут, страхующеся, егда гдѣ християн услышатъ. Не слышали, что Иоан сотвори? Мучителя видѣ человека, брачныя законы отметающа, з дерзновениемъ посреди торъжища рече: “Неподобно ти есть имѣти жену Филипа брата своего”. Аз же не о человѣцехъ приведох слово, ни о судии, ни о брацѣх беззаконнующих, но о Владычьней досаде. Аще убо и умрети подобаетъ, наказовати брата своего не облениcя: мучительство убо и то есть за Христа. Понежь Иоан мученикъ есть, аще и пожрети не повелѣнъ бысть, ни поклонитись идоломъ, но егда видѣ божественныя законы попираеми, и того ради душу свою положи».[7]

И паки той же глаголетъ: «Возлюбленнии, многажды вам глаголаху о безбожных еретицѣхъ, и нынѣ молю, не совокуплятися с ними ни въ ядении, ни в питии, ни въ дружбе, ни в любъви: творя бо сия, чюжа себе творят Христовы Церкви. Аще кто и бесплотных житие поживетъ, еретиком же приобъщаяся в дружбе или въ любви, таковый чюж есть владыки Христа. Якоже убо сытости не имамы владыку Христа любити, такоже не имамы сытости враги его ненавидети. Глаголетъ бо самъ: “Иже нѣсть со мною, на мя есть”».[8] Сия убо глаголетъ и повелеваетъ священный Златаустъ, от святыхъ апостолъ вину прием.

Тако бо и святии апостоли творяху. Пишет бо ся в «Деаниих святыхъ апостолъ», яко, егда прииде в Самарию святый апостолъ Петръ, Иоан, тогда Симон волхвъ[9] принесе имъ сребро, глаголя: «Дадите ми власть сию, да, на негоже аще положю руцѣ, приимет Духъ святъ»; тогда убо

святии апостоли не осудиша его на смерть. Но егда прииде в конечное нечестие, еже развратити благочестивыя и прельстити вѣрующая, тогда смертию осужается.

Тако же и святый Иоан Богословъ сотвори. Егда убо Кунопъ[10] в своем мѣсте живяше и никогоже от вѣрныхъ не прелщаше, не осужен бысть. Егда же прииде во град, искій развратити вѣрующая, тогда осуженъ бысть на смерть.

Тако же и святый апостолъ Филипъ:[11] не прииде ко аръхиерѣю, ниже осуди его; но егда видѣ архиерѣа, пришедша не иного чего ради, но токмо благочестивыя развратити, тогда смерътию осужен бысть.

Подобно же тому святый апостолъ Павел сотвори: не поискавъ Еллима волхва[12] и не осуди, и ниже уничижи. Но егда видѣ его ищуща развратити анъфипата от вѣры, тогда осуди его, иже слѣпу быти и не видети солнца.

Подобно жь тому святии и преподобнии и богоноснии отцы наши, священноначалницы и пастырие творяху.

Святый убо Иоан Златоустый, егда видѣ арианы,[13] живуща в Костянтинеграде и никомуже от православных пакости не творяше, тогда Иоан ничтоже зла сотвори имъ. Егда же видѣ ихъ, творящих прелыцения, и нѣкоторая пѣния же и пѣсни створиша, яко да единосущныя смутятъ, тогда умоли царя, яко да ижденетъ их изъ града.

Тако же и святый Поръфирие, епископъ газский,[14] видѣ в *Газе* еретики же живуща, манихейская мудръствующе и никогоже от православных прельщающе, тогда и он не осуди ихъ. Егда же видѣ их сего ради пришедша к нему, яко да крестияны прельстят, тогда и онъ осужаетъ ихъ преже онемлениемъ, потом же смертию.

Тако же святый Лев, епископъ катаньский, Лиодора еретика преже не осуди на смерть.[15] Но егда видѣ его пришедша къ церкви, нѣкоторыя мечтания творяше, яко да благочествующая прельститъ, онъ же изыде изъ церъкви и сотвори Лиодора огънемъ сожжена быти, и паки вниде въ церковь и соверши божественную службу.

Тако же и святый Феодоръ, едесскый епископъ,[16] егда видѣ множество еретик во Едесе, православнымъ не творяща многа зла, тогда и онъ не сотвори имъ ничтоже зла. Егда же видѣ ихъ на толико зло пришедших, яко да православныя прельстят и церковная имѣния разграбят, тогда и въ Вавилонь отиде, и царя умоли, яко да еретики погребит.

И многа суть такова въ божественном писании, яко егда еретицы суще в себѣ ереси имущая, православнымъ пакости не твориша, тогда и святии преподобнии отцы наши сих не осужаху. Егда узрятъ невѣръныя жь и еретики, хотящихъ прельстити православныя, тогда осужаху ихъ. Тако убо подобаетъ и намъ творити. И сиа убо о сихъ.

Прочее же речемъ и о семь, еже той же великий церковный учитель святый Иоан Златаустый глаголетъ, еже не достоит убивати еретики: «Аще быхомъ убивали еретики, рать несмирна была бы во вселенней». Сия глаголетъ о епископѣх, и о священницѣх, и о иноцѣх, и о всѣх церковныхъ причетницѣхъ, а не о царѣхъ, ниже о князех, ниже о *судиѣхъ* земных. Аще бы глаголалъ о царѣхъ, и о князех, и о судияхъ, реклъ бы, яко не подобаетъ царемъ, и князем, и судиямъ убивати еретики. Нынѣ же *глаголетъ*: «Аще быхом убивали еретики», се явъствено показуетъ, яко о епископѣх, и о священницѣх, и о иноцѣхъ, и о причетницѣх церковъныхъ глаголетъ; самъ бо той бяше преже причетникъ церковный и инок, потомже священникъ, таже и епископъ. Того ради, всѣх сих лице на себе восприимъ, глаголетъ: «Аще быхомъ убивали еретики мы, рать несмирна бы была», а не о царѣх, ни о князѣх, ни о судиях земъских сиа глаголеть.

О царѣхъ убо и о князѣх, и о судиях и святии апостоли глаголютъ, яко они власть *прияше* от Господа Бога во отмщение злодѣемъ, в похвалу же добротворящихъ. Глаголеть убо верховный апостолъ Петръ:[17] «Повинитеся убо *всякому* человѣческому зданию Господа ради, сиречь человеческой власти; аще царю, яко преобладающу; аще князем, яко посылаемом от него, во отмщение убо злодѣем, в похвалу же добротворящимъ. Тако бо есть воля Божия, благотворящимъ обуздовати безумных человекъ неразумие». Подобно же тому и Павел глаголет:[18] «Князи бо не суть боязнь благимъ дѣлом, но злым. Хощеши же ли не боятися власти? Благое твори, и имаши похвалу от нея: Божий бо слуга есть ти в благое. Аще ли же злое твориши, бойся, не бо без ума мечноситъ. Божий бо служитель есть, отмститель въ гнѣвѣ злое творящему».

Подобно же тому и святии отцы глаголютъ. Священный убо Златаустъ сице рече: «На ползу убо людемъ земное начальство поставися от Бога, а не от диявола, якоже нѣцыи *неподобънии* глаголютъ, да боящеся, человецы не поглащают другъ друга, якоже рыбы». Того бо ради глаголетъ святый апостолъ Петръ, яко: «Тако есть воля Божия, благотворящимъ обуздовати безумныхъ человекъ неразумие». Тако же глаголетъ святый Григорие, акраганский епископъ,[19] во своих правилных завѣщаниих: «Велие убо *есть* в человѣцех дарование Божие свыше дано человеколюбне, священничество же и царство: ово убо божественным служа, ово же человѣчьскими обладая пекийся. Подобаше приемъшему от вышняго повелѣниа правление человѣчьсъкаго рода, не токмо о своих пещися, ни своего жития правити, но и все обладаемое от треволнения спасати, и многогрѣховнаго смятения потопляющимъ *отвсюду* лукавымъ духомъ, и тѣло смирения нашего смущающимъ».

Аще же кто речет, яко святии апостоли и преподобнии отцы повелѣша царемъ и княземъ и властелемъ во отмщение быти зло дѣлающим, еже есть убийцамъ и прелюбодѣемъ, татбу же и разбойничество и иная злая дѣла творящимъ, а не о еретицех, ниже отступницех, и аще убо о убийцах и о прелюбодѣях, и иже иная злая дѣла творящих, повелѣно бысть сице, множае паче о еретицех и отступницехъ подобает тако же быти, якоже свидѣтельствуетъ божественное писание. Глаголеть бо ся въ божественных правилех, еже от градцких закон, о невѣрных и о еретицех[20] сице: «Иже сподобившеися святаго крещения, и отступлъше православныя вѣры и еретицы бывше, или творяше еллинъския жерътвы, конечие повинни суть муце. Аще жидовин деръзнетъ развратити христианскую вѣру, главней повиненъ есть казни. Манихеи же, или инии еретицы християне бывше, и потомъ начнут еретическая творити или мудръствовати, мечемъ да посекается; иже таковы свѣдающе, и не предающе сих княземъ, конечьней муце повинни суть. Аще ли же кто воевода или воин, или сонмища началникъ, долъжни суть о семь пещися, егда кто еретическая творя или мудръствуя, и аще увѣдавше не предадятъ его, аще и правовѣрнии сами суть, конечную муку подоимутъ».

Гдѣ суть глаголющеи, яко не подобаетъ осужати ни еретика, ниже отступъника? Се убо явъствено есть, яко не точию осужати подобаетъ, но и казнем лютымъ предавати, и не точию еретики и отступъники, но аще и правовѣрни будутъ сами, и увѣдавше же еретики или отступъники, и не предадятъ судиямъ, конечную муку подъимутъ.

Аще ли жь кто речетъ яко: «Се есть градстии закони, а не апостольская, ниже отеческая писания», таково си да слышить преподобнаго отца нашего Никона в своих богодухновенных писаниих сице глаголюща о градцкихъ законех: «Сего ради святый и покланяемый Духъ вдохну въ

божественныя отца на святыхъ соборехъ, и учиниша божественная правила, яже от Святаго Духа, изложиша божественныя законы и словеса святыхъ отець и богоносныхъ, и от устъ же самого Господа святыя его заповѣди глаголаны быша, и обаче и от древъних божественная правила со градскими размешена быша законы же и завещанми». Сице «Номоканонъ» книга[21] сотворена бысть, сиречь закону правила. Множае паче Божиимъ промысломъ божественая правила, съ заповѣдми Господьними, и реченными святыхъ отець, и самѣми паки градскими законы *размешена* бывше, предреченная книга сотворися.

Аще убо святии отцы, иже на вселенъскихъ и на помѣстных соборех бывшеи и от святаго и животворящаго Духа наставляеми, и учиниша божественная правила и законы и словеса святыхъ отець, и яже от устъ самого Господа святыя его заповѣди, со всѣми же сими и градстии законы сочеташа святии отцы древънии. И хто убо деръзнеть сихъ отложити или похулити, яже от Святаго Духа и святыхъ отець прията быша, и сочетана *со* всѣмъ божественым Писаниемъ?

Подобно же тому и велики Афанасей глаголетъ, яко сии суть еретичестии отроцы, иже глаголют, иже яко не подобает судити творящих смертныя грѣхи. И *аще* бы тако было, якоже они утверждаютъ, не бы праведный Ное судилъ Хама ругателя[22] раба быти братиямъ своимъ. И Моисей же поклонившихся тельцу три тысущи повелѣ мечемъ исъсѣщи[23] и собравшаго дрова в суботу повелѣ камениемъ побити его. Исус Наввинъ Ахара крадбы ради со всѣмъ домомъ потъреби.[24] Финеес же блуда ради Замврия погуби,[25] и Самоилъ Агага царя предъ Господемъ уби,[26] Илия же ложныя пророки, якоже свиния, в потоце искла,[27] Елисей же осуди Гиезию[28] прията ради имѣния, прокаженна показа. Данилъ же, осудя блудъныя старца[29] закономъ Моисеовымъ, погуби. И святый апостолъ Петръ, приемъ ключа царства небеснаго, Ананию со женою его, утаившая от своего стяжания, осудивъ,[30] абие сотвори их издохнувша. И Павел Алексанъдра-ковача, Именея же и Филита предастъ сатанѣ,[31] да накажются не хулити. Се убо вси праведънии судивше, не осуждени бывше, паче же избрани бывше, въ духовную служьбу избрашася.

Сиа глаголетъ и учитъ великий Афанасие о творящихъ смеръртныя грѣхи: «Тяжчайши же и страшнѣйши всѣхъ смеръртных грѣховъ грѣхъ, еже въ ересь впасти и Христа отврещися». Тако бо сказуетъ той же божественный Афонасие. И великий Иоан Златаустый в своих писаниихъ: «Царьскими же суди и градскими законы обуздовается безумных человекъ воля, иже смеръртныя грѣхи творящих и душу с тѣлом губящихъ». Тако бо глаголютъ и священная правила святых отець: «Слышите, цари и князи, разумѣйте, яко от Бога дана бысть

держава вамъ, яко слуги Божии есте. Сего ради поставил есть вас пастыря и стража людем своимъ, да соблюдете стадо его от волъковъ невредимо. Вас бо Богъ в себе мѣсто избралъ на земли, и на свой престол вознеслъ посади, милость и животъ положи у вас, и меч вышняя Божия десница вручи вамъ. Вы же убо да не здеръжите истинну в неправде, и убойтесь серпа небеснаго, и не давайте воля зло творящимъ человекомъ, и не напущайте на правовѣрныя человѣки, якоже псы бѣсныя. Или якоже аще кто меч дастъ человеку неистовящуся, и он не точию телеся, но и душа губитъ». Зри, что глаголетъ, иже не токмо телеса губит? Се глаголетъ *не* о убийцах, ниже разбойничества и обиды творящихъ, иже точию тѣло губятъ, а иже глаголетъ: «Не точию тѣло губят, но и душу губятъ», се глаголетъ о еретицехъ и о отступницехъ: сии бо с тѣломъ душу губят, еретическими учении прельщающе православныя.

И что убо, аще они сотворят зло, на попустившаго душу приходит грѣх, еже есть на царя или на князя и на судия земския. Аще власть дадут злочестивымъ человекомъ, о семь истязани будутъ от Господа Бога въ страшный день втораго пришествия Христова. И сего ради царемъ и властелемъ о семь попечение имѣти, яко да будутъ отмстители Христу на еретики. Подобно же тому наказуетъ и учитъ священный Златаустъ, сице глаголя: «Еже убо по воли Божии бываемо, аще и озлобити мнится, всѣхъ есть добрѣйши. А еже чрез волю Божию и не угодное оному, аще и изрядно быти мнимо, всѣх есть злѣйши и законопреступнейши. Аще убиетъ кто по воли Божией, человеколюбиа всякого есть лучши убийство оно. Аще и пощадитъ кто, человеколюбъствуя чрез угодное оному, убийства всякого непреподобнѣйши будетъ то пощадѣние. Не естество бо вещемъ, но Божии судове добра и зла сия быти творятъ».

Да навыкнеши, яко се истинно есть, послушай реченныхъ. Пощадѣ нѣкогда чрез Божественную волю Агага царя[32] амаликова Саулъ царь Израилевъ и за се пощадѣние прия от Бога осужение, и не точию самъ, но и все сѣмя его. Тако же царя асирийска Адера емъ, Ахав[33] паче угоднаго Богови снабдѣ и со многою отпусти его честию, и пророка нѣкоего посла Богъ ко Ахаву, глаголя: «Тако глаголетъ Господь: яко отпустил есть ты мужа губителя от руки твоея, душа твоя вмѣсто душа его, и людие твои вмѣсто людий его».

Подобно же сему пророкъ нѣкий,[34] пришед, рече ко искренему своему: «Словом Господнимъ бий мя». И не восхотѣ человекъ он бити его, и рече к нему: «Занеже не послуша гласа Господня, се ты отидеши от мене, и поразит тя левъ». И отиде от него, и обрѣтъ его левъ и порази его. И обрѣтает человека иного и рече: «Бий мя». И бий его человекъ той и сокруши лице его. Что убо будетъ сего преславнѣйши, — бивый пророка спасеся, а пощадѣвый мученъ бываше? Да навыкънеши, яко,

Богу повелевающю, не достоитъ испытовати естество бываемыхъ, но повиноватися точию.

Тако же и вси святии преподобънии и богоноснии отцы наши, пастырие же и учителие, моляху благочестивыя царя же и князя, яко да еретики потребятъ, якоже свидѣтельствуютъ святии отцы святаго вселенъскаго Шестаго собора, глаголюще сице благочестивому царю Иустияну:[35] «Ты же, о царю, потщися о сем, яко, аще нѣкакъ останокъ еллинский июдѣйский еретическия злобы во зрѣлую пшеницу вместился будетъ, искоренити яко плевелы. Да исторгнутся, и чиста явится церковная нива, теплотою к Богу любве, царей же и властелей ревнителя Финееса преспѣвших, и грѣхъ прободшихъ копиемъ». Глаголют же святии отцы, иже во Иерусалимѣ собравшеися, тысяща и четыриста, иже многосложный свитокъ написаша к Феофилу, греческому царю:[36] «Ты же, о царю, призри к молитвѣ смиренных, ущедри Церковь свою, устави церковныя разъдоры, угаси перьвие зловѣрныхъ отметьникъ силою праведнаго своего царьства, мышцею благочестия своего».

Якоже первый начатокъ християном православнымъ, иже въ царѣхъ апостолъ великий Костянътинъ праведный[37] темнаго оного и богопротивнаго втораго Июду Ария, гнѣву тезоименита, со проклятыми его учении до конца низложи и в заточение осуди, такоже и всѣхъ, иже тая же мудръствующихъ. По семь же пресвѣтлая звѣзда, царьский прииматель, Феодосие Великий, иже повелѣниемъ его божественъный соборъ Вторый святыхъ отець собра на Македония духоборца, и на Евномая, и на арияны, и сихъ проклятъ и в заточение с бесчестиемъ осуди. И сему суще преиматель умомъ и именемъ, Феодосие Малый, въ Ефесе святый соборъ собравъ и Нестория низложи. Великий же въ благочестии Маркиянъ Четвертый соборъ собра, Евтихия и Диоскора-суесловца прокляти повелѣ и в заточение осужаетъ. Великий же царь Устиниянъ пяты соборъ собра на Дидима и Евагрия, иже оригеонская мудръствующихъ, и сих по проклятии заточениемъ осужаетъ. По семь Костянътинъ, внукъ Ираклиевъ, на Маркияна и Стефана и Сергия и Пира и Павла и прочих зломудреныхъ Шестый собор собра святыхъ отець, от нихже еретицы зелнѣ разбиени быша, достойно зловѣрию своему приимше осужение. Посем же паки благочестивая царица Ирина и сынъ ея благовѣрный царь Констянътин Седмый соборъ *собраша* на злочестивыя иконоборцы, все ихъ еретичество низложиша и до конца искорениша. Тако же вси благовѣрнии царие, иже градными оружии невѣрныхъ еретикъ крѣпость вконецъ низложиша, вселенъскими же святыми соборы многоглавныя змиемъ главы яко во ужасѣ осѣкше, честную же и правовѣрную вѣру яко столпъ непоколебимъ и утвержение благовѣриа церкви утвердиша. И сия убо слышаще, благочестивии царие, и святых отець молению и наказанию повинующеся, еретики и отступники повелеваху проклинати и в заточение посылати, и казнемъ лютымъ предавати, еще же и навыкше, ежь от божественных Писаний Ветъхих же и Новых.

Тако бо творяху пророцы же и праведницы, и благочестивии царие в Ветхомъ Законе: егда видяху кого, отступивших от Господа Бога Вседержителя, овѣхъ убо мечемъ убивающе, овѣх же молитвою низлагающе. Великии убо Моисей отступивших от Бога Вседержителя и тельцу златому поклонившихся повелѣ мечемъ изъсѣщи. Великий въ пророцѣхъ Илия два пятьдесятника огнемъ небесным сожженымъ быти сотвори,[38] отступивших от Господа Бога, и четыреста своею рукою мечемъ изсече. Июда Маккавей, яко видѣ люди отступившая от Господа Бога и идолом поклонившихся, повелѣ вся мечемъ изсѣщи.[39] И благочестивый царь Иосѣя[40] толико возревнова о благочестии, яко не токмо живыя уби, прельщающих люди отступити от Господа Бога, но и умеръших кости воскопа и огнемъ сожже, и пепелъ на вѣтре развѣя.

В Новѣм же Законе святый апостолъ Петръ Симона волхъва, началника ересемь, молитвою смерти предастъ. Подобно же тому святый Иоан Богословъ Кунопа-волъхва молитвою в мори потопи. Тако же и святый апостолъ Филипъ архиерѣя, глаголавшаго хулы на Господа нашего Исуса Христа, повелѣ земъли поглотити. И святый апостолъ Павелъ Еллиму-волхва словомъ олсѣпи, Именея же и Филита, и Александра-ковача сатанѣ предастъ.

И паки той же святый апостолъ Павелъ глаголеть: «Аще убо кто отверъжется закона Моисеова при устѣхъ двою или триех свидѣтелей, без милости умираетъ. Колицей, мнится, горшей муцѣ сподобится, иже Сына Божия поправ». Се являетъ, яко нынѣ паче подобаетъ казнемъ лютымъ предаяти, иже Сына Божия похуливъшаго. И святый апостолъ Июда, брат Ияковль, глаголетъ: «Овѣхъ убо милуйте, разсуждающе, овѣх же страхомъ спасайте».

Сим божественнымъ пророческимъ и апостольскимъ писаниемъ же и преданиемъ послѣдующе, благочестивийши и православънии царие и святителие еретики же и отступники в заточение посылаху и казнемъ лютымъ предаваху.[41] Первый великий царь равноапостольный Костянътинъ заповѣдъ предложи во всемъ своемъ царствѣ, еже невѣрующих во Святую и Животворящую Троицу злым злѣ умърети и домъ его в разграбление быти. Святии же отцы Перваго собора не возбраниша сему быти. И святый Александръ, патриархъ Костянътина града, молитвою своею сотвори Арию разсѣстися. И великий чюдотворецъ Епифаний Кипръский Аетиа еретика словомъ нѣма сотвори й въ седмый день смерти предастъ. Благочестивый же царь Маркиянъ Диоскора-еретика, патриарха александрѣйскаго, на смерть осуди и не уби сего мечемъ, но отосла во Асъ остров, в немже никтоже лѣто цѣло поживе, но, емлеми от смертотворных вѣтровъ, злѣ умираху. Тамо же и Диоскоръ со всѣми, иже таяже мудрствующими, злѣ душа

своя извергоша. Святии же убо отцы Четвертаго собора не возбраниша сему быти. Благочестивый же царь Устинъ и Тивирие епарху Адъдусу и воеводе Елеуферию, поборником ереси, главы отсекоша, великий же чюдотворецъ Евътихие, патриархъ Цариграда, не возбрани имъ. Великий же царь Ираклий не хотящих креститись июдей повелѣ убивати, и мнози же бяху тогда патриарси жь и святителие и преподобнии не возбраниша сего творити. И святый Перфирие, епископъ газский, иже и манихейскую прелесть держащих молитвою нѣмы и безгласны сотвори, потом же и смерти предастъ. И святый Феодоръ, едеский епископъ, жидовина, хулу глаголавшаго на Господа нашего Исуса Христа, словом нѣма сотвори и по семь умоли царя вавилоньскаго, он же посла въ Едес, повелѣ еретиковъ всѣхъ из града изгнати и богатество их взяти, овѣм же языки изрѣзывати. Святый же Феодоръ не возбрани сему быти. Тако же и святая Феодора царица и сынъ ея Михаилъ Анния еретика, патриарха Цариграда, в заточение отосла и тамо повелѣ, растягше его, бити ремениемъ. Блаженный же патриархъ Мефодие и мнози преподобнии отцы наши и исповѣдницы не возбраниша сему быти. И святый Левъ, епископъ катаньский, Илиодора еретика огнемъ сотвори сожжена быти.

Зри, яко святии пророцы и праведницы в Ветхомъ Законе отступивших от Господа Бога овѣх молитвою и благодатию, данную имъ от Бога, смерти предаваху, овѣх же оружиемъ убиваху и казнем лютымъ предаваху. В Новѣмъ же Законѣ святии апостоли и божествении святителие и преподобнии и богоноснии отцы не убиваху еретики и отступники оружиемъ, но молитвами своими и силою, данъною имъ от всесилнаго и животворящаго Духа, сихъ смерти и казънемъ лютымъ предаваху.

Аще ли же кто речеть, яко *убо*, еже молитвою смерти предавати, ино же, еже оружиемъ убивати повинных смерти, к немуже сицеречется, яко: едино убо и то же есть, еже молитвою смерти предати и еже оружиемъ погубити повинныхъ. Тако убо пишетъ великий Афонасие в Слове о творящихъ смертныя грѣхи. Преже убо воспомяну, иже в Ветхомъ Законе сущих *пророкы* же и праведники, иже оружиемъ убивающих или казнемъ лютымъ предавающих повинныхъ, потом же святыхъ и верховных апостолъ Петра и Павла поминаетъ. Петръ убо Ананию и Самфиру словомъ и силою, данную имъ от Святаго Духа, смерти предастъ, Павел же Еллиму-*волхъва* и Александра-ковача, Именея и Филита словомъ казнемъ лютымъ предастъ. Зри, яко великии Афонасие никоегоже разньствия сотвори, еже оружиемъ убивати и молитвою смерти или казнемъ предавати повинных. И аще не бы подобало еретики же и отступъники смертемъ и казнемъ предавати, не быша святители и апостоли и божественнии святителие, и преподобнии отцы наши молитвою и силою, данною имъ от Бога, смерти предавали: горчайши бо смерть от молитвы, нежели от оружия. Еже бо от молитвы смерть, се явъствено извѣстно есть, яко от Бога осужден бысть на смерть повинный — и страшно бо есть, еже впасти в руцѣ Бога жива. А

еже от оружия убо смерть многажды и от человечьскаго умышьления бываетъ, и не толико смерть страшна бываетъ от оружия, якоже от молитвы, иже умъ имущимъ: человекъ бо зритъ на лице, Богъ же зритъ на сердце. Тѣмже преподобнии и богоноснии отцы наши и священноначалници и пастырие не оружием, но молитвою и силою, от Бога данъною имъ, еретики же и отступъники смерти и казнемъ лютым предаваху. Аще ли же кого еретика или отступника подобаше смерти и казнемъ предати, сами сего не творяху, но *благочестивыя* и православъныя царя на се имуще в отмщение злодѣемъ, по апостольскому писанию и по свидѣтельству священных правилъ, и градцких законъ, иже со священными правилы совокуплени и соединени быша преподобными и богоносными отцы нашими. И яже убо от сих до здѣ.

Прочее же речемъ и о сих, еже еретицы глаголютъ, — яко аще и подобаетъ судити или осужати еретики или отступники, но царемь, и князем, и святителемъ, и судиямъ земъским, а не инокомъ, иже отрекошась мира и всѣхъ яже в мире, и подобаетъ имъ точию себѣ внимати, и никогоже осужати, ни еретика, ниже отступника. К таковому убо сице речется, яко аще не подобаше инокомъ осужати ни еретика, ниже отступника, то како великий Анътоний осужаше ихъ?[42] Глаголаше бо о еретицѣхъ, яко словеса ихъ лютѣйши яда змиина, ученики же своя всегда наказуя, яко да никоего же приобщения имуть с мелетианы, и со арианы, и с прочими еретики. И святый Пафнутие исповѣдник, на Перьвом соборе, со святыми отцы обрѣтесь и Ария в заточение осуди. Святый же Пахомие всегда осужаше еретики, глаголаше бо, яко приобщаяйся еретикомъ и прочитая писания Аригенова, и Мелетнова, и Ариева, и прочих еретиковъ, во дно адово сходитъ. Тако же и Великии Макарие сего ради ис пустыня изыде, яко да еретика осудитъ и ересть его утолит, еже и сотвори. Святый же Ефрѣм, яко услышавъ Аполинариева еретическая мудрования умъножающася, — сего ради оставляеть пустыню, и в Костянътинъград входитъ, и не токмо осужаетъ Аполинария, но и смерти злѣй благокознымъ своим художеством предаетъ его. Дивный же Исакие Далъмацкий от самѣх пеленъ в пустыню вселись, и яко услыша Уалента ариеву ересь умножавшусь, приходит в Византию и не точию осужаетъ Уалента, но и огню предаетъ. Тако же и великии Еуфимие, аще и самъ не бысть на Третиемъ соборе, но ученики своя посылаше на соборъ и повелеваше еретики осужати и проклинати. Святый же Авъксентие, многия ради старости и великихъ трудовъ не могий ити на соборъ святыхъ отець, егда собрашась на Несториеву ересь, повелѣвъ супругъ воловъ привести, и себе повести на соборъ, еретики осужати и проклинати. Такожь и святый Данил столпник, не могий ходити на ногу своею многия ради немощи и повелѣ народомъ понести себе на соборъ святыхъ отець еретики осужати и проклинати. Тако же творяше и Сава Освященный, и яко видѣ ересь Севирову множащуся, от Иерусалима в Костянтинъ град отходитъ ко царю Анастасию и сего молитъ, еже еретики осуждати и проклинати. Великий же Феодосие, егда видѣ Севирову ересь, множащуся по вселенней, тогда оставляетъ монастырь и исходитъ от пустыня, и объходитъ села и грады, яко да вѣръныя

утвердитъ и еретики осудитъ и посрамитъ. Потомъ же собра вся иноки, приходитъ въ Иерусалимъ съ Савою Освященнымъ, и входятъ въ церковъ, имуща послѣдствующа себѣ ученики своя иноческое множество, яко до десяти тысущ: и великии убо Феодосие и освященный Сава входятъ на амбонъ и осуждаютъ и проклинаютъ Севира и всѣхъ, иже таяже мудръствующих. Тако же и на Шестом соборѣ, вмѣсто патъриаръха александрийскаго, Петръ мних прииде со святыми отцы, еретики осуди. Святая же мученица Феодосия-девица, иже родись по обещанию святыя мученица Анастасия, и седми лѣт пострижесь во иноческий образ, и оттоле пребываше неисходна от монастыря, и якоже услыша Лва царя, иже от Исаврия, пославша своего спафария, яко да иже на мѣдныхъ вратѣх градныхъ образъ Владыки Христа, еже на иконе, низложити и сокрушити, святая же Феодосия притече на мѣсто, яко видѣ спафария, трищи ударивша секирою во образ Спаса Христа, и абие поверже лѣствицу на землю и спафария горцѣй смерти предастъ. И отшедша в патриаръхию камениемъ бияше патриарха Анастастия иконоборца, и на томъ мѣсте от злочестиваго царя убиена бысть за объраз Господа нашего Исуса Христа. И яко да не начьнутъ нѣцыи глаголати, яко Христова мучьница Феодосия сие дѣло сотвори не по божественому повелѣнию, яко человека своима рукама смерти *предаст*, — сего ради преблагий владыка Христос и по смерти ея прослави ю многими чюдесы и страшными знаменьми, и тѣло ея цѣло и нетлѣнно соблюде, яко всѣмъ приходящим к гробу ея исцеления приимати от всякихъ недугь. И святии же божествении отцы пѣсньми и похвалами и каноны и трепарми сию почтоша и равно с великими мученики и мученицами Христовыми повелѣша память ея празновати майя в 29 день. И со святою Феодорою царицею и с благочестивымъ царемъ Михаиломъ собрашась святии велицыи постницы и чюдотворцы, великий Аникие, и Арсакие, и Исакие, и Феофан исповѣдникъ, и инии мнози, иже и манастыря и пустыня оставиша, и приидоша во град, яко да еретики осудят и прокленутъ. Но и всѣх вселенъских и помѣстныхъ соборехъ приходяще иноцы, манастыря же и пустыня презирающе, и ко градомъ притичище.

Тако же и князи и воеводы и простии людие, мужие и жены, и всякъ православный и со святители и со священники, еретики осужающе, и от святаго и животворящаго Духа научени быша, и написаша божественная правила. Еще же и градъцкие законы сочетавъше божественым правиломъ, яко еже еретики не токмо осужати, но и проклинати и казнем лютым предавати.

---

[1] *Алексѣй протопоп и Денис поп, и Феодоръ Курицынъ… глаголаху, яко не подобает осужати не еретика…* — Новгородский еретик Алексей

умер еще до Первого из двух московских соборов на еретиков — в 1490 г.; его сотоварищ Денис был осужден собором в 1490 г. и умер вскоре после него — от пыток и истязаний. «Начальник» московских еретиков Федор Курицын (см. о нем наст. изд., т. 7) занимал видное место при дворе Ивана III и вел внешнеполитические дела вплоть до 1500 г.; после этого упоминания о нем прекращаются, и он не фигурирует даже во время Второго собора на еретиков 1504 г., осудившего на сожжение его брата Ивана Волка. В 1504—1511 гг., когда было написано «Слово об осуждении еретиков», никто из этих трех лиц уже не мог ничего «глаголать» — приписывание им слов: «яко не подобает осужати» еретиков, — является поэтому явно анахроническим (умершие еретики проповедуют терпимость по отношению к самим себе!). Введение обычной для «Просветителя» формулы против Алексея, Дениса и Федора Курицына было связано с включением этого памятника в пространную редакцию «Просветителя».

[2] *...«Не осужайте да не осужени будете»...* — Мф. 7, 1; Лк. 6, 37.

[3] *...святаго Иоана Златаустаго...* — Иоанн Златоуст (ок. 347—407 гг.) — антиохийский священник, впоследствии патриарх костантинопольский, крупнейший византийскнй оратор и писатель. Сперва Иосиф приводит ссылки на Иоанна Златоуста, Василия Великого, Афанасия и Никона, как бы подтверждающие тезис его оппонентов («не осуждайте»), но затем цитатами из Златоуста показывает, что активных «хулителей небесного отца» следует «заушать» (бить).

[4] *Великий Василие* — Василий Великий (ок. 330—379 гг.), архиепископ кесарийский, выдаюшийся византийский церковный писатель.

[5] *...божественный Афонасие Великий...* — Афанасий (ок. 296—373 гг.), архиепископ александрийский, византийский церковный писатель.

[6] *...преподобный отецъ нашъ Никонъ во своей велицей книзе, въ тридесять и девятомъ словѣ...* — Никон Черногорец (XI в.), автор двух собраний церковных и монастырских правил — «Пандект» и «Тактикона».

[7] *«Понеже о хулении намъ слово быть... душу свою положи».* — Этот отрывок взят из «Конца Слов Иоанна Златоуста о еретиках, иже в Антиохии...», помещенного в том же сборнике F. I. 229 (лл. 19 об.—20), что и «Слово об осуждении еретиков».

[8] *...«Иже нѣсть со мною, на мя есть».* — Златоуст здесь цитировал Евангелие (Мф. 12, 30).

[9] *...Симон волхвъ...* — Примеры из апостолов также приводились Иосифом в доказательство допустимости казни «нечестивых». О столкновении апостолов Петра и Иоанна с Симоном-волхвом повествуется в «Деяниях апостолов» (Деян. 8); однако рассказ о гибели

Симона восходит к более позднему памятнику — «Псевдо-Клементинам» (II в. н. э.).

[10] *Иоан Богословъ... Кунопъ...* — Рассказ о волхве Кунопе, состязавшемся в могуществе с Иоанном Богословом (на острове Патмосе) и низвергнутом по молитве Иоанна «в бездны морьскыа», содержится в апокрифическом житии Иоанна, приписываемом его ученику Прохору и внесенном в Минеи-Четьи (26 сентября).

[11] *...святый апостолъ Филипъ...* — Согласно апокрифическому рассказу, апостол Филипп спорил в Афинах с философами, которые призвали на помощь иерусалимского первосвященника Ананию; враги пытались схватить Филиппа, но внезапно ослепли.

[12] *...апостолъ Павел... Еллима волхва...* — Рассказ об ослеплении апостолом Павлом Елимы-волхва, пытавшегося отвратить от веры римского «анфипата» (проконсула), содержится в «Деяниях апостолов» (Деян. 13).

[13] *Ариане* — сторонники александрийского священника Ария, не признававшие догмата о Троице; учение ариан было отвергнуто Константинопольским собором в 381 г., незадолго до избрания Иоанна Златоуста константинопольским патриархом.

[14] *Поръфирие, епископъ газский* — ревностный гонитель язычества и ересей (V в.).

[15] *Лев, епископъ катаньский, Лиодора еретика... не осуди на смерть.* — Рассказ о Льве Катанском (VIII в.), чьей молитвой был сожжен волхв Лиодор, содержится в Минеях-Четьих (20 февраля).

[16] *...Феодоръ, едесскый епископъ...* — Византийский церковный деятель IV в.

[17] *Глаголеть убо верховный апостолъ Петръ...* — Далее: 1 Петр. 2, 13—15.

[18] *...и Павел глаголет...* — Далее: Рим. 13, 3—4.

[19] *...Григорие, акраганский епископъ...* — Церковный деятель VI в., епископ Агригента (в Сицилии).

[20] *...о невѣрных и о еретицех...* — Стремясь обосновать необходимость массовых казней еретиков, Иосиф Волоцкий энергично возражал своим оппонентам (реальным и возможным), которые, ссылаясь на христианскую литературу, утверждали, что покаявшихся еретиков следует прощать. В «Послании о соблюдении соборного приговора» 1504 года, написанном одновременно со «Словом о наказании еретиков», он объяснял, что правило о прощении покаявшихся «писано о еретицех, а не о отступницех, иже Христа отверъшися... А о нынешних еретицех да будет вам ведомо, яко вси отвергошась Христа». Включая в «Послание о соблюдении соборного приговора» ранние сообщения

Геннадия о еретиках (см.: наст. изд., т. 7), Иосиф систематически заменял обвинения в «ереси» обвинениями в отступничестве — «жидовстве». В отличие от еретиков отступники, даже раскаявшись, не подлежали прощению.

[21] *...«Номоканонъ» книга...* — Так назывались византийские канонические сборники, включавшие решения вселенских соборов и императорские установления, оказавшие влияние на древнерусскую «Кормчую» XI—XII вв.

[22] *...праведный Ное судилъ Хама ругателя...* — Примеры из Ветхого завета также должны были подтвердить допустимость наказания за «смертные грехи». Рассказ о Ное, проклявшем своего сына Хама и его потомство за оскорбление отца, см.: Быт. 9, 22—27.

[23] *И Моисей же поклонявшихся тельцу три тысящи повелѣ мечемъ исъсѣщи...* — Согласно Библии, Моисей приказал левитам убить тех, кто поклонялся золотому тельцу, и таким образом погибло три тысячи человек (Исход. 32, 27—28).

[24] *Исус Наввинъ Ахара крадбы ради... потъреби.* — В Библии рассказывается, что Исус Навин, преемник Моисея, приказал побить камнями Ахана (или Ахара), утаившего часть военной добычи (Нав. 7, 24—26).

[25] *Финеес же блуда ради Замврия погуби...* — Согласно Библии, Финеес, сын Елеазара, убил израильтянина Замврия (Зимри), взявшего в жены мадианитянку, и этим отвратил гнев Бога против Израиля (Чис. 25, 14—15).

[26] *...и Самоилъ Агага царя пред Господем уби...* — Рассказ об убийстве пленного царя амаликитян Агага — 1 Цар. 15, 32—33.

[27] *...Илия же ложные пророки... искла...* — О посрамлении Илией жрецов языческого бога Ваала и заклании их рассказывается в Библии (3 Цар. 18, 21—40).

[28] *Елисей же осуди Гиезию...* — Согласно Библии (4 Цар. 5, 9—27), пророк Елисей исцелил от проказы сирийского военачальника Неемана и отказался взять за это вознаграждение, но слуга Елисея Гиезий обманом выманил у Неемана вознаграждение, за что Елисей поразил его проказой.

[29] *Данилъ же, осудя блудъныя старца...* — Пророк Даниил уличил старцев, оклеветавших молодую женщину Сусанну, и они были убиты толпой (Дан. 13, 1—62).

[30] *...апостол Петръ... Ананию со женою его... осудивъ...* — Согласно «Деяниям апостолов», Анания и его жена, отдав свое имущество апостолам, часть утаили, и за свой обман были наказаны внезапной смертью (Деян. 5, 1—10).

[31] *...Павел Алексанъдра-ковача. Именея же и Филита предастъ сатанѣ...* — в Посланиях Тимофею Павел упоминает об Именее и Филите, которые богохульствовали, за что он предал их сатане, и меднике Александре, сделавшем ему много зла (1 Тим. 1, 20; 2 Тим. 2, 17; 4, 14).

[32] *Пощадѣ..: Агага царя...* — Рассказ о том, как царь Саул вопреки Божьему повелению пощадил царя Агага, предшествует в Библии рассказу об убийстве Агага пророком Самуилом (1 Цар. 15, 8—9).

[33] *...царя асирийска Адера емъ Ахав...* — Об израильском царе Ахаве повествуется в 3 Цар. 20, но сирийский царь, которого пощадил Ахав, именуется Венададом (иудемейский царь Адер, противник Соломона, упоминается в 3 Цар. 11, 14—21).

[34] *Подобно же сему пророкъ нѣкий...* — Рассказ о пророке, приказывавшем бить себя во имя Господа, читается в Библии там же, где рассказ о царе Ахаве; пророк угрожает Ахаву за то, что он отпустил царя Венадада (3 Цар. 20, 35—42).

[35] *...отцы святаго вселенъскаго Шестаго собора, глаголюще... царю Иустияну...* — Шестой вселенский собор заседал в Константинополе в 680—681 гг.; при Юстиниане II (685—695) заседал так называемый Пято-шестой Трулльский собор, закрепивший решения Пятого и Шестого соборов.

[36] *...святии отцы, иже во Иерусалимѣ... иже многосложный свитокъ написаша к Феофилу, греческому царю...* — «Многосложный свиток», посланный патриархами императору-инокоборцу Феофилу (829—842), был популярен в древнерусской письменности; в XVII в. он был даже издан в составе печатного «Сборника» (1642).

[37] *Якоже первый начатокъ християном православнымъ... Костянътинъ праведный...* —- Далее составитель «Слова», доказывая допустимость и необходимость осуждения и казней еретиков, перечисляет решения семи вселенских соборов: Первого (Никейского) 325 г. при императоре Константине I, Второго 381 г. при Феодосии I, Третьего 431 г. при Феодосии II Малом, Четвертого 451 г. при Маркиане, Пятого 553 г. при Юстиниане I, Шестого 680—681 гг. при Константине IV (внуке императора Ираклия), Седьмого 787 г. при Константине IV и его матери Ирине. Предметами споров и обличений были в основном вопросы о божественной и человеческой сущности Христа и о Троице: среди осужденных и посмертно проклятых на соборе еретиков были Арий (автор «Слова» специально отметил, что имя его «соименно гневу» — оно означает по-гречески «воинственный, боевой, бранный»), Македоний, Евномий, Несторий и «несториане», их фанатичные противники — Евтихий и Диоскор, последователи известного философа Оригена Дидим и Евагрий, и другие. На Седьмом соборе было восстановлено почитание икон, отмененное в середине VIII в., и осуждены иконоборцы. Ереси, осужденные на семи соборах, представляли особый интерес для читателей «Слова», ибо имели ряд черт сходства с воззрениями, приписывавшимися (а частью и

действительно присущими) русским еретикам конца XV в. Если ссылки автора «Слова» на пророков и апостолов, казнивших грешников и отступников с помощью чудес, не убеждали современников и вызывали с их стороны иронический совет Иосифу Волоцкому сотворить такие же чудеса (см. «Ответ кирилловских старцев» — наст. т.), то примеры нетерпимости византийской церкви звучали более убедительно и не вызвали развернутого ответа со стороны противников Иосифа.

[38] *Илия два пятьдесятника... сожженымъ быти сотвори...* — Согласно Библии, Илия-пророк сжег небесным огнем двух пятидесятников с их людьми, посланных царем Охозией, обратившимся к аккаронскому божеству Веельзевулу I (4 Цар. 1, 2—14).

[39] *Июда Маккавей... люди отступившая... повелѣ вся мечемъ изсѣщи.* — О войнах, которые вели во II в. до н. э. в Иудее против власти Селевкидов вождь народного восстания Иуда Маккавей и его братья, рассказывают неканонические Маккавейские, или Асмонейские, книги Библии, а также «Иудейская война» Иосифа Флавия, переведенная на древнерусский язык в XI—XII вв.

[40] *...благочестивый царь Иосѣя...* — Согласно Библии при царе Иосии были разрушены все жертвенники языческих богов, уничтожен прах людей, погребенных по языческому обряду, и истреблены жрецы (4 Цар. 11, 18).

[41] *...царие в святителие еретики же и отступники в заточение посылаху и казнемъ лютымъ предаваху.* — Примеры, приводимые в «Слове», должны были доказать, что цари и видные деятели греко-православной церкви участвовали в осуждении и наказании еретиков. В качестве примеров кроме уже названных перечислены императоры Юстин II и Тиверий II (VI в.), императрица Феодора-и сын ее Михаил (IX в.), иерархи: Александр, епископ константинопольский, участник Первого Вселенского собора (IV в.), Епифаний, епископ кипрский (IV — начало V в.), Евтихий, патриарх константинопольский (VI в.), Мефодий, патриарх константинопольский (IX в.). Среди еретиков названы Аэций, сторонник арианства (IV в.), епарх Адд (Аддус) и воевода Елевфирий Самчий, сторонники «нетленно-мнимой» ереси (VI в.), константинопольский патриарх Анний (имеется в виду Иоанн Грамматик, 837—843), упоминавшиеся и в других сочинениях Иосифа.

[42] *...аще не подобаше инокомъ осужати ни еретика, ниже отступника, то како великий Анътоний осужаше ихъ?* — Продолжая доказывать, что святители православной церкви не отличались терпимостью, автор называет следующие имена: Антоний Великий (Фивский), основоположник монашества (III—IV вв.), Пафнутий Исповедник (IV в.), Пахомий Великий (IV в.), Макарий Египетский (IV в.), Ефрем Сирин (IV в.), Исаакий Далматский (IV в.), Евфимий Великий (IV в.), Савва Освященный (конец IV — начало V в.), Феодосий Великий, основатель монашеского общежития (V в.), мученица Феодосия Цареградская (VIII в.), обличитель иконоборчества Феофан Исповедник (VIII—IX вв.) и др.; среди еретиков, которых они осуждали, упоминаются помимо уже

названных также Мелетий (IV в.), Аполинарий (IV в.), император Валент (IV в.), Севир (конец V — начало VI в.).

ПЕРЕВОД

СЛОВО ПРОТИВ ЕРЕСИ НОВГОРОДСКИХ ЕРЕТИКОВ, УТВЕРЖДАЮЩИХ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ ОСУЖДАТЬ НИ ЕРЕТИКА, НИ ВЕРООТСТУПНИКА. ЗДЕСЬ ЖЕ ДАНО РАССУЖДЕНИЕ ПО БОЖЕСТВЕННОМУ ПИСАНИЮ О ТОМ, ЧТО ЕРЕТИКА И ВЕРООТСТУПНИКА НЕ ТОЛЬКО ОСУЖДАТЬ, НО И ПРОКЛИНАТЬ СЛЕДУЕТ, А ЦАРЯМ, КНЯЗЬЯМ И СУДЬЯМ СЛЕДУЕТ ОТПРАВЛЯТЬ ИХ В ЗАТОЧЕНИЕ И ПОДВЕРГАТЬ ЖЕСТОКИМ КАЗНЯМ

Поскольку теперь новоявленные новгородские еретики — протопоп Алексей, поп Денис, Федор Курицын и многие другие, рассуждающие подобным образом, — сотворили много зла, которого ни высказать устами, ни описать словом, ни объять умом, такую хулу изрекли они на святую животворную Троицу, на Пречистую Богородицу, на великого Иоанна Предтечу и на все святыни и столько осквернений нанесли они святым Божьим церквам, честному и животворящему кресту, всечестным иконам, — и, сотворив столько такого зла, устрашились они ревности православных о благочестии, чтобы, увидев такое зло, не осудили те их на соборе в согласии с божественными установлениями на окончательную гибель в этой жизни и в будущей, — поэтому-то и приложили они все силы к тому, чтобы ввести в заблуждение православных, и в намерении запугать истинно верующих изрекали такие речи, что, дескать, не нужно осуждать ни вероотступника, ни еретика, ссылаясь в качестве свидетельства на слово Господа, который сказал: «Не осуждайте, чтобы и вас не осуждали», и святого Иоанна Златоуста, который говорит, что никого не нужно ни ненавидеть, ни осуждать — ни неверного, ни еретика, и не нужно также еретика убивать, но если необходимо судить еретика или вероотступника, то пусть его судят по царским и гражданским законам, и не монахи, да и не миряне, если не имеют они отношения к суду.

Кто хочет точно уяснить себе слова Господа: «Не осуждайте, чтобы и вас не осуждали», путь прочтет свидетельства божественных сочинений, что об этом написали святые, преподобные и богоносные отцы наши — святой Иоанн Златоуст, Василий Великий, божественный Афанасий Великий и многие другие святые отцы наши. А достойнейший и превосходный преподобный отец наш Никон из этих сочинений сделал выборки и изложил в своей большой книге, в тридцать девятом слове.

Мы же теперь побеседуем о том, что говорит божественный Иоанн Златоуст. Говорит он, что нельзя творить зло или ненавидеть какого бы

то ни было человека, хоть нечестивого, хоть еретика. Этот великий и равный апостолам муж говорит и указывает, что эти повеления связаны со временем. Не было Божьей воли, чтобы так было всегда, как свидетельствует сам великий Иоанн Златоуст, говоря, что нельзя творить зло или ненавидеть какого бы то ни было человека, хоть нечестивого, хоть еретика, пока не приносит он вреда нашей душе. Ведь так поступают и пастухи: до тех пор, пока дикие звери не доставляют им забот, расположившись под дубом или под кедром, играют они на дудке, позволяя всякой овце пастись на воле. Но как только заметят они, что приближается волк, тотчас, отбросив дудку, хватают пращу и, забыв о свирели, вооружаются дрекольем и каменьями, — встав впереди стада и издавая угрожающие крики, зачастую еще до нападения отгоняют они зверей. Точно так и нам, пастырям и учителям, пасущим Христово стадо, следует поступать. Ведь если увидят они неверного или еретика, никакого вреда не приносящего душам верных, то, вбирая мудрость на лугах книжных сказаний, с миром и кротостью пусть поучают неверных и еретиков. Но если увидят они проклятых еретиков, более коварных, чем все волки, стремящихся погубить Христово стадо и растлить его еретическим иудейским вероучением, следует им тогда высказать ревность и старание, чтобы ни одна овца стада Христова не была похищена дикими зверьми. Вот так говорит об этом священный Иоанн Златоуст. Когда не обольщают никого из православных неверные и еретики, не следует тогда творить им зло или их ненавидеть, но когда мы видим, что неверные и еретики хотят обольстить православных, тогда следует не только ненавидеть их или осуждать, но и предавать проклятью, наносить им раны и тем освящать свои руки.

Как тот же святой Иоанн Златоуст сам указывает, так говоря: «Раз была у нас речь о хуле, что на единородного Сына Божия, хочу я просить у вас одного только подарка, чтобы наказывали вы всех в городе хулителей. Если услышишь, что кто-нибудь на перекрестке или на площади среди людей хулит Христа-господа, подойди и пресеки. Если и насилие над ним совершить придется, не избегай — ударь по лицу, дай пощечину, освяти свою руку раною. Если и схватят тебя, если и в суд поведут, — иди. Если спросят на суде, то есть допрашивать будет судья, отвечай не робея, что хулил тот ангельского царя: ведь если наказывать нужно тех, кто хулит земного царя, то тем более тех, кто хулит царя небесного. Общий грех всех, если нет правды. Каждый, кто может, должен высказаться за нее, чтобы знали иудеи и скверные еретики, что христиане спасители и создатели города, защитники и учителя. Пусть убедятся необузданные и развращенные иудеи и еретики, что божьих рабов остерегаться им нужно, и когда захотят они поделиться между собою чем-нибудь подобным, пусть повсюду следят друг за другом, трепещут и тени, опасаясь, чтобы не слышали христиане. Разве не знаете вы, как поступил Иоанн? Увидел он, что тиран, мучитель людей, пренебрег брачными законами, и сказал на площади без страха: “Нельзя жениться тебе на жене Филиппа, твоего брата”. А я ведь не о людях держу речь, не о судьях, не о противозаконных браках, но об оскорблении Господу. Хоть и придется умереть, не уклонись, чтобы

наставить брата твоего: ведь мучение это будет за Христа. Так и Иоанн стал мучеником, хоть не принуждали его приносить жертвы или поклоняться идолам, но увидел он, что попираются божественные законы, и за это душу свою положил».

И далее он говорит: «Не раз говорил я вам, возлюбленные мои, про безбожных еретиков и снова умоляю, чтобы не объединялись вы с ними ни за едой, ни за питьем, ни дружбой, ни любовью: кто это делает, чужим делается Христовой Церкви. Если кто и ангельской жизнью живет, но с еретиками связан любовью и дружбой, — чужд таковой господу Христу. Если не находим мы удовольствия в том, чтобы любить господа Христа, так не найдем удовольствия в том, чтобы ненавидеть врагов его. Но ведь он сам говорит: “Кто не со мною, тот против меня”». Вот что говорит и на чем настаивает священный Иоанн Златоуст, подвигнутый святыми апостолами.

Ведь и святые апостолы так поступали. В «Деяниях святых апостолов» описывается, что, когда пришли в Самарию святые апостолы Петр и Иоанн, Симон-волхв принес им серебро и сказал: «Дайте мне эту способность, чтобы, на кого возложил я руку, — тот принял святого Духа»; и святые апостолы не осудили его тогда на смерть. Но когда дошел он до полного бесчестия и стал развращать благочестивых, и обольщать верующих, тогда осуждают его на смерть.

Точно так поступил и святой Иоанн Богослов. До тех пор пока Куноп жил у себя на месте и не обольщал никого из верных, он не был осужден. Но когда прибыл он в город, намереваясь развратить верующих, был осужден на смерть.

Точно так и святой апостол Филипп: не пошел он к первосвященнику, не осудил его; но когда увидел, что первосвященник пришел только затем, чтобы развратить благочестивых, тогда на смерть осудил его.

Подобным же образом поступил апостол Павел: не стал разыскивать волхва Елиму, осуждать или уничтожать. Но когда увидел, что тот отвращает проконсула от веры, тогда осудил его на то, чтобы тот ослеп и не видел солнца.

Подобным же образом поступали святые и преподобные богоносные отцы наши, архиереи и пастыри.

Когда святой Иоанн Златоуст увидел, что ариане живут в Константинополе и никому из православных не чинят пакостей, он и сам не сделал им зла. Но когда увидел он, что занимаются они обольщением и составили ряд песнопений и гимнов, чтобы расшатать веру в единосущность, упросил цесаря, чтобы тот изгнал их из города.

Точно так и святой Порфирий, епископ газский, видя, что еретики манихейского толка живут в Газе и не обольщают никого из православных, не осуждал их. Но когда увидел, что пришли они туда затем, чтобы обольстить христиан, осудил он их вначале на немоту, потом и на смерть.

Так и святой Лев, епископ катанский, не осудил вначале Лиодора-еретика на смерть. Но когда увидел, что пришел тот к храму и рассеивает соблазны, чтобы обольстить тех, кто верен благочестию, вышел он из храма и сделал так, что пожжен Лиодор был огнем, потом вернулся он в храм и отслужил божественную службу.

Так же и святой Феодор, эдесский епископ, когда нашел множество еретиков в Эдессе, не делающих особенного вреда православным, тогда и он не сделал им никакого зла. Но когда увидел, что собрались они на такое зло, чтобы обольстить православных и разграбить церковное имущество, тогда отправился он даже в Вавилон и упросил царя, чтобы тот истребил еретиков.

И много еще такого в божественных сочинениях, что когда еретики, держащиеся каких-либо ересей, не приносят православным вреда, тогда не судят их святые и преподобные отцы наши. Когда же видят они, что неверные и еретики намерены обольщать православных, то осуждают их. Так же должны и мы поступать. Но довольно об этом.

Теперь же поговорим о том, что тот же великий церковный учитель Иоанн Златоуст говорит, что нельзя убивать еретиков: «Если бы мы убивали еретиков, нескончаемая война была бы во всем мире». Это о епископах, священниках и монахах, о всем церковном причте говорит он, а не о царях, или князьях, или же правителях областей. Если бы говорил он о царях, князьях и о правителях, сказал бы, что нельзя царям, князьям и правителям убивать еретиков. Но он ведь говорит: «Если бы мы убивали еретиков», что ясно показывает, что говорит он о епископах, священниках, монахах и о церковном причте, — ведь сам он

был вначале церковный причетник и монах, потом священник и, наконец, епископ. Потому-то, приняв на себя облик их всех, он и говорит: «Если бы мы убивали еретиков, нескончаемая война была бы», — и не о царях, князьях или правителях областей говорит это.

О царях же, князьях и судьях говорят святые апостолы, что приняли они власть от Господа Бога для наказания преступников и поощрения добродетельных. Так, верховный апостол Петр говорит: «Ради Господа будьте покорны всякому человеческому учреждению, то есть человеческой власти: царю ли, как верховной власти, князьям ли, как назначенным от него, чтобы наказывать преступников и поощрять добродетельных. Ибо такова есть Божья воля, чтобы добродетельные обуздывали невежество неразумных людей». Согласно с ним говорит и Павел: «Князья ведь страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и заслужишь похвалу от нее: ибо слуга Бога и тебе во благо. Но бойся, если творишь зло, — не напрасно носит он меч, ибо служитель Бога — гневный отмститель творящему зло».

В согласии с этим говорят и святые отцы. Вот что сказал священный Иоанн Златоуст: «Ведь поставлена гражданская власть на пользу людям Богом, не дьяволом, как утверждают некоторые недостойные, боясь чтобы не поглотили люди друг друга, как рыбы». Поэтому и говорит святой апостол Петр, что «такова есть Божья воля, чтобы добродетельные обуздывали невежество неразумных людей». Святой Григорий, епископ акраганский, то же говорит в своем законодательном наставлении: «Человеколюбиво дан людям свыше великий Божий дар — священство и царство: одно служит божескому, другое, владычествуя, заботится о человеческом. Тот, кто принял по высшему повелению управление родом человеческим, должен не только заботиться о собственных делах и распоряжаться собственной жизнью, но и все, находящееся в его власти, защитить от треволнений и греховнейшего возмущения, которым лукавый дух затопляет нас повсюду и возмущает смирение тела».

Если же кто-нибудь скажет, что святые апостолы и преподобные отцы велели, чтобы цари, князья и владыки отмщали злодеям, — то есть убийцам, прелюбодеям, — воровство, разбой и другие преступления совершающим, но не еретикам и вероотступникам, — то ведь если велено это в отношении убийц, прелюбодеев и совершающих другие преступления, гораздо нужней, чтоб было так с еретиками и вероотступниками, как свидетельствуют об этом божественные тексты. Так, в тех божественных правилах, которые являются гражданскими законами, говорится о неверных и еретиках вот что: «Кто удостоился святого крещения и отступил от православной веры, стал еретиком или приносил языческие жертвы, тот подлежит смертной казни. Если иудей

осмелится растлить христианскую веру, то подлежит смертной казни. Манихеи или иные еретики, бывшие христианами и ставшие затем на путь ересей и толков, будут казнены мечом, — кто знает таких и не доносит о них властям, подлежит смертной казни. Если какой военачальник, или воин, или начальник общины, обязанный заботиться об этом, узнает, что кто-либо уклоняется в ереси и толки, и не выдаст такого, примет смертную казнь, хоть и сам будет правоверный».

Где они, говорящие, что нельзя осуждать ни еретика, ни вероотступника? Ведь очевидно, что следует не только осуждать, но предавать жестоким казням, и не только еретиков и вероотступников: знающие про еретиков и вероотступников и не донесшие судьям, хоть и сами правоверны окажутся, смертную казнь примут.

А если кто скажет: «Это гражданские законы, а не апостольские и не писания отцов», пусть послушает он, что преподобный отец наш Никон говорит о гражданских законах в своих боговдохновенных сочинениях: «Потому что поклоняемый Дух Святой наполнил божественных отцов на святых соборах, расположили они божественные правила, которые от Духа Святого, изложили божественные законы и слова святых и богоносных отцов, — а святые заповеди сказаны были устами самого Господа, — так что уже в древности божественные правила перемешались с гражданскими законами и положениями». Так была создана книга «Номоканон», то есть правило законов. Весьма сильно перемешались по Божьему промыслу божественные правила с заповедями Господними и изложенными святыми отцами, а также с самими гражданскими законами, — так возникла вышеназванная книга.

Если святые отцы, бывшие на вселенских и поместных соборах и наставляемые святым и животворящим Духом, расположили божественные правила, и законы, и слова святых отцов, и святые заповеди, которые от уст самого Господа, то сами же святые отцы соединили в древности со всем этим и гражданские законы. И кто осмелится их устранить или похулить, когда приняты они были Святым Духом и святыми отцами и соединены со всем божественным Писанием?

В согласии с этим говорит и Афанасий Великий, что те, кто утверждает, что нельзя осуждать совершающих смертные грехи, — еретики. И когда бы было так, как они утверждают, не осудил бы праведный Ной ругателя Хама быть рабом братьям его. И Моисей велел изрубить мечами три тысячи человек, поклонявшихся тельцу, а собиравшего в субботу дрова велел побить камнями. А Иисус Навин за воровство

истребил Ахара со всем его домом. А Финеес за распутство уничтожил Замврия, а Самуил перед Господом убил царя Агага, Илья же ложных пророков у ручья заколол, как свиней, Елисей же осудил Гиезия за мздоимство, проказой наказал его. А Даниил, осудив блудливых старцев по Моисееву закону, убил их. Принявший ключи царства небесного, святой апостол Петр осудил Анания и жену его, утаивших часть своего дохода, и сделал так, что они испустили дух. А Павел предал дьяволу кузнеца Александра и Именея с Филитом, чтобы они отучились от хулений. И все эти судившие, а сами не осужденные, были праведны, более того,— избранники, избранные на духовное служение.

Вот что говорит и как поучает Афанасий Великий о совершающих смертные грехи: «Грех, который тяжелее и страшнее всех грехов смертных, — это впасть в ересь и отвратиться от Христа», — так вот говорит этот божественный Афанасий. Да и великий Иоанн Златоуст в своих сочинениях говорит: «Царский суд и гражданские законы обуздывают произвол неразумных людей, творящих смертные грехи и губящих душу и тело». Это же говорят и священные правила святых отцов: «Услышьте, цари и князья, и помните, что власть вам дал Бог, что вы — слуги Бога. Для того приставил он вас пастырями и сторожами к вашим народам, чтобы от волков сохранили вы в целости стадо его. На свое место избрал вас Бог на земле, на свой престол, возведя, посадил, милость и жизнь доверил вам, и вручила вам меч высокая десница Бога. Вы же не скрывайте в неправде истину, но остерегитесь серпа небесного, не давайте волю преступным людям, не натравливайте их, как бешеных собак, на людей правоверных. Или вот еще: если дать меч неистовому человеку, тот не только тела, но и души погубит». «Почему? — говорит он, — что не только тела погубит?» Это говорится не об убийцах и тех, кто творит обиды и разбои, которые только тела губят, но когда говорится: «Те не только тело, но и душу губят», — то говорится это о еретиках и вероотступниках: ведь они вместе с телом губят и душу, обольщая православных еретическими учениями.

И вот что: если они совершают зло, грех падет на душу того, кто допускает это, то есть на царя, на князя, на правителя области. Если недостойным людям дадут они власть, спросит с них за это Господь Бог в страшный день второго пришествия Христа. Вот почему цари и властители должны заботиться о том, чтобы быть отмстителями еретикам за Христа. Согласно с этим наставляет и учит священный Иоанн Златоуст, говоря следующее: «То, что бывает по воле Бога, хоть и покажется злым, добрее всего. А то, что против воли Бога и не угодно ему, хоть и хорошим покажется, всего хуже и преступней. Если убьет кто по воле Бога, убийство это лучше всякого человеколюбия. Если и помилует кто из человеколюбия вопреки тому, что угодно Богу, — недостойнее всякого убийства будет это помилование. Не природа вещей, но Божий суд делает их добрыми или дурными».

Выслушай примеры и сообрази, что так именно и бывает. Против Божьей воли помиловал некогда Саул, царь Израиля, Агага, царя амаликитян, и за это помилование не только сам подвергся осуждению Бога, но и весь род его. Так и Ахав, захватив Адера, ассирийского царя, сохранил его вопреки тому, что было угодно Богу, отпустил его с великим почетом; тогда Бог послал пророка к Ахаву, говоря: «Так говорит Господь: раз выпустил ты этого губителя из рук своих, душа твоя будет за его душу и люди твои за его людей».

Точно так один пророк пришел и сказал ближнему своему: «По слову Господа ударь меня». А тот человек не захотел ударить его, и сказал он: «Не подчинился ты голосу Господа, за это, лишь расстанемся мы, растерзает тебя лев». Отошел тот, напал на него лев и растерзал его. И встречает пророк другого человека и говорит: «Ударь меня». Ударил его тот человек и разбил ему лицо. Ударивший пророка спасся, а пожалевший — пострадал; что удивительней этого? Так знай же, что, когда велит Бог, нужно только повиноваться, а не размышлять о природе происходящего.

Вот так и все святые и преподобные богоносные отцы наши, пастыри и учители молили благочестивых царей и князей, чтобы истребляли еретиков, как свидетельствуют святые отцы святого Шестого вселенского собора, когда говорили они благочестивому цесарю Юстиниану: «А ты, царь, позаботься о том, чтобы, если в зрелую пшеницу попадут какие остатки языческого и иудейского еретического зла, искоренить их как сорняки. Да будут они исторгнуты и очистится нива церкви горячей любовью к Богу царей и властителей, превзошедших ревнителя Финееса, поразившего копьем грехи». А собравшиеся в Иерусалиме святые отцы в числе тысячи четырехсот человек, написав для византийского цесаря Феофила многосложный свиток, сказали: «Снизойди, о царь, к смиренной молитве, будь щедр к Церкви своей, прекрати церковные раздоры и прежде всего уйми зловерных отступников своей праведной царской властью, мышцею благочестия своего».

Так, уже православный праведный Константин Великий, первоисточник христианства и апостол среди царей, окончательно низверг этого мрачного и враждебного богу Ария, второго Иуду, соименного гневу, и осудил его с проклятым его учением на заключение, а также и всех других, принадлежавших к этому толку. А вслед за ним — Феодосии Великий, звезда пресветлая, царственный преемник, по распоряжению которого собрался Второй божественный собор святых отцов и проклял духоборца Македония, Евномия, ариан и прочих, и осудил их на позорное заточение. А наследник его по имени и уму, Феодосии Малый,

созвав в Ефесе святой собор, низложил Нестория. И Маркиан, великий по благочестию, созвал Четвертый собор, велел проклясть Евтихия и Диоскора-пустослова и осудил их на заключение. А великий цесарь Юстиниан созвал Пятый собор против Дидима и Евагрия, принадлежавших к толку Оригена, и после проклятия осудил их на заключение. Потом Константин, внук Ираклия, созвал Шестой собор святых отцов против Маркиона, Стефана, Сергия, Павла, Пира и других злонамеренных, — еретики тогда полностью были разбиты и приняли осуждение, достойное их извращенной веры. Потом опять благочестивая царица Ирина и сын ее, благоверный цесарь Константин, созвали Седьмой собор против недостойных иконоборцев, низвергли и полностью искоренили всю их ересь. Так вот все благоверные цесари, полностью разрушив осадными орудиями крепость безверных еретиков, отрубив святыми вселенскими соборами головы многоголовых устрашающих драконов, укрепили чистую и православную веру, неколебимый столп и утверждение благоверия. А благочестивые цари, зная это и повинуясь мольбам и поучениям святых отцов, распоряжались проклинать еретиков и вероотступников, отправлять в заключение и подвергать суровым наказаниям, к тому же были они научены Ветхим и Новым божественным Писанием.

Ведь так поступали и пророки, и праведники, и благочестивые цари в Ветхом Завете: если видели они, что кто-нибудь отступил от Господа Бога-Вседержителя, то либо мечом убивали его, либо молитвой низвергали. Так, великий Моисей велел посечь мечом отступников от Бога-Вседержителя, поклонявшихся золотому тельцу. Величайший из пророков, Илия, сделал так, что небесный огонь спалил двух пятидесятников, отступивших от Господа Бога, а четыреста человек он собственноручно изрубил мечом. Когда увидел Иуда Маккавей, что отступились люди от Господа Бога и поклоняются идолам, всех велел мечами изрубить. А благочестивый царь Иосия столь ревностно защищал благочестие, что не только перебил тех, кто соблазнял людей отступать от Господа Бога, но выкопал кости мертвецов, сжег их на огне, а пепел развеял по ветру.

А в Новом Завете святой апостол Петр силою молитвы предал смерти Симона-волхва, основателя ереси. Подобным же образом святой Иоанн Богослов молитвою утопил в море Кунопа-волхва. Точно так и святой апостол Филипп велел земле поглотить первосвященника, хулившего Господа нашего Иисуса Христа. А святой апостол Павел ослепил словом Елиму-волхва, а Именея, Филита и кузнеца Александра предал сатане.

И далее, этот же святой апостол Павел говорит: «Если кто отступит от Моисеева закона, будет осужден на смерть без пощады по показанию двух или трех свидетелей. Насколько, надо думать, мучительней будет наказание тому, кто пренебрежет Сыном Божиим». Это показывает, что

теперь в особенности сурово нужно наказывать того, кто хулит Сына Божия. Святой апостол Иуда, брат Иакова, говорит ведь: «Одних по рассмотрению милуйте, других спасайте страхом».

Следуя этим божественным пророческим и апостольским текстам и преданию, благочестивые и православные цари и иерархи отправляли в заключение и подвергали жестоким казням вероотступников и еретиков. Впервые великий цесарь, равный апостолам, Константин установил в своем государстве закон, чтобы предавать насильственной смерти того, кто не верит в Святую и Животворящую Троицу, а собственность его отдавать на разграбление. И святые отцы на Первом соборе не воспрепятствовали, чтобы так было. А святой Александр, константинопольский патриарх, добился своей молитвой, что Арий рассыпался. А великий чудотворец Епифаний Кипрский словом заставил еретика Аэция онеметь, а на седьмой день предал его смерти. И благочестивый царь Маркиан на смерть осудил еретика Диоскора, александрийского патриарха, но не мечом его убил, а сослал на остров Ас, где никто не может прожить и года, но мучительно умирает от губительных ветров. Там и Диоскор со всеми, разделявшими его заблуждение, в муках испустил дух. И святые отцы на Четвертом соборе не препятствовали тому, чтобы это случилось. Благочестивые цесари Юстин и Тиверий отрубили головы наместнику Адду и военачальнику Елевферию, защитникам ереси, и великий чудотворец Евтихий, константинопольский патриарх, не препятствовал им. Великий цесарь Ираклий велел убивать иудеев, не желавших креститься, и многие бывшие тогда патриархи, архиереи и преподобные не препятствовали ему это сделать. А святой Порфирий, епископ Газы, молитвою сделал немыми и безмолвными сторонников манихейской лжи, а потом и смерти их предал. А святой Феодор, эдесский епископ, словом лишил дара речи иудея, хулившего Господа нашего Иисуса Христа, а затем обратился с просьбой к вавилонскому царю, и тот, послав в Эдессу войско, велел изгнать из города еретиков, имущество их захватить, а некоторым из них вырвать языки. Святой же Федор не препятствовал, чтобы так было. Так и святая царица Феодора с сыном своим Михаилом отправила в заточение еретика Анния, константинопольского патриарха, и там велела, привязав, бить его ремнями. И блаженный патриарх Мефодий и многие преподобные отцы наши и исповедники не препятствовали тому, чтобы так было. А святой Лев, епископ катанский, сделал так, что еретик Илиодор сгорел в огне.

Смотри же, как святые пророки и праведники Ветхого Завета отступников от Господа Бога одних молитвой и полученной от Бога благодатью предавали смерти, других оружием убивали и подвергали суровым наказаниям. Но святые апостолы, божественные святители и преподобные и богоносные отцы Нового Завета оружием еретиков и вероотступников не убивали, а молитвами и силой, данной им всесильным и животворящим Духом, жестоким наказаниям и смерти предавали.

Если же кто скажет, что молитвою предать смерти — это одно, а оружием убивать заслуживших смерть — это другое, тому будет так сказано: это одно и то же, что молитвой смерти предать, что оружием убить виновного. Именно так пишет Афанасий Великий в «Слове о совершающих смертные грехи». Вначале он напоминает о ветхозаветных пророках и праведниках, убивавших оружием или предававших казням виновных, потом называет святых и верховных апостолов Петра и Павла. Ведь Петр словом и силою, которую дал им Святой Дух, предал смерти Анания и Сапфиру, а Павел словом предал смерти Елиму-волхва, кузнеца Александра, Именея и Филита. Видишь, что Афанасий Великий не делает никакого различия между убийством оружием и преданием виновных казни или смерти с помощью молитвы. А если бы не следовало еретиков и отступников предавать казням и смерти, не предавали бы святые апостолы, божественные святители и преподобные наши отцы смерти молитвою и силою, данною им от Бога: гораздо тяжелее смерть от молитвы, чем от оружия. Ведь если смерть по молитве, становится с очевидностью ясно, что Бог осудил на смерть виновного — страшно попасть в руки Бога живого. А та смерть, что от оружия, случается нередко по замыслам людей, и тем, кто понимает, смерть от оружия не так страшна, как от молитвы: человек-то смотрит на лица, Бог же видит сердца. Вот почему преподобные и богоносные отцы наши, священноначальники и пастыри еретиков и вероотступников предавали жестоким наказаниям и смерти не оружием, но молитвой и силой, которую дал им Бог. Если же какого еретика или вероотступника следовало предать наказанию или смерти, они не делали этого сами, но имели для этого благочестивых и православных царей, чтобы отмщать преступникам — в согласии с апостольскими писаниями, свидетельствами священных правил и гражданских законов, которые преподобные и богоносные отцы наши соединили и увязали со священными правилами. Но довольно об этом.

Теперь скажем и о том, что говорят еретики, — что если и следует, дескать, судить и осуждать еретиков и вероотступников, то лишь царям, князьям, иерархам и правителям областей, а не монахам, которые отреклись от мира и всего, что в мире, а им следует только собой заниматься и не судить никого — ни еретика, ни вероотступника. Но вот что сказано будет такому: если не должны монахи осуждать ни еретика, ни вероотступника, то как Антоний Великий осуждал их? Говорил он о еретиках, что слова их страшнее змеиного яда, поучая всегда учеников своих, чтобы ни в какое общение ни с мелетианами, ни с арианами, ни с другими еретиками не вступали. А на Первом соборе среди святых отцов оказался святой Пафнутий-исповедник, и он осудил Ария на заключение. Всегда осуждал еретиков святой Пахомий, говоря, что тот, кто общается с еретиками и читает сочинения Оригена, Мелетия, Ария и других еретиков, в бездну ада сходит. Так и Макарий Великий: для того он вышел из пустыни, чтобы осудить еретика и пресечь его ересь, что и исполнил. А когда услышал святой Ефрем о распространении еретического лжеучения Аполлинария, — оставляет

он по этой причине пустыню, входит в Константинополь, где не только осуждает Аполлинария, но хитроумным своим искусством предает его мучительной смерти. От самого младенчества жил в пустыне чудный Исаак Далматский, но когда слышит он, что Валент распространяет арианскую ересь, приходит в Византию и не только осуждает Валента, но и предает его огню. Так и великий Евфимий: хоть сам не был на Третьем соборе, но послал на собор учеников своих и велел им осудить и проклясть еретиков. Хоть не мог святой Авксентий из-за глубокой старости и великих своих трудов пойти на собор святых отцов, когда собрались они против ереси Нестория, но велел он запрячь упряжку волов и повезти себя на собор, чтобы проклясть и осудить еретиков. Святой Даниил-столпник точно так же из-за великой немощи не мог передвигать ног, так что просил людей, чтобы привели его на собор святых отцов, чтобы осудить и проклясть еретиков. Поступил так и Савва Освященный: когда увидел он, что распространяется ересь Севира, из Иерусалима приходит к цесарю Анастасию в Константинополь и умоляет его осудить и проклясть еретиков. Когда великий Феодосии узнает, что по всему миру распространяется ересь Севира, оставляет монастырь, уходит из пустыни, обходит города и веси, чтобы укрепить верных, еретиков же осудить и посрамить. Собрав потом всех монахов, приходит он вместе с Саввой Освященным в Иерусалим, входят они в церковь в сопровождении множества своих учеников-монахов, числом около десяти тысяч: поднимаются тут на амвон великий Феодосии и Савва Освященный, осуждают и предают проклятью Севира и всех, кто следует его лжеучению. На Шестой собор вместо александрийского патриарха также прибыл монах Петр, и вместе со всеми осудил еретиков. Когда святая мученица, дева Феодосия, рожденная по предсказанию мученицы Анастасии, постриженная в монахини семи лет и после того безвыходно находившаяся в монастыре, — когда услышала она, что цесарь Лев, что из Исаврии, послал своего оруженосца сбросить и уничтожить образ Христа-господа, бывший на иконе на медных городских воротах, поспешила святая Феодосия на место и как увидела, что трижды ударил оруженосец секирой по образу Христа-спасителя, тут же опрокинула на землю лестницу и так предала оруженосца мучительной смерти. Потом, придя к патриаршим покоям, закидала она камнями Анастасия, патриарха-иконоборца, и тут на месте по приказу недостойного цесаря убили ее за образ Господа нашего Иисуса Христа. И пусть никто не вздумает сказать, что Христова мученица Феодосия не по божьему повелению совершила этот поступок, собственноручно предав человека смерти, — именно за это предобрый владыка Христос прославил ее по смерти многими чудесами и грозными знамениями, а тело сохранил в целости нетленным, так что все, приходящие к ее гробу, получают исцеление от различных болезней. А святые и божественные отцы почтили ее в гимнах, хвалах, канонах и тропарях и постановили праздновать ее память 29-го мая наравне с прославленными мучениками и мученицами Христовыми. И к святой царице Феодоре и благочестивому цесарю Михаилу собрались святые великие постники и чудотворцы: великий Аникий, Арсакий, Исаакий, Феофан-исповедник и многие другие, покинувшие монастыри и пустыни и пришедшие в город, чтобы проклясть и осудить еретиков. Да и на все вселенские и

поместные соборы приходили монахи, забывая свои монастыри и пустыни и поспешая в города.

Таким образом, князья и военачальники, частные лица — мужчины и женщины — и каждый православный, осуждая вместе с архиереями и священниками еретиков, составили божественные правила, наставляемые живым и животворящим Духом. К тому же и гражданские законы прибавили они к божественным правилам, по которым еретиков не только осуждают, но подвергают проклятиям и жестоким казням.

ПОСЛАНИЕ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО КНЯГИНЕ ГОЛЕНИНОЙ

Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Послание известного церковного деятеля конца XV — начала XVI в. игумена Волоколамского монастыря Иосифа княгине Голениной написано между 1505 и 1513 гг. — судя по тому, что здесь говорится о вкладах за поминание князя Ивана Борисовича Рузского, умершего в 1503 г., и архиепископа Геннадия, умершего в 1505 г., но не упоминается о смерти князя Федора Борисовича Волоцкого в 1513 г., хотя после смерти этот князь (несмотря на его ссоры с Иосифом) был включен в вечное поминание в монастыре. Таким образом, это послание было написано уже после победы Иосифа Волоцкого в 1502—1504 гг. над новгородско-московскими еретиками, с которыми он боролся более четверти века, но, по всей видимости, раньше его предсмертной полемики с нестяжателями и их идеологом Вассианом Патрикеевым о монастырском землевладении.

Только один мотив противоеретической полемики конца XV в. отразился в послании Голениной — вопрос о Божьем промысле, о совместимости всемогущества и всеблагости Божией, о том, почему «человеки овы милуемы, овы мучимы, овы веселящеся в богатьстве, иныя же нищете стражуща, овы в старости живуща, иныя же в юности умирающая». В послании Голениной Иосиф предлагает объяснение такому разнообразию человеческих судеб, заявив, что те, которые «младенци сущи умроша, яко чисти и непорочны, животу вѣчному сподобятся». Однако к спору с Голениной этот аргумент прямого отношения не имел, так как ее дети умерли не во младенчестве. Иосиф объяснил поэтому, что те, кто умирают юными, но совершенными возрастом, «сего ради прежде времени умирают, понѣже вѣдушу Богу, яко хотяху житием злым и лукавым жити и сосуда лукаваго быти». Именно для того Бог, по словам Иосифа, и забирает будущих грешников

к себе, чтобы их родители вразумились и отдали предназначенные для детей «стяжания и имения» через посредство «божественной церкви» нищим и убогим и тем обеспечили умершим детям и себе царствие небесное.

Но это рассуждение — единственный раздел послания, посвященный общим, философским вопросам. В остальном, доказывая Голениной необходимость щедрых и обильных даров монастырю, Иосиф не прибегает, как в более поздней полемике с нестяжателями, к аргументам абстрактно-теоретического характера («стяжания церковная — Божья суть стяжания»), а прямо исходит из принципа платности всякой церковной службы: «Даром священник ни одное обѣдни, ни понафиды не служитъ». Отсюда и стиль послания — деловой, конкретно-практический, отсюда и элементы просторечия в послании.

Послание Голениной печатается по списку: РНБ, Q. XVII. 64, сборнику середины XVI в., принадлежавшему бывшему волоколамскому игумену (потом архимандриту Новоспасскому и архиепископу Сарскому) Нифонту Кормилицыну и содержащему целый ряд посланий Иосифа Волоцкого. Для исправлений привлекался список середины XVI в., составленный учеником волоколамского старца Фотия Вассианом Кошкой: ГИМ, Синодальное собр., № 927.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ К НѢКОЕЙ КНЯГИНѢ ВДОВѢ,[1] ДАВШЕЙ ПО СВОИХ ДѢТЕХ СОРОКОУСТЪ[2] И ПОРОПТАВШЕЙ

Госпожѣ моей княгинѣ Марии, княж Ондрѣеве Федоровичя грѣшный чернец...[3] челом бью.

Писала еси к нам: «Коли у меня было, и яз милостиню давала». Ино, госпоже, коли у тебе не будет, и Богъ на тебѣ не истяжет, а только у тебе будет, а не даеш по своих дѣтех участиа и наслѣдья их, ино писал о том великий Афонасие сице: «Отрочата вѣрных множицею убо к целомудрию родителей их умирают божественым промыслом, яко да се видѣвше родители их абие устрашаться и сего ради умилившеся уцеломудрятся». Глаголетъ бо Богъ пророком Иеремѣем:[4] «Якож преже времене убо наведох смерть на чада ваша, вы ж таковаго наказаниа не приясте; яко левъ всегубитель обыдоша вас злаа, вы ж видѣвше се не покаастеся, ни отвратитесь от злых своих дѣлъ». И паки тойже пророкъ глаголеть: «Уязвил еси сих ранами, Господи Боже, и не поболѣша; скончал еси их, и не въсхотѣша прияти наказаниа, ожесточиша лица своя, якож камень». Тѣмже убо, братья, от сего увѣмы, яко Богъ милосердъ и человеколюбив сый, неизреченными и различными судбами своими ищет како приводити насъ к себѣ и како спасти душа наша. Тѣмже и о смерти юнных сице есть. Аще убо

младенци суще умроша, яко чисти и непорочни отшедша, животу вѣчному сподобятся. Аще ли ж съвершени возрастом, юни же суще, сего ради прежде времени умираютъ, понеже вѣдущу Богу яко хотяху житием злым и лукавым жити и сосуди лукаваго быти. Тѣмже Богъ прежде сего вземлеть их к себѣ, да и сих родители уцеломудрятся, и яже хотяху имъ стежания и имѣния уготовляти, сия к нищим и убогим и божественым церквамъ, еже о них да раздають, тако с чады своими царствия вѣчнаго получать. Аще ли же лихоимьствомъ и любостежаниемъ поработившесь, лишат чад своих наслѣдия и участия, еже хотяху имѣти в житии семъ, яко жестоци и немилосердии осужденнии бывають от Бога, а въ страшьный день пришествия Христова от своих чад осужденни будуть по рекшему словеси: «Немилованый не помилованъ будеть».

А что еси писала: по твоих дѣтех не бывала ни одна понафида[5] у нас, ино, госпоже, у нас на всякой недѣли по три понафиды, да по девяти литѣй[6] заупокойных, да повсядневная обѣдня, а поминают на обѣднѣ по трижда, а на понафиде по трижда же, а на литѣах по однова. Да опрочѣ того, в сананику[7] поминають тѣх же, а на болшихъ понафидах по четырьжда, ино имется всего того по десятья на день, коли болшаа понажифа, а во всякую пятницу болшая понафида. А коли меншая понафида, ино по девятья на день. А коли нѣт понафиды в которыи дни, ино по шестья на день, а над проскурами[8] ино поминание годовое чтуть и на Господскии праздьники[9] и Великъ день. А твой князь да и ваши дѣти писаны в том годовом поминании. А будеть то у тебя мысль, чтобы твои понафиды пѣти опрочѣ соборныхъ понафид, ино уже надобе и обѣдни пѣти твои опришнии. И ты, госпоже, пошли посмотрити, гдѣ митропалитъ служитъ да и всѣ владыки, ино тамо писаны всѣ великии князи, и удѣлныя, а поютъ обѣдню и понафиду одну соборную по всѣх, да такъ, госпоже, поминають во всѣх соборных церквахъ и въ монастырех. А толко пѣти за всякого по понафидѣ да по обѣднѣ по опришней всегда, ино тому быти не мочно.

А что ести писала: «И четверть от того возмуть, что в синаник написати», — ино, госпоже, у нас строевъ, которых в монастыри погрѣбают,[10] ина тѣхъ и даромъ пишють в синаникъ да и в годовое поминание на год, и на нищих Богъ не истязуеть, а богатий кождо по своей силѣ истязанъ будеть. Хотя хто и в черньцы пострижется богатой, а не дасть по своей силѣ, ино его не велѣно поминати в том монастыри.

А что еси писала о том, что «дати 20 рублевъ на семь лѣт, ино то грабежь, а не милостыня», — то не грабеж, то мы с тобою чиним совѣт произволения, а на воле на твоей и на нашей, и будеть то любо тебѣ, и нам ино будеть, а не любо — ино не будеть. А такъ есмя чинили совѣт и съ прежними, которые писалися в годовое поминание. А грабежем того нихто не нарече, занеж вѣдомо всѣм, да и тобѣ вѣдомо: даром священик

ни одное обѣдни, ни понафиды не служитъ. Да и своими бы проскурами, и вином, и темияном, и свечами, и кутьею, и кануном,[11] а то в вѣчныи, доколе монастырь Пречистые стоить, надобе на всякь час попечение имѣти о том священником и крылашаном и всей братии, да еще х тому надобеть. Аще по одной дензе давати на обѣдню, ино на год мало, не толко поидеть, о чем есмя писали. Да опрочѣ того еще понафиды, да литѣи заупокойные, надобе еще мед, да воскъ, да просвиры, да фимианъ, — и толко считати, ино не имется и по полудензе на обѣдню, а у нас иде священиком на всякой съборъ по четыре денги одному, а в простыи дни по двѣ деньги.

А по всѣм монастырем и по соборным церквам в годовое поминание пишуть в вѣк учинивше ряду. Того дѣля в манастырѣхъ и в соборных церковах и князи и бояре давали села на то, ино того ради въ всѣх монастырѣх земли много. А и в нашемъ манастыри хто написалься в прок в годовое поминание, ино по тому ж писали. По князе Борисе,[12] да по княгинѣ Улиянѣ,[13] да по князи по Иванѣ[14] дали село Успенское да село Спаское, а село Покровское дал при себе князь Борис Васильевич, а велѣл молити о своем здравии и спасении, а после своего живота велѣл себе вписати в тож поминания в годовое в вѣк. А князь Иванъ Васильевич Хованьской[15] далъ грамоту, велѣл давати по одном себѣ дѣтем своим по сту четвертей хлѣба на год. А владыка новгородской Генадей[16] дал монастырю селцо Мечевьское, да двѣ деревни, да селцо Чемесово в Рузе, да колокол во сто рублев. А Григорей Собакинъ[17] купил у Михаила у Коровы семь деревень, да у Никиты у Коньстентинова[18] селцо да двѣ деревни, а дал двѣсте рублей. А князь Семен Ивановичь Бѣлской[19] прислал двѣсте рублей, а велѣл пытати, гдѣ бы земля купити монастырю, а велѣл писати в годовое поминание отца, да матерь, да себя третиего. Да которые писалися в годове поминание в вѣк, всѣ тѣ написаны в сенанику оприч тѣх, какъ их поминати и какъ по них кормѣмъ быти, и что хто дал по себѣ от того поминания, чтоб было незабвенно в вѣкь.

А так не пишут в годовое поминание, как ты велѣла нынѣ, ни в соборных церквахъ, ни в манастырѣхъ. Князь Борис Васильевич, да княгини Улиана, да князь Иванъ Борисович, вѣдомо тебѣ, как жаловали и милостыню давали, и на молебен, и на понафиды, и по родителех, и по дѣтех кормили, и милостыню давали, и монастырь и что есть монастырей — всѣ Божии да их, да того не считали, коли себя велѣли писати в годовое поминание, занеже вѣдомо имъ, что в нашем манастырѣ обычей: сколько Бог пошлетъ, столко и разаидется. Надобе церковные вещи строити, святыя иконы, и святыя сосуды, и книги, и ризы, и братство кормити, и поити, и одѣвати, и обувати, и иные всякии нужи исполняти, и нищимъ, и странным, и мимоходящим давати и кормити. А росходится на всякой год по полутораста рублей денгями, а иногда болѣ, да хлѣба по три тысечи четвертей на год росходится, занеж на всякь день в трапезѣ едять иногда шестьсотъ, а иногда семьсот душь: ино коли его Бог пошлет, тогды ся и разойдеть. Ино того

ради государи наши и иные, которые хотѣли писатись в годовое поминание на вѣкь, и давали по себе села. Ино как в годове поминание, хто себя пишеть на вѣкь, так и села у манастыря на вѣк. Князь Иван Хаваньской давал намъ и хлѣба, и денегъ, а владыка Новагородской также давал, исчести не мощно его жалования. А Григорей Собакинъ рублев сорок дал дотоле, а князь Семенъ Ивановичь Бѣлской рублев с тритцать дал. Да как ся захотѣли писати в годовое поминание на вѣк, и они того в ряду не положили, а редились изнова о том.

А что еси писала: дала еси по своем князѣ и по своихъ дѣтех болѣ семидесят рублев, ино еси как уставила цѣну платию и конем, а мы на том с половину того взяли. А как взял Бог твоего сына князя Ивана, тому уже лѣт с пятнатцать и болши того, и ты оттолѣ и до сѣх мѣстъ сочла, что коли еси давала в пятнатцать лѣт или на обѣдню, или на понафиду, или на молебен, или на кормъ, или на погребение своих детей, да велиш нынѣ за то писати своего князя да и детей в годовое поминание в вѣк. А о том еси не писала ни однова во всю пятнатцать лѣт, что было твоего князя да и детей писати за то в годовое поминание в вѣкь. А чтоб еси писала о том, и мы б у тебя и того не имали.

А что еси писала: «Толко выпишете моего князя и моих детей из годовова поминания, ино судия вам Богъ», — ино, госпоже, сама еси себя обличила. Писала еси в своей грамоте нынѣ: коли бог взял твоего сына князя Ивана, и ты дала одиннацать рублев да мерин, а велѣла еси писати в сенаник князя Афонасиа да отца своего Ивана, да сына своего Ивана. И ты писала о сенаникѣ, а не о годовом поминании в прок, ино тѣх тогда ж написали в сенаник, да и поминают в вѣкы. Да писала еси, как взял бог сына твоего князя Семена, и ты по нем дала шубу да два мерина, а велѣла еси писати его в сенаник и поминати его в вѣкы, а о том слово не было, что его поминают в годовом поминании в вѣк; и сама еси так написала в своей грамоте нынѣ, что еси ни оброчивалася, ни рядилась. А в то поминание не пишют без ряды. А кому в поминание писатися, и онѣ рядятся или на всякой год давати уроком денги, или хлѣб, или село по ком дадуть, ино его в вѣкы напишють, в годовое поминание.

Да чтобы еси, госпоже, на меня о том не бранилася, что есми написал к тебѣ подлинникомъ и о манастырьском обычаи, и как пишются в годовое поминание навѣкъ, занеже, госпоже, то вам не все вѣдомо.

А яз тобѣ, своей госпожѣ, челомъ бью.

---

[1] *Послание к нѣкоей княгинѣ вдовѣ...* — Адресатом послания была княгиня Мария Голенина, вдова князя Андрея Федоровича Голенина-Ростовского, потомка удельных князей ростовских, умершего до 1482 г.

[2] *...сорокоустъ...* — «Сорокоустом» обычно именуется заупокойная служба в течение сорока дней после смерти поминаемого лица, но в данном случае (как и в некоторых других памятниках XVI в.) имеется в виду заупокойная служба вообще — по уже давно умершим людям.

[3] *...грѣшный чернец...* — Далее в обоих сохранившихся списках посланни — пробел для имени, но в сборнике Q. XVII. 64 на полях сделана киноварная приписка: «И ино послание Иосифово...»; следовательно, автор этого, как и других посланий сборника, — Иосиф Волоцкий.

[4] *...пророком Иеремѣем...* — Текст ветхозаветной Книги Пророка Иеремии (2, 30; 5, 3) цитируется Иосифом Волоцким неточно.

[5] *Понафида* — панихида, церковное богослужение с молитвами за умерших.

[6] *...девяти литѣй...* — Лития (греч. — усердная молитва) — особое моление об умершем.

[7] *...в синанику...* — Синаник — синодик, список умерших для церковного поминовения, читавшийся в церкви в первое воскресенье Великого поста.

[8] *...над проскурами...* — Проскуры — просфоры, особый хлеб, употребляемый при причащении.

[9] *...на Господскии праздьники...* — Праздники в честь Богородицы и Христа (Рождество, Сретенье и др.).

[10] *...строевъ, которых в монастыри погрѣбают...* — «Строями» или «строителями» в монастырях называли их начальников при создании монастыря (до назначения игумена) или лиц, возглавлявших скиты и пустыни, где не было игумена.

[11] *...кануном...* — Канун — здесь: еда, приготовленная для поминания усопшего.

[12] *По князе Борисе...* — Князь Борис Васильевич Волоцкий (умер в 1494 г.), брат Ивана III, принявший в 1479 г. Иосифа Волоцкого (ушедшего из Пафнутьева Боровского монастыря после конфликта с великим князем) под свое покровительство и давший Иосифу возможность основать Волоколамский монастырь.

[13] *...по княгинѣ Улиянѣ...* — Вдова Бориса Волоцкого, умерла в 1503 г.

[14] *...по князи по Иванѣ...* — Иван Борисович, сын Бориса Волоцкого, князь рузский, умер в 1503 г. Иосиф Волоцкий присутствовал при кончине Ивана Борисовича в Волоколамском монастыре и участвовал в составлении его завещания, по которому Руза переходила к великому князю (а не к брату Ивана — Федору Борисовичу).

[15] *Иванъ Васильевич Хованьской* — боярин волоцких князей, князь, троюродный брат известного церковного деятеля Василия-Вассиана Патрикеева.

[16] *...владыка новгородской Генадей...* — Геннадий Новгородский, соратник Иосифа Волоцкого по борьбе с еретиками, был лишен сана (за «мздоимство») в 1504 г. и умер в 1505 г.

[17] *Григорей Собакинъ...* — Григорий Семенович Собакин, в иночестве Герасим, служилый человек («сын боярский»).

[18] *...у Михаила у Коровы... да у Никиты у Коньстентинова...* — Речь идет о Михаиле Глебовиче Корове-Кутузове и Никите Константиновкче Кутузове, вотчинниках, продававших и даривших земли Волоколамскому монастырю.

[19] *...князь Семен Ивановичь Бѣлской...* — Крупный западнорусский феодал, «перешедший» к Ивану III от литовского великого князя (со своими владениями — Черниговом, Гомелем и Стародубом) в 1499 г.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ К НЕКОЕЙ КНЯГИНЕ-ВДОВЕ, ДАВШЕЙ НА СОРОКОУСТ В ПАМЯТЬ ПО СВОИМ ДЕТЯМ И ВОЗРОПТАВШЕЙ

Госпоже моей княгине Марии, супруге князя Андрея Федоровича, я, грешный чернец... челом бью.

Писала ты к нам: «Пока у меня были деньги, я давала милостыню». Но ведь, госпожа, когда у тебя не будет, то Бог у тебя и не потребует, а только если у тебя будет, а ты не дашь в память детей их долю и наследие, то писал об этом великий Афанасий так: «Смерть детей верующих часто совершается ради вразумления их родителей по Божьему промыслу, чтобы родители, увидев это, устрашились и, опечалившись, вразумились». Ибо сказал Бог устами пророка Иеремии: «Я прежде времени послал смерть вашим детям, вы же этого наставления не уразумели; как лев-всегубитель навел на вас несчастья, вы же, и увидев это, не покаялись, не отказались от злых своих дел». И еще говорит тот же пророк: «Нанес ты им раны, Господи Боже, а они не почувствовали боли, истребил их, а они не захотели принять наказание,

ожесточили свои лица, словно каменные». Итак, братья, мы узнаем, что Бог милосерден и человеколюбив, непостижимыми и разнообразными путями своими он стремится привести нас к себе и спасти наши души. А смерть юных объясняется так. Если они умирают во младенчестве, то, отойдя чистыми и непорочными, обретают вечную жизнь. Если же умирают совершеннолетними, но молодыми, то потому, что Бог предвидит их склонность жить злой и лукавой жизнью и быть созданиями дьявольскими. В этих случаях Бог призывает их к себе прежде времени, чтобы их родители вразумились и те богатства и имения, которые хотели приготовить для них, раздали нищим и убогим и Божьим церквам, которые раздадут эти богатства для их спасения, и они вместе со своими детьми обретут царствие небесное. Если же, отдавшись лихоимству и корыстолюбию, родители лишат детей, принадлежащих им, наследия и имущества, которое должны они были получить при жизни, то как жестокие и немилосердные, примут осуждение от Бога, а в страшный день пришествия Христова будут осуждены своими детьми, ибо сказано: «Немилостивый не будет помилован».

А что ты писала, будто по твоим детям у нас не было ни одной панихиды, то, госпожа, у нас всякую неделю служат три панихиды, да по девять заупокойных литий, да ежедневно обедню, а поминают на обедне трижды, и на панихиде трижды же, а на литиях по одному разу. Да кроме того, в синодике поминают тех же, а в больших панихидах четырежды, а выходит всего десять раз в день, если большая панихида, а во всякую пятницу бывает большая панихида. А если малая панихида, то по девять раз в день. А если в какие-либо дни нет панихиды, то по шесть раз в день, и над просфорами также годовое поминание читают, и в Господские праздники, и на Пасху. А твой князь и ваши дети записаны в том же годовом поминании. А если помышляешь, чтобы твои панихиды служили сверх соборных панихид, тогда уже и обедни для тебя надо служить особые. И ты, госпожа, пошли посмотреть службу, которую служат митрополит и все владыки: а ведь там писаны все великие князья и удельные, а служат панихиду одну соборную для всех и так же, госпожа, поминают во всех соборных церквах и монастырях. А служить за всякого всегда по панихиде и по соборной обедне невозможно.

А что ты писала: «И в четыре раза меньше берут, чтобы записать в синодик», — так ведь, госпожа, у нас монастырских строителей, которых в монастыре погребают, тех и даром пишут в синодик и в годовое поминание на год, а с нищих Бог не берет, а с каждого богатого будет взято по его средствам. А если богатый даже пострижется в чернецы, а по средствам не дает, то его не велено поминать в том монастыре.

А что ты писала: «Дать двадцать рублей за семь лет — то грабеж, а не милостыня», — так это не грабеж, это мы с тобою заключаем добровольное соглашение, по воле твоей и по нашей, а если тебе угодно, то мы так и сделаем, а не угодно — не сделаем. Так мы заключали соглашения и прежде с теми, кто писались в годовое поминание. А грабежом этого никто не называл, ибо ведомо всем, и тебе ведомо: даром священник ни одной обедни, ни панихиды не служит. Да чтобы служить со своими просфорами, и вином, и тимьяном, и свечами, и кутьею, и кануном, и притом вечно, пока монастырь Пречистой стоит, — для этого священникам, клирошанам и всей братии нужно ежечасно иметь попечение, как и обо всем, что для этого понадобится. Даже если давать по одной деньги за обедню, на год выйдет мало, не хватит даже на то, о чем мы писали. А сверх того, еще панихиды, да заупокойные литии, нужен еще мед, да воск, да просфоры, да фимиам — если их считать, то не хватит и по полуденьге на обедню, а у нас идет священникам за всякое богослужение по четыре деньги каждому, а в простые дни по две деньги.

А по всем монастырям и по соборным церквам вписывают в годовое поминание, заключив для этого договор. В монастырях и в соборных церквах и князья, и бояре давали на это села — потому-то у всех монастырей земли много. И в нашем монастыре если кто вписывается навсегда в годовое поминание, то на тех же условиях. Для поминовения князя Бориса, да княгини Ульяны, да князя Ивана дали село Успенское да село Спасское, а село Покровское дал при жизни князь Борис Васильевич, а велел молиться о своем здоровье и спасении, а после смерти вписать себя в то же годовое поминание навеки. А князь Иван Васильевич Хованский дал грамоту, велел своим детям давать на свое поминовение по сто четвертей хлеба в год. А владыка новгородский Геннадий дал монастырю сельцо Мечевское, да две деревни, да сельцо Чемесово в Рузе, да колокол за сто рублей. А Григорий Собакин купил у Михаила Коровы семь деревень да у Никиты Константинова село и две деревни и дал двести рублей, и велел узнать, где монастырю можно купить землю, а велел писать в годовое поминание, отца, мать, да себя третьим. Да и все, кто писались в годовое поминание, навеки записаны в синодике — как их поминать, и какая за них плата, и кто что дал на свое поминовение, — чтобы это никогда не было забыто.

А так, как ты велела ныне, в годовое поминание не записывают — ни в соборных церквах, ни в монастырях. Известно и тебе, как жаловали нас князь Борис Васильевич, да княгиня Ульяна, да князь Иван Борисович: и милостыню давали, и на молебен, и на панихиды, давали корм и милостыню и по родителям, и по детям; и наш монастырь, и сколько ни есть монастырей — все Божьи да их, но они этого не считали, когда просили вписать себя в годовое поминание, ибо им ведомо, что в нашем монастыре обычай: сколько Бог пошлет, столько и разойдется. Надобно приготовлять церковные вещи, святые иконы, и святые сосуды, и книги, и ризы, братию кормить, и поить, и одевать, и обувать, и удовлетворять

иные всякие нужды, опекать и кормить нищих, и странников, и путешествующих. А расходуется каждый год по полтораста рублей деньгами, а иногда и больше, да хлеба по три тысячи четвертей расходуется, потому что каждый день в трапезной едят иногда шестьсот, а иногда семьсот душ: сколько Бог пошлет, столько и расходуется. Потому-то государи наши и иные, которые хотели писаться в годовое поминание навеки, и давали по себе села. Ибо кто в годовое поминание вписывается навеки, тот и села дает монастырю навеки. Князь Иван Хованский давал нам и хлеба, и денег, и владыка новгородский также давал — невозможно и исчислить его дары. А Григорий Собакин уже прежде дал рублей сорок, а князь Семен Иванович Бельский рублей с тридцать дал. А как захотели быть вписанными в годовое поминание навеки, они этого в договор не включили, а договаривались об этом заново.

А что ты писала: дала за поминовение своего князя и своих детей более семидесяти рублей — то как ты оценила платье и коней, а мы за них выручили только половину этих денег. А как прибрал Бог твоего сына, князя Ивана, прошло уже пятнадцать или более того, а ты с того времени и до сих пор сосчитала, что давала за пятнадцать лет на обедню, или на панихиду, или на молебен, или на корм, или на погребение своих детей, да велишь за это вписать своего князя и детей в годовое поминание навеки. А за все эти пятнадцать лет ты ни разу не писала, чтобы за эти даяния вписать твоего князя и детей в поминание навеки. А если бы писала о том, то мы бы у тебя этого не брали.

А что ты написала: «Если вы выпишете моего князя и детей из годового поминания, то судья вам Бог», — то этим, госпожа, ты сама себя обличила. Писала ты в своей грамоте ныне: когда Бог взял твоего сына, князя Ивана, ты дала нам одиннадцать рублей и мерина и велела вписать в синодик князя Афанасия, да отца своего Ивана, да сына своего Ивана. И ты писала о синодике, а не о годовом поминании на будущее, — вот мы и вписали тогда их в синодик, и там они и поминаются вечно. Писала ты еще, что когда Бог взял сына твоего, князя Семена, ты по нем дала шубу и двух меринов и велела вписать его в синодик, и поминать вечно, — а о том не было ни слова, чтобы его навеки поминали в годовом поминании; и сама ты как написала теперь в своей грамоте, что ты не договаривалась, не рядилась. А в то поминание не вписывают без договора. А если кого вписывают в поминание, то договариваются — или каждый год давать по уговору деньги, или хлеб, или село по ком-нибудь дадут, тогда его навек и вписывают в годовое поминание.

А ты бы, госпожа, меня не бранила за то, что я написал тебе по правилам о монастырском обычае и о том, как пишутся в годовое поминание навеки, ибо, госпожа, не всем вам это ведомо.

А я тебе, своей госпоже, челом бью.

ОТВЕТ КИРИЛЛОВСКИХ СТАРЦЕВ НА ПОСЛАНИЕ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО ОБ ОСУЖДЕНИИ ЕРЕТИКОВ

Подготовка текста и комментарии Н. А. Казаковой, перевод А. А. Алексеева

ВСТУПЛЕНИЕ

В начале XVI в. в русской церкви существовали два идеологических течения — иосифлянство и нестяжательство. Иосифляне отстаивали феодальные интересы, требуя неприкосновенности церковного землевладения и расправ с еретиками путем их физического уничтожения. Нестяжатели выступали за ликвидацию монастырских вотчин и были противниками казни еретиков. Сторонниками нестяжательства являлась часть духовенства, стремившаяся к укреплению церкви путем искоренения ее недостатков, а также светские феодалы, заинтересованные в ликвидации монастырского землевладения. Особое распространение нестяжательство получило на русском Севере, в частности в Кирилло-Белозерском монастыре.

После Нила Сорского главой нестяжателей стал Вассиан Патрикеев, бывший князь Василий Иванович Патрикеев, подвергнувшийся в 1499 г. опале и после пострижения в монахи сосланный в Кирилло-Белозерский монастырь. Вассиан Патрикеев написал ряд публицистических произведений, направленных против иосифлян, в которых бичевал недостойный образ жизни монахов, владевших вотчинами и эксплуатировавших труд крестьян. В полемике против иосифлян Вассиан опирался на Священное Писание. Для писательской манеры Вассиана характерны острая полемичность, глубокая эмоциональность и едкая ирония.

Ранним памятником полемики нестяжателей с иосифлянами является «Ответ кирилловских старцев». Он написан от имени старцев Кирилло-Белозерского монастыря, а также всех заволжских старцев (то есть находившихся в монастырях, расположенных к северу от Волги), в ответ на «Послание Иосифа Волоцкого» наследнику престола великому князю Василию Ивановичу, в котором Иосиф требовал беспощадного истребления всех еретиков. «Послание Иосифа Волоцкого» Василию Ивановичу не сохранилось, но из краткого изложения его содержания, включенного в «Ответ кирилловских старцев», нам известна аргументация, приводимая автором в доказательство необходимости

смертных казней еретиков. Эта аргументация совпадает с той, которую Иосиф Волоцкий развивал в своем другом произведении, дошедшем до наших дней, — «Слове об осуждении еретиков». Инквизиторской доктрине Иосифа Волоцкого, требовавшего предания смерти всех еретиков, кирилловские старцы противопоставляли позицию, согласно которой покаявшихся еретиков следовало прощать и принимать в лоно церкви, а непокаявшихся — заточать, но не предавать смертной казни.

«Ответ кирилловских старцев» написан как произведение, принадлежащее коллективному автору. Однако идейное содержание памятника, используемые в нем аргументация и ирония (язвительный вопрос к Иосифу: почему он не последовал примеру епископа Льва Катанского) дают основание думать, что автором «Ответа» был Вассиан Патрикеев. Предположительная датировка «Ответа» — самый конец 1504 г., когда церковный собор, судивший еретиков, уже вынес им приговор, включающий смертные казни, но приговор еще не был приведен в исполнение.

Текст «Ответа кирилловских старцев» издается по списку: РНБ, Софийское собр., № 1489 второй половины XVI в.; дополнения и исправления сделаны по списку: ГИМ, Синодальное собр., № 738 начала XVIII в.

ОРИГИНАЛ

Послание старца Иосифа, иже на Волоце,[1] своего ему монастыря, *о Касиане архимандрите Юрьевском**[2]** и о прочих еретицех, самодръжцу* Рускыа земли, государю, великому князю Василью Ивановичю[3] о томъ, еже грѣшника или еретика руками убити или молитвою, едино есть: понеже Моисѣй скрижали руками разбил,[4] Илиа пророкъ четыреста жрець закла,[5] и Финеос братана, с мадиамлянынею блудяща, прободе,[6] и апостолъ Петръ Симона волхъва молитвою разби при Send Неронѣ цари,[7] и Павелъ апостолъ Елиму волхва молитвою ослепи, и Левъ, епископъ катаньский[8], Леодора вълъхва петрахилию связа и созже, и донеже Леодоръ сгорѣ, а епископъ из огня не изыде, а другаго вълъхва Сидора той же епископъ молитвою созже при гречестем цари; и сих ради свидѣтельствъ, аще грѣшника или еретика убити молитвою или руками, едино есть, и молимся тебѣ, государю, о томъ, чтоб ты, государь, своим государьским судом искоренил злый плевелъ еретический в конець.

Ис Кирилова монастыря старцы, да и всѣ заволжьские старцы положили тому посланию старца Иосифа свидѣтельства от божественаго Писаниа спротивно, что некающихся еретиковъ и непокаряющихся велѣно заточити, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающих Церковь Божиа приемлетъ прострътыма дланма, грешных ради Сынъ Божий воплотися, прииде бо възыскати и спасти погыбшых.

А что, господине, старець Иосиф, Моисѣй скрижали руками разбил, то тако и есть. Но егда Богъ хотѣ погубити Исраиля, поклоншася тельцу, тогда Моисѣй ста въпреки Господеви и рече: «Господи, аще сих погубиши, то мене преже сих». И Богъ не погуби Исраиля Моисѣа ради.[9] Видиши, господине, яко любовь к согрѣшающимъ и злом превъзможе утолити гнѣвъ Божий. Такоже, господине, Илиа пророкъ, ревнуа по Господѣ Бозѣ Вседержители, закла четыреста жрець Валевых, понеже не покаяшася. А инии же покаашася, сих приа на покаяние, от нихже бысть Авдѣй пророкъ,[10] и пророческаго дара сподобленъ бысть. А Финеос, господине, пробол оружиимъ братана, блудяща с мадиамлянынею, понеже на всемъ тогда Исраиле грѣх той бысть, и того ради вмѣнися ему въ правду.

Еще же Ветхый Законъ тогда бысть, нам же в новѣй благодати яви Владыка Христос любовный съуз, еже не осужати брату брата о томъ, но единому Богу судити согрешениа человечя, рече: «Не судите, не осуждени будете».[11] И егда приведоша к нему жену, яту в любодѣянии, тогда премилостивный Судия рече: «Иже не имать греха, да връжеть на ню первѣе камень». Потом же самъ, преклонь главу и писа коегождо их съгрѣшениа, тако възрази убийственую руку жидовъскую.[12] Кождо ко своим дѣлом прииметь от Бога въ день Судный. Аще же ты повелеваеши брата брату согрѣшивъша убити, то вскорѣ и суботство будеть, и вся Ветхаго Закона, ихъже Богъ ненавидить.[13]

А Петръ апостолъ Симона вълхва молитвою разби, понеже прозвася прелукавый злодѣй сыном Божиим[14] при Нероне царѣ, и того ради достойны суд приатъ от Бога за превеликую лесть и злобу. И ты, господине старець Иосиф, сотвори молитву, да иже недостойни еретици да грѣшници, то земля их пожреть. Аще же приемлеть Богъ еретика да и грѣшника на покаяние, то не услышанъ будеши. Разумѣем бо разбойника, исповѣданиемъ спасена,[15] и мытаря, милостынею очищена,[16] и блудницу плачющуся помним прощену, и дщерию Владыка прозва ю; и Павел апостолъ Елиму вълхва молитвою ослепи, понеже искаше развратити антипата от въры, а сам апостолъ Павел пиша: «Аз бых был анафема от Христа моего, сиречь проклят; токмо бы братья моя спаслися исраильтяне».[17] Видиши ли, господине, душу свою полагает за соблазнившуюся братью, дабы спаслися, а не молвил им, дабы их огнь пожегълъ, или земля пожерла, а могли сиа от Бога приати. А Левъ, господине, катанский епископъ, Леодора волхва петрахилью связа и созже, и другаго вълхва Сидора такоже молитвою созже при гречестемъ цари. И ты, господине Осифе, почто не испытаешь своей святости? Не связа Касиана архимандрита своею *мантиею*, донележе бы он сгорѣлъ, а ты бы въ пламяни его связана держалъ! И мы бы тебя, яко единого от трех отрок,[18] из пламени, изшедша, приняли.

Поразумей, господине Иосифе, много розни промежь Моисѣа, Илии и Петра апостола и Павъла апостола, да и тебе от них. Кто бы от них, господине, вѣдал многое Божие милосердие, а еще не бы сам показалъ человеком, приемля грѣшника кающася, якоже блудницу и мытаря, якоже скверънаго оного Манасию, иже пятьдесят лѣт и два лѣта идоломъ служил, и весь Исраиль безаконствовати сотвори, и во един часъ покаяся, прощение получи? Видиши ли, господине. колико душь израильтеских людей въ пятьдесят летъ погибе, имъже повиненъ быв Манасиа царь? Но одолѣ человеколюбие Божие злу Манасѣину: затворен бо быв в мѣди в Вавилонѣ и тамо покаяся Господеви, и аггелъ Господень развергъ мѣдь и принесе его в Иерусалимъ, и поживе прочая лѣта в покаании.[19] И апостолу Петру въпрошшу Господа, и рече: «Господи, аще брат в мя съгрѣшитъ до седмижды ли, прощу его днемъ?» И рече Господь: «Не глаголю ти до седмижды, но седьмдесят седмерицею прости его».[20] Оле милости твоея, Человеколюбче! Слава неисчестнымъ твоимъ щедротамъ, Господи, яко истинным судом милостивъ и длъготръпелив о злобах человеческых наречеся, праведных бо любиши, а грѣшных милуеши — ныне и въ вѣки бесконечныа!

---

[1] *...старца Иосифа, иже на Волоце...* — См. коммент. к тексту «Волоколамский патерик» (сноски 4. 5, 6).

[2] *...о Касиане архимандрите Юрьевском...* — Кассиан, архимандрит Юрьевского монастыря в Новгороде, один из видных еретиков; собором 1504 г. был приговорен к сожжению.

[3] *...самодеръжцу Рускыа земли, государю, великому князю Василью Ивановичю...* — Василий Иванович, сын Ивана III и наследник престола, в последние годы жизни отца носил титул великого князя: так, в договорах Новгорода и Пскова с Ливонией 1503 г. он именуется «великим князем... царем всея Руси»; не исключено, что в последние годы жизни Ивана III Василий Иванович являлся его соправителем, Обращение Иосифа Волоцкого с просьбой об искоренении ереси не к Ивану III, а к его сыну могло быть вызвано тем, что Иван III в недавнем прошлом покровительствовал еретикам, поддерживал контакты с нестяжателями и пытался провести на соборе 1503 г. секуляризацию церковных земель. Василий же Иванович не проявлял никаких шатаний и вместе со своей матерью, великой княгиней Софьей, был близок к иосифлянам.

[4] *...Моисѣй скрижали руками разбил...* — В Библии рассказывается, что пророк Моисей, разгневавшись на израильтян, поклонявшихся тельцу, разбил скрижали — каменные доски с вырезанными на них письменами Бога (Исход, 32, 19).

[5] *...Илиа пророкъ четыреста жрець закла...* — См.: Цар. 18, 40.

[6] *...и Финеос... прободе...* — См.: Чис. 25, 6—8.

[7] *...при Неронѣ цари...* — Нерон, римский император (54—68).

[8] *...Левъ епископъ катаньский...* — Рассказ о Льве Катанском (VIII в.), чьей молитвой был сожжен волхв Лиодор, содержится в Минеях-Четьих (20 февраля).

[9] *Но егда Богъ хотѣ... Моисѣа ради.* — Согласно Библии, Бог, по просьбе Моисея, простил израильтян, отступивших от него и поклонявшихся тельцу (Исход, 32, 8—14).

[10] *...Авдѣй пророкъ...* — Данного эпизода о пророке Авдии в Библии нет, ср., однако, 3 Царств 18. 6—16, откуда можно было заключить, что Авдий вначале не входил в число сторонников Илии.

[11] *«Не судите, не осуждени будете». — Мф. 7, 1; Лк. 6, 37.*

[12] *И егда приведоша к нему жену... руку жидовъскую.* — Приведен эпизод из Евангелия о спасении Христом блудницы, которую толпа хотела забить камнями (См.: Иоан. 8, 3—11).

[13] *Аще же ты повелеваеши брата брату согрѣшивъша убити, то вскорѣ и суботство будеть, и вся Ветхаго закона ихъже Богъ ненавидить.* — Здесь содержится намек на ветхозаветный кодекс — «око за око, зуб за зуб» (Левит — 24, 20), отвергаемый Новым заветом «Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому...» (Мф. 5, 38—39).

[14] *...понеже прозвася... сыном Божиим...* — Неточное изложение дополнительных сведений (имеющихся у церковных писателей II—III вв. Иринея и Ипполита) о Симоне-волхве, который выдавал себя за верховного бога, объединяющего в своем лице отца, сына и святого духа.

[15] *...разбойника, исповѣданием спасена...* — Один их двух разбойников, распятых вместе с Иисусом Христом, который уверовал в Иисуса Христа (Лк. 23, 40—43).

[16] *...мытаря милостынею очищена...* — Имеется в виду мытарь Закхей, который уверовал в Христа и решил раздать половину своего имущества нуждающимся (Лк. 19, 2—10).

[17] *...«Аз бых был анафема от Христа... спаслися исраильтяне».* — Рим. 9, 3—4.

[18] *...от трех отрок...* — Имеется в виду библейский рассказ о том, как три отрока, отказавшиеся поклоняться в Вавилоне золотому истукану, были брошены в печь, в которой пылал огонь, и остались невредимы (Дан. 3).

[19] *...якоже сквернаго оного Манасию... и поживе прочая лѣта в покаании...* Согласно Библии, царь Иудеи Манассия восстановил поклонение языческим богам, но, когда был разбит ассирийцами и, закованный в кандалы, увезен в Вавилон, раскаялся, был прощен Богом и по возвращении в Иерусалим постарался загладить свое отступничество (2 Пар. 33).

[20] *...апостолу Петру въпрошшу... прости его...* — Эпизод из Евангелия (Мф. 18, 21—22).

ПЕРЕВОД

Послание старца Иосифа из собственного монастыря, что на Волоке, государю великому князю Василию Ивановичу о юрьевском архимандрите Касьяне и прочих еретиках, о том, что одно и то же — убить ли грешника либо еретика рукою или молитвой: потому как руками разбил скрижали Моисей, Илья-пророк четыреста жрецов заколол, Финеес пронзил родича, когда тот предавался блуду с мадианитянкой, а апостол Петр молитвой низверг Симона-волхва при цесаре Нероне, апостол Павел ослепил молитвой Елиму-волхва, Лев, епископ катанский, связал епитрахилью и сжег Илиодора-волхва, и пока Илиодор не сгорел, не вышел епископ из огня, а другого волхва, Исидора, тот же епископ сжег молитвою при византийском цесаре, — вот из-за каких доводов (что грешника или еретика молитвой ли убить, рукой ли — все одно) просим мы тебя, государя, о том, чтобы без остатка искоренил ты, государь, государским судом своим сорняк скверной ереси.

Старцы из Кириллова монастыря, а с ними все заволжские старцы привели на это послание старца Иосифа от божественного Писания обратное — что нераскаявшихся и непокорных еретиков предписано держать в заключении, а покаявшихся и проклявших свое заблуждение еретиков Божья Церковь принимает в распростертые объятия: ради грешников облекся плотью Сын Божий, и пришел он погибших сыскать и спасти.

А что, господин старец Иосиф, до того, что скрижали Моисей руками разбил, то так и есть. Но когда Бог хотел уничтожить народ израильский, поклонявшийся тельцу, тогда Моисей возразил Господу и сказал: «Если уничтожишь их, Господи, то меня раньше их». И не уничтожил Бог израильтян ради Моисея. Видишь, господин, как любовь к грешникам и преступникам смогла утолить гнев Божий. Так, господин, и пророк Илия, проявляя усердие к Господу Богу-Вседержителю, заколол четыреста жрецов Ваала, потому что не покаялись они. Но другие покаялись, и он принял их покаяние, среди них был и пророк Авдей, удостоенный пророческого дара. Финеес же, господин, пронзил оружием родича, предавшегося блуду с

мадианитянкой, ибо этот грех охватил тогда весь Израиль, потому и поставлено это ему в заслугу.

А ведь тогда еще был Ветхий Завет; нам же, в благодати Нового Завета, Владыка Христос открыл союз любви, чтобы брат не осуждал брата, а только Бог судил грехи людей, сказав: «Не судите и не будете осуждены». И когда привели к нему женщину, схваченную за блуд, сказал милосердный Судья: «Кто без греха, пусть первый бросит в нее камень». Сам же, склонив голову, написал грехи каждого из них и так отразил поднятую на убийство руку иудеев. В Судный день каждый получит от Бога по своим делам. Если же ты требуешь, чтобы брат убивал согрешившего брата, то скоро дойдет и до празднования субботы, и до всего, что в Ветхом Завете, что ненавистно Богу.

И апостол Петр низверг молитвой Симона-волхва, потому что при цезаре Нероне назвал себя сыном Божьим коварный злодей, так что за большое коварство и зло принял он от Бога заслуженный приговор. Сотвори и ты, господин старец Иосиф, молитву, и если есть недостойные еретики и грешники, то поглотит их земля. Но если принимает Бог покаяние еретика и грешника, не будешь ты услышан. А мы имеем в виду разбойника, спасшегося покаянием, и мытаря, очистившегося милосердием, и помним, что рыдающая блудница прощена и Господь назвал ее дочерью; апостол Павел ослепил молитвой Елиму-волхва, потому что стремился тот отвратить проконсула от веры, но сам же апостол Павел написал: «Пусть бы мне была анафема, то есть проклятье, от Христа моего, спаслись бы только мои братья-израильтяне». Видишь, господин, как душу свою кладет он за братьев заблудших, чтобы спаслись, и не сказал им, чтобы огнем сгорели или земля их поглотила, а могли они претерпеть от Бога и это. Вот, господин, епископ катанский Лев связал епитрахилью и сжег Илиодора-волхва и другого волхва, Исидора, также сжег молитвой при византийском цесаре. А ты, господин Иосиф, почему не испытаешь своей святости? Связал бы архимандрита Касьяна своей мантией, и пока бы он не сгорел, ты бы связанного его в огне держал! А мы бы тебя, из пламени вышедшего, приняли как одного из трех отроков!

Пойми, господин Иосиф, велика разница между Моисеем, Илией и апостолом Петром, апостолом Павлом, между тобой и ими! Кто бы из них, господин, знал про великое милосердие Бога, если бы сам он не открыл его людям, принимая раскаявшегося грешника, как, например, блудницу и мытаря, как того скверного Манассию, который пятьдесят два года поклонялся идолам и весь Израиль заставил жить в беззаконии, но в одно мгновение покаялся и прощение получил? Представляешь ли, господин, сколько за пятьдесят лет погибло душ в народе израильском, чему виной был царь Манассия? Но человеколюбие Бога превозмогло преступление Манассии: в Вавилоне

был он заключен в медь и покаялся там перед Господом, тогда разбил медь ангел Господень, перенес его в Иерусалим, где и прожил он остаток лет в покаянии. А апостол Петр сказал, вопрошая Господа: «Господи, если брат мой грешит, прощать ли его на дню по семи раз?» И сказал Господь: «Не скажу тебе — по семи, но семьдесят раз по семи прости его!» Такова милость твоя, Человеколюбец! Слава, Господи, бессчетной щедрости твоей, по истинному приговору назван ты милостивым и бесконечно терпеливым к человеческим порокам, ведь праведных ты любишь, а грешных прощаешь — ныне и навечно!

ПОВЕСТЬ О ПСКОВСКОМ ВЗЯТИИ

Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Политика централизации русского государства, проводимая московскими князьями в XV—XVI вв., затронула и Псковскую землю. Подчинение Пскова Москве было длительным процессом. Псковское вече, орган политического самоуправления, фактически уже давно потеряло свои права и значение, выполняя волю московских властей; псковским князем, избираемым на вече, был наместник великого князя. Самостоятельность Пскова была относительной. В 1510 г. Псков окончательно потерял ее. Было упразднено псковское вече, снят и увезен в Москву вечевой колокол, символ былой воли и самостоятельности. Псков подчинился власти великого князя московского.

Исторические события 1510 г. по-разному освещены в источниках. Существует московская «Повесть о Псковском взятии», дающая деловое, подробное, документальное описание событий 1510 г. с московских позиций; она расходится в оценке взятия Пскова с псковскими произведениями.

Псковские авторы не были единодушны в восприятии и оценке действий московских властей. Автор летописной статьи о событиях 1510 г. в Псковской Третьей летописи, оппозиционно настроенный к московскому князю, с гневом и горечью пишет о коварстве Василия III и его нововведениях в Пскове, сравнивает московского князя с антихристом.

Иной была позиция автора «Повести о Псковском взятии», включенной в состав Псковской Первой летописи. Он признает закономерность присоединения Пскова к Москве, считает Псков старинной вотчиной великих князей и говорит о том, что псковичи издавна клялись великим князьям в верности. И в то же время автор «Повести» сожалеет о былой псковской воле и не может без скорби и грусти писать о конце «славы псковской». В рассказе о самых драматических эпизодах взятия Пскова (арест псковских послов в Новгороде; вече, где дьяк излагает

псковичам требования великого князя, ответная речь псковичей, снятие вечевого колокола, приезд великого князя, разорение города и выселение трехсот семей) его речь полна истинного лиризма.

Псковская «Повесть о псковском взятии» продолжает лучшие традиции псковской литературы. Ее стиль характеризуется летописной неторопливостью, обстоятельностью, простотой, искренностью тона, пословичной емкостью отдельных выражений, отсутствием пышной риторики, словесной вычурности. Автор «Повести» обнаруживает знание многих произведений древнерусской литературы, он органично вплетает в свое повествование образы, взятые иэ Библии, обращается к текстам «Слов» Серапиона Владимирского и «Житию Александра Невского», не повторяя их дословно, но творчески, свободно их варьируя.

Текст «Повести о Псковском взятии» публикуется по Погодинскому списку Псковской Первой летописи — РНБ, собр. Погодина 1404-а, вторая половина XVI в., лл. 659 об.—664.

ОРИГИНАЛ

Взятие Псковское. В лѣто 7018, месяца октября въ 26, на память святого Дмитрея, князь великий Василей Ивановичь приехал въ свою отчину,[1] в Великий Новгород, и з своим братом, удълным со князем Ондрѣем,[2] и с своими бояре.

И псковичи услышавше государя великого князя Василья Ивановича в Великом Новегороде и послаша послов своих в Великий Новгород: Юрья посадника Елисѣевича, и посадника Михаила Помазова, и бояр изо всѣх концов.[3] И даша псковичи дару великому князю Василью Ивановичю полтораста рублев новгородцкую[4] о жаловании и о печаловании своея отчины, мужей псковичь добровольных людей, что: «Есмя приобижены от твоего намѣстника, а от нашего князя Ивана Михайловича Репни,[5] и от его людей, и от его намѣстников от пригородцких[6] и от ихъ людей».

И князь великий отвечал нашим посадником: «Язъ вас, свою отчину, хощу жаловати и боронити, якоже отец нашь и дѣды наши, великии князи. И что ми повѣстуете о намѣстники моем, а о своем князи Иване Михайловичи Репни, аже тольке стануть на него мнози жалобы, и яз его обвиню пред вами». Да и посадников нашихъ и бояр отпустил.

И посадники наши сказывають псковичем на вечи, что князь великий дар их честно принял, а сердечныя никтоже вѣсть, что князь великий здумал на свою отчину, и на мужей псковичь, и на град Псков.

Потом, тоя же зиме, по мале времени, поехал изо Пскова князь псковской Иван Михайлович Репня Оболенъских князей государю великому князю жаловатися на псковичь, что-де его псковичи бесчествовали. А тот Репня не пошлиною во Псков приѣхал да сѣл на княжении, а не по крестному целованию учал во Пскове жити, а не учал добра хотѣть Святей Троицы,[7] ни мужем псковичем. Да тот Репня много зла чинил дѣтем боярским и посадничим; и тыя дѣти боярские да и посадничи, здумав себѣ, что тотъ Репня князь псковской много зла им чинил, да поѣхали к великому князю жаловатися на князя Ивана Михайловича на Репню.

Потом того же времени посадники псковскиа здумав со псковичи такову думу, а не на пользю себѣ думаша, учаша грамоты писати по пригородом да и по волостем, а ркучи так: «Аще который человекъ, каков ни буди, а жаловался на князя, и вы бы ехали къ государю великому князю в Великий Новгород, противу его бити челом».

На той же недели поѣхал Левонтей посадникъ бити челом на посадника на Юрья на Копыла. И поѣхал Юрьи в Новгород противу его отвѣчивать и тамо тягалися. И Юрьи посадникъ прислал грамоту свою из Великого Новагорода ко Пскову, а у грамоте написано так: аще не поѣдут посадники изо Пскова говорити противу князя Ивана Репни, ино будетъ вся земля виновата. И у ту пору псковичем сердце уныло. А на четвертый день по той грамоте поехали к Новугороду 9 посадников да и купецкии старосты всѣх рядов. А князь великий управы им никакой не дасть, а говорит так: «Копитеся вы, жалобныя люди, на Крещение Господе, и яз вам всѣм управы подаю». А управы никаковы нѣтъ.

Того же времени, месяца генваря въ 6 день, на Крещение Господне, князь великий велѣл нашим посадником всѣм копитися да и бояром, и купцем, и купецким старостам велѣл ити на рѣку на водокрестие. А сам князь великий вышол со всѣми бояре своими на рѣку на Волхов, а священники и дьяконы выидоша со скресты, в той день приспѣл бо празникъ Крещениа Господня. А владыка в то время не бысть на Новегороде, а крестил воду владыка смоленьской да священники; и, воду окрестив, да пошли ко святей Софеи.

И князь великий велѣл своим бояром по своей думе, как себѣ здумали. Да нашим посадником да и людем тѣм учали говорити: «Посадники псковские, и бояре, и жалобныя люди, государь велѣл всѣм вам копитися на государьской двор исполна; а кой не поидет, ино боялся бы государевы казни, занеже государь хочет всѣм управу дати».

И посадники псковьскиа и бояре с одного пошли с воды на владычень двор. И бояре посадников спросили: «Уже ли есте сполна скопилися?» И посадников, и бояр, и купцов увели в полату, а молодшиа люди на дворе стояли. И влѣзли в полату, и бояре *рекоша* посадником, и бояром, и купцом псковским: «Поимани де естя Богом и великим князем Васильем Ивановичем всеа Русии». И туто посадники седѣша и до своих жон, а молодших людей переписав и подаваша наугородцом по улицам беречи и кормити до управы.

И переняше псковичи полоняную свою вѣсть от Филипа от Поповича от купчины от псковитина: а он ехал к Новугороду и стал у Веряжи,[8] и услышав злу вѣсть, и оставя товар, и погонил ко Пскову, и сказал псковичам, что князь великий посадников наших, и бояр, и жалобных людей переимал. И нападе на них страх и трепет, и таковыя смяги пришли на их уста, и многажды приходили нѣмцы ко Пскову, а таковыя бѣды и сухоты не бывало.

И вечь поставя, начаша думати, ставит ли щитъ против государя, запиратися ли во граде? Ино помянуша крестное целование, что не мощно рука воздвигнути против государя, а посадники и бояре и лутчие люди вси у него. И послаша псковичи к великому князю гонца своего Еустафья соцкого бити челом великому князю со слезами, от мала и до велика, чтобы — «Ты, государь нашь князь великий Василей Ивановичь, жаловал свою отчину старинную». И у великого князя своя мысль, чего ради поехал с Москвы в Великий Новгород, что ему превратити Псков на свои пошлины.

И посла князь великий своего дьяка Третьяка Долматова,[9] и псковичи обрадовалися от государя жалованья старины. Яже Третьяк имъ на вече и первую новую пошлину, поклон от великого князя: «Чтобы, деи, отчина моя, посадники псковские и псковичи, тольке хотите еще въ старины прожить, и вы бы есте две воли мои изволили: ино бы у вас вечья не было да и колокол бы есте сняли долой вечной, а здѣся бы быти двем намѣстником, а по пригородам намѣснику же быти, и вы ещо проживете въ старине. А только тѣх дву воль государю не изволите и не сотворите, ино как государю Богъ по сердцу положить, ино у него много силы готовой, ино тое кровопролитие на тѣх будет, хто государевы воли не сотворить. Да государь нашь князь великий хочеть побывати на поклон къ Святей Троицы во Псков». Да тое отговорив, да сѣл на степени.

И псковичи ударили челом в землю и не могли противу его отвечати, ано исполнися бяше очи слез, что в сесцу матере своея, но и токмо тыя слез не испустили, но не в разум и младе суще; толке ему отвечали: «Посол государев, дасть Богъ заутра и мы себѣ подумаем, да тебѣ о всем откажем». А псковичи туто горко заплакали. Како ли не упали зеницы со слезами вкупе, како ти не урвалося сердце от корени!

Наутриа, свитающи дни недельну, и позвониша вечье, и вшол Третьякъ в вечье, и посадники псковскии и псковичи начаша ему говорити тако: «В нас написано в лѣтописцех с прадеды его и з дѣды и со отцем его крестное целование с великими князьми положоно, что нам псковичам от государя своего великого князя, кой ни будеть на Москве, и нам от него не ити ни в Литву, ни в Нѣмцы; а нам жити по старине в добровольи. А мы пскоувичи отъидем от великого князя в Литву или в Немцы, или о себѣ учнем жити без государя, ино на нас гнѣв Божий, глад, и огнь, и потоп, и нашествие поганых. А государь нашь князь великий тое крестное целование не учнеть на собѣ доржати, ино на него тот же обѣть, который на нас, коли нас не учнеть доржати в старине. А нынѣ Богъ волен да государь въ своей вотчине, во граде Пскове, и в нас, и в колоколе нашем, а мы прежнего целованиа своего и проклятья не хотим изменити и на себѣ кроволитиа приняти, и мы на государя своего руки подняти и в городе заперетися не хотим. А государь наш князь великий хочеть живоначальней Троицы помолитися, в своей отчине побывати во Пскове, и мы своего государя ради всѣм сердцем, чтобы нас не погубил до конца».

Месяца генваря въ 13, на память святых мученикъ Ермолы и Страстоника, спустиша вечной колокол святыя живоначальныя Троица и начаша псковичи, на колокол смотря, плакати по своей старине и по своей воли. И повезоша его на Снетогорской двор к Ивану Богослову,[10] гдѣ нонма намѣстнич двор; тоя же нощи повезоша Третьяк вѣчной колокол к великому князю в Новгород.

И того же месяца, за неделю приѣзда великого князя, приехаша воеводы великого князя с силою: князь Петръ Великой, Иван Васильевич Хабар, Иван Андрѣевич Челяднин[11] — и поведоша псковичь к целованью, а посадником сказаша, что князь великий будетъ в пятницу.

Поѣхаша посадники псковскиа, и бояре, и дѣти посадничьи, и купцы на Дубровно[12] стречати государя великого князя.

Месяца генваря въ 24, на память преподобныя матере нашея Аксеньи, в день в четвергъ приѣхал государь нашь князь великий Василей Иванович всеа Русии во Псков. А того дни порану приехал владыка коломеньской Васьян Кривой,[13] и хотяше великого князя встрѣтити священноиноки, и священники, и дьяконы у Образа святого в Поли,[14] и владыка молвил, не велѣл, деи, собя князь великий стречати далече. А псковичи сретоша его за три версты, и вдариша псковичи государю своему в землю челом, и государь упросил в них здравия, и псковичи ему молвиша: «Ты, государь нашь князь великий, царь всеа Русии, здрав был».

И поехал во Псков; и срѣтиша его владыка, кои с нимъ приѣхал, и священноиноки, и священники, и дьяконы на Торгу, гдѣ нынѣ площадь; а самъ князь великий слѣз с коня во Всемилостиваго Спаса,[15] туто же и благословил его владыка, и пошол ко святей живоначальней Троицы. И пѣша молебен и многолѣтьство кликаша государю; и благословляя владыка его: «Богь, деи, о государь, благословляетъ Псков вземши». И кои псковичи были у церкви и то слышели и заплакали горко: «Богь волен да государь, отчина есме его была изстари отцов его, и дѣдовъ его, и прадѣдов его».

И велѣл в неделю быти у собя князь великий псковичем, псковским и старым посадником и дѣтем посадничим, и бояром, и купцом, и житьим людем:[16] «Яз вас хощу жаловати своим жалованием». И поидоша псковичи от малы и до велика на великого князя двор. И посадники и бояре поидоша въ гридню,[17] а инѣх, на крыльце стоя, князь Петръ Васильевич по переписи почал кликати бояр и копцов псковских. И кои вошли в гридню, то тѣх всѣх за приставы подаваша; а псковичем, молощим людем, кои на дворѣ стояли, отвечаша: «До вас государю дѣла нѣт, а до которых государю дѣло есть, и он тѣх к себѣ емлетъ, а вас государь пожалуетъ грамотою своею жаловальною, как вам впредь прожити».

И подаваша тѣх за приставы, кои были в гридне, и поидоша за приставы по подворьям, и начаша скручатися к Москве тое нощи, з женами и з дѣтми, и животы легкие взяша с собою, а то все пометаша, и поѣхаше вборзе с плачем и рыданием многим. Да и тѣх жены поѣхали, кои в Новегороде засажены. И взяша псковичь всѣх 300 семей.

И тогда отъятца слава псковская!

О славнѣйший во градех — великий Пскове! Почто бо сѣтуеши, почто бо плачеши? И отвѣща град Псков: «Како ми не сѣтовати, како ми не плакати! Прилетѣл на мене многокрильный орел, исполнь крыле нохтей, и взя от мене кедра древа ливанова.[18] Попустившу Богу за грѣхи наша, и землю нашу пусту сотвориша, и град нашь разорися, и люди наши плениша, и торжища наша раскопаша, а иные торжища калом коневым заметаша, а отца и братию нашу розведоша; где не бывали отцы наши и дѣды, ни прадѣд наших, тамо отцы и братию нашу, и други наша сведоша, а матери и сестры наша в поругание даша».[19]

А иные во граде мнози постригахуся в черньцы, а жены у черницы, и в монастыри поидоша, не хотяще в полон поити от своего града во иные грады.

Нынѣ же се, братие, ведуще, убоимся прещениа сего страшнаго, припадем к Господу своему, исповѣдающеся грѣхов своих, да не внидем в *большей* гнѣв Господень, не наведем на ся казни горши первой. А еще ждеть нашего покаяниа и обращениа,[20] а мы не покаяхомся, но на большой грѣх превратихомся, на злыя и лихия поклепы и у вѣчьи кричание, а не вѣдуще глава, что языкъ глаголеть, не умѣющу своего дому строити, а градом наряжати.

И по сем князь велкий нача давати деревни бояром сведеных псковичь, и посади намѣстники на Пскове: Григорья Федоровича да Ивана Ондрѣевича Челяднина, и дьяком Мисюра Мунохина, и другим дьяком ямским Ондрѣя Волосатого,[21] и 12 городничих, и старостъ московскихъ 12, и пскович 12, и деревни им даша; а велѣл им в суду седѣти с намѣсники и сь их тиуны,[22] правды стеречи. И у намѣсников, и у их тиунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетѣло на небо, и кривда начаша в них ходити; и быша немилостивы до псковичь, а псковичи, бѣдныя, не вѣдаша правды московския. И даша князь великий свою грамоту жаловальную псковичам, и посла князь великий своих намѣсников по пригородом, и велѣл имъ пригорожан приводити к целованию. И начаша пригородцкие намѣсники пригорожаны торговати.

И посла князь великий к Москвы Петра Яковлевича Захарьина Москве всей здоровати, что князь великий Псков взял. И прислаша во Псков с Москвы добрых людей, гостей, тамгу уставливати ново, занеже во Пскове тамга не бывала; и прислаша с Москвы пищальников[23] казенных и воротников; и даша мѣсто, гдѣ торгъ ставити новой, вонъ стены, противу Лужьских ворот, за рвом, на Юшкове огороде Носохина, да на Григорьеве посадникове садники Кротова.[24] Да и церковь постави князь великий святую Оксенью, которой день Псков взял, на

Пустой улицы вь Ермолкине садники Хлѣбникове; а потому та улица Пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было. И жил князь великий 4 недели во Пскове, а поехал на другой недели поста в понедельникъ изо Пскова; и другой колокол с собою взяша; а оставил здѣсь детей боярскихъ 1000, а пищальников новгородскихъ 500.

И начаша намѣсники над псковичами силу велику чинити, а приставы их начаша от поруки имати по 10 рублев, и по 7 рублев, и по 5 рублев. А псковитин хто молвит великого князя грамотою, а написано, что имъ от поруки имати, и они того убили, а говорили: «То де тобѣ, смердъ, великого князя грамота». И тые намѣсники, их тиуны и люди пиша изо псковичь крови много; а кои иноземцы жили во Пскове, и тѣ разыдошася во своя земля, ано не мочно во Пскове жити, только одны псковичи осташа: ано земля не раступитца, а уверхъ не взлетѣть.

---

[1] *В лѣто 7018, месяца октября въ 26... княэь великий Василей Ивановичь приехал въ свою отчину...* — В московских источниках дается иная дата приезда Василия III в Новгород — 23 сентября. Василий Иванович, сын Ивана III и Софии Палеолог, великий князь московский с 1505 по 1533 г.

[2] *...з своим братом, удѣлным со князем Ондрѣем...* — Андрей Иванович, младший из сыновей Ивана III, удельный князь старицкий.

[3] *Конец* — территория Пскова делилась на несколько районов — концов.

[4] *...полтораста рублев новгородцкую...* — Многие русские города имели свои монеты, отличающиеся по ценности и способу чеканки. Новгородский рубль — в XIII—XIV вв., первой половине XVI в. — серебряный слиток, содержащий 170.1 г чистого серебра.

[5] *...а от нашего князя Ивана Михайловича Репни...* — Князь Иван Михайлович Репня-Оболенский, известный воевода времени правления Ивана III и Василия III. Во главе московского войска ходил против ордынского хана в 1491 г.; командовал передовым полком в походе против шведов 1496 г.; был воеводой в русско-литовской войне; ходил под Казань. С 1509 по 1510 г. — наместник великого князя в Пскове. Псковичи прозвали его Найденом, так как приехал он к ним не «по старине», без их согласия и приглашения; они встретили его враждебно и жаловались на князя, «лютого до людей», Василию III. Политика, проводимая в Пскове И. М. Репней, послужила непосредственным поводом для вмешательства великого князя в дела Пскова. И. М. Репня был отозван великим князем, но судя по тому,что он не лишился

доверия Василия III (вместе с Василием Ивановичем он ходил в большом полку к Смоленску в 1513 г.), последний не был в гневе на своего наместника за его действия в Пскове.

[6] *Пригород* — младший город, находящийся в определенной административной зависимости от старшего города — Пскова.

[7] *...а не учал добра хотѣть Святей Троицы...* — Патрональной святыней Пскова, его главным храмом был Троицкий собор. «Святая Троица», «Дом Святой Троицы» — синонимы Пскова.

[8] *...и стал у Веряжи...* — Река Веряжа, западный приток озера Ильмень.

[9] *И посла князь великий своего дьяка Третьяка Долматова...* — Дьяк Василий Третьяк Долматов пользовался особым доверием Ивана III и Василия III. Во время нашествия татар в 1480 г. он хранил казну великого князя, приводил к присяге Ивану III жителей Твери, выполнял посольские поручения в Литве и Дании, участвовал в составлении целого ряда правовых актов. Не случайно именно ему, опытному дипломату и политику, Василий III поручил передать псковичам свои требования и снять вечевой колокол.

[10] *...спустиша вечной колокол... повезоша его на Снетогорской двор к Ивану Богослову...* — Псковский вечевой колокол висел на колокольне у Троицкого собора. После снятия его вывезли из Кремля на подворье Снетогорского монастыря, которое находилось поблизости, за Довмонтовой стеной, в Среднем городе, при спуске к реке Пскове. На подворье стояла церковь Иоанна Богослова.

[11] *...приехаша воеводы великого князя с силою: князь Петръ Великой, Иван Васильевич Хабар, Иван Ондрѣевич Челяднин...* — Политику великого князя в Пскове осуществляли наиболее близкие к Василию Ивановичу бояре и воеводы (И. М. Репня, дьяк Третьяк Долматов). Иван Андреевич Челяднин и Иван Васильевич Образцов Хабар-Симской были воеводами в русско-литовской войне 1507—1508, 1512—1522 гг., участвовали в походах против крымских и казанских татар, возглавляли русские посольства. Князь Петр Васильевич Шестунов занимал придворную должность окольничего великого князя. Он был псковским наместником в 1507—1509 гг., т. е. до И. М. Репни, затем отозван великим князем в Москву. Вновь назначен псковским наместником в 1511 г. Псковичи, как сообщают летописи, встретили его с радостью.

[12] *Поѣхаша... на Дубровно...* — Дубровно — село в 24 верстах от Порхова на границе новгородских и псковских земель по дороге из Пскова в Новгород.

[13] *...приехал владыка коломеньской Васьян Кривой...* — В 1510 г. коломенским епископом был Митрофан. Московские и общерусские источники верно передают имя епископа, сопровождавшего Василия III.

[14] *...у Образа святого в Поли...* — Спасский Нерукотворного образа с Поля монастырь находился приблизнтельно в трех километрах на юг от Пскова.

[15] *...и срѣтиша его... на Торгу... а сам князь великий слѣз с коня во Всемилостиваго Спаса...* — Старый торг в Пскове находился в Среднем городе за Довмонтовой стеной; после перенесения торга на новое место здесь образовалась площадь. Церковь Всемилостивого Спаса на Торгу построена в 1435 г., находилась недалеко от ныне сохранившейся церкви Михаила-архангела.

[16] *...и житьим людем...* — «Житии люди» — землевладельцы менее высокого ранга, чем бояре, представители городского патрициата.

[17] *...поидоша вѣ гридню...* — Гридница; здесь — помещение, в котором происходил княжеский суд.

[18] *Прилетѣл... кедра древа ливанова.* — Ср.: Иез. 17, 3.

[19] *Попустившу Богу... в поругание даша.* — Этот текст близок «Слову» Серапиона Владимирского.

[20] *Нынѣ же се, братие... обращениа...* — Текст близок «Слову» Серапиона Владимирского.

[21] *...и посади намѣстники на Пскове: Григорья Федоровича да Ивана Ондрѣевича Челяднина, и дьяком Мисюра Мунохина, и другим дьяком ямским Ондрѣя Волосатого...* — Так же как и И. А. Челяднин, Григорий Федорович Челяднин — один из верных сподвижников Василия III; долгое время был окольничим великого князя, стоял во главе русского войска в походах против шведов и Литвы, возглавлял посольство в Литву. Мисюрь Мунехин занимал должность дьяка при псковском наместнике с 1510 по 1528 г., он ведал административными, политическими и военными делами Пскова. Это был образованный человек своего времени, путешествовавший на Восток, интересовавшийся астрологией, состоявший в переписке с известными деятелями XVI в. — старцем Филофеем, Николаем Булевым, Дмитрием Герасимовым. Функции другого дьяка Андрея Волосатого заключались в том, чтобы писать «полные грамоты и докладные».

[22] *Тиун* — здесь: лицо, занимавшееся первичным разбором судебных дел.

[23] *Пищальники* — воины, вооруженные огнестрельным оружием — пищалями.

[24] *...и даша мѣсто, гдѣ торгъ ставити новой... садники Кротова.* — Новый торг расположился за стеной Среднего города, против Лужских ворот; он занимал земли тех псковичей, которых Василий III выслал из Пскова, среди них бывший посадник Григорий Кротов.

ПЕРЕВОД

Взятие Пскова. В год 7018 (1510), месяца октября в 26 день, на память святого Дмитрия, великий князь Василий Иванович со своим братом, удельным князем Андреем, и со своими боярами приехал в свою вотчину, в Великий Новгород.

Псковичи услыхали, что государь великий князь Василий Иванович в Великом Новгороде, и послали послов своих в Великий Новгород: посадника Юрия Елисеевича, посадника Михаила Помазова и бояр от каждого из концов. И поднесли псковичи великому князю Василию Ивановичу в дар полтораста рублей новгородских, и просили о милости и заступничестве за свою вотчину, мужей-псковичей, добровольных людей: «Обижены мы твоим наместником, а нашим князем Иваном Михайловичем Репней и его наместниками в псковских пригородах и их людьми».

А великий князь отвечал нашим посадникам: «Я вас, свою вотчину, буду жаловать и оборонять, как отец наш и деды наши, великие князья. А что до наместника моего, а вашего князя Ивана Михайловича Репни, то как только поступят на него многие жалобы, я его призову к ответу перед вами». С тем и отпустил посадников наших и бояр.

И посадники наши сказали на вече псковичам, что князь великий, как подобает, дар их принял, а тайных мыслей никто не знает, что князь великий задумал против своей вотчины и мужей-псковичей и града Пскова.

Затем, этой же зимой, немного времени спустя, поехал из Пскова псковский князь Иван Михайлович Репня, из князей Оболенских, жаловаться государю великому князю на псковичей, что-де его псковичи бесчестили. А тот Репня не по старине приехал в Псков и сел на княжение не так, как исстари повелось, и начал править в Пскове не по крестному целованию, и не хотел добра ни Дому Святой Троицы, ни мужам-псковичам. Тот Репня много зла чинил детям боярским и посадничьим, и те дети боярские и посадничьи, вспомнив, сколько зла причинил им этот Репня, князь псковский, поехали к великому князю жаловаться на князя Ивана Михайловича Репню.

А в это время посадники псковские задумали с псковичами такое дело — и не на пользу себе придумали — начали писать грамоты в пригороды и в волости, говоря так: «Если кто из людей, кто бы ни был, обижен князем, то пусть едет к государю великому князю в Великий Новгород жаловаться на него».

На той же неделе посадник Леонтий поехал жаловаться на посадника Юрия Копыла. И Юрий поехал в Новгород отвечать на его обвинения, и там судились. И Юрий-посадник прислал грамоту из Великого Новгорода в Псков, а в грамоте было написано, что если не поедут посадники из Пскова свидетельствовать против князя Ивана Репни, то будет вся земля виновата. И уныли тогда сердца псковичей. А на четвертый день после получения той грамоты поехали в Новгород девять посадников и купеческие старосты всех рядов. Но князь великий дел их не разобрал, а сказал так: «Собирайтесь все, кто приехал с жалобами, ко дню Крещения Господня, и я разберу ваши дела». А распоряжений никаких больше нет.

В то же время, месяца января в 6 день, на Крещение Господне, великий князь велел собраться всем нашим посадникам, а также боярам, купцам и купеческим старостам, и идти на реку на освящение воды. А сам великий князь вышел со всеми боярами своими на реку Волхов, и вышли священники и дьяконы с крестами, ибо в тот день случился праздник Крещения Господня. А владыки в то время не было в Новгороде, и святил воду владыка смоленский и священники. И, освятив воду, пошли все ко святой Софии.

А князь великий велел боярам своим делать все так, как они задумали. И те начали говорить нашим посадникам и остальным людям: «Посадники псковские, и бояре, и челобитчики, государь велел вам всем до единого собраться на государев двор; а если кто не пойдет, то пусть боится государева наказания, ибо государь хочет разобрать все ваши дела».

И псковские посадники и бояре, все до единого, пошли после освящения воды на двор владыки. И спросили бояре посадников: «Все ли уже собрались?» И увели посадников, и бояр, и купцов в палату, а младшие люди остались на дворе. И вошли все в палату, и сказали бояре посадникам, и боярам, и купцам псковским: «Задержаны вы Богом и великим князем Василием Ивановичем всея Руси». И сидели тут посадники до прибытия своих жен, а младших людей переписали и распределили по улицам, приказав новгородцам стеречь и содержать их до суда.

Известие о пленении своих псковичи получили от Филиппа Поповича, псковского купца: он ехал в Новгород и остановился у Веряжи, и, услышав злую весть, помчался в Псков, оставив товар, и сказал псковичам, что великий князь посадников наших, и бояр, и всех

челобитчиков схватил. И нашел на всех страх и трепет, и губы пересохли от скорби: много раз немцы приходили к Пскову, но такой беды и напасти не бывало.

И, созвав вече, начали думать, выступить ли войной против государя или запереться в городе? Однако вспомнили крестное целование — нельзя поднимать руку на государя, — и то, что посадники, и бояре, и все лучшие люди у него. И послали псковичи к великому князю своего гонца, сотского Евстафия, со слезами бить челом великому князю от всех псковичей — от мала и до велика, — чтобы: «Ты, государь наш великий князь Василий Иванович, помиловал свою отчину старинную». А у великого князя своя мысль: ради того он и приехал из Москвы в Великий Новгород, чтобы установить в Пскове свои порядки.

И послал великий князь своего дьяка Третьяка Долматова, и псковичи обрадовались, ожидая подтверждения от государя старых порядков. А Третьяк им на вече передал просьбу великого князя, первое новое установление: «Если вы, отчина моя, посадники псковские и псковичи, еще хотите по-старому пожить, то должны исполнить две мои воли: чтобы не было у вас веча, и колокол бы вечевой сняли долой, и чтобы в Пскове были два наместника, а в пригородах по наместнику, — и тогда вы еще поживете по-старому. А если этих двух повелений государя не примете и не исполните, то будет так, как государю Бог на сердце положит; а у него много силы готовой, и тогда прольется кровь тех, кто государевой воли не исполнит. И еще государь наш великий князь хочет приехать на поклон к Святой Троице в Псков». И, проговорив это, сел на ступени.

А псковичи поклонились до земли и не могли ничего ему ответить, ибо очи их полны были слез, как молоком грудь матери, и лишь те слез не пролили, кто был неразумен и молод; только ответили ему: «Посол государя, с Божьей помощью, утром, подумав между собой, мы тебе ответим на все». И заплакали тут горько псковичи. Как не выплакали они глаз вместе со слезами, как не разорвалось их сердце!

Наутро, когда наступил день воскресный, позвонил на вече и пришел на вече Третьяк, и посадники псковские и псковичи начали ему говорить так: «Написано в наших летописцах, при прадедах его и дедах, и при отце его крест целовали великому князю, что нам, псковичам, от государя своего великого князя, какой ни будет на Москве, не отходить ни к Литве, ни к Неметчине, а жить нам по старине по своей воле. А если мы, псковичи, отойдем от великого князя к Литве или к Неметчине или начнем жить сами по себе, без государя, то будет на нас гнев Божий, голод, и огонь, и потоп, и нашествие поганых. А если

государь наш великий князь не сдержит то крестное целование и не станет нами править по старине, то и на него та же кара падет, что и на нас. А ныне Богу и государю дана воля над их вотчиной, градом Псковом, нами и колоколом нашим, а мы прежнего обещания своего и клятвы не хотим изменить, и кровопролитие на себя взять, и не хотим на государя своего руки поднимать и в городе запираться. А если государь наш великий князь хочет помолиться в живоначальной Троице и побывать в своей вотчине Пскове, то мы своего государя рады принять всем сердцем, чтобы нас не погубил до конца».

Месяца января в 13 день, на память святых мучеников Ермолая и Стратоника, спустили вечевой колокол со святой живоначальной Троицы, и начали псковичи, глядя на колокол, плакать по своей старине и прежней воле. И повезли его на Снетогорский двор, к церкви Иоанна Богослова, где ныне двор наместника; в ту же ночь повез Третьяк вечевой колокол к великому князю в Новгород.

И в тот же месяц, за неделю до приезда великого князя, приехали воеводы великого князя с войском: князь Петр Великий, Иван Васильевич Хабаров, Иван Андреевич Челяднин — и повели псковичей к крестному целованию, а посадникам сказали, что великий князь будет в пятницу.

Поехали посадники псковские, и бояре, и дети посадничьи, и купцы на Дубровно встречать государя великого князя.

Месяца января в 24 день, на память преподобной матери нашей Аксиньи, в четверг, приехал государь наш великий Василий Иванович всея Руси в Псков. А утром того дня приехал коломенский владыка Вассиан Кривой, и хотели священноиноки и священники, и дьяконы встретить великого князя у церкви Святого образа в Поле, но владыка сказал, что великий князь не велел встречать его далеко. И псковичи встретили его за три версты, и поклонились псковичи государю своему до земли, и государь поздоровался с ними, и псковичи ему молвили в ответ: «Ты, государь наш великий князь, царь всея Руси, здрав будь».

И поехал он во Псков; и владыка, что с ним приехал, и священноиноки, и священники, и дьяконы встретили его на Торгу, где ныне площадь; а сам великий князь слез с коня у церкви всемилостивого Спаса, тут и благословил его владыка, и пошел он к святой живоначальной Троице. И отслужил молебен, и пели многолетие государю, и благословляя его, владыка сказал: «Бог, государь, благословляет тебя, взявшего Псков».

И псковичи, которые были в церкви и это слышали, заплакали горько: «Бог волен и государь, мы были исстари отчиной его отцов, и дедов, и прадедов его».

И велел великий князь быть у себя в воскресенье псковичам, старым псковским посадникам, и детям посадничьим, и боярам, и купцам, и житьим людям: «Я хочу пожаловать вас своим жалованьем». И пошли псковичи от мала и до велика на двор великого князя. Посадники и бояре пошли в гридницу, а других бояр и купцов псковских князь Петр Васильевич начал выкликать по переписи, стоя на крыльце. А тех, кто вошел в гридницу, взяли под стражу, а псковичам, младшим людям, кто стоял на дворе, сказали: «До вас государю дела нет, а до которых государю дело есть, он тех к себе позовет, а вам государь пожалует грамоту, где сказано, как вам впредь жить».

И взяли под стражу тех, кто был в гриднице, и под стражей пошли они в свои дворы, и в ту же ночь начали собираться с женами и детьми к отъезду в Москву, поклажу легкую взяв с собою, а остальное все бросили и поехали вскоре с плачем и рыданиями многими. И еще поехали жены тех, кто был посажен в Новгороде. И всего было взято триста псковских семей.

И так прошла слава псковская!

О славнейший среди городов — великий Псков! О чем сетуешь, о чем плачешь? И отвечал град Псков: «Как мне не сетовать, как мне не плакать! Налетел на меня многокрылый орел, а крылья полны когтей, и вырвал у меня кедры ливанские. Бог наказал нас за грехи наши — и вот землю нашу опустошили, и город наш разорили, и людей в плен взяли, и торги наши с землею сровняли, а иные навозом конским забросали, а отцов и братьев наших развезли; где не бывали наши отцы, и деды, и прадеды наши, туда увезли отцов, и братьев наших, и друзей, а матерей и сестер наших на поругание отдали».

А многие постриглись в монахи, а их жены в монахини, и ушли в монастыри, не желая идти в плен из своего города в чужие города.

Ныне, братья, зная об этом, убоимся этого страшного наказания, преклонимся перед Господом своим и признаемся в грехах своих, чтобы не вызвать большего, гнева Господня, не навести на себя казни, горше

первой. Ждет он нашего покаяния и исправления, а мы не покаялись, но в больший грех впали — в злые и лихие поклепы и кричание на вече, когда голова не знает, что язык говорит, не умея в своем доме распорядиться, хотели городом управлять.

После этого великий князь начал раздавать боярам деревни сведенных псковичей и посадил наместников в Пскове: Григория Федоровича и Ивана Андреевича Челядниных, а дьяком назначил Мисюря Мунехина, а другим дьяком ямским Андрея Волосатого, и двенадцать городничих, и московских старост двенадцать и двенадцать псковских, и деревни им дал, и велел им в суде сидеть с наместниками и их тиунами, хранить закон. А у наместников, и их тиунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетела на небо, а кривда начала ходить в них; и были милостивы к псковичам, а псковичи, бедные, не знали правосудия московского. И дал великий князь псковичам свою жалованную грамоту, и послал великий князь своих наместников по псковским пригородам, и велел им приводить жителей к крестному целованию. И начали наместники в псковских городах жителей притеснять.

И послал великий князь в Москву Петра Яковлевича Захарьина поздравить всю Москву по случаю взятия великим князем Пскова. И послали в Псков из Москвы знатных людей, купцов, устанавливать заново пошлины, потому что в Пскове не бывало пошлин; и прислали из Москвы казенных пищальников и караульных; и определили место, где быть новому торгу, — за стеной, против Лужских ворот, за рвом, на огороде Юшки Носохина и на огороде посадника Григория Кротова. И церковь святой Аксиньи, в день памяти которой взял Псков, поставил великий князь на Пустой улице, на земле Ермолки Хлебникова, а потому та улица Пустой звалась, что шла меж огородов, а дворов на ней не было. И жил великий князь в Пскове четыре недели, а поехал из Пскова на второй неделе поста в понедельник, и взял с собою второй колокол, а оставил здесь тысячу детей боярских и пятьсот пищальников новгородских.

И начали наместники над псковичами чинить великие насилия, а приставы начали брать за поручительство по десять, семь и пять рублей. А если кто из псковичей скажет, что в грамоте великого князя написано, сколько им за поручительство брать, они того убивали и говорили: «Вот тебе, смерд, великого князя грамота». И те наместники, и их тиуны, и люди пили из псковичей крови много; иноземцы же, которые жили в Пскове, разошлись по своим землям, ибо нельзя было в Пскове жить, только одни псковичи и остались: ведь земля не расступится, а вверх не взлететь.

ИЗ ХРОНОГРАФА 1512 года

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

В первой четверти XVI в., как полагают, между 1516—1522 гг. (см. об этом в рецензии Б. М. Клосса на книгу: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы // История СССР. 1977. № 3), создается новый хронографический свод — «Русский хронограф», первую редакцию которого по традиции именуют редакцией 1512 г. В нем немало отличий от «Еллинского летописца»: подробнее излагаются библейские книги, но зато опущен пересказ античных мифов и сокращен рассказ об Александре Македонском, история Византии существенно переработана по новому источнику — «Хронике Константина Манасии» (фрагменты из нее публикуются в данном томе), где изложение доведено до семндесятых годов XII в., и включен подробный рассказ о взятии Константинополя турками в 1453 г. В Хронограф включены также обширное извлечение из русской летописи конца XV в. и рассказ об истории Болгарии и Сербии в канун их завоевания турками. Так впервые история Руси и южных славян введена во всемирно-исторический хронографический свод. Но ценность «Русского хронографа» не только в этом. В нескольких своих редакциях и переработках он стал самым авторитетным и самым распространенным на Руси хронографом: число его списков достигает нескольких сотен.

«Хронограф» очень велик по объему — обычно рукописи его представляют собой книги большого формата, насчитывающие 400—500 листов. И тем не менее можно поражаться редакторскому мастерству составителя «Хронографа», сумевшего не только сообщить в нем огромное количество сведений, но и представить многовековую историю ряда стран в виде непрерывного лнтературного повествования. В отличие от летописи рассказ в «Хронографе» ведется не по годам (за исключением глав, излагающих события русской истории), а по «царствованиям». И каждая глава или статья «Хронографа» представляет собой как бы небольшой сюжетный рассказ, главным героем которого выступает тот или иной правитель, повествуется о примечательных чертах его характера, о наиболее важных или просто любопытных событиях его царствования.

Составитель «Хронографа» искусно переработал свои обширные по объему источники — библейские книги, «Летописец Еллинский и Римский», византийскую «Хронику» Константина Манассии, русскую летопись, жизнеописания сербских королей и князей. Он сокращал, пересказывал их, упрощая при этом лексику и синтаксическую структуру, но сохраняя литературные достоинства оригиналов — их образность и эмоциональность. Именно поэтому язык хронографического повествования приобрел большую популярность у древнерусских книжников, охотно подражавших ему в своих оригинальных произведениях вплоть до начала XVII в. Фрагменты из «Хронографа» были включены в самый авторитетный летописный свод

XVI в. — Никоновскую летопись и в многотомный летописно-хронографический Лицевой (то есть иллюстрированный) свод. Сам «Хронограф» в своих нескольких редакциях XVI—XVII вв. усердно переписывался.

Для данной публикации избраны фрагменты из 197, 198, 201—204 и 206-й глав «Хронографа», в которых повествуется об истории Сербии с конца XIII и до середины XV в. Это было тяжелое время для сербского народа: страну раздирали междоусобицы, она познала горечь военных поражений, тщетность попыток противостоять турецкой экспансии. Несмотря на героизм и государственную мудрость таких деятелей сербской истории, как Стефан Дечанский, Стефан Лазаревич, Георгий Бранкович, несмотря на героическое сопротивление народа, Сербия в 1459 г. полностью оказалась под турецким господством. Шестью годами ранее турки захватили Константинополь, и прекратила свое существование когда-то могущественная Византийская империя (древнерусская повесть о взятии Константинополя опубликована в наст. изд., т. 7).

Источниками рассказа о сербской истории в составе «Хронографа» были в основном два сербских жизнеописания: «Житие краля Стефана Дечанского», написанное в начале XV в. выдающимся болгарским писателем Григорием Цамблаком, и «Житие деспота Стефана Лазаревича», написанное в 30-х гг. XV в. другим болгарским писателем — Константином Костенечским, учеником крупного деятеля болгарской культуры Евфимия Тырновского. Оба жития едва ли укладывались в рамки агиографического канона: хотя в них и говорится о благочестии, нищелюбии и «мнихолюбии» сербского краля и деспота, основное внимание этих обширных произведений уделено сложной политической жизни Сербии, описанию борьбы сербского народа против турецкой экспансии. Поэтому оба жития являются ценнейшими историческими источниками.

В основу публикации положен один из старших и лучших списков «Хронографа» — рукопись РНБ, собр. Вяземского, F. XCVII, 1538 г. Исправления сделаны на основе других списков памятника. Публикация соответствует тексту, находящемуся в издании «Русского хронографа» (ПСРЛ, т. XXII, ч. I. СПб., 1911) на с. 403—408, 410—411, 417—422, 426—429, 434—435.

ОРИГИНАЛ

ИЗ ГЛАВЫ 197

ПРЕ СЕМ ЖЕ ЦАРСТВИИ ГРЕЧЕСТЕМ АНДРОНИКА ПАЛЕОЛОГА,[1] В ЛѢТО 6790, БЫСТЬ ЦАРЬ ВЪ СЕРБЕХ МИЛУТИНЪ.[2] ЦАРСТВО СЕРБЬСКОЕ

Святый Симионъ роди Стефана краля, и Стефанъ роди Стефана же, иже нареченъ бысть Урошь во имя прадѣда своего, сей есть храпавы краль.[3] Сей роди Милутина краля, иже четвертый от святаго Симиона. Сему обладающу сербы, ражаеть убо сей Стефана,[4] великаго, благочестиа столпа, и царьствиа вѣнець, и добродѣтели сокровище. И бѣ всѣм благъ, и приступенъ, и милостивъ. И по умертвии матери Стефановы Милутинъ краль приобщаеться второму браку,[5] у греческаго царя Андроника Палеолога дщерь поят, и роди от нея сына Коньстянтина. Царица же, видящи Стефана от всѣх любима, ненавидяше его, нъ *приходит* ко отцу его, слезы испущая и дряхлым лицемъ, яко спасение его промышляа, и оклеветаеть праведнаго, яко к ней рачителнѣ прилежаща и на отца недобрая мыслитъ. Князи же совѣтоваху Стефану, собравъ вои, уклонитися во ину страну и избыти съшиваемыя льсти. Он же не восхотѣ, но на Бога всю надежю положи. Что же по сих? О безмѣстиа! Преможе женьская лесть и угаси родительную любовь: ят бываеть праведный и очию лишаеться. Бѣ же ту церкви святаго Николы,[6] лѣжащу убо праведному и зѣло болѣзнующу, и мало воздремався, явися ему святый Николае и рече ему: «Не скорби, Стефане, се очи твои на моею дланию!» И показаваше ему.

Потом же посылается в заточение в Коньстянтинъ град и съ двоими его дѣтми, единъ убо Душмана нарицаемъ, другий же Душана Стефанъ.[7] Андроникъ же Палеологъ, тесть Милутиновъ, повелѣ ему пребывати неисходну во обители Вседръжителевѣ.[8]

Доблий же терпяше съ благодарениемъ, паче добродѣтели прилѣжа и всѣмъ образ пользы бывая, и словом и дѣломъ, иже и самому царю въ слух прииде и патриарху, иже и к себѣ призываху праведнаго, и дивляхуся словесемъ его и разуму. Въ то же время патриархъ Афанасие дивный соборъ състави на нѣкоего Варлама, акиндиньскыя ереси началника, иже Ариава мысляща и Македониева[9] и Владычнее преображение глаголаше привидѣние быти и многи улови во свою ересь. Патриархъ же со всѣмъ соборомъ Варлама еретика от церкви отлучи и съ его единомыслеными, и проклятию предаша. Он же не преста, пиша и возмущаа церковъ, и многи прельсти. Призванъ же бывъ Стефанъ къ царю по обычаю и по многих бесѣдах рече: «О боговѣнчанне царю, многих преже тебе бывших превзыде всякими нравы добродѣтелными и смирениемъ, но о едином не вѣмъ, како погрѣшаеши, еже есть глава всему и вѣнець царствию, о немже апостоли подвизашася и мученици плоти не пощадѣша, еже есть благочестие». Царь же рече к нему: «Како убо о благочестии насъ мниши погрѣшати, глаголи убо, о друговъ изряднѣйши!» И Стефанъ отвѣща: «Явлено есть, о царю, *презирающему* пастырю волчий въ стадо вход и не отгонящу их, такову же быти и тому звѣрю, аще и пастыря носить имя, и аще злославныя не отгонить, и той зълославенъ судится ото иже умъ имущих. Нѣсть праведно, о царю, царствиа саномъ почтену тебѣ и толику стаду от Христа пастырю поставлену, того враги во своемъ стаде дръжати, но яко волкы душетлѣнныя отгонити далече и съ Давидом

пѣти: “Ненавидящаа тя, Господи, възненавидѣх и о вразѣх твоих истаях, совершенною ненавистию возненавидѣх их, и въ врагы быша ми”,[10] — и ото всѣго своего царствиа да повелиши их изгнати. Сице аще сотвориши, церковныа уставиши раздоры и миръ глубокъ даруеши православным, и царствиа скипетры возвеличиши, истиненъ царь истинным христианом будеши, истиненъ пастырь, и ото общаго Владыкы мьзду приимеши — небесъное царствие». Сиа слышавъ самодръжець, премудрости и словесному разуму мужа удивляшеся, много того благодаривъ и похваливъ, рече къ сущимъ въ полате: «Вельми сей мужь в разумѣ великъ и умныма паче очима многозрительнийши, аще и телесныя сему затвориша». И абие царь повелѣ Варлама связана к себѣ привести. Возвѣсти же ему нѣкто от полаты еговы ереси, он же въскорѣ въ Рим отбѣже. Царь же повелѣ его единомысленики изгнати из града, и изо всѣх градовъ и весей съ безщестиемъ изгоняти, изо всего своего царства.

Что же по сих? Пятое лѣто Стефану въ заточении совершашеся, и на праздникъ чюдотворца Николы бдѣнию всенощному совершаему, и запалению свѣщамъ много, и кажению, и чтению положену житие и чюдеса святаго, Стефанъ из глубины душевныа моление принося и ото многаго труда мало въздрѣмася, зрит очима сердца великаго Николу и к ногама его припад, милости прося. Милостивый же онъ рече: «Рѣх ти преже не скорбѣти и показах ти въ своей руцѣ твои зѣници, и нынѣ посланъ есмь исполнити». И воздвигь его и крестное знамение на лици его сотвори, очию же его краи перъстными коснувся, рече: «Господь Исус Христос, иже слепаго от рожениа воочивый, той и твоима очима первый даруеть зракъ». И овъ убо невидимь бысть, Стефанъ же, възбнувъ, трепетенъ бысть — о, неизреченнаго ти милосердиа, Христе! — зряше якоже и преже.[11] И много со слезами благодаривъ и никомуже объяви до времени, но, по обычаю, убрусом закрывъ очи, хожаше съ жезлом. И по мале меньший сынъ его прѣиде от сеа жизни.

Образ же возвращениа его во свое отечество сице бысть. Посылаше самодръжець греком *къ* зятю своему серпьскому кралю, да послеть ему воиньстьво на помощь. И болгарене тогда южьная вся подъ собою сътворивше и со множествомъ вои на востокъ грядяху. Посла же с ними и настоятеля обители Вседръжителявы, идѣже Стефанъ заточенъ. Его же призвавъ наединѣ краль Милутинъ о сынѣ вопрошаше. Чюдный же онъ: «О многострадалномъ ли и вторѣмъ Иовѣ[12] вопрошаеши мя, о владыко? Недостойна твоа держава вся, аще и тмами житиа твоего будутъ лѣта, противу Стефановыя нищеты; якоже многоцѣньное сокровище стяжа того обителъ и весь царствующи град!» И вся сказавъ ему и еже на еретики подвигъ его. Слышав же краль и отеческим милосердиемъ подвигъся, нача плакати, и посла къ царю греческому въскоре к нему послати Стефана. Царь же с радостию, и многы дары давъ, отпусти его, ихже дастъ во обитель Вседръжителя. Пришед же ко отцу, он же со слезами лобзавъ его с радостию и просить у него прощениа о съгрѣшении, еже к нему. Христовъ же подражатель себе

повинна сътвори, и рыдание отца утѣшивъ, и прозрѣниа своего не объяви ему, ни иному кому, такоже ни въ Царѣградѣ, но по обычаю, убрусом очи закрывъ, хожаше, яко да не паки завистию угасять ему богоданныа очи. Потом же повелѣ ему отець въ Диоклитийстемъ мѣсте пребывати. Он же паче добродѣтели прилежаше.

ГЛАВА 198

ЦАРСТВО СЕРПЬСКОЕ СТЕФАНОВО

По сих же, отцу его скончавшуся, и погребенъ бысть во обители, иже от него създаннѣй — Баньско убо мѣсто именуемо,[13] ради текущих теплых вод — въ церкви первомученика Стефана. По преставлении убо отца Стефанъ убрусъ ото очию отвергъ, свѣтелъ лицем, свѣтлѣйши же очима собравшимся является и на достойное тому Серпьское царство препоясуется. И вси сущии въ власти к нему притицаху.

Коньстянтинъ же, иже того брат ото иныя матери,[14] доволно воиньство собравъ и пославъ скоро, уступити царствиа веля: «Нѣсть, — рече, — слышано от вѣка, слѣпу быти царю». Сиа рече, укаряа его. Стефанъ же къ соборной церкви преже иде поклонитися, и тамо архиепископъ Никодимъ венцемъ царствиа украшает главу его и всѣмъ илирическым языком поставляеть царя. И оттуду въставъ, къ брани идяше. Да якоже близъ быша обои полци, и, милосердуя о брате, милостивая она душа посылаеть к нему таковая писаниа: «Стефанъ, милостию Божиею царь сербом и отеческому наслѣдию, еже страхом Божиимъ правити того люди, брату превожделѣнному Коньстянтину, радоватися! Престани, еже начинаеши ратовати со иноязычники своя люди, но усердно прииди, да узримъ другъ друга, и санъ вторый, яко сынъ царствиа, приимеши. Довлѣеть мнѣ и тебѣ в толицѣ ширинѣ земля жительствовати, не бо азъ есмь Каинъ-братоубица, но Иосифу другъ-братолюбець,[15] его же слово к тебѣ глаголю: “Не бойся, Божий бо есмь азъ! Вы совѣщаете о мнѣ злая, Богъ же совѣща о мнѣ благая, якоже нынѣ видиши”». Он же ни мало слышати восхотѣвъ, но на брань устремися.

И сражению бывшу, многа убо трупиа падоша, и побѣженъ бываеть онеправдовати нашедый, и сам Коньстянтинъ падаеть умилено, таково приобрѣтение получивъ своего непокорениа, не вѣдый не точию царство, но и малыа вещи — аще Богъ не благоволит, не можеть самосмышлениемъ человѣкъ получити. Того же убо людие укланяются къ Стефану. Стефанъ же убо вся в руку имый, и елико царствиа

простирашеся высота, толико смиряше себе, и землю, и пепелъ, червь, и не человѣкъ нарицаше себе, и не точию слезами постелю омакаше, но и на въсякъ день совесть слезами омываше, и архиерею и ереомъ выю преклоняше и почиташе их яко Божиа слуги, такоже и иноки любляше зѣло, яко отлучивших себе Богови, и почиташе их и потребными удовляше. Восхотѣ же обитель тѣмъ създати[16] и велие желание имый о сих, и в ней храмъ во имя Вседръжителя и другий чюдотворца Николы, столпы и помостъ мраморием различным и всякыми красотами, егоже не возможно изрещи, и кругъ оградъ каменъ, и въ стенах келиа мнихом, на мѣсте глаголемемъ *Деченя*. Не мощно же и красоту мѣста того изрещи. И сам ту пребываше, дондеже вся съверши. И удовли обитель всими потребными сосуды златыми и сребреными, и ризами многоцѣнными, и всѣми также телесными потребами доволно устроивъ, всякими доходы, еже есть нужно на строение обители и всѣм сущим в ней, и великому Николѣ другую церковъ близ обители въздвиже.

ЦАРСТВО БОЛГАРЬСКОЕ

По инѣх же царѣх бысть въ болгарех царь Михаилъ.[17] Сей, покоривъ себѣ прилежащаа страны и собравъ многы языки, прииде и Серъпское начальство хотя себѣ покорити. Повелѣ же Стефанъ сопротивных созрѣти, и бѣ по тысящи съпротивных противу пятимъ Стефановым. Христианьственѣйши же Стефанъ посылаеть о миру къ царю болгарьскому: «Почто, — глаголя, — тружаешися погубляти болгарьскиа и серпьскиа роды? Доволенъ буди своими и не приражайся Богу, не желай, яже онъ инѣм дарова. Аще ли силенъ еси, на варвары вооружайся, а не на Христовы люди, имже азъ пастырь по того благодати. Помысли, колико крови христианьскиа пролиятися имать и колики матери *обезчадятся*! Сих всѣх истязати имать Богъ от тебе.[18] Сих ради остави нас мировати и къ своим възвратися, иже бо чюжая желаяй и своя погубить». Слышавъ же онъ сиа, яко звѣрь рыкну, яко: «Аще не приидеть, — рече, — заутро и падъ, непобѣдимыя нашая дръжавы ногу на своей выи поставит, связана, пославъ, приведу сего и, умучивъ того, смерти предамъ». Стефан же слышавъ сиа — о блаженныя надежа! — из глубины въздохнувъ и «Господь мнѣ помощникъ, — рече, — и не убоюся! Что сътворить мнѣ человѣкъ?» Урядивъ полки и сыну вручивъ их, сам же вшед в сѣнь, Богу моляшеся со слезами. И изшед наутрие из сѣни, лице от молитвы *просвѣтлено* имый и сыну рече: «Иди, *глаголю*, чадо, и Господь послеть ангела своего предъ вами, пишеть бо: гордымъ противляется, смиреным же даеть благодать».[19] И сражению бывъшу, побѣженъ бысть и ятъ болгаромъ царь и убиенъ; еже инѣмъ готова, самъ пострада. Болгаре же студа исполньшеся и многи погубивше, Александра, того нетиа, царя поставльше,[20] во своя возвратишася.

Стефан же съ побѣдою во своя возвратися и со всѣми прииде во обитель Вседръжителя и веселяшеся о красотѣ ея и побѣдительная написоваше Христу царю. Таже създидаеть другую обитель недалече отъ тоя, келиа часты и добросоставны, одры и постелями и одежами и всякими потребами удовливъ телесными, и собираеть во всем своем царстьвии много зѣло стражющих братий, различными недугы и старостию слячены, и изгнивша лица имуща и прочаа уды — позоръ умиленъ воистинну милостивыхъ очима и слезам виновно зрѣние. Постави же тѣмъ строителя от полаты, мужа добра зѣло, и на всякъ день коегождо хотѣнию повелѣ упокоивати их пищею и питиемъ, вина и миро благоуханиа кь прохлажению восходящаго распалениа недуга и утолевати болѣзни, и во всемъ тѣмъ угожати повелѣ. Но и самъ тамо часто прихожаше во образѣ воина пѣнязя подоваше, ово же и явно во дне сим поклоняяся и плоти страдалныя цѣлуа со слезами, словеса утѣшная к нимъ бесѣдуя и сих похваляа, яко ради временьнаго страданиа царствию бесконечному сподобятся, многажды же и всю нощь с ними бесѣдуяше. И не мощно всѣх добродѣтелей его писанию предати. Но прочее повѣм мучениа его конець.

По утренемъ славословии Стефанъ успе мало на одрѣ, и предста ему великий Николае и рече: «Уготовися прочее, Стефане, ко исходу, Господеви наскорѣ предстати имаши». О добраго възвѣщениа! Возбнув же и со слезами Бога благодаривъ, такоже и вѣстника, святаго Николу, давъ же множество злата обоимъ обителемъ съхранити на потребу, прочая же сам раздоваше.

О СМЕРТИ СТЕФАНА

Стефанъ же, сынъ его, иже глаголемый Душана, многажды уязвленъ бывъ желаниемь царствиа и не могий терпѣти стремлениа пламень, много съ собою воиньство имѣя и от началных вельможь, во Аръванитскую приходить землю и тамо на все царствие опоясуется содръжание, и ото отеческыя области сию отъемлеть. Увѣдѣв же сиа, кроткый Стефанъ посылаеть к нему многажды неподобная оставити и въ единьстве жительствовати, и по малѣ благословению и царствию причастнику быти. Но не рачи послушати на зло уклонивъшаяся душа. Стефанъ же, Божию суду сиа оставивъ, сам на болшая добродѣтели подвизашеся, и гонение сыновнее по Давиду терпяше, и яко Иовъ глаголаше: «Аще благая приахомъ от рукы Господня, злых ли не терпим!».[21] И воеводамъ, нудящим его послати на сына, да «страх, — рече, — поне въ душу его вложиши, еже не воевати на тебе», — он же не послушаше, но ожидаше возвѣщеннаго ему конца и нищимъ и страннымъ прилежаше. Врѣмя же благополучно обрѣтъ, сынъ, купно и навѣтникъ, со многими силами пришед, отца ятъ и съ женою и с чады и во инъ град, в Вяченъ, повелѣ отвести и по малех днех удавлению, горчайшей смерти осужаеть.[22]

Оле того немилосердию и безчеловѣчию! Как не помилова отеческую утробу? Како не ущедри родителную старость? Како не помяну рекшаго: «Чти отца и матерь»! Како же злыа слугы злаго владыкы смѣша бо зрѣти на священнолѣпное оно лице и того святѣй выи прикоснутися убиственыма рукама! Како не усхоша тѣмь скверненыя рукы и очи не ослепоша? Но како хотяше мученикъ быти, аще не сице? Единъ же жребий есть мученичества, а мнози же смертем образи. И тако блаженную душю Господеви предастъ. И положенъ бысть во своемъ манастыри, многая чюдеса творя.

И по седми лѣт явися еклисиарху, повелеваеть изяти тѣло свое от земля. И обрѣтоша цѣло и благоухание испущая, чюдеса творя, вратаря же слѣпаго просвѣтивъ. И нѣкто от воевод, емуже порученъ манастырь святаго въ сохранение, оскоръбляше игумена и братию мучаше, сущую въ манастырѣ святаго мученика и царя Стефана, и манастырьскаа разграбляше. И грядущю ему въ манастырь съ буестию, явися святый и зъ коня низвергъ его и два гвоздя вонзе в гортань ему до грудей. И тако въ той день, мучим, умре.

Потом же брани межиусобной бывающи, посланъ бысть инъ от царстьвующих въ соблюдение святаго манастыря, именемъ Юнець. Сей паче прьваго оскорбляше и мучаше игумена и братию и ничтоже имъ на потребу даяше, но вся отъятъ и себѣ усвои. И братиа же со игуменомъ моляху святаго Стефана избавити их от одръжащаа бѣды. Юньцу же отшедшу на войну, зрить тамо во снѣ, яко быти ему въ манастыри, и въ церкви срѣтаеть его страшенъ нѣкий мужь, царскими одежами украшенъ, от мѣста изшедъ, идѣже рака святаго мученика стоит, брадою долгою и просѣдою, и удари его лампадою по лицу и по персех. И от зѣлнаго ударениа преломися лампада. Юнцу же бѣжати мнящуся, святый же, того постигнувъ, оставшимъ от лампады якоже копиемъ удари посреди лядвий и въ хребетъ и в десную мышцу, рекъ: «Се тебѣ мъзда, яко да навыкнеши не сверѣпитися на мою обитель и люди!» Он же, рыкнувъ якоже звѣрь и от сна въскочивъ, и зѣло болѣзноваше, исповѣда имъ бывшее и, не хотяй, принесенъ, въ манастыри лѣжа седмь седмиць, согнивающимъ плотем же и костемъ прободеных мѣстъ, яко и внутренимъ зрѣтися, языку отпадшу и зубом, и от смрада всему манастырю стужати. Многа же и ина знамениа творяше святый въ славу Богу. ...

ИЗ ГЛАВЫ 199

ЦАРСТВО СЕРПЪСКОЕ

При сих же царих греческых Андроницѣ и при сыне его Иване[23] въ Серпьской земли деспот бысть[24] Стефанъ Душана по безаконии, еже сътвори отцу своему, святому кралю Стефану, убивъ того и сотвори мученика, себе же отцеубийцу и мученика убийцу, и сего ради не много пребысть в жизни сей, а сынъ его Урошь[25] бысть безчаденъ. И во дни их бысть нашествие безбожных агаренъ и церквам опустѣние и пленение и межюусобныа рати. ...

При этих царях греческих, Андронике и при сыне его Иоанне, стал в Сербской земле деспотом Стефан Душан после беззакония, которое совершил он против отца своего, святого краля Стефана, убив его и сотворив его мучеником, а себя — отцеубийцей и мученикоубийцей, и поэтому не долго прожил на свете этом, а сын его Урош был бездетен. И в дни их было нашествие безбожных агарян, и церквей запустение, и пленение, и войны междоусобные.

ИЗ ГЛАВЫ 201

ЦАРСТВО СЕРПЬСКОЕ

При сем цари Иване Палеолозѣ бысть краль в сербех Волкошинъ, да брат его деспотъ Углешь.[26] Сей доблественый мужь деспотъ Углешь подвиже брата своего, Волкошина краля, и греческаго царя Ивана Палеолога, еже послати греческую войску с ними, и иныя подвигоша вельможа многыа нѣгдѣ до 61 000 избранна войска. И поидоша въ Макидонию на изгнание безбожных турокъ, не судивше, яко гнѣву Божию никтоже можеть противу стати. И сего ради не изгнаша, но сами от них убиени быша,[27] и тамо кости их падоша и не погрѣбени пребыша. И многое множество ово убо во острии меча умроша, ово же въ запленение ведени быша, нѣции же, гонъзнувше, приидоша. И толика нужа и злолютная облиа грады и страны западныя, и толика ниже очи видѣста, ниже уши слышаста. По *убьении* бо мужа храбраго деспота Углеша просыпашася измальтяне и полѣтѣша по всей земли, якоже птица по воздуху, и овѣх от христианъ мечемъ закалаху, овѣх же въ запленение отвожаху, а оставших смерть безгодная пожже, от смерти же оставшии гладом погублени быша. Таковый бо глад бысть по всѣх странах, яковы же не бысть от сложениа миру, ниже потом таковый, Христе милостивый, да будеть. А ихже глад не погуби, сих попущениемь Божиимъ нощию и днию волци, нападающе, снѣдаху.

Увы! Умиленъ позоръ бѣ видѣти: оста земьля всѣх добрых пуста: и людей, и скота, и инѣх плодовъ. Не бѣ бо князя, ни вожда, ни

наставника в людех, ни избавляющаго, ни спасающаго, но вся исполнишася страха агаряньскаго, и сердца храбраа доблественых мужей въ женъ слабѣйшая преложишася. Въ то бо время и племя серпъскых господ, седми род мню, конець приатъ воистину. Тогда ублажаху живии преже умерших. Быша же сиа в лѣто 6879-е, въ 20-е лѣто царства Ивана Палеолога греческаго царя. Потом же зьбирающимся людемъ, и призрѣвъ Господь на воздыхание и слезы их, воздвизаеть въ Сербех великаго князя Лазаря,[28] благочестива и добра, емуже жена Милица, дщи Вратка князя, от колѣна великаго князя Волкана, сына святаго Семиона, от неяже роди великаго князя Стефана, Волка и Добравоя. Стефан же последи добродѣтели ради и мужестьва и деспотскому сану съподобляеться от греческых царей. ...

ГЛАВА 202

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ СЕРПЪСКОЕ И О ТУРКОХ

При сем же цари гречестемъ Иванѣ Палеолозѣ великий князь Лазарь, обновляа опустѣвшая скипетры серпьскыа ото измаилтъ, и церкви, и манастыри, и грады созидая, и се внезапу от Перскых странъ въ западныа страны серпьскыя преселяються измаильтяне. Повѣм же о них извѣстно, откуду начало приаша власти.

Бяше нѣкий царь, именемъ Хириданъ,[29] христианинъ вѣрою, обладая странами, сущими посреди Перьсиды и Армениею, нынѣ же преименована страна та Ачамиа. Бысть же во улишение царей греческых обрѣтеся царь странъ тѣхъ въ царствующемъ градѣ, иже, въцарився, приатъ греческыа скипетры, братъ же его въцарися во отечествии своем во Ачамии, сый христианинъ, въ Перьскых предѣлех. Нѣции же подвигоша греческаго царя во отечество свое ити на брата своего, иже и поиде со всѣми силами. Слышав же царь ачамийски, возложи на ся иноческый образ и срѣтает брата своего царя пѣшь. Увидѣв же царь греческий, кто есть, внезапу и той ис коня ссѣдает и любезно цѣлование дастъ брату. Вопросив же, чесо ради сотвори се. Он же отвѣщавъ ему: «Кое мнѣ есть приобрѣтение и полза, еже толикимъ кровемъ пролитию виновнику быти? Отець нашь умре, по приатию же и дѣдъ и прародителие вси. Вѣде, яко и азъ умрети хощу, сынъ же мой единъ сый и то изьмлада о власти не радить, но понеже юности ради инокъ не может быти, суть манастырие, иже отци наши създаша въ языцѣ нашем, дажь ему списаниемъ, еже окоръмлятися от них, прочее же дажь, ему же хощеши».

Царь же умилився и вся по воли его сътвори. Оттуле же сынъ его и сына его чада обладаху странами своими, служаще греческому скипетру. Превозмогающимъ же измаильтомъ и восточныа страны отъемшимъ, привлекоша страны оны, паче же дръжателя тѣх странъ въ скверную их вѣру, с ними же и всѣхъ покориша отступити от христианьства, увы! Правнукъ убо царя оного, иже облечеся во иноческый образ, въ той сый злой вѣре агаряньской, именемъ Арканъ,[30] его же пръвый сынъ Сулимень.[31] Сей Сулимень, приемъ скипетры его въ западная преведе, живу сущи отцу его Аркану, на Калиполи море преиде, отвори путь и прочим, при цари гречестем Андроницѣ, имущу рать со братомъ своим.[32] Умершу же Аркану, умре же и сынъ его Сулимень, въздвизается сынъ юнѣйши Аркановъ, Амурат[33] глаголемый, и покори множайшиих иже на востоцѣ и на западе и Турьчесъкую страну — и сего ради турьский царь нарицаем. Прочее же и на благочестиваго великаго князя серпьскаго Лазаря вооружается. Сей же не стерпѣ прочее ждати Христовы овца разсѣкаеми и попленяеми, но яко пастырь добрый устремися противу волковъ, яко да избавит порученное ему Христомъ стадо, или сам за них душу положивъ *сосвѣдельствовати* мучениемъ скончается.

Бывшу же сражению обоимъ полком на мѣсте, нарицаемѣмъ Косовѣ, бѣ же нѣкто благороденъ зѣло и вѣренъ сый великому князю Лазорю, именемъ Милошь, емуже завидяще, клеветаху на нь, яко не праве служить ему, той же обрѣтъ подобно время, хотя показати вѣру и мужество, скоро устремися къ началнику агаряном Амурату, сътворивъ себе яко бѣжаща от великаго князя Лазаря, ему же разступишася агаряне и путь сотворше. Он же, близ бывъ гордаго началника агаряньска Амурата и ополчився, вонзе мечь въ того сердце и мертва показуеть, ту же и самъ от них убиенъ бысть, чюдный того слуга. И сих ради первѣе убо одолѣвають сущии с Лазоремъ, потом же сынъ того царя Амурата Баозит возьмогаеть пакы и въ той самой брани одолѣваеть, Богу тако попустившу, яко да блажены сей князь велики Лазарь, мучениа вѣнцемъ увязется и сущии с ним. Повелѣваеть убо безаконный мечем того убити, Христа исповѣдающа, и сущии с ними моляхуся преже посѣчени быти, яко да не видять кончину его. Бысть же сиа брань в лѣто 6897 июня 15. Той же убо мученичества конець приатъ и видиться нынѣ яко живъ, в нейже сам създа великую обитель, глаголемую Равница.[34]

Левъ же онъ, иже и Громъ нареченый по своему их языку,[35] сынъ Амуратовъ, емуже имя Баозитъ, спѣшно възвращается къ востоком, еже сѣсти на престолѣ отчи и отовсюду царствиа утвердити, покорити же восточная и Турьческую страну. Сего ради турьский царь глаголеться.

СЕРПЬСКОЕ ВЕЛИКО КНЯЖЕНИЕ И О БАОЗИТЕ

Сынъ же первый великаго князя Лазаря, князь великий Стефанъ,[36] остася с материю своею еще сый мълад и с братом своимъ Волком. И не точию ото изьмаилтъ, но и окрестънии и единовѣрнии на брань вооружишася. Потом же присылаетъ гордый онъ царь Баозит, сынъ Омуратовъ, въ Серпьскую землю, прося покорениа и службы, занеже многы страны приатъ и покори царя Срацимира болгарьскаго,[37] и обранашьскыя, и басаньскыя держателя. Приатъ же и Селунь[38] и ины грады у греческаго царя. К ним же просить у великиа княгини серпьскыя меншую дщерь ея Оливеру въ жену,[39] и сего ради обѣщавается сына еа, великаго князя Стефана, имѣти въ сына мѣсто и землю не воевати, но соблюдати. Они же с совѣтом патриарха и всего священаго собора и всего синьглита въдають сию въ жену великому амирѣ Баозиту, яко да спасено будеть христоименитое стадо от волкъ, губящих е. И оттуле порабощена бысть Серпьская земля измаильтьскому царю Баозиту, и на всяко лѣто самому Стефану и з братомъ Волком и со всѣми *своими* въ служение приходити ему.

О БРАНИ ВОЛОХИ И УГРЫ СЪ БАОЗИТОМ

По сих же гордый онъ царь Баозитъ, с ним же и великий князь серпьский Стефанъ неволею, поиде и прешед Дунавъ реку, умышляеть брань на угры и волохи.[40] И брани бывъши с самодръжавным великим воеводою волошьскым Иваном Мирчомъ, и множество неизреченно кровемъ излитие, идѣже краль Марко[41] и Коньстянтинъ погибаютъ. Глаголютъ же, яко блаженый Марко рече Коньстяньтину: «Азъ молю Бога, еже христианом быти помощникъ и первый мервець на рати сей буду». Потом же царь Баозитъ смирение сотвори с ними и отоиде во своя. И убо царь Баозитъ многы страны повоева, приходит и на царствующий град.[42] Слышав же царь угорьский, иже и немеческый нарицается, и сарматийский, и германийскый, и вретанийский, и угорьский, со множеством вои преиде Дунавъ и борет Никополь.[43] Слышав же царь Баозитъ, оставль царствующий град и съ яростию устремися на нь. И сражению бывшу, пръвѣе убо краль воспящаеть агарянъ, потом же царь Баозитъ, вся скипетры обътекъ, утвержаеть молениемъ и учением: «Аще, — рече, — нас побѣдять, будемъ мы и чада наша во острии меча. Уне есть нам единою умрети или, побѣдивше, великая благая приобрѣсти». Они же, от сих глаголъ укрепившееся, побѣдиша кралево воиньство безчисленое: ови изсѣчени, ови въ Дунавѣ истопишася, инии же въ царствующий град бѣжаша. Баозит же приходить на Угры и много поплени и грады приатъ многи.

ГЛАВА 203

ЦАРСТВО ГРЕЧЕСКОЕ

В лѣто 6899 по Иване Палеолозѣ нача царствовати сынъ его Мануилъ[44] въ Цариградѣ и царствова 33 лѣта. Утѣсняемомъ же скипетромъ греческым ото агарянъ предреченным турьскым царемъ Баозитом, царь Мануилъ остави въ Цариградѣ благочестиваго царя Ивана, анепсея своего, сам в Римъ отоиде, еже соединити церковъ и заедино подвизатися на агаряне, занеже многа тогда лютая содръжаху царствующий град, и отовсюду пути удержаваху агаряне и изгономъ и безвѣстно нахожаху. Благочестивыи же народи, повсегда затворени во градѣ, гладом погибаху, нищии же ко агареном нощию бѣгаху. Таковыа ради нужа сущю в Римѣ Мануилу, царю греческому, прииде перскый царь Темирь,[45] якоже левъ яростию дыша и, побѣдивъ, ят царя Баозита, хвалящагося расхитити царствующий град.

О ТЕМИРѢ, ИЖЕ ПОБѢДИ ЦАРЯ БАОЗИТА. ПОВѢМ ЖЕ, ОТКУДА ЕСТЬ СЕЙ ТЕМИРЬ

Страна нѣкая есть между яко быти Индѣи къ северным странам и восточным, именем Арарь, нарицаеть же ся Междорѣчие, занеже двоим источником окружающимь ю. В той странѣ сынъ нѣкоего мѣста старѣйшины именем Темирь, свѣрѣпъ зѣло, иже шедъ разбойническы, порази нѣкиа пастыря и взят овца их, идѣже устреленъ бысть в ногу и от того хром бяше и сего ради Аксакъ нарицаемъ. И от сего приобрѣте имѣние, стяжа же и тысящу мужей и с тѣми изгоном устремися на нѣкоего началника мѣсту, емуже имя Камарадинъ, иже имяше под собою десять тысящь мужей. Темирь же побѣдивъ и сего, приатъ страну ту, и с тѣми десятью тысящь ополчися такожде изгоном на самаго началника перъсом и, вшедъ в Персиду,[46] ятъ и самаго началника, и всѣми персы облада, и бысть вой его сто и пятьдесятъ тысящь. По сих же окрестьныа страны вся покори, и стяжа множество богатства, и вся погубляа восточная, мало не всю Елладу[47] обтече и о западѣ хваляшеся. Царь же Баозит восточна и западная поядая и царьствующий град хваляся восхитити. Темирь же посылаеть к нему, дани и послушная от него прося. Царь же Баозитъ *вознеистовися*, на брань готовляшеся. Ожесточи бо его Богъ, якоже фараона,[48] и совѣтникы своа не послуша; избраный бо его рече к нему: «Послушай мене, господи: елика требуеть, дажь въскоре, убо сей инуду уклонится». Он же рече: «Уне ми есть, побѣдивъ, вся приобрѣсти или въ мужествѣ умрети». Рече же ему совѣтникъ его: «Еда, господи мой, нѣкоим образомъ обое погрешиши?» Баозитъ же не послуша его. И убо персинъ возъярися, покрываа горы и поля воиньствы. Баозитъ же собра воя восточныя и западныя и серпьскаго князя Стефана, поиде противу Темиря. И сражению бывшу, побѣжаеть Темирь,[49] и ухващенъ бываеть турьскый царь Баозитъ, егоже в желѣзной клѣтке с собою возяше. И пришед совѣтникъ его, идеже держимъ бѣ Баозить, рече ему:

«Вижь, господи, глаголы моа не збыша ли ся?» И плакася несовѣтиа своего горко. Бысть же сиа брань в лѣто 6911.

Темирь же къ югу и Египту странами и мало не всю Елладу обътекъ, егда же стѣну Дамаска низложи,[50] восхотѣ и на Иерусалимъ ити. Рѣша же ему, яко всякъ от вѣка озлобивый Иерусалима от Бога казнимъ бываше, сего ради кь Иерусалиму шествие оставляет, но обаче по востоку прошед. И колика злая от него приаша жителие странъ тѣх, иже не покоряхуся ему: въ ровы съ женами и дѣтми повелѣваше засыпывати, и звѣремъ въдаваша, и иныа различныя казни. Видѣ же много отрочатъ пометнуто и плачющихся, еда како на милость преложится, безбожный же Темирь множество отрочат узрѣвъ, повелѣ конми сих попирати; «Таковѣми, — рече, — свободих их от злобы и труда мира сего». И ина подобна симъ многа сътвори.

И нѣкое царствие въскрай моря непроходимо высоких ради горъ, приити к нему единою стезею, и на той стези столпъ крѣпокъ създанъ есть, соблюдая стезю ту, и врата желѣзна. Приидоша же к нему послы от царя того. Темирь же питъ крови много зѣло. И пришедшим послом к нему, сътворися пред ними, яко боленъ зѣло до смерти, и творяше по воли их и глаголя с ними, нача кровъ ону блевати, яко уже умирая. По мале повелѣ послы отпустити, глаголюще, яко умре Темиръ. Они же с радостию поидоша возвѣстити царю своему. Темирь же, въставъ нощию, устремися и обрѣте столпъ онъ неуторженъ и того взят. Во утрие же постигъ, и страну разрушивъ, и началника ея ем.

И таковая творя, всюду обтече, якоже крилат, и держателя и царя нигдѣже оставляше, но вся изсѣцая и потребляа, и похваляяся, глаголаше: «Александръ Макидоньскый яко на поругание себѣ всю землю обтече, малы дары и поклонениа тому подаяху, он же и болша тѣх подаяше». Паки же Темирь глаголаше: «Сѣверьскыми странами на запад приити, Индѣю же з западом и амазоны и вся конца воевати и тамо таковая сотворити», — не вѣдый, яко изыдеть духъ его, и възъвратится в землю свою, в той день погибнуть вся помышлениа его. Възвращаеть же ся Темирь въ Персиду, приятъ же и Асирию, и Вавилоньское царьство,[51] и Севастию, и Армению, и вси Орды поплени и прият и Синюю Орду, еже есть близ Индѣи, и Сарай Велики, и Чегадай, Тевризи, и Горзустани, Обези, и Гурзи, и оттуда поиде во Охтой, приатъ и Шамахию, и Китай, и Крим[52] и, ополчися, поиде къ Великой Ордѣ. И сѣяше просо за шесть мѣсяць, еже прекормити толикое множество воиньства его по тѣх пустынях до предних странъ мира, бяше бо болши четырех сотъ тысящь.

И пришед в Великую Орду и царя Тахтамыша, побѣдивъ, прогна.[53] И оттуле возгорѣся акаянный яростию на Русь поити. И царя турьска Баозита в желѣзной клѣтькѣ с собою вожаше. И прииде близ предѣлъ Рязаньскиа земля[54] во дни благочестиваго великаго князя Василиа Димитреевича и взя град Елечь и князя Елеческаго поималъ. Бѣ же страх на всей земли Руской. Князь же велики Василие Димитреевичь стояше на брезѣ Окы рѣкы, посла в Володимерь по икону пречистыя Богородица, еяже, глаголють, Лука еваньгилистъ написа. Принесоша же ея с Пирогощею во едином корабли из Царяграда. Князь же Андрей Боголюбьский принесе ея с Киева в Володимерь и вкова на ней злата болѣ 30 гривенъ наших руских, и камениемъ и бесером украси. И егда прииде образ Пречистыа, усрѣтають ея святители со всѣм народом, молящеся со слезами. Темирь же, стояше 15 день на едином мѣсте, и егда прииде образъ пречистыа Богородица, прииде на него страх и трепетъ, и, гонимъ гнѣвом Божиимъ, отоиде. Великий же князь и вси людие праздникъ свѣтелъ сотвориша, и церковъ воздвигоша, и празновати предаша чюдо пречистыа Богородица.

Темирь же во отечество свое возвратися, Орарь глаголемое. Таже паки воздвигся со всѣми воиньствы, прииде во Охтой, помысли паки ити ко Ординьским странам и к Руси, и в сихъ предѣлех озимъ, и ото многиа зимы множество вой его изомроша. И возвѣстиша ему, яко 118 шатров осташа пусти, он же, 20-ю кожюхи одѣвся, иде сам видѣти. И не возможе видѣти всѣх студени ради и возвратися въ станъ. И от таковыа студени вредишася внутренеа его. Онь же, собравъ врачевъ, они же даша ему месть варенъ, и пивъ, расторже ютробу его. И шесть дни лежавъ, и потом кровъ поиде усты его и афедроном, и по трех днех умре. Воиньство уже его разыдеся кождо во своя. Сынъ же сего Темиря удръжавъ персы, внукь же его и нынѣ обладаяй персы, именем Шарухъ.[55]

О МУСУЛМАНѢ

Пленену же бывшу турскому царю Баозиту, дѣти его удръжаша восточнаа: первый сынъ — Мусулманъ[56] — утвердися в западных; 2 — Мисиа,[57] иже прибѣгъ в Турки; 3 — Асбѣгъ нача жити во Анаталии, дондеже и Мусолманом убиенъ бысть; четвертый — Махамет[58] султанъ — в горней земли, иже после всѣх царствовати начатъ.

ЦАРСТВО ГРЕЧЕСКОЕ

По той же брани случися и греческому царю Мануилу от Рима приити к Калиполю, идѣже больший сынъ царя Баозита прииде от востока, царь Мусулманъ. И ту убо царь греческый Мануилъ с ним друголюбие сотвори крѣпко, якоже отець с сыном. Тогда убо Мусулманъ и Селунь возврати в рукы греком. Сему же Мусулману вся дѣла блага бяху, точию виномъ порабощенъ бѣ, имьже не по мънозѣ животъ и царство погуби. Приходит убо царь греческый Мануилъ въ Царьград, емуже яко отцу повинуся царь Иванъ, анепсей его, аще и понужаем от нѣкых, но не восхотѣ на блаженаго Мануила руки подвигнути, в Селунь *уклоняеться*, того бо тому дастъ тогда во окоръмление. Распространи же ся тогда власть греческаго скипетра дажь до Визы и по морю Черьмному выше, о Силивриской же странѣ и прочее, еще же и Ахайскыми с Селуньскими. Царь же Мануилъ сѣде на престолѣ своем, благодаря Бога, изводящего въсквозѣ огнь и воду в покой.

Потом же царь Мануилъ присла к великому князю Василию *Димитреевичю*, прося у него за себе тщерь Анну,[59] еюже и отпусти со многою честию. И сотвори бракъ любочестенъ и всенароденъ на многи дни царь Мануилъ въ царьствующемъ градѣ и своим и посланьным *пирьшество* велико, и многотолъстотъны трапезы, и гостьбу велику. И посланных отпущает со многими дарми и поминки. Царствова же Мануилъ 33 лѣта и роди ото Анны царици сыновъ 6: Калуяна, Андроника, Феодора, Коньстянтина, Димитриа, Фому.[60] ...

ГЛАВА 204

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ СЕРПЬСКОЕ

По Анкирьской убо брани, егда Темирь побѣди и ятъ и отведе царя Баозита и вся его поплени, и сестру Стефанову, великаго князя серпьскаго, иже бѣ за Баозитомъ. Князь же велики Стефанъ посылает къ Темирю послы и изводит ея от плененеиа, сам же въ царствующий град приходить и с братом своим Волком и тамо от царя греческаго Мануила, еще живу ему сущю, деспотскый санъ приемлеть, и, много почтивъ его, отпусти.

Приходить же деспот Стефанъ и с братом своимъ во свой град Новоброд, град сребреный,[61] воистину и златый. По убьении же Баозита царя свободися Серпьскаа земля[62] от ярма и покорениа бесерменьска, и оттуле деспот Стефанъ самовластець и господарь всей земли Серпьской бысть Божиею милостию. И объходя землю отечества своего, инѣх смири, иная же себѣ покори, и елици въ прежнея времена

гради и мѣста восхищени быша от серпьскиа власти, сих к себѣ приторже. Также преходя, обрѣте Бѣльград,[63] егоже преже угри восхитиша, егоже ото Угорьскиа земля по смирению взят. Сей бо Бѣлъград аще и въ предѣлех серпьскых лежим есть, но яко на сердци и плещах Угорьскиа земля ляжа бяше. Таже и прочая грады своя, елици турки восхитиша самовластьно, взят.

Начат же множае пребывати въ Бѣлѣградѣ, занеже мѣсто града того зѣло красно, и морем, и реками, и пристанищи украшено, и отовсюду корабли к нему яко крилати со множеством благых прилетаху. Сего убо Стефанъ украсивъ стенами и царскыми полатами, паче же церковъю соборною, и архиепископию създа, и всѣми потребами удовли, и в ней жилище иноком сотвори. Архиепископъ же той бѣлоградскый, екъсархъ всей Серпьской земли. Създа же и церковъ во имя чюдотворца Николы, и яко манастырь всѣми добрыми храминами и одры, и всѣми потребными удовливъ. И собра в ню множество болных и прокаженых, насади же и сады многы на прохлажение тѣм. Потом же изообрѣт мѣсто красно, пустынно и потребно млъчанию и созидаеть храм во имя Живоначалныа Троица, и всякими добрыми украсивъ и живописателным художеством, и град около и въ стенах келиа. Собра же и множество инокъ боголюбезных и всеми ту, и всякими потребными удовли и сокровище день ото дни пологаше ту. Сътвори же себѣ и гробницу ту, идѣже малом последи положися. Дасть же и иконы ту, златом и бесерием украшены, и множество книгъ, и сосуды, и ризы съ великим бесериемь и златом украшены, яко превосходити и Святыя Горы великую Лавру,[64] и свѣтилники златыа. Призываетъ же и патриарха Кирила со всѣм Серпьскыя земля собором и сътворяеть освящениа храма въ день святыа Пятница. Нача же здати обитель в лѣто 6915. Приходит же и нищих множество, им же доволно милостыню подастъ, и повсегда сам нощию, по улицам града ходя, нищим одежа и златица подавая. И нѣхто единъ, многажды зашед, милостыню взят и, паки пришед, просяше. Он же давъ ему и рече: «Возми, татю и хищниче!» Он же отвѣща ему: «Не азъ, но ты тать и хищникъ, со здешним царством и будущее царство крадеши и восхищаеши».

О МУСУЛМАНЕ

По сих же царь Мусульманъ, сынъ первый царя Баозита, присылаеть къ деспоту Стефану, во еже мирный завѣтъ сотворити, еже и сътвори. Самъ же Мусулманъ въздвизашеся къ востокомъ отеческыа власти взыскати и брата своего Асъбѣга, гоня, убиваеть и страны восточныа себѣ покори и Турьческую страну. Серпьская же земля по сложении мира с Мусулманом пребываше во смирении. Но не бяше терпѣти таковая лукавому: подвиже убо брата его Волка, и взят у царя Мусулмана множество воиньства, яко: «Да дастъ ми, — рече, — брат мой деспот Стефанъ половину отчины, и яз с нея тебѣ служю. Аще ли

ни, и аз попленю и пусту сътворю ея». Деспот же Стефанъ не хотя стадо благочестивое, еже Господь свободи, паки турком поработити. Волкъ же со агарены обътекоша всю землю, пленующе и пожизающе и изсѣцающе, яко дивии звѣрие; потом же второе приходить со множайшими. Стефанъ же не изыде противу им, да не крови братней причастникъ будеть, ово же и навѣта бояся оставших с ним, занеже всѣх Волкъ превещалъ бѣ къ себѣ ово обѣщаниемь даровъ, ово же и прещеньми, посылая послания къ сущим у деспота. Деспот же, держа послания его в руку в дому своем въ Бѣлѣградѣ, плакаше пред образом Спасовымъ: «Вижь, Христе, — глаголаше, — яко неправедно на мя поучаются, и отроци мои быша мнѣ предатели, яко же иногда твой ученикъ Июда, и соблюди до конца малое число оставъших у мене». Волкъ же со агаряны всю землю растлиша. Видѣв же Стефанъ сиа, раздѣляеть землю. Волкъ же служаше царю Мусолману с нетии своими, рекше с сестричичи и тѣм отеческую землю дръжащим, Стефан же во отлученнѣй ему части живяше.

О МИСИИ

По сих же брата Мусулманова Мисию призывает угровлашьсъкий держатель, пребывающу ему в сѣвернем востоцѣ, и дает ему воиньство в помощь на брата его Мусулмана во отомщение свое. Посылаеть же Мисиа и к деспоту Стефану и кь брату его Волку, да поидуть с ним, такоже и къ нетиемъ его. Мусулманъ же сложися съ греческым царемъ Мануилом и со фруги. Увидѣв же Мисиа, яко хощеть Волкъ бѣжати къ Мусулману, восхотѣ его убити, деспот же изручаеть его, он же в той нощи побѣже. Бывши же брани велицѣй, и побѣжаеть Мусулманъ Мисию. Мисиа же обрѣтает Волка в Филиповѣ градѣ[65] и повелѣ.его убити съ нетием его Лазаремъ. Таже ходя въслѣд брата своего разбойническы, и обрѣтаеть его вином упившася во Андриановѣ градѣ,[66] повелѣ его удавити.

И начат Мисиа всѣми скипетры обладати и сотвори миръ с деспотом Стефаномъ, Стефан же паки единъ самодержець бысть всей земли Серпьской. Мисиа же царь многи страны поплени и вооружается на деспота Стефана, Серпьскую землю конечному потреблению предати. Расписа же и грады вельможамъ своимъ и прииде в лѣто 6921, и многи грады поплени и приатъ Больвинь, и Липовець, и Сталакъ, и Коприанъ.[67] Сиа видѣвъ, деспот Стефанъ посылаеть восточному султану Махаметю, сыну Баозитову, меншему брату Мисиину, и сотвори с ним вѣру. И приходит Махаметь султанъ от востока, деспот же от запада, с ним же и угорьскыя воеводы и басаньскиа дръжателя. Мисиа же прииде в горы, хотя засѣщи путь, да нихто же убѣжить султановыхъ и деспотовых вой. Деспот же Гурга, нетиа своего, отпусти с воиньством. И бывъши брани, побѣженъ бысть Мисиа и побѣже, и утопиша его в рецѣ.

О МАХАМЕТЕ

Бысть же Махамет восточный и западный царь и всѣм турком, бяше же благъ и кротокъ. Приходить же и господинъ Гургъ, деспотъ же Стефанъ почтивъ его зѣло многими дарми, и благодаривъ Бога о всем. И тишинѣ велицѣ бывши. Он же милостыни по обычаю прилежа, странных и прокаженых питая, или ото инокъ кого слыша в млъчании живуща, обилно потребная посылаше ему. Устави же чинъ и служащих ему: ови убо въ внутрених ему предстояху, с ними же бѣсѣдоваше о устроении своего царства, и повѣсти дѣяше от писаниа и от слуха, и добрѣ царствовавших и власть правивших благочестивно подражати глаголаше, злых же уклонитися, яко: «Путь, — рече, — нечестивых погибнет».[68] Вторый же чинъ устави въ внѣшней храмине, иже от внутрь сущих приимаху повелѣниа его. Третий же чинъ, иже внѣ предстояху, и от средних посылаеми творити повелѣниа его. Отрече же ся конечно всяких игръ тимпаньскых и мусикийскых: «Сиа, — рече, — во врѣмя брани прилична суть». Всѣм же служащим ему яко отець щедролюбивъ, и елики убо неисправлениа ради смири и от начальства отстави, или кто невѣрьствиемъ своимъ погуби или неслужбою, или инѣм коимъ образом нищь бяше, сих отеческаго и дѣдняго и прадѣдняго мѣста не лишаше: «Ибо Богъ, — глаголаше, — о согрѣшении двема отомъщении не казнить», — и согрѣшьшаго, яко нища, Соломоньски милуа. Вси же предстоящии ему другъ къ другу благоговѣиньство сохраняху, паче же ближнии его, и вопль и хула и смѣх или одежь несопрятание и не именовашеся в них. К сим же и очи свои сохраниша от всякаго объзираниа, и никтоже может ни от великих видѣти их. Се же чюднейше пръваго, яко и женьскою любовию не побѣжашеся.

Умре же нетий его Болша,[69] арбанашьский господинъ, деспот же Стефанъ поиде и приатъ за себе арбанасы. И еще ему в той странѣ, прииде съ Угръ вь Бѣлъград Коньстянтинъ, сынъ Срацимира, царя балгарьскаго, и ту умирает в Белѣградѣ в лѣто 6930.

О МАХАМЕТЕ

Султанъ же Махаметь, сынъ Баозита царя послѣдний, поживе во смирении, с коими изначала любовь положи, и умирает во Андриановѣ градѣ. Понужаху же деспота Стефана мнози от его области, еже взыти ратию и приати страны его, он же рече: «Клятву положих къ султану, еже дѣтем его добро сътворити». Сынъ же Махамета султана Амуратъ, менший же Мустофа, ему же греческый царь дасть помощь, и нѣкиа страны на востоцѣ приатъ. Посылаеть же на нь Амуратъ воиньство.

Мустофа же изыде на брань из Никейскаго града и ту убиенъ быть. И бысть царь восточным, и западным, и турком Амуратъ, и сего ради на греки брань дръжаше, яко брату его помощь даша, с деспотом же Стефаномъ велику любовъ сотвори.

Потом же деспот нача множае болѣти ногама своима. И призва нетиа своего Гурга,[70] поставляет деспота всей Серпьской земли. По мале же и сам отходить сего свѣта, в лѣто 6935 июня 19. Бысть же в той день къ Бѣлуграду гром страшенъ, яков же никогдаже бысть, и тма по всей нашей странѣ, яко нощь мнѣти, и на захожении солнца мало просвѣтлися. Плакавше зѣло, положиша деспота у Бѣлаграда въ манастыри живоначалныя Троица и въ гробници, еже сам създа. <...>

ГЛАВА 206

ЦАРСТВО СЕРПЬСКОЕ И О ЗАПУСТѢНИИ ЕГО

При сем же Калуяне, цари гречестем, по Стефане бысть въ Сербех деспот Гургъ, нетий его. Царь же турьский Амуратъ,[71] увѣдевъ преставленье Стефаново, пришед ратью и приемлет град Крушевець,[72] и инии гради предашеся ему, предастъ же ся и Голубець град. Приходить же и на Новоброд, сребреный град, идѣже сребро дѣлаху, но не успѣ ничтоже и отоиде Амурат царь, зимѣ належащи. К нему же посылает деспот, смирениа прося о оставших. Он же по смѣрении нѣкаа и возвращаеть деспоту.

И не точию *от* сих разрушение и бѣда належаше Серьпъской земли, но и западный угорьскый краль къ царскому граду прииде, *глаголю же* — преизящному и великому *Бѣлуграду*, егоже по смирению сам деспотъ Гургь отдастъ, устрашився турокъ ради. Сим же сице бывшим, лѣпо и нам есть возгласити с пророком Захариемъ, якоже кь Иерусалиму: «Разверзи, Бѣлъграде, двери твоя, и поястъ огнь кедры твоя, сирѣчь высокиа, и первожителя твоя!»[73] Зде же прочее и съ Еремиемъ пророком рыдати, яко новаго Сиона[74] — Бѣлаграда — запустѣние: «Гдѣ воистину внезапу быша вся свѣтлая и красная, яже внутрь и яже внѣ? Гдѣ лици веселящихся? Гдѣ церковная собраниа, торожества и молитвы и еже во окрестъная исхожениа? Внезапу вся в мерзость запустениа быша, вся горести исполнишася, храми разоряхуся и сожизахуся, людие изгоними бываху».

Бысть же и другое знамение, проявляя хотящая быти граду злая. В вечеръ суще глубокъ, нам еще не спящим, внезапу прихожаше со оноя страны рѣкама яко трубный гласъ и по малу возывашеся, дондеже в посадѣ мняшеся, таже предъ градом, таже по всему граду, пребысть же на три часы, и *мнѣхомъ*, яко воиньство нѣкое прииде на градъ, яко изыти намъ со огнем и видѣти бываемое. Бысть же и ино знамение, еже из града взятися в воздух иже в велицей церкьви образы божественыя. Бысть же по чину, яко на втором пришествии: Царица убо и Владычица, Иоаннъ Предтеча со обоих странъ образа Спасова, два же на-десятных апостолъ по шести подобно со обоих странъ, еже мнѣхом въ славу и назирание града, се же бысть во оставление, увы! Преже же того яко искры пусти воздух на град, иже и возжизаху и паки погасоша; преже же сих вихоръ покровы церковныя, отъем, сверже на землю, и домы многи низложи, и дом сестры Стефана деспота. По сих же нѣкто от сьтраны Мисикиа пришед, юродива себе творя, егоже дѣла свѣдѣтельствоваху сокровена раба Божиа, иже, ходя по граду день и нощь, горко плакаше, «О горе» и «Увы!» вопиаше, дондеже и деспоту Гургю вѣдомо бысть. Он же ему милостыню даяше, сей же, по своему обычаю, нищим сиа подаваше. Сие же знамение бысть не точию единаго Бѣлаграда ради, но и *послѣдующаго* ради *запустѣниа* всея земля Серпъскиа,[75] еже не по мнозѣ бысть от безбожных турокъ, в них же царь бѣ Амуратъ, иже многи грады серпьскиа поплени и покори, Богу тако попустившю грѣх ради наших.

---

[1] *…Андроника Палеолога…* – Андроника II Палеолога, византийского императора (1282–1328).

[2] *Милутинъ* – сербский краль Стефан Урош II Милутин, сын Уроша I, внук Стефана Первовенчанного.

[3] *Святый Симионъ… храпавы краль.* — Перечисляются сербские великие жупаны и крали: Стефан Неманя (1168/70—1196), в монашестве Симеон, его сын Стефан Первовенчанный (1196—1227, с 1217 — краль), Стефан Урош I (1243—1276).

[4] *…ражаеть убо сей Стефана…* — Будущего краля Стефана Дечанского (1321—1331).

[5] *…Милутинъ краль приобщаетъся второму браку…* — Милутин был женат четырежды: на дочери византийского севастократора (высокопоставленного чиновника императорского двора) Елене, на дочери венгерского короля Стефана V Елизавете, на дочери болгарского царя Георгия I Тертерия Анне и (с 1229 г.) на Симониде, дочери Андроника II. Константин был сыном Милутина от Анны, а не от Симониды.

[6] *...святаго Николы...* — Николай, архиепископ города Мир в Ликии (области на юге полуострова Малая Азия) в IV в., один из наиболее чтимых христианской православной церковью святых (Никола Мирликийский).

[7] *...Душмана нарицаемъ, другий же Душана Стефанъ.* — Стефан Душан был преемником Стефана Дечанского на сербском престоле (1331—1355, с 1345 г. — царь).

[8] *...обители Вседръжителевѣ.* — Видимо, речь идет о константинопольском монастыре Пантократора.

[9] *...патриархъ Афанасие дивный соборъ състави... иже Ариева мысляща и Македониева...* — Афанасий — константинопольский патриарх в 1289—1293 и 1303—1309 гг. Церковные соборы, осудившие Варлаама и его ученика Григория Акиндина (ум. в 1349 г.), происходили, однако, не при нем, а значительно позднее — в 1341 и 1351 гг. Варлаам — греческий монах из Калабрии, примыкавший к кругам итальянских гуманистов (у него учился греческому языку Петрарка), в 1328 г. приехал в Византию. Он выступил против учения исихастов, утверждавших, что познание Бога и единение с ним не требует богословских знаний. Осужденный иа соборе 1341 г., он вернулся в Италию и умер там в 1348 г. Арий и Македоний — основоположники еретических, с точки зрения ортодоксальной церкви, учений (IV в.).

[10] *Ненавидящаа тя... врагы быша ми.* — Пс. 138, 21—22.

[11] *...зряше якоже и преже.* — Прозрение ослепленного Стефана вызывало недоумение уже у современников событий. Предполагали, что палач был подкуплен, ослепление было мнимым, но Стефан скрывал это от окружаюших.

[12] *...вторѣмъ Иовѣ...* — Иов — библейский персонаж, праведник, подвергшийся тяжким испытаниям судьбы.

[13] *...Баньско убо мѣсто именуемо...* — Баньский монастырь, упоминаемый в источниках со второй половины XIII в. В 1313—1318 гг. Милутин построил в нем церковь святого Стефана. Расположен севернее г. Косовска-Митровица (Югославия).

[14] *Коньстянтинъ же, иже того брат ото иныя матери...* — Константин был сыном Анны, а не Симониды. В союзе с Константином против Стефана выступил его племянник Владислав.

[15] *...не бо азъ есмь Каинъ-братоубица, но Иосифу другъ-братолюбець...* — Имеются в виду библейские легенды: о Каине, убившем своего брата Авеля, и о Иосифе, которого хотели убить, а затем продали в рабство родные братья. Впоследствии, когда Иосиф достиг могушества и власти, он не стал, однако, мстить братьям, а обратился к ним со словами (Быт. 40, 19—20), которые почти дословно повторяет Стефан: «Не бойся, Божий бо есмь азъ! ...а мнѣ благая...»

[16] *Восхотѣ же обителъ тѣмъ създати...* — Стефан построил в начале XIII в. монастырь в Дечанах (в области Метохия, близ города Печ).

[17] *...бысть въ болгарех царь Михаилъ.* — В 1323 г. болгарским царем стал Михаил Шишманович, женатый на сестре Стефана Дечанского Анне. Византийский император Андроник III Палеолог (1328—1341) выступил в союзе с Михаилом против Сербии. В 1330 г. в битве под Вельбуждом (западнее современного города Кюстендил в западной Болгарии) болгарские войска были разбиты, а Михаил убит.

[18] *Сих всѣх истязати имать Богъ от тебе.* — Текст неясен и поэтому оставлен без перевода.

[19] *...гордымъ противляется, смиреным же даеть благодать.* — Иак. 4, 6.

[20] *...Александра, того нетия, царя поставльше...* — После победы под Вельбуждом Стефан восстановил на престоле свою сестру Анну и ее сына Ивана Стефана, но в 1331 г. власть захватил племянник Михаила — Иван-Александр, царствовавший до 1371 г.

[21] *«Аще благая приахомъ.. не терпим!»* — Иов. 2, 10.

[22] *...отца ятъ... горчайшей смерти осужаеть.* — Стефан Дечанский был свергнут с престола своим сыном и спустя два года убит (удушен) в г. Звечане.

[23] *...Андроницѣ и при сыне его Иване...* — Византийских императорах Андронике III Палеологе (1328—1341) и Иоанне V Палеологе (1341—1391).

[24] *...деспот бысть...* — Деспот — титул, дававшийся в Византии правителям областей.

[25] *Урошь* — последний царь из династии Неманичей (1355—1371).

[26] *...краль в сербех Волкошинъ, да брат его деспотъ Углешь...* — Стефан Душан разделил страну на шестнадцать областей, раздав их в управление своим родственникам и вельможам. Македонские земли получил Вукашин, объявивший себя в 1366 г. кралем. Земли Вукашина и его брата Углеши фактически отделились от Сербии.

[27] *...сего ради не изгнаша, но сами от них убиени быша...* — В 1371 г. в битве на реке Марица близ Черномена (к западу от г. Эдирне в современной Турции) Вукашин потерпел поражение и был убит.

[28] *...великаго князя Лазаря...* — Князь Лазарь (1371—1389), сын Ирибаца Хребельяновича, придворного Душана. Жена Лазаря Милица происходила из рода Неманичей, ее предок Вукан был сыном Стефана Неманича, братом Стефана Первовенчанного. После смерти Уроша Лазарь правил его уделом, пытался вновь объединить Сербию. В 1389 г.

потерпел поражение от турок в битве на Косовом поле, попал в плен и был казнен.

[29] *...царь... Хириданъ...* — История Хиридана — родоначальника турок-османов — видимо, легендарна.

[30] *Арканъ* — Урхан, османский властитель (1326—1362).

[31] *Сулимень* — Сулейман, сын Урхана, османский эмир. В 1352 г. он захватил крепость Цимпе на европейском берегу пролива Дарданеллы, на Галлипольском полуострове — этим было положено начало вторжению турок в Европу.

[32] *...при цари гречестем Андроницѣ, имущу рать со братомъ своим.* — После смерти Андроника III власть перешла к его сыну Иоанну V. Однако регент Иоанна — Иоанн Кантакузин объявил себя императором и фактически правил страной в 1347—1354 гг. После свержения Иоанн постригся в монахи и умер в 1383 г.

[33] *Амурат* — османский султан Мурад I (1362—1389). При нем турки подчинили себе обширные районы с городами Адрианополь (Эдирне), Филиппополь (Пловдив), София, Шумен, Ниш. Мурад был убит в Косовской битве сербским воином Милошем Обиличем, проникшим в его палатку. Однако благодаря решительности сына Мурада — Баязида (султан в 1389—1402) битва была выиграна, и Сербия стала вассалом турок.

[34] *Равница* — Раваница — монастырь в долине реки Ресавы, правого притока Моравы. В 1391 г. туда было перенесено тело князя Лазаря.

[35] *...Громъ нареченый по своему их языку...* — Баязида именовали «Иылдырым», что значит «молния», «молниеносный».

[36] *...князь великий Стефанъ...* — Стефан Лазаревич, сербский князь (1389—1427, с 1402 г. — деспот).

[37] *...покори царя Срацимира болгарьскаго...* — В 1393 г. турки захватили Тырново, столицу одноименного царства. Видинское царство просуществовало еще три года, но в 1296 г. после битвы при Никополе Видин был захвачен, царь Иван Срацимир взят в плен, и Болгарское государство прекратило свое существование.

[38] *Селунь* — Фессалоника (ныне Салоники в Греции) была захвачена турками в 1394 г.

[39] *...дщерь ея Оливеру въ жену...* — Дочь Лазаря стала женой Баязида, а сама Сербия вассалом турок: Стефан Лазаревич и брат его Вук были обязаны являться со своими воинами на службу к султану.

[40] *...умышляеть брань на угры и волохи.* — Битва с валашским господарем Мирчем произошла в 1395 г.

[41] *...краль Марко...* — Сын краля Вукашина, владетель удела со столицей в г. Прилеп. Марко погиб в 1395 г. Его эпический двойник — Марк Королевич — популярнейший герой сербского героического эпоса.

[42] *...приходит и на царствующий град.* — Турки опустошили в 1394 г. окрестности Константинополя и в течение семи лет блокировали город.

[43] *Слышав же царь угорьский... борет Никополь.* — Германский император, а с 1387 г. и венгерский король Сигизмунд Люксембург в 1396 г., собрав войско из венгерских, чешских, немецких, польских и французских рыцарей, двинулся против турок. Распри среди участников похода и ошибки в руководстве сражением дали возможность туркам одержать под Никополем полную победу: десять тысяч рыцарей попали в плен, а Сигизмунд едва спасся бегством. Баязид вторгся в Венгрию и подверг ее разорению.

[44] *Мануилъ* — сын Иоанна Палеолога Мануил (1391—1425) пытался найти союзников в борьбе против турок в Европе. Покинув в 1399 г. Константинополь, он посетил Венецию, Милан, Флоренцию, Париж, Лондон. Его встречали с почетом, но реальной военной поддержки Мануил не получил.

[45] *...перскый царь Темирь...* — Тимур родился в 1336 г. в селении близ г. Шахрисабз (ныне в Кашкадарьинской обл. Узбекистана). Став эмиром Мавераннахра — среднеазиатского государства со столицей в Самарканде, Тимур совершил ряд победоносных походов, в результате которых создал огромное государство, включавшее Хорезм, Хорасан, Иран, Закавказье.

[46] *...вшедъ в Персиду...* — Речь идет о походе Тимура в 1381 г.

[47] *...Елладу...* — Что имеется в виду — неясно. Разумеется — не Греция. Может быть, речь идет о державе Александра Македонского, владения которого в Азии простирались на все те земли, которые завоевал Тимур?

[48] *...фараона...* — Вспоминается библейская легенда о фараоне, который, разгневавшись на евреев, покидавших Египет, стал преследовать их и погубил свое войско в Чермном (Красном) море (Исх. 14, 22—29).

[49] *И сражению бывшу, побѣжаеть Темирь...* — В битве при Анкире (Анкаре) в 1402 г. османское войско было разгромлено, а султан Баязид взят в плен.

[50] *...стѣну Дамаска низложи...* — Дамаск был взят и сожжен Тимуром в 1401 г.

[51] *...приятъ же и Асирию и Вавилоньское царьство...* — Приводятся названия древних государств, располагавшихся на территории Ирана.

Во времена Тимура там было государство сербедаров, завоеванное им в 1380—1383 гг.

[52] *...и Севастию... и Крим...* — Перечисляются города и страны, в разное время завоеванные Тимуром: Севастия — город на северо-востоке Малой Азии, Синяя (Белая) Орда — объединение тюрко-монгольских племен на территории к востоку от Аральского моря, город Сарай-Бату (к востоку от нижнего течения Волги) — в прошлом центр Золотой Орды, разрушенныйТимуром в 1395 г., Чегатайский улус, территория юго-восточнее озера Балхаш, город Тевриз в Иранском Азербайджане, Горзустан — видимо, Грузия, гурзи — грузины; обезы — абхазцы; Шамахия — город Шемаха на территории современного Азербайджана.

[53] *И пришедъ в Великую Орду и царя Тахтамыша, побѣдивъ, прогна.* — Тимур совершил несколько походов против Тохтамыша: в 1391 г. из Ташкента через северный Казахстан в Западную Сибирь и оттуда на запад, к Волге. Решающая битва произошла в местности Кондурча (в долине одноименной речки в современной Самарской обл.) и закончилась разгромом Тохтамыша. Второй поход Тимур совершил в 1395 г. через Закавказье. В долине Терека в решающей битве он разгромил Тохтамыша, затем, преследуя его, двинулся в области нижней Волги, оттуда повернул на запад к Днепру, а оттуда на северо-восток в Рязанскую землю. На обратном пути Тимур прошел Нижнее Поволжье, Кубань, Дагестан и напоследок разгромил Астрахань и Сарай-Берке.

[54] *И прииде близ предѣлъ Рязаньскиа земли...* — Вторгшись в 1395 г. в Рязанскую землю и захватив г. Елец, Тимур двинулся к Москве. На берегах Оки его встретило русское войско под предводительством великого князя московского Василия I Дмитриевича (1389—1425). Тимур по каким-то причинам не вступил в битву и повернул назад. Русские летописцы объясняли уход Тимура заступничеством почитаемой на Руси иконы владимирской Божьей матери, доставленной в XII в. из Константинополя вместе с другой иконой Богородицы — «Пирогощей». Ее название, как полагает Д. С. Лихачев, восходит к греческому «пюрготив» — «башенная» (Богоматерь на ней изображена была в окружении семибашенного Влахернского — в Константинополе — монастыря). Об этих событиях см. также «Повесть о Темир-Аксаке» (наст. изд., т. 6).

[55] *Шарухъ* — Шахрух — сын (а не внук) Тимура, после его смерти глава государства (со столицей в Герате, городе на западе Афганистана) в 1409—1447 гг.

[56] *Мусулманъ* — Сулейман, старший сын Баязита, правивший после пленения отца Тимуром в его европейских владениях. Находился в дружеских отношениях с Византией.

[57] *Мисиа* — Муса, сын Баязита. Враждовал с братьями, в 1411 г. одержал победу над Сулейманом. Убит в 1413 г.

[58] *Махамет* — Мехмед I, османский султан (1402—1421). В первые годы правления замирял сельджукских эмиров, освободившихся от османской зависимости после разгрома Баязита Тимуром. В 1413 г., разгромив своего брата Мусу, стал единовластным правителем.

[59] *...Василию Димитреевичю, прося у него за себе дщерь Анну...* — Автор ошибается: дочь Василия Анна была выдана замуж за сына Мануила — Иоанна VIII Палеолога.

[60] *...Калуяна... Фому...* — Перечисляются сыновья Мануила от Елены Драгаш (из рода сербских князей Драгашей): Иоанн VIII (или Калуян) — император в 1425—1448 гг., Андроник — деспот (правитель) Фессалоники, Федор и Фома — деспоты Мореи, Константин VIII — император в 1449—1453 гг., Димитрий. Дочь Фомы была женой Ивана III, великого князя московского.

[61] *...Новоброд, град сребреный...* — Ново-Брод, город, известный своими серебряными рудниками. Расположен на территории края Косово (Югославия).

[62] *...свободися Серпьскаа земля...* — Фактически после Косовской битвы Сербия оставалась в вассальной зависимости от турок. Лишь в 1413—1420 гг. Мехмед освободил страну от вассальных повинностей за помощь, оказанную ему в войне с Мусой.

[63] *...обрѣте Бѣлъград...* — Стефан Лазаревич возвратил Белград Сербии в 1402 г.

[64] *...Святыя Горы великую Лавру...* — Речь идет об афонских монастырях.

[65] *...в Филиповѣ градѣ...* — в Филиппополе (Пловдиве), захваченном турками в 1365 г.

[66] *...во Андриановѣ градѣ...* — Адрианополе. С 1365 г. Адрианополь, переименованный в Эдирне, стал столицей османского султана.

[67] *...Больвинь, и Липовець, и Сталакъ, и Коприанъ.* — Города в юго-восточной Сербии. Липовец — монастырь, основанный в 1399 г. близ города Алексиница. Сталак расположен в районе слияния Южной и Западной Моравы. Эти города были захвачены турками в 1413 г.

[68] *Путь... нечестивых погибнет.* — Пс. 1, 6.

[69] *Болша* — Балша, один из албанских феодалов.

[70] *...нетиа своего Гурга...* — Георгия Бранковича, после смерти Стефана, ставшего деспотом Сербии (1429—1456).

[71] *Амуратъ* — Мурад II, турецкий султан (1421—1451).

[72] *Крушевець* — ныне Крушевац, город близ слияния Западной и Южной Моравы.

[73] *...с пророком Захариемъ... первожителя твоя!* — Пересказ фрагмента из библейской Книги пророка Захарии (Зах. 11, 1).

[74] *...съ Еремиемъ пророком рыдати, яко новаго Сиона...* — Переложение фрагмента из библейской книги «Плача Иеремии». Сион — гора в Иерусалиме, на которой располагалась крепость. Название «Сион» в текстах употреблялось как символ могущества Иерусалима.

[75] *...послѣдующаго ради запустѣниа всея земля Серпъскиа...* — Полное подчинение Сербии турками произошло уже после падения Византии. В 1459 г. она была включена в состав Османской империи.

ПЕРЕВОД

ИЗ ГЛАВЫ 197

ПРИ ТОМ ЖЕ ЦАРЕ ГРЕЧЕСКОМ АНДРОНИКЕ ПАЛЕОЛОГЕ, В ГОДУ 6790 (1282), БЫЛ У СЕРБОВ ЦАРЬ МИЛУТИН. ЦАРСТВО СЕРБСКОЕ

У святого Симеона родился Стефан краль, у Стефана — Стефан же, нареченный Урошем по имени прадеда своего, это был рябой краль. Он был отцом Милутину кралю, четвертому от святого Симеона. Когда правил он сербами, родился у него Стефан, великий столп благочестия, и венец царства, и средоточие добродетелей. И был ко всем благожелателен, и доступен, и милостив. И после смерти матери Стефановой краль Милутин вступил во второй брак, взяв за себя дочь греческого царя Андроника Палеолога, и родился у нее сын Константин. Царица же, видя, что всеми любим Стефан, возненавидела его, приходит к его отцу, обливаясь слезами и со скорбным лицом, словно бы о спасении его думая, и клевещет на праведного, будто он к ней льнет и против отца замышляет злое. Князья же советовали Стефану, собрав воинов, уйти в другую землю и так избежать зла от возводимой на него клеветы. Он же не захотел и возложил всю надежду на Бога. Что же далее? О беззаконие! Превозмогло женское коварство и угасило родительскую любовь: схвачен был праведный и очей лишен. Когда же лежал праведный, тяжко страдая, близ церкви святого Николы, и немного вздремнул он, и явился ему святой Никола и сказал ему: «Не печалься, Стефан, вот очи твои на моих ладонях!» И показал <их> ему.

Потом же был сослан Стефан в заточение в Константинов град с двумя своими сыновьями — одного звали Душман, другого же Стефан Душан.

Андроник же Палеолог, тесть Милутинов, повелел Стефану пребывать безотлучно в монастыре Вседержителя.

Благой же терпел со смирением, больше прежнего стремясь к добродеяниям и всем в словах и делах служа образцом, так что и до самого царя, и до патриарха дошел слух <о нем>, и они призывали к себе праведного и дивились речам его и мудрости. В то же время патриарх Афанасий дивный собор созвал против некоего Варлаама, главы акиндинской ереси, мыслящего, подобно Арию и Македонию, и утверждавшего, будто бы преображение Господне было лишь видением: и многих увлек он в свою ересь. Патриарх же со всем собором отлучил еретика Варлаама и единомышленников его от церкви и предал проклятию. Тот же не успокоился, продолжал писать и смущать церковь и многих прельстил. Был как-то, по обычаю, призван Стефан к царю и после долгой беседы сказал: «О боговенчанный царь, многих до тебя бывших превзошел ты своими добродетелями и смирением, но не пойму, почему ты именно тем пренебрегаешь, что является всему вершиной и венцом царства, во имя чего апостолы совершили подвиг свой и мученики плоти своего не пощадили — говорю я о благочестии». Царь же возразил ему: «Почему ты думаешь, что мы пренебрегаем благочестием, скажи, о достойнейший из друзей!» И Стефан отвечал: «Известно, о царь, — если пастух не оберегает стадо от набега волков и не отгоняет их, то и он такой же зверь, хотя и именуется пастухом, и тот, кто не отгонит известного злом своим, тот и сам будет осужден как злой всеми, способными размышлять. Недостойно, о царь, тебе, пребывающему в чтимом царском сане и пастырем от Христа поставленному таковому стаду, врагов его в своем стаде терпеть, но следует отогнать их подальше как волков-душегубцев и с Давидом воспеть: “Ненавидящих тебя, Господи, возненавидел и гнушаюсь врагов твоих, искренней ненавистью возненавидел их, и стали они врагами моими”, — и прикажи изгнать их из всего своего царства. Если так поступишь, то прекратишь церковные распри, и прочный мир даруешь православным, и царский скипетр возвеличишь, явишься истинным царем истинным христианам и истинным пастырем и от Владыки всех дар получишь — царство небесное». Услышав это, поразился самодержец мудрости и разумным словам того мужа, горячо поблагодарил его и похвалил, и обратился к находившимся в палате: «Превелик разумом сей муж, а еще более — внутренним зрением, все видящим, хотя телесные очи ему закрыли». И тотчас же царь приказал Варлаама связать и привести к себе. Но предупредил того кто-то из окружавших его еретиков, и он поспешно бежал в Рим. Царь же приказал единомышленников его изгнать из столицы, и изо всех городов и селений с бесчестием изгонять, из всего своего царства.

Что же после этого? Когда уже шел пятый год Стефанова заточения, как-то свершалась служба всенощная на праздник чудотворца Николы, и горело множество свечей, и кадили, и читали, как положено, житие и о чудесах святого, Стефан от всей души молился и, сильно утомленный,

немного задремал и увидел очами сердечными великого Николу, и, припав в ногам его, попросил о милости. Тот же, милосердный, сказал: «Поведал тебе еще ранее, чтобы не печалился, и показал тебе очи твои в своей руке, и ныне послан я все исполнить». И поднял его, и крестным знамением осенил лицо его, концами пальцев коснулся глаз его и сказал: «Господь Иисус Христос, даровавший зрение слепому от рождения и твоим глазам дарует способность видеть, как прежде». И стал невидим тот, Стефан же, проснувшись, вострепетал — о, неизреченное милосердие твое, Христос! — ибо стал видеть, как прежде. И долго со слезами благодарил и никому о том не сказал до времени, но, как обычно платом закрыв глаза, ходил с жезлом. И в скором времени младший сын его оставил этот свет.

Возвращение же его в свое отечество было таково. Послал как-то самодержец греческий к зятю своему, сербскому кралю, чтобы тот направил ему воинов в помощь. Болгары южные тогда все себе покорили и со множеством воинов двинулись на восток. С послами отправил и игумена монастыря Вседержителева, в котором был заточен Стефан. Его же призвал к себе краль Милутин и наедине стал расспрашивать о сыне. Чудный же тот: «О многострадальном втором Иове спрашиваешь меня, о владыка? Не достойна вся держава твоя, если даже будут долгими годы жизни твоей, Стефановой нищеты; обитель и сам царствующий град обрели его, словно многоценное сокровище!» И рассказал ему обо всем и о выступлении его против еретиков. Услышав же это, краль исполнился милосердием отцовским, заплакал и послал к царю греческому, чтобы скорее вернули ему Стефана. Царь же с радостию отпустил его, почтив дарами многими, которые тот передал в обитель Вседержителя. Когда пришел он к отцу, тот расцеловал его со слезами и с радостью и попросил прощения за грехи свои перед ним. Христу же подражающий себя виновным нарекал, и слезы отца своего утешил, и прозрения своего не открыл ни ему, ни кому-либо другому, ни в Царьграде, но, как обычно, ходил, прикрыв глаза платом, чтобы снова, позавидовав, не угасили бы ему Богом данные очи. Потом же повелел ему отец пребывать в Диоклитийском граде. Он же более, чем прежде, стал предаваться добродеяниям.

ГЛАВА 198

ЦАРСТВО СЕРБСКОЕ СТЕФАНОВО

Некоторое время спустя скончался его отец и погребен был в обители, им созданной, — место то именовалось Банским из-за протекавших здесь теплых вод — в церкви первомученика Стефана. После смерти

отца Стефан сбросил повязку с глаз, и явился перед собравшимися светел лицом и светел взором, и на достойное его царство Сербское препоясается. И все власть предержащие к нему поспешили.

Константин же, брат его от другой матери, собрав большое войско, в скором времени посылает к нему и требует уступить престол: «Неслыханно, — говорит, — от начала мира, чтобы слепец был царем». Сказал это, насмехаясь над ним. Стефан же прежде всего отправился помолиться в соборную церковь, и там архиепископ Никодим возлагает на голову его царский венец и провозглашает царем над всем иллирийским народом. И оттуда направляется Стефан на брань. И когда сошлись оба войска, Стефан, это доброе сердце, жалея брата, направляет к нему такое послание: «Стефан, милостью Божьей царь сербам и отеческому наследию, в страхе Божьем повелевающий его людьми, брату, желаннейшему Константину, радоваться! Прекрати ратоборствовать с иноязычниками против своих людей, но поспеши прийти, и увидим друг друга, и второй сан, как сын царский, получишь. Следует нам с тобой на столь обширной земле нашей жительствовать, ибо я не Каин-братоубийца, а Иосифу друг-братолюбец, его же слово тебе повторю: “Не бойся, ибо я с Богом! Вы замыслили против меня зло, Бог же пожелал мне добра, как ныне видишь”». Тот же и слышать не захотел, но двинулся в бой.

И когда началось сражение, множество пало убитыми, и побежден был пришедший беззаконствовать, и сам Константин пал в сетовании, обретя таковое из-за строптивости своей, не способный не только царством править, но и простой вещи понять — если Бог кому не благоволит, то не сможет человек исполнить своего замысла. И люди его переходят к Стефану. Стефан же, все в руках своих имея, несмотря на то, что на высоту вознеслась власть его, сам пребывал в смирении, именуя себя прахом, пеплом, червем, а не человеком, и не только слезами постель орошал, но каждый день совесть свою слезами омывал, и перед архиереями и иереями голову склонял, и чтил их как Божьих слуг, также и иноков любил безмерно, ибо отдали они себя Богу, и чтил их, и одаривал всем необходимым. Решил он и обитель для них создать и много заботы тому уделял, и в обители той <возвел> храм во имя Вседержителя и другой — <в честь> чудотворца Николы, со столпами и помостом из разноцветного мрамора, со всякими украшениями, каких не описать словом, и стену возвел вокруг каменную, и в стене кельи для монахов — все это на месте, именуемом Дечаны. Невозможно описать красоту места того. И сам он пребывал тут, пока всего не свершил. И одарил обитель всеми потребными сосудами золотыми и серебряными, и ризами бесценными, а также всем для нужд телесных полностью снабдив, всякими средствами на устройство обители и для всех, пребывающих в ней, и великому Николе воздвиг другую церковь близ обители.

ЦАРСТВО БОЛГАРСКОЕ

После иных царей был у болгар царь Михаил. Он, покорив соседние страны и собрав воинов иноплеменных, двинулся, вознамерившись Сербское государство себе подчинить. Повелел же Стефан исчесть врагов, и оказалось по тысяче противников на пять воинов Стефановых. Христианнейший же Стефан посылает с предложением мира к царю болгарскому: «Почто, — говорит, — хочешь погубить болгарский и сербский народы? Довольствуйся своим, и не перечь Богу, и не желай того, что он другим даровал. Если ты могуч, то обнажи оружие против варваров, а не против Христовых людей, которым я пастырь по его благодати. Подумай, сколько крови христианской прольется и сколько матерей лишится детей! <...> Ради них дай же нам жить в мире и к своим домам возвратиться, ибо кто жаждет чужого, тот свое погубит». Тот же, услышав слова эти, словно зверь рыкнул: «Еще не настанет, — изрек, — утро, как <Стефан> падет и непобедимой нашей державы ногу себе на шею поставит, и пошлю я, чтобы связанным привели сего <Стефана>, и после мук смерти его предам». Стефан же, узнав об этом — о блаженная надежда! — вздохнул глубоко и сказал: «Господь мне помощник, и не устрашусь! Что сделает мне человек?» Построив полки и сыну вручив их, сам вошел в шатер и стал со слезами молиться Богу. И наутро вышел из шатра с просветленным от молитвы лицом и сказал сыну: «Говорю тебе, чадо, — иди, и Господь пошлет ангела своего перед вами, пишется ведь: гордым противится Бог, а смиренным дает благодать». И когда разгорелась битва, побежден был, и пленен, и убит царь болгарский; что другим готовил, от того и сам пострадал. Болгары же, покрыв себя позором и множество в бою потеряв, Александра, племянника царского, царем поставили и возвратились восвояси.

Стефан же возвратился с победой в землю свою, и со всеми пришел в обитель Вседержителя, любуясь там красоте ее, и слова о победе написал в честь Христа-царя. Затем созидает другую обитель невдалеке от той с многочисленными и добровидными кельями, снабдив ее одрами, и постелями, и одеждами, и всем необходимым для нужд телесных, собирает по всему царству множество страждущих, различными недугами и старостью угнетаемых, с гниющими лицами и иными частями тела — поистине трогательное зрелище для глаз милосердных и вызывающее слезы. Поставил же Стефан над всеми ими управителя из приближенных своих, мужа предостойного, и велел каждый день удовлетворять желания всякого из них пищей и питьем, вином и миррою благоуханною для ослабления жара от недугов, и лечить болезни, и во всем угождать им велел. И сам часто приходил туда в одежде воина и деньги раздавал или же открыто днем им кланялся и плоть их страждущую целовал со слезами, говоря им слова утешительные и хваля их, ибо за недолгое свое страдание царства бесконечного сподобятся; зачастую же и всю ночь с ними беседовал. И невозможно все добродетели его описать. Но поведаю о мученическом конце его.

Как-то после утренней молитвы Стефан задремал на одре, и предстал ему великий Николай и сказал: «Готовься теперь, Стефан, к близкой кончине, скоро Господу ты предстанешь». О благая весть! Проснувшись, со слезами возблагодарил он Бога, а также вестника, святого Николу, даровал много золота обеим обителям, чтобы хранили для нужд своих, остальное же сам роздал.

О СМЕРТИ СТЕФАНА

Стефан же, сын его, носивший также имя Душан, одолеваем был неутолимой жаждой царствовать, и когда не смог он угасить желания пламень, то в сопровождении большого войска и именитых вельмож вступил в Арванитскую землю и там препоясался властью на все царство и из-под власти отцовской землю эту отторг. Узнав об этом, кроткий Стефан не раз посылал к нему с просьбой отказаться от дела недостойного, и в единодушии жить, и в ближайшее время удостоиться благословения, и стать его соправителем. Но не хотела этого слышать на зло обратившаяся душа. Стефан же, предоставив все это Божьему суду, сам еще усерднее стал подвизаться в добродетелях, и терпел притеснения от сына, как Давид, и говорил, как Иов: «Если благое принял от руки Господней, то не стерпим ли злого». И не послушал он воевод, уговаривавших его послать их против сына, ибо, говорили они: «Страх в душу его вселишь, чтобы не воевал с тобой», — но ждал возвещанной ему кончины и заботился о странниках и нищих. Выбрав удобное время, сын его, а вместе с тем и недруг, явился со многими силами, пленил отца, с женой его и с детьми, и приказал отвести в другой город, в Вячен, а через несколько дней осудил на жестокую казнь — удушение.

О немилосердие того и бесчеловечность! Как не пощадил плоть отца своего? Как не облагодетельствовал старость родителей? Как не вспомнил изрекшего: «Почитай отца и мать!» Как злые слуги злого властителя посмели воззреть на священнолепное лицо того и святой его выи коснуться руками убийц! Как не отсохли у них оскверненные их руки и не ослепли глаза! Но как же стать мучеником, если не так? Един жребий мученичества, только смерть бывает различна. И так предал он Господу блаженную душу. И положен был в своем монастыре, и творил множество чудес.

И семь лет спустя явился еклесиарху, повелевая извлечь тело свое из земли. И оказалось оно нетленным и испускающим благоухание, и свершались от него чудеса — привратнику слепому вернулось зрение. И

как-то воевода, которому было поручено управлять монастырем святого, принялся оскорблять игумена и мучить братию, жившую в монастыре святого мученика и царя Стефана, и расхищать сокровища монастырские. И когда он в раздражении шел в монастырь, явился святой, и с коня сверг его, и два острия вонзил в гортань ему до самой груди. И так он в тот же день умер в муках.

Потом же во времена междоусобной брани послан был царствующими на охрану святого монастыря некто по имени Юнец. Он еще больше, чем предшественник его, оскорблял и мучил игумена и братию и не давал им ничего, в чем нуждались они, но все отбирал и присваивал себе. Братья же с игуменом молили святого Стефана избавить их от постигшей беды. Когда отправился Юнец на войну, то там привиделось ему во сне, будто бы находится он в монастыре и в церкви вышел ему навстречу некий грозный муж, в царских одеяниях, вышел он оттуда, где расположена рака святого, — с длинной седой бородой — и ударил его лампадой по лицу и по груди. И от сильного удара разломилась лампада. Юнец же хотел бежать, но святой, нагнав его, остатками лампады словно копьем, ударил по пояснице, и по спине, и в правое плечо и произнес: «Вот тебе возмездие, теперь научишься не нападать на мою обитель и на людей моих!» Юнец же, рыкнув, словно зверь, и, проснувшись, вскочил и, страдая от боли, рассказал всем о случившемся и против воли своей перенесен был в монастырь, где пролежал семь недель, и сгнило тело его и кости в месте удара, так что и внутренности его стало видно, язык отвалился, и зубы выпали, и все в монастыре страдали от исходившего от него смрада. Много и других чудес творил святой во славу Божью.

ИЗ ГЛАВЫ 199

ЦАРСТВО СЕРБСКОЕ

При этих царях греческих, Андронике и при сыне его Иоанне, стал в Сербской земле деспотом Стефан Душан после беззакония, которое совершил он против отца своего, святого краля Стефана, убив его и сотворив его мучеником, а себя — отцеубийцей и мученикоубийцей, и поэтому не долго прожил на свете этом, а сын его Урош был бездетен. И в дни их было нашествие безбожных агарян, и церквей запустение, и пленение, и войны междоусобные.

ИЗ ГЛАВЫ 201

ЦАРСТВО СЕРБСКОЕ

При царе этом Иоанне Палеологе был краль в Сербии Вукашин и брат его — деспот Углеша. Этот доблестный муж, деспот Углеша, подвигнул брата своего, краля Вукашина, и греческого царя Иоанна Палеолога, убедил послать с ними греческое войско и иных многих вельмож — всего до шестидесяти одной тысячи отборных воинов. И двинулись в Македонию на изгнание безбожных турок, не подумав о том, что никто не может противиться гневу Божьему. И поэтому не изгнали, а сами турками были перебиты, и там остались лежать непогребенными кости их. И великое множество погибло на острие меча, другие же в плен уведены были, а некоторые спаслись и вернулись. И такая злолютая невзгода охватила города и страны западные, равной которой ни очи не видели, ни уши не слышали. После гибели храброго мужа деспота Углеши воспрянули измаильтяне и полетели по всей земле, словно птицы по воздуху, и одних христиан мечами закалывали, других в плен уводили, а оставшихся смерть безвременная сгубила, а смерти избежавшие от голода погибли. Такой голод был во всех странах, какого не было от создания мира, ни потом — Христос милостивый! — да не будет. А кто от голода не умер, на тех, по воле Божьей, по ночам и среди дня нападали волки и пожирали их.

Увы! Печальное было зрелище: осталась земля без всех благ своих, и без людей, и без скота, и без всяких плодов. Не было ни князя, ни вождя, ни наставника людям, ни избавителя, ни спасителя, но все исполнились страха перед агарянами, и сердца храбрые доблестных мужей уподобились слабым женским сердцам. В то время прекратился и род сербских государей, насчитывавший семь поколений. Тогда завидовали живые умершим. Случилось же все это в году 6879 (1371), на двадцатом году царствования греческого царя Иоанна Палеолога. Потом собрались люди, и смилостивился Господь в ответ на вздохи и слезы их, и воздвиг в Сербии великого князя Лазаря, благочестивого и добродетельного, жена же ему была Милица, дочь князя Братка, из рода великого князя Вукана, сына святого Симеона, от нее же родились ему великий князь Стефан, Вук и Добровой. Стефан же впоследствии, за добродетели свои и мужество, удостоился у греческих царей деспотского сана.

ГЛАВА 202

О ВЕЛИКОМ КНЯЖЕНИИ В СЕРБИИ И О ТУРКАХ

При этом же царе греческом Иоанне Палеологе великий князь Лазарь возродил государство Сербское, пострадавшее от измаилтян, и стал строить церкви, и монастыри, и города. И вот внезапно из Персии в западные страны сербские переселились измаилтяне. Поведаю же о них, что известно, — откуда ведет начало их государство.

Был некий царь, по имени Хиридан, христианин верою, обладавший странами, расположенными между Персией и Арменией, ныне же эта страна именуется Ачамия. Случилось же, когда пресекся род царей греческих, что оказался выходец из стран этих в царствующем граде, и, воцарившись, обрел он греческий скипетр, а брат его воцарился в отечестве своем, в Ачамии, в персидских пределах, и был он христианином. Люди некие убедили греческого царя пойти войной на отечество свое и на брата своего, и он двинулся со всеми силами. Услышав же об этом, царь ачамийский постригся в монахи и пешим встретил брата своего. Узнал царь греческий, кто перед ним, тотчас же сошел с коня и сердечно приветствовал брата. И спросил его, зачем тот так поступил. Он же отвечал царю: «Какая мне выгода и польза, если явлюсь я виною кровопролития? Отец наш умер поцарствовав, и дед, и прародители все. Знай, что и я умру, сын же мой единственный с юных лет не стремится к власти, но так как по молодости своей еще не может он стать монахом, то ты отдай ему по завещанию монастыри, которые предки наши создали в стране нашей, чтобы они вскормили его, остальное же раздай, кому хочешь».

Умилился царь и все исполнил по его желанию. С той поры сын царя ачамийского и дети сына его обладали землями своими, служа греческому скипетру. Когда же усилились измаилтяне и захватили восточные страны, обратили земли те и самих правителей стран тех в нечистую свою веру, с ними и весь народ принудили отступить от христианства, увы! Правнук же царя того, который облек себя в монашескую рясу, пребывал в той нечистой вере агарянской, имя ему было Орхан, а старший сын его был — Сулейман. Сулейман этот, получив от отца власть, направился в западные земли, еще при жизни отца своего Орхана, в Галлиполии море перешел, проложив путь и остальным, при царе греческом Андронике, когда тот воевал с братом своим. Когда же умерли Орхан и сын его Сулейман, выдвинулся младший сын Орхана, по имени Мурад, покорил он множество народов на востоке и на западе и Турецкую землю, и поэтому турецким царем именовался. А затем пошел войной и на благочестивого великого князя сербского Лазаря. Тот же не смог дальше ждать, как Христовых овец будут мечами рассекать и в плен вести, но, словно ревностный пастух, устремился на волков, чтобы или избавить порученное ему Христом стадо, или самому, душу за него положив, вместе с ним погибнуть в муках.

Когда же сошлись в бою оба войска на месте, именуемом Косово, то некто, благороден и верен великому князю Лазарю, по имени Милош, оклеветанный завистниками, будто бы он нечестно служит князю, выбрал удобный момент показать преданность свою и мужество, устремился к предводителю агарян Мураду, объявив себя перебежчиком от великого князя Лазаря, агаряне же, расступившись, дали ему дорогу. Он же, оказавшись возле гордого предводителя агарян Мурада, бросился на него и, вонзив меч ему в сердце, убил, но и сам тут же был убит турками, дивный слуга Лазаря. И поэтому на первых порах стали одолевать соратники Лазаря, но сын того царя Мурада, Баязид, переломил ход боя и победил в этом сражении, по воле Божьей, так что блаженный великий князь Лазарь удостоился мученического венца, также и соратники его. Приказал беззаконный мечом убить того, исповедующего веру в Христа, соратники же его просили, чтобы их умертвили раньше, чем Лазаря, чтобы не видели они его кончины. Была же та битва в год 6897 (1389) 15 июня. Принял Лазарь мученическую смерть и поныне, словно живой, лежит в великой обители, им самим созданной, называемой Равница.

Тот же, льву подобный, которого Громом называют на родном ему языке, сын Мурада, по имени Баязид, поспешил возвратиться на восток, сесть на престоле отцовском, укрепить границы царства и подчинить себе восточные земли и Турецкую страну. Поэтому и именуется он царь турецкий.

О СЕРБСКОМ ВЕЛИКОМ КНЯЖЕНИИ И О БАЯЗИДЕ

Старший сын великого князя Лазаря, князь великий Стефан, остался еще малолетним с матерью своею и с братом своим Вуком. И не только измаилтяне, но и соседи его единоверные пошли на него войной. Потом же присылает гордый тот царь Баязид, сын Мурадов, в Сербскую землю, требуя покорности и служения себе, ибо многие страны завоевал и подчинил себе Срацимира, царя болгарского, и властителей албанского и боснийского. Захватил же и Солунь и другие города греческие. Затем попросил у великой княгини сербской младшую дочь ее Оливеру себе в жены, и за это пообещал сына ее, великого князя Стефана, считать своим сыном и землю их не разорять, а беречь. Она же, посоветовавшись с патриархом, и со всем священным клиром, и со всеми вельможами, отдала ее в жены великому эмиру Баязиду, чтобы было спасено христоименитое стадо от волков, его губящих. И с той поры оказалась Сербская земля в подчинении у измаилского царя Баязида и ежегодно сам Стефан с братом своим Вуком и со всеми подданными приходил к нему на службу.

О БИТВЕ ВАЛАХОВ И УГРОВ С БАЯЗИДОМ

После этого гордый царь Баязид, а с ним, по принуждению, и великий князь сербский Стефан двинулись в поход и перешли реку Дунай, ибо задумал он войну с уграми и валахами. И во время битвы с самодержавным великим воеводой валашским Иоанном Мирчем пролилось несказанно великое множество крови, тогда краль Марко и Константин погибли. Говорят же, что блаженный Марко сказал Константину: «Я молю Бога, чтобы явиться защитником христиан и первым пасть в этой битве». Потом же царь Баязид заключил с ними мир и ушел восвояси. И многие страны царь Баязид завоевал, подошел он и под стены царствующего града. Узнав об этом, король угорский, который и немецким именуется, и сарматским, и германским, и британским, и угорским, со множеством воинов перешел Дунай и занял Никополь. Услышав это, царь Баязид снял осаду царствующего града и с яростью устремился на того. И в разгоревшейся битве сначала король обратил вспять агарян, но потом царь Баязид обошел всех военачальников своих, укрепляя дух их просьбами и наставлениями: «Если, — говорил, — нас победят, будем и мы, и дети наши на острие меча. Лучше нам сейчас единожды умереть или, победив, великие блага приобрести». Они же от этих слов воспрянули духом и одолели бесчисленное королевское войско: одни были изрублены, другие утонули в Дунае, иные бежали в царствующий град. Баязид же двинулся на угров, и большой полон взял, и многие города захватил.

ГЛАВА 203

ЦАРСТВО ГРЕЧЕСКОЕ

В 6899 (1391) году после Иоанна Палеолога начал царствовать в Царьграде сын его Мануил и царствовал тридцать три года. Так как государство греческое притесняли агаряне — упомянутый турецкий царь Баязид, царь Мануил оставил в Царьграде благочестивого царя Иоанна, племянника своего, а сам отправился в Рим, чтобы восстановить единство церкви и всем вместе выступить против агарян, ибо многие беды обрушились на царствующий град, и все пути в него были заняты агарянами, и город подвергался неожиданным набегам. Благочестивый же народ из-за длительной осады города страдал от голода, и неимущие по ночам перебегали к агарянам. В то время, когда Мануил, царь греческий, из-за всех бед этих находился в Риме, пришел персидский царь Тимур, словно лев, распаленный яростью, и, победив,

взял в плен царя Баязида, похвалявшегося, что разорит царствующий град.

О ТИМУРЕ, ПОБЕДИВШЕМ ЦАРЯ БАЯЗИДА. ПОВЕДАЮ, ОТКУДА ПРОИЗОШЕЛ ЭТОТ ТИМУР

Есть страна некая к северо-востоку от Индии, называемая Арарь, именуется же она и Междуречье, ибо две реки обтекают ее. В той стране и явился Тимур, сын старейшины некоего селения, жестокий нравом; он, напав по-разбойничьи, перебил некиих пастухов и забрал овец их, и тогда ранили его стрелой в ногу, и от этого остался он хромым и получил прозвище Аксак. С той поры, разбогатев, собрал он тысячу мужей и с ними неожиданно напал на наместника, по имени Камарадин, командовавшего десятью тысячами воинов. Победив его, Тимур захватил страну ту, и с теми десятью тысячами напал, также внезапно, на самого властителя персов, и, вступив в Персию, пленил того властителя, и всеми персами стал повелевать, и было у него воинов сто и пятьдесят тысяч. После этого покорил он все окрестные страны, и захватил несметные богатства, и, все страны восточные разгромив, едва ли не всю Элладу обошел, и хвастался, что покорит Запад. Царь же Баязид, покоряя себе восточные и западные земли, похвалялся захватить и царствующий город. Посылает к нему Тимур, дани и покорности от него требуя. Пришел в ярость царь Баязид и стал готовиться к войне. Ожесточил Бог его, как фараона, и советников своих не послушал, хотя наперсник его и говорил ему: «Послушай меня, господин, что требует — отдай, скоро он в иную страну уйдет». Но тот сказал: «По мне лучше так — или все приобрести, или мужественно умереть». Возразил ему советник его: «А что, если, господин мой, ни того ни другого не достигнешь?» Баязид же не послушал его. И разъярился персиянин, и по всем полям и горам двинулись его войска. Баязид же собрал воинов с востока и с запада, и сербского князя Стефана к себе призвал, и двинулся на Тимура. И одолел Тимур в битве, и был схвачен турецкий царь Баязид, и Тимур стал возить его с собою в железной клетке. Пришел советник Баязида туда, где находился пленный, и сказал ему: «Видишь, господин, разве не сбылись мои слова?» И горько оплакал тот свое упрямство. Случилась же битва эта в 6911 (1403) году.

Тимур же двинулся на юг, в сторону Египта, и едва не всю Элладу обошел, а когда и стены Дамаска сокрушил, то собрался пойти на Иерусалим. Но сказали ему, что с давних пор всякий, кто зло причинит Иерусалиму, Богом наказан бывает, и поэтому не решился он идти к Иерусалиму, а снова двинулся на восточные страны. И сколько зла претерпели от него жители тех стран, которые не покорились ему: приказывал закапывать их во рвах вместе с женами и детьми, отдавал на растерзание зверям и на иные муки. Повсюду было много детей

осиротевших и молящих о пощаде, безбожный же Тимур, толпы детей увидев, приказал растоптать их конскими копытами: «Этим, — говорил, — освободил я их от горя и бед мира сего». И многое совершал тому подобное.

Было некое царство на берегу моря, недоступное из-за окружавших его высоких гор, и вела к нему единственная дорога, и на дороге той была построена для ее охраны крепкая башня с железными воротами. Пришли к Тимуру послы от царя той страны. Тимур же выпил много крови. И когда явились послы, притворился перед ними тяжело больным, будто находится при смерти и готов сделать все по воле их, и во время беседы с ними начал кровью той блевать, словно бы уже умирает. Через некоторое время приказал послов тех отпустить, велев сказать им, что умер Тимур. Они пошли радостные и рассказали об этом своему царю. Тимур же, поднявшись ночью, напал на них и застал ту башню неготовой к обороне и захватил ее. Наутро же достиг и страны той, и ее разорил, и властителя ее полонил.

И так поступая, все страны словно на крыльях облетал, и нигде не оставлял властителей и царей, но всех убивал и истреблял, и говорил, похваляясь: «Александр Македонский себе на посмешище всю землю обошел: мало даров ему несли и мало почестей оказывали, он сам больше одаривал». И еще Тимур говорил: «Северными странами следует на запад пройти, Индию же, и западные страны, и амазонок, и все концы земные нужно покорить и там свершить то же, что и везде», — не ведая, что покинет его душа и возвратится в землю свою, и в тот же день рухнут все замыслы его. Вернулся Тимур в Персию, завоевав Ассирию, и Вавилонское царство, и Себастию, и Армению, и все Орды пленил, завоевал Синюю Орду, расположенную близ Индии, и Сарай Великий, и Чегатай, Тевриз, и Гурзустан, и Абхазию, и Гурзов, и оттуда пошел в Охтой, захватил и Шамахию, и Китай, и Крым и, ополчившись, двинулся к Великой Орде. И сеял просо на шесть месяцев, чтобы прокормить такое множество воинов в пустынях, простирающихся до края мира, было же воинов у него более четырехсот тысяч.

И пришел Тимур в Великую Орду и царя Тохтамыша, победив, прогнал. И там загорелся, окаянный, желанием пойти на Русь. И царя турецкого Баязида в железной клетке с собою возил. И пришел к пределам земли Рязанской в дни благочестивого великого князя Василия Дмитриевича, и захватил город Елец, и князя елецкого полонил. Охватил страх всю землю Русскую. Князь же великий Василий Дмитриевич стал на берегу реки Оки и послал во Владимир за иконой Пречистой Богородицы, которую, говорят, написал Лука-евангелист. Привезли ту икону с Пирогощею в одном корабле из Царьграда. Князь же Андрей Боголюбский перенес ее из Киева во Владимир и оковал ее золотом более чем на тридцать гривен наших русских и камнями драгоценными

и жемчугом ее украсил. И когда прибыл образ Пречистой, встретили его священники со всем народом, молясь со слезами. Тимур же простоял пятнадцать дней на одном месте, и когда прибыл образ пречистой Богородицы, то напал на него страх и трепет, и отступил он, гоним Божьим гневом. Великий же князь и все люди устроили праздник светлый, и церковь воздвигли, и заповедовали праздновать чудо пречистой Богородицы.

Тимур же в отечество свое возвратился, Арарь именуемое. Затем снова отправился в путь со всем своим войском, пришел в Охтой и задумал снова пойти в земли Орды и на Русь, а пока остался зимовать в этой стране, и от лютых морозов погибло множество его воинов. Поведали ему, что сто восемнадцать шатров осталось пустыми, он же, двадцать шуб на себя напялив, пошел сам, чтобы в этом убедиться. Но из-за мороза не смог всего увидеть и возвратился в свой стан. И от такого холода повредились внутренности его. Собрал он врачей, и они дали ему мед вареный, но когда выпил он его, то разорвало ему утробу. И пролежал он шесть дней, и потом кровь пошла у него горлом и задним проходом, и три дня спустя он умер. Воины же его разошлись каждый в свою землю. Сын же этого Тимура остался править персами, внук же его, по имени Шарух, и доныне обладает персами.

О СУЛЕЙМАНЕ

Когда попал в плен турецкий царь Баязид, сыновья его удержали за собой земли восточные: старший сын его Сулейман остался в западных землях, второй — Муса бежал в Турцию, третий — Асбег поселился в Анатолии, пока не был убит Сулейманом, четвертый — Мехмед-султан — в горной стране, он после всех стал царствовать.

ЦАРСТВО ГРЕЧЕСКОЕ

После той брани пришлось греческому царю Мануилу прибыть из Рима в Галлиполи, куда с востока пришел царь Сулейман, старший сын царя Баязида, и тут царь греческий Мануил договорился жить с ним в дружбе и любви, как отец с сыном. Тогда Сулейман и Солунь возвратил грекам. Сулейман тот во всем был благоразумен, только к вину был пристрастен, из-за чего в скором времени и погубил жизнь свою и царство. Прибыл царь греческий Мануил в Царьград, и ему, словно отцу, повиновался царь Иоанн, племянник его, хотя и подстрекали его некие, но не захотел поднять он руки на блаженного Мануила и уехал в Солунь, которую тот дал ему в управление. Распространились тогда

греческие владения даже до Визы и выше по берегу Черного моря, на окрестности Силимврии, на Ахайю и Солунь. Царь же Мануил сел на престоле своем, благодаря Бога, проводящего сквозь огонь и воду.

Потом же царь Мануил послал к великому князю Василию Дмитриевичу, прося у него за себя дочь его Анну, которую тот отпустил с великой честью. И устроен был царем Мануилом многодневный брачный пир, любочестный и всенародный, в царствующем граде и для своих и для приехавших — пиршество великое, и обильные трапезы, и обед пышный. И послов отпустил с большими дарами и с подарками. Царствовал же Мануил тридцать три года, и родила ему Анна-царица шесть сыновей: Калуяна, Андроника, Федора, Константина, Димитрия и Фому. ...

ГЛАВА 204

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ СЕРБСКОЕ

После Анкарской битвы, в которой Тимур победил, и пленил, и увел с собою царя Баязида, и все принадлежащее ему захватил, и сестру Стефанову, великого князя сербского, бывшую за Баязидом. Князь же великий Стефан посылает к Тимуру послов и выводит ее из плена, сам же с братом своим Буком приходит в царствующий град и там от царя Мануила — еще был он в живых — удостаивается сана деспота, и многие почести воздал ему царь и отпустил его.

Пришел же Стефан с братом своим в город свой Новоброд, город серебряный, а по правде сказать — золотой. После убийства царя Баязида освободилась Сербская земля от ярма и подчинения басурманам, и с той поры деспот Стефан стал милостью Божьей самодержавным господином всей земли Сербской. И, обойдя землю отечества своего, иных смирил, иных себе подчинил, а те города и селения, которые в прежние времена были отторгнуты от Сербской земли, себе возвратил. Приступив, возвратил и Белград, который прежде отторгли угры, и с миром получил его от Угорской земли. Этот Белград, хотя и лежит в пределах сербских, но словно бы на сердце и на плечах земли Угорской. Также и остальные города свои вернул, которые были дерзко захвачены турками.

И стал подолгу жить в Белграде, ибо место, где стоит тот город, очень красиво, и морем, и реками, и пристанями украшено, и отовсюду к нему корабли со множеством благ всяких словно на крыльях летят. Украсил Стефан город этот крепостными стенами и палатами царскими, а кроме того, и церковью соборной, и архиепископию создал, и всем необходимым ее снабдил, и в ней жилище инокам устроил. Архиепископ же тот белградский был экзархом всей Сербской земли. Построил же Стефан и церковь во имя чудотворца Николы, и, как монастырь, обстроил ее красивыми зданиями и постройками, и всем необходимым обеспечил. И собрал при ней множество больных и прокаженных, и насадил вокруг множество деревьев для прохлады. Потом обрел место красивое, пустынное и пригодное для пребывания в молчании, и создал там храм во имя живоначальной Троицы, и всем лучшим его украсил и живописью, и стену вокруг возвел, а в стене — кельи. Собрал же множество иноков, любезных Богу, и поселил их тут, и всем потребным обеспечил, и изо дня в день привозил сюда сокровища. Соорудил же здесь и гробницу себе, в которой в скором времени и был положен. Даровал сюда и иконы, украшенные золотом и жемчугом и множество книг, и сосуды, и ризы, крупным жемчугом и золотом украшенные, каких не было и в великой Лавре Святой Горы, и светильники золотые. Призывает же и патриарха Кирилла со всеми святителями Сербской земли и освящает храм в день святой Пятницы. Начал же строить обитель в 6915 (1407) году. Собралось сюда множество нищих, которым он раздал щедрую милостыню. И постоянно сам ходил по ночам по улицам города и раздавал нищим одежду и золотые монеты. И один из них несколько раз подходил и получал милостыню и вновь подошел просить. Он же, дав ему, сказал: «Возьми, вор и хищник!» Тот же ответил ему: «Не я, а ты вор и хищник: владея здешним царством, и будущее крадешь и похищаешь».

СУЛЕЙМАНЕ

После этого царь Сулейман, старший сын царя Баязида, прислал к деспоту Стефану, желая заключить с ним договор о мире, что и сделал. Сам же Сулейман двинулся на восток, добиваясь земель отцовских, и брата своего Асбега, преследуя, убил, и земли восточные завоевал и Турецкую страну. Сербская же земля после заключения мира с Сулейманом жила в покое. Но не мог стерпеть того лукавый: побудил брата Стефанова, Бука, и тот, взяв у царя Сулеймана много воинов, сказал: «Пусть отдаст мне брат мой, деспот Стефан, половину отчины, и с ней я буду служить тебе, если же не даст, я завоюю ее и опустошу». Деспот же Стефан не хотел стадо благочестивое, которому Господь даровал свободу, снова отдать в турецкое рабство. Вук же и агаряне прошли, словно дикие звери, по всей земле, в полон забирая и предавая все огню и мечу, потом и вторично пришел Вук с еще большим войском. Стефан же не выступил против них, чтобы не быть виновным в пролитии крови брата, а также опасаясь наветов своих же сподвижников, ибо Вук, посылая послания к приближенным деспота,

всех их переманил к себе то обещанием даров, то угрозами. Деспот же, держа в руках его послания, плакал во дворце своем в Белграде перед образом Спасовым: «Видишь, Христос, — говорил, — как несправедливо на меня ополчаются, и отроки мои меня предают, как некогда ученик твой Иуда, и сохрани до конца хоть малое число людей, оставшихся со мною». Вук же с агарянами всю землю опустошил. Видя это, разделил Стефан страну. Вук же стал служить Сулейману вместе с племянниками своими, то есть с сестричами, и все они отеческую землю держали, а Стефан жил в оставшейся у него части.

О МУСЕ

После этого Мусу, брата Сулейманова, призвал к себе властитель угров и валахов, пребывавший на северо-востоке, и вручил ему воинов в помощь, чтобы пошел тот войной на брата своего Сулеймана и отомстил за него. Посылает Муса и к деспоту Стефану, и к брату его Вуку, чтобы и они, и племянники Вуковы пошли с ним. А Сулейман заключил союз с греческим царем Мануилом и с фрягами. Узнал же Муса о намерении Вука бежать к Сулейману и решил его убить, но выручил того деспот, а Вук той же ночью бежал. Разгорелась жестокая битва, и победил Сулейман Мусу. Муса настиг Вука в Филиппове-граде и приказал убить его и племянника его Лазаря. А затем, словно разбойник, выследив своего брата, настиг его, вином упившегося, в Адрианове-граде и приказал его удушить.

И стал Муса обладать всеми скипетрами и заключил мир с деспотом Стефаном, а Стефан снова остался единственным самодержцем земли Сербской. Царь Муса, подчинив себе многие страны, напал затем и на деспота Стефана, чтобы вконец разорить Сербскую землю. Заранее пообещал все города вельможам своим и, напав, в 6921 (1413) году захватил много городов: Больвин, и Липовец, и Сталак, и Коприян. Видя это, посылает деспот Стефан к восточному султану Мехмеду, сыну Баязидову, младшему брату Мусы, и заключает с ним союз. И пришел Мехмед-султан с востока, деспот же с запада, а с ним угорские воеводы и боснийские властелины. Муса же отступил в горы, задумав устроить там засаду, чтобы не смог уйти никто из воинов султана и деспота. А деспот отправил с войском Георгия, племянника своего. И в завязавшейся битве побежден был Муса и побежал, и утопили его в реке.

О МЕХМЕДЕ

Воцарился Мехмед над востоком и западом и над всеми турками, и был он добродетелен и кроток. Пришел к Стефану и господин Георгий, и оказал почести ему деспот Стефан, и одарил богато, и Бога восславил за все случившееся. И настала тишина великая. Стефан же, как всегда, был щедр на милостыню, кормил странников и прокаженных, а если слышал, что пребывает кто-либо из иноков в молчании, то щедро одарял его всем необходимым. Установил же и чин, как следует прислуживать ему: одни во внутренних покоях ему предстояли, с ними советовался он об устроении своего царства, и беседовал о том, что прочел или услышал, и призывал подражать достойно царствовавшим и благочестиво власть державшим, а злых сторониться, ибо, говорил: «Путь нечестивых ведет к гибели». Другой чин пребывал во внешних покоях, они от находившихся во внутренних покоях получали распоряжения его. Третий же чин пребывал вне покоев, и их посылал средний чин исполнить повеления деспота. Полностью отрекся он от звуков тимпанов и от всякой музыки: «Это, — говорил, — прилично лишь во время боя». Ко всем, кто служил ему, был он по-отцовски щедр, а тех, кто был наказан за свое ослушание и от власти отстранен, или изменой своей себя погубил, или дурной службой, или иным каким-либо образом обнищал, тех не лишал он отеческого, и дедовского, и прадедовского владений: «Ибо, — говорил, — не казнит Бог дважды за одно прегрешение», — и провинившегося, подражая Соломону, благодетельствовал как нищего. Все же бывшие при дворе его относились друг к другу с благоговением, особенно приближенные его, и не слышно было среди них ни крика, ни ругани, ни смеха, и не видно неряшливости в одежде. К тому же воздерживались они от того, чтобы всуе смотреть на все, и никто даже из великих не мог видеть их. Что же было всего удивительнее, что и любовью к женщинам не был он побежден.

Умер племянник его Болша, властитель албанский, и пошел деспот Стефан в ту страну и принял под власть свою албанцев. Когда он еще находился в стране той, пришел в Белград из Венгрии Константин, сын Срацимира, царя болгарского, и тут же в Белграде и умер в году 6930 (1422).

О МЕХМЕДЕ

Султан же Мехмед, младший сын царя Баязида, жил в мире со всеми, с кем до того заключил союз, и умер в Адрианове-граде. Многие из единоплеменников побуждали деспота Стефана пойти войной и захватить земли Мехмеда, но он отвечал: «Поклялся я султану, что детям его буду добро творить». Сыновья же Мехмеда-султана были Мурад и младший — Мустафа, который с помощью греческого царя захватил ряд земель на востоке. Мурад же двинул против него войско. Вышел Мустафа на битву из Никейского града и был тут убит. И стал

Мурад царем над востоком, и западом, и над турками, и с греками враждовал за то, что брату его помогали, а с деспотом Стефаном был в большой дружбе.

В то время стал деспот болеть ногами. И призвал племянника своего Георгия, и поставил его деспотом всей Сербской земли. Вскоре покинул он этот свет, в году 6935 (1427) 19 июня. Была в тот день в Белграде страшная гроза, какой никогда не бывало, и тьма распростерлась над всей нашей страной, так что казалось, будто бы наступила ночь, и лишь при заходе солнца немного посветлело. Оплакав горько, положили деспота возле Белграда в монастыре живоначальной Троицы, в гробнице, которую он сам создал. <...>

ГЛАВА 206

О ЦАРСТВЕ СЕРБСКОМ И О ЗАПУСТЕНИИ ЕГО

При этом же Калуяне, царе греческом, наследовал в Сербии Стефану деспот Георгий, племянник его. Царь же турецкий Мурад, узнав о преставлении Стефанове, пришел войной и захватил город Крушевец, и другие города подчинились ему, сдался ему и город Голубец. Пришел же и к Новоброду, серебряному городу, где серебро ковали, но не достиг ничего, и когда наступила зима, снял Мурад осаду. Послал к нему деспот и просит мира для оставшихся в живых. Тот же, заключив мир, некоторые города возвратил деспоту.

И не только от турок пришло разорение и беды на Сербскую землю, но и западный венгерский король подступил к царскому городу — так говорю я о прекрасном и великом Белграде, и отдал его с миром сам деспот Георгий, опасаясь турок. Когда свершилось это, подобает нам воскликнуть вместе с пророком Захарией, как некогда о Иерусалиме: «Раствори, Белград, врата свои, и пожрет огонь кедры твои — вельмож твоих и исконных жителей!» И дальше оплачем здесь вместе с пророком Иеремией запустение Белграда, нового Сиона: «Куда же въяве внезапно исчезло все светлое и все прекрасное, что было внутри и вне? Где лица веселые? Где переполненные церкви, торжества и молитвы и где исхожения (на крестные ходы)? Внезапно все опустело, все исполнилось печали, храмы разорены и сожжены, люди изгнаны».

Было же и иное знамение, возвещавшее беды, ожидающие город. Поздним вечером, когда мы еще не спали, внезапно послышался с другой стороны реки словно бы звук трубы, и постепенно нарастал он, пока не усилился настолько, будто бы раздается он уже в посаде, и перед самыми стенами и уже по всему городу, и так продолжалось часа три, и думали, что какое-то войско подступило к городу, и все вышли с огнем посмотреть, что же случилось. Было же и другое знамение: вознеслись в городе в воздух божественные иконы из великого храма. Случилось же все это, как подобает при втором пришествии: Царица и Владычица, и Иоанн Предтеча с обеих сторон образа Спасова, и двенадцать апостолов, по шести с обеих сторон, которых чтили как славу и защиту города, а теперь это — знак того, что оставлен он ими, увы! Еще ранее того осыпал воздух город искрами, которые возгорались и снова гасли; а перед этим вихрь сорвал крыши с церквей и сбросил на землю, и дома многие разрушил, и дом сестры деспота Стефана. А затем пришел некто из страны Мисикии, юродивым представляясь, но поступки его выдавали в нем тайного раба Божьего, и расхаживал он по городу день и ночь с горьким плачем, «о горе» и «увы!» восклицая, пока не стало известно о нем деспоту Георгию. Он же милостыней того одаривал, а тот, по обыкновению своему, нищим ее раздавал. Это явилось знамением не одному только Белграду, но и предвещало грядущее разорение всей земли Сербской, на которое обрекли ее безбожные турки с царем своим Мурадом, захватившим и разорившим множество сербских городов; а Бог допустил до этого за грехи наши.

ВИДЕНИЕ ХУТЫНСКОГО ПОНОМАРЯ ТАРАСИЯ

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева

ВСТУПЛЕНИЕ

«Видение хутынского пономаря Тарасия» — одно из «чудес», входящих в распространенную редакцию «Жития Варлаама Хутынского». В основе «чудес» этой редакции «Жития» лежат устные легенды, бытовавшие в Новгороде и связываемые с личностью популярного новгородского святого. Возникали они как рассказы о достопримечательных событиях и уже позже включались в «Житие». За рассказом о видении пономаря Тарасия, которое произошло в 1505 г., стоят реальные события новгородской истории. В 1506—1508 гг. в Новгороде свирепствовала моровая язва. Вот что пишет об этом новгородский летописец: «При великомъ князе Василье Ивановиче всея Руси и при архиепископѣ новгородцкомъ, владыцѣ Серапионѣ, бысть въ Новѣгородѣ моръ велми великъ железою, паде же и людеи безсчислено, и того бысть по три осени. Послѣднюю же осень, лѣта 7016 (1508), паде

людей, мала и велика, мужеска полу и женьска, 15000 душь и 400 безс четырехъ головъ» (Четвертая Новгородская летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925. С. 460). В том же 1508 г. в Новгороде произошел пожар, про который летописец пишет, что такого страшного пожара еще никогда не бывало. Назвав число сгоревших — 2314, летописец добавляет: «утопшихъ же и згорѣвьшихъ в пепелъ число Богъ вѣсть, а горѣло день да нощь да на завътрее до полуденъ» (там же. С. 461). Оба события, хронологически следовавшие одно за другим, объединились в сознании новгородцев в единое бедствие и послужили основой легенды о видении пономаря Тарасия, которая возникла под свежим впечатлением от несчастий, обрушившихся на Новгород. Д. С. Лихачев очень убедительно соотносит время возникновения рассказа о видении хутынского пономаря с постройкой в монастыре в 1515 г. нового храма: «В 1515 г. по повелению московского князя Василия Ивановича в Хутыне на холме был воздвигнут новый Преображенский собор — самый высокий по своим размерам из новгородских церквей. Это был один из немногих поздних новгородских храмов, имевших внутренний ход на кровлю, с которой открывался единственный и неповторимый вид на Новгород: город расстилался на юг от собора, был виден во всех своих деталях, а за городом, как бы нависая над ним, на самом горизонте стояло казавшееся выпуклым Ильмень-озеро. Открывавшаяся с крыши Хутынского собора панорама могла быть поводом к созданию легенды» (*Лихачев Д. С.* Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959. С. 90). Изобразительность рассказа о видении пономаря Тарасия нашла отражение в новгородской живописи: до нас дошло семь новгородских икон, посвященных этому сюжету.

Текст «Видения хутынского пономаря Тарасия» публикуется по списку XVII в.: Древлехранилище Института русской литературы РАН, собр. Каликина, № 35 (лицевой сборник житий новгородских святых).

ОРИГИНАЛ

ВИДЕНИЕ ХУТЫНСКОГО ПОНОМАРЯ**[1]** ТАРАСИЯ

МОЛЕНИЕ ПРѢПОДОБНАГО ОТЦА ВАРЛААМА[2] О ГРАДѢ И О ЛЮДЕХЪ

В лѣто 7013 бысть чюдо прѣславно и видѣние ужаса исполнено въ прѣчестней обители боголѣпнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа и прѣподобнаго и богоноснаго отца нашего Варлаама.

Бывшу пономарю в церкви святаго Спаса в полунощи нѣкия ради потребы церковныя, Тарасию именемъ. Видитъ на паникадилех[3] и въ

свѣтилницѣхъ свѣща вся вжегшася, и кадила[4] возгорѣшася, и от благоухания благовоннаго фимиана и ливана церковь исполнену. И зритъ понамарь очима, — не во снѣ, но явѣ, — из гроба своего исходяща прѣподобнаго чюдотворца Варлаама и бывша в церкви святаго Спаса. И нача прѣподобный Варлаамъ молитися Господу Богу нашему Исусу Христу и Прѣчистѣй его матере, Прѣсвятѣй Богородицы, и всѣмъ святымъ со слезами и с великимъ умилениемъ, яко на три часы. Понамар же бысть во ужасѣ велицѣ.

И прииде к пономарю Тарасию самъ Варлаамъ чюдотворецъ и глагола ему: «Брате Тарасие, хощетъ Господь Богь погубити Великий Новъград. Взыди, брате, на самый верхъ церковный и узриши пагубу Великому Нову-граду, что хощет ему Господь Богъ сотворити».

Понамар же Тарасие по глаголу преподобнаго Варлаама чюдотворца взыде на самый верхъ церковный и видит чюдо страшно и грозы исполнено: над самымъ Великимъ Новымъ-градомъ езеро Ильмерь воздвигшеся на высоту, хотя потопити Великий Новъградъ. Понамар же Тарасий, видѣвъ страшно видѣние, вельми ужасеся и бѣжа с церкви святаго Спаса, страхомъ велиимъ одержимъ, вниде в церковь. Прииде к нему святый Варлаамъ и вопроси его, что видѣ над градомъ. Пономар же повѣда святому Варлааму чюдотворцу езеро Ильмерь воздвигнувшеся над Великимъ Новымъ-градомъ.

И рече понамарю святый Варлаамъ: «Господь Богь хощет Ильмеремъ езеромъ потопити Новъградъ за умножение грѣховъ людскихъ всенароднаго множества и за беззаконие и неправды ихъ». По семъ паки начат со умилениемъ и слезами молитися Господу Богу и Пречистѣй Богородицы на три часы. И посла *понамаря Тарасия ити* на церковь святаго Спаса видѣти, что ся творит над Великимъ Новымъ-градомъ.

По глаголу же чюдотворца Варлаама взыде второе пономарь Тарасий на церковь *святаго* Спаса вверхъ. И видит множество аггелъ стрѣляющих огнеными стрѣлами, яко дождь силный ис тучи на множества народа людскаго, на мужи, и жены, и на дѣти их. И колико бяше людий, мужей и женъ и дѣтей, пред всякимъ мужемъ или женою, или отрочатемъ, или пред дѣвою, пред всякимъ человѣкомъ стояща аггела хранителя, держаща книги и зряща в них повелѣния Божия. И кий человѣкъ обрѣташеся написанъ в живых, того аггелъ хранитель помазоваше кистию из сосуда, азъ же мню небеснаго мира,[5] и абие той человѣкъ исцѣление приимаше и здравъ бываше от смертоносныя азя аггелъ немилостивых язвы. Егда же видяше аггелъ человѣка, емуже умрети написано в книзѣ судебъ Божиихъ повелѣниемъ Владыки Христа Бога,

абие, не помазавъ его миромъ, аггелъ хранитель унылъ отхожаше от человѣка, бояся преслушания своего Владыки повелѣния. Аггели же хранители предстоящих пред всякимъ человѣкомъ, озрящих в книги, овѣх мазаху ис сосудовъ кистьми, а иныхъ не мажуще отхожаху. Он же, ужасеся страхомъ великимъ одержимъ, бѣжа с верху церковнаго святаго Спаса и вниде в церковь.

И вопроси его святый Варлаамъ чюдотворецъ, како видѣлъ видѣние над Великимъ Новымъ-градомъ. Пономарь же начат повѣдати святому Варлааму, еже видѣ множество безчисленое аггелъ Божиих, с небесе стрѣлы огнены испущающихъ на множества людей.

Начатъ же прѣподобный Варлаамъ молитися Господу Богу и Пречистѣй Богородицы и всѣмъ святымъ со слезами и с великим умилениемъ. И глагола чюдотворецъ Варлаамъ к пономарю Тарасию: «Брате, за молитвы Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ ради молитвъ пощадилъ Господь Богъ людей своих, еже не погубилъ потопомъ града, но посылаетъ Господь Богъ на люди моръ — казнь, но с милостию, рекше с покаяниемъ. Самъ рече Господь во святѣм Евангелие: “В чемъ тя застану, в том тя и сужу”. И будетъ моръ три лѣта». Еже и бысть в тѣ три лѣта Божие посѣщение — моръ.

И паки помолися святый прѣподобный Варлаамъ на многъ часъ, и посла третие пономаря на церковь: «Что увидиши над градомъ?» По словеси же чюдотворца Варлаама взыде на церковь пономарь и видѣ тучю огнену надъ градомъ, и паки бысть в велицѣ ужасѣ. И сниде съ церкви пономарь, и вшед в церковь святаго Спаса и видитъ пономарь чюдотворца Варлаама молящася Богу.

И вопроси прѣподобный Варлаамъ пономаря, что видѣлъ над градомъ. Пономарь же нача повѣдати святому прѣподобному Варлааму, еже видѣ над Великимъ Новымъ-градомъ тучю огненну. И чюдотворецъ Варлаамъ рече пономарю: «По трех лѣтехъ послѣ мору будет пожаръ силенъ в Великомъ Новѣграде, Торговая сторона вся погоритъ,[6] и множество много людей згоритъ, понеже, брате понамарю Тарасии, Пречистая Богородица со всѣми святыми умолила сына своего и Бога нашего Иисуса Христа и избавила град свой от потопа». И помолився преподобный Варлаамъ Господу Богу и Пречистѣй Богородицы и всѣмъ святымъ, вниде во гробъ свой. И свѣщи и кадила сами о себѣ погасошася.

---

[1] *Пономарь* — церковнослужитель низшего чина, в обязанность которого входило прислуживать в церкви при исполнении различных церковных треб: он зажигал свечи, приготавливал кадила, звонил в колокола. Во второй половине XIX в. должность пономаря была упразднена. Особое положение пономаря в церкви — он связан со всем, что происходит в церкви, а вместе с тем он самый низший церковнослужитель — обусловило то, что полусказочные чудесные истории из церковной жизни, как правило, связываются с образом пономаря. Среди многочисленных поговорок о пономарях бытовала и такая: «Пономари близко святости трутся, а во святых нет их» (см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка).

[2] *Варлаам* — в миру Алекса Михайлович, новгородец, основатель Хутынского монастыря, умер в 1192 или 1193 г. Хутынь — местность в десяти километрах на север от Новгорода, вниз по течению Волхова, на правом берегу.

[3] *Паникадило* — большая люстра или большой подсвечник со свечами в церкви.

[4] *Кадило* — металлический сосуд, в котором на раскаленных углях курятся ароматические вещества (ладан, фимиам). В древности были двух видов: большие, неподвижно стоявшие или висевшие перед престолом и иконами, и маленькие — ручные, на цепочках.

[5] *...небеснаго мира...* — Миро — благовонное масло.

[6] *...Торговая сторона вся погоритъ...* — Часть Новгорода, расположенная по правому берегу Волхова, напротив Софийской стороны. Пожар 1508 г. начался с Торговой стороны: «Мѣсяца августа 20 день... загорѣлося въ Великомъ Новѣгородѣ Торговая сторона въ 11 часъ нощи, и згорѣ вся...» (Четвертая Новгородская летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 460).

ПЕРЕВОД

ВИДЕНИЕ ХУТЫНСКОГО ПОНОМАРЯ ТАРАСИЯ

МОЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА ВАРЛААМА О ГОРОДЕ И О ЛЮДЯХ

В год 7013 (1505) было чудо удивительное и видение, полное ужаса, в пречестной обители божественного Преображения Господа Бога и

Спасителя нашего Иисуса Христа и преподобного и богоносного отца нашего Варлаама.

Случилось однажды, по церковной надобности некоей, пономарю, по имени Тарасий, быть в церкви в полночь. И вот видит он — в паникадилах и в светильниках все свечи зажглись, а кадила сами разгорелись, и наполнилась церковь неописуемым благоуханием фимиама и ладана. И увидел пономарь собственными глазами, наяву, а не во сне, как вышел из гробницы своей и встал в церкви святого Спаса преподобный чудотворец Варлаам. И начал преподобный Варлаам молиться Господу Богу нашему Иисусу Христу, и Пречистой его матери, Пресвятой Богородице, и всем святым, и так молился со слезами и с глубокой скорбью целых три часа. Пономарь же пребывал в страхе великом.

И подошел к пономарю Тарасию сам Варлаам-чудотворец и говорит ему: «Брат Тарасий, хочет Господь Бог уничтожить Великий Новгород. Поднимись, брат, на самый верх церкви и увидишь, какую пагубу хочет Господь Бог наслать на Великий Новгород».

И пономарь Тарасий, вняв словам преподобного Варлаама-чудотворца, поднялся на самый верх церкви и увидел чудо странное и ужаса преисполненное: высоко над самым Великим Новгородом нависло озеро Ильмень, готовое потопить Великий Новгород. Пономарь же Тарасий, увидев это страшное видение, ужаснулся, и побежал вниз с верха церкви святого Спаса, и, охваченный великим страхом, вошел в церковь. Тогда подошел к нему святой Варлаам и спросил его, что видел он над городом. И пономарь поведал святому Варлааму-чудотворцу, что нависло над Великим Новгородом озеро Ильмень.

И сказал пономарю святой Варлаам: «Господь Бог хочет потопить Новгород озером Ильмень за то, что умножились грехи всего народа новгородского, за беззаконие и ложь новгородцев». После этого снова начал он с глубокой скорбью и со слезами молиться Господу Богу и Пречистой Богородице и молился три часа. И велел пономарю Тарасию опять подняться на церковь святого Спаса и смотреть, что происходит над Великим Новгородом.

И во второй раз, по повелению чудотворца Варлаама, поднялся пономарь Тарасий на верх церкви святого Спаса. И видит он, как множество ангелов стреляют огненными стрелами, и летят эти стрелы, словно сильный дождь из тучи, поражая всех жителей Новгорода — и

мужчин, и женщин, и детей их. И сколько было людей — мужчин, и женщин, и детей — перед каждым человеком — мужчиной ли, или женщиной, перед отроком или перед отроковицей, стоял ангел-хранитель, держа в руках книгу и читая в ней повеление Божие. И если человек оказывался в книге этой записан в живых, то такого человека ангел-хранитель кропил кистью из сосуда, думаю я, наполненного миром небесным, и тотчас этот человек исцелялся от смертоносной язвы, нанесенной стрелами ангелов грозных, и становился здоровым. Если же видел ангел, что в книге судеб Божиим повелением Владыки Христа-Бога предначертана человеку смерть, то тотчас, не окропив его миром, отходил ангел-хранитель в печали от такого человека, боясь ослушаться повеления своего Владыки. И так ангелы-хранители, стоящие перед каждым человеком, глядели в книги и одних кропили кистями из сосудов своих, а от других отходили, не окропив их. И Тарасий, охваченный ужасом и страхом великим, побежал вниз с верха церкви святого Спаса и вошел в церковь.

И спросил его святой Варлаам-чудотворец, какое он видел видение над Великим Новгородом. Пономарь же начал рассказывать святому Варлааму, что видел он бесчисленное множество ангелов Божиих, стреляющих с небес огненными стрелами во всех новгородцев.

Тогда начал преподобный Варлаам молиться Господу Богу, и Пречистой Богородице, и всем святым со слезами и с великой скорбью. И сказал чудотворец Варлаам пономарю Тарасию: «Брат, за молитвы Пречистой Богородицы и ради молитв всех святых пощадил Господь Бог людей своих, поэтому не погубил потопом города, но насылает Господь Бог на людей мор — казнь за их грехи, но милостивую: простит раскаявшихся. Ведь сам говорит Господь в Евангелии: “По делам твоим буду тебя судить”. И будет мор в течение трех лет». Так и было Божие посещение в те три года — мор.

И снова долго молился святой преподобный Варлаам, и в третий раз послал пономаря на верх церкви: «Посмотри, что делается над городом?» По повелению чудотворца Варлаама поднялся на церковь пономарь и увидел над городом тучу огненную, и снова охватил его великий ужас. И сошел с церкви пономарь и вошел в церковь святого Спаса и видит — молится чудотворец Варлаам Богу.

И спросил преподобный Варлаам пономаря, что видел он над городом. Тогда начал пономарь рассказывать святому преподобному Варлааму, что видел он над Великим Новгородом тучу огненную. И сказал чудотворец Варлаам пономарю: «Через три года после мора будет сильный пожар в Великом Новгороде — вся Торговая сторона сгорит и

великое множество людей сгорит, потому что, брат пономарь Тарасий, Пречистая Богородица со всеми святыми умолила сына своего и Бога нашего Иисуса Христа и избавила город свой от потопа». И преподобный Варлаам, помолившись Господу Богу, и Пречистой Богородице, и всем святым, вернулся в гробницу свою. И свечи и кадила сами собой погасли.

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ

Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод Л. А. Дмитриева

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сказание о князьях владимирских» — литературно-публицистический памятник XVI в., использовавшийся в политической борьбе за укрепление авторитета великокняжеской, а затем царской власти. В основе «Сказания» лежит легенда о происхождении русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который, с одной стороны, состоял в родстве с Августом, с другой — якобы был родственником Рюрика. Вторая легенда, входяшая в «Сказание», повествует о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий от византийского императора Константина Мономаха. Время появления зтих легенд не установлено, и о существовании их до начала XVI в. ничего не известно. В 10-х гг. XVI в. (во всяком случае до 1523 г.) легенды были соединены в «Послании» церковно-публицистического писателя Спиридона-Саввы. На основании «Послания» примерно в это же время (не позднее 1527 г.) была составлена первая редакция «Сказания о князьях владимирских». Авторы «Сказания» преследовали цель создать произведение, которое могло быть использовано в политической практике Русского государства; идеи «Сказания» были использованы в дипломатических спорах при Василии III и Иване IV. Легенда о происхождении русских великих князей от Августа была привлечена составителями Воскресенской летописи, позднее она была помещена как вступительная статья к «Государеву родословцу» 1555 г., включена в «Степенную книгу». Текст «Сказания» был вновь переработан в связи с подготовкой венчания на царство Ивана IV, в результате чего появилась вторая редакция; рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий был использован как вступительная статья к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г.

«Сказание о князьях владимирских» первой редакции, так же как и «Послание» Спиридона-Саввы, сопровождается дополнительной статьей — родословием литовских князей, в основу которого положена легенда о низком происхождении первого князя литовского Гедимина, чем подчеркивалось превосходство русской династии над правителями

Литовского княжества. В 10—20-х гг. XVI в., когда велась упорная борьба с Литвой за пограничные земли, вторая часть произведения имела актуальное политическое значение. Однако эта легенда о происхождении литовских князей уже не была включена в великокняжескую Воскресенскую летопись, и Иван Грозный отвергал ее, говоря: «...безлепичники врут, что Витенец-служебник был тверских великих князей, а при нем был конюшец Гегиминик» (Послания Ивана Грозного, М.; Л., 1951. С. 260). Поэтому во второй редакции «Сказания о князьях владимирских» родословие литовских князей было исключено.

Текст «Сказания о князьях владимирских» первой редакции издается по списку XVI в., РГБ, собр. Волоколамского монастыря, № 572, лл. 190—197 об.

ОРИГИНАЛ

СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКИХ КНЯЗЕХ ВЛАДИМЕРСКИХ ВЕЛИКИА РУСИА

От история Ханаонава и предѣла рекома Арфаксадова, перваго сына Ноева рожьшагося по потопѣ. По отца своего Ноя благословению раздѣлися вся вселенная на три чясти[1] тремъ сыномъ его: Симу, Хаму и Афету. Извержеся от нерадениа Хамъ от благословениа отца своего Ноя,[2] зане не покры наготы отца своего Ноа, упившася виномъ. Егда истрезвися Ной от вина и вразумѣ, елико сътвори ему сынъ его меньший, и рече: «Проклят буди Хамъ, да будет рабъ братома своима». И благослови дву сыновъ своих Сима н Афета, иже покрыша наготу отца своего опаки зрящи, наготы же не видѣша. И благослови Симова сына Арфаксада, яко да вселится в предѣлех Ханаоновых. И родишася ему двѣ близняте: первому имя Мерсемъ, второму Хусъ,[3] — сии начялницы Египту. И умножившимся от них родомъ по колѣномъ. Отлучися Хусъ во глубочайшая страны Иньдѣя и разпространися тамо на востоцѣ; Мерсу же умножишася племена даже до сей страны. Афету же излишая племена от северных стран даже и до полунощиа. И воста нѣкий началникъ того же рода именемъ Фарисъ в Калаврийских странах и созда град во имя свое именемъ Арфакса.[4] Правнукъ же его именемъ Гайдуварий, сей первый написа астрологию въ Асирии в предѣлех Симовех, и по семъ Сеострѣ.[5] Сей же Сеостръ первѣе всѣхъ на земли въцарися въ Египтѣ, и по колѣну его многая лѣта преминушя. И от его роду нача царствовати Филиксъ,[6] и тъй пообладa вселеньною. По Филиксѣ же, многимъ лѣтомъ минувшимъ, воста нѣкий царь въ Египте от того же рода именемъ Нактанавъ влъхвъ, сей роди Александра Макидоньскаго от Алимъпияды, жены Филиповы.[7] Сей вторый пообладa вселенною лѣт 12, и всѣх лѣтъ живота его 32,[8] скончася и предаде Египетъ ряднику своему Птоломѣю.[9] Мати же Александрова по смерти сына своего возвратися къ отцу своему Фолу, царю ефиопьскому. Фолъ же вдастъ ю ко второму браку за Виза,[10] сродника Нектонавова. Виз же роди от нея дщерь и нарече ю Аньтия; и созда град в Сосвенех и нарече имя граду в свое имя и в дщери своея

Византия,[11] иже нынѣ именуемъ Царьград. От Александра Макидоньскаго до Птоломѣа Прокаженаго премину Птоломѣевъ 22.

Птоломѣй же Прокаженый имѣ дщерь премудру именемъ Клеопатру,[12] и та правяше Египетьское царство под отцемъ своимъ Птоломѣемъ. И в то врѣмя Иулие, кесарь римъский,[13] посла зятя своего Антонина, стратига римъскаго,[14] на Египетъ воиньством. Антонину же пришедшу со многими вои по суху и по морю на брань Египту. Посла же Клеопатра ко Антонину, стратигу римскому, послы своя со многими дарми, глаголющи: «Вѣси ли, о стратиже, египетьское богатьство? Лутше ми есть с покоем царствовати, нежели с малоумьемъ излияти крови человеческиа». Умили же ся Антонинъ и приял Египетъ без крови, и посяже за нь царица Клеопатра премудраа; и въцарися Антонинъ въ Египтѣ. И услышавъ Иулие, кесарь римъский, Антониново презорство, и постави брата своего Августа стратигом[15] над ипаты, и посла его с четыре браты своими и со всѣю областью римскою на Антонина. И пришед Августъ, взят Египетъ, и уби зятя своего Антонина, самъ седѣ вь Египте. Взят же и Клеопатру царицу, дщерь Птоломѣа Прокаженаго, и посла ю в Римъ в кораблехъ со многимъ богатством египетским и Клеопатру. Она же глаголющи: «Лутши ми есть царици египетьской смерть прияти, нежели пленьницею приведеной быти в Римъ», — и умори себѣ ядомъ аспидовым.

Восташа же на Улия ипаты: Врутосъ, и Помъплий, и Крас,[16] и убиста его в Римѣ. И скоро прииде вѣсть къ Августу вь Египет о Улиеве смерти; и опечалися зѣло о братнѣ смерти. И скоро созва вся воеводы, и чиноначялники, и нумеры, и препоситы,[17] и возвѣщает имъ смерть Иулия, кесаря римъскаго. Они же единогласно рѣша, римляне и египтяне: «О преславный стратиже, Улия кесаря брата твоего от смерти въставити не можем, а твое величество вѣньчаяемъ венцемъ римъскаго царства». И облекоста его во одежду Сеострову, начялнаго царя Египту, в порфиру и висонъ,[18] и припоясаста его поясомъ дерьмлидом,[19] и возложиста на главу его митру Поря,[20] царя иньдейскаго, юже принеслъ Александръ Макидоньский от Иньдиа, и приодѣша его по плещема окроиницею царя Филикса, владущаго вселенною; и рядостнѣ въскликнушя велиимъ гласомъ: «Радуйся, Августѣ, царю римъский и всеа вселенныа!»

В лето 5457 Августу, кесарю римъскому, грядущу въ Египетъ с своими ипаты, яже бѣ власть египетьская рода суща Потоломѣева. И срѣте его Иродъ Антипатров,[21] творя ему велие послужение вои, и пищею, а дарми. Предаде же Богъ Египетъ и Клеопатру в руцѣ Августу. Августъ же начятъ дань подкладати на вселенней. Постави брата своего Патрикиа[22] царя Египту; Августалиа, другаго брата своего,[23] постави Александрии властодержца; Ирода же Антипатрова асколонитянина за многия ради его почести постави царя надъ июдеи

въ Иерусалимѣ; Асию же поручи Евлагерду,[24] сроднику своему; Алирика же, брата своего, постави в поверъшии Истра;[25] и Пиона постави во Отоцѣх Златых, иже нынѣ наричются Угрове;[26] а Пруса, [27] сродника своего, в брезѣ Вислы рѣце во градѣ Марборок, и Турнъ, и Хвоини, и пресловый Гданескъ, и ины многи грады по рѣку, глаголемую Немонъ, впадшую в море. И житъ Прусъ многа врѣмена лѣтъ и до четвертаго роду; и оттолѣ и до сего врѣмяни зоветься Прусьская земля.

И в то врѣмя некий воевода новгородьцкий именемъ Гостомыслъ[28] скончеваетъ свое житье и созва вся владелца Новагорода и рече имъ: «О мужие новгородьстии, совѣтъ даю вамъ азъ, яко да пошлете в Прусьскую землю мужа мудры и призовите от тамо сущих родов к себѣ владелца». Они же шедше в Прусьскую землю и обрѣтоша тамо нѣкоего князя именемъ Рюрика,[29] суща от рода римъскаго Августа царя. И молиша князя Рюрика посланьницы от всехъ новгородцовъ, дабы шелъ к нимъ княжити. Князь же Рюрикъ прииде в Новъгород, имѣя с собою два брата: единому имя Труворъ, а второму Синеусъ, а третий племенникъ его именемъ Олегъ.[30] И оттолѣ нареченъ бысть Великий Новградъ; и начя княз великий Рюрикъ первый княжити в немъ.

А великого князя Рюрика четвертое колѣно великий княз Володимеръ, [31] иже просвѣтилъ Русьскую землю святымъ крещеньемъ в лѣто 6496. А от великого князя Владимира четвертое колѣно княз великий Владимир Всеволодич Манамах,[32] правнукъ. Егда седѣ в Киеве на великомъ княжении, совѣтъ начятъ творити съ князми своими и съ боляры и велможи, тако рекъ: «Егда азъ малъ есмь преже мене царствовавшихъ и хоругви правящих скипетра великиа Русиа, якоже князь великий Олегъ ходил и взял съ Цариграда великую дань на вся воа своа и здравъ въсвояси возвратися; и потомъ Всеславъ Игоревич, княз великий, ходил и взял на Коньстянтине градѣ тяжьчайшую дань. [33] А мы есмя Божиею милостью настолницы своих прародителей и отца моего великого князя Всеволода Ярославичя[34] и наслѣдницы тоя же чести от Бога. Нынѣ съвѣта ищу от васъ, моея полаты князей, и боляр, и воеводъ, и всего христолюбиваго воиньства; да превознесется имя святыа живоначалныа Троици вашея храбрости могутьством Божьею волею с нашимъ повелѣниемъ; и кий ми совѣтъ противъ воздаете?» Отвѣщаста же великому князю Владимиру Всеволодичю его князи, и боляре, и воеводы: «Сердце царево в руцѣ Божьи, и мы вси есмо в твоей волѣ». Княз же великий Владимир събирает воеводы благоискусны и благоразумны и поставляет чиноначалники над различными воиньствы — тысущники, сотники, пятдесятники над различными чинми боренья; и съвокупи многия тысяща воиньства, и отпусти их на Фракию, Цариграда области; и плениша я доволно и возвратишася съ многимъ богатеством.

Тогда бѣ въ Цариградѣ благочестивый царь Константинъ Манамах,[35] и в то врѣмя брань имѣя с персы и с латыною. И съставляетъ совѣтъ мудрѣ и царьски, отряжает послы к великому князю Владимиру Всеволодичю: Неофита митрополита ефесьскаго[36] и с нимъ два епископа, милитиньска и митилиньска, и стратига Антипа антиохийскаго, игемона иерусалимъскаго Еустафия, и иных своих благородных. От своея же выя снемлет животворящий крестъ от самого животворящаго древа, на немъже распятся владыка Христос. Снемлет же от своея главы венець царьский и поставляет его на блюдѣ злате. Повелеваетъ же принести крабьицу сердоликову, из неяже Августия, царь римъский, веселяшеся, и ожерелье, иже на плещу своею ношаше, и чепь от злата аравьска исковану, и ины многи дары царьскиа. И предаде их митрополиту Неофиту сь епископы и своимъ благороднымъ посланникомъ, и посла их к великому князю Владимиру Вселодичю, моля его и глаголя: «Прийми от насъ, о боголюбивый благоверный княже, сиа честныа дарове, иже от начатка вѣчных лѣтъ твоего родьства и поколѣнья царьский жребий, на славу и честь и на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царствиа. И о немже начнут тя молити наши посланницы, что мы от твоего благородиа просим мира и любвѣ, яко церкви Божьа безмятежна будет, и все православие в покои пребудет под сущею властью нашего царства и твоего волнаго самодержавъства великиа Русиа, яко да нарицаешися отселе боговенчаньный царь, вѣнчанъ симъ царьскимъ венцѣмъ рукою святейшаго митрополита киръ Неофита съ епископы». И от того врѣмени княз великий Владимир Всеволодичь наречеся Манамах, царь великиа Русия. И пребысть потомъ прочаа врѣмена съ царемъ с Констянтином в смирении и любве. И оттоле и донынѣ тѣмъ вѣнцемъ венчаются царскимъ велиции князи володимерьстии, егоже прислал греческий царь Коньстянтинъ Манамах, егда ставятся на великое княжение русьское.

В царство же Констянтина Манамаха отлучися от Цариграда церкви, и от правыа вѣры отпаде римъский папа Формос[37] и уклонися в латыньство. Царь же Коньстянтинъ и святѣйший патриархъ киръ Иларие[38] повелѣ събратися собору в царствующий градъ — святѣйшии патриарси александръский, и антиохийский, иерусалимъский. И с ихъ совѣтомъ благочестивый царь Коньстянтин Манамах съ святымъ вселеньскимъ соборомъ четырми патриархы, митрополиты и епископы, иерѣи извергоша папино имя ис поминаней церковных и отлучишя его от четырех патриархъ. И от православныа вѣры отпадша, и от того врѣмене и донынѣ лытають, нарекошася латына. Мы же, православнии христиане, исповѣдаемъ Святую Троицу безначялнаго Отца съ единородным Сыномъ и с пресвятымъ единосущнымъ и животворящимъ Духом въ единомъ Божествѣ вѣруемъ, и славимъ, и покланяемся.

Родство великих князей литовъских. В лѣто 6830 по пленении безбожнаго Батыа[39] избѣжал от плѣна его нѣкий князец именемъ

Витянецъ,[40] рода смоленьскихъ князей, и вселися в Жомоть[41] у нѣкоего бортника. И поятъ у него дщерь в жену себе и пребысть с нею лѣтъ 30 бездѣтен. И убьенъ бысть громомъ. И послѣди князя Витенца поятъ жену его раб его конюшецъ именемъ Гигименикъ.[42] И роди от нея седмь сыновъ:[43] 1. Нароминтикъ, 2. Евнутикъ, 3. Олгердикъ, 4. Кестутик, 5. Скиригайликъ, 6. Кориядикъ, 7. Мантоникъ.

Лета 6825 князь Юрьи Данилович[44] московский и князь Михаилъ Ярославич[45] тверьский поидоша во Орду о великомъ княженьи володимерском в спорѣ. И князь Михаил Ярославич Тверьский убьенъ бысть в Ордѣ. Князь Юрьи Данилович прииде из Орды на великое княжение. И видѣ многи грады запустѣвшая и людей мало събирающася, печалию одержимъ бѣ. По убьении бо князя Михаила Черниговъскаго[46] разсыпашася измаилтянѣ по всей земли Русьской, яко птици полѣташа. И христианьский род овехъ мечемъ закалающе, других же в плѣнъ отвожаху, а оставшая смерть и глад погубляше. Сия случишася намъ грѣх ради наших.

Великий же князь начат разсылати по градомъ и мѣстомъ собрати оставшаа люди. Посла убо сего Гегименика на Волоскую землю и на Киевъскую и обь сю страну Меньска наполняти плененыа грады и вѣси, у воставших имати дани царьскиа. И с ним посла нѣкоего мужа славна именемъ Бореика и ины множайшихъ. Сей же реченный Гегименикъ бѣ мужь храбръ зѣло и велика разума, начятъ брати дани на людех и съкровища изыскивати и обогатися зѣло. И собра к себѣ множество людей, дая имъ потребная нескудно, и начят владѣти многими землями. Назвася от них князь великий Гедиманъ литовъский Первый великих государей русьских князей несъгласьемъ и междуусобными браньми.

В лето 6859 князь великий Семион Семионович[47] седѣ на великомъ княжении володимерьскомъ и московском. В то же лѣто преставися Гедиман, князь великий литовъский Первый. И по немъ сѣде на великомъ княжении литовъскомъ сынъ его первый Наримантъ. И бысть ему брань съ иноплеменники, и впаде в руцѣ их. В то врѣмя бывшу великому князю Ивану Даниловичю в Ордѣ,[48] и окупил князь великий Нариманта у татар и отпустил его к Литвѣ. Он же по своему обѣту, не дошед своея отчины, крестися, и нареченъ бысть въ святомъ крещении Глѣбъ. И того ради братья его не даша ему великого княжениа.

Но седѣ на великомъ княженьи брат его Олгердъ, а Наримантъ, брат его, отиде в Великий Новъградъ, Евнутъ же вселися, идѣже нынѣ Вильна, а Скиригайло з братом своимъ с Кестутьемъ[49] вселишася при нѣкоем озерѣ за 20 поприщъ от Вилны. И въста Скиригайло на брата своего Кестутия и уби его.[50] Сынъ же Кестутевъ Витовтъ[51] бежа в

нѣмцы и тамо собра себѣ друзи многи, и пришед оттуду, уби дядю своего Скиригайла и два сына его. И вселися на месте отца своего и дядѣ своего, и нарече имя мѣсту тому Троки, и совокупися любовою з дядею своимъ съ Олгердомъ.[52] Той бо Олгердъ вина не пиаше и велик разум имяше, земля и княженьа притяжа к себѣ многи и удержа велию власть.

В лето 6858 князь великий Олгердъ литовский присла послы своя к великому князю Семиону Ивановичю на Москву со многими дарми, прося мира и живота братьи своей. Князь же великий Семионъ пожаловал Олгерда и братью его, Корияда и иных отпустил[53] к нему. И паки прислал Олгердъ к великому князю Семиону Ивановичю, прося за себя свѣсти его дочери великого князя Александра Михайловича тверскаго. И князь великий Семион по благословению отца своего Феогнаста, митрополита всея Русии, вдастъ за него свѣсть свою великую княжну Иулиянию.[54] И родишася от нея сыновъ седмь: первый Андрѣй Полътеский, 2. Володимер Бѣльский, 3. Иван Острожский, 4. Иаковъ, 5. Легбень Волыньский, 6. Василей Черторижьский, 7. Олерко Киевъский.

Посемъ врѣмя немало преиде, князь великий Олгердъ в недугь впаде и начят сыновомъ рядъ чинити: Иакова сына своего возлюби паче всѣх и даде ему великое княжение и град Вильну, а прочих сыновъ своих по удѣломъ устроилъ. Благовѣрная же великая княгиня Иулианиа, видѣ своего мужа Олгерда послѣднее дышуща, и печаловашеся о спасении его, и созва сыны своа и отца своето духовнаго призва Давида, архимандрита печерьскаго. И увѣща своего мужа Олгерда съвѣтомъ благым и Божьимъ поспѣшениемъ, сподоби его святаго крещения. И нареченъ бысть въ святомъ крещеньи Александръ. И послѣди того великим чиномъ иноческим одѣяся и святою схимою великимъ аггельскимъ образом украсився, и вмѣсто Александра Алексий нареченъ бысть; и по малех днех преставися, и положиша тѣло его в церкви святыа Богородици в Вильнѣ, юже самъ созда. По сем же супружница его, благовѣрная княгини Иульяния, немного врѣмя пожив, преставися, и в той же церкви погрѣбоша тѣло ея.

Иаковъ же, сын Олгердовъ, впаде в латыньскую прелесть — Ягайло великий князь литовъский,[55] и бысть совѣтникъ и другъ безбожному Мамаю, егоже побил за Дономъ благовѣрный великий князь Димитрие Ивановичь. Витовтъ же Кестутьевичь совокупися любовью съ Ягайлом. И по семь Ягайло взят бысть в Краковъ, а на Вильнѣ устави брата своего Витовта. Витовтъ же устроиса на Вильнѣ князь великий литовъский и нача създидати грады многи, заруби Киевъ и Черниговъ, и взятъ Брянескъ и Смоленескъ, и приступиша к нему вси князи пограничныа, с вотчинами от Киева даже и до Фоминьского приложишася к Витовту.[56] Сия убо о сихъ извѣста суть.

---

[1] *От история Ханаонава и предѣла рекома Арфаксадова... По отца своего Ноя благословению раздѣлися вся вселенная на три чясти...* — Все начало «Сказания» восходит к библейской книге Бытие. Текст первой фразы неясен. Может иметься в виду и библейское название Палестины — Ханаанская земля и имя собственное Ханаан — младший сын Хама, родоначальник хананеев, пророчески проклятый Ноем как наследник Хама. По библейской легенде, Ной, спасенный Богом от потопа, разделил всю землю между тремя сыновьями Симом, Хамом и Иафетом. Поэтому все люди на земле являются их потомками. Арфаксад — согласно библейской генеалогии, третий сын Сима, от него произошли предки евреев.

[2] *Извержеся от нерадениа Хамъ от благословениа отца своего Ноя...* — Согласно библейской легенде, Ной, выпив вина с возделанного им виноградника, лежал обнаженным в своем шатре. Хам, увидев отца, вышел из шатра и рассказал об этом братьям. Сим и Иафет, взяв одежды, вошли в шатер и, не глядя на отца, покрыли его наготу. В апокрифическом сказании о Ное говорится, что Хам «посмеяся наготе отца своего».

[3] *И родишася ему двѣ близняте: первому имя Мерсемъ, второму Хусъ...* — Эти имена известны по библейской истории (Быт. 25, 24). Мерсем (Месрем, Месром) и Хус — потомки Хама. Согласно сведениям русских хронографов, заимствованных из «Хроники» Иоанна Малалы, Месрем был внуком Хама и первым правителем Египта.

[4] *И воста... Фарисъ в Калаврийских странах и созда град... Арфакса.* — Калаврийские страны — Калабрия, область на юге Италии. По библейской истории известен Фарсис — внук Афета, сын Иована. В древнерусском хронографическом своде («Еллинском летописце») упомянут Фарис из племени Афета, но только как основатель Фракии («от него же Фраци»). Название города Арфакса — скорее всего выдумка автора «Сказания о князьях владимирских».

[5] *Правнукъ же его именем Гайдуварий... и по семъ Сеостръ.* — В одном из древнерусских хронографов (Виленском) о Гайдуварии (Гандуварии) сообщается, что он был индийским астрономом («мудр индианин астроном») и происходил от рода Арфаксада, а не от Фариса, как сообщается в «Сказании о князьях владимирских». В последнем здесь допущена ошибка, которая произошла в результате переработки автором «Сказания» своего источника — «Послания» Спиридона-Саввы. Той же причиной объясняется противоречивость известий и о Сеостре как преемнике Гандуварии. Сеостр (Феост, Фест), согласно сведениям древнерусской хронографии, воцарился в Египте после Ермия (Гермеса), который в свою очередь правил Египтом после Месрема

(Месрома). Та же преемственная связь между правителями Египта передана в «Послании» Спиридона-Саввы.

[6] *И от его роду нача царствовати Филиксъ...* — В древнерусском хронографическом своде («Еллинском летописце») преемником Феста (Сеостра) на египетском престоле назван Филист. Очевидно, его можно отождествить с названным в «Сказании» Филиксом.

[7] *...Нактанав влъхвъ, сей роди Александра Макидоньскаго от Алимъпияды, жены Филиповы.* — Нектанав — искаженное имя двух правителей Египта: Нектанеб I (378—360 гг. до н. э.), Нектанеб II (358—341 гг. до н. э.). Олнмпиада — дочь эпирского царя Неоптолема, вышла замуж за Филиппа Македонского в 358/57 г. до н. э., была женой Филиппа до 340 г. Филипп — царь (359—336 гг. до н. э.) Древней Македонии, отец Александра Македонского. Версию о том, что Александр Македонский был сыном Олимпиады от Нектанава, явившегося к ней в виде египетского бога Аммона, носит легендарный характер. На Руси эта легенда была известна по рассказу «Александрии» (см. наст. изд., т. 8).

[8] *Сей вторый пообладa вселенною лѣт 12, и всѣх лѣт живота его 32...* — Время жизни Александра Македонского 356—323 гг. до н. э., поход против персидской державы, которым начинаются войны Александра Македонского, был начат в 334 г. до н. э.

[9] *Птоломѣй* — один из полководцев Александра Македонского и его телохранитель, правитель Египта с 323 г. до н. э., с 305 по 283 г. до н. э. — царь. Основатель царской династии Птолемеев, правившей Египтом с 305 по 30 г. до н. э. Все четырнадцать царей этой династии носили имя Птолемей.

[10] *Виза* — Эпонимом Византии в греческой мифологии был Бизант (Визант), сын Посейдона. В сербской «Александрии» говорится, что у Александра Македонского был воевода Визант, и создание города Византия связывается с его именем.

[11] *Византьтия* — Здесь в значении город. Древнегреческий полис Византий был основан задолго до описываемого в «Сказании» времени — в VII в. до н. э., на европейской стороне Босфорского пролива. В 330 г. император Константин перенес в Византий столицу Римской империи, которая получила по его имени название Константинополь. В древнерусских источниках назывался Царьградом.

[12] *Птоломѣй же Прокаженый имѣ дщерь премудру именемъ Клеопатру...* — Имеется в вндy Клеопатра VII (69—30 гг. до н. э.) — последняя царица династии Птолемеев, дочь Птолемея XI, сестра, супруга и соправительница (с 51 г.) Птолемея XII. В 48 г. была изгнана в Сирию, в 47 г. возвратилась в Египет с помощью Юлия Цезаря (от Цезаря у нее был сын Цезарион). После убийства Цезаря, когда восточными областями римской державы стал управлять Марк Антоний, стала его союзницей, а с 37 г. женой. Покончила жизнь

самоубийством, когда в Египет вторгся Октавиан (30 г. до н. э.). Согласно преданию, Клеопатра дала ужалить себя змее.

[13] *Иулие, кесарь римъский.* — Юлий Цезарь (102 или 100—44 гг. до н. э.), великий римский полководец и государственный деятель. Убит заговорщиками.

[14] *...посла зятя своего Антонина, стратига римъскаго...* — Имеется в виду полководец Антоний Марк, участник галльских походов Юлия Цезаря. Управлять восточными областями римской державы стал уже после убийства Юлия Цезаря (с 42 г. до н. э.). Когда в 30 г. до н. э. в Египет вторглись силы Октавиана, покончил жизнь самоубийством.

[15] *...и постави брата своего Августа стратигом...* — Август Гай Октавий, римский император (с 27 г. до н. э. по 14 г. н. э.), внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновленный им. В 27 г. до н. э. римский Сенат преподнес ему почетное звание Augustus (священный, великий), вошедшее в титулатуру последующих императоров.

[16] *Восташа же на Улия ипаты: Врутосъ, и Помъплий, и Крас...* — Во главе заговора против Юлия Цезаря стояли Гай Кассий и Юний Брут (всего в заговоре участвовало более восьмидесяти человек). Помпей Гней и Красс Лициний входили вместе с Юлием Цезарем в так называемый первый триумвират (в 60 г. до н. э.), но оба они умерли до гибели Цезаря.

[17] *...и нумеры, и препоситы...* — Нумеры — начальники воинских подразделений, препоситы — наместники.

[18] *...в порфиру и висонъ...* — Порфира — длинная пурпуровая мантия, виссон — тонкая драгоценная ткань; порфира и виссон — принадлежности царского одеяния.

[19] *...поясомъ дерьмлидом...* — Что значит «дермлидовый», неясно, какой-то драгоценный пояс, как часть царского облачения.

[20] *...митру Поря...* — Митра — позолоченный головной убор; Пор — правитель одной из областей западной Индии, разбитый Александром Македонским в битве при Гидаспе в 326 г. до н. э.

[21] *Иродъ Антипатров* — Ирод I Великий, царь Иудеи с 40 до 4 г. до н. э., сын Антипатра, родился в городе Аскалоне, поэтому ниже назван асколонитянином.

[22] *Постави брата своего Патрикиа...* — В рассказе о разделении вселенной Августом упоминаемые правители не только не состояли в родстве с Августом, но многих из них нельзя связать с историческими лицами. Имя Патрикия известно по «Хронике Георгия Амартола», под этим имеием там упоминается пруснийский епископ, действовавший в I веке, во времена правления империей Титом.

[23] *...Августалиа, другаго брата своего...* — Под этим именем в «Хронике Георгия Амартола» упомянут епарх александрийский, живший в V в.

[24] *...Асию же поручи Евлагерду...* — Происхождение имени Евлагерда установить не удалось.

[25] *...Алирика... постави в поверъшии Истра...* — Имя Алирик (Илирик), видимо, происходит от географического названия области Иллирия или Иллирик, расположенной по течению Дуная, в хронографической русской литературе XVI в. Дунай обычно называется Истром.

[26] *...Пиона постави во Отоцѣх Златых, иже нынѣ наричются Угрове...* — Пионами в Хронографе 1512 г. называется племя угров, это название племени здесь использовано как имя первого правителя угров.

[27] *Прус* — псевдоисторическое (легендарное) лицо; происхождение имени правителя Пруса следует полагать зависящим от названия «Прусская земля». В русской письменности оно впервые появилось при создании «Сказания о князьях владимирских».

[28] *Гостомыслъ* — полулегендарный первый новгородский князь.

[29] *Рюрикъ* — по летописным преданиям, Рюрик, Синеус и Трувор — три брата, предводители варяжских дружин, якобы призванные в Новгород во второй половине IX в. Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус — в Белоозере, Трувор — в Изборске. Вскоре средний и младший братья умерли, и Рюрик стал полновластным правителем Новгородской земли. Существует мнение, что имена Синеуса и Трувора появились в результате ошибочного прочтения русским летописцем иноязычного текста, а был один Рюрик, пришедший в землю славян со своим домом (синехус) и верной дружиной (трувор). Рюрик сначала правил в Ладоге, а в 862 г. захватил власть в Новгороде.

[30] *Олегъ* — русский князь, ум. в 912 или 922 г. По летописным данным, Рюрик, умирая, передал в 879 г. княжение в Новгороде Олегу и оставил ему на попечение своего сына Игоря. Олег завладел Киевом и подчинил своей власти многие племена, успешно воевал с хазарами, совершил поход в Византию, взяв большую дань с Византии и заключив выгодные для Руси договоры.

[31] *Володимеръ* — Владимир Святославич, великий князь киевский с 980 г., сын Святослава Игоревича, ум. в 1015 г.; ввел христианство на Руси в качестве государственной религии.

[32] *Владимир Всеволодич Манамах* — великий князь киевский с 1113 по 1125 г., назван Мономахом по имени матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Вел успешные войны с половцами. Его княжение ознаменовалось политическим и экономическим усилением Руси.

[33] *...Всеславъ Игоревич, княз великий, ходил и взял на Коньстянтине градѣ тяжьчайшую дань.* — Ошибка автора «Сказания»: должно быть Святослав Игоревич, великий князь киевский с 945 по 972 г., воевал с Византией в союзе с болгарами и венграми в 971 г.

[34] *Всеволод Ярославич* — отец Владимира Мономаха, сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский с 1078 по 1093 г.

[35] *Тогда бѣ въ Цариградѣ благочестивый царь Константинъ Манамах...* — Константин Мономах умер, когда Владимиру Мономаху было два года. Война с Русью имела место в 1043 г., результатом союза с Русью, заключенного в 1046—1947 гг., и явился брак дочери Константина Мономаха с Всеволодом Ярославичем.

[36] *...Неофита митрополита ефесьскаго...* — Эфес — древний город на западном побережье Малой Азии (на территории современной Турции), просуществовал до VII в., был значительным религиозным центром, где проходили вселенские соборы. В списке эфесских митрополитов имени Неофита нет.

[37] *...римъский папа Формос...* — Формоз жил в IX в., папой был с 891 по 896 г. Имя его часто повторяется во многих древнерусских произведениях, направленных против латинян, как основоположника разделения христианской церкви на восточную (православную) и западную (католическую).

[38] *...святѣйший патриархъ киръ Иларие...* — Кир Ларий (Кир Ларье) — Михаил Керулларий, патриарх константинопольский (1043—1059). При нем был Вселенский собор в 1054 г. по поводу посольства от папы Льва. В Византинской империи православная церковь возглавлялась четырьмя патриархами — константинопольским, александрийским, антиохийским, иерусалимским.

[39] *Батый* — хан, сын хана Джучи, внук Чингисхана. Возглавлял нашествие монголо-татар на Восточную Европу. После завоевания Руси в 1237—1240 гг. совершил поход на Польшу, Венгрию и Далмацию. Умер в 1255 г.

[40] *...князец именемъ Витянецъ...* — Витень (Витенис), великий князь литовский с 1293 по 1315 г., брат Гедимина.

[41] *Жомоть* — Жемайтия, западная часть Литвы.

[42] *Гигименикъ* — Гедимин (Гедиминас), великий князь литовский с 1316 по 1341 г., на самом деле брат Витеня.

[43] *И роди от нея седмь сыновъ...* — У Гедимина было семь сыновей: 1) Монивид (князь карачевский и слонимский), 2) Наримунт-Глеб, 3) Ольгерд (великий князь литовский), 4) Евнутий (князь литовский), 5) Кейстут (князь тракайский и жемайтский), 6) Кориат-Михаил (князь новогрудский), 7) Любарт. Названный сыном Гедимина «Скиригайлик» — Скиригайло, на самом деле сын Ольгерда.

[44] *Юрий Данилович* — князь московский с 1303 по 1325 г. и великий князь владимирский и московский с 1319 по 1322 г. Был убит в Орде сыном Михаила Ярославича Тверского Дмитрием.

[45] *Михаил Ярославич* — князь тверской с 1285 по 1318 г. и великнй князь владимирский и тверской с 1305 по 1318 г. Был убит в Орде. (Житие Михаила Ярославича Тверского см.: наст. изд., т. 6).

[46] *Михаил Черниговский* — черниговский князь Михаил Всеволодович, был убит в Орде в 1246 г. («Сказание об убиении Михаила Черниговского» см.: наст. изд., т. 5).

[47] *В лето 6859 князь великий Семион Семионович...* — Ошибка автора произведения. Должен быть Семион Иванович и год не 6859 (1351), а 6849 (1341). Семен Иванович Гордый занимал великокняжеский стол с 1341 по 1353 г.

[48] *...бывшу великому князю Ивану Даниловичю в Ордѣ...* — Иван Данилович Калита, брат Юрия Даниловича, великий князь московский с 1326 по 1341 г. В Орде был в 1340 г.

[49] *...а Скиригайло з братом своимъ с Кестутьемъ...* — Кейстут с братом Ольгердом неожиданно напали на Вильно, где княжил их брат Евнутий. Евнутий бежал сначала в Смоленск, а потом перешел к великому князю в Москву.

[50] *И въста Скиригайло на брата своего Кестутия и уби его.* — На самом деле в борьбе за великокняжескую власть Кейстут был убит по приказу своего племянника Ягайла — сына Ольгерда.

[51] *Сынъ же Кестутевъ Витовтъ...* — Витовт был великим князем литовским с 1392 по 1430 г.

[52] *...и совокупися любовою з дядею своимъ съ Олгердомъ.* — Ольгерд занимал великокняжеский стол Литвы с 1345 по 1377 г. Таким образом, ко времени событий, связанных с Кейстутом и его сыном Витовтом, Ольгерда уже не было в живых.

[53] *Князь же великий Семионъ пожаловал Олгерда и братью его, Корияда и иных отпустил...* — В 1349 г. Ольгерд отправил своих послов во главе с братом Кориатом к хану в Золотую Орду, прося у того помощи для похода против великого князя московского Семена Ивановича Гордого. Хан выдал литовских послов московскому князю. В 1350 г. по просьбе Ольгерда Семен Иванович отпустил их в Литву.

[54] *...вдастъ за него свѣсть свою великую княжну Иулиянию.* — Ольгерд вторым браком был женат на дочери тверского князя Александра Михайловнча Ульяне.

[55] *Иаковъ же, сын Олгердовъ... Ягайло, великий князь литовский...* — Ягайло был великим князем литовским с перерывом с 1377 по 1392 г., с

1392 по 1434 г. был королем польским (под именем Владислава II Ягелло).

[56] *...до Фоминьского приложишася к Витовту.* — В XIV в. существовало Фоминское княжество, один из уделов московских князей; местонахождение его было в пределах Калужской области.

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКИХ КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ ВЕЛИКОЙ РУСИ

Из истории Ханаанской и Арфаксада, первого потомка Ноя, родившегося после потопа. По благословению отца Ноя вся вселенная была разделена на три части между тремя сыновьями его — Симом, Хамом и Иафетом. За нерадивость был Хам лишен отцовского благословения, потому что не покрыл наготы отца своего Ноя, упившегося вином. Когда отрезвел Ной от вина и узнал, что сделал над ним меньший сын его, то сказал: «Да будет проклят Хам, да будет он рабом у братьев своих». И благословил он двух сыновей своих, Сима и Иафета, которые прикрыли отца своего, не глядя на него, чтобы не видеть наготы его. И благословил он Симова сына Арфаксада, чтобы поселился он в земле Ханаанской. И родились у Арфаксада два сына-близнеца: имя одного — Мерсем, другого — Хус, они были основателями Египта. И пошли от них многочисленные потомки по родам их. Хус ушел в дальние пределы Индийской страны, и его потомки оттуда распространились на восток; потомки же Мерса распространились вплоть до нас. Потомки Иафета населили северные страны до дальнего севера. И воцарился некто из того же рода, по имени Фарис, в Калаврийских странах и основал город во имя свое по названию Арфакс. Правнук же его, по имени Гайдуварий, был первым создателем астрологии в Ассирии, во владениях потомков Сима, а после него был Сеостр. Сей же Сеостр самым первым на земле воцарился в Египте, и по потомках его прошло много лет. Из его рода происходил и Феликс, который обладал всей вселенной. После же Феликса, по прошествии многих лет, воцарился некий царь в Египте, происходивший из того же рода, по имени Нектанав, был он волхв, от него у Олимпиады, жены Филиппа, родился Александр Македонский. Александр был вторым властителем вселенной и обладал ею двенадцать лет, а всего он жил тридцать два года; перед кончиной он передал Египет своему полководцу Птолемею. Мать же Александрова после смерти сына своего возвратилась к отцу своему Фолу, царю ефиопскому. Фол же отдал ее во второй раз замуж за Виза, родственника Нектанава. Виз же родил от нее дочь и назвал ее Антией; он основал город в Сосвенах и назвал город этот, который теперь именуется Царьградом, в честь имени своего и своей дочери, Византия. От Александра Македонского до Птолемея Прокаженного насчитывается двадцать два Птолемея.

У Птолемея Прокаженного была дочь премудрая, по имени Клеопатра, она правила Египетским царством вместе с отцом своим Птолемеем. И в это время Юлий, кесарь римский, послал зятя своего Антония, стратига римского, воевать в Египет. Когда Антоний пришел с огромным войском посуху и по морю, чтобы захватить Египет, то Клеопатра послала к Антонию, стратигу римскому, своих послов с богатыми дарами, говоря: «Ведаешь ли, о стратиг, о египетском богатстве? Лучше с миром царствовать, чем в безумье проливать кровь человеческую». Умилосердился Антоний и взял Египет без кровопролития, и вышла за него замуж премудрая царица Клеопатра; и воцарился Антоний в Египте. И Юлий, кесарь римский, услышав о своеволии Антония, поставил брата своего Августа стратигом над воеводами и послал его с четырьмя другими братьями своими и со всей силой римской на Антония. И, придя, Август покорил Египет, и убил зятя своего Антония, и сам воцарился в Египте. Взял он и Клеопатру-царицу, дочь Птолемея Прокаженного, и отправил ее в Рим на кораблях вместе с захваченными великими богатствами египетскими. Она же сказала: «Лучше мне царицей египетской умереть, чем быть приведенной пленницей в Рим», — и уморила себя змеиным ядом.

На Юлия же восстали воеводы Брут, Помпеи и Красе и убили его в Риме. И вскоре к Августу в Египет пришла весть о гибели Юлия, и сильно опечалился он при известии о смерти брата. И, не медля, созвал всех воевод, и военачальников, и нумеров, и препоситов и известил их о смерти Юлия, цезаря римского. Они же все, римляне и египтяне, единогласно воскликнули: «О преславный стратиг, Юлия-кесаря, брата твоего, воскресить не можем, а твое величество венчаем венцом римского царства». И облекли его в одеяния Сеостра, первого царя Египта: в порфиру и виссон, и препоясали его поясом дермлидовым, и возложили на голову его митру Пора, царя индийского, которую принес Александр Македонский из Индии, и накинули ему на плечи мантию царя Феликса, обладавшего всей вселенной, и дружно воскликнули громким голосом: «Радуйся, Август, царь римский и всей вселенной!»

В год 5457 (51 до н. э.) Август, кесарь римский, пошел в Египет, где царствовали правители из египетского рода Птолемеев, со своими воеводами. И встретил его Ирод, сын Антипатра, помогая ему с великой охотой и воинами, и пищей, и дарами. И Бог вручил Египет и Клеопатру в руки Августу. Август же начал собирать дань со всей вселенной. Брата своего Патрикия поставил царем Египта; Августалия, другого брата своего, поставил властелином Александрии, Ирода же, сына Антипатра, аскалонитянина, за то, что тот почтил его, поставил царем над иудеями в Иерусалиме; Азию же вручил Евлагерду, родичу своему; Илирика же, брата своего, поставил правителем в верховьях Истра; а Пиона учредил правителем в Золотых землях, которые ныне называются Угорской землей; а Пруса, родича своего, послал на берега Вислы-реки в город Мальборк, и Торунь, и Хвоини, и преславный Гданьск, и во многие другие города по реке, называемой Неманом и впадающей в море. И

жил Прус очень много лет, до четвертого поколения; и с тех пор до нынешних времен зовется это место Прусской землей.

И вот в то время некий воевода новгородский по имени Гостомысл перед кончиной своей созвал всех правителей Новгорода и сказал им: «О мужи новгородские, советую я вам, чтобы послали вы в Прусскую землю мудрых мужей и призвали бы к себе из тамошних родов правителя». Они пошли в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа-царя. И умолили князя Рюрика посланцы от всех новгородцев, чтобы шел он к ним княжить. И князь Рюрик пришел в Новгород вместе с двумя братьями; один из них был именем Трувор, а второй — Синеус, а третий — племянник его по имени Олег. С тех пор стал называться Новгород Великим; и начал первым княжить в нем великий князь Рюрик.

А четвертое колено от великого князя Рюрика — великий князь Владимир, который просветил Русскую землю святым крещением в год 6496 (988). А от великого князя Владимира четвертое колено — правнук его Владимир Всеволодович Мономах. Когда сел он на великое княжение в Киеве, то начал советоваться с князьями своими, и с боярами, и с вельможами, так говоря: «Неужели я ничтожнее прежде меня царствовавших и управлявших знаменами царства великой Руси, таких как князь великий Олег, который ходил и взял с Царьграда большую дань для всех воинов своих и благополучно домой возвратился, или как Всеслав Игоревич, князь великий, который тоже ходил на Константин-град и еще более тяжелой данью его обложил. А мы, Божьей милостью, наследовали престол своих прародителей и отца своего великого князя Всеволода Ярославича, и наследники той же чести от Бога. Ныне жду совета от Вас, моего двора князей, бояр, и воевод, и от всего христолюбивого воинства; да прославится имя святой живоначальной Троицы силой вашей храбрости с Божьей помощью и нашим повелением; какой же вы мне совет дадите?» Так отвечали великому князю Владимиру Всеволодовичу его князья, и бояре, и воеводы: «Сердце царево в руке Божьей, а мы все в твоей власти». Тогда великий князь Владимир собирает воевод умелых и мудрых и ставит начальников над воинскими отрядами — тысячников, сотников, пятидесятников; и, собрав многие тысячи воинов, отправляет их во Фракию, область Царьграда; и завоевали большую часть ее, и возвратились с богатой добычей.

В то время правил в Царьграде благочестивый царь Константин Мономах и воевал он тогда с персами и латинянами. И принял он мудрое царское решение — отправил послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу: Неофита, митрополита эфесского, и с ним двух епископов, милитинского и митилинского, и антиохийского стратига Антипа, иерусалимского наместника Евстафия и других своих

знатных вельмож. С шеи своей снял он животворящий крест, сделанный из животворящего древа, на котором был распят сам владыка Христос. С головы же своей снял он венец царский и положил его на блюдо золотое. Повелел он принести сердоликовую чашу, из которой Август, царь римский, пил вино, и ожерелье, которое он на плечах своих носил, и цепь, скованную из аравийского золота, и много других даров царских. И передал он их митрополиту Неофиту с епископами и своим знатным посланником, и послал их к великому князю Владимиру Всеволодовичу, так говоря с мольбой: «Прими от нас, о боголюбивый и благоверный князь, во славу твою и честь эти честные дары, которые с самого начала твоего рода и твоих предков являются царским жребием, чтобы венчаться ими на престол твоего свободного и самодержавного царства. Прими и то, о чем будут тебя молить наши посланцы — мы от твоего величия просим мира и любви: тогда церковь Божия утвердится, и все православие в покое пребудет под властью нашего царства и твоего свободного самодержавства великой Руси, так что теперь будешь ты называться боговенчанным царем, увенчанный этим царским венцом рукою святейшего митрополита кир Неофита с епископами». И с тех пор великий князь Владимир Всеволодович стал именоваться Мономахом, царем великой Руси. И пребывал после того во все время с царем Константином в мире и любви. С тех пор и доныне тем венцом царским, который прислал греческий царь Константин Мономах, венчаются великие князья владимирские, когда ставятся на великое княжение русское.

Во времена же царствования Константина Мономаха отлучился от Царьградской церкви и от истинной веры отошел римский папа Формоз и уклонился в латинство. Тогда царь Константин и святейший патриарх кир Иларий повелели собраться на собор в царствующем граде святейшим патриархам — александрийскому, антиохийскому и иерусалимскому. И по их совету благочестивый царь Константин Мономах со святым Вселенским собором из четырех патриархов, митрополитов, епископов и священников исключили имя папы из церковных поминаний и отлучили его от четырех патриархов. И от православной веры отпали и с тех времен и доныне лытают, потому и называются латинянами. Мы же, православные христиане, исповедуем Святую Троицу — безначального Отца с единородным Сыном и с пресвятым единосущным и животворящим Духом в едином Божестве, и веруем в нее, и славим, и поклоняемся.

Родословие великих князей литовских. В год 6830 (1322) некий князек, по имени Витянец, из рода смоленских князей, плененный безбожным Батыем, бежал из плена и поселился в Жмудской земле у бортника. И взял у него дочь в жены себе, и прожил с нею тридцать лет, и были они бездетны. И убило его громом. И после князя Витянца взял жену его за себя раб его, конюх, по имени Гегименик. И родил от нее семь сыновей: первый — Наримантик, второй — Евнутик, третий —

Ольгердик, четвертый — Кейстутик, пятый — Скиригайлик, шестой — Кориадик, седьмой — Мантоник.

В году 6825 (1317) князь московский Юрий Данилович и князь тверской Михаил Ярославич пошли в Орду разбираться в споре о великом княжении владимирском. И князь тверской Михаил Ярославич был убит в Орде. Князь Юрий Данилович пришел из Орды, получив великое княжение. И, видя многие города запустевшими и малочисленность людей, был он охвачен печалью. Ведь после убиения князя Михаила Черниговского рассыпались измаильтяне по всей Русской земле, словно стая птиц налетели. И христиан — одних мечами губили, других в плен уводили, а те, кто уцелел, от нужды и голода умирали. Разразилась над нами такая беда грехов ради наших.

Великий же князь начал рассылать по городам и селам, чтобы собрать уцелевших людей. Послал он этого Гегименика в Волошскую и в Киевскую земли и по эту сторону Минска, чтобы наводить порядок в плененных городах и селах, собирать дани царские с уцелевших жителей. И с ним послал он некоего славного мужа по имени Бореик и многих других. Этот же Гегименик был муж очень храбрый и великого ума, начал он собирать дань с людей и разыскивать утаенное и сильно обогатился. И набрал он множество людей, щедро давая им все необходимое, и стал владеть многими землями. И начали называть его великим князем литовским Гедимином Первым без согласия великих государей русских князей и самовольно.

В году 6859 (1351) князь великий Семен Семенович сел на великом княжении владимирском и московском. В том же году преставился Гедимин Первый, великий князь литовский. После него сел на великом княжении литовском старший сын его Наримант. И было у него сражение с иноплеменниками, и попал он к ним в плен. В то время в Орду приезжал великий князь Иван Данилович, и выкупил князь великий Нариманта у татар и отпустил его в Литву. Он же, по данному обету, не дойдя до своей вотчины, крестился, и был назван в святом крещении Глебом. Из-за этого братья его не дали ему великого княжения.

На великом княжении сел брат его Ольгерд, а Наримант, брат его, ушел в Великий Новгород, Евнут же поселился там, где теперь Вильна, а Скиригайло с братом своим Кейстутом поселились около некоего озера за двадцать поприщ от Вильны. И поднялся Скиригайло на брата своего Кейстута и убил его. Сын же Кейстута Витовт бежал к немцам и, собрав там много друзей, пришел оттуда и убил дядю своего Скиригайло и двух сыновей его. Он поселился на месте отца своего и дяди своего, и назвал

это место «Троки», и заключил союз с дядей своим Ольгердом. Этот Ольгерд вина не пил и был наделен великим разумом, присоединил к себе многие земли и княжения и обладал сильной властью.

В год 6858 (1350) великий князь литовский Ольгерд прислал послов своих к великому князю Семену Ивановичу в Москву со многими дарами, прося мира и жизни братьям своим. Великий князь Семен почтил Ольгерда и братьев его, Кориада и других, отпустил к нему. И снова прислал Ольгерд к великому князю Семену Ивановичу посольство, прося в жены его свояченицу — дочь великого князя тверского Александра Михайловича. И князь великий Семен по благословению духовного отца своего Феогноста, митрополита всея Руси, отдал за него свояченицу свою, великую княжну Ульяну. И родилось от нее семь сыновей: первый — Андрей Полоцкий, второй — Владимир Бельский, третий — Иван Острожский, четвертый — Яков, пятый — Лугвений Волынский, шестой — Василий Черторижский, седьмой — Олелько Киевский.

По прошествии немалого времени князь Ольгерд впал в тяжкий недуг, и начал он распределять земли сыновьям: сына своего Якова он любил больше всех и дал ему великое княжение и город Вильно, а остальных сыновей своих учредил по уделам. Благоверная же великая княгиня Ульяна, видя мужа своего Ольгерда при последнем издыхании и заботясь о спасении его, созвала сыновей своих и отца своего духовного призвала, архимандрита печерского. И уговорила своего мужа советом благим и с Божьей помощью принять святое крещение. И назван был он в святом крещении Александром. После этого принял он великий иноческий чин и украсился святою схимою — великим ангельским образом и вместо Александра был назван Алексеем; через несколько дней преставился он, и погребли тело его в Вильне, в церкви святой Богородицы, которую он сам создал. После этого супруга его, благоверная княгиня Ульяна, недолгое время пожив, преставилась, и в той же церкви погребли тело ее.

Яков же, сын Ольгердов, впал в латинскую ересь — стал Ягайлом, великим князем литовским, и был он советником и другом Мамая, которого разбил за Доном благоверный великий князь Дмитрий Иванович. И Витовт Кейстутович заключил союз с Ягайлом. После этого Ягайло был позван в Краков, и короновали его в Кракове польским королем, а в Вильне он посадил брата своего Витовта. Витовт же, став в Вильне великим князем литовским, начал строить много новых городов, укрепил Киев и Чернигов и взял Брянск и Смоленск, и присоединились к Витовту все князья пограничные с вотчинами своими: от Киева до самого княжества Фоминского. Вот что известно о них.

ПОСЛАНИЯ СТАРЦА ФИЛОФЕЯ

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

Биографические сведения о Филофее крайне скудны, известно, что он жил в первой половине XVI в. и был монахом Псковского Елеазарова монастыря (см.: *Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П.* Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 471—473). Впервые его имя привлекло внимание русской общественной мысли после того, как в журнале «Православный собеседник» в 1861—1863 гг. были опубликованы его сочинения. Изложенная в них концепция «Москва — третий Рим» оказалась одной из центральных в русской публицистике и историософии последующего времени.

Главным сочинением Филофея является его послание псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину. Повод к написанию послания был следующий. Николай Булев, известный публицист, переводчик и врач при великом князе Василии III, любекский немец по происхождению, приблизительно в 1522 г. перевел астрологический «Альманах» Штоффлера, содержащий предсказание о потопе в 1524 г. Перевод попал в руки Федора Карпова (см. его сочинения в настоящем томе) и М. Г. Мисюря-Мунехина, каждый из них обратился за разъяснениями к знающим лицам. Для Федора Карпова таким близким корреспондентом оказался Максим Грек, для М. Г. Мисюря-Мунехина — старец Филофей. Оба ответа совпадают в своем отрицательном отношении к астрологии и датируются концом 1523 — началом 1524 г., хотя историческая хронология, содержащаяся в тексте послания, не совпадает с этой датировкой (см. ниже).

Рассуждение Филофея отличается последовательностью и стройностью. Прежде всего он отвергает какое-либо значение астрологии, поскольку звезды как тела неодушевленные не могут оказывать влияния на судьбы людей или народов. Астрологии он противопоставляет иное объяснение исторического процесса: причиной изменений является божественная воля, причиной падения царств — неспособность удержаться в истинной вере. Эта историко-богословская концепция целиком находится в русле библейской историософии (см. ее полное выражение в Дан. 2, 21—22), но старцу Филофею необходимо примирить с нею падение православного Константинополя в 1453 г. и сохранение католическим Римом своего видимого благополучия. Объяснение Филофея звучит следующим образом: «Аще убо великаго Рима стены... не пленены, но души их от диавола пленены быша опреснок ради». Вслед за этим он дает пространное обоснование подлинности причастия квасным (дрожжевым) хлебом, что позволяет ему объявить истинным Римом московскую Русь как единственно независимое и безупречное христианское государство. Признание за

Римом первенствующего значения опирается на традиционную христианскую екклисиологию (учение о Церкви).

Есть две возможности понимания смысла этой концепции. Во-первых, можно думать, с чем мы обычно и сталкиваемся, что послание Филофея дает политическое обоснование преемственности имперской власти от Рима к новому Риму — Константинополю — и далее к Москве. В этом случае мысль Филофея развивается параллельно или под влиянием так называемой концепции «переноса империи» (translatio imperii), которая в условиях средневековой Европы давала обоснование для возведения новых европейских монархий в достоинство юридически правомочных наследников Римской империи. В нашем случае, однако, изложение политической идеи формулируется на типичном для московской публицистики языке богословия, хотя немаловажным моментом оказывается употребление старцем Филофеем терминов «царь» и «царство» и хорошо разработанной царской титулатуры во втором из публикуемых посланий. Напомним, что приобретение титула «царь» вместо прежнего «великий князь» стало позже одной из забот Ивана Грозного.

Другая трактовка послания не признает за ним политического значения. Так, Вл. Соловьев обратил внимание на то, что для Филофея не существует императорского Рима, но только папский, и это препятствует рассмотрению концепции в русле европейской модели translatio imperii, к тому же автор отмечает, что римская государственность сохраняет свое существование («ромейское царство неразрушимо»). По мнению Н. Ульянова (Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 152—162), имперский мотив Москвы — третьего Рима уходит своими корнями не в XVI в., а в идейный и политический климат царствования Александра II, т. е. связан с «восточным вопросом» и развитием русского империализма. Лишь в наше время было установлено, что в наиболее авторитетном списке послания речь идет не о «росском» или «российском», а о «ромейском» царстве, что, конечно, меняет понимание соответствующего пассажа.

Послание князю Василию интересно, как уже отмечалось, своей развитой титулатурой, приравнивающей великого князя к царю, и новым употреблением формулы «Москва — третий Рим». В нем затронуты также вопросы о замещении пустующих епископских вакансий и содомском грехе (гомосексуализме). Из контекста послания неясно, стоит за этими вопросами какая-либо историческая реальность или же перед нами литературные упражнения на темы, обычно разрабатываемые церковно-канонической письменностью.

«Послание о неблагоприятных днях и часах», адресованное М. Г. Мисюрю-Мунехину, публикуется по списку XVI в. РНБ, Q.XVII.15, лл. 493—497 об.; «Послание великому князю Василию» публикуется по списку начала XVII в. РНБ, собр. Погодина, 1620, лл. 223—227. Тексты посланий сверены с новейшей публикацией в книге: *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998 (здесь же полный обзор вопроса и научной литературы о нем).

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ О ЗЛЫХЪ ДНЕХЪ И ЧАСѢХЪ

Государя великого *князя* дьяку, господину *Михаилу Григорьевичу* твой нищей богомолец старец Филофей Бога молит и челом бьет.

Прислал ты, государь мой, ко мнѣ свою грамоту, а в ней писано, чтобы мнѣ внутрь в неи твои список истолковати. И тебѣ, моему государю, вѣдомо, что яз селской человѣкъ, учился буквам, а еллинскых борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в бесѣдѣ не бывал; учюся книгам благодатнаго Закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити от грѣх, о сем молю милостиваго Бога, господа нашего Иисуса Христа и пречистую Богоматерь и всѣхъ святых, Богу угодивших, избавити мя вѣчнаго мучения. А еже писал ты о числах лѣтных, еже в Бытейскых книгах, Моисеом написаных, о «Шестодневникѣ», о миротворении, гронографы же, пять дней мимотекшеи, начаша от перваго Адама и до нынѣ; латина же нынѣ, вся мимотекше преже бывшая лѣта, начинают от Рожества Христова, чтут лѣта; да в том нѣсть разньстваа никоегоже. Глаголет бо апостолъ: «Бысть первый человѣкъ от земля перстен, вторый человѣкъ — Господь с небесе».[1] И пакы рече: «Бысть первый человѣкъ Адамъ в душю живу, вторый же Адам — в духъ животворящ».[2]

И о сем тщатся философи, год есть сугуб — солнечный и лунный; солнечный содержит 365 дней, лунный же 354; от сего является, яко год солнечный болши луннаго 11 дний, по тому в то лѣто солнцу и лунѣ потемнение не узрится. И кто прилѣжнѣйше подщится, по «Шестокрылу»[3] считают дробныа часы, то обрящет, в который час быти потемнѣнию лунѣ и солнцу; но о сем подщание и подвиг великъ, а приобрѣтения мало.

А што писал о преходных звѣздах, знамение водное наслѣдят, тогда всеа вселенныа градовом и царством и странам вкупѣ всѣм земнородным пременение; божественое же Писание о сем ясно глаголетъ: «Святым Духом всяка твар обновляется»,[4] обращающеся на первое, равномощен бо есть Отцу и Слову, а не от звѣздъ сие бывает.

А звѣзды зодѣйные 12 и планит 7, не чювствены, ни животны сут, но точию невещественаго огня существо. В первый день Богом сътворен есть, иже рече Богъ: «Да будет свѣт»,[5] — и ничтоже ино свѣт, токмо огнь. И егда въсхотѣ разлучити свѣт от тмы, тогда повелѣ спрятание

тому огню быти, и бысть тма. И разлучи Богъ межу свѣтом и межу тмою, и нарече Богъ свѣт день, а тму нарече нощь,[6] и ничтоже ино нощъ, токмо свѣта отъятие. Въ вторый день твердь, въ третий день сушу, моря, садовиа, траву, сѣмена, пол *водъ* возводит на твердь. Того ради, еже хотяше сътворити свѣтилникы, в четвертый же день от того огня, иже свѣт нарече, сътвори двѣ свѣтиле велицѣ: свѣтило великое въ освѣщение дни, еже есть солнце, свѣтило меншее въ просвѣщение нощи, еже есть луна, таже звѣзды, яко мудрый златарь ово на сосуды, ово же на златици разсыпа.

И нарече 12 звѣздъ, иже глаголются от нас зодѣи, иже суть пути солнцу и лунѣ. Солнце же шествие имѣя воединои зодѣи днии 30 и часовъ 5 и пакы в другую зодѣю исходит, и тако в двунадесяти зодѣях сѣмо и овамо преходя, сътворяет годъ. Луну же полну сътвори, яко 15 дний, аще бо лунѣ единаго дни сътворенѣ, то пакость бы велика была свѣтилником между собою, частаа отемнениа. Луна же обходит 12 зодѣи в двадесят и девять дней и в пол дни и пол часа и пятую часть часа.

А о седми планитах и о двунадесят зодѣях, и о прочих звѣздах, и о злых часех, и о нарожении человѣчьстем въ которую звѣзду, или часъ золъ или добръ, и получаа с частком, и богатству и нищетѣ, и в нарожении добродѣтелем и злобам, и долголѣтству жития, и скращениа смертию, — сиа вся кощуны суть и басни. Первие от халдѣй[7] сие написася, иже к суетѣ ума своего столпъ зиждуще и на высотѣ бывше, и о звѣздах съблазнишася. Богъ же, видя безумие ихъ съвѣт их разсыпа и дѣло раздруши, и писание их отверже. От них же еллини писание приаша, и тыа планиты и прочаа звѣзды богы нарекоша, и отступиша от сътворшаго *вся* и твари поклонишася; о них же пророкъ Давидъ глаголаше: «Рече безумен в сердци своем: нѣсть Бога. Растлѣша и омрачишася в начинаниих своих».[8] По еллинѣхъ же еретицы прияша а насѣяша горкыа плевелы по срѣде пшеницы в православной христианской вѣре, на прелщение малоумных человѣкъ, вѣрующе в злыа дни и часы, да о сем и покаания не приемлют, мнящеся, яко истина суть, и в день судный страшен отвѣт приимутъ и съ еретикы осужени будут, пременивше свѣт на тму и истину на лжу. Аще бы злыа дни и часы сътворил Богъ, почто грѣшных мучити ему? Богъ имат винен быти, яко злая человѣки народил.

А сие, честный человѣче, разумѣй, яко от царя царевич родится, а от князя князь, и аще и не достижет малым чим отчаа славы и чести, но землѣделец не бывает, ни за земледѣлцев царие дщерей не дают, ни у них за своа сынове дщерей взимают, но все то состоится по невѣдомым судбам вся строящаго бога.

А о звѣздном течении и о солнци, и о лунѣ да вѣсть твоя честность, яко не самы тыа звѣзды двизаемы суть, ниже чювствены или животны и зрят ни на чтоже (но огнь невеществен ничтоже вѣсть, ниже знает), но преносимы суть от аггельских невидимых силъ. Самовидец сему богоизбранный съсуд апостолъ Павел, иже третины тверди не дошед,[9] посрѣдѣ самѣх звѣздъ быв, и тамо видѣ самыа тыа аггельскиа силы, како непрестанно служение имѣют человѣка ради: ови солнце носят, друзии луну, иныя звѣзды, овы въздуха правят вѣтры, облакы, громы, от послѣдних земля воды возносят облаком, и лице земли напаяют на ращение плодом, на весну и жатву аггели, на есен и зиму. Сего ради показа Господь апостолу, како непрестанно служение имут аггели человѣка ради, да научит его непрестанно тещи на проповѣдь спасения ради человѣчскаго и не лениву быти; он же видѣв тамо неизреченнаа видѣниа, въ своих посланиих глаголет: «Не вси ли суть служебнии дуси, на службу посылаеми за хотящих наслѣдовати спасение?»[10] — и пакы глаголет, яко: «Сама тварь свободитца от работы тлѣниа въ свободу славы чад Божиих».[11] Видиши ли, любимиче, како тварию зовет аггелы, чада же Божиа — человѣкы, свобожение аггелское глаголет, еже от службы своеа престанут в послѣднии день?

О царствах же и о странах пременение — не от звѣздъ сие приходит, но от все дающаго Бога; о сем пророкъ Исаия глаголет: «Аще послушаете мене — блага *земли* снѣсте, аще ли не послушаете — оружие вы поястъ! — уста бо господня глаголаша сиа».[12] И пакы въпросиша апостоли: «Господи, аще в лѣто се устраяеши царство Израилево?» Иисус же рече: «Нѣсть ваше разумѣти врѣмен и лѣт, яже Отецъ положи своею областию».[13] Да внемли, Господа ради, в которую звѣзду стали христианскаа царства, еже нынѣ вси попрани от невѣрных, якоже пророкъ глаголет: «Кто дастъ на расхыщение Израиля — не Богъ ли, емуже съгрѣшиша?»[14] Девятдесят лѣт, како греческое царство разорися[15] и не созижется: сия вся случися грѣхъ ради наших, понеже они предаша православную гречскую вѣру в латынство. И не дивися, избранниче Божий, яко латыни глаголют: наше царство ромейское недвижимо пребываетъ, аще быхом не правѣ вѣровали, не бы Господь снабдѣл нас. Не подобает нам внимати прелестем их, воистину суть еретици, своею волею отпадше от православныа христианскиа вѣры, паче же опрѣсночнаго ради служениа. Бѣша с нами в соединении семсотъ лѣт и 70, а егда отпадоша правыа вѣры семсот и 35 лѣт,[16] во аполинариеву ересь впадше, прелщени Карулом царем и папою Формосом. Глаголют о опрѣсноцѣ, яко за чистоту и безстрастие, но сие лжут, съкрывающе внутрь себе диавола. Аполинарий[17] же своимъ учением повелѣ опрѣсночнаа служити за сию вину, глаголетъ бо сице, яко не прият плоти человѣчскиа от пречистыа дѣвы господь наш Иисус Христос, но з готовою небесною плотию, яко трубою, дѣвичьскою утробою прошед, ниже душа человѣчьскиа приат, но вмѣсто душа Духъ святый в нем пребывает, до тѣм лстят незлобивых душа и неутверженых. Увы горкиа прелести и отпадения от Бога жива! Аще плоти человѣчскиа не приат Спасъ, то и падшаго Адама и всѣх от него рожденных человѣкъ плоть не обожися, и, аще ли душа человѣчскиа не приал Господь, то и нынѣ душа человѣчскиа не изведены от адскых.

Да хто не содрогнется, ниже въсплачется о таковых прелестеи и отпадения, гръдостию буйства своего еретичьскым учением послѣдоваша и богоубийственѣи четѣ жидом, яко же и при распятии Господни обѣщници бѣша с ними, о них же еуггелист глаголетъ: «Воини же гѣмонови ругающеся ему, прегыбающе колѣни свои и глаголюще: “Радуйся, царю июдѣйскыи!”».[18] Воини гѣмонови — Пилатови слугы, понеже Пилат от латын бяше, от Понта[19] града Римскиа области, тако и нынѣ в своем молении не прекланяют свою главу, токмо колѣни мало надгыбают латыни. О них же Давидъ издалеча духом святым прозрѣв, яко от лица Иисусова рече: «В поношение безумному дал мя еси».[20] Воистину людие буи, а не мудри, аще убо великаго Рима стѣны и столпове, и трекровныа полаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша опрѣснок ради. Аще убо Агарины внуци[21] греческое царство приаша, но вѣры не повредиша, ниже насилствуют греком от вѣры отступати, инако же ромейское царство неразрушимо, яко Господь в римскую власть написася.[22]

Наша же христианскаа тайна сице съдержит о священнем причащении. Приступиша ученици ко Иисусу, глаголюще: «Господи, гдѣ хощеши уготоваем ти ясти пасху?» Он же рече им: «Се входящема вама во град, срящет вы человѣк, в скудели воду нося; послѣдуйте ему и дому владыцѣ рцѣте: “Учитель глаголетъ, у тебе сътворю пасху со ученикы моими”».[23] Дому есть владыка отецъ Ивана Богослова Зеведѣй, сему повелѣ Иисус надвое сътворити: едину по обычаю законному, еже опрѣснокъ, другую же тайную, иже хлѣб съвершен квасную. Сего ради тайная вечеря глаголется,[24] понеже в жидох от 11 до 14[25] не обрѣтается квасной хлѣб в домѣх. Да первѣе законную пасху ядоша по обычаю, опрѣснок и агнец з горчицею, стояще опоясани и жезлы подпирающеся, клобукы на главах их. По ядении же сѣдъ, учаше их, еже не старийшенствовати, таже о предателствѣ вносит слово, и, по семъ волиа воду во умывалницу, и нача нозѣ умывати учеником, образ дасть им святого крещениа. По сих же пакы возлеже и повели представити хлѣб и вино точию, начат жалостнаа словеса простирати, възвед убо божественаа свои очи на небо и рече: «Отче, прииде час, прослави сына своего, да и сынъ твой прославит тя, яко дал еси ему власть всякой плоти, да все, еже дал ми еси, и аз дам им живот вѣчный. Иже есть живот вѣчный, да знают тебе единаго истиннаго Бога, и егоже посла Иисуса Христа; и аз прославих тебе на земли и дѣло съвръших, и нынѣ прослави мя, Отче, славою, иже имѣх у тебе преже сложениа мира».[26] И паки рече ко учеником: «Аз есмь виноград, вы же рождье, иже пребудет въ мнѣ и аз в нем».[27] И паки возвед очи свои и рече: «Отче, *святи их* во имя твое, зане аз свящюся сам, да будут и сии освящени воистинну, и не о сих молю токмо, но и о вѣрующих словесем их в мя; да вси бо едино будут, яко же, Отче, аз в тебѣ, и ты въ мнѣ, да и ти въ нас будут».[28] Разумѣй же обое здѣ, еже молится о онѣх, освятив их во святых тайнах, да научит свящати архиереа и священики у святыа трапезы; идѣже чин дѣйства, ту и слуга поставляти подобает священнодѣйству. И ту, абие приим предложенный хлѣб на святых

своих пречистых руках и воздвиг горѣ, показуя Богу Отцу, благодарив, преломив, дасть святым своим учеником и апостолом, рек: «Приимѣте и ядите, се есть тѣло мое, еже за вы ломимое и за многы во оставление грѣхов».[29] По ядении же приим чашу от плода лознаго иже есть вино, и растворив с теплою водою, и сию дасть учеником глаголя: «Пиите от неа вси, се есть кровь моа Новаго Завѣта, еже за вы изливаема и за многы во оставление грѣхов».[30] Обаче учеником дааше, тоже и сам ядяше и пиаше с ними. По сих же паки глаголеть: «Желанием въжделѣх ясти сию пасху с вами, прежде даже не прииму мук; отселе уже не имам пити от плода винограда, но ново испию с вами въ царствии Отца моего»,[31] — и, по сем, «въспѣвше, изыдоша в гору Елеонскую».[32]

Видиши ли, христолюбче, какова есть священьства тайна и божественаго причастия начало, еже убо сам их освяти и научи священиа дѣйствовати? Зри, любимиче, якоже испи вино, с водою растворив, такоже и на крестѣ от своих божественых ребръ два источника, кровь и воду, източи. Да и сие внемли, господа ради, како в тридесят лѣт възраста своего по всяко лѣто яде Спасъ законную пасху, а ни единою не рече: «Желанием вжелах ясти пасху сию», но токмо о сей новѣи благодатнѣи вечери тайнѣй, еже устрои смотрение нашему спасению.

О сих убо преуспокоивше слово, мала нѣкаа словеса изречем о нынѣшнем православном царствии пресвѣтлѣйшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже въ всей поднебесной единаго христианом царя и броздодръжателя святых Божиихъ престолъ, святыа вселенскиа апостолскиа церкве, иже вмѣсто римской и костянтинополской, иже есть в богоспасном граде Москвѣ святого и славнаго Успения пречистыя Богородица, иже едина въ вселеннѣи паче солнца свѣтится. Да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть *Ромеиское* царство[33]: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти.[34] Многажды и апостолъ Павел поминает Рима в посланиих, в толкованиих глаголет: «Рим — весь мир».[35] Уже бо христианской церкви исполнися блаженаго Давида глаголъ: «Се покой мой въ вѣк вѣка, зде вселюся, яко изволих и».[36] По великому же Богослову: «Жена облъчена в солнце, и луна под ногама ея, и чадо въ руку еа, и абие изыде змий от бездны, имѣа глав 7 и сем вѣнец на главах ему, и хотяше чадо жены пожрети. И даны быша женѣ крилѣ великаго орла, да бѣжит въ пустыню, змий же изо устъ своих испусти воду, яко рѣку, да ю в рѣцѣ потопит».[37] Воду же глаголют невѣрие, видиши ли, избранниче Божий, яко вся христианскаа царства потопишася от невѣрных, токмо единаго государя нашего царство едино благодатию Христовою стоит. Подобает царствующему дръжати сие с великым опасением и к Богу обращением, не уповати на злато и богатство изчезновение, но уповати на все дающаго Бога. А звѣзды, якоже и преже рекох, не помогут ничим, ни придадут ни уймут. Глаголет убо

връховный апостолъ Петръ в соборномъ Послании: «Един день пред Господомъ, яко тысяща лѣт, а тысяща лѣт, яко един день, — не опоздит Господь обѣта, еже обѣща, но долго тръпит, не хотя нѣкиа погубити, хотя всѣх в покаание вмѣстити».[38] Видиши ли, боголюбче, яко в руцѣ его дыхание всѣх сущих, глаголет бо, яко: «Еще единою потрясу не токмо землею, но и небом».[39] Понеже и апостолом еще не свершенным, выше силы не велѣл пытати: богословесный же наперсник во «Откровении» своем глаголет: «В послѣднее врѣмя спасаа, спаси душу свою, да не умрем второю смертию, геонскою,[40] но обратимся ко всемогущему спасти нас господу с молбами прилѣжными, и теплыми слезами приплачемся пред ним, яко да смилится обратити ярость свою от нас, и помилует нас, и сподобит нас услышати сладкый блаженый и въжделѣнный его глас: “Приидите, благословленнии, Отца моего наслѣдуйте уготованное вам царство преже сложениа миру”».[41]

Буди, спасаяся и здравствуя о Христѣ.

ПОСЛАНИЕ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВАСИЛИЮ, В НЕМЪЖЕ О ИСПРАВЛЕНИИ КРЕСТНАГО ЗНАМЕНИЯ И О СОДОМСКОМ БЛУДѢ

Иже от вышняа и от всемощныя вся содръжащиа десница Божиа, имьже царие царствуют и имьж велицыи величаются и силнии пишут правду тебѣ, пресвѣтлѣйшему и высокостолнѣйшему государю великому князю, православному христианьскому царю и всѣх владыцѣ, броздодержателю святых Божиих престолъ, святыа вселенскыя соборныя апостольскыя церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго еа Успения иж вмѣсто римския и константинопольския просиавшу, — стараго убо Рима церкви падеся невѣрием аполинариевы ереси, втораго Рима, Константинова града церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордъми разсѣкоша двери, сиа же нынѣ третиаго, новаго Рима, дръжавнаго твоего царствиа святая соборная апостольскаа церкви, иж в концых вселенныа в православной христианьстей вѣре во всей поднебесней паче солнца свѣтится, — и да вѣсть твоа держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианьския вѣры снидошася въ твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь.

Подобает тебѣ, царю, сие держати со страхом Божиимъ, убойся Бога, давшаго ти сия, не уповай на злато, и богатство, и славу: вся бо сиа здѣ собрана и на земли здѣ остают. Помяни, царю, оного блаженнаго, иж скипетръ в руцѣ и венец царствиа на своей главѣ нося, глаголаше: «Богатство, аще течет, не прилагайте сердца»;[42] премудрый же Соломонъ рече: «Богатьство и злато не во скровищих знается, но егда помогаетъ требующим»;[43] апостолъ же Павелъ, сим послѣдуа,

глаголет: «Корень всѣм злым — сребролюбие»,[44] — не не имѣти велит, но не прилагати упования ниже сердца к нему, но уповати на все дающаго Бога. Вся убо твоя к Богу чистая вѣра и любовь — ко святым Божиимъ церквам; но и еще, царю, исправи двѣ заповѣди.

Еже во твоем царствии не пологают человецы на себѣ право знамения честнаго креста, о нихъж издалеча провѣдый апостолъ Павел глаголаше: «Преже писах вам, нынѣ же плача глаголю о вразѣх креста Христова, имже конець пагуба».[45]

Второе: да исполниши святыя соборныя церкви епископы, да не вдовьствует святая Божиа церкви при твоемъ царствии! Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды — великий Константинъ, и блаженный святый Владимиръ, и великий богоизбранный Ярославъ и прочии блаженнии святии, ихьж корень и до тебе. Не обиди, царю, святых Божиих церквей и честныхъ монастырей, еже данное Богови в наслѣдие вѣчных благъ на память послѣднему роду, о сем убо святый великий Пятый соборъ страшное запрещение положи.

О третьей же пишу и плача горцѣ глаголю, яко да искорениши из своего православнаго царствия сий горкий плевелъ, о немьж и нынѣ *свидѣтельствуетъ* пламень жупелнаго горящаго огня в содомскыхъ стогнах, о немже пророкъ Исаия, рыдая, глаголаше: «Слышите слово Божие, князи содомстии, и внушите глаголъ Божий, людие гоморьстии: “Что ми тукъ жертвъ ваших и приношений ваших, исполнен есмь всесожжений. Аще принесете ми кадило — мерзостно ми есть, и праздниковъ ваших ненавидит душа моя!”»[46] Да слыши, благочестивый царю, яко пророкъ не мертвым погибшимъ содомляном таковая глаголаше, но живым человеком, творящым дѣла их. Писано бо есть: «Преступаяй от своеа жены раздираетъ плоть свою, а творяй содомъская, убиваетъ плодъ своего чрева».[47] Богь сотворилъ человека и сѣмя в нем на чадородие, мы ж сами свои сѣмена даемъ во убийство и въ жрътву диаволу. Да сия мерзость умножися не токмо в миръскых, но и в прочих, о нихже помолчю, чтый ж да разумѣетъ. Увы мнѣ, како долго терпит милостивый о нас не судя! Убо сия писахъ, но паче рыдая горцѣ самъ азъ окаянный о своих согрѣшениих, но боюся молчати, аки онъ рабъ, сокрывый талантъ.[48]

Аз бо грѣшный и грубый во всѣх и невѣжа въ премудрости, яко ж Валаамово осля[49] безсловесное словеснаго учаше, и скотина пророка наказоваше, яко да не зазриши о сих, благочестивый царю, яж дерзнух писати твоему величеству. И нынѣ молю тя и паки премолю: еж выше писах, внимай Господа ради, яко вся христианскаа царства снидошася въ твое царство, посемъ чаем царства, емуж нѣсть конца.

Сия ж писах ти, любя, и взывая, и моля щедротами Божиими, яко да премениши скупость на шедроты и немилосердие на милость. Утѣши плачющых и вопиющых день и нощь, избави обидимых из руки обидящых. «Не обидите, — рече Господь, — сих менших, вѣрующих в мя, ибо аггели их видятъ всегда лице отца моего, иж есть на небесѣх».[50] «Блажен, — рече, — разумѣваяи на нища и убога, в день лют избавит его Господь».[51] Господь сохранит его и живит и, и ублажит его на земли, и не предастъ его в рукы врагомъ, Господь *помощь* ти.

Да аще добро устроиши свое царство — будеши сынъ свѣта и гражанинъ вышняго Иерусалима, якоже выше писах ти и нынѣ глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся християнская царьства снидошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти. Уже твое християньское царство инѣм не останется,[52] по великому Богослову, а христианской церкви исполнися блаженнаго Давыда глаголъ: «Се покой мой в вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволих его».[53] Святый Ипполит рече: «Егда узрим обстоим Римъ перскими вои, и перси на нас с скифаны сходящас на брани, тогда неблазнено познаем, яко той есть Антихристъ». Богъ же мира, и любви, и долголѣтъства, и здравия, молитвами пречистыя Богоматере и святых чюдотворьцевъ и всѣх святых — да исполнит твое державно царство!

---

[1] *Бысть первый ... с небесе.* — 1 Кор. 15, 47.

[2] *Бысть первый ... животворящ.* — 1 Кор. 15, 45.

[3] *«Шестокрыл»* — астрономическое сочинение, содержащее таблицы для определения лунных фаз и затмений; появляется на Руси именно в это время.

[4] *Святым ... обновляется.* — Пс. 103, 30.

[5] *...«Да будет свѣт»...* — Быт. 1, 3.

[6] *И разлучи ... нощь...* — Быт. 1, 4—5.

[7] *Халдеи* — Вавилоняне.

[8] *Рече безумен ... своих.* — Пс, 13, 1.

[9] *...третины тверди не дошед.* — См.: 2 Кор. 12, 2—4.

[10] *«Не все ли... спасение?»*— Евр. 1, 14.

[11] *«Сама тварь... чад божиих».* — Рим. 8, 21.

[12] *«Аще послушаете... глаголаша сия».* — Ис. 1, 19—20.

[13] *«Господи, аще... своею областию».* — Деян. 1, 6—7.

[14] *«Кто дасть ... съгрѣшиша».* — Ис. 42, 24.

[15] *Девятдесят лѣт, како греческое царство разорися...* — Если под разорением греческого царства понимать взятие Константинополя турками в 1453 г., то время написания послания устанавливается как 1543 г. Эта датировка не согласуется с другими обстоятельствами написания послания, о которых, в частности, сказано выше, поэтому большинство исследователей склонно считать, что Филофей имеет в виду Ферраро-Флорентийский собор, установивший церковную унию. Собор имел место в 1438—1439 гг., и такая датировка лучше согласуется с предполагаемым временем написания послания. Общий контекст послания позволяет считать, что моментом падения Византии Филофей считает заключение унии.

[16] *Бѣша с нами в соединении семсот лѣт и 70, а егда отпадоша правыа вѣры семсот и 35 лѣт...* — При сложении цифр 770 и 735 получается 1505 г. — как время написания данного текста, однако к этой цифре следует прибавить 30 либо 33, ибо образование Церкви произошло в Пятидесятницу после Воскресения Господня, и только от момента образования Церкви и следует отсчитывать 770 лет единства. Можно думать, что моментом окончания единства Филофей считал последний, седьмой по счету, Вселенский собор, состоявшийся в 783—786 гг. (Второй Никейский). Филофей, как кажется, полагал, что именно в годы правления Карла Великого (768—814) на Западе перешли в причастии к пресному хлебу. Правление папы Формоза приходится на 891—896 гг. В 1054 г. при оформлении церковного раскола (эту дату Филофей не принимает во внимание) вопрос о причастном хлебе был среди главных, Флорентийский собор признал равнозначным оба ритуала — и с пресным, и с дрожжевым хлебом. При написании этого пассажа Филофей пользовался Хронографом в его редакции 1512 г., где сходная связь устанавливается между названными именами и событиями (это совпадение заставило А. А. Шахматова думать, что Филофей и был составителем данной редакции Хронографа).

[17] *Аполлинарий* — (род. ок. 310 — ум. после 380 г.). В своем учении ограничивал человеческое начало в природе Иисуса Христа, что верно излагает Филофей, однако никакого отношения к опреснокам он не имел.

[18] *Воини же ... июдѣйскыи!* — Мф. 27, 29.

[19] *Понт* — Римская провинция на южном побережье Черного моря, исторический Понтий Пилат отношения к ней не имел. Закреплению ложной этимологии способствовало обычное для древнерусской письменности именоваиие Пилата Понтийским.

[20] *«В поношение безумному дал мя еси».* — Пс. 38, 9.

[21] *Агарины внуци* — Агаряне, потомки библейской Агари (см.: Быт. 16, 11 —12), они же измаильтяне. В Библии общее название арабов, в христианской письменности — мусульман.

[22] *...в римскую власть написася.* — Имеется в виду, что перепись населения, в согласии с которой Св. Семейство пришло в Вифлеем (Лк. 2, 4), проходила в пределах Римской империи и по римским законам.

[23] *«Господи, гдѣ хощеши... со ученикы моими».*—Лк. 22, 9—11.

[24] *Сего ради тайная вечеря глаголется.* — Объяснение не соответствует действительности. Последний ужин Иисуса с учениками называется тайным потому, что на нем установлено, таинство причастия; лучше было бы говорить «таинственный».

[25] *...от 11 до 14...* — Возможно, речь идет о днях месяца нисана, в которые по лунному календарю празднуется иудейская Пасха. Однако употребление мацы (пресного хлеба) у иудеев начинается накануне Пасхи, 14 нисана, и продолжается в течение семи дней следующего за Пасхой праздника опресноков.

[26] *«Отче, прииде... сложениа мира».* — Ин. 17, 1—5.

[27] *«Аз есмь... аз в нем».* — Ин. 15, 5.

[28] *«Отче, святи... въ нас будут».* — Ин. 17, 17—21.

[29] *«Приимѣте... грѣхов».* — Мф. 26, 26.

[30] *«Пиите... грѣхов».* — Мф. 26, 28.

[31] *«Желанием... отца моего».* — Лк. 22, 15—16.

[32] *...«въспѣвше, изыдоша в гору Елеонскую».* — Мк. 14, 26.

[33] *...Ромеиское царство...* — В ркп. «росское», исправлено по списку РНБ. Q.XVII.50.

[34] *...два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти.* — По всей вероятности, мысль о четырех царствах восходит к Дан. 2, 37—40.

[35] *«Рим — весь мир».* — Выражение напомннает отклик на известную латинскую формулу urbi et orbi «городу (Риму) и миру», включенную в формулу папского благословения.

[36] *«Се покой... изволих и».* — Пс. 131, 14.

[37] *«Жена облъчена... в рѣцѣ потопит».* — Откр. 12, 1—4, 14—15.

[38] *«Единъ день... в покаание вмѣстити».* —- 2 Петр 3, 8—9.

[39] *«Еще единою... и небом».* — Аггей 2, 6.

[40] *«В послѣднее врѣмя... геонскою».* — Ср.: Ин. 6, 40, Откр. 20, 14.

[41] *«Приидите... сложениа миру».* — Мф. 25, 34.

[42] *«Богатство, аще... сердца»...* — Пс. 61, 11.

[43] *«Богатство и злато... требующим...»* —Притчи 28, 8.

[44] *«Корѣнь всѣм злым сребролюбие...»* — 1 Тим. 6, 10.

[45] *«Преже писах... пагуба».* — Фил. 3, 18—19.

[46] *«Слышите слово... ненавидит душа моя!»* — Ис. 1, 10—11, 13, 14.

[47] *«Преступаяй... чрева».* — Источник цитаты не определен. Для ее первой части использовано Быт. 2, 24.

[48] *...раб, сокрывый талант.* — См.: Мф. 25, 25.

[49] *Валаамово осля.* — См.: Числа 22, 28.

[50] *«Не обидите... на небесѣх».* — Мф. 18, 10.

[51] *«Блажен... избавит его Господь».* — Пс. 40, 2—3.

[52] *Уже твое христианьское царство инѣмъ не останется...* — Ср.: Откр. 17, 10.

[53] *«Се покой... изволих его».* — Пс. 131, 14.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ О НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ДНЯХ И ЧАСАХ

Государя великого князя дьяку, господину Михаилу Григорьевичу, твой нищий богомолец старец Филофей Бога молит и челом бьет.

Прислал ты, государь мой, мне свою грамоту, а в ней писано, чтобы я включенное в нее сочинение истолковал. Так тебе, моему государю, известно, что я деревенщина, учился лишь грамоте, а языческих

хитростей не проходил, витийственных звездочетов не читывал, да и с мудрыми философами в беседе не бывал; учусь лишь книгам благодатного Писания, и если бы можно было грешную мою душу очистить от грехов, о том молю милостивого Бога, господа нашего Иисуса Христа, и пречистую Богоматерь, и всех святых, угодивших Богу, чтобы избавил меня от вечных мук. А то, что писал ты о годовых числах, что в книгах Бытия, Моисеем написанных, о «Шестодневе», о сотворении мира, то хронограф, исключив пять первых дней, — начал с первого Адама и до ныне; католики же, пропуская все эти прошлые годы, счет годам начинают от рождества Христова; но между счетом тем или этим нет никакого различия. Ибо говорит апостол: «Был первый человек из земли тленен, второй человек — Господь небесный». И дальше сказал: «Был первый человек Адам с душою живою, второй же Адам — животворящего духа».

И вот над чем мудрят философы: год бывает двояким — солнечным и лунным; солнечный содержит триста шестьдесят пять дней, а лунный триста пятьдесят четыре; из этого ясно, что солнечный год больше лунного на одиннадцать дней, но в какое время солнечное или лунное затмение — не видно. Кто же прилежней займется этим и по «Шестокрылу» сосчитает части часов, то найдет, в какой час будет затмение луны и солнца; однако в этом труды и старание велики, а результат мал.

А что писал о движущихся звездах, что они предзнаменуют потоп, когда всей вселенной городам, и царствам, и странам, всем вместе на земле рожденным, настанет конец, то божественное Писание об этом ясно говорит: «Святым Духом всякая тварь обновляется», возвращаясь к прежнему, ибо равен он Отцу и Слову, но не от звезд так бывает.

Знаков же зодиака двенадцать, а планет семь, не чувствительны, не живые они, а просто нематериальный огонь. В первый день он создан Богом, когда сказал Бог: «Да будет свет», — и ни что иное свет, как огонь. И когда пожелал отделить свет от тьмы, повелел тому огню исчезнуть, и настала тьма. И разделил Бог свет и тьму, и нарек Бог свет днем, а тьму нарек ночью, и ни что иное ночь, как только изъятие света. На второй день сотворил он небо, на третий день сушу, моря, деревья, траву, семена, и половину вод помещает на небе. И потому, когда пожелал сотворить светила, на четвертый день из того огня, что назвал он светом, сотворил два больших светила: светило большое, для освещения дня, и это есть солнце, светило поменьше, для освещения ночи, и это есть луна, а также и звезды, как мудрый мастер дел золотых золота часть на сосуды, а часть на монеты выделил.

И назначил двенадцать звезд, что называем мы знаками зодиака, которые суть дороги солнцу и луне. И солнце движется по одной части зодиака тридцать дней и пять часов и затем переходит в другую часть зодиака, и так в двенадцати созвездиях зодиака из одного в другое переходя, образует год. Луна же полной становится за пятнадцать дней, ибо если б она становилась полной за день, было бы плохо для обоих светил и частые затмения. Луна же проходит каждый из двенадцати знаков зодиака за двадцать девять дней, и полдня, полчаса и пятую часть часа.

А что касается семи планет и двенадцати звезд зодиака, и прочих звезд, и плохих часов, и рождения человека под какой-то звездой, в час злой или добрый, определяющий участь, богатство или нищету, порождающий добродетели или пороки, многолетнюю жизнь или быструю смерть, — все то кощунство и басни. Первыми халдеи это написали, которые в суете ума своего построили башню и, на высоту попав, соблазнились звездами. Бог же, видя безумие их, замысел их рассеял, и дело разрушил, и писания их отверг. От них же и греки писания эти восприняли, и те планеты и прочие звезды богами назвали, и отошли от Творца, и поклонились сотворенному им; о таких пророк Давид говорил: «Сказал безумный в сердце своем: нет Бога. Погибли и помрачились в начинаниях своих». После греков еретики то приняли и насеяли горьких плевел посреди пшеницы православной христианской веры на прельщение малоумным людям, верящим в злые дни и часы, да в том и не каются, полагая, что это правда, но в день Страшного суда расплату получат и с еретиками будут осуждены за то, что обратили свет во тьму и истину в ложь. Если бы злые дни и часы сотворил Бог, зачем ему мучить грешных? Ведь Бог бы и был повинен в том, что породил злого человека.

Да и то, добрый человек, разумей, что от царя царевич родится, а от князя князь, и даже если не достигнет немного в чем-то отцовской славы и чести, но земледельцем не будет, и за земледельцев цари дочерей не дают, и у них за своих сыновей дочерей не берут, и все это правится по неведомым предначертаниям всесозидающего Бога.

А о звездном движении, и о солнце, и о луне пусть знает твое величество, что не сами те звезды движутся, что бесчувственны, и мертвы, и ничего не видят (ибо огонь невещественный ничего не видит, ничего не знает), но ангельскими неведомыми силами. Очевидец тому богоизбранный сосуд апостол Павел, который, лишь до трети неба не дойдя, посреди самых звезд бывши, там и видел самые эти ангельские силы, как непрестанно они трудятся для человека: те солнце носят, другие луну, иные звезды, те направляют по воздуху ветры, облака, гром, кто от земли воды возносит облаком, и землю поят ангелы на произрастание плодов, на весну и на лето, на осень и зиму. Потому и

показал Господь апостолу, какую неустанную службу несут ангелы ради человека, чтобы научить его непрестанно идти на проповедь ради спасения человека без лености; апостол же, увидев там невыразимые видения, в своих посланиях говорит: «Не все ли это служебные духи, служить посылаемые за тех, кто хочет получить спасение?» — и опять говорит, что «само творение освободится от рабства тлена ради свободы во славу Божьих чад». Понимаешь ли, милый, что творением называет ангелов, чадами Божьими — людей, освобождение ангелов понимает как прекращение службы их в день последний?

Что касается разрушения царств и стран — не от звезд оно происходит, но от все дающего Бога; об этом пророк Исайя говорит: «Если послушаете меня — благами земными насытитесь, если же не послушаете — оружие вас поглотит! — ибо уста Господни так говорили». И вновь вопросили апостолы: «Господи, не в этот ли год ты готовишь царство Израилево?» Иисус же сказал: «Не ваше дело разуметь времена и годы, которые Бог Отец положил своей властью». Так пойми, Господа ради, с какою звездой связаны христианские царства, ныне попранные неверными, как говорит пророк: «Кто отдал на разграбление Израиль — не Бог ли, перед которым согрешили?» Девяносто лет, как греческое царство разорено и не возобновится: и все это случилось грехов ради наших, потому что они предали православную греческую веру в католичество. И не удивляйся, избранник Божий, когда католики говорят: наше царство романское нерушимо пребывает, и если бы неправильно веровали, не позаботился бы о нас Господь. Не следует нам внимать прельщениям их, воистину они еретики, по своему желанию отпавшие от православной христианской веры особенно из-за службы с опресноками. Были с нами воедино семьсот лет и семьдесят, а отпали от правой веры семьсот и тридцать пять лет тому назад, в ересь Аполлинария впали, прельщенные Карлом-царем и папой Формозом. Говорят об опресноке, якобы ради чистоты и отсутствия страстей, но лгут, скрывая в себе дьявола. Аполлинарий же своим лжеучением повелел службу служить с опресноками потому, что, как говорят, не принял плоти человеческой от пречистой Девы Господь наш Иисус Христос, но с готовой небесною плотью, точно трубою, девственной утробой пройдя, душу человеческую не принял, но вместо души Дух святой в нем пребывает, вот чем прельщают незлобивых душ и неустойчивых. Увы, это горестное прельщение и отпадение от Бога живого! Ибо если плоти человеческой не принял Спаситель, то и падшего Адама и всех от него рожденных людей плоть не приобрела божественность, и если душу человеческую не принял Господь, то и теперь души людские не изведены из адских глубин.

Да кто же не содрогнется, кто не восплачет от такового прельщения и падения, в гордости безумия своего еретическим учениям последовали и богоубийственной толпе евреев, что во время распятия Христа были сообщниками тех, о которых евангелист говорит: «Воины же

прокуратора насмехались над ним, прегибая колени свои и говоря: “Радуйся, царь иудейский!”» Воины прокуратора — слуги Пилата, но так как Пилат был из римлян, из города Понта в Римской державе, то также и ныне во время молитвы не склоняют своей головы, но только колени чуть прегибают католики. О таких Давид, заранее Духом святым прозрев, словно от имени Иисуса сказал: «В поношение безумному дал ты меня». И воистину люди безумные, а не мудрые, ибо хотя великого Рима стены, и башни, и трехэтажные здания и не захвачены, однако души их дьяволом захвачены были из-за опресноков. Ибо хотя внуки Агари греческое царство покорили, но веры не повредили и не заставляют греков от веры отступать, однако же романское царство неразрушимо, ибо Господь в римскую область вписался.

Наше же христианское таинство вот что говорит о святом причастии. Приступили ученики к Иисусу, говоря: «Господи, где ты желаешь, чтобы мы приготовили тебе пасху?» Он же ответил им: «Вот как войдете вы в город, встретит вас человек, в глиняном кувшине воду несущий; последуйте за ним и хозяину дома скажите: “Учитель говорит: у тебя сотворю пасху с учениками моими”». Хозяин же дома был отец Иоанна Богослова Зеведей, которому повелел Иисус две пасхи приготовить: одну по обычаю Моисеева закона, и это был опреснок, другую же тайную, как делают хлеб на дрожжах. Потому-то и тайной вечерей зовется, что у евреев с одиннадцатого до четырнадцатого нет дрожжевого хлеба в домах. И сначала они законную пасху съели, как повелось, опреснок и ягненка с горчицей, стоя опоясанными и посохами подпираясь, с покрывалом на голове. После этого, сев, наставлял их, уча избегать начальствования, затем о предательстве говорит и после этого, налив в умывальник воды, начал ноги мыть ученикам, дав им образ святого крещения. Потом же снова возлег и велел поставить только хлеб и вино, стал печальные слова излагать, возведя божественные очи свои к небу: «Отче, настал час, восславь своего сына, и сын твой восславит тебя за то, что дал ты ему власть над плотью, за все, что ты мне дал, и я передам им вечную жизнь. И в том есть вечная жизнь, чтобы знали тебя единого истинного Бога, и кого ты послал — Иисуса Христа; и я восславил тебя на земле и дело исполнил, и ныне восславь же меня, Отче, той славой, которую имел у тебя я еще до создания мира». И снова сказал ученикам: «Я виноград, вы же ветви, кто пребудет во мне, и я в нем». И снова, возведя очи свои, сказал: «Отче, освяти их во имя твое, ибо я освятился сам, пусть будут и эти освящены праведно, но не об этих молюсь только, но и о тех, кто верует словам их обо мне; пусть будут все воедино, подобно тому, как, Отче, я в тебе и ты во мне, пусть и эти в нас будут». Понимай же двоякое тут: когда молится об этих, уже научив их святым тайнам, просит научить архиереев и священников посвящать у святой трапезы; там, где порядок обряда, тут и слуг поставлять подобает священнодействию. И тут, тотчас взяв принесенный хлеб в святые свои и пречистые руки, поднял вверх, показав Богу Отцу, благодаря, преломил, дал святым своим ученикам и апостолам, сказав: «Примите и ешьте, это тело мое, за вас преломленное и за многих во отпущение грехов». После еды же взял чашу плода виноградного, то есть вино, и, разбавив теплой водою, дал

ученикам, говоря: «Пейте из нее все, это кровь моя Нового Завета, та, что за вас проливаю и за многих во отпущение грехов». И не только давал ученикам, но и сам ел и пил с ними. Затем же снова говорит: «С желанием я возжелал есть эту пасху с вами прежде, чем приму мучение; с этих пор уже не смогу я пить от плода виноградного, но снова изопью с вами в царстве Отца моего», — и после того «с пением взошли они на гору Елеонскую».

Так видишь теперь, христолюбец, какова тайна освящения и происхождение божественного причастия, ведь сам Иисус их освятил и научил священнодействовать? Взгляни, милый, как испил вино, с водой смешав, так же и на кресте из своего божественного тела два источника, кровь и воду, он источил. Да и то пойми, Господа ради, что тридцать лет своей жизни каждый год ел Спаситель ветхозаветную пасху и никогда не сказал: «С желанием я возжелал есть пасху эту», и только об этой новой и благодатной вечере тайной, когда устроил он обеспечение нашему спасению.

Итак, о всем том прекратив речи, скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и правитель святых Божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения пречистой Богородицы, что одна во вселенной краше солнца светится. Так знай, боголюбец и христолюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать. Много раз и апостол Павел упоминает Рим в посланиях, в толкованиях говорится: «Рим — весь мир». Ведь на христианской церкви уже совершилось блаженного Давида слово: «Вот покой мой во веки веков, здесь поселюсь, как возжелал я». Согласно же великому Богослову: «Жена, облаченная в солнце, и луна под ногами ее, и младенец на руках у нее, и тотчас вышел змей из бездны, имеющий семь голов и семь венцов на головах своих, и хотел младенца этой жены поглотить. И даны были жене крылья великого орла, чтобы бежала в пустыню, и тогда змей из своих уст источил воду, словно реку, чтобы в реке ее утопить». Водой называют неверие; видишь, избранник Божий, как все христианские царства затоплены неверными, и только одного государя нашего царство одно благодатью Христовой стоит. Следует царствующему управлять им с великою тщательностью и с обращением к Богу, не надеяться на золото и на преходящее богатство, но уповать на все дающего Бога. А звезды, как я и прежде сказал, не помогут ни в чем, не прибавят и не убавят. Ибо говорит верховный апостол Петр в соборном Послании: «Один день пред Господом, как тысяча лет, а тысяча лет, как один день, — не задержит Господь награды, которую обещал, и долго терпит, никогда не желая погубить, желая всех

привести к покаянию». Видишь ли, боголюбец, что в руках его дыхание всех сущих, ибо говорит: «Еще однажды потрясу не только землей, но и небом». И так как и апостолы еще не были готовы, то сверх силы не велел вникать: Богословесный же наперсник в своем «Откровении» говорит: «В последние времена спасаясь, спаси свою душу, да не умрем второю смертью, в геенне огненной», но обратимся ко всемогущему во спасении Господу с мольбами искренними и усердными слезами восплачемся перед ним, чтобы смилостивился, отвратил ярость свою от нас, и помиловал нас, и сподобил нас услышать сладкий, блаженный и вожделенный его глас: «Приидите, благословенные, наследуйте уготованное вам царство Отца моего прежде создания мира».

Живи же, спасаясь и здравствуя, во Христе.

ПОСЛАНИЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВАСИЛИЮ, В КОТОРОМ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ КРЕСТНОГО ЗНАМЕНИЯ И О СОДОМСКОМ БЛУДЕ

Тот, кто от вышней и от всемогущей, все в себе содержащей, десницы Божьей, которой цари царствуют и которой великие славятся и могучие возвещают праведность твою, пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя великого князя, православного христианского царя и владыки всех, держащему бразды святых Божьих престолов, святой вселенской соборной апостольской церкви пречистой Богородицы, честного и славного ее Успения, кто вместо римского и константинопольского владык воссиял, — ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится, — так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоем царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь.

И следует тебе, царь, это блюсти со страхом Божьим, убойся Бога, давшего тебе это, не надейся на золото, и богатство, и славу: все это здесь собирается и здесь, на земле, остается. Вспомни, царь, того праведного, который, скипетр в руке и царский венец на своей голове нося, говорил: «Богатству, что притекает, не отдавайте сердца»; и сказал премудрый Соломон: «Богатство и золото не в сокровищнице познается, но когда помогает нуждающимся»; апостол же Павел, им следуя, говорит: «Корень всякому злу — сребролюбие», — не велит отказаться, но не возлагать надежды и тем более сердца на него, но

уповать на все дающего Бога. Ибо вся твоя к Богу чистая вера и любовь — к Божьим святым церквам; да и еще, царь, соблюди две заповеди.

А именно: в твоем царстве не осеняют люди себя правильно знамением святого креста, о которых давно провидевший это апостол Павел говорил: «Прежде писал вам, ныне же с плачем говорю о врагах креста Христова, которым конечная погибель».

Второе: наполни святые соборные церкви епископами, пусть не вдовствует святая Божия церковь в твое царствование! Не преступай, царь, завета, что положили твои предки — великий Константин, и блаженный святой Владимир, и великий богоизбранный Ярослав, и другие блаженные святые, того же корня, что и ты. Не обижай, царь, святых Божьих церквей и честных монастырей, как данных Богу в наследство вечных благ на память последующим родам, на что и священный великий Пятый собор строжайший запрет наложил.

О третьей же заповеди пишу и с плачем горько говорю, чтобы искоренил ты в своем православном царстве сей горький плевел, о котором и ныне еще свидетельствует серный пламень горящего огня на площадях Содомских, о котором пророк Исайя, рыдая, повествовал: «Вслушайтесь в слово Божие, князья Содомские, и воспримите Божий глагол, люди Гоморры: «Что мне жир жертв ваших и подношений ваших, переполнен я всесожжениями. И если принесете мне кадило — мерзко мне это, и праздники ваши ненавидит душа моя!» Так пойми, благочестивый царь, что пророк не мертвым, уже погибшим содомлянам такое говорил, но живым, творящим злые дела. Ибо сказано: «Изменяющий жене разрывает плоть свою, но творящий содомский блуд убивает плод своего чрева». Бог сотворил человека и семя в нем для рождения детей, а мы сами свое семя убиваем и отдаем в жертву дьяволу. И мерзость такая преумножилась не только среди мирян, но и средь прочих, о коих я умолчу, но читающий да разумеет. Увы мне, как долго терпит милостивый, нас не судя! Все это я написал, много и горько рыдая, и сам я, окаянный, полон грехов, но боюсь и молчать, подобно тому рабу, что скрыл свой талант.

Ибо я грешен и недостоин во всем и невежда в премудрости, но ведь и бессловесная Валаамова ослица разумного поучала, и скотина пророка наставляла, так и ты не зазри о том, благочестивый царь, что дерзнул я писать твоему величеству. И ныне молю тебя и вновь умоляю: все, что выше я написал, прими Бога ради, ибо все христианские царства сошлись в твоем царстве, после же этого мы ожидаем царства, которому нет конца.

Это ж тебе написал, любя, и призывая, и моля благодатью Божьей, что переменишь ты скупость на щедрость и немилосердие на милость. Утешь плачущих и рыдающих день и ночь, избавь обиженных от рук обижающих. «Не обижайте, — сказал Господь, — малых сих, верующих в меня, ибо ангелы их видят всегда лик Отца моего, который на небесах». «Блажен, — сказал, — призревший нищего и убогого, в день страшный спасет его Господь». Господь сохранит его, и оживит его, и ублажит его на земле, и не предаст его в руки врагов, Господь тебе в помощь.

И если хорошо урядишь свое царство — будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима, и как выше тебе написал, так и теперь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится, по слову великого Богослова, а для христианской церкви сбудется блаженного Давида слово: «Вот покой мой во веки веков, здесь поселюсь, как пожелал я того». Святой Ипполит сказал: «Когда увидим, что Рим осажден персидскими войсками и персы вместе со скифами идут на нас с боем, тогда несомненно поймем, что то Антихрист». Пусть же Бог миром, любовью, многолетием и здоровьем, молитвами пречистой Богоматери и святых чудотворцев и всех святых — преисполнит твое державное царствование!

СОЧИНЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина

ВСТУПЛЕНИЕ

В сочинениях Максима Грека впервые в русской литературе появляется тема предопределения, неумолимого рока. Фатализм, а это не то же, что вера в божественное провидение, несовместим с христианством — это хорошо понимал Максим Грек. Но в особой запальчивости, с которой писатель ополчается на людей, верящих в предопределение, в фатум, слышатся ноты личной обиды и горечи. Это не удивительно: что иное, как неумолимый рок, привело ученика итальянских гуманистов в застенки Иосифо-Волоколамского монастыря?

Удивительна жизнь Максима Грека, начальный период которой благодаря исследованиям И. Денисова мы знаем теперь неплохо. Максим Грек, в миру Михаил Триволис, родился в греческом городе Арте около 1470 г. В 1492 г., подобно многим своим соотечественникам, Михаил отправляется для завершения образования в Италию — во Флоренцию. Здесь он познакомился с гуманистани Анджело Полициано,

Марсилио Фичино и другими знаменитостями, которыми была богата Италия эпохи Возрождения. Побывал он также в Болонье, Падуе, Милане; в Венеции Михаил, по его словам, «часто хаживал книжным делом» к известному издателю Альду Мануцию. В 1498 г. он обосновывается в Мирандоле у Джанфранческо Мирандола, племянника знаменитого гуманиста Джованни Пико делла Мирандола. Но из всех впечатлений, вынесенных из Италии, наиболее сильными оказались впечатления от проповедей Иеронима Савонаролы; влиянием идей Савонаролы объясняется решение Михаила постричься в доминиканском монастыре Сан Марко, который еще был полон воспоминаниями о великом флорентийском реформаторе. В Сан Марко Михаил пробыл недолго — с 1502 по 1504 г.; неспокойная душа не давала ему долго оставаться на одном месте. Он навсегда покидает Италию с тем, чтобы обосноваться на Афоне, где Михаил под именем Максима постригся в Ватопедском монастыре. Этот момент был переломным в жизни писателя: отныне он отрекается от своих прежних гуманистических увлечений и целиком предается изучению богословия.

Однако спокойная жизнь Максима продолжалась недолго: в 1516 г. по запросу великого князя Василия III Максим выезжает в Москву для перевода Толковой Псалтири. Несмотря на многочисленные просьбы ученого переводчика, московские власти так и не отпустили его обратно на Афон, используя для перевода и исправления других книг. Жизнь Максима оказалась навсегда связанной с Россией.

Михаил Триволис становится Максимом Греком, одним из наиболее плодовитых и разносторонних русских писателей XVI в.

В Москве Максим Грек собирает вокруг себя целый кружок образованных русских людей, которые приходили к нему в келью в Чудов монастырь «говаривать с ним книгами». В это время Максим познакомился и сблизился с Вассианом Патрикеевым и примкнул к партии нестяжателей — противников монастырского землевладения. Это предопределило его дальнейшую судьбу. В 1525 г. Максим Грек предстал перед церковным собором, на котором писатель был обвинен в ереси, в сношениях с турецким правительством (в настоящее время доказана полная несостоятельность этого обвинения) и заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь. Вторично Максим Грек был вызван на собор 1531 г., на котором ему был предъявлен целый ряд новых обвинений, в частности в порче богослужебных книг. Писатель был вновь осужден, на этот раз вместе со своим другом Вассианом Патрикеевым, и сослан вторично — в Тверской Отроч монастырь под надзор тамошнему епископу Акакию. Лишь в 1551 г, за пять лет до смерти, по ходатайству игумена Троице-Сергиевой лавры Артемия Максима Грека перевели в лавру. Здесь он умер и был похоронен.

Литературное наследие Максима Грека обширно и многообразно. Несмотря на наличие ряда серьезных работ, посвященных жизни и творчеству писателя, в целом его сочинения и переводы изучены еще очень поверхностно; многие из них до сих пор не издавались, издание других не отвечает современным научным требованиям. В этой книге

публикуются лишь два сочинения Максима Грека. Первое — это послание «о фортунѣ» (адресат его неизвестен), ярко характеризующее общественную атмосферу в Древней Руси XVI в., когда приобрели популярность сомнительные, с точки зрения ортодоксального христианства, мысли, в том числе астрологические и фаталистические идеи (ср. также публикуемую в данном томе переписку Максима Грека с Федором Карповым). Второе — это знаменитая «Повѣсть страшна и достопамятна», в которой содержится подробный рассказ о деятельности и гибели Иеронима Савонаролы. Точной датировке эти сочинения не поддаются — как и большинство творений Максима Грека. Сочинения издаются по рукописи: РГБ, ф. 37, собр. Большакова; № 285, лл. 137 об.—145 (гл. 55) и лл. 271 об. — 196 (гл. 71), содержащей авторскую правку. Два исправления во втором сочинении («кождо», «съкрывающих» вместо читающихся в рукописи «кожо», «съкрывающим» — лл. 284 об., 296) внесены по рукописи также с авторской правкой РГБ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, лл. 232, 239.

В переводе и комментарии учтены переводы обоих сочинений в издании: Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. I—III. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910—1911, а также отрывки из «Повѣсти страшной и достопамятной» и комментарий к ним в кн.: *Denissoff E.* Maxime le Grec et lʾOccident: Contribution à lʾhistoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolys. Paris; Louvain, 1943.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ О ФОРТУНЕ

ТОГО ЖЕ ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА ПОСЛАНИЕ К НѢКОЕМУ ИНОКУ, БЫВШЕМУ В ИГУМЕНѢХ, О НЕМЕЦКОЙ ПРЕЛЕСТИ, ГЛАГОЛЕМѢЙ ФОРТУНѢ, И О КОЛЕСѢ ЕЯ

Многымъ сущимъ считаемымъ от божественаго апостола свойством и дѣйствомъ неложныя и съвръшеныя любви,[1] яже по Бозѣ — еже не радоватися о неправдѣ, сърадовати же ся истинѣ показателнѣе азъ мню знамение ея. Съй бо въистину вѣренъ и истиннѣйши другъ,[2] иже радуется убо от всея души о исправлениих и благопоспѣшениихъ друга своего, акы о своих си; скръбитъ же пакы, егда узритъ его или о спасителных заблужающа благочестиа апостольскых догматъ и отечьскыхъ преданий, или в нѣкых житейскых бѣдахъ падша; иже и боля за друга своего, тщится всякымъ образом пособити ему и въ пръвое познание истины привести его. Сею убо и аз любовию связанъ къ твоему преподобъству, възлюблене ми брате, неправдуя явлюся въистину въ законы святыя любви, аще умлъчю, о них же слышу тя вслѣд идуща еллинскаго, и халдѣйскаго, и латынскаго, бѣсы обрѣтенаго учительства.[3]

Глаголю же, о немже мудръствуеши самъ и иныхъ увѣщаваешь, — колесомъ счастия глаголемыя по-латинскы фортуны Христа Бога и Спаса нашего правити же и строити человечьскыя вещи и овѣх убо тѣм на высоту властей възводити, овѣх же оттуду въ послѣднее низлагати безчестие и безславие. Дивлюся убо, како ты, таковъ сый и въ разумѣ Богодухновеных писаний искуснѣйши болѣе иныхъ сверстникъ твоих, сице скоро въсхищенъ еси такымъ богомръзкым учительством прелестника Николаа Германа,[4] ни въ едином божественом Писании дотолѣ ниже слышавъ е, ниже видѣвъ. Аще убо хощеши сложитися истинѣ, супротивно же паче обрящеши — не токмо отнудь отметаемо е от всѣх богодухновеныхъ отецъ и учителехъ, но и анафематѣ предаемо то самое и проходящихъ, и проповѣдующих е. Вѣмы бо, яко сицевая прелесть от Зороастра и Тана[5] — древнихъ влъхвовъ, бывших у персянѣхъ, начяло имѣ, иже научишя небеснымъ и звѣздным движениемъ строятися человеческымъ всѣмъ вещемъ — аще исправления, аще бѣды житейскы; ея же прелесть прияшя убо вседушно египтяне, а от них же еллини, иже и промыслишя и ина многа злочестива и хулна на самого Съдѣтеля всѣх. Ими же мудръствуютъ и учатъ треокаянии, звѣздонужными силами и планитовъ къ зодиомъ снитии являюще его съвръшающа злыхъ и благыхъ, славных же и неславных, ражаемых под тѣмъ или под тѣм планитом и звѣздѣ. Сии же умыслишя, от земля и чрева своего вѣщающе, баснословное имя счастиа или фортуны, ея же и слѣпу именуеть нѣкый мудрець еллинскый именемъ Кевисъ.[6] И на камени сѣдящу оболом и слѣпу убо наричет ея по своихъ прелестѣх, акы бесчинно, и безсловесно, и неравнѣ подающу человекомъ имѣния же и саны властелныя; на оболом же камени сѣдящу ея являеть, за еже дарованиемъ ея не бывати тврьдымъ, но удобь препадающим и къ инымъ преходящимъ.

Таковыми убо еллини же и египтяне баснями играюще, играеми от бѣсовъ, и писашя и уставишя, акы непричястни бывше божественаго свѣта неблазненаго богопреданнаго разума пророчьскых Богодухновеных писаний. Ими же зря злоначалный и злокозненый диаволъ просвѣщаемых благовѣрныхъ и сего ради не прилагающихся таковому его богомръзкому учительству, но паче ненавидящих и отвращающихся его, и инымъ путемъ тщася вескврьный удобь приятно сътворити то благочестивым: увѣщалъ латынях и германъ, погруженыхъ уже въ то сущих и всю душегубителную прелесть поглотивших, мало повыше богомръзкаго подобия лъжеименнаго разума, глаголю же басненыя фортуны, пречистый и покланяемый образ писати Господа и Спаса нашего Исуса Христа, чепию тонкою, от рукы святыя его висящею, правяща ея и писанное пред нею коло, — да тѣмъ образом благочестивии прелщаеми бываютъ богомръзкою прелестию звѣздочетскою, сматряюще фортуну правляему от пречистыя рукы Спасовы. Попущаеть нечестивый диаволъ мало что показание благочестиа приписати къ лукавому нечестия его умышлению, да сице тѣмъ въдрузить въ мыслех благочестивых прелесть лъжесловцовъ астрологь. И ничто же дивно! Идѣ же многажды явися нечестивый не точию аггела свѣта и священника, святая носящаго, образъ подшедъ, да

пустынника свята прелстить, но есть, егда и самого Спаса страшнымъ образомъ дѣйствовавъ, всесквръный.

А яко убо еллиномъ есть умышление лукавое таковое мудрование — слыши внятно и уразумѣй прилѣжнѣ, что глаголеть о фортунѣ басненѣй премудръ нѣкый христианскый философъ.[7] «Счастие у еллинехъ, — рече, — есть же и мнима есть беспромыслeное миру строение или движение от безвѣстных на безвѣстное и собою бываемое; мы же, благовѣрнии христиане, Христа Бога исповѣдуем страяюща и правяща вся». И пакы тъй же: «Не человечьскыми помыслы и съвѣты, но Божиимъ промысломъ и неиспытанными его судьбами устроятися вся человечьская, е же убо человеци несмыслени тихинь и имарменинь[8] обыкошя нарицати, не разумѣюще, откуду и чесо ради кому бываютъ случаема». Мы же, благовѣрнии христиане, вѣруемъ въ Христа, правяща вся. Примѣти прилѣжнѣ уставъ, иже по еллинех, фортунинъ: глаголютъ бо они счастию быти беспромыслену строению мира, сирѣчь не по премудрому и праведну промыслу Божию бываему. Разумѣеши ли отселѣ, яко велми латыне и германе хулять на единого преблагаго, и преправеднаго, и премудраго Творца и правителя всячьскых, приписующе къ пречистому образу Спасову богомръзкое подобие счастия, акы нѣкую съпоспѣшницу и състроителницу ему исповѣдующе ея, ниже от Божественых писаней научившеся сему — ниже бо обрящеши нигдѣ же въ Богодухновеных писаниих носимо сицево душегубително мудрование, — ниже убо от внѣшных всѣхъ философъ[9] хваляемо слышавше е — понеже и нѣции от них слѣпу наричютъ ея и беспромыслeное миру строение, сирѣчь не по Божию промыслу и учению бываему? Тии же, осуждающе Епикура философа о них же злѣ мудрьствова и училъ есть, и симъ не хвалят и безбожника его наричютъ, сие глаголюще: «Епикурово злѣйше учение и сие есть,[10] яко и вся тварь сия счастиемъ нѣкым, а не хотѣниемъ и судом Божиимъ правится». Слышиши ли, чие сие учение безбожное и како от самѣх еллинех злѣ хулимо есть?

Како убо сице удобь и несмысленѣ сицевый ты въсхищаешися сицевыми безумными блядми немецкыми, и преслушаешь божественаго тайноглагольника, глаголющаго намъ епистолиемъ, еже къ коласаемъ: «Блюдитеся, да никто же вас будет прелщая философиею и суетною прелестию, по преданию человеческому, по стихиамъ мира сего, а не по Христѣ».[11] И пакы тъй же въ послании, еже къ еврѣомъ: «Учении различными и чюжыми не скытайтеся».[12] Како же не устрашился оном того же богопроповѣдника, в нихже глаголеть къ несмысленым галатом: «Аще кто благовѣствуетъ вамъ паче, еже приясте — сирѣчь от нас, апостол Христовыхъ, — анафема да есть»;[13] аще и «аггелъ съ небеси»[14] будет сицевый, «анафема да есть», рекше проклят буди. Разумѣеши ли от сихъ, яко и нѣмци, и латыне под той же апостольстѣй анафемѣ суть акы чюжая учения влагающе въ мыслехъ благочестивых.

Потщися убо, Бога ради потщися, отскочи таковыя немецкыя прелести и исповѣдуй прямѣ и чистѣ съ богодухновеными Давыдомъ и пророчицею Анною,[15] глаголющими сице, явѣ и без хитрословия всякого: «Господь убожитъ и богатит, смиряеть и высить, възставляеть от земля нища и от гноищ въздвизаеть убога». Чесо ради, рци намъ, о священная пророчице? «Да посадитъ его, — рече, — съ силными людий и престолом славным наслѣдника сътворить его».[16] Не фортуною басненою и вертѣнием колесненымъ, но пророкомъ святым преже убо Саула, послѣ же Давида помазавъ ихъ на царехъ,[17] ового убо приемъ от паствы овець «и доилиць», якоже есть писано, ового же ищуща погыбшыя ослята отца своего. Такожде смыслено разсуждай и оно, како Иосиф блаженый прославися въ Египтѣ,[18] яко и второму по фараонѣ познаватися властелю всего Египта; такожде како же и Моисей въ толику высоту възнесенъ бысть[19] — строением и маниемъ Божиимъ, а не слѣпымъ счастиемъ и вертѣниемъ колесненым. Чюжо сие, чюжо есть отнудь и невѣдомо Святым писаниомъ учение еже о фортунѣ латынстѣй, любезнѣйши ми брате и господине! Сего ради и далече мечеть православных събора прилагающихся сему богопротивному учению. Обрѣтають бо ся сицевии не съ Христомъ събирающе пшеницю чистую,[20] сирѣчь вѣру пречисту и непорочну въ небесных его житницах, яже суть сердца и мысли православнѣ вѣрующихъ в него, но паче высыпають от себе и послушающих ихъ вложенное свыше въ мыслех своихъ божественое съкровище, еже о православных догматъ праведнѣйшаго промысла Божиа. Яже не писана бышя богодухновеными пророкы и апостолы, ниже мудръствовати подобаеть нам, завѣщаваеть крѣпцѣ великый всея вселеныя свѣтилникъ Иоаннъ Златоглаголивый.[21]

Пребудемъ убо внутрь предѣлъ неблазненаго благоразумиа. Пиимь беззлобиемь «словесное и нелестное млеко»,[22] акы неискусозлобнии младенци, да явимся прямѣ исправивше Спасово повелѣние, глаголющее: «Аще не обратитеся и будите якоже дѣти, не имати внити въ царствие небесное».[23] И пакы: «Аще кто не прииметь царствие Божие, акы дѣтищъ, не можеть внити в не».[24] «Царство Божие» нарицая Владыка здѣ евангельскую проповѣдь, сирѣчь елика, самъ услышавъ у отца своего, открылъ своимъ учеником. Якова же суть: заповѣди, таиньственыя притчи, яже о неблазненом богоразумии догматы, елико о присносущьствѣ Отца, и Сына, и святаго Духа — единого Божества, и господьства, и царства, елика о безсмертии душевнѣм и о будущемъ напослѣдокъ общемъ въскресении, и о въздаянии живших благочестиво и богоугодно, и о бесконечном мучении не покоршихся апосольстѣй проповѣди, нечестиво живших.

Сия вся и подобная симъ апостольскыя и пророчьскыя догмы же и предания единымъ словомъ Спасъ «царствие Божие» нарече, яже и хощеть нас просто и съ всякою вѣрою и благоговѣиньством приимати и твердѣ въ себѣ вѣдрузити, имже образомь и незлобивии дѣти без испытания приимають наказания своихъ учителехъ, иже и вѣрою, и

благопокорьствомъ еже къ наказателемъ достизаютъ съвръшенное познание Священных писаний и словесных наказаний. Такожде подобаеть и намъ прилѣжати къ преданымъ намъ от самого Спаса нашего, и святыхъ его ученикъ, и апостолъ, и вселенскых съборъ догматом же и завѣщаниомъ, ниже приложити что к нимъ отнудь, ниже пакы уложити по правому уставу богоносных отецъ наших, ихже святыми молитвами да сподобимся получити часть спасаемыхъ, аминь.

ПОВЕСТЬ О САВОНАРОЛЕ

ТОГО ЖЕ ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА ПОВѢСТЬ СТРАШНА И ДОСТОПАМЯТНА И О СЪВРЪШЕНОМ ИНОЧЬСКОМЪ ЖИТЕЛЬСТВѢ

Повѣсть нѣкую страшную начиная писанию предати, молю прочитающих списание сие не мнѣти имъ мене чрез естественая лжущаго. Послухъ же имъ от мене тъй самъ Богъ, иже вѣсть тайная, яко истину пишу, юже самъ не точию писану видѣх и прочтохъ, но и слухом прияхъ от мужей достовѣрных, сирѣчь добродѣтелию жития и премудростию многою украшеных, у них же азъ, зѣло юнъ сый, пожих лѣта доволна. Но ниже оно ихъ да в сумнѣние влагаеть, яко у мужех, латыньская учения любящихъ, сицево преславное учюдотворися хотящемъ «всякого человека спастися и въ разумъ истинный приити». [25] Обычай бо есть божественѣй благости вездѣ всѣмъ человеком простирати неизреченная дарования и благотворения своих щедрот, всѣмъ вкупѣ сущимъ под небесемъ являя себе образом симъ и обращая къ себѣ все творение свое, иже «въсияеть солнца своего на злыя и благыя и дождить на праведныя и неправедныя».[26] Но сия убо сице и дотолико, нынѣ же время начяти повѣсть.

Паризиа градъ есть нарочит и многочеловеченъ въ Галиехъ, яже нынѣ глаголются Франза — дръжава велия, и преславна, и богатящи бесчислеными благыми, ихже пръвое и изрядно есть — еже о философьскых и богословьскых догматѣх наказание же и тщание, туне подаема всѣмъ вкупѣ рачителемъ сицевых изрядных учений. Казателемъ бо сицевыхъ учений оброкы обилны даются по вся лѣта от царскых съкровищъ, по многому любочестию царствующаго тамо и егоже имать желанию о словесном художьствѣ. Тамо обрящеши всякое художьство не точию нашего благочестиваго богословия и философии священныя, но и внѣшняго наказания всячьская учения, въ совершенно достижение свое руководяща рачителя своя, их же множество многочислено зѣло, якоже слышах от нѣкых. Отовсюду бо западных странъ и сѣверьскых[27] събираются въ предреченном великом градѣ Парисии желаниемъ словесных художествъ, не точию сынове простѣйших человекъ, но и самѣх иже въ царскую высоту и боярскаго и

княжескаго сана: овѣх убо сынове, овѣх же братия, овѣх же внучята и инако сродникы. Их же кождо время доволно въ учениих прилѣжно упразднився, възвращается въ свою страну, преполонъ всякыя премудрости и разума. И есть сицевый украшение и похвала своему отечьству, съвѣтникъ бо ему есть предобрь, и предстатель искусенъ, и споспѣшникъ ему бодрѣйшый въ вся, елика потребна ему будут. Такымъ подобаеть быти же и бывати своим отечьствомъ, иже у нас о благородии и изобилии богатства зѣло хвалящеися, иже, от священнаго наказания словесных учений наставляеми и просвѣщаеми, възмогут не точию сами своимъ непохвалным страстем одолѣти, и о внѣшном женолѣпномъ украшении не радити, и внѣ сребролюбия и всякого лихоимания себе блюсти, но еще и иныхъ понудят подражателемъ ихъ бывати, любителемъ всякого богоугоднаго житльства. Но сия убо сице и дотолико.

Въ всечестномъ убо градѣ семъ бысть нѣкый мужь,[28] могъ въ всякой премудрости внѣшнѣй, и еже по нас священномъ богослови учитель велик, и пръвый сущих тамо сказателей, егоже имя не познах ниже бо слышах когда у кого. Сей сицевый и толь чюденъ и преименитъ мужъ, растлъкуя, якоже оному обычай, своимъ учеником блаженаго апостола Павла богословьскыя гласы, надменъ бывъ мыслию от вселшагося в немъ многоученаго разума, изыде «велерѣчие, — по Писанию рещи, — от устъ»[29] его, и глагола, не обинуяся: «Сицево богословное речение ниже самъ Павелъ възможе достизати и изъяснити, якоже азъ». Оле безумнаго оного велерѣчия, и дръзости, и многолѣтнаго неразумия! Како не разумѣ Спасово спасително завѣщание, глаголющее: «Нѣсть ученикъ паче учителя своего»; и пакы: «Довлѣеть ученику, да будет якоже учитель его»?[30] Но аще и онъ забы Владычняго сего завѣщания, но Божий суд, иже всегда грьдымъ противляется, не замедли, но абие его достиже, и мертва его абие показа, и безгласна сътвори бывшаго преже велегласна и велерѣчива; и онъ убо мертвъ уже и безгласенъ являшеся на учителнѣм своемъ сѣдалищи. Прилучившии же ся тогда ту мнози числом оного ученикы, ужасни и пристрашни бывше о случившемся по воли всяко неумытнаго Судии, снемше его оттуда и на одрѣ преклонше, въ церковь его отнесошя и обычными пѣнии съвръшаемых над мертвым скончявше. О страшнаго слышания: умерый оживе и, сѣд на одрѣ, възопи: «Поставленъ есмь предъ Судиею». И, сие рекъ, пакы мертвъ възлеже без дыхания и без гласа. Предстоящим же и ужасающимся о бывшем необычномъ зрѣнии и слухѣ и еже «Господи помилуй» и съ страхом зѣлным въпиющим на много время, пакы умерый, оживъ, глагола: «Испытанъ есть». И пакы умерый възлеже на одрѣ, и пакы болши страхъ предстоящим, излишний ужасъ, и: «Погребание не спѣшим, — глаголютъ, — услышим, что конець необычнаго сего зрѣния». Пакы умерый, оживъ, послѣдний глас испусти, рекъ: «Осужен есм». И к тому не приложи ожити и глаголати. Таковъ бысть конець пресловутому оному казателю, и такова въздаания безумнаго оного възнесения, преслушавшаго божественаго проповѣдника, глаголющаго: «Разумъ убо кичить, а любви съзидаеть».[31]

Оттолѣ убо ученици его, мнози суще числомъ, и благородни, и пребогати юношя, зазрѣвше маловременных красных суетнаго сего жития, и тщаниа излишняго еже о учениих, и славу суетную, прибываемую имъ от них — вся сия презрѣвше и оплювавше, отрекошася единомыслиемъ всѣх житейскых печалей, и, своя стяжания и имѣния убогым и нужным раздавше по евангельской заповѣди, устремишася единодушно на мѣсто далече, идѣже манастырь съоруживше себѣ, и мала стяжанища монастырю отдѣливше на прокръмление себѣ, иночьское житие възлюбишя, правило и мѣру нову себѣ, не всякому удобь съвръшаему, уставивше такову: въ своей кѣлии комуждо ихъ жити единому, не происходящу выну и небесѣдна, молчание любяща съвръшено не токмо у себе, но и въ уставленых в церкви събраний, кротостию многою и млъчаниемъ съвръшати сих Богови, ничто же отнудь житейско глаголающих меж себе; ясти же комуждо въ своей келии приносимая ему общимъ ихъ служебником, не дверию оного лазящим к нему — сие бо отречеся отнюдь, но въ еже подлѣ двери дѣланом окнѣ положити уставленая имъ брашна, не якова кождо въжделѣеть, но якова убо настоятель ихъ указалъ строителю обители;[32] събирати же ся имъ въ трапезу по вся недели и по вся нарочиты праздникы. За кождую кѣлиею их садець малъ на мало имъ прохлажение, и кладезець малъ под самымъ окном, и черпало мѣдяно есть, в келиях же ихъ ничто же ино обрящеши, развѣ мало книгъ и яже носит рубища. Гдѣ у нихъ особно нѣкое желаемо брашно, или питие, или овощь нѣкый, или что ино, наслажающе грътань? Гдѣ у них стяжание сребра и злата? Гдѣ у них празднословие, или скврънословие, или смѣх безвременен и безчиненъ? Пияньство же и преизлишие сладкых ядений ниже слышится у них; сребролюбие же, лихоимание, и росты, и лукавый нравъ мрьзко у них и проклято слышание; одѣяния же из власяна и вся бѣла, чистоту жития ихъ и пребывания образующа; лжа же, и ослушание, и прекословие исчезошя вся у них в конець. Гдѣ у них отметание обѣтъ, их же дашя Богови, внегда стригошя влася? Никакоже убо обрящиши, много трудився! Но ниже ину обитель по прехожению частому знають, — якоже мы преходимь бесчинно и кромѣ обѣтъ нашихъ от обители нашея ко иной, легкостию ума нашего, преслушающе Бога и Спаса нашего, повелѣвающаго намъ своимъ Евангелием: «В ню же аще храмину внидете, в той пребывайте, донде же изыдете»,[33] и не преходите от храмины въ храмину. Что к симъ отвѣщаимъ мы страшному и неумытному Судии? Глаголеть бо сице явѣ и отрицателнѣ: «Всякъ, слышай словеса моя сия и не творит я, уподобится мужу бую»,[34] и прочая, явлена суть всякому. Безотвѣтни убо есме и буи у него възмнимся акы без ума преступающе святыя заповѣди его.

Услышим же ино ихъ строение, зѣло Богу угодно и спасително възлюбившим иночьское житие. Усмотривше они премудрѣ, яко рѣткости для произволяющих равноаггельное иночьское жительство и за скоросмертное человеческаго роду сущая вездѣ страны онѣх обрѣтаеми обители честныя — ови убо преплъни суть иноковъ, и

священниковъ, и диаконовъ, ови же супротивно лишаются коегождо иноческаго чина настоятели и началникы. Различни бо иночьстии чинове суть у латынѣх,[35] а не единъ, яко же у нас. Настоятель всякого чина, егоже зенералемъ наричют, повелѣваеть въ онсица град събратися всѣмъ игуменом и началникомъ вездѣ сущих манастырех на разсмотрение и исправление поспѣшествующих къ спасению и пребыванию иноковъ и манастырей ихъ. И по повелѣнию его събираются вси без извѣта в он же аще град онъ уставить. И вси они исплънени всякыя философии и разума Богодухновеных писаний, числом тысяща есть, егда и паче тысящи, и сихъ всѣхъ питаеть град, вън же събираются, въ елико время живут в нем. В нем же по вся дни събраеми вкупѣ, разсмотряють по Бозѣ исправление манастырей, боголѣпное строение, и в коей обители аще услышать скудость быти священников, и диаконовъ, и простых иноковъ, приимше от иныя многолюдныя обители, посылають тамо с писаниемъ соборным. И ниже обитель, из неяже взяти бышя, не скорбит, ни противится, ниже к нейже послани бышя преслушають съборнаго устава, но и обоя съ всякою радостию и послушаниемъ повинуется съборному уставу: ова убо обитель отпущающи братию с миром, ова же приимающи съ всякымъ братолюбиемъ акы своя уды. И сице обрѣтаются исполняюще глаголющее священное слово: «Пришлець азъ есмь и преселникъ, якоже вси отци мои».[36] Таково у них съвръшено братолюбие есть и благопокорство къ настоятелем своимъ. Нѣсть у них ничто же свое, но вся обща, нестяжание же любят акы велие благо духовное, съблюдаетъ бо ихъ в тишинѣ, и всякой правдѣ, и неколебании помысловъ, и внѣ всякого сребролюбия и лихоимания.

Тако же събор ихъ сиа расмотряеть и исправляет, яже о игуменѣх манастырскыхъ. И елико аще ихъ увѣдят бесчинно и не по преданому правилу и мѣрѣ строяющих братию, скинуть ихъ, и епитимиамъ приличным[37] подлагают, и, иных избравше, отпущають съ грамотами събора въ порученых имъ манастырѣхъ. Сия же и ина нѣкая сицева добрѣ и богоугоднѣ вкупѣ разсмотривше и исправивше, расходятся, и кождо спѣшит къ своей обители. Предъизбранный же от събора зенераль, еже есть порускы съборный призиратель и посѣтитель, всѣх вкупѣ честных обителей своего чина беспрестани обьежжаеть, посѣщая игумены монастырские, како убо кождо строитъ братская и манастырьская, и аще убо благочинно и якоже Господеви угодно есть — похвала ему от него и утвръжение, аще же не таковъ — скинувъ его, епитимиямъ подлагает и иного вымѣсто его поставляет. И чиномъ симъ предобрѣйше строятся яже у них честныя обители о всяком благочинии и благоговѣиньствѣ иночьском, съузомъ священныя любве съдръжими же и утвръжаеми. Такоже подобаше и у нас, православных, строитися яже о нас, иноцѣх, и богоносных отець съборы избиратися игуменомъ священных манастырей, а не дары сребра и злата, приносимыми народнымъ писаремъ,[38] игуменскыя власти искати хотящему, ихже множайшии ненаказани отнюдь въ божественых суть и бесчинникы житиемъ, въ пиянствѣ всегда и пищи всякой упражняющеся сами, а сущии под рукою ихъ братия, презиреми тѣлеснѣ и небрегоми духовнѣ,

скитаются безпутиемъ, якоже овци, не имуще пастыря.[39] Увы, увы, пощади, Господи, пощади!

Елма же нѣции, отъ самолюбия и славолюбия ослѣпляеми, глаголють: како и откуду питаются, любяще съвръшено нестяжание, — азъ и сие покажу имъ, поне же сами волею слѣпотуют къ евангельской истинѣ, от самолюбия и славолюбия побѣждаеми. Не слышасте ли, о предобрии, Спаса нашего Исуса Христа, глаголющаго священным учеником своимъ: «Не пецѣтеся душею вашею, что ясте и что пиете, ниже тѣлом своимъ, въ что облечетеся. Взыскуйте же преже царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вамъ».[40] Сию владычнюю спасителную заповѣдь и поучение съблюдающе, они не пекутся, како пристяжут изъобилие имѣний, и стяжаний, и стада всячьскых скотовъ, ниже велия съкровища на земли, злата и сребра. Едино у них преизобилно стяжание и съкровище неистощаемо есть — прилѣжнейше съблюдение и скончание всѣхъ евангельскых заповѣдей, имиже скоро и удобь исправляется у них главизна добродѣтелей — любовь, яже къ Богу и ближнему своему, еяже ради день и нощь тружаются въ святыхъ Писаниихъ, ими же просвѣщаеми паче и паче разжигають себѣ углие божественых желаний, от нихже двизаеми и възставляеми млъчати не тръпять слово спасително и учително еже о славѣ Божии, и учяще беспрестани въ церкви люди Господня, и свѣдѣтелствующе всякому человеку неисчетное человеколюбие и благость яже къ живущим, якоже угодно есть Богу, и свое спасение страхом его съвръшающим; такожде възвѣщающе и нестерпимый его гнѣвъ и ярость яже на прогнѣвающая безпрестани неизглаголанное его длъготръпѣние всякыми беззаконии, и неправдовании, и студодѣании. Таковых убо себе дающе беспрестани людем и акы чадолюбивии отцы пекущеся безпрестани о спасении многых, честни бывают всѣмъ вкупѣ и любими, егоже ради съ всякым благодарениемъ и добрымъ изволениемъ прилагають имъ вседневную пищу и прочяя, елика къ житию потребна суть.

Но добро мнѣ повѣдати вамъ и образъ подаанию: есть бо не худаго смиреномудриа показание. По вся дни настоятель обители отпущаеть мниха два, имуща кождо мѣхъ лняной, на лѣвом плечѣ висящь, иже, вшедше въ град, объходят домы, сущыя въ единой улици, и просят о имени Господни хлѣбы на братию, и, наплънивше мѣхы чистых пшеничных хлѣбовъ, возвращаются въ обитель свою. Симъ образом по вся дни добывают себѣ вседневную пищу, премѣняюще улици градскыя. И просящеи кыи и какыя? Иже дотолѣ благороднии и пребогати, подражающе Господне убожество, волею обнищаютъ и без стыда служат потребамъ своея обители, кромѣ роптания и размышлений. А смиреномудрие игуменъ ихъ и еже на обѣдѣ благочиние кто, слыша, не ужаснется? Нѣсть видѣти у них жезлъ, носимый в рукахъ, — ни внутрь манастыря, ни внѣ, иже въ время божественых пѣний; ни лучшими одѣянии паче иных братия украшаемых. Вьшедше же въ трапезу и «Отче нашь», якоже и у нас обычай есть, предрекше, сядут по ряду тихо

и съ всякымъ благочиниемъ, предложеным уже хлѣбом имъ не на средѣ трапезы, якоже обычай у нас, но прямо их на край трапезы — единому комуждо колачь цѣлъ, и подлѣ ножь, и ложка, и стъкляница праздна. И никтоже смѣеть преже игумена взяти свой хлѣбъ к себѣ, ниже урѣзавше, вкусити. Два же юны иноци входят, нося кождо на дщицѣ тонцѣ уготованое имъ брашно въ ставцѣхъ оловяных, и, наченше от послѣдних, простирають имъ ставченосну дщицу, и кождо своею рукою емлеть ставець, послѣ же всѣх игуменъ ихъ емлет и тъй ставець. И еще не смѣють коснутися хлѣбу, донде же учиненый инокъ чести начнеть чтения. И наченшу ему, ударяеть абие игуменъ трижды висящь предъ собою колоколець. Тогда сам же настоятель емлет к себѣ предложеный ему колачь, такожде и прочии. Ядущим же имъ, входить винолѣй и, наченъ от послѣдняго, наплъняеть вина по ряду стъкляниця ихъ такожде. И аще ино что брашно внесено будет, от послѣдних начинаеть служай предложити даже до игумена. А по ядении стояще начинают благодарственыя пѣсни.

Услышим же и ино ихъ богоугодно и спасително умышление, его же умыслишя на съвръшено искоренение всякого злаго и худаго ихъ обычая. Заповѣдь дана бысть от игумена сущим у них священником и диаконом назирати другъ друга въ всю седмицу, гдѣ и въ чемъ кто съгрѣшилъ есть въ словѣ или въ ином нѣкоемъ бесчинии, и сицево прегрѣшение възвѣщати игумену. Вечеръ убо всякыя суботы по нефимоне[41] събирает игуменъ всѣх въ учененом нѣкоемъ притворѣ. И събравшимся имъ, первѣе творит учение духовно новоначалникомъ[42] и прочим простымъ братиямъ и, научивъ ихъ довольно, отпущаеть когождо въ келию его съ млъчаниемъ многым и безмлъвиемъ. Оставшеи же у него священници и диакони, научени бывше и они доволно от него, повелѣваеми бывають открыти комуждо ему, аще в чем видѣ нѣкоего съгрѣшивша: или въ словѣ, или въ смѣсѣ бесчинномъ, или яростию, или инымъ кыимъ сицевымъ прегрѣшениемъ. И открывшим ему съгрѣшенная имъ по всей седмици, сицевою епитемиею и исправляеть ихъ: повелѣваеть имъ приклонится на колѣнех на землю и правое плечо свое обнажити. И повелѣное абие сътворшимъ, инокъ единъ, повелѣвшу игумену, имѣя въ деснѣй руцѣ прутие строгано, въ образѣ вѣника, ходить по ряду, бия ихъ по нагу плѣча, глаголющих 50 псалом. И сице отпущаются съ благословениемъ въ своя ихъ келия.

Познавше убо, как и откуду даются имъ вседневныи колачи, нынѣ же услышим, откуду прибываеть и прочая потребная брашна по Божию промыслу. Градовом жителие от многаго их егоже имут к нимъ благоговѣиньства и любви за богоугодное пребывание и жительство ихъ — овъ убо бочку вина, овъ же елѣа, овъ же рыбы, овъ же сыры и яйця посылають имъ. Инъ же нѣкый, въ нужу нѣкую и бѣду пад, приносить имъ кормъ, моливъ игумена, да велит сущимъ подъ рукою его братиямъ помолитися Господеви о немъ, да избавить его Господь от яже чает на себѣ скорби. И въ время обѣда игуменъ глаголеть въ услышание всѣм: «Питавый нас днесь молит вас молитися Богу, яко да избавить и

Господь от нужди его и печали, еяже чаетъ на себе. Помолитеся убо о немъ прилѣжно, кождо въ кѣлии своей!» И преподобными молитвами ихъ избывъ онъ печали, еяже чаялъ на себе, пакы обилно прилагаеть имъ яже на потребу.

Предобрѣ убо и премудрѣ обѣщалъ священным своимъ ученикомъ человеколюбивый, рекъ: «Взыскуйте преже царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вамъ».[43] Сего ради и тии, поне же царствие Божие, сирѣчь спасение свое и ближних своихъ, прилѣжно и якоже богоугодно взыскують учении всякыми и частыми, яже от божественых Писаний, себе же и послушающая ихъ спасають, въ лѣпоту и правду и человеколюбивый Богъ спасаемых изобилуеть яже къ житию потребная, поспѣшьствующим ему въ спасение многых, «царствие Божие» от него приточнѣ нарицаемо. Аще убо «наслѣдие» дасться ему от Отца сущаа вездѣ языкы и «удръжание конци земли»,[44] якоже писано есть въ второмъ псалмѣ; и въ ином псалмѣ: «Въцарися Богъ надъ языкы»[45] — како же инако царствовалъ, а не точию вѣрою и обращениемъ еже к нему? Акы бо съдѣтель и промысленикъ всѣх царь есть выну; приемлет же царствие от Отца и яко человек, яже же сам глаголеть о себѣ въ втором псалмѣ: «Азъ же поставленъ есмь царь от него».[46] Блажени убо въистину, елици възыскують растити выну ему толь прежелаемо ему царствие правдою его, сирѣчь прилѣжнымъ дѣланиемъ святых его заповѣдей, тружающеся беспрестани въ поучении и прочитании богодухновеных Писаней его, их же тайную силу съ усрьдиемъ всякым простым людемъ изъясняюще и учение всяческая от себе примышляюще, плодоносять выну Владыцѣ своему душя словесныя, уловлени дотолѣ от диавола. И сего ради всяко услышят от него сие «Благодать вамъ, раби добри и вѣрнии! Въ малѣ явистеся вѣрни, надо многымъ поставлю вас: внидѣте въ радость Господа своего».[47] Толика убо и о семъ довлѣють въ славу Господа нашего Исуса Христа и на ползу, вкупѣ и ревность божественую, тѣмъ, иже благодарствено слушают повѣсти яже о благовѣрии. Нынѣ же ину нѣкую услышим подобнѣ душеполезную повѣсть, достойну памяти, подражаниа, аще убо поистинѣ желаемъ благоугодити Господу нашему.

Флоренция — град есть прекраснѣйшы и предобрѣйши сущих въ Итталии градовъ, их же азъ видѣх. В том градѣ манастырь есть, мниховъ отчина, глаголемых по-латынскы предикаторовъ,[48] еже есть божиих проповѣдниковъ. Храм же священыя сея обители святѣйшаго апостола и евангелиста Марка получивъ призирателя и предстателя. В сей обители игуменъ бысть нѣкый священый инокъ Иеронимъ званиемъ,[49] латынинъ и родом и учением, преполонъ всякыя премудрости и разума богодухновеныхъ Писаний и внѣшняго наказаниа, сирѣчь философии, подвижникъ презѣленъ и божественою ревностию доволно украшаем. Сей, премногый разумом богодухновеныхъ Писаней и болии — божественою ревностию, уразумѣвъ граду сему двѣма богомръзкым грѣхомъ злѣйше порабощену сущу, сирѣчь богомръзкымъ содомитскым безакониемъ и безбожнаго лихоиманиа и безчеловеческымъ

рѣзоиманиемъ, ревностию Божиею разжежеся, съвѣтъ совѣтовавъ добръ и богоугоденъ: сирѣчь учителнымъ словомъ еже от божественых Писаней пособити граду оному и истребити от него в конець нечестия сия. И сие съвѣтовавъ, начятъ учити въ церкви люди Божия всячьскыми премудрыми учении и изъяснѣнии книжными, въ храмѣ святого Марка-евангелиста събираемымъ к нему часто многымъ слышателем благородным и пръвымъ жителемъ града того. И възлюбленъ бывъ от всего града, помолишя его в той самой съборной церкви прешедшу учити ихъ Божию слову и закону. И онъ, възлюбивъ ихъ съвѣтъ и изволение, съ усрьдиемъ подъятъ иже под Бозѣ сицевъ подвигъ. И по вся недели, и вся нарочиты праздникы, и по вся дни всея святыя Четыредесятници[50] събираяся въ соборную церковь, предлагаше имъ учителное слово от высокаго сѣдалища, стоя на два часа, есть егда и множае простирая поучение. И толико възможе слово его, яко болшая часть града, възлюбивши крѣпкая и спасителная учения его, отступити съвръшено злобы и лукавьства и възлюбити вмѣсто всякого блуда, и студодѣяниа, и нечистоты плотскыя всякое цѣломудрие и чистоту, неправеднаго же, и лихоимца, и рѣзоимца немилосерда видѣти бѣ абие праведнѣйша, и милостива, и человеколюбца бывша. И нѣкымъ от сицевых подражающимъ Закхѣя, началника мытаремъ, иже въ Евангелии,[51] злѣ и неправеднѣ събрана бывша ими имѣния расточяющим добрѣ сущим в нужах руками учителя своего. И да не вся по ряду исправления его глаголя, стужаю прочитающим списания сия — множае града того преложишяся от всякыя злобы ихъ въ всякый образ добродѣтели достохвалныя.

Едино же нѣкое исправление похвално, сдѣяно бывше единою женою убогою, повѣмъ любителем добродѣтелей, из негоже и имже возмогуть разумѣти силу богодухновеныхъ учений мужа оного. Сынъ убогыя оноя вдовици, обрѣтъ на улици повръжену мошну камчату, в ней же бяше златиць 500, отнесе къ матери своей. И она, видѣвши, не възрадовалася о семъ, яко таковым обрѣтениемъ избыти хочет послѣдняго убожества своего, ниже съкрыла у себе, но абие отнесла ю къ священному учителю граду и рече: «Се, преподобнѣйше отче и учителю, вижль: мошну сию найде сынъ мой повръжену на улицѣ. Възми ю и, якоже вѣсть преподобие твое, да обрящеть потерявшаго ея, и отдажь ему свое, да не скръбь имѣетъ неутѣшимую человѣкъ о семъ». И учитель, удивився правдолюбному норову вдовици и благословивъ ея, отпустилъ. Въ единъ же день, учя въ церкви, по скончянии учения възопи: «Аще кто погубилъ имѣния, да станет въ среди и да глаголеть количество погубленаго имѣния, и качество мошны, и день, в он же погубилъ имѣние, — и възмет свое». И представъ погубивый имѣние и сказавъ учителю и день, и число, и образ мошны. «Се имаши, — рече, — твое, о юноше, и убогую сию вдовицу, яко же произволяеши, утѣши, понеже избавила тебе многыя, еяже имѣлъ еси, скръби». И той, иземъ 100 златиц, далъ ей съ всякою радостию. Колико похвалнѣйши вдова сия паче хвалимыя въ Евангелии двух ради лѣптъ, их же връгла въ даръ Божий![52] Поне же она убо въ своих си и малых показала боголюбное свое, сия же въ чюжихъ и многых показала свое правдолюбное и человеколюбное.

Имамъ убо и ина нѣкая сицева достопамятна исправления богоугоднаго оного учения повѣдати вамъ, но да не сытостию списания сего стужаю ушесемъ вашимъ, волею сиъ миную, нынѣ же къ концу пятолѣтных учений его[53] обращу стремление словесное. Понеже убо полъграда добрѣ, якоже Богу угодно, исправися имъ, а другая половина пребываше не точию преслушая и противляяся божественым оного поучениемъ, но и враждоваше ему толико, яко замазати брусокъ человечьскым калом, на нем же обыче опиратися руками, стоя и изливая людемъ струя учениемъ. Он же, Спасову кротость и длъготерпѣние къ всѣмъ подражая, вся тръпяше доблевьственѣ, многых исправления жадая. Сего ради ни самѣхъ, иже въ властѣх церковных суть, а не апостолоподобнѣ живуть и о паствѣ Спаса Христа не пекутся, якоже лѣпо, — ниже тѣхъ хваляше, но без страха обличаше прегрѣшения ихъ и глаголаше часто: «Аще бы мы жительствовали достойно Евангелию Спаса Христа, вся убо всяко иновѣрныя языкы обратилися бы къ Господу, зряше наше равноаггельно житие, и было убо бы намъ сие въ спасение велико и наслажение вѣчных благъ. Нынѣ же, супротивно евангельскых заповѣдей живуще, и ниже себе исправляемъ, ниже иныхъ къ благочестию руководити печемся — что ино слышати чаемъ от праведнаго Судии развѣ сего: “Горе вамъ, книжници и фарисее, лицемѣри, яко затворяете царство небесное пред человекы; сами не входите и хотящая внити възбраняете имъ”».[54] Сия глаголя не обинуяся и еще же жесточайшими сих словесы зазирая удивляемому у них папѣ, и сущимъ о немъ кардиналем, и прочему причту ихъ, болшыя ненависти и вражды вину далъ на себе възненавидѣвшимъ изначала священных его учений. Еретика бо его прочее, и хульника, и лестьца нарицаху акы отвръзша уста своя на священнаго ихъ папу и всея церкви римьскыя. Доиде же и до Рима сицевый о немъ слухъ и папу и сущаго о немъ причта зѣло смутилъ, яко и съборную ихъ заповѣдь послати ему,[55] заповѣдующу ему не учити люди Господня, уподобившеся глаголющимъ в «Дѣяниихъ святых апостолъ»: «Но, да не на множае распрострется въ людехъ, прѣщениемъ запрѣтим имъ не глаголати к тому о имени семъ ни единому от человекъ».[56] Такова убо они совѣтоваша и тако ему заповѣдаша, приложивше въ соборномъ ихъ писании, яко аще не престаетъ прочее, и проклятъ будеть от них акы еретикъ. Онъ же не точию не послушалъ безаконый ихъ съвѣтъ сицевый, но наипаче разжежеся божественою ревностию и съборное ихъ послание неправедно и Богу неугодно обличаше акы повелѣвающе ему не учити в церкви вѣрных. И сего ради множае пребываше, обличяя ихъ беззакония, уже бо, якоже лѣпо есть мыслити мнѣ, судив себѣ и умрети за благочестие и Божию славу, аще потребно будет. В них же бо аще възгорится огнь ревности, яже по Бозѣ, не точию имѣний и стяжаний, но и самое житие презрѣти творить. И свидѣтель неотложенъ — самъ Господь, глаголя: «Желаниемъ въжделѣхъ сию пасху ясти с вами».[57] Сие же глагола елма хотяще вкусити яко человекъ смерти за славу Бога и Отца своего и за человечьское спасение. И самъ Христовъ теплѣйший рачитель и ревнитель Павелъ глаголя: «Желаю разрѣшитися и съ Христомъ быти»;[58] и пакы: «Мнѣ же еже жити — Христос есть, и еже умрети — приобрѣтение».[59] Елма же иже о папѣ не престааху претяще ему и

всякымъ образом оттрѣзающе учителнаго сѣдалища, такожде и онъ пребываше не послушая ихъ и неправдования ихъ обличая, смерти его предати съвѣщашя, еже и сътворишя тѣмъ образом: избравше нѣкоего зенерала именемъ Иакымъ,[60] зѣлнаго по ихъ лукавому съвѣту, послаша и, въоруживше его областию папиною низложити его от власти игуменскыя и, испытавшу его, смертию осудити яже огнемъ акы непокорива, и досадителя, и клеветника апостольскыя римскыя церкви. Пришед же онъ въ град Флоренцискый[61] и показав болшимъ градоначалником грамоты папины, поставилъ его на судилище и мучителскы испытааше его. И оному съ дрѣзновениемъ отвѣщающу противу всѣх лукавьствъ неправеднаго испытателя, и судии не могущу обвинити его, свѣдѣтели лживи от части безаконных и непокоршихся учениомъ его въсташя на оного преподобнаго и неповиннаго казателя града ихъ, носяще на нь тяжчайшаихъ и неправденых оглаголаний. Им же повинувшеся, неправеднии онии судии сугубою казнию осудишя его и ины два священныя мужа,[62] споспѣшникы его: на древѣ повѣсивше, та же огнь възгнѣтивше под нимъ, съжгощя ихъ.

Таковъ конець житию преподобныхъ онѣхъ триехъ инокъ, и таково им възмездие о подвизѣх яже за благочестие от непреподобнѣйшаго ихъ папы — Александръ тогда бѣ, Александръ, иже от Испании,[63] иже всякымъ неправдованиемъ и злобою превзыде всякого законопреступника. Аз же толико совѣтенъ бывати, неправденым онѣмъ судиямъ отстою, яко и прикладовалъ бы убо ихъ с радостию древнимъ защитителемъ благочестию, аще не быша латыня вѣрою: ту же бо древнимъ ревность теплѣйшу за славу Спаса Христа и за спасение и исправление вѣрных позналъ есмь въ преподобных онѣхъ иноцѣхъ, — не от иного слышавъ, но самъ ихъ видѣвъ и въ учениих ихъ многажды прилучився. Не точию же ту же древним ревность за благочестие познах в них, но еще и ту же имъ премудрость, и разумъ, и икуство богодухновеныхъ Писаний и внѣшних познахъ в нихъ, и множайше инѣх — въ Иеронимѣ, иже на два часа, есть когда и болши, стоя на сѣдалищи учителном, видяшеся изливая имъ струя учителна преобилно, — не книгу дръжа и приемля оттуду свѣдѣтельства, показателна своихъ словесъ, но от скровища великыя его памяти, в ней же съкровенъ былъ всякъ богомудренъ разумъ искуства святых Писаний.

Сия же пишу, не яко да покажу латынскую вѣру чисту, съвръшену и прямоходящу въ всѣх, — да не будеть на мнѣ таково безумие! — но да яко покажу православным, яко и не у правомудреных латынѣхъ есть попечение и прилѣжание евангельскых спасителных заповѣдей и ревность за вѣру Спаса Христа, аще и не съвръшеному разуму, якоже глаголеть божественый Павелъ-апостолъ о непокоривых иудѣех: «Свѣдѣтельствую бо имъ, яко Божию ревность имуть, а не по съвръшеному разуму».[64] Сице и латыне, аще и въ многыхъ събланзнилися, чюжа нѣкая и странна учения приводяще, от сущаго в нихъ многоученаго еллиньскаго наказания прелщаеми, но и не до конца отпадошя вѣры, и надежы, и любви яже въ Спаса Христа, его же

ради къ святымъ его заповѣдемъ уставляют прилѣжно иночьское ихъ пребывание сущии у них мнихи, их же единомудрено, и братолюбно, и нестяжателно, и млъчаливо, и беспечално, и въстанливо къ спасению многых подобаеть и намъ подражати, да не обрящемся ихъ втории. Сие же глаголю елико въ прилѣжном дѣлании евангельскыхъ заповѣдей, зане якоже ихъ не съвръшает прилѣжно дѣлание заповѣдей Спасовыхъ не отступающих своих си ересей, сице ниже нас съвръшаеть едина православная вѣра, аще не пристяжемъ и евангельскых заповѣдей прилѣжно дѣлание. Самъ бо тъй Господь въпиеть къ преступающим ихъ: «Что ми глаголете: “Господи! Господи!” и не творите, яже азъ повелѣваю вам!»,[65] сирѣчь молитвы чясты и длъгы приносите мнѣ, моя жъ заповѣди презираете и не испlъняете ихъ дѣломъ, якоже азъ уставихъ я. И инде той же Господь: «Всякъ слышай словеса моя сия и не творит я, уподобится мужу бую»,[66] и прочая. Тоея же ради вины и пять оны девы буи нарекошяся и внѣ чрътога небеснаго затворишася.[67] Такожде и въшедый въ мысленыя бракы не въ одежу брака,[68] связанъ по руцѣ и по нозъ, изринется и въвръжется въ тму кромѣшную. Такожде и хвалящеися сътворшии въ имя Господне силы многыя, и пророчьствовашя, и бѣсы изгнашя, не познаваются тогда от праведнаго Судии и слышатъ от него: «Отступите от мене, дѣлателие беззаконию; аминь глаголю вамъ: николи же познахъ васъ».[69] И аще пророчьствоваху о имени Господни, и бѣсы изгоняху от человекъ, и силы многы творяху, чесо ради не познаваеть ихъ и отрѣваетъ, и «дѣлателя беззаконию» нарицает? Отвѣтъ въпросу тому: поне же аще и чюдодѣйствоваху сицевии по нѣкоему неявленому строению Божия силы, но, якоже видятся, не имѣли богодарованный даръ съвръшенныя любви яже къ Вышнему и ближнему ихъ, ей же съпряжена есть боголѣпная и боготворная милость, яже къ всѣм требующимъ милости и помощи. И свѣдѣтель неложенъ — блаженый апостолъ Павелъ, въпия: «Аще и предамъ тѣло мое, да съжгут е, любве же не имам, нѣсть ми полза ни едина».[70] Елма убо они таковую боголѣпную и боготворную любовь не стяжашя и съпряжену ей милость, сего ради не познаваются от милостиваго Бога и яко «дѣлатели беззаконию» отрѣваеми суть. «Суд бо без милости не сътворшим милость»,[71] — глаголеть божественое слово. Не приимаеть внутрь себе божественый рай *съкрывающих* съ всякым лихоиманиемъ и безчеловечиемъ себѣ на земли съкровища злата и сребра, но отрѣваеть их, глаголя: «Вонъ, пси, и чародѣя, и блудодѣя, и убийци, и идолослужители, и всякъ, иже любить и творит лжу».[72] «Блаженъ мужь, — рече, — разумѣваяй на нища и убога»,[73] сирѣчь милуяй и щедря его; а оскръбляяй его, и обидя, и снѣдаа безпрестани вселѣтными истязании ростовъ — проклят от Бога есть, и отриновенъ, и въ огнь негасимый отсылаемъ, и съ нищененавидцом богатом съжигаемъ[74] въ вѣкы вѣком. Богу нашему слава, и дръжава, и велелѣпие въ бесконечныя вѣкы, аминь.

[1] *Многымъ сущимъ считаемымъ от божественаго апостола свойством и дѣйствомъ неложныя и съвръшеныя любви...* — Вероятно, имеется в виду «Первое соборное послание» Иоанна Богослова (гл. 4).

[2] *Съй бо въистину вѣренъ и истиннѣйши другъ...* — Представление о том, что основой содержания письма являются заверения в дружбе, сложилось еще в античной эпистолографии. Культ дружбы характерен и для средневековых авторов писем.

[3] *...и халдѣскаго, и латынскаго, бѣсы обрѣтенаго учительства.* — Халдеи — здесь имеются в виду вавилонские жрецы. Латинянами, равно как и немцами, Максим Грек называет католиков.

[4] *...Николаа Германа...* — Николай Булев (Бюлов, ум. в 1548 г.) — придворный врач Василия III, публицист. Его сочинения были посвящены вопросу о соединении католической и православной церквей, а также пропаганде астрологии.

[5] *Вѣмы бо, яко сицевая прелесть от Зороастра и Тана...* — Эта фраза с некоторыми пояснениями заимствована из византийской энциклопедии X в. Лексикона Свиды (см. статью). Заратуштра (Зороастр) — в иранской мифологии пророк и основатель религии зороастризма. В средние века учение Заратуштры связывали с магией, астрологией и алхимией. Остан — персидский маг, упоминаемый целым рядом античных авторов; ему было приписано много сочинений по астрономии и алхимии.

[6] *...некый мудрець еллинскый именемъ Кевисъ.* — Кебес — ученик Сократа, участник платоновского диалога «Федон». Дальше Максим Грек перефразирует отрывок из диалога «Картина», который приписывался Кебесу (гл. 7).

[7] *...премудръ нѣкый христианскый философъ...* — Эта и следующая цитаты заимствованы из Лексикона Свиды (см. túchē). Второе изречение принадлежит Прокопию Кесарийскому.

[8] *...тихинь и имарменинь...* — Греч. hē túchē — «случай» (в рукописи глосса: «счастие»), hē heimarménē — «судьба, рок».

[9] *...от внѣшных, всѣхъ философъ...* — «Внешними» назывались в средние века светские наукн в отличие от теологии.

[10] «*Епикурово злѣйше учение и сие есть...*» — Характеристика учения Эпикура заимствована из Лексикона Свиды.

[11] «*Блюдитеся... по Христѣ*». — Кол. 2, 8.

[12] «*Учении... не скытайтеся*». — Евр. 13, 9.

[13] «*Аще кто... анафема да есть*». — Гал. 1, 9.

[14] *...«аггелъ съ небеси»...* — Гал. 1, 8.

[15] *...пророчицею Анною...* — Анна, библейский персонаж, жена Елканы и мать пророка Самуила. Отдельные выражения из молитвы Анны действительно повторяются в «Псалтири» царя Давида.

[16] *...«Господь убожитъ... сътворить его».* — 1 Цар. 2, 7—8.

[17] *...преже убо Саула, послѣ же Давида помазавъ ихъ на царехъ...* — Пророк Самуил помазал на царство первого израильского царя Саула, когда он искал пропавших ослиц своего отца Киса. Царь Давид, младший сын Иессея, также помазанный Самуилом, пас овец.

[18] *...к.ако Иосиф блаженый прославися въ Египтѣ...* — История Иосифа рассказана в библейской книге Бытие: проданный своими братьям в Египет, Иосиф после ряда испытаний возвысился благодаря правильному истолкованию сновидений египетского фараона.

[19] *...како же и Моисей въ толику высоту възнесенъ бысть...* — Моисей — библейский герой, согласно преданию возглавивший исход евреев из Египта, где они пребывали в рабстве. Ему приписываются первые пять книг Библии («Пятикнижие Моисеево»).

[20] *...не съ Христомъ събирающе пшеницю чистую...* — Намек на известную притчу о сеятеле, который засеял свое поле пшеницей, а враг его посеял между пшеницей плевелы. Когда взошла зелень, появились и плевелы. На предложение рабов выбрать плевелы, сеятель сказал, что вместе с плевелами они могут выбрать пшеницу. То и другое нужно оставитъ до жатвы, а тогда плевелы сжечь, а пшеницу убрать в житницы (Мф. 13, 24—30).

[21] *Иоаннъ Златоглаголивый* — Иоанн (род. между 344 и 354 — ум. в 407 г.) — греческий отец церкви, за свое красноречие прозванный Златоустом (Христостомом).

[22] *...«словесное и нелестное млеко»...* — 1 Петр. 2, 2.

[23] *...«Аще не обратитеся... небесное».* — Мф. 18, 3.

[24] *...«Аще кто... внити в не».* — Мр. 10, 15.

[25] *...«всякого человека... приити».* — 1 Тим. 2, 4.

[26] *...«въсияеть... неправедныя».* — Мф. 5, 45.

[27] *Отовсюду бо западных странъ и сѣверьскых...* — В знаменитый Парижский университет, основанный в 1150 г., студенты действительно стекались из всех стран Европы.

[28] *...бысть нѣкый муж...* — Рассказ о парижском докторе Раймонде Диокре, любившем употреблять богохульные слова, Максим Грек заимствовал из жития основателя Картезианского ордена (основан в конце XI в.) епископа Брунона.

[29] *...«велерѣчие... от устъ»...* — 1 Цар. 2, 3.

[30] *...«Нѣсть ученикъ... учитель его».* — Мф. 10, 24—25.

[31] *...«Разумъ... създаеть»...* — 1 Кор. 8, 1.

[32] *...строителю обители...* — Строитель — эконом в монастыре.

[33] *...«В ню же... изыдете»...* — Мар. 6, 10.

[34] *...«Всякъ... мужу бую»...* — Мф. 7, 26.

[35] *Различни бо иночьстии чинове суть у латынѣх...* — Максиму Греку принадлежит специальное послание о францисканцах и доминиканцах.

[36] *...«Пришлець азъ... отци мои».* — Пс. 38, 13.

[37] *...епитимиамъ приличным...* — Епитимия — церковное наказание, заключающееся обычно в специальных постах, молитвах и проч.

[38] *...народнымъ писаремъ...* — В рукописи глосса: «сиречь дьяком».

[39] *...якоже овци, не имуще пастыря.* — Образ, часто встречающийся в Ветхом и Новом завете. См., например: Книга Чисел, 27, 17; Евангелие от Матфея, 9, 36; Евангелие от Марка, 6, 34; Первое послание апостола Петра, 2, 25, особенно — Книга пророка Иезекииля, 34, 2 и след.

[40] *...«Не пецѣтеся... приложатся вамъ».* — Мф. 6, 25 и 33.

[41] *...по нефимоне...* — Мефимон — церковная служба, отправляемая после вечери (повечерие).

[42] *...новоначалникомъ...* — Послушники, т. е. живущие в монастыре и готовящиеся принять постриг. В католических странах во времена Максима Грека новициат (послушничество) продолжался год.

[43] *...«Взыскуйте... приложатся вамъ».* — Мф. 6, 33.

[44] *...«удръжание концы земли»...* — Пс. 2, 8.

[45] *...«Въцарися Богъ надъ языкы»...* — Пс. 46, 9.

[46] *...«Азъ же... от него».* — Пс. 2, 6.

[47] *...«Благодать вамъ... своего».* — Мф. 25, 21 и 23.

[48] *В том градѣ манастырь есть, мниховъ отчина, глаголемых по-латынскы предикаторовъ...* — Монастырю Сан Марко покровительствовал Козимо Медичи. Он передал монастырь доминиканцам, целиком перестроил его (работы были поручены знаменитому архитектору Микелоццо Микелоцци, который завершил их в 1443 г.) и снабдил богатой библиотекой. В послании о францисканцах

и доминиканцах Максим Грек пишет: «Честнѣйших и смирѣнейши норовомъ и чистѣйши житиемъ сут, иже от правила отца ихъ и началника Доминика, иже и предикатори наричются...»

[49] *...нѣкый священый инокъ Иеронимъ званиемъ...* — Иероним Савонарола (1452—1498), знаменитый флорентийский церковный проповедник, пытался бороться со злоупотреблениями духовенства; был казнен как еретик.

[50] *...по вся дни всея святыя Четыредесятници...* — Т. е. в течение всего Великого поста.

[51] *...подражающимъ Закхѣя, началника мытаремъ, иже въ Евангелии...* — Согласно Евангелию начальник мытарей и богач Закхей, когда к нему в дом вошел Иисус, сказал: «Господи! Половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19, 2—8).

[52] *...паче хвалимыя въ Евангелии двух ради лѣптъ, их же връгла въ даръ Божий*! — В Евангелии рассказывается, что Иисус смотрел, как народ собирал деньги в сокровищницу храма. «Пришедши же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников своих, Иисус сказал им: «Истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу. Ибо все клали от избытка своего; а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое» (Мр. 12, 42—44. Ср. Лк. 21, 2—4). Лепта — мелкая греческая монета.

[53] *...къ концу пятолѣтных учений его...* — На основании этого свидетельства И. Денисов считает, что Максим Грек слушал проповеди Савонаролы, начиная лишь с 1493 г.

[54] *...«Горе вамъ... възбраняете имъ»*. — Мф. 23, 13.

[55] *...яко и съборную ихъ заповѣдь послати ему...* -— Бреве (папское послание), приглашающее Савонаролу в Рим, помечено 21 июля 1495 г. Бреве, запрешающее Савонароле проповедь, послано 8 сентября 1495 г., бреве с отлучением Савонаролы — 13 мая 1497 г.

[56] *...«Но, да не на множае... от человекъ»*. — Деян. 4, 17.

[57] *...«Желаниемъ... с вами»*. — Лк. 22, 15.

[58] *...«Желаю... быти»...* — Флп. 1, 23.

[59] *...«Мнѣ же... приобретение»*. — Флп. 1, 21.

[60] *...избравше нѣкоего зенерала именемъ Иакымъ...* — Джиоакимо Турриано, генерал ордена доминиканцев. Наряду с ним в процессе Савонаролы принимали участие Франческо Ромолино, позднее кардинал.

[61] *Пришед же онъ въ град Флоренцискый...* — Это было 19 мая 1498 г.

[62] *Им же повинувшеся, неправеднии онии судии сугубою казнию осудишя его и ины два священныя мужа...* — Приговор Савонароле вместе с фра Доменико и фра Сильвестро был вынесен 22 мая 1498 г.; на следующий день они были казнены.

[63] *...Александръ тогда бѣ, Александръ, иже от Испании...* — Родериго Борджиа, испанец по происхождению, взошедший на папский престол под именем Александра VI (1492—1503).

[64] *...«Свѣдѣтельствую... разуму».* — Рим. 10, 2.

[65] *...«Что ми глаголете... повелѣваю вам?»* — Лк. 6, 46.

[66] *...«Всякъ слышай... мужу бую»...* — Мф. 7, 26.

[67] *Твоея же ради вины и пять оны девы буи нарекошяся и внѣ чрътога небеснаго затворишася.* — Имеется в виду следующая евангельская притча. Из десяти дев, которые вышли со светильниками навстречу жениху, пять было мудрых и пять неразумных. Мудрые вместе со светильниками взяли масло, а неразумные нет. У неразумных дев стали гаснуть светильники, и они вынуждены были отправиться покупать масло. Между тем пришел жених, и мудрые девы вошли с ним на брачный пир. Когда вернулись неразумные девы, они не были впущены (Мф. 25, 1—12).

[68] *Такожде и въшедый въ мысленыя бракы не въ одежу брака...* — Имеется в виду другая евангельская притча. Царь, устроив для своего сына брачный пир, вошел посмотреть возлежащих и увидел человека, одетого не в брачную одежду. Тогда царь приказал слугам: «Связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму кромешную: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 22, 2—13).

[69] *....«Отступите от мене... познахъ васъ».* — Мф. 7, 23.

[70] *...«Аще и предамъ... ни едина».* — 1 Кор. 13, 3.

[71] *...«Суд... милость»...* — Иак. 2, 13.

[72] *...«Вонъ... творит лжу».* — Апок. 22, 15.

[73] *«Блаженъ... убога»...* — Пс. 40, 2.

[74] *...и съ нищененавидцом богатом съжигаемъ...* — Намек на знаменитую притчу о богатом и Лазаре (Евангелие от Луки, 6, 19—31), рассказывающую, что богач попал в ад, так как наслаждался всеми благами при жизни; нищий же Лазарь за свои страдания после смерти был взят «на лоно Авраамово».

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ О ФОРТУНЕ

ТОГО ЖЕ ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА ПОСЛАНИЕ К НЕКОЕМУ ИНОКУ В САНЕ ИГУМЕНА О НЕМЕЦКОЙ ЛЖИ, ИМЕНУЕМОЙ ФОРТУНОЙ, И О КОЛЕСЕ ЕЕ

Многие называет божественный апостол свойства и проявления истинной и совершенной любви в Боге — из них не радоваться неправде, а вместе радоваться истине я считаю наиболее показательным признаком. Тот воистину верный и истиннейший друг, кто от всей души радуется исправлению и преуспеянию друга своего, как своему собственному; и, напротив, скорбит, когда увидит, что он или уклоняется от спасительных апостольских догматов благочестия и отеческих преданий, или впал в какие-нибудь житейские беды; кто, соболезнуя другу своему, старается всяким способом помочь ему и к первоначальному пониманию истины вернуть его. Такою любовью и я, будучи привязан к твоему преподобию, возлюбленный мой брат, оказался бы воистину преступающим законы святой любви, если бы умолчал, слыша, что ты следуешь эллинскому, и халдейскому, и латинскому, бесами изобретенному учению.

Я говорю о том, о чем ты мудрствуешь сам и в чем убеждаешь других, — будто бы колесом счастья называемой по-латински фортуны Христос-Бог и Спаситель наш управляет человеческими делами и одних этим колесом на высоту власти возводит, других же оттуда низлагает в крайнее бесчестие и бесславие. Удивляюсь я, как ты, такой человек, в знании Боговдохновенных писаний более искушенный, чем другие сверстники твои, так скоро увлекся таким богомерзким учением обманщика Николая Германца, ни в одном божественном Писании до сих пор не услышав об этом учении и не увидев его. Если хочешь последовать истине, то скорее найдешь противное — не только вполне отвержено это учение всеми боговдохновенными отцами и учителями, но и анафеме предано как самое это учение, так и последующие ему и проповедующие его. Мы знаем, что это ложное учение от Зороастра и Остана — древних волхвов, бывших в Персии, получило начало, которые учили, что движением неба и звезд определяются все человеческие дела — будут ли то добродетели или беды житейские; эту прелесть приняли всей душой египтяне, а от них — эллины, которые придумали и другое многое нечестивое про самого Создателя всех и хулящие его. Об этом они, трижды окаянные, мудрствуют и учат этому, считая, что он насильственным влиянием звезд и приближением планет к знакам зодиака делает злыми и добрыми, славными и неславными людей, рождающихся под той или другой планетой и звездой. Они же выдумали, возвещая об этом от земли и чрева своего, баснословное название счастья или фортуны, которую некий мудрец эллинский, по имени Кебес, называет слепой. И сидящей на круглом камне, и слепой

он назвал ее в своем заблуждении, так как она беспорядочно, и бессмысленно, и неравномерно распределяет между людьми богатства и власть; на круглом же камне сидящей он ее изображает, потому что дары ее не устойчивы, но легко исчезают и к другим переходят.

Забавляясь такими баснями, сами служа забавой для бесов, эллины и египтяне писали и утверждали свое учение, будучи чуждыми божественному просвещению неложного Богом преданного разума пророческих Боговдохновенных писаний. Злоначальный же и злокозненный дьявол, видя, что ими просвещаются благоверные и потому не следуют такому его богомерзкому учению, но, напротив, ненавидят и чуждаются его, иным способом постарался, наисквернейший, удобоприемлемым сделать то учение для благочестивых: он убедил латинян и германцев, погруженных уже в это учение и поглотивших эту душепагубную ложь, изобразить немного выше богомерзкого подобия ложного разума, то есть баснословной фортуны, пречистый и достойный поклонения образ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, который цепочкой тонкой, от руки святой его спускающейся, управляет фортуной с изображенным перед ней колесом, — чтобы благочестивые склонились к богомерзкой лжи звездочетской, видя, что фортуна управляется пречистой рукой Спасителя. Допускает нечестивый дьявол приписать малую долю показного благочестия к своему лукавому умышлению нечестия, чтобы таким образом утвердить в мыслях благочестивых обман лживых астрологов. И что в этом удивительного! Ведь многократно случалось, что нечестивый не только ангела светлого или священника, святыню носящего, принимал вид, чтобы пустынника святого прельстить, но случалось, что он, наисквернейший, в великом обличий самого Спасителя действовал.

А чтобы убедиться, что такое мудрствование есть лукавое изобретение эллинов, — слушай внимательно и вникни прилежно, что говорит о фортуне баснословной премудрый некий христианский философ. «Счастье у эллинов, — говорит он, — это есть и называется чуждое промыслу управление миром или передвижение от неизвестного к неизвестному и случайному; мы же, благоверные христиане, исповедуем, что Христос-Бог устраивает и управляет всем». И опять он же: «Не человеческими помыслами и рассуждениями, но Божьим промыслом и недоступными его судьбами устраиваются все человеческие дела, люди же неразумные привыкли называть это случаем и судьбой, не понимая, откуда и по какой причине с кем-либо бывают известные случаи». Мы же, благоверные христиане, веруем во Христа, управляющего всем. Обрати должное внимание на определение эллинами фортуны: они говорят, что счастье есть чуждое промыслу управление миром, то есть происходящее не по премудрому и праведному промыслу Божьему. Понятно ли тебе теперь, как латиняне и германцы весьма хулят единого преблагого, и праведнейшего, и премудрого Творца и правителя всего, подрисовывая к пречистому

образу Спасителя богомерзкое изображение счастья, некоей помощницей и споспешницей Спасителя считая его, не научившись этому из Божественных писаний, — ибо нигде не найдешь включенным в Боговдохновенные писания такого душепагубного мудрования, — и не услышав восхваляемым его всеми внешними философами — ведь некоторые и из них слепым называют его и говорят о чуждом промыслу управлении миром, то есть происходящем не по Божьему промыслу и учению? Другие же, осуждая Эпикура-философа за то, что он неправильно мудрствовал и учил, за это его не хвалят и безбожником называют, говоря так: «Эпикурово злостное учение и в том заключается, что вся эта тварь счастьем каким-то, а не волей и судом Божьим управляется». Слышишь ли, чье это учение безбожное и как самими эллинами оно резко порицается?

Как же ты, такой человек, так легко и безрассудно увлекаешься такими безумными обманами немецкими и не повинуешься божественному тайноучителю, говорящему нам в Послании к колоссянам: «Смотрите, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира сего, а не по Христу». И опять он же в Послании к евреям: «Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь». Как же не устрашился ты тех слов того же богопроповедника, в которых он говорит неразумным галатам: «Если кто благовествует вам не то, что вы приняли (то есть от нас, апостолов Христовых), анафема да будет»; если и «ангелом с неба» будет он, «анафема да будет», то есть да будет проклят. Понимаешь ли из этого, что и немцы, и латиняне подлежат той же апостольской анафеме как чуждые учения вкладывающие в мысли благочестивых.

Постарайся же, Бога ради постарайся, отрекись от такого немецкого обмана и исповедуй прямо и чисто с боговдохновенным Давидом и пророчицей Анной, которые говорят так, открыто и без хитрости всякой: «Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает, из праха подъемлет он нищего и из брения возвышает убогого». Для чего, скажи нам, о священная пророчица? «Чтобы посадить его, — говорит она, — с сильными среди людей и престол славы в наследие дать ему». Не фортуной баснословной и вращением колеса, но пророком святым прежде Саула, а потом Давида помазал Господь в цари, этого взяв от паствы овец, «от доилиц», как написано, а того, когда он искал пропавших ослят отца своего. Также разумно обдумай и то, как Иосиф блаженный прославился в Египте, так что признавался вторым после фараона властителем всего Египта; также о том, как Моисей на такую высоту был вознесен — по предначертанию и мановению Божьему, а не слепым счастьем и вращением колеса. Чуждо это, вполне чуждо и неизвестно Святым писаниям учение о фортуне латинской, возлюбленный мой брат и господин! По этой причине оно далеко отгоняет от собрания православных, придерживающихся этого богопротивного учения. Таковые оказываются не с Христом собирающими пшеницу чистую, то есть веру пречистую и непорочную в

небесные его житницы, которые суть сердца и мысли православно верующих в него, а напротив, высыпают они из себя и слушающих их вложенное свыше в мысли их божественное сокровище, то есть православные догматы о праведнейшем промысле Божьем. О том, что не было написано боговдохновенными пророками и апостолами, не подобает нам мудрствовать, строго заповедует великий всей вселенной светильник Иоанн Златоуст.

Будем же пребывать в пределах неложного благоразумия. Будем пить незлобиво «словесное и чистое молоко», как не знающие злобы младенцы, чтобы точно исполнить нам повеление Спасителя, сказавшего: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное». И еще: «Кто не примет царство Божие как дитя, не может войти в него». «Царством Божиим» называет Владыка здесь евангельскую проповедь, то есть то, что, сам услышав от отца своего, открыл своим ученикам. Это суть: заповеди, таинственные притчи, догматы о неложном богопознании, то есть о вечном бытии Отца, и Сына, и святого Духа — единого Божества, и господства, и царства, о бессмертии души и о грядущем в конце света общем воскресении, и о воздаянии жившим благочестиво и богоугодно, и о бесконечном мучении не покорившихся апостольской проповеди, нечестиво живших.

Все эти и подобные им апостольские и пророческие догматы и предания Спаситель наименовал одним словом «царство Божие» и желает, чтобы мы это просто и с полной верой и благоговением приняли и твердо себе усвоили, как незлобивые дети без рассуждения принимают наставления своих учителей, благодаря вере и покорности наставникам достигая совершенного знания Священных писаний и словесных наук. Так следует и нам прилежно держаться данных нам самим Спасителем нашим, и святыми его учениками, и апостолами, и вселенскими соборами догматов и завещаний и отнюдь ничего к ним не прибавлять и не убавлять по правильному установлению богоносных отцов наших, святыми молитвами которых да сподобимся получить удел спасаемых, аминь.

ПОВЕСТЬ О САВОНАРОЛЕ

ТОГО ЖЕ ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА ПОВЕСТЬ СТРАШНАЯ И ДОСТОПАМЯТНАЯ И О СОВЕРШЕННОЙ ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Приступая к написанию некоей страшной повести, прошу читающих сочинение это не подумать обо мне, что я лгу о небывалом. В свидетели

им предлагаю самого Бога, который знает тайное, что я об истинном пишу, что сам не только написанным видел и прочел, но и слышал от мужей правдивых, то есть добродетельной жизнью и мудростью многой украшенных, у которых я, будучи еще очень юным, прожил долгие годы. Пусть же у читателей сомнения не вызывает и то, что у людей, латинские учения любящих, свершилось такое славное чудо по воле хотящего, чтобы «все люди спаслись и достигли познания истины». Ибо в обычае божеской благости везде всем людям распространять неизреченные дары и блага от своих щедрот, являя себя таким образом всем вместе с поднебесной и обращая к себе все творение свое, так как Бог «повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных». Но об этом достаточно, теперь же время начать повесть.

Париж — город славный и многолюдный в Галлии, которая ныне называется Францией, — держава великая, и славная, и богатая бесчисленными благами, а из них первое и лучшее — забота и усердие относительно философских и богословских догматов, даром преподающихся всем, стремящимся к таким превосходным наукам. Ибо преподавателям этих наук плата значительная выдается ежегодно из царской казны, так как тамошний царь имеет великую ревность и заботу о словесных науках. Там преподаются всякие науки не только по части нашего благочестивого богословия и священной философии, но и о внешней мудрости всяческие науки, которые доводят ревнителей своих до совершенного познания, а этих ревнителей там великое множество, как я слышал от некоторых. Ибо со всех западных стран и северных собираются в упомянутый великий город Париж одержимые стремлением к словесным наукам не только дети простых людей, но и родственники достигших царского престола или боярского и княжеского сана: у одних там сыновья, у других братья, у иных же внуки и прочая родня. Каждый из них, достаточное время пробыв в учении прилежном, возвращается в свою страну, исполненный всякой премудрости и разума. И он служит украшением и предметом похвалы для своего отечества, для которого он становится советником прекрасным, и руководителем опытным, и помощником рьяным во всем, в чем потребность будет. Такими должны быть и становиться для своего отечества те, которые у нас благородством и обилием богатства весьма хвалятся и которые, священным учением словесных наук наставляемые и просвещаемые, смогут не только свои собственные непохвальные страсти одолеть, и о внешнем женоподобном украшении не заботиться, и свободными от сребролюбия и всякого лихоимства себя сохранять, но еще и других заставят подражать себе, любить всякую богоугодную жизнь. Но об этом достаточно.

Итак, в знаменитом городе том был некий муж, искушенный во всякой премудрости внешней, и нашего священного богословия учитель великий и первый из числа бывших там наставников, а имени его я не узнал и не слышал его никогда ни от кого. Этот-то, столь удивительный

и знаменитый муж, объясняя, по обыкновению своему, своим ученикам богословские изречения блаженного апостола Павла, возгордился в мыслях по причине имевшихся у него многогранных познаний, и вырвалось, говоря словами Писания, «велеречие из уст» его, и он сказал, не устрашившись: «Это богословское изречение даже сам Павел не мог постигнуть и объяснить, как это сделал я». О, какое это безумное велеречие, и дерзость, и многолетнее неразумие! Как не понял он спасительного завета Спасителя, гласящего: «Ученик не выше учителя своего»; и еще: «Довольно для ученика, чтобы он был как учитель его»? Но если он и забыл этот завет Владыки, то Божий суд, который всегда гордым противится, не замедлил, но тотчас его настиг, и мертвым его тут же сделал, и безгласным сотворил бывшего прежде громогласным и хвастливым; и вот он уже мертв и безгласен на учительском своем месте. Оказавшиеся же тогда там многочисленные его ученики, ужасом и страхом охваченные из-за случившегося по воле ничем не подкупного Судьи, сняв умершего оттуда и положив в гроб, в церковь его отнесли и совершили положенное над умершими обычное пение. Но, о страшный рассказ: мертвый ожил и, сев в гробе, воскликнул: «Я поставлен пред Судьей». И, сказав это, опять мертвым опустился без дыхания и без гласа. В то время как присутствующие были в ужасе от того, что они увидели и услышали, и «Господи, помилуй» долго с великим страхом взывали, вновь мертвый, ожив, сказал: «Я испытан был». И вновь мертвый опустился в гроб, и вновь еще больший страх объял присутствующих, великий ужас, и «с погребением не будем спешить, — говорят они, — услышим, чем кончится необычное это явление». Вновь умерший ожил и последний звук издал, сказав: «Я осужден». И больше уже не оживал и не говорил. Таков был конец знаменитого этого наставника, и таково было возмездие за безумное превозношение того, кто ослушался божественного проповедника, говорящего: «Но знание делает гордым, а любовь назидает».

С тех пор ученики его, многие числом, и благородные, и богатые юноши, презрев преходящие красоты суетной этой жизни, и усердие излишнее в науках, и славу суетную от этих наук, — все это презрев и отвергнув, отреклись дружно от всех житейских забот и, свои богатства и имения нищим и нуждающимся раздав, согласно евангельской заповеди, устремились единодушно в отдаленное место, и там монастырь устроили себе, и, малую часть богатств монастырю отделив на пропитание себе, иноческое житие возлюбили, новое правило и порядок, не для всякого легко выполнимые, такие себе установили: каждый обязан жить один в своей келье, не выходя наружу и ни с кем не беседуя, возлюбив совершенное молчание не только у себя, но и во время установленных в церкви собраний, а эти собрания с великой кротостью и в молчании посвящать Богу и ни о чем житейском ни в коем случае не говорить между собой; есть же каждый должен в своей келье то, что приносится ему общим слугой, причем этот слуга не через дверь входит к иноку — что запрещено было строго — но подает через окно, устроенное возле двери, положенную пищу, не ту, какую бы кто пожелал, но какую настоятель их указал строителю обители; а собираться в трапезную они должны каждое воскресенье и по всем

большим праздникам. За каждой кельей был у них маленький садик на малую им утеху, и колодец маленький под самым окном, и ковш медный, и в кельях у них не найдешь ничего другого, кроме нескольких книг и рубища, которое они носят на себе. Где у них особая какая-нибудь вкусная пища, или напиток, или какие-нибудь овощи, или что-нибудь другое, услаждающее гортань? Где у них накопление серебра и золота? Где у них празднословие, или сквернословие, или смех несвоевременный и бесчинный? О пьянстве же и избытке вкусной еды даже и не слышно у них; сребролюбие же, и лихоимство, и ростовщичество, и лукавство почиталось в них мерзким и проклятым; одежда была у них власяная и вся белая, обозначающая чистоту их жизни и существования; а ложь, и ослушание, и пререкание исчезли у них окончательно. Где у них отвержение обетов, которые они дали Богу, когда постригались? Ничего этого не найдешь, даже много потрудившись! Но и других обителей, как это бывает из-за переходов частых, они не знают, — не как мы переходим бесчинно вопреки обетам нашим из обители нашей в другую, по легкомыслию ума нашего, нарушая указания Бога и Спасителя нашего, повелевающего нам в своем Евангелии: «В какой дом войдете, там оставайтесь, пока не выйдете», а не переходите из дома в дом. Что на это мы ответим страшному и неподкупному Судье? Ибо он так говорит непреложно: «Всякий, кто слушает сии слова мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному», и прочее, что известно всякому. Нет у нас ответа, и мы будем признаны им безрассудными как безумно преступающие святые заповеди его.

Услышим и о другом их порядке, весьма угодном Богу и спасительном для возлюбивших иноческую жизнь. Усмотрели они премудро, что по причине редкости избравших ангелоподобную иноческую жизнь и вследствие краткости человеческого существования имеющиеся всюду в стране их честные обители — одни переполнены иноками, и священниками, и дьяконами, а в других, напротив, настоятели и наставники монашеских орденов терпят недостаток в них. Ибо у латинян существуют различные монашеские ордены, а не один, как у нас. Настоятель каждого ордена, которого называют генералом, повелевает в такой-то город собраться всем игуменам и начальникам из всех монастырей для рассмотрения и исправления того, что содействует спасению и существованию иноков и их монастырей. И по повелению его собираются все без отговорок в тот город, какой он назначит. И все они люди сведущие во всякой философии и в смысле Боговдохновенных писаний, иногда их тысяча, а иногда и больше тысячи, и всех их кормит город, в который они собираются, пока живут в нем. В этом городе во все дни собираясь вместе, они рассматривают по Божьей воле порядок в монастырях, их богоугодное устройство и если узнают, что в какой-либо обители имеется недостаток в священниках, и дьяконах, и в простых иноках, то, взяв из другой многолюдной обители, посылают их туда с соборным посланием. И ни та обитель, из которой они взяты, не скорбит и не противится, ни та, куда они посланы, не ослушивается соборного постановления, но обе с большой радостью и послушанием повинуются соборному

постановлению: одна обитель отпускает братию с миром, а другая принимает с великой братской любовью как свои члены. И таким образом оказываются они исполнителями священных слов: «Странник я и пришелец, как и все отцы мои». Таково их совершенное братолюбие и покорность настоятелям своим. Нет у них ничего своего, но все общее, нестяжательство они любят как великое благо духовное, ибо оно сохраняет их в спокойствии и во всякой правде, и в твердости помыслов, и вдали от всякого сребролюбия и лихоимства.

Таким же образом собор их рассматривает и исправляет и то, что касается игуменов монастырей. И если о каких из них узнают, что они бесчинно и не по установленному порядку и правилу управляют братией, таких смещают, и епитимию заслуженную на них налагают, и, других избрав на их место, посылают с грамотами от собора в порученные им монастыри. Все это и подобное этому правильно и богоугодно сообща рассмотрев и упорядочив, они расходятся, и каждый спешит в свою обитель. Избранный же собором генерал, что значит по-русски соборный наставник и надзиратель, все без исключения честные обители своего ордена постоянно объезжает, проверяя игуменов монастырей, как каждый из них управляет братьями и монастырскими делами, и если он делает это благочинно и как угодно Господу — похвала такому от генерала и утверждение, если же игумен не таков, — сместив его, генерал налагает на него епитимию и другого на его место ставит. Таким способом незыблемо укрепляются их честные обители во всяком благочинии и благоговении иноческом, в союзе священной любви содержась и утверждаясь. Так следовало бы и нам, православным, устраивать в отношении нас, иноков, и чтобы соборами богоносных отцов избирались игумены священных монастырей, а не так, чтобы дарами серебра и золота, даваемыми народным писарям, игуменские места достигались желающими, из числа которых многие совсем не обучены предметам божественным и ведут бесчинную жизнь, упражняясь всегда сами в пьянстве и во всяком чревоугодии, и находящиеся под их управлением братья, лишенные заботы об их телесных потребностях и в небрежении духовном, скитаются по бездорожью, как овцы, не имеющие пастыря. Увы, увы, пощади, Господи, пощади!

Если же некоторые, самолюбием и славолюбием ослепляемые, спросят: как и чем они питаются, любя совершенное нестяжательство, — я и это покажу им, ибо они сами добровольно закрывают глаза перед евангельской истиной, самолюбием и славолюбием побеждаемые. Не слышали ли вы, добрейшие, Спасителя нашего Иисуса Христа, говорящего священным ученикам своим: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Ищите же прежде царства Божия и правды его, и это все приложится вам». Эту спасительную заповедь владыки и поучение соблюдая, они не пекутся о том, как приобрести в изобилии имения, и богатства, и стада разного скота или большие земные сокровища, золото и серебро. Одно у

них в изобилии богатство и сокровище неистощимое — прилежнейшее хранение и исполнение всех евангельских заповедей, посредством которых скоро и удобно достигается ими самая главная добродетель — любовь к Богу и ближнему своему, ради чего они день и ночь трудятся в изучении святых писаний, просвещаемые которыми они более и более разжигают в себе угли божественных желаний, движимые и руководимые которыми, они не могут умалчивать спасительное и учительное слово во славу Божью и поучают непрестанно в церкви людей Господних, доказывая всякому человеку неизмеримое человеколюбие и благость Господню к тем, которые живут, как угодно Богу, своего спасения страхом Божьим достигают; также возвещают и нестерпимый его гнев и ярость против непрестанно вызывающих гнев неизреченного его долготерпения всякими беззакониями, и неправдами, и постыдными делами. Так непрестанно посвящая себя служению людям и как чадолюбивые отцы заботясь непрестанно о спасении многих, они у всех находятся в чести и всеми любимы, и потому все с великой благодарностью и с добрым расположением предлагают им ежедневно пищу и прочее, что для жизни необходимо.

Но следует мне рассказать вам и о способе подаяния: ибо он служит свидетельством немалого смирения. Каждый день настоятель обители отпускает двух монахов, у каждого из которых сума льняная, на левом плече висящая, и они, войдя в город, обходят дома, находящиеся на одной улице, и просят Господа ради хлеба на братию, и, наполнив сумки чистым пшеничным хлебом, возвращаются в обитель свою. Таким способом они каждый день добывают себе пищу на день, переменяя городские улицы. Но кто и каковы эти просители? Это бывшие прежде благородные и богатейшие люди, которые, подражая Господней нищете, добровольно делаются нищими и не стыдятся послужить нуждам своей обители, без ропота и раздумий. А кто, услышав о смирении игуменов их и благочинии во время обеда, не ужаснется? Не увидишь у них в руке жезла — ни внутри монастыря, ни вне его, ни во время божественного пения; не видно и чтобы они лучшими, чем другие братья, одеждами украшались. Войдя же в трапезную и прочитав предварительно «Отче наш», как и у нас принято, сядут они по порядку тихо и со всяким благочинием, а хлеб уже положен у них не посередине стола, как у нас принято, но напротив каждого на краю стола — каждому из них целый калач, и рядом нож, и ложка, и чарка пустая. И никто не смеет прежде игумена взять себе свой хлеб или, разрезав его, попробовать. Тогда два юных инока входят, и каждый из них несет на тонкой дощечке приготовленное для братии кушанье в чашках оловянных, и, начав с последних, протягивают инокам эти дощечки с чашками, и каждый своей рукой берет чашку, а после всех уже и игумен берет чашку. Но еще не смеют они коснуться хлеба, пока назначенный инок не начнет читать положенное чтение. Когда же он начнет, то игумен ударяет трижды в висящей перед ним колокольчик. Тогда сам настоятель берет положенный перед ним калач, также и остальные. Когда они едят, входит виночерпий и, начав с последнего, наполняет также вином по порядку чарки их. И если другое какое кушанье будет принесено, и его прислуживающий предлагает, начиная

с последних вплоть до игумена. После еды они встают и начинают петь благодарственные молитвы, и с пением выходят из трапезной попарно и благочинно и, войдя в церковь, здесь заканчивают благодарственные песни.

Услышим и о другом их богоугодном и спасительном установлении, которое они придумали для полного искоренения всяких дурных и плохих своих привычек. Приказание дается игуменом имеющимся в обители священникам и дьяконам наблюдать друг за другом в течение всей недели, когда и в чем кто согрешит словом или другим каким-нибудь бесчинием, и о таком прегрешении извещать игумена. Вечером же каждую субботу после мефимона собирает игумен всех в назначенном для этого помещении. И когда все соберутся, то сперва игумен читает поучение духовное послушникам и прочим простым братьям и, поучив их достаточно, отпускает каждого в его келью, где тот пребывает в молчании великом и безмолвии. Оставшимся же при нем священникам и дьяконам, когда они также будут достаточно им наставлены, игумен повелевает, чтобы каждый из них открыл ему, кого в чем он видел согрешившим: или словом, или неприличным смехом, или гневом, или другим каким-нибудь подобным прегрешением. И когда они откроют ему, в чем кто согрешил в течение всей недели, такой епитимией он исправляет их: повелевает им опуститься на землю на колени и правое плечо обнажить. И когда они повеление исполнят, один из иноков, по приказанию игумена, держа в правой руке очищенные прутья, в виде веника, ходит и по очереди бьет их по обнаженному плечу, причем те читают пятидесятый псалом. После этого бывают отпущены с благословением в свои кельи.

Узнав, каким образом и откуда подается им ежедневно хлеб, услышим теперь и то, откуда получают они и остальную необходимую пищу по промыслу Божьему. Жители городов по причине великого своего к ним благоговения и любви из-за богоугодного существования и жизни этих монахов присылают им — кто бочку вина, кто масла, кто рыбы, а кто сыр и яйца. Иной кто-нибудь, в несчастье каком-нибудь или беде находящийся, приносит им пищу, прося игумена, чтобы тот велел находящимся под его управлением братьям помолиться Господу о нем, чтобы его избавил Господь от ожидаемой им скорби. И во время обеда игумен говорит во всеуслышание: «Тот, кто сегодня кормил нас, умоляет вас помолиться Богу, чтобы его избавил Господь от несчастья и печали, которую он ожидает. Помолитесь же о нем прилежно, каждый в келье своей!» Так, благодаря преподобным молитвам их избавившись от печали, которую он ожидал, человек опять в изобилии дает им все необходимое.

В доброте своей и премудрости обещал священным своим ученикам человеколюбивый Господь, сказав: «Ищите прежде царства Божия и

правды его, и это все приложится вам». Поэтому и они, поскольку они царство Божие, то есть спасение свое и ближних своих, прилежно и богоугодно ищут поучениями различными и частыми из божественных писаний, себя и слушающих их спасают, достойно и праведно, в свою очередь, человеколюбивый Бог спасающимся дает в изобилии все необходимое для жизни, содействующим ему в спасении многих, а это спасение он «царством Божиим» иносказательно называет. Если даны ему Отцом живущие везде народы в «наследие и владение пределы земли», как написано во втором псалме; и в другом псалме: «Воцарился Бог над народами» — как бы он иначе царствовал, если не посредством веры в него и обращения к нему? Ибо как создатель и попечитель всех царствует он всегда; получает же царство от Отца и как человек, как сам говорит о себе во втором псалме: «Я поставлен царем от него». Итак, блаженны воистину те, которые заботятся, чтобы столь желанное Богу царство возрастало постоянно правдой его, то есть прилежным исполнением святых его заповедей, которые трудятся непрестанно в изучении и чтении боговдохновенных Писаний его, которые, потаенный смысл их с усердием всяким простым людям объясняя и поучения всяческие от себя добавляя, приносят всегда, как плоды, Владыке своему души разумные, до этого уловленные от дьявола. За это они несомненно услышат от него вот что: «Хорошо, рабы добрые и верные. В малом были вы верны, над многим поставлю вас: войдите в радость Господина своего». Сказанного здесь об этом достаточно для славы Господа нашего Иисуса Христа и для пользы, вместе и для возбуждения ревности божественной у тех, которые с благодарностью слушают повести о благочестии. Теперь же прислушаемся к некоей другой также душеполезной повести, достойной памяти, подражания, если действительно желаем угодить Господу нашему.

Флоренция — город прекраснейший и лучший из находящихся в Италии городов, которые я сам видел. В том городе есть монастырь, где живут монахи, называемые по-латински предикаторы, то есть божьи проповедники. У храма же священной этой обители святейший апостол и евангелист Марк является покровителем и предстателем перед Господом. В этой обители игуменом был некий священноинок по имени Иероним, латинянин по происхождению и по вере, исполненный всякой премудрости и понимания боговдохновенных Писаний и внешней науки, то есть философии, подвижник великий и обильно украшенный божественной ревностью. Этот игумен, движимый великим пониманием бого-вдохновенных Писаний, и еще более — божественной ревностью, поняв, что город Флоренция двумя богомерзкими грехами сильно порабощен, то есть богомерзким беззаконием содомитов и безбожным лихоимством и бесчеловечным ростовщичеством, божественной ревностью разжегся и пришел к следующему доброму и богоугодному решению: поучительным словом из божественных Писаний помочь городу тому и полностью истребить эти нечестия. Приняв такое решение, он начал учить в церкви людей Божьих всякими премудрыми поучениями и разъяснением книг, а в храм святого Марка-евангелиста собиралось к нему часто множество слушателей из числа благородных и первых жителей города того. Его полюбил весь город, и упрашивали

его, чтобы он в самую соборную церковь пришел и стал учить их Божьему слову и закону. И он, согласившись с их решением и желанием, с усердием предпринял этот подвиг из любви к Богу. И каждое воскресенье, и во все большие праздники, и каждый день на протяжении всей святой Четыредесятницы, приходя в соборную церковь, он обращался к народу с поучительным словом с высокой кафедры, стоя по два часа, а иногда и дольше продолжалось поучение. И такое действие произвела проповедь его, что большая часть города, полюбив твердые и спасительные поучения его, отказалась совершенно от злобы и лукавства и полюбила вместо всякого блуда, и постыдных дел, и плотской нечистоты всяческое целомудрие и чистоту, а неправедный, и лихоимец, и ростовщик сделались все праведнейшими, и милостивыми, и человеколюбивыми. А некоторые из них, подражая Закхею, начальнику мытарей, упоминаемому в Евангелии, зло и неправедно собранные ими имения добровольно раздавали нуждающимся руками учителя своего. Скажу попросту, чтобы, говоря обо всех по порядку его деяниях, не наскучить читателям рассказа этого, — большая часть города превратилась из последователей великой злобы в настоящий образец достохвальной добродетели.

Об одном только поступке похвальном, совершенном одной женщиной бедной, расскажу любителям добродетели, из которого они смогут понять силу боговдохновенных поучений мужа того. Сын бедной этой вдовы, найдя на улице потерянный кошелек из камки, в котором было пятьсот золотых монет, принес его матери своей. Но она, увидев кошелек, не обрадовалась тому, что такой находкой она сможет избавиться от крайней своей нищеты, и не скрыла находки у себя, но тотчас отнесла ее священному учителю города и сказала: «Вот, преподобнейший отец и учитель, смотри: кошелек этот потерянный нашел сын мой на улице. Возьми его и, как знает преподобие твое, отыщи потерявшего кошелек и отдай ему его, чтобы не скорбел неутешно человек об этом». Учитель, подивившись правдолюбивому нраву вдовы, благословив, отпустил ее. Однажды, когда учил в церкви, он возгласил, окончив поучение: «Если кто потерял деньги, пусть выйдет на середину и пусть скажет о количестве потерянных денег, и приметы кошелька, и день, когда он потерял деньги, — и возьмет свое». Тогда предстал потерявший деньги и сказал учителю и день, и количество денег, и приметы кошелька. «Вот тебе, — сказал учитель, — твое, о юноша, а убогую эту вдову, как хочешь, утешь, ибо она избавила тебя от большой печали, которую ты испытывал». Тот, вынув сто золотых монет, отдал ей с большой радостью. Насколько более заслуживает похвалы вдова эта в сравнении с той, которая восхваляема в Евангелии за две лепты, которые она положила в дар Богу! Потому что та в принадлежавшем ей и в «малом проявила свою набожность, а эта в чужом и значительном имуществе проявила свою правдивость и человеколюбие.

Мог бы я и другие некоторые подобные достопамятные следствия богоугодного учения того мужа поведать вам, но чтобы пространностью рассказа этого писания не пресытить слух ваш, добровольно опускаю их и к концу пятилетнего учения его обращу течение словесное. Итак, полгорода добрым образом, как Богу угодно, исправилось благодаря ему, другая же половина не только не слушалась его и противилась его божественным поучениям, но и была враждебна к нему настолько, что они замазали человеческим калом перила, на которые он привык опираться руками, стоя и изливая людям струи поучений. Он же, подражая кротости и долготерпению ко всем Спасителя, все терпел мужественно, желая исправления многих. Поэтому он и тех, которые находятся у власти церковной, но живут не по-апостольски и о пастве Спасителя Христа не пекутся, как подобает, — даже тех он не похвалял, но безбоязненно обличал прегрешения их и часто говорил: «Если бы мы жили согласно Евангелию Спасителя Христа, несомненно, все иноверные народы обратились бы к Господу, видя нашу равноангельскую жизнь, и это много послужило бы нам ко спасению и наслаждению вечными благами. Теперь же, живя вопреки евангельским заповедям, мы ни себя не исправляем, ни других не стараемся привести к благочестию — что другое мы надеемся услышать от праведного Судьи, кроме этого: “Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное человекам; сами не входите и хотящих войти не допускаете”». Говоря это без стеснения и еще более жестокими словами осуждая почитаемого у них папу, и состоящих при нем кардиналов, и прочий их клир, он подал повод к еще большей к нему ненависти со стороны возненавидевших изначально священные его поучения. Они называли его даже еретиком, и хулителем, и обманщиком, поскольку он отверз уста свои на священного их папу и всю церковь римскую. Дошел и до Рима такой слух о нем и сильно смутил папу и состоящий при нем клир, так что они послали ему соборное запрещение, запрещающее ему учить людей Господних, и уподобились говорящим в «Деяниях святых апостолов»: «Но, чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозой запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей». Таким образом они решили и так ему запретили, прибавив в соборном своем писании, что если он не прекратит впредь так поступать, то будет проклят ими как еретик. Он же не только не послушался такого беззаконного их решения, но еще более разжегся божественной ревностью и соборное их послание называл неправедным и неугодным Богу как повелевающее ему не учить в церкви верующих. Поэтому он еще более стал обличать их беззакония, ибо, как я не без основания догадываюсь, он решил про себя и умереть за благочестие и Божью славу, если это будет необходимо. Ибо в ком возгорится огонь божественной ревности, того он не только богатства и имения, но и саму жизнь заставляет презирать. И свидетель тому непреложный — сам Господь, говорящий: «Очень желал я есть с вами сию пасху». Это он сказал, так как хотел принять как человек смерть во славу Бога Отца своего и ради человеческого спасения. И сам страстный последователь и пособник Христов Павел говорит: «Имею желание разрешиться и быть со Христом»; и еще: «Ибо для меня жизнь — Христос и смерть — приобретение». Поскольку же приверженцы папы не переставали грозить ему и всяким образом отрывать его от проповеднической

кафедры, а он со своей стороны продолжал не подчиняться им и неправды их обличать, то они решили смерти предать его, что и исполнили следующим образом: избрав некоего генерала, по имени Иоаким, рьяного в исполнении их лукавого решения, послали его, уполномочив властью папы лишить проповедника власти игуменской и, допросив его, предать его смерти через сожжение как непокорного, и противника, и клеветника апостольской римской церкви. Этот Иоаким, прибыв в город Флоренцию и показав высшему начальству города грамоты папы, вызвал проповедника в суд и подверг его мучительным пыткам. Когда тот дерзновенно отвечал на все ухищрения своего неправедного следователя, так что судья не мог признать его виновным, свидетели лживые из числа беззаконников и не покорившихся его учению выступили против этого преподобного и невинного наставника города их, высказывая против него самые тяжкие и неправедные обвинения. На основании этих обвинений неправедные те судьи к двойной казни присудили его и еще двух священных мужей, учеников его: на виселице повесив, разожгли огонь под ней и сожгли их.

Такой был конец жизни этих трех преподобных иноков, и такое получили они воздаяние за подвиги во имя благочестия от недостойнейшего их папы — Александр тогда был им, Александр, родом из Испании, который всякими неправдами и злобой превзошел всех законопреступников. Я же настолько далек от согласия с неправедными теми судьями, что с радостью сравнил бы погибших иноков с древними защитниками благочестия, если бы они не были верой латинянами, ибо подобную древним мученикам горячую ревность за славу Спасителя Христа и за спасение и исправление верных усмотрел я в преподобных тех иноках, — не от другого кого-нибудь слышал, но сам их видел и на поучениях их многократно присутствовал. Не только подобную древним ревность за благочестие я усмотрел в них, но еще такую же премудрость, и разум, и искусство в боговдохновенных и внешних писаниях я усмотрел в них, и более других — в Иерониме, который по два часа, а иногда и более, стоя на кафедре учительской, обильно изливал слушателям струи учения, — не книгу держа в руках и черпая оттуда свидетельства, подтверждающие его слова, но заимствуя их из сокровищницы своей великой памяти, в которой было сокрыто всякое богомудрое понимание искусства святых Писаний.

Я это пишу не для того, чтобы показать латинскую веру чистой, совершенной и правильной во всем, — да не будет во мне такого безумия! — но чтобы показать православным, что и у неправильно мудрствующих латинян есть попечение и прилежание о евангельских спасительных заповедях и ревность за веру Спасителя Христа, хотя и не до конца осмысленные, как говорит божественный Павел-апостол о непокорных иудеях: «Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению». Так и латиняне, хоть и во многом соблазнились, к ошибочным некоторым и странным учениям

обращаясь, прельщенные присущим им многознанием эллинских наук, но не окончательно отпали от веры, и надежды, и любви в Спасителя Христа, ради которого их монахи по святым его заповедям прилежно устраивают свою иноческую жизнь, так что их единомыслию, и братолюбию, и нестяжательности, и безмолвию, и умиротворению, и заботе о спасении многих следует и нам подражать, чтобы не оказаться хуже их. Это я говорю относительно прилежного исполнения евангельских заповедей, ибо как их не делает совершенными прилежное исполнение заповедей Спасителя, пока они не откажутся от своих ересей, так и нас не делает совершенными одна православная вера, если не дополняем ее прилежным исполнением евангельских заповедей. Ибо сам Господь взывает к преступающим их: «Что вы зовете меня: “Господи! Господи!” и не делаете того, что я повелеваю вам?», то есть молитвы частые и продолжительные приносите мне, а мои заповеди презираете и не исполняете их на деле, как я установил их. И в другом месте Господь говорит: «Всякий, кто слушает сии слова мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному», и прочее. По этой же причине и те пять дев названы неразумными и не были впущены в небесный чертог. Также и пришедший на мысленный брачный пир не в брачной одежде, связанный по рукам и по ногам, будет изгнан и ввержен во тьму кромешную. Также и хвалящиеся тем, что они совершили во имя Господа чудеса многие, и пророчествовали, и бесов изгнали, не будут признаны тогда праведным Судьей и услышат от него: «Отойдите от меня, делатели неправды; аминь говорю вам: не знаю вас, откуда вы». Если же они пророчествовали во имя Господа, и бесов изгоняли из людей, и многие чудеса творили, то почему он не признает их, и отгоняет, и «делателями неправды» называет? Ответ на вопрос этот: потому что хотя они и творили чудеса по какому-то неведомому действию Божьей силы, но, как кажется, они не имели дарованный Богом дар совершенной любви к Всевышнему и к ближним своим, с которой соединена Богом украшенная и Богом созданная милость ко всем нуждающимся в милости и помощи. Неложный свидетель этому — блаженный апостол Павел, взывающий: «И если я отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то нет мне в том никакой пользы». Поскольку же не было в них такой Богом украшенной и Богом созданной любви и соединенной с ней милости, поэтому не признаются они милостивым Богом и как «делатели неправды» отгоняются им. «Ибо суд без милости не оказавшим милости», — говорит божественное слово. Не принимает в себя божественный рай скрывающих себе на земле со всяким лихоимством и бесчеловечием сокровища золота и серебра, но отгоняет их, говоря: «Вон, псы, и чародеи, и блудники, и убийцы, и идолослужители, и всякий, кто любит неправду и совершает ложь». «Блажен, кто, — как сказано, — помышляет о нищем и бедном», то есть милующий и щедро подающий ему; а оскорбляющий его, и обижающий, и угнетающий его непрестанно ежегодным требованием долгового роста — проклят от Бога, и отвержен, и в неугасимый огонь отсылается, и с ненавидящим нищих богачом сжигается на веки вечные. Богу нашему слава, и владычество, и благолепие на бесконечные века, аминь.

ПЕРЕПИСКА ФЕДОРА ИВАНОВИЧА КАРПОВА С МАКСИМОМ ГРЕКОМ

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина

ВСТУПЛЕНИЕ

Федор Иванович Карпов — русский дипломат, один из руководителей восточной политики России. Его деятельность приходится на конец XV — первую половину XVI в. (первое упоминание о Карпове относится к 1495 г., когда он был «постельничим» Ивана III во время поездки великого князя в Новгород; к 1545 г. его уже не было в живых). Вместе с тем Федор Карпов — один из наиболее оригинальных и образованных русских публицистов своего времени, с мнением которого считались выдающиеся писатели XVI в. — Максим Грек, Николай Булев, инок Филофей, митрополит Даниил. В его посланиях встречаются имена античных авторов — Гомера и Аристотеля, в послание митрополиту Даниилу включены цитаты из Овидия.

На сегодняшний день известно семь посланий Карпова, из которых в настоящем издании публикуется четыре: два — Максиму Греку, одно — митрополиту Даниилу и одно — иноку Филофею (остальные три послания напечатаны в кн.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991). Кроме того, Карпову принадлежит Похвальное слово Василию III, напечатанное Н. Н. Розовым (Похвальное слово великому князю Василию III // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 278—289). Однако при характеристике его литературной деятельности следует учитывать, что многие сочинения писателя не сохранились. О них мы узнаем из ответных посланий Максима Грека, которые свидетельствуют о разносторонних интересах Карпова: астрология, философия, богословие в равной степени привлекали его внимание. Максим Грек называет писателя «премудрым» и «пречестнейшим»; «разумным мужем» назвал Федора Карпова князь А. М. Курбский.

Переписку с Максимом Греком, включающую два послания Максима и одно послание Карпова, обычно датируют 1518—1519 гг. Это наиболее раннее свидетельство о литературных наклонностях Федора Карпова. Переписка возникла в связи с полемикой между Максимом Греком, афонским старцем, только что приехавшим в Москву для перевода Толковой Псалтири, и Николаем Булевым, уроженцем города Любека, придворным врачом великого князя Василия III. Николай Булев выступил с пропагандой унии православной и католической церквей; Максим Грек был противником унии. В переписке Федора Карпова с Максимом Греком отразилась накаленная атмосфера Москвы в первой четверти XVI в., когда шла ожесточенная полемика между «нестяжателями» и сторонниками монастырского землевладения, между защитниками и противниками церковной унии, обсуждался вопрос об истинности астрологических предсказаний, допустимости расторжения брака великого князя с бесплодной Соломонией

Сабуровой. Эта переписка показывает, как постепенно сгущались тучи над Максимом Греком, который принимал активное участие в обсуждении всех животрепещущих вопросов того времени. Узнав, что одно из его посланий Николаю Булеву вызывает неблагоприятные толки, в том числе со стороны Федора Карпова, Максим Грек отправил Карпову письмо, написанное в резких выражениях, в котором ученый грек возмущается неосведомленностью своего друга в основных богословских вопросах. В ответе на это послание Карпов укоряет Максима за то, что тот решился преждевременно его осуждать, и уверяет, что никогда не говорил ничего дурного о Максиме Греке. На это письмо Максим ответил примирительным посланием, принося извинения за необдуманную резкость.

В примирительном письме Федору Карпову Максим Грек предложил своему другу обращаться к нему с любыми вопросами, волнующими его. Возможно, именно в ответ на это предложение Карпов написал послание, в котором просит истолковать ему непонятные места в Третьей книге Ездры, входящей в состав Библии (3 Езд. 6, 42, 47—54). Писателя удивляет, что в этой книге (которая православной церковью не признается канонической) имеются несоответствия с другими библейскими текстами. От внимания его не ускользнуло и то, что в Третьей книге Ездры встречается много намеков на явление Мессии; две первые и две последние главы этой книги, по мнению ученых, написаны в христианские времена. Послание Федора Карпова свидетельствует о беспокойном и ищущем уме писателя: «Азъ же нынѣ изнемогаю умом, во глубину впад сомнѣния».

Сохранился ответ Максима Грека на это послание, утративший, впрочем, жанровые признаки письма. См.: Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862. Ч. 3. С. 274—280. По мнению Н. В. Синицыной (Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1966), первоначально послание Федора Карпова существовало в рукописях без ответа Максима Грека.

Послание митрополиту Даниилу является наиболее интересным сочинением писателя. Написано оно до 1539 г., когда Даниил был сведен с митрополичьей кафедры. Послание представляет собой ответ на «епистолию» Даниила, в которой митрополит призывал Карпова к терпению. В начале его Карпов воздает должное писательскому таланту и учености своего корреспондента, а затем вступает с ним в спор о целесообразности терпения. Публицист находит, что терпение хорошо в делах духовных, но если оно станет лозунгом мирского общества, то нарушится система господства и подчинения в стране, не нужны будут правители и судьи, воцарится произвол и анархия. По мнению Федора Карпова, государства должны строиться на началах «правды» и «закона», причем под «правдой» он понимает справедливое управление государством, а под «законом» — нормы человеческого общежития. Послание митрополиту Даниилу свидетельствует о широкой образованности автора. В подтверждение своих слов он ссылается на сочинение Аристотеля «Этика к Никомаху»; вероятно, он знал также аристотелевскую «Политику». Терминология Федора Карпова указывает на то, что он пользовался латинским переводом

Аристотеля. Ср.: «дѣло народное» — «res publica», «начальство» — «principatus», «гражданьство» — «civitas». В конечную часть послания вкраплены переводы трех двустиший из произведений Овидия и парафраза еще двух строк этого автора. Подробный разбор послания см.: *Freydank D.* Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus // Zeitschrift für Slawistik. 1968. Bd 13. H. 1.

Краткое послание Филофею, иноку Псковского Елеазарова монастыря и известному писателю XVI в., представляет собой ответ на несохранившееся письмо Филофея; датировке не поддается.

Переписка Федора Карпова с Максимом Греком публикуется по изданию: *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Христианское чтение. 1909. № 8—9. С. 1122—1125 по списку: РГИА, ф. 834, оп. 3, № 4025, лл. 123 об.—126 об. Текст выверен по рукописи. Исправления сделаны по списку: ГИМ, Синодальное собр., № 791, лл. 120 об.—125. Послание Максиму Греку о Третьей книге Ездры публикуется по списку: РГИА, ф. 834, оп. 3, № 3990, лл. 223—224 об. Послание митрополиту Даниилу публикуется по изданию: *Дружинин В. Г.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1909. Вып. 21. С. 106—113 по единственному списку: РНБ, Q.I.1439, лл. 314—329 (гл. 58). Текст выверен по рукописи. Курсивом выделены конъектуры. Послание иноку Филофею публикуется по изданию: *Зимин А. А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 172—173. Исправления сделаны по списку: РГБ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 380, лл. 124—124 об. Текст выверен по рукописи. Исправления сделаны по списку: БАН, Архангельское собр., Д. 527, лл. 114 об.—115.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ МАКСИМА ГРЕКА К ФЕДОРУ КАРПОВУ

ТОГО ЖЕ К ФЕОДОРУ ИВАНОВИЧЮ КАРПОВУ

Слышах от нѣких, яко и твоя свѣтлость съотведеся Николаевым и Власиевым навѣдениемъ,[1] и дивишися, о нихъже писах к Николаю о безначалном и невиновном Отци, яко безначаленъ и безвиновенъ есть, рекши ниже от инаго, ниже от себе бытие имѣя, и яко укаряеши мнѣ о сем, аки безмѣстна мудрьствующу и странна церковнаго предаииа. О нем же не мнѣе вас чюжуся и азъ, яко в сицевом възрастѣ и в толиком искусствѣ Писаней сицеваго догма избѣже вас и яко «в нощи до сего обходите, стѣну осѣзающе» по притчи.[2] Како убо о прочих съгнутаго и непостижимаго богословиа глаголати или слышати възможете, аще сицевыа догмы, всѣми священными богословци проповѣдуемыа и исповѣдуемыа, неразумнѣ ся имѣете? Да же убо уразумѣите, яко не

Максимова догма есть, но истинныи отецъ, слышите разумнѣ великаго и небомудренаго въистину учителя Григориа Богослова,[3] како явьственѣ сие исповѣдует в нѣкоем «Словѣ» своем, в нем же показует, яковому быти подобает правѣ богословьствовати хотящему и яко не всякому сие есть, ниже всегда, ниже ко всѣм, ниже о всѣх, но токмо достигшаго въ крайнюю чистоту и добродѣтелное совершение заповѣдей дѣланиемъ. Имѣет же ся сице священный оного глас: «Безначаленъ убо Отецъ, не отинуди бо ему, ниже от себе самого еже быти». Что видится вам о семъ священном гласѣ? Видѣсте ли, како отецъ сей разумѣет безначалное Отчее, зане рече «ниже от себе самого, ниже от инаго имать еже быти»? Аще бо речем «от себе имѣти еже быти», уже исповѣдахом самого себе виновну и началу бывшу. И аще сие речем, како безначален пребудетъ, иже начало не имый? Аще же, любопряся, речеши, како убо бѣ Отецъ, аще ниже от себе бытие имѣ, реку ти, якоже неизреченно есть Сыновнее рожение и Духа происхожение — сице и Отче безначалие и невиновное.[4] Довлѣет вам, аще православнѣ есте, вѣдати со всѣми святыми отци, яко безначаленъ есть, аки ни от себе, ни от инаго еже быти имѣя. А еже како не взыскуй, ниже възможеши николи же сие достигнути, аще и серафим будеши. Престаните убо хуляще на Бога, в них же не вѣсте, и нас укаряюще неправеднѣ, наипаче же и иных научите, да не хулным именем оболгают нас, от вас бо и сие на нас изгласися.

ПОСЛАНИЕ ФЕОДОРА КАРПОВА КЪ СТАРЦУ МАКСИМУ СВЯТОГОРСКОМУ

Господину Максиму *иноку* Феодоръ Ивановъ сынъ Карповъ челом бьет.

Не подобаше было тебѣ, о философе, преже суда осудити и преже слышаниа из наших устъ корити нас, поминаа Спаса нашего евангельскаа сказаниа: «Еже слышу, — рече, — сужу, и суд мой праведенъ есть».[5] Не преже сужу, — рече, — донде же слышу, или аще лѣ тъ есть кому на неповинных суд износити судиты? Мене же преже, даже не глаголати ми, «престаните, — глаголешь, — укаряа нас» писал еси. Аз же скажу не обинуася, не мнѣнию послѣдуа, но истиннѣ повинуася — яков же есмь, таковъ и явитися восхощу, не притворю к себѣ лицемѣрнаго образа. Преже малых дней, стоащу ми въ церкви святого Никола на мѣстѣ стоаниа моего, внезапу приде священникъ тоа церкви ко мнѣ и глагола ми: «Вѣси ли, какова послание послал Максим к Николаю?» Азъ же рѣх: «Ни». И подаде ми бумажку, в ней же написано: «Вѣруй просто и неиспытно въ единого Бога, въ трех ипостасех или лицех познаваема, сирѣчь Отца нерожена и безначална, ниже от себе, ниже от инаго бытие имущаго». Азъ же вопросих его: «Что суть сиа, и о чем блазнишися?» Он же отвѣща: «Како пишет: “Ниже от себе, ниже от инаго бытие имущаго”?» Аз же рѣх ему: «Престани, Стефане, — сие бо имя ему, — не можеши ты одолѣти

словом ему. Вѣм азъ Максима: не пишет без свѣдѣтельства, от святого Писаниа заимствуа, раздавает нам». И таким словом утолих того надмение. Послѣди бумажку ону в руку имѣа, идох на великого князя дворъ и там по случаю обрѣтох Власиа-толмача и бумажку ону ему явих. Он же рече ми: «Иди, посоветуй с ним самъ, да и бумажку, ю же в руку имѣеши, ему яви. Мнит ми ся, — рече, — о конечном непостиженьствѣ то онъ писал». Аз же рѣх: «Что ради его же тружаю аз давшаго ради бумажку попа. Яко по игрѣ, — при им глаголю, — с тобою рѣх, иже хощет Максимом о богословии стязатися». Боле на глаголах ничто же. И нынѣ Бога поставляю на свою душу, яко ниже преже сего, в мимошедших, ниже нынѣ, в настоящих, глаголах о тебѣ зло или кое невѣрствие бы о тебѣ имѣл. Аще будет тебѣ имовѣрно или ни — сам вѣси. Но философское писание нас учитъ, болѣ нас сам вѣси: «Не вся, — глаголютъ, — творим елико можем, ниже всему вѣрим, елико слышим, ниже вся глаголемъ, елико познаем», прочее же сам не невѣси.

Здравъ буди въ спасении, аще и нам поздравлениа не писал еси.[6]

ПОСЛАНИЕ МАКСИМА ГРЕКА К ФЕДОРУ КАРПОВУ

Господину Феодору Ивановичу Карпову Максим инокъ радоватися о Христѣ.

О любви убо твоей яже к нам и благом устроени, яже изначала показал еси и еще являеши, яко же честными твоими грамотами утвержаеши, иже любви источникъ, Отець щедротам и всякого утѣшениа да въздаритъ обилнѣ свѣтлость твою и в настоящем и в будущем и да соблюдаетъ ю вседомно въ всяком здравии душа же и тѣла и во мнимом житиа сего благоденьствии. А о еже к нам писменми дерзовении, яко непостыдно отвѣтъ сотворяеши, азъ и хвалю, и дивлюся тому, и приемлю еже со истинною благосмѣльство, яко и Писателное оно слово, глаголющее: «Праведен якоже левъ дерзает».[7] Самѣми вещьми истиньствующе е показалъ еси. Азъ же не токмо не ухапляюся предносимыми въ образѣ отвѣта твоего премудраго разума обличенми, но и благодать наипаче вѣмъ тебѣ благаго ради совѣта. Его же ни сам не невѣдах преже, обаче достовѣрию възвѣстившаго ми повинувся, побѣжахся и сам аки человекъ забвению, и невѣжеством съживя, побѣжением общим и не необычным человеком. И что дивно, аще и мнѣ, человеку общему, инако сущу и безчислеными страстьми порабощену, случися сицевое, идѣ же слышим и во всякой святыни пожившим от единого слуха случшееся, Иоану, глаголю, Златому языком и дивному Епифанию,[8] ихъ же къ другъ другу писаниа и ты вѣси. Прости убо дружебнѣ человеческое что пострадавша мене и въ

прочее съ дерзновениемъ и писуй ко мнѣ и повелѣвай, о них же требуеши. Имѣти бо будеши мене послушающа во всѣх.

Здравьствуй о Господѣ и нас поминай бестрастнѣ и без сумнѣниа всякого. А священника того исправити не лѣнися, чтобы, отложивъ всяко прѣние, послѣдовал простѣ, неиспытнѣ глаголемым от святых отецъ, еже бо како и когда о божествѣ не вмѣстится, его же ради и безначаленъ, и непостижим, и неизреченнъ глаголется, иже въ Троици прославляемый Богъ, тому слава въ вѣки, аминь.

А философом Бога ради не зови мене. Азъ инокъ есмь, паче всѣх невѣжа.

---

[1] *...Николаевым и Власиевым невѣдениемъ...* — Антилатинское послание Максима Грека Николаю Булеву, о котором идет речь в переписке, см.: Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1. Казань, 1859, с. 341—346. Влас Игнатов — толмач (переводчик) и дипломат, помогал Максиму Греку в переводе Толковой Псалтири.

[2] *...«в нощи до сего обходите, стѣну осѣзающе» по притчи.* — Ссылка на библейскую Книгу пророка Исаии: «Осязаем, как слепые, стену и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми — как мертвые» (59, 10).

[3] *...Григориа Богослова...* — Григорий Назианзин (ок. 330 — ок. 390) — греческий отец церкви, за свои познания в теологии прозванный Богословом.

[4] *...яко же неизреченно есть Сыновнее рожение и Духа происхожение — сице и Отче безначалие и невиновное.* — По христианскому учению Бог один, но троичен в лицах, или ипостасях. Отец, Сын и святой Дух — так называются три лица единого в существе своем Бога.

[5] *...«Еже слышу... есть».* — Иоан. 5, 30.

[6] *...аще и на поздравлениа не писал еси.* — В древности (как и сейчас) письма было принято завершать пожеланием здоровья. В запальчивости Максим Грек опустил в своем первом письме Федору Карпову такое пожелание.

[7] *...«Праведенъ якоже левъ дерзает».* — Прит. 28, 1.

[8] *...от единого слуха случшееся, Иоану, глаголю, Златому языком и дивному Епифанию...* — О конфликте между отцом церкви Иоанном Златоустом и Епифанием Кипрским (ум. в 403 г.) рассказывается в «Житии Иоанна Златоуста», известном в славянском переводе.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ МАКСИМА ГРЕКА К ФЕДОРУ КАРПОВУ

ТОГО ЖЕ ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ КАРПОВУ

Услышал я от некоторых людей, что и твоя светлость смутилась из-за неосведомленности Николая и Власия, и ты удивляешься тому, что я писал Николаю о безначальном и беспричинном Боге Отце, что он безначален и беспричинен, то есть ни от кого-нибудь другого, ни от себя самого не имеет бытия, и что ты укоряешь меня за это, как будто я неподобающе мудрствую и не согласно с церковным преданием. А я не менее вас удивляюсь тому, что, хотя вы достигли такого возраста и столь искушены в божественных писаниях, такая догма ускользнула от вас и что вы, по притче, «в ночи до сих пор ходите, осязая стену». Как вы о других тонкостях сокровенного и непостижимого богословия говорить или слышать сможете, если такую догму, всеми священными богословами проповедуемую и исповедуемую, не понимаете? А чтобы вы уразумели, что это не Максимова догма, но истинных святых отцов, послушайте внимательно великого и мудрейшего поистине учителя Григория Богослова, как он ясно это исповедует в одном из «Слов» своих, в котором показывает, каким должен быть желающий правильно богословствовать и что не всякому это под силу, и не всегда, и не перед всеми, и не о всех вещах, но это может делать только достигший благодаря следованию заповедям предельной чистоты и совершенства в добродетелях. Священное же его изречение таково: «Безначален Отец, ибо ни от кого другого он, ни от себя самого не имеет бытия». Что вы думаете об этом священном изречении? Увидели ли, как отец этот понимает безначальность Бога Отца, ибо говорит: «Ни от себя самого, ни от кого другого не имеет бытия»? Ведь если мы скажем «от себя он имеет бытие», мы уже исповедали тем самым, что он сам себе был причиной и началом. И если мы это скажем, как безначальным останется он, начала не имеющий? Если же ты, упорствуя, скажешь, как же он был Отцом, если и от себя не имел бытия, я скажу тебе, что, как несказаны рождение Сына и происхождение святого Духа — так и Отца безначальность и беспричинность. Подобает вам, если вы православные, знать вместе со всеми святыми отцами, что Бог Отец безначален, потому что ни от себя, ни от кого другого не происходит. А этого, как ни пытайся, не сможешь никогда понять, даже если будешь серафимом. Перестаньте же хулить Бога в том, чего не знаете, и нас укорять несправедливо, в особенности же других научите, чтобы дурным словом не поминали нас, ведь сказанное про нас от вас распространилось.

ПОСЛАНИЕ ФЕДОРА КАРПОВА СТАРЦУ МАКСИМУ СВЯТОГОРСКОМУ

Господину Максиму иноку Федор Иванов сын Карпов челом бьет.

Не пристало тебе, философу, до суда осудить нас и до того, как услышишь, что я скажу, укорять нас, помня Спасителя нашего евангельское изречение: «Как слышу, — сказал он, — так и сужу, и суд мой праведен». Не прежде сужу, — сказал он, — чем услышу, или же судить — значит неповинным осуждение произнесть? Мне же еще до того, как я начал говорить, «перестаньте, — ты говоришь, — укорять нас». А я скажу без боязни, не слухам внимая, но истине повинуясь — каков я есть, таким и казаться хочу, не прикроюсь лицемерной маской. Несколько дней назад, когда я стоял в церкви святого Николы на обычном месте, внезапно подошел священник той церкви ко мне и сказал мне: «Знаешь ли, какое послание послал Максим Николаю?» Я же сказал: «Нет». И дал он мне бумажку, а в ней написано: «Веруй просто, и не допытываясь, в единого Бога, в трех ипостасях или лицах известного, то есть Отца нерожденного и безначального, ни от себя, ни от кого другого бытия не имеющего». Я же спросил его: «Что это такое и что тебя смущает?» Он же ответил: «Как это он пишет: “Ни от себя, ни от кого другого бытия не имеющего”?» Я же сказал ему: «Перестань, Стефан, — ведь таково имя его, — тебе не одолеть словом его. Я знаю Максима: он не пишет без оснований, от священного Писания заимствуя, раздает нам». И такими словами я усмирил его высокомерие. Затем, с бумажкой этой в руках, я пошел на двор великого князя и там случайно встретил Власия-толмача и бумажку эту ему показал. Он же сказал мне: «Иди, посоветуйся с ним сам, да и бумажку, которая у тебя в руках, ему покажи. Кажется мне, — сказал он, — о совершенной непознаваемости Бога это он писал». Я же возразил: «Зачем я буду утруждать его из-за попа, давшего бумажку. Забавы ради, — говорю ему, — тебе сказал о попе, который хочет с Максимом о богословии спорить». Больше я не говорил ничего. И сейчас Бога призываю в свидетели моей душе, что ни раньше, в минувшее время, ни сейчас, в настоящее время, я не говорил о тебе зла или какого-то недоверия к тебе не питал. Покажется это тебе убедительным или нет — как знаешь. Но философское сочинение нас учит, ты и сам лучше нас знаешь: «Не все, — говорят, — делаем, что можем, и не всему верим, что слышим, и не все говорим, что узнаем», а остальное тебе небезызвестно.

Будь здоров для спасения, хотя ты нам здоровья и не пожелал в своем письме.

ПОСЛАНИЕ МАКСИМА ГРЕКА К ФЕДОРУ КАРПОВУ

Господину Федору Ивановичу Карпову Максим-инок желает радоваться ради Христа.

За любовь твою к нам и доброе расположение, которое ты с самого начала показал и еще показываешь, как ты в честных твоих посланиях утверждаешь, пусть любви источник, Отец щедрот и всякого утешения воздаст сторицей светлости твоей и в настоящей жизни, и в будущей, и пусть он сохраняет тебя со всей твоей семьей во всяческом здоровье души и тела во мнимом благоденствии этой жизни. А за смелость твоего письма к нам, что ты не стыдясь отвечаешь, я и хвалю тебя, и удивляюсь этому, и принимаю истинную смелость во имя блага, как слово Священного Писания говорит: «Праведник как лев смел». Самими делами ты показал истинность этого слова. Я же не только не оскорбляюсь имеющимися в ответе твоем твоего премудрого разума обличениями, но, напротив, благодарю тебя за добрый совет. Хотя я и сам не был в неведении доселе, но надежности сообщившего мне про тебя доверился, и, как всякий человек, я страдаю забывчивостью и неведением страдаю, недостатком общим и неудивительным среди людей. И что удивительного, если со мной, человеком заурядным, а иногда бесчисленными страстями порабощенным, случилось такое несчастье, когда мы знаем, что случилось из-за доверия слухам с людьми, во всякой святости жившими, Иоанна, я имею в виду Златоуста и дивного Епифания, послания которых друг к другу ты и сам знаешь. Прости же меня по-дружески за то, что я как человек погрешил, и в будущем смело пиши мне и требуй то, что тебе нужно. Я буду тебя слушать во всем.

Будь здоров ради Господа и нас вспоминай без горечи и без сомнения всякого. А священника того исправлять не ленись, чтобы он, оставив всякие споры, принимал просто, без обсуждения сказанное святыми отцами о том, что никак и никогда о Божестве нельзя уразуметь, из-за чего он безначальным, и непостижимым, и несказанным называется, в трех лицах прославляемый Бог, которому слава вовеки, аминь.

А философом ради Бога не называй меня. Я инок, больше всех невежа.

СОЧИНЕНИЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА КАРПОВА

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина

ВСТУПЛЕНИЕ

Федор Иванович Карпов — русский дипломат, один из руководителей восточной политики России. Его деятельность приходится на конец XV — первую половину XVI в. (первое упоминание о Карпове относится к 1495 г., когда он был «постельничим» Ивана III во время поездки великого князя в Новгород; к 1545 г. его уже не было в живых). Вместе с тем Федор Карпов — один из наиболее оригинальных и образованных русских публицистов своего времени, с мнением которого считались выдающиеся писатели XVI в. — Максим Грек, Николай Булев, инок Филофей, митрополит Даниил. В его посланиях встречаются имена античных авторов — Гомера и Аристотеля, в послание митрополиту Даниилу включены цитаты из Овидия.

На сегодняшний день известно семь посланий Карпова, из которых в настоящем издании публикуется четыре: два — Максиму Греку, одно — митрополиту Даниилу и одно — иноку Филофею (остальные три послания напечатаны в кн.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991). Кроме того, Карпову принадлежит Похвальное слово Василию III, напечатанное Н. Н. Розовым (Похвальное слово великому князю Василию III // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 278—289). Однако при характеристике его литературной деятельности следует учитывать, что многие сочинения писателя не сохранились. О них мы узнаем из ответных посланий Максима Грека, которые свидетельствуют о разносторонних интересах Карпова: астрология, философия, богословие в равной степени привлекали его внимание. Максим Грек называет писателя «премудрым» и «пречестнейшим»; «разумным мужем» назвал Федора Карпова князь А. М. Курбский.

Переписку с Максимом Греком, включающую два послания Максима и одно послание Карпова, обычно датируют 1518—1519 гг. Это наиболее раннее свидетельство о литературных наклонностях Федора Карпова. Переписка возникла в связи с полемикой между Максимом Греком, афонским старцем, только что приехавшим в Москву для перевода Толковой Псалтири, и Николаем Булевым, уроженцем города Любека, придворным врачом великого князя Василия III. Николай Булев выступил с пропагандой унии православной и католической церквей; Максим Грек был противником унии. В переписке Федора Карпова с Максимом Греком отразилась накаленная атмосфера Москвы в первой четверти XVI в., когда шла ожесточенная полемика между «нестяжателями» и сторонниками монастырского землевладения, между защитниками и противниками церковной унии, обсуждался вопрос об истинности астрологических предсказаний, допустимости расторжения брака великого князя с бесплодной Соломонией Сабуровой. Эта переписка показывает, как постепенно сгущались тучи над Максимом Греком, который принимал активное участие в обсуждении всех животрепещущих вопросов того времени. Узнав, что одно из его посланий Николаю Булеву вызывает неблагоприятные

толки, в том числе со стороны Федора Карпова, Максим Грек отправил Карпову письмо, написанное в резких выражениях, в котором ученый грек возмущается неосведомленностью своего друга в основных богословских вопросах. В ответе на это послание Карпов укоряет Максима за то, что тот решился преждевременно его осуждать, и уверяет, что никогда не говорил ничего дурного о Максиме Греке. На это письмо Максим ответил примирительным посланием, принося извинения за необдуманную резкость.

В примирительном письме Федору Карпову Максим Грек предложил своему другу обращаться к нему с любыми вопросами, волнующими его. Возможно, именно в ответ на это предложение Карпов написал послание, в котором просит истолковать ему непонятные места в Третьей книге Ездры, входящей в состав Библии (3 Езд. 6, 42, 47—54). Писателя удивляет, что в этой книге (которая православной церковью не признается канонической) имеются несоответствия с другими библейскими текстами. От внимания его не ускользнуло и то, что в Третьей книге Ездры встречается много намеков на явление Мессии; две первые и две последние главы этой книги, по мнению ученых, написаны в христианские времена. Послание Федора Карпова свидетельствует о беспокойном и ищущем уме писателя: «Азъ же нынѣ изнемогаю умом, во глубину впад сомнѣния».

Сохранился ответ Максима Грека на это послание, утративший, впрочем, жанровые признаки письма. См.: Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862. Ч. 3. С. 274—280. По мнению Н. В. Синицыной (Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1966), первоначально послание Федора Карпова существовало в рукописях без ответа Максима Грека.

Послание митрополиту Даниилу является наиболее интересным сочинением писателя. Написано оно до 1539 г., когда Даниил был сведен с митрополичьей кафедры. Послание представляет собой ответ на «епистолию» Даниила, в которой митрополит призывал Карпова к терпению. В начале его Карпов воздает должное писательскому таланту и учености своего корреспондента, а затем вступает с ним в спор о целесообразности терпения. Публицист находит, что терпение хорошо в делах духовных, но если оно станет лозунгом мирского общества, то нарушится система господства и подчинения в стране, не нужны будут правители и судьи, воцарится произвол и анархия. По мнению Федора Карпова, государства должны строиться на началах «правды» и «закона», причем под «правдой» он понимает справедливое управление государством, а под «законом» — нормы человеческого общежития. Послание митрополиту Даниилу свидетельствует о широкой образованности автора. В подтверждение своих слов он ссылается на сочинение Аристотеля «Этика к Никомаху»; вероятно, он знал также аристотелевскую «Политику». Терминология Федора Карпова указывает на то, что он пользовался латинским переводом Аристотеля. Ср.: «дѣло народное» — «res publica», «начальство» — «principatus», «гражданьство» — «civitas». В конечную часть послания вкраплены переводы трех двустиший из произведений Овидия и парафраза еще двух строк этого автора. Подробный разбор послания

см.: *Freydank D.* Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus // Zeitschrift für Slawistik. 1968. Bd 13. H. 1.

Краткое послание Филофею, иноку Псковского Елеазарова монастыря и известному писателю XVI в., представляет собой ответ на несохранившееся письмо Филофея; датировке не поддается.

Переписка Федора Карпова с Максимом Греком публикуется по изданию: *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Христианское чтение. 1909. № 8—9. С. 1122—1125 по списку: РГИА, ф. 834, оп. 3, № 4025, лл. 123 об.—126 об. Текст выверен по рукописи. Исправления сделаны по списку: ГИМ, Синодальное собр., № 791, лл. 120 об.—125. Послание Максиму Греку о Третьей книге Ездры публикуется по списку: РГИА, ф. 834, оп. 3, № 3990, лл. 223—224 об. Послание митрополиту Даниилу публикуется по изданию: *Дружинин В. Г.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1909. Вып. 21. С. 106—113 по единственному списку: РНБ, Q.I.1439, лл. 314—329 (гл. 58). Текст выверен по рукописи. Курсивом выделены конъектуры. Послание иноку Филофею публикуется по изданию: *Зимин А. А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 172—173. Исправления сделаны по списку: РГБ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 380, лл. 124—124 об. Текст выверен по рукописи. Исправления сделаны по списку: БАН, Архангельское собр., Д. 527, лл. 114 об.—115.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ МАКСИМУ ГРЕКУ О ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ ЕЗДРЫ

ПОСЛАНИЕ ФЕОДОРА КАРПОВА, НА МОСКВѢ БЫЛЪ БОЯРИНЪ[1]

Возлюбленному о Христѣ и пречестнѣйшему господину иноку Максиму, иже от Вадопетя, Феодоръ Ивановъ сынъ Карповъ челомъ.

Мнит ми ся, отче, подобаетъ недомыслящему не стыдѣтися, о них же не домыслися, но исповѣдати неразумие свое мудрѣйшим. Аз бо ничто же непщую безмѣстно или внѣ разума мудрѣйших вопрашати, да в добръ совѣтъ введуть, и неразумие на разумъ преложатъ, и томящуюся мысль добрѣ упокоятъ. Сице бо и врачеве творятъ о болѣзни неспящаго и многомыслие о смерти имѣюща, нѣкоторымъ зелиемъ успѣваютъ и многомыслие смертное соотъемлютъ. Азъ же нынѣ изнемогаю умом, во глубину впад сомнѣния, прошу и мил ся дѣю, да мнѣ нѣкая целебнаа присыплеши и мысль мою упокоиши. Аще и стужати тебѣ срамляюся, молчати же утѣсневаюся: не премолчитъ бо во мнѣ многопутный мой

помыслъ, хощетъ вѣдати, ему же нѣсть господинъ, и тщится найти, его не нѣсть изгубилъ, мыслитъ чести, его же нѣсть училъ, хощетъ победити, ему же нѣсть побѣдимъ. Аще силна тя и богата сотвори Богъ, ими же благодѣтельствуется душа, — давай просящему, «весь день, — рече, — милуя и взаимъ дая»[2] слово, и приемля люботрудне заимство с лихвою. Толковая подаяниа, сладце подаваема просящему, любовь многая глаголется; а идѣ же бо любовь многая — си мати благыхъ и источникъ есть, сия браней отъятие, любопрѣния исчезновение. Тѣм же и пророкъ глаголетъ: «Яко тамо заповѣда Господь и животъ до вѣка».[3] Якоже бо расколъ смерти безвременныя содѣловаетъ, сице и любовь единомыслие благая, живота съ безбоязньствомъ всякимъ и опасениемъ подаетъ, но и небесная благая ти даруетъ. И о семъ убо довлѣетъ нами реченая, и паки довлѣетъ, да не ушеся твоя честная многорѣчиемъ грубымъ поврежу. О той убо главизне нынѣ восприимется, о ней же слово есть, и что нашего настоящего прошениа разумъ предъидый скажетъ. Ездръ[4] убо пишетъ в Третией своей книзе: «В третий день, — рече, — повелѣлъ есть Господь водамъ совокупитися в седьмую часть земли, шесть бо частей осушилъ есть ей». Первое мое вопрошение: божественная бо Писания бесчисленныа воды глаголетъ под землею в безднахъ и на земли, в моряхъ, и езерахъ, и рекахъ, тако и превыспрь на тверди. И сия убо о сихъ аще благо есть тако разумѣти намъ?

И паки той же Ездра в той же Третией своей книзе пишет: «В пятый день реклъ еси седмой части, гдѣ бысть вода собрана, да сотворитъ животная, и лѣтящаа, и рыбы, и тако сотворишася. Вода нѣма и бездушна, иже Божиимъ мановениемъ повелѣваема, животная сотворяше, да от сего дивная твоя рожения провещаютъ. И тогда сохранилъ еси двѣ души: имя еднной назвалъ еси Енохъ,[5] и имя второй назвалъ еси Елевиафантъ.[6] И разлучилъ еси ихъ другъ от друга, не бо можаше седьмая часть, гдѣ бысть вода собрана, прияти ею. И далъ еси Еноху едину часть, иже осушена есть в третий день, да обитает в ней, гдѣ суть горъ тысяща. Елевиафанту же далъ еси седмую часть мокра, и держалъ еси ея, да будетъ в пожрение которыхъ хощеши и коли хощеши. В шестый день повелѣлъ еси земли, да сотворитъ пред тобою скоты, и звѣри, и гады, и на тѣхъ Адама, котораго поставилъ еси князя на всѣхъ сотворениихъ, иже сотворилъ еси, и от него изведемся мы вси». О томъ, отче, молю твою честность разрѣшити сия: о водѣ, и о земли, и о Еносѣ, и о Елевиафанте, и аще вочтенъ есть Ездра во пророкы — пишетъ бо о Христѣ прямо нѣкако, не образы, ниже гаданиемъ, но прямо изъявляетъ. По сихъ, честный отче, глаголю честности твоей благодарения бесконечная за труд твой; за все мя святыми писанми посѣщаеши и кручину мою облегчеваеши. В настоящихъ сия доволна суть.

Возмогай о Христѣ и Феодора, друга своего, якоже обычествовалъ еси, люби. И нѣкогда, во благополучно время, о тѣхъ вопросѣх моихъ ко мнѣ отпиши.[7]

ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТУ ДАНИИЛУ

Высокиа книжности разуму уроженному святѣйшему господину Даниилу, митрополиту всеа Руси, рабъ святыни твоеа Феодорець Ивановъ сынъ Карповъ челомъ биет.

Право убо и достойно есть естеству и Писанию повелѣвающу, такова престола отца и добрѣ прилежаща учительству и сугубей чести и в бесчисленом хвалении имѣти подобаеть, наипаче разумнихъ, ученыхъ и мудрыхъ. Сего ради не оскудѣеть отвнутрь сердца моего любовь, ниже от арганъ гласа хвала, ниже от помысла честь величества твоего, но всегда честь, и имя твое, и хвалы прибыти желаю, донеле вещей естество в сѣмъ вѣцѣ пребудеть, от коих убо всѣхъ, якоже от словесъ епистолии твоей пресвѣтлѣйшей, научяюся. Пространѣе и полнѣе во иное время благополучное слово, изрядно тебѣ и твоимъ добродѣтелемъ, пригодно сотворимъ. Но нынѣ же, в настоящихъ, первая вина, еже запинаеть писати многаа — зане великими скорбьми одрьжимъ есмь.[8] Увы, нынѣ нѣсть мнѣ время епистолей слагати, но время належит рыданию, не бо плачевнаа книга Иеремѣина[9] толикихъ рыданий исполнена быти можеть, елико моа худая епистолиа. Втораа вина есть: аще хощеши, рече, иного да млъчить — первие самъ умлъчи, и яз нынѣ о тѣх, яже умыслихъ, млъчание устом моимъ налагаю.

Нынѣ убо что отвѣщаю тебѣ, и како пресвѣтлѣйшей епистолии твоей конець наложити возмогу, како бо возможно есть мнѣ, несвершеному, о свершенных и выших вещех свершенѣйшему тебѣ отвѣщати? Свѣтлѣйшая бо твоа епистолиа пользовати мнѣ тебя[10] пишеть, но како солнце, небесный свѣт, просить блистаниа от мирскиа вещи, море, водамъ мати, желаеть рѣчныа капли? Елико звѣзды отстоятъ от земли, и елико запад от въстока, и свѣтъ от тмы, и сладкое от горкаго, и бѣлость от черности, толико исповѣдую моему несвершению отстоати от твоего съвръшениа. Что убо напишу или что тебѣ подати — не вѣм. Обаче да не безблагодаренъ твоимъ благодѣяниемъ обрящуся, да не глухъ противу честных писаний твоихъ буду, пакы перо на похвалу обращу, добродѣтели зерцало именуа тебя, и поучениа златаго сладчайши арганъ написую тебѣ, славнѣйша свѣта учителю! Не сумнюся убо и звѣздою свѣтлою нарищи тебе, от нея же лучи злаго слуха не исходят. Ты свѣтилникъ горящъ, иже тмы омрачениа не вѣсть; ты благовонный цвѣтъ добродѣтели, иже смрада оклеветателнаго глушается; ты бисер всѣхъ благыхъ, ты свѣт учителемь, ты — уста Христова, ты глас небесный, ты книжник живота, иже о мнѣ, мнѣ и не хотящу, славиши мя честию, ей же убо не достоин есмь; вездѣ о мнѣ проповѣдаеши, и, писании твоими угоднѣйшими мене чествуа,

поздравляеши, в нихъ же пакы ты, славны православныа церкви свѣт, солнца яснѣе, мой темный умъ, мракомъ невѣдѣниа омраченъ, къ осианию вѣчнаго свѣта призываеши, она и вышняа лѣпота человѣческие жизни, свѣтомъ премудрости просвѣщеная, путь нравомъ, писаниа таиньствомъ, правила живота, свѣтилникъ блудящимъ ногам моимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ.[11] Что въздамъ попечению твоему, имъ же по вся дни о спасении душъ нашихъ печешися, святаго учениа *настоанием*, и святѣйшаго живота прежнихъ отецъ образомъ, и данною ко мнѣ епистолии твоей изобилиемъ? Ино не имам ничто, токмо благодарение и къ Богу молитвы обильними слезами въздати. Лѣпо есть и на всяко время на всякомъ мѣсте от всего сердца, целым умомъ, всѣми силами моими, свершеннымъ желаниемъ, дѣломъ и словом въ всемъ животѣ моемъ тебе возлюблю. И не язъ токмо, но и вси вѣрнии, правии сердцемъ, възлюбят и восхвалят тя, почтят и прославят тя купно со мною, иже тебя въчтена на святительство и наказана по *отечьскаго* закона и истиннѣ, аки отца чествують, и тебе всякою премудростию опасному вѣдѣниемъ наученому и учениа исполнену, аки вожу послѣдуютъ, жизнь, в ней же славятся блаженныхъ души неложно, *наслѣдятъ*. Твое бо учение свѣтлое темнаго Феодора просвѣщает, и по сихъ многая благодарениа воздаю тебе за твоа благодѣаниа, да безблагодарьствиа порокъ убѣжати возъмогу. Безъблагодарство бо врагъ есть души, испражнение добродѣтелемъ, силам душевнымъ разсточение, добродѣйством пагуба и вѣтръ жгомы, изсушаа источникъ милости, росу благоутробиа и потокъ благодати смущая. Сеа ради вины прилѣженъ бѣхъ и прилѣжнѣе буду повелѣниемъ твоимъ всегда повиноватися и благодарение от себе благотворящимъ воздати, поне бо и звѣрие порокъ безъблагодарства бежати видимъ и спричастимые пищи хранити память. Азъ бо желаю, дабы писанейцо сие неученное твоимъ ученнымъ ушесем тако бы сладко было, якоже устомъ моимъ сладка твоа рыбица,[12] туне поданная.

По предиреченных же веледушна мя твориши к терпѣнию даже до конца, свѣтлѣйшими епистолии твоей *совѣщании* во скорбѣхъ и противствѣх моихъ. Но зане человѣци в сем мирѣ, скорбемъ подлежащие, въ *разнныхъ* чинѣхъ плавають, сего ради за провожение долгаго времени в настоящихъ такоже умыслихъ нѣчто тобѣ от малыхъ написати. И за разумъ тѣх спригодно то видяшеся послѣдующи сподвигнути слово: или дѣло народное, или царьство, или владычьство къ своей вѣчности паче приемлет правду или тръпѣние? Аще речемъ, яко тръпѣние паче есть потребно к соблюдению владычества или царства, тогда вотще сложены суть законы. Тогда обычаи святые и благые уставы разърушени и въ царствехъ, в начальствех, во градѣхъ, сожительство человѣкъ живеть безъ чину, или, аще к тому всемогий Богъ безвѣстнаа и тайная премудрости своеа открылъ кому, или вселичнѣ мудростию упрѣмудрилъ, или думою укрѣпилъ, или ратнымъ духомъ въружил, вся сиа Духу наплъняти мнимъ о блазѣмъ. Кто можеть противитися Богу — помилованныхъ от Бога нищетою или несмотрениемъ казнити, и гдѣ паки положимъ святого апостола Павла поучениа: «Кто, — рече, — воиньствуеть своими оброки коли?»[13] Сирѣчь да царю въиньствуеть, а своими оброки довлится, а не

царскими. И паки святый апостолъ Ияковъ глаголеть: «Се мзда, — рече, — дѣлателей, дѣлавших нивы ваша, лишена от васъ, въпиетъ; и вопиениа жавших въ уши Господа Саваофа внидоша».[14] И аще нивы жавших и дѣлавшихъ тацѣхъ кричание въ уши Господа Саваофа внидоша, мъзды не взявших, колицѣ ми мниши болши быти великы труды подъемлящихъ за царя и за царство, и крови проливающи, и самую душу полагающе, и мъзду малу приемлюще. Аще бо под тръпѣниемъ жити уставиши, тогда нѣсть треба царьству или владычьству правители и князи; престанет убо начальство, владычьство и господьство, и живется без чину; с молвою силный погнѣтет безсилнаго, да тръпѣние имать. Ниже треба будеть судей въ царствѣ имѣти, иже коемуждо правду учинят, зане тръпѣние вся исполъниъ, иде же въ тръпѣнии жити *будуть*.

Аще же речемъ, яко правда есть потребна во всякомъ градскомъ дѣле и царствѣ къ прибытию царства, по ней же единому комуждо еже свое есть въздается, свято и праведно живется, тогда хвала трпѣниа погибнеть. Внегда глаголется: «въ тръпѣнии вашемъ стяжете душа ваша»[15] — къ разрѣшению сеа рѣчи вѣдомо есть, яко инъ есть судъ въ духовныхъ лицехъ, а инъ въ мирьском начальствѣ. Всѣмъ бо христовѣрнымъ имѣемо есть терпѣние такоже под заповѣдию и евангельскимъ совѣтомъ — овѣмъ болѣ, овѣмъ менши по разчинию лицъ, и дѣла, и времени. В монастырѣхъ бо от братии никогда подобаеть оскудѣти тръпѣнию, в мирском же начальствѣ истязуют многа бо подовластныхъ: овогда убо слугъ, иногда оружии, другойци коней, иногда одежъ красныхъ, иногда ина, коя състоятся сребромъ, пѣнязьми. И аще реку: аз тръплю, не имѣя же предреченныхъ, въ что вмѣнится мое тръпѣние? Развѣ оставится от отечьства, изгонится от службы честны, причтется нищъ ко службѣ непотребнѣ и нѣ како по его отечьству, къ тому же и домовная потреба много стужит, зане тръпѣнием отягчени зѣльнымъ таци. Дѣло народное въ градѣхъ и царствѣхъ погибнет длъгодушьствомъ тръпѣниа, долготръпѣние в людехъ безъ правды и закона общества добро разърушает и дѣло народное ни во что низводитъ, злыа нравы въ царствѣхъ вводить и творитъ людей государемъ непослушныхъ за нищету. Сего ради всякъ градъ и всяко царьство, по Аристотелю, управлятися имать от начальникъ въ правдѣ и изъвѣстными законы праведными, а не тръпѣниемъ. Зане мы, человеци, идже естьмя в семъ мори велицемъ, в нем же бури бѣдны, требу имамы жити под цари, иже нас въ царьствѣхъ и градехъ своихъ по коегождо сподоблению праведнѣ пасуть, неповинных защищають, вредимыхъ разърѣшають, вредящих и озлобляющихъ казнят, неисцѣлныхъ же весма от среды благыхъ возъмутъ. Тѣм же въ всякомъ языцѣ и людехъ треба есть быти царем и началникомъ, иже подобають имѣти подобие гуслей игреца Давида[16] в себѣ. Якоже бо гусленикъ струны блядущие соединяеть къ согласию и къ соединению сладкости бряцаниа, касая, приводитъ, тако начальникъ всякаго самодръжства блудящихъ и врежающихъ грѣшникъ понудити имать на согласие благых грозою закона и правды, а добрых подвластныхъ беречи своимъ жалованием и уроженною милостью и раздражати къ добродѣтелемъ и добрымъ дѣломъ мъздами, и сладкими

и благыми словесы, умягченными вѣщании, злых же казньми полутшати, и прещении обличати, и от лихости на добро царскыми воспоминании приводити, ненасыщаемыхъ же и злых, иже лечьбы полутшениа приняти не хотятъ ниже Бога любити, отнюдь истребити. Якоже полнѣе философъ нравоучителны Аристотель бесѣдуетъ во своей 10 книзѣ нравъ.[17] Сиа же вся аще начальникъ не сотворит ниже прилѣженъ въ попечении своихъ подвластных будеть, но неповинных от силныхъ погнестися попустит, тогда грехи и насильства погнетающих своа творитъ и за тая отвѣтъ въздати велиему Судыи долженъ, да аще в сих себе еще не полутшаеть, тогда за тѣхъ казнится, якоже и про своа грехи, по глаголу апостола Павла къ римълянам, 1 глава: «Достойни суть смерти не токмо творящии, но и иже попускають творящимъ». И «кровъ его от руку твоею взыщу», — глаголет Господь въ Езекииле, 33 глава.

Но увы, ужо в нынѣшные времена мнози началники на своихъ подвластныхъ и сирыхъ не призираютъ, но их под невѣрными приказъщики погнетатися попускають, о стражбѣ должной стада порученнаго не радяще, под тяжкою работою терпѣниа жити своихъ попускають, и не расматряють, яко человечьский род немощенъ есть и паче похотѣнию последуеть чювственому, неже правому словества суду.[18] Сего ради нужа бѣ человѣкомъ во вся времяна под законы жити: первое, въ время естества, под закономъ естественымъ; второе, во время закона,[19] под закономъ Моисѣйским; третьее, и нынѣ, во время благодати, под закономъ Христовымъ. Зане въ всяко время от пръваго зла Каинова[20] дажъ до послѣдняго зла человеци в семъ смертномъ мирѣ всегда будуть злии меж добрыхъ смѣшны, и всегда добрии постражуть спротивъства от злыхъ. Сего ради закономъ быти нужа бѣ, да тѣхъ страхом человеческая дерзость запрѣтится, и опасно будеть межъ неключимыхъ неповинство. Того ради даны законы, да не кто силнѣ вся възможеть. Такоже здѣ вѣдати имаши, яко всѣми ужо мною реченными не мню изпразнити хвалу тръпѣниа ниже отрицаю тръпѣние быти добродѣтель евангельскую и свершенных и святыхъ человекъ, коею равнодушьствомъ подъемлются спротивнаа, побѣжаем противоположнаа ею же, скарѣдства отрѣваемъ. Терпѣние бо свершенным изначалнѣ апостоломъ, иже есть проповѣдникомъ, есть потребна, тъм бо сподобляются сожребиа аггельскаго, зане тръпѣниемъ искушаются избраннии, и аки злато в горнилѣ, очищено седмерицею, преже даже в радости небесныя сподобятся въвестися. Иже убо возжелает въистину терпелив быти, треба есть ему мысль горделивую оставити, Христу послѣдовати и от мира сего плыти ко пристанищу пустынному; а иже въ буряхъ и волнениихъ сего мира съблюсти возможеть, далече блаженнѣе будеть. От сихъ ужо уразумѣлъ еси, яко тръпѣниа не отвръгох, но показахъ токмо, коль потребна суть во всякомъ гражаньствѣ правда и законы ко исправлению неустроиныхъ, по глаголу Павла апостола къ фесалоникѣемъ, 5, егда глаголеть: «Молим же вы, братие, обличайте неустроиныхъ, утѣшайте малодушъных, приемлите немощныхъ, терпеливи будете къ всѣм». И сиа вся бываютъ правдою, и милостью, и истинною. Ради милости бо предстатель и князь от подвластных велми любится, а истинны ради

боится. Милость бо безъ справды малодушьство есть, а правда безъ милости мучительство есть, и сиа два разрушають царство и всяко градосожительство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью укращаема сохраняють царя царство въ многоденьствѣ.

О семъ, владыко, прѣти и моли, да Богу поспѣшъствующу, сиа исправятся. По апостолу «яко дние злие суть»[21] мню, конци вѣкъ достигоша. Сиа прочетши, и добрѣ уразумѣвъ, доволнѣ отвѣщано быти узриши. Множайша тебѣ о семъ существѣ сложил бы, аще бы любезное и плодовитое было лѣто, в нем же въ птичьихъ пѣснехъ писати услажаеть писца. Нынѣ же врази животу — мраз, студен снѣгъ и дымъ разумъ смущають, перъсты стѣсняють, очи слезити понужають, чернило мръзнеть, харатью сажею опорачают, коя вся писцу спротивна быти видятся. И аще здѣ могу сей епистолии конець правымъ чиномъ наложити, обаче зане мужъ еси желаниа[22] и попеченнѣ вся испытуа, боюся, да не камо мене скупа отвѣщателя къ вопрошению твоему назовеши. Зане убо сиа доволна видятся, аще реку множайша, тогда нѣчто тая языческая[23] и чюжа быти denečeši, вѣмъ, что сътворю: сиа предрекши, нѣкаа тебѣ новаа составлю.

Благословеснѣйший евангелистъ Иоаннъ «весь миръ во злѣ лежати»[24] пишеть.

Златыа вѣки суть въистинну нынѣ: много златомъ
Приходит санъ, златомъ съвѣтуется любовь.[25]
В ценѣ цена нынѣ есть, даеть кенсон[26] саны,
Кенсон дружбы, убогий вездѣ лежитъ празденъ.[27]

Такъже и Петръ, апостольский началникъ, днесь аще съ теологиею[28] и разныхъ силъ с чюдесы приидеть, аще ничего не принесетъ, дверемъ затворенымъ, извержется вонъ.[29] Никоторый порокъ не скуденъ и грѣхъ похотный, от него же дѣло опщее человеческое падаеть. Много нынѣ в мирѣ в наши времяна льстей и лукавьствы; нынѣ кто вредил перваго, хощеть мощи вредити и втораго; нынѣ умъ строптивы злыхъ не поучается ползу чинити, но и не боиться беспамятенъ взятаго быти добра; въздати радуется человекъ лукавый за медъ яд, за плод пеню, за благость лесть. Нынѣ брани вездѣ:

Нынѣ живутъ от похищениа; нѣсть гостиникъ от гостя безъ боязни.
Нѣсть тесть от зятя; и братская убо любовь редка есть.[30]

Належитъ пагуба: вземляй ризу, хощеть взяти и срачицу;[31] украдый овцу, мыслит отвести и корову, ниже в томъ конець поставляет, но аще можетъ, все прилежитъ ближняго похитити, ниже в томъ почиет, донелѣ последи того же ближняго своего от сего житьа отовлечеть. Годѣ ужо да почиетъ трость,[32] путь злыхъ пиша в сом бѣдномъ животѣ, о нем же ко мнѣ гаданиемъ писалъ еси възвещати. От сихъ бо цѣло уразумѣлъ еси, коль вредными и неугодными стезями хромыми ногами, слепыма очима она земная власть и все естество человечьское ходить нынѣ.

По сих по чину да Господь Богъ вся твоа и тебя добрѣ въ благодати своей устроить, душу твою святую къ славѣ да сохранит, тѣло упасеть, умъ в земныхъ дѣйствуемыхъ да исправитъ, разумъ и внутреняго твоего человека къ зрѣнию *божественаго Писания* да воставитъ, да сконьчавъ настоящихъ мирскихъ лѣт число, взыти въ обою человеку възможеши ко обѣтованной землѣ живыхъ, в ней же часы не начинають дней, восхода и захода не имѣютъ, годоваго предѣла не стяжут, старость младеньства не пременяеть, немощъ здравиа не озлобляеть, смерть живота не скончеваеть; времена несчастиа тамо не чаются, тамо вся красна, ничто неблаго, вся добра, ничто спротивно, нѣсть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бес конца тихий покой, никоего неразумиа, но всевѣчна премудрость. Благочестенъ онъ, кой къ толь благочестну отечеству направляеть шествие свое от младеньства под благим игомъ и легкимъ бременемъ[33] господа нашего Исуса Христа, ему же слава всегда, нынѣ, присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

ПОСЛАНИЕ ИНОКУ ФИЛОФЕЮ

ПОСЛАНИЕ ФЕОДОРА КАРПОВА

Многоученному и о словесех тщалевейшему господину Филофѣю иноку Федор Иванов сын Карповъ радоватися о Господѣ и благоимѣтися во всѣх.

Восприах твое писанейце июля въ 29 от имя рек,[34] прчтох и разумѣх добре. Уподобляет бо тебе наученному мужу,[35] износящему новая и ветхая от сокровищ своих по еуангельской истории. Омировым бо словомъ[36] и риторским разумом пригодне сложени, не варварски же, ни невѣжески, но грамотически умѣтельне сложена. Похваляю, яко разум божественных и человеческих умѣюща. И аще *подѣлие*, поучение твоего разума, о иноче, такова суть добра и услажденна — мощи веселити прочитающаго разума, какова убо будет, *яже* не спѣшне и

просте, но со тщанием попеченым и зрѣнием протяженнейшим сложима от тебе писание. И паки мнѣ пищи, и от нас приимеши подобная.

Возмогай и паки возмогай.

---

[1] *...на Москвѣ былъ бояринъ.* — В 1529 г. Федор Карпов получил звание окольничего, в 1537 г. — звание оружничего.

[2] *...«весь день, — рече, — милуя и взаимъ дая»...* — Пс. 36, 26.

[3] *...«Яко тамо... до вѣка».* — Пс. 132, 3.

[4] *Ездръ.* — Ездра — иудейский священник, согласно Библии вывел из вавилонского плена в Палестину вторую партию иудейских изгнанников; был ревнителем чистой веры. Его деятельность излагается в Первой книге Ездры, входящей в Ветхий завет.

[5] *...Енохъ...* — В эфиопском переводе Третьей книги Ездры (из сохранившихся латинского, эфиопского и арабского переводов) читается «Бегемот». См.: *Шавров М.* О Третьей книге Ездры. Опыт исследования о книгах апокрифических. СПб., 1861, с. 147—148.

[6] *Елевиафантъ.* — Левиафан (букв. «кольцеобразно извивающееся, изгибающееся животное»), употребляется в Ветхом завете в нескольких значениях: иногда Левиафан — это небесный дракон, иногда это морской змей, но чаще всего — крокодил.

[7] *...мнѣ отпиши.* — Далее в рукописях следует текст, объясняющий с помощью числовой символики (в основе число 6) устройство вселенной: «Суть же части ему сице положи: трое и трое же и двое, 6-е едино, яже слагаемыя творятъ 6-е — трое бо и двое, едино сотворяютъ 6-рное чисмя. Да совершениемъ убо чисмянимъ краснѣ и лѣпѣ премудрый хитрецъ всея твари совершеную состави тварь» (Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862, ч. 3, с. 277; в рукописи ЦГИА текст дефектный). Этот текст, насколько нам известно, не получил убедительной интерпретации, а поэтому не ясна его связь с предшествующим посланием Федора Карпова.

[8] *...зане великими скорбьми одрьжимъ есмь.* — Указание на несчастья, которые мешают работать автору письма, не следует понимать буквально: это общее место средневековых посланий.

[9] *...плачевнаа книга Иеремѣина...* — Библейский пророк Иеремия после разрушения Иерусалима вавилонянами остался в городе и оплакивал родное пепелище (Книга Плач Иеремии).

[10] *...пользовати мнѣ тебя...* — Сравнение письма с лекарством — устойчивый эпистолярный мотив.

[11] *...на рѣкахъ Вавилонскихъ.* — Намек на Псалтирь: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (136, 1).

[12] *...сладка твоа рыбица...* — Сравнение письма с пищей относится к числу устойчивых метафор средневековых посланий (ср. выше сравнение с животными, которые не забывают «спричастимые пищи»).

[13] *...«Кто... оброки коли?»* — 1 Кор. 9, 7.

[14] *...«Се мзда... внидоша».* — Иак. 5, 4.

[15] *...«въ тръпѣнии вашемъ стяжете душа ваша...»* — Лк. 21, 19.

[16] *...игреца Давида...* — Библейский царь Давид (конец XI в. — ок. 950 г. до н. э.) был искусным музыкантом.

[17] *...философъ нравоучителны Аристотель бесѣдуетъ во своей 10 книзѣ нравъ.* — Имеется в виду посвященное этическим и экономическим проблемам сочинение Аристотеля «Этика к Никомаху».

[18] *...паче похотѣнию последуеть чювственому, неже правому словества суду.* — Д. Фрейданк видит здесь отражение аристотелевской терминологии: похотѣнию — epithumía, чювственому — aisthētikós, словества — logistikón.

[19] *...во время закона...* — Имеется в виду Ветхий завет.

[20] *...от пръваго зла Каинова...* — Каин — библейский персонаж; из зависти убил своего брата Авеля.

[21] *...«яко дние злие суть»...* — Цитата из Послания к Ефесянам апостола Павла (5, 16).

[22] *..мужъ еси желаниа...* — Ср. «Книгу пророка Даниила» (9, 23; 10, 11).

[23] *...язычская...* — Одним из достоинств послания считалась его краткость; Федор Карпов боится растягивать свое письмо, чтобы оно не показалось адресату «варварским» (ср. в послании Филофею: «не варварски же»).

[24] *...«весь миръ во злѣ лежати»...* — 1 Иоан. 5, 19.

[25] *Златыа вѣки... любовь.* — Цитата из Овидия («Наука любви», II, 277—278). Перевод М. Л. Гаспарова.

[26] *...кенсон...* — Латинское — «имущественный ценз».

[27] *Въ ценѣ... празденъ.* — Цитата из Овидия («Фасты», I, 217—218). Перевод Ф. А. Петровского.

[28] *...теологиею...* — В рукописи «тефолопею». Конъектура, предложенная В. Г. Дружининым, небесспорна.

[29] *Такъже и Петръ... вонъ.* — ср. «Наука любви», II, 279—280.

[30] *Нынѣ живутъ... редка есть.* — Цитата из Овидия («Метаморфозы», I, 144—145). Перевод С. В. Шервинского.

[31] *...вземляй ризу, хощеть взяти и срачицу...* — Ср. Мф. 5, 40 и Лк. 6, 29.

[32] *...трость...* — В этом слове видят латинизм: calamus — «перо из тростника».

[33] *...под благим игомъ и легкимъ бременемъ...* — Подразумеваются слова Христа: «Ибо иго мое благо, и бремя мое легко» (Мф. 11, 30).

[34] *...имя рек...* — Распространение посланий в списках обычно сопровождалось удалением из них имен и конкретных реалий.

[35] *Уподобляет бо тебе наученному мужу...* — Федор Карпов имеет в виду притчу из Евангелия от Матфея (13, 52).

[36] *Омировым бо словомъ...* — Ссылка на Гомера носит неопределенный характер, его имя используется для определения достоинств послания Филофея.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ МАКСИМУ ГРЕКУ О ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ ЕЗДРЫ

ПОСЛАНИЕ ФЕДОРА КАРПОВА, В МОСКВЕ БЫВШЕГО БОЯРИНОМ

Возлюбленному во Христе и честнейшему господину Максиму, иноку Ватопедского монастыря, Федор Иванов сын Карпов бьет челом.

Кажется мне, отче, что не следует непонимающему стыдиться того, чего он не понимает, но рассказывать о незнании своем знающим

людям. Ибо я не вижу ничего предосудительного или противного разуму в том, чтобы более мудрых спрашивать, чтобы они добрый совет дали, и незнание в знание обратили, и томящуюся мысль вполне успокоили. Ведь так и врачи поступают с болезнью человека, не спящего и много о смерти думающего, определенным снадобьем они усыпляют его и тем мысли о смерти удаляют. Я же теперь изнемогаю умом, в глубину впал сомнения, прошу и умоляю, чтобы ты мне что-нибудь целебное насыпал и мысль мою успокоил. Хотя я и досаждать тебе стесняюсь, но молчать не в силах: ведь не молчит во мне смущенная моя мысль, хочет знать то, над чем она не властна, и пытается найти то, чего не теряла, стремится прочесть то, чего не изучила, хочет победить непобедимое. Если тебя сотворил Бог сильным и богатым в том, что существует на благо души, — давай просящему, «всякий день, — как сказано, — милуй и взаймы давая» слово, и всегда получая отданное с лихвой. Разумное подаяние, с радостью подаваемое просящему, любовью великой называется; а любовь великая — это мать добрых вещей и источник их, это вражды прекращение, раздоров исчезновение. Поэтому и пророк говорит: «Ибо так заповедал Господь жизнь вечную». Ведь как раздор является причиной смерти преждевременной, так любовь доброе единомыслие, жизнь совершенно безбоязненную и спокойную приносит и, кроме того, небесные блага тебе дарует, но об этом достаточно нами сказано и потому еще достаточно, чтобы твои уши честные я многословием грубым не повредил. Итак, теперь к тому предмету обратимся, ради которого я пишу и который объяснит смысл нашей предшествующей просьбы. Пишет Ездра в Третьей своей книге: «В третий день, — говорит он, — повелел Господь водам собраться на седьмой части земли, а шесть частей осушил». Первый мой вопрос: Божественное Писание о бесчисленных водах говорит под землей в безднах и на земле, в морях, и озерах, и реках, также и на тверди небесной. Так ли об этом следует нам понимать?

И вновь тот же Ездра в той же Третьей своей книге пишет: «В пятый день сказал седьмой части, в которой была собрана вода, чтобы она произвела животных, и летающих и рыб, что и сделалось. Вода немая и бездушная, по Божьему мановению, животных произвела, чтобы все роды возвещали дивные дела твои. Тогда ты сохранил двух животных: одно ты назвал Енохом, а другое ты назвал Левиафаном. И ты отделил их друг от друга, потому что седьмая часть, где была собрана вода, не могла принять их. Еноху ты дал одну часть из земли, осушенной в третий день, да обитает в ней, в которой тысяча гор. Левиафану же дал седьмую часть водяную, и сохранил его, чтобы он был пищею тем, кому ты хочешь и когда хочешь. В шестой день повелел ты земле произвести перед тобой скотов, и зверей, и пресмыкающихся, и над ними Адама, которого поставил властелином над всеми сотворенными, которых ты сотворил, и от него происходим мы все». Относительно этого, отче, умоляю твою честность объяснить вот что: о воде, и о земле, и о Енохе, и о Левиафане, и причислен ли Ездра к пророкам — ведь он пишет о Христе довольно ясно, не образно и не загадками, но прямо сообщает? За сим, честной отче, приношу честности твоей благодарность

бесконечную за заботу твою; все время ты меня со святыми писаниями посещаешь и печаль мою утоляешь. На сей раз этого достаточно.

Будь здоров, ради Христа, и Федора, друга своего, как и до сих пор, люби. И когда-нибудь, в подходящее время, об этих вопросах моих мне напиши.

ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТУ ДАНИИЛУ

От рождения наделенному пониманием высокой книжности святейшему господину Даниилу, митрополиту всея Руси, раб святыни твоей Феодорец Иванов сын Карпов челом бьет.

Ведь это правильно и достойно по природе, и Писание повелевает к отцу такого престола, весьма усердного в поучениях, с особым почтением относиться и бесчисленные хвалы воздавать ему, который больше разумных, ученых и мудрых людей. Поэтому не истощится в сердце моем любовь, и голос мой не устанет от похвалы, и помыслы мои от почитания величия твоего, но всегда честь, и известность твою, и похвалы пополнить хочу, пока природа вещей в этой жизни останется неизменной, так что я добродетелями всеми твоими, как и словами послания твоего светлейшего, поучаюсь. Более пространное и полное, хорошее слово, приличествующее тебе и твоим добродетелям, мы в другое время должным образом составим. Теперь же, в настоящее время, первая причина, которая препятствует мне написать многое, — великая скорбь, в которой я ныне пребываю. Увы, сейчас время, не подходящее для написания посланий, но время для рыдания, ведь печальная книга Иеремии такими рыданиями не может быть наполнена, как мое дурное послание. Вторая причина такова: если хочешь, сказано, чтобы другой молчал — сначала сам замолчи, и я теперь о тех вещах, о которых задумал писать, молчание на уста свои налагаю.

Теперь же что я отвечу тебе и как смогу на светлейшее послание твое дать достойный ответ, как можно мне, несовершенному, о совершенных и возвышенных вещах отвечать тебе, совершенному? В светлейшем твоем послании ты просишь меня лечить тебя, но как может солнце, небесный свет, просить яркости у земных вещей, море, мать вод, желать речной капли? Насколько звезды отстоят от земли, и насколько запад от востока, и свет отличен от тьмы, и сладкое от горького, и белый цвет от черного, настолько, я считаю, мое несовершенство далеко отстоит от твоего совершенства. Что напишу и что тебе подам — не знаю. Но

чтобы не остаться неблагодарным к твоим благодеяниям, чтобы не быть глухим к твоим истинным посланиям, я вновь перо на похвалу обращу, добродетели зеркалом тебя именуя, и напишу, что ты золотого поучения прекрасный инструмент, учитель, более света славный! Не усомнюсь и звездой светлой назвать тебя, от которой лучи дурные не исходят. Ты светильник горящий, который не омрачается; ты благовонный цветок добродетели, который смрада клеветы гнушается; ты жемчуг среди всех благ, ты свет среди учителей, ты — уста Христовы, ты глас небесный, ты проповедник жизни, даже вопреки моему желанию оказывающий мне честь, которой я не достоин; везде обо мне говоришь, и твоими замечательнейшими посланиями меня чествуешь и поздравляешь, в которых ты опять же, славный свет православной церкви, солнца яснее, мой темный ум, мраком неведения омраченный, к сиянию вечного света призываешь, ты — высшая красота человеческой жизни, светом премудрости просвещенная, путеводитель нравов, описание таинств, правила жизни, светильник для меня, ноги которого заблудились на реках Вавилонских. Как отвечу на заботу твою, с которой ты во все дни о спасении душ наших печешься, в святом учении наставлением, и святейшей жизни прежних отцов примером, и полученного мной послания твоего богатством? Я не могу воздать тебе ничем, кроме благодарности и к Богу молитвами с обильными слезами. Подобает, чтобы во всякое время на всяком месте всем сердцем, всей душой, всеми силами моими, чистосердечным желанием, делом и словом на протяжении всей жизни моей возлюбил тебя. И не я только, но и все правоверные, праведные сердцем, полюбят и восхвалят тебя, почтят и прославят тебя вместе со мной, те, которые любят тебя, поставленного владыкой и наученного в святоотеческом законе и истине, как отца чествуют, и за тобой, искушенным во всякой премудрости основательных знаний и преисполненным учения, как за главой пойдут, жизнь, в которой прославляются блаженных души неложно, унаследуют. Ибо твое учение светлое темного Федора просвещает, и поэтому я великую благодарность воздаю тебе за твои благодеяния, чтобы избежать порока неблагодарности. Ведь неблагодарность — враг души, исчезновение добродетелей, сил душевных истощение, добродетелям конец и ветер жгучий, иссушающий источник милости, росу милосердия и поток благодати смущающий. По этой причине я прилежно повиновался и еще прилежнее буду всегда повиноваться повелениям твоим и благодарность свою делающим благо воздавать, потому что и звери, как мы видим, избегают порока неблагодарности и о данной им пище хранят воспоминание. Ведь я желаю, чтобы сочиненьице это неученое для твоих ученых ушей столь же приятно было бы, как для уст моих была приятна твоя рыбица, даром мне данная.

Своими словами ты призываешь меня быть до конца стойким в терпении, в печалях и несчастьях моих, яснейшими советами послания твоего. Но поскольку люди, скорбям подверженные, в этом мире плавают, будучи в разном положении, поэтому для времяпрепровождения я сейчас также решил нечто краткое тебе написать. И для понимания этих вещей ты правильно, как мне кажется,

поставил следующий вопрос: для устойчивости дела народного, или царства, или власти важнее правда или терпение? Если мы скажем, что терпение важнее для сохранения власти или царства, тогда напрасно составлены законы. Тогда обычаи священные и хорошие установления будут разрушены и в царствах, и в правительстве, и в городах, общество человеческое придет в беспорядок, а если ко всему прочему всемогущий Бог неизвестные и тайные премудрости свои открыл кому-нибудь, или всячески мудростью умудрил его, или в мыслях укрепил, или боевым духом вооружил, окажется, что все это Святой Дух совершил понапрасну. Кто может противиться Богу — помилованных Богом нищетой или невниманием наказывать, и как мы опять-таки поймем святого апостола Павла поучения: «Какой воин, — сказал он, — служит когда-либо на своем содержании?» То есть за царя воюет, а своим содержанием удовлетворяется, а не царским. И опять же святой апостол Иаков говорит: «Вот плата, — сказал он, — работников, работавших на полях ваших, удержанная вами, вопиет; и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа». И если крик жавших и обрабатывавших поля, не получивших платы, до слуха Господа Саваофа дошел, насколько, скажи мне, важнее те, кто великие труды совершает для царя и для царства, и кровь проливая, и самую душу отдавая, и плату малую получая. Ведь если ты установишь, чтобы с терпением жили, тогда не нужны для царства или власти правители и князья; итак, упразднить начальство, власть и господство, и будет жизнь беспорядочной; в буйстве сильный будет угнетать бессильного, пусть он терпит. И не нужны будут судьи в царстве, которые правду блюдут, потому что все разрешит терпение там, где в терпении жить будут.

Если же мы скажем, что правда необходима во всяком государственном деле и царстве к укреплению царства, согласно которой каждому человеку причитается заслуженное им, свято и праведно живется, тогда похвала терпения будет не нужна. Когда говорится «терпением вашим спасайте души ваши», — для понимания этих слов нужно знать, что духовные лица судятся так, а живущие в мире иначе. Ибо всем христианам должно быть присуще терпение и по мирскому правилу, и по евангельскому учению — одним более, другим менее в зависимости от лиц, и обстоятельств, и времени. Среди монастырских братьев никогда не должно оскудеть терпение, а в мирской жизни требуется многое от подданных: иногда слуги, иногда оружие, в другой раз кони, иногда одежды красивые, иногда другие вещи, которые приобретаются за серебро, за деньги. И если я скажу: я терплю, не имея указанных вещей, к чему приведет мое терпение? Но будет лишен такой человек вотчины, будет изгнан со службы честной, будет послан нищим на службу негодную и не подобающую его происхождению, к тому же и домашние дела сильно досаждают, потому что великим терпением обременены люди. Дело народное в городах и царствах погибнет из-за излишнего терпения, долготерпение среди людей без правды и закона общество достойное разрушает и дело народное сводит на нет, дурные нравы в царствах вводит и делает людей непослушными государям из-за нищеты. Поэтому всякий город и всякое царство, по Аристотелю, управляться должно начальниками по правде и определенными

законами справедливыми, а не терпением. Потому что мы, люди, находящиеся в этом море великом, в котором бури губительны, нуждаемся во власти царей, которые нас в царствах и городах своих по достоинству каждого справедливо пасут, невинных защищают, страдающих освобождают, вредящих и угнетающих наказывают, а совершенно неизлечимых людей из общества хороших удаляют. Поэтому всяким странам и народам необходимы цари и начальники, которые должны быть наподобие гуслей музыканта Давида. Ведь как гусляр струны расстроенные приводит в согласие и стройные приятные созвучия, бряцая, извлекает из них, так глава всякого царства непослушных и зловредных грешников понуждать должен к согласию с добрыми людьми грозой закона и правды, а добрых подданных беречь своим жалованием и положенной им милостью и побуждать к добродетелям и добрым делам дарами, и сладостными и добрыми словами, утешительными речами, злых же наказаниями делать лучше, и угрозами обличать, и от порока к добру царскими напоминаниями приводить, а ненасытных и злых, которые при лечении не хотят становиться лучше и Бога любить, совершенно истребить. Как об этом пространнее философ нравоучающий Аристотель говорит в своей десятой книге о нравах. Если же все это начальник не выполнит и не будет прилежно заботиться о своих подданных, но допустит угнетение неповинных сильными, тогда грехи и насилия угнетающего на него ложатся, и за них ответ должен он будет дать великому Судье, и если при этом сам не делается лучше, тогда за грехи тех наказывается, как и за свои, по словам апостола Павла к римлянам, первая глава: «Достойны смерти не только делающие, но и попустительствующие делающим». И «кровь его от руки твоей взыщу», — говорит Господь в Книге Иезекииля, тридцать третья глава.

Но увы, уже в нынешние времена многие начальники о своих подданных и сиротах не пекутся, но допускают их угнетение лживыми наместниками, об охране должной порученного им стада не заботясь, под тяжким бременем терпения жить своих подданных оставляют и не учитывают, что человеческий род немощен и скорее поддается влечению чувственному, нежели правому суду разума. Поэтому должны быть люди во все времена под властью закона жить: в первый период, во времена естественной жизни, под законом естественным; во второй период, во времена закона, под законом Моисея; в третий, и теперь, во времена благодати, под законом Христовым. Ибо во все времена от первого злодеяния Каина вплоть по последнего злодеяния злые люди в этом бренном мире всегда будут с добрыми смешаны, всегда добрые будут страдать от преступлений злых. Потому законы были нужны, чтобы спокойно существовала между негодными невинность. Для того даны законы, чтобы не было так, что кто сильный — все может. Итак, теперь ты можешь понять, что всем сказанным мной я не хочу умалить терпение и не отрицаю, что терпение — добродетель евангельская и совершенных и святых людей, равнодушие к которой порождает вредные побуждения, а ею мы побуждаем противоположные устремления, пороки прогоняем. Ведь терпение изначально совершенным апостолам, то есть проповедникам, необходимо, так как

благодаря ему они удостаиваются удела ангельского, потому что терпением проверяются избранные, как золото в горниле, очищенное семь раз, прежде чем радости небесной удостоятся. Тот, кто пожелает поистине терпеливым быть, тому необходимо мысли гордые оставить, за Христом последовать и от мира этого плыть к пристани пустынной; а кто в бурях и волнениях этого мира сможет сохранить терпение, много блаженнее будет. Из этих слов ты уже понял, что я терпения не отверг, но показал только, насколько необходимы во всяком государстве правда и законы для исправления бесчинных, по словам Павла-апостола к фессалоникийцам, пятая глава, когда он говорит: «Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте терпеливы ко всем». И это все делается правдой, и милостью, и истиной. Из-за милости ведь предводитель и князь подданными весьма любим, а из-за истины его боятся. Ибо милость без правды есть малодушество, а правда без милости есть мучительство, и оба они разрушают царство и всякое общежитие. Но милость, правдой поддерживаемая, а правда, милостью укрощаемая, сохраняют царю царство на многие дни.

Об этом, владыка, наставляй и моли, чтобы с Божьей помощью так устроилось. Я по апостолу думаю, что «дни лукавые настали», конца света достигли. Прочтя это и хорошо уразумев, ты увидишь, что я достаточно полно ответил. Я бы и больше тебе об этом предмете написал, если бы хорошее и плодородное было лето, когда песни птиц услаждают писца за письмом. Сейчас же враги жизни — мороз, холодный снег и дым — разум смущают, пальцы сводят, глаза слезиться заставляют, чернила замерзать, бумагу сажей засыпают, и все это, как кажется, мешает писцу. И хотя здесь я могу должным образом окончить это послание, но поскольку ты муж желаний и усердно все постигаешь, боюсь, что ты мой ответ на вопрос твой скупым назовешь. Поскольку то достаточным кажется, и если я скажу больше, тогда это чем-то варварским и чуждым ты назовешь, я знаю, что сделаю: это закончив, нечто тебе новое напишу.

Благословеннейший евангелист Иоанн пишет, что «весь мир во зле лежит».

Истинно, век наш есть век золотой! Покупается ныне
Золотом — почесть и власть, золотом — нежная страсть.
Деньги ныне в цене: почет достается за деньги,
Дружба за деньги; бедняк людям не нужен нигде.

Даже если Петр, начальник апостолов, сегодня с теологией и с чудесами разных сил придет, если он ничего не принесет, то двери

будут закрыты, а он изгнан. Никакой порок не оскудевает и грех похоти, от которого общее человеческое дело приходит в упадок. Много сейчас в мире в наши времена лести и лукавства; сейчас кто навредил одному, хочет суметь навредить и другому; сейчас ум строптивый злых не научается пользу приносить, но зато не боится забыть о полученном им добре; отплатить старается человек лукавый за мед ядом, за плод штрафом, за благо обманом. Сейчас брани везде:

Люди живут грабежом; в хозяине гость не уверен,
В зяте — тесть; редка приязнь и меж братьями стала.

Угрожает гибель: берущий платье, хочет взять и рубашку; укравший овцу, замышляет увести и корову, и на этом не останавливается, но если может, все старается у ближнего похитить, и на этом не успокоится, пока наконец ближнего своего не лишит жизни. Пора уже, чтобы отдохнуло перо, дела злых описывая в этой несчастной жизни, о которых ты меня загадочно просил сообщить. Ибо теперь ты до конца уразумел, сколь вредными и дурными путями с хромыми ногами, со слепыми глазами эта земная власть и вся природа человеческая ходит теперь.

Итак, да устроит, как подобает, Господь Бог все твои дела и тебя самого хорошо по благости своей, да сохранит душу твою святую для славы, тело спасет, ум в земных деяниях исправит, разум и внутренние твои помыслы к пониманию Божественного Писания да воздвигнет, чтобы, исчерпав число лет в этой мирской жизни, ты телом и духом мог достигнуть обетованной земли живых, в которой часы не начинают года, дни восхода и захода не имеют, не достигают пределов года, старостью младенчество не сменяется, немощь здоровья не разрушает, смерть жизни не оканчивает; времена несчастий там не ожидаются, там все прекрасно, нет ничего дурного, все доброе, ничего враждебного, нет трудов телесных или мысленных, но всегда без конца тихий покой, ничего неразумного, но вечная премудрость. Благочестив тот, кто к столь благочестивому отечеству направляет путь свой с младенчества под благим ярмом и легким бременем Господа нашего Иисуса Христа, которому слава всегда, ныне, присно и на веки вечные, аминь.

ПОСЛАНИЕ ИНОКУ ФИЛОФЕЮ

ПОСЛАНИЕ ФЕДОРА КАРПОВА

Многоученному и в словах искуснейшему господину Филофею-иноку Федор Иванов сын Карпов желает радоваться ради Господа и быть благополучным во всем.

Получил я твое письмо 29 июля от такого-то человека, прочитал его и хорошо понял. Оно дает возможность сравнить тебя с ученым мужем, извлекающим новые и древние вещи из сокровищниц своих, по евангельскому рассказу. Ведь твое письмо Гомеровым словом и по правилам риторики удачно составлено, а не варварски, или неграмотно, но с грамматическим искусством составлено. Хвалю тебя за то, что ты смысл божественных и человеческих вещей понял. И если уж пустячок, поучение твоего разума, о инок, столь хорошо и сладостно, — может обрадовать разум читающего, — каковы же будут твои сочинения, которые ты не спеша и попросту, но с особенной тщательностью, и хорошо обдумав, сложишь. Пиши мне еще, и от меня получишь то же.

Будь здоров и вновь будь здоров.

ПОУЧЕНИЕ ДАНИИЛА, МИТРОПОЛИТА ВСЕЯ РУСИ

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Понырко

ВСТУПЛЕНИЕ

Митрополит Даниил (дата рождения неизвестна, годы пребывания на митрополичьей кафедре 1522—1539, умер в 1547 г.) был весьма плодовитым писателем. Его перу принадлежит более десятка слов и посланий. Публикуемое поучение Даниила посвящено нравственной проповеди: содержание поучения — порицание мирских увеселений. Тема эта традиционна для древнерусской литературы и унаследована ею от византийских авторов. Церковь всегда выступала противницей буйных игрищ, «позорищ», кощунственного смеха и изобличала их как явления языческие. Против увеселений, «игр сатанинских», плясок и т. п. писали Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин, а на Руси игумен Памфил,

Максим Грек; их осуждали Стоглавый собор и «Домострой». Сочинение митрополита Даниила возникло в русле очень развитой и давней традиции, и потому оно традиционно как по мыслям, так и по форме их выражения.

«Поучение митрополита Даниила» публикуется по рукописи XVI в., РГБ, Волоколамское собр., ф. 113, № 492, лл. 57 об.—68. Издано: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. 4. СПб., 1862, с. 194—204.

ОРИГИНАЛ

Подобает нам преже всего, о благоразумная чада, възлюбити внимание и брежение о себѣ кождо нас и всяко попечение и любомудрие състрояти и о душах наших. Видите ли, како скоро мимо текут дние лѣт наших? Яко конь скоро мимо течет, и яко птица по воздуху скоро мимо летит, тако и дние наши, и часы, и часци скоро мимо текут. Якоже бо в мимотечении здѣ есмы в настоящем сем житии и якоже в гостех пребываем; нѣсть бо прочно нам сие житие, ни бо здѣ есть нам жити. Но иже сего ради приведе нас Господь Богъ в настоящее сие житие, да не настоящему внимаем и мимотекущая прочим, но да вся к будущему животу промышляем и готовимъ.

Не сие бо есть отечьство наше, но преселение и паче, истинно рещи, изгнание. Ибо во изгнании здѣ есмы вси человѣцы, якоже писано есть, яко пришелци есмы здѣ и преселници. Взыщем отечьства нашего и не усвоимъ себѣ, ниже прочимъ мимотекущаго сего житиа. Нѣесть бо прочно, и усвоенно, и постоянно никомуже от нас, якоже и прежде написася, яко гостей приятъ нас и скоро яко гостей отпустить нас на оно житие, и ничтоже намъ на путь дасть, аще не сами себѣ предуготовимъ благыхъ дѣлъ.

Сего ради трезвитися намъ подобаеть и готовыми быти на всякъ день и час, и разсмотряти себѣ, аще в чесомъ съгрѣшихомъ, или в дѣлѣ, или въ словѣ, или в помышлении, или въ зрѣнии, или въ осужении, или в гордости, или въ щаплении. И в чесом аще будет изыскати себе, всегда подобает и о случающихся винах каатися, и рыдати, и плакати, да простит нам Господь Богъ съгрѣшениа наша и да помилует нас в сем вѣцѣ и в будущем. Понеже истязани и испытани будем о всякых вещех, вси человѣци: и пастыри, и учители, и прочий священничьскый причетъ, и мужи, и жены, и юнний, и старци, раби и свободнии, и воини и купци, и художници и земледѣльци. Но и царие, и князи, и вси, иже в велицѣй славѣ сущии, ни откуду помощи не обрящут, развѣ точию от добрых дѣлъ. Ино бо нѣкое нас отюду приимет живота устроение, и судищу предстанем Страшному, подобает нам предстати пред судищем Христовымъ, да приимет кождо, яже с тѣлом съдѣла, или благо, или зло.

Сего ради незабытно и нелѣностно шествуем настоящий сей наш путь и подвигъ и имѣим в себѣ всегда страх Божий и страшный онъ день суда Христова, да благочестно и любодобродѣтелно житие поживем на земли сей Божией.

Кая убо нам спасениа надежда будеть, егда на земли живуще Божией, небрежениа мудрьствуем? Кая нам полза срамно и зазорно житие имѣти? Тѣм же, паче всего внимание имѣемъ о себѣ. И паче же освященнымъ Богови отвсюду подобаеть стяжати опасное внимание и брежение, и въ одеждахъ, и въ обущах, и въ образе, и въ зрѣнии, и в хожении, и на пути, и на торжищи, и в дому, и вѣщающу, и молчащу, и обѣдающю, и въ всѣхъ просто благостройное и полезное. Богъ бо, рече, на сердце зрить, человѣк же — на лице; и сердечная убо умышления знаема суть Богу, человѣци же от сущих внѣ знаменують внутренняа и не явленая: аще убо узрят кого не во благообразии суща, или в дѣлех, или въ словесѣхъ зазрять, и тако отвнѣ сущаго безчиннаго шатания судят и яже внутрь. И соблазнъ и предкновение бывает многым.

Сего ради глаголеть великий апостолъ Павелъ: «Непредкновенни бывайте июдѣемь, и еллином, и церкви Божией».[1] Но и въ Священных правилех[2] написаша святии апостоли и о епископѣх, и о причетницех, и о простых человѣцех, еже яко не смѣхотворное и не безчинное житие имѣти нам. Такоже по святых апостолех пастыри, и учители, и преподобнии и богоноснии отци наши укрѣпиша, и уставиша, и въ священныа правила положиша на память и на утвержение послѣднему роду. Велико бо прочитающим священная правила и прочаа божественаа писания приобрѣтение и полза бывает. И кто разумѣвая сих, той *утружаяся*, и подвизаяся, и поты проливая, искый уразумѣти любомудрие сих и волю Божию, и отбѣгая, яко от змия, от срамасловия, и суесловия, и собраниа бесѣд душавредящих, точию приемля заповѣди Господня и предания и учениа святых апостолъ и преподобных и богоносных отець наших, и в сицевых играет и утѣшается, и радуеться душа их. Неже скомрахи, и плясци, и шахматы и тавлѣеми, ихже отрекоша святии апостоли и святии отцы.

Нынѣ же суть нѣции от священных, яже суть сии пресвитери, и дияконі, и подъдиакони, и чтецы, и пѣвци, глумятся и играют в гусли, въ домры, въ смыки, к сему жь и зернию, и шахматы, и тавлѣеми, и в пѣснех бесовьских, и в безмѣрном и премногом пианствѣ, и въсякое плотское мудрование и наслажение паче духовных любяще, и тако себѣ и иным велик вред бывающе.

И мы отнынѣ наказуемь и святыми писанми воспоминаемь, еже не быти таковому безчинному обычаю, всякого студа, и срама, и зазрѣния

исполненому. И наипаче же — во священнѣм сем дому пречистые Богородици, великиа и святѣйшиа митрополии всеа Руси, не глумитися, ни играти, ни презвитером, ни диаконом, ни поддиакономъ, ни чтецем, ни певцем, ни свѣщеносцем, ни пономарем, ни сторожемь и всѣм прочим простым человѣкомъ въ святѣмь сем мѣсте пречистыя Богородици и великих чюдотворцевь Петра и Алексѣя.[3] Подбает бо живущим во священнѣм семь дому образ благь быти всѣм человѣком.

Святии же апостоли и богоноснии отци заповѣдаша житие незазорно, и добродѣтелно, и благочестно имѣти всѣм человѣком: и епископом, и пресвитером, и прочему священному причту, такоже и мирскым человѣком. Якоже глаголеть святых апостоль правило[4] 42: «Епископъ, или презвитеръ, или диаконъ, в зернехъ упражьняяся или въ пианствѣ, или да престанет, или да извержется». Тѣх же правило 43: «Иподиякон, или пѣвець, или чтець, таковая же творя, или да престанет, или да отлучится. Такоже и простый человѣкъ». Толкование Ивана Занораса: [5] «Епископом и клирикомъ всѣм утѣшение всѣх къ добродѣтели быти подобает и прьвообразное и раздражение къ благодѣанию. Понеже и от сих есть нѣким уклонятися от добраго, или шахматы и зернию играти, или упиватися, повелевает правило престати таковым, или убо епископом, и презвитером, и диаконом или изверзатися, и иподияконом же, и чтецем, и певцем, аще ли же не престанут, отлучатися. Такоже и мирьскым человѣком, шахматы и пианьствы упражняющемся. «Не пити бо вина въ пианьствѣ», — рече Писание.[6] И паки: «Не упивайтеся вином, в немже есть блуд».[7]

Но ни же корчемническому предстати дѣланию клирикъ попущенъ есть, по девятому правилу иже въ Трулѣ събора. Правило 9 шестаго собора иже въ Трулѣ:[8] «Не достоит причетником корчемнаго храма имѣти. Аще бо возбранено есть причетником въ корчемницу входити, множае паче, еже иным въ корчемницѣ служити, и яже нелѣпо есть ему дѣйствовати. Аще же таковое что содѣлаеть, или престанет, или да извержется». Того же собора правило 50: «Ни единому от всѣх, или от клирикъ, или от простых человѣковъ, играти зернью. Отселѣ аще кто явится таковаа содѣвая, аще клирик, да отверженъ будет, аще ли простый человѣкъ, да отлучится».

Того же правило 51: «Отнуду отмѣтает святый сей соборъ вселенскый глаголемыа глумотворци и позорища их. Такоже и ловления, и позорования, и плясания ни в домѣх, ни на торжищах не творти. Аще ли кто сия презрит и к нѣкоему от заповѣданых сих себе вдасть, аще ли клирикъ, да отверженъ будет, аще ли простый человѣкъ, да отлучится».

Того же правило 61: «Иже волъхвом себѣ предающе или глаголемым сотником, или иным нѣким таковым, да от тѣх навыкнут, аще что им открыти хотят, по преже уставленым о них от святых отець, да повинуется епитемии[9] на шесть лѣт». Тацѣм же запрещением покорити подобает и водящих медвѣди или иныя нѣкиа таковыя животныя на играние и вред простѣйшим, и случай, и получение, и рожение по звѣздословию и таковых нѣкых глаголъ смущение по прелестным бледением глашающих, и глаголемых облакопрогонников, и чаровников, и наузников,[10] и волшебниковъ. Пребывающих же въ тѣх, и не премѣняемых, и пе отбѣгающих от погубныхъ тѣх еллинских обычаевъ весма отмѣтати от церкви повелеваем, якоже и священнии канони повелѣвають. Кое общение свѣту со тмою, якоже рече апостолъ, или кое сложение церкви Божии с кумиры, или кая часть вѣрному с невѣрным, или кое съгласие Христови съ диаволом?!

Того же правило 62: «Также глаголемыя каланды, или глаголемыя вота и нареченныя врумахия, и въ перьвый день марта месяца совершаемое торжество[11] отнудь от вѣрных граженствъ отъяти хотящим. Такоже и женская пред людми плясания, яко нечестивыа и мног вред и пагубу творити могуща, такоже и именем от еллин ложноименных боговъ или от мужей или от жен бывающая плясаниа и празднования по нѣкакому древнему обычею и чюжему христианского житиа отмѣтаем, заповѣдающе и никоемуже мужеви в женскую одежю облачитися, ни женѣ в мужския достойно, но ни же въ обличия игрецев и ликовственикова или козлогласования ходити, ни сквернаго Диониса имени, грозны топчюще в точилех, призывати,[12] ни же вина льюще в делви, смѣх подвизати, невѣжествия образом или суетою бѣсовския льсти дѣющихъ. Отселѣ убо начинающих что преже реченных творити, в разумѣ тѣх бывших, аще ли клирици суть, отврещи повелѣваемъ, аще ли простци — отлучатися».

Того же Шестаго собора правило 24: «Да не лѣть будет кому, во священническом причатаемых чину или мниху, на уристание конное ходити или бѣсовских игрищь наслажатися. Но аще кто клирик на бракы званъ будет, егда прелестныа и́ введутся, да востанет и абие да отходит. Сице отческому и учительскому нам повелѣвающу. Аще же кто в сем обличен будет, да или престанет, или да извержется».

Или въ Лаодикии собора правило 53: «Яко не подобает христианом, позваном бывшемъ на брак, плескати или плясати, но честно съ говѣнием вечеряти или обѣдати, якоже лѣпо есть христианом». Того же собора правило 54, яко «не подобает священником или клириком нѣких видѣний позоровати на брацѣх и на вечерях, но преже входа игрѣцов въстати им и отходити».

Иже въ Карфагени собора[13] от иже на конци правила пятагонадесять: яко «чадом священническим позорищь мирьских не творити, ни же позорствовати. Сие же и всѣм християном всегда проповѣдано есть, да от таковых удаляются: и идѣже хулениа суть, не преступати».

Сия убо тако глаголют священная правила. Подобно же сим и святый Ефрем глаголеть,[14] яко не подобает играти и глумитися, якоже и священная правила глаголют, яко ходяй на игрище со идолослужители имат часть. Якоже и великий апостолъ глаголеть: «Вѣсте ли, братия моя любимая, како возвращаетеся въспять и пакы печетеся творити языческая? Всяк бо пекийся плотскыми, глумяся, не Христа ли совлекся есть, яко не чая слова воздати въ день судный. Якоже глаголеть Господь божествеными своими усты, яко и о празднѣ словеси слово въздадят человѣцы въ день он.[15] Да аще о словесѣх сицева суть неослабна, то о дѣлѣх убо како сия будут?» И паки той же рече: «Христу зовущу пророки, и апостолы, и евангелисты, и от многих людий мало приходят. Егда же диавол позовет гусльми, и плясци, и пѣсньми неприазнеными, тогда мнози събираются на то. Человѣколюбец же Богъ призывет нас и глаголеть: “Приидѣте ко мнѣ вси”,[16] то нѣсть никтоже грядый, никтоже подвизаяся и тщася. А ненавидяй человѣковъ диавол аще наречетъ соборъ каковъ, то мнози стекутся. Егда же заповѣсться постъ или бдѣние, то вси ужаснуться и отпадутъ, и вси яко мертви будуть. И аще нарекутся пирове, или вечеря, или гусли, или свирѣли, или пѣсни неприазненныя, то вси готови будут, и убудятся и потекут, друг друга зовый, и стекутся на злый той путь, и борются на злѣм том собрании, не якоже християном подобает, но якоже погынм». И паки рече: «Проповѣдало ти ся есть, брате, от апостола вся въ славу Божию творити».[17] Да въ плясании ли есть слава Божиа, яже ты поганскими дѣлы диаволу угажаеши, а человѣколюбца Бога не чтеши? Заповѣдало ти ся есть безпрестани Бога молити, а ты безпрестани смѣешися и играеши. Аще ли хощеши разумѣти, яко бѣсовскаа есть служба игра, послушай апостола, глаголюща: «Не будите бѣсом служители, писано бо есть, яко сѣдоша людие ясти и пити, и въсташа играти, и прогнѣваша Бога, и погибе их в том гресѣ двѣ тмѣ и три *тысящи*. Блюдися и ты, не люби игры, да не обрящешися тамо с бѣсовскыми слугами. Кождо бо свое бремя понесет и пожнет, еже всѣял. Блюдися убо, и еда здѣ несѣеши трьние смѣхом и глумлением, а тамо жнеши слезы и рыдание».

Подобно же сему и великий Иоанн Златоуст глаголет: «Всяка убо лютость и студодѣание ото играния и глумления бывает, в душах слышащих изливаема, и едино тщание есть всякое же цѣломудрие от основания исторгнути и посрамити естество, исполнити лукаваго бѣса вожделѣния. Ибо и глаголы студныя тамо, и образы студнѣйшая, и постригание таково, и хожение таково, и одежа, и глас, и удовъ сломление, и очесъ развращение, и свирѣли, и сопѣли, и творениа, и вины, и вся просте послѣдняго студадѣяния полна. Когда убо истрезвишися, рци ми, толико неудержание тебѣ блуждениа изливающу диаволу, толики неудержания чаши растворяющу?»

И паки той же рече: «Да таковыми питаем слышанми, когда иже о цѣломудрии потов принести приимеши, помалу розливаяся от смѣха, и пѣсней, и студных глаголъ сихъ. Ибо доволно от всѣх сих чествующѣ душѣ возмощи быти честнѣ и целомудреннѣ. Аще же убо в таковых пѣснех обращаемъ, не вѣсте ли, яко къ злобѣ уклонительнѣйше имѣем. Егда убо и художество сие сотворим и дѣло, когда избежим пещи оноа огненыа? Не слышал ли еси, что рече Павел? “Радуйтеся о Господѣ”. [18] Не рече: о диаволѣ. Когда убо услышати возможеши Павла, когда чувство приати прегрѣшенных, пианствуя присно и непрестанно от зрѣния оного?» И сиа убо священный Златаустъ, и святый Ефрем, и друзии мнози от таковых рѣша. Но и священная правила возбраняют сему бывати, якоже вмале и напреди изъявлено бысть, яко священников убо и елици въ причтѣ примѣшени суть, запрещают и измѣтают, простых же человѣковъ от причащения отлучают.

Сего ради молю вас, не любите сквѣрьнословия, и играния, и глумления, и отступайте от бесѣд душетлѣнных, и всяким хранением соблюдайте своя сердца от нечистых и сквѣрьных помыслов. И сохраняйте свои очи от зрѣния неполезнаго и от слышания душевреднаго. И бѣгайте, яко от змия, от щапления, и гордости, и зависти, и пианства. Много бо нам предлежит страха и боязни в настоящем сем житии, и вниманию и трезвѣнию всегдашнему потреба. Тѣмъже внимайте и трезвитеся, и многа смирения и воздержания во всем имѣйте, и никако же отступайте от учения божественнаго Писания, но всегда поучайтеся божественым Писанием, прочитайте, пойте, молитве прилѣжно внимайте, рукодѣлствуйте, плетениа суетная от помысловъ отсецайте, в забытие и плѣнение скверная и тщеславная не уклоняйтеся, от собраниа церковнаго не отлучайтеся, нищим давайте, о раи и царствии небеснѣм бесѣдуйте, смерть въспоминайте, всекрасную же и премудрую простоту, и кротость, и смирение паче всего съблюдайте, да избавит нас Господь Богъ от сѣтей вражиих и от всякаго плотскаго мудрованиа, и от прочих злокозненных человѣкъ, помилует и спасеть нас молитвами преславныя и пречистыя Богородица и всѣх святыхъ. Аминь.

---

[1] *...«Непредкновенни бывайте... церкви Божией».* — 1 Кор. 10, 32.

[2] *...Священных правилех...* — Имеются в виду канонические установления о христианской жизни: так называемые апостольские правила, правила вселенских и поместных соборов; они включены в

«Кормчую книгу», представляющую собой свод церковного законодательства.

[3] *...во священнѣм сем дому пречистые Богородици, великиа и святѣйшиа митрополии всеа Руси... въ святѣмь сем мѣсте пречистыя Богородици и великих чюдотворцевь Петра и Алексѣя.* — Имеется в виду московский собор Успения Богородицы, центр митрополии всея Руси, основанный в 1326 г., и в 70-е гг. XV в. отстроенный заново знаменитым итальянским архитектором Альберти (Аристотелем) Фиорованти. Московские митрополиты Петр (1305—1326) и Алексей (1354—1378), канонизированные русской церковью, считались заступниками и покровителями Москвы и главной ее святыни — Успенского собора; именно в Успенском соборе покоятся мощи его основателя, митрополита Петра.

[4] *...святых апостолъ правило...* — Свод преданий и обычаев христианской церкви, ведущих свое начало от древнейшего, «апостольского», ее периода.

[5] *...Ивана Занораса...* — Иоанн Зонара — византийский хронист (конец XI — середина XII в.), толкователь канонического права.

[6] *«Не пити бо вина... рече Писание».* — Ср.: Притч. 23, 20.

[7] *...«Не упивайтеся вином... есть блуд».* — Еф. 5, 18.

[8] *...собора иже въ Трулѣ...* — Вселенский собор в Труле (692), кодифицировавший церковное право.

[9] *Епитемия (епитимъя)* — наказание, налагаемое церковью на христианина.

[10] *...наузников...* — Наузники — чародеи и колдуны, от слова «науз» (чародейственная навязь, особый род повязок, подвесок, носимых для предохранения от болезней и несчастий).

[11] *...каланды, или глаголемыя вота и нареченныя врумахия, и въ перьвый день марта месяца совершаемое торжество...* — Воты и врумалии — римские языческие праздники. В Древнем Риме празднества устраивались и в дни календ (первые дни месяца), и в первый день месяца марта. Все эти празднества сохранялись в пережиточном виде и в христианскую эпоху и сопровождались буйным разгулом и безудержным весельем.

[12] *...ни сквернаго Диониса имени, грозны топчюще в точилех, призывати...* — Один из языческих праздников, врумалии, был посвящен богу виноделия Дионису. Точило — виноградный жом.

[13] *...въ Лаодикии собора... въ Карфагени собора...* — Лаодикийский (364) и Карфагенский (318) соборы — поместные соборы христианской церкви, сформулировавшие правила церковной жизни.

[14] *...и святый Ефрем глаголеть...* — Ефрем Сирин, раннехристианский (IV в.) писатель, богослов, оратор и поэт, автор многочисленных поучений.

[15] *...яко и о празднѣ словеси слово въздадят человѣцы въ день он.* — Мф. 12, 36.

[16] *...«Приидѣте ко мнѣ вси»...* — Мф. 11, 28.

[17] *...вся в славу Божию творити.* — Ср.:1 Кор. 10, 31.

[18] *Радуйтеся о Господѣ.* — Фил. 3, 1.

ПЕРЕВОД

Подобает нам прежде всего, о благоразумные чада, возлюбить каждому из нас внимание и заботу о себе и осуществлять всячески искусное попечение о душах наших. Видите, как быстро идут дни жизни нашей? Как быстро бежит конь, и как птица по воздуху быстро летит, — так и дни наши, и часы, и минуты проходят быстро. Ибо не вечны мы здесь, в настоящей жизни, и как в гостях пребываем; непостоянно для нас это житие, и не здесь <уготовано> нам жить. Но того ради привел нас Господь Бог в настоящую жизнь, чтобы мы не настоящему внимали и не о преходящем заботились, но чтобы все к будущей жизни промысливали и готовили.

Здесь не отечество наше, но временное пребывание и, больше того, если истинно говорить — изгнание. Ибо в изгнании мы здесь, все люди, как сказано: здесь пришельцы мы и странники. Взыщем же отечества нашего и не приобщим ни себя, ни других быстротекущей сей жизни. Ибо не вечна она, не постоянна и не надежна ни для кого из нас, как и прежде было сказано, как гостей приняла нас и скоро, как гостей, отпустит на <будущее> житие, и ничего не даст нам в путь, если сами не уготовим себе благих дел.

Потому подобает нам пребывать в трезвости <ума и души> и быть готовыми всякий день и час, и смотреть на себя, не согрешили ли в чем, — в деле, слове ли, в помышлении ли, или в зрении, в осуждении, в гордости, в величании. И если в чем случится изобличить себя, всегда подобает о случившихся винах каяться, и рыдать, и плакать, да простит нам Господь Бог согрешения наши и помилует нас в сем веке и в будущем. Ибо к истязанию и испытанию <приведены> будем о всяких вещах, все люди: и пастыри, и учители, и весь прочий священнический причт, и мужи, и жены, и юные, и старцы, рабы и свободные, воины и купцы, ремесленники и земледельцы. Также и цари, и князья, и все, пребывающие в великой славе, ниоткуда не получат помощи, кроме как только от добрых дел. Ибо когда неведомая кончина возьмет нас из сей жизни, предстанем мы суду Страшному, надлежит нам предстать пред

судом Христовым, дабы каждой <душе> принять за то, что сделала она вместе с телом — благого или злого.

Потому, помня об этом и не предаваясь лености, будем шествовать этой нашей дорогой и подвижническим путем и всегда будем иметь в себе страх Божий и память о страшном том дне суда Христова, чтобы честно и добродетельно прожить на этой земле Божией.

Как же будет нам дана надежда спасения, когда, живя на земле Божией, упражняемся в небрежении? Что за польза нам иметь позорное и постыдное житие? Потому всего больше надлежит подумать о себе. И особенно тем, кто посвящен Богу, подобает во всем прилежание и попечение блюсти: и в одеждах, и в обуви, и в обличье, и внешнем виде, во время хождения по улице, в торгу, и в доме, и за разговором, и в молчании, и во время обеда — во всем <стремиться> к простоте, благоустроению и пользе. Ибо сказано: Бог на сердце зрит, человек же — на лицо; только Богу известны сердечные помышления, люди же судят по внешнему о внутреннем и сокровенном: если приметят кого не в благообразии пребывающим, в деле или в словах кого в чем осудят, то так по внешнему бесчинному шатанию начинают судить и о том, что внутри. И так соблазн и преткновение бывает многим.

Потому и глаголет великий апостол Павел: «Не подавайте соблазна ни иудеям, ни эллинам, ни церкви Божией». И в Священных правилах написали святые апостолы о епископах, и о причетниках, и о простых людях, дабы не смехотворное и бесчинное житие иметь им. То же самое вслед за святыми апостолами пастыри, учители и преподобные и богоносные отцы наши утвердили, и установили, и в святые правила положили на память и на утверждение последнему роду. Великая польза и приобретение бывает чтущим священные правила и прочие божественные писания. Кто разумеет их и, принимая труды и подвиги и поты проливая, ищет проникнуть в мудрость их и волю Божию, и, бегая, как от змея, от срамословия и суесловия, и от сборищ и бесед, губящих душу, приемля одни заповеди Господни, предания и учение святых апостолов и преподобных и богоносных отцов наших, тот радуется и утешается ими, и радуется душа их. Не то что скоморохи, и плясуны, и игральщики в шахматы и шашки, которых предали отрешению святые апостолы и святые отцы.

Ныне же некие из духовного сана — пресвитеры, и диаконы, и поддиаконы, и чтецы, и певцы — глумятся и играют на гуслях, на домрах, смычками, и даже в кости, и в шахматы, и в шашки, и в песнях бесовских, и в безмерном и премногом пьянстве <обретаются>, и

всякое плотское ухищрение и наслаждение больше духовного любят, и так себе и другим великий вред приносят.

И мы отныне наказываем и святыми писаниями подкрепляем, чтоб не бывать таковому бесчинному обычаю, всяческого стыда, и срама, и осуждения исполненному. И наипервее всего — во священном сем доме пречистой Богородицы, в великой и святейшей митрополии всея Руси, не глумиться, не играть в сем святом месте пречистой Богородицы и великих чудотворцев Петра и Алексея ни пресвитерам, ни диаконам, ни поддиаконам, ни чтецам, ни певцам, ни свещеносцам, ни пономарям, ни сторожам, ни всем прочим простым людям. Подобает живущим в священном сем дому быть добрым примером всем людям.

А святые апостолы и богоносные отцы заповедали иметь жизнь непостыдную, и добродетельную, и благочестивую всем людям: и епископам, и пресвитерам, и прочему священному причту, также и мирским людям. Как гласит сорок второе правило святых апостолов: «Епископ, или пресвитер, или дьякон, обретающийся в пьянстве или в кости играющий, либо да перестанет <такое творить>, либо да отлучен будет». Оттуда же правило сорок третье: «Иподиакон, или певец, или чтец, таковое же творящий, либо да перестанет <это творить>, либо да отлучен будет. Так же и простой человек». Толкование Иоанна Зонары: «Епископам и клирикам всем подобает быть для всех утешением в добродетели и примером и побудителем к добрым делам. Так как и из них некие уклоняются от добра, в шахматы и кости играют или упиваются, повелевает правило таковым перестать <это творить> или же: епископам, пресвитерам и диаконам совлачаться сана, а иподиаконам, чтецам и певцам, если не перестанут <это творить>, подвергнуться отлучению. То же и мирским людям, в шахматах и пьянстве упражняющимся. «Не подобает пить вина до опьянения», — повелевает Писание. И снова: «Не упивайтесь вином, ибо в этом блуд».

И корчемному делу не допущено предаваться клирику по девятому правилу Трульского собора. Правило девятое Шестого собора в Труде: «Не подобает причту корчемных домов иметь. Ибо если возбранено причту входить в корчму, то тем более служить иным в корчмах — это то, что вовсе не пристойно ему. Если же кто что-либо подобное соделает, пусть или прекратит <это творить>, либо совлачится сана». Того же собора правило пятидесятое: «Никому, — ни клирику, ни простому человеку, — не играть в кости. Если же кто будет таковое делать, то, если он клирик, да извержен будет, если же простой человек, да будет отлучен».

Того же <собора> правило пятьдесят первое: «Полностью отметает святой сей собор вселенский тех, кто именуется лицедеями, и зрелища их. Также ни игрищ, ни зрелищ, ни плясок ни в домах, ни на торжищах не творить. Если же кто этим пренебрежет и к чему-либо из таковых запретов себя обратит, то, если он клирик, да отвержен будет, если же простой человек, да будет отлучен».

Того же <собора> правило шестьдесят первое: «Кто предает себя колдунам или так называемым колдуньим сотникам, или иным, подобным таковым, чтобы от них узнать о том, что они откроют, по прежним установлениям о них святых отцов, да будет повинен епитимий на шесть лет». Под таковой же приговор подобает подвести и водящих медведей и прочих подобных животных на забаву и вред неискушенным, и предсказывающих по звездам, смущая разными прельстительными словами, случаи, приобретения и рождения, и так называемых облакопрогонников, и чародеев, и наузников, и волхвов. Всех, пребывающих в том, и не отстающих, и не отбегающих от пагубных тех эллинских обычаев, отметать от церкви повелеваем, как и священные каноны повелевают. Что за общение свету со тьмой, как сказал апостол, или же что за соединение Божией церкви с кумирами, или же что общего верному с неверным, или же что за согласие Христу с диаволом?!

Того же <собора> правило шестьдесят второе: «Также от так называемых календ, или вот, или врумалий и от в первый день марта месяца совершаемого торжества отвратить желаем верных горожан. И женских пред людьми плясаний как нечестивых и многий вред и пагубу творить могущих, и плясаний мужчин и женщин во имя ложноименных эллинских богов и празднеств, творимых по некоторому древнему и чуждому христианству обычаю, отметаемся, запрещая женам в мужскую, а мужам в женскую одежду облачаться, ни в личинах игрецов, забавников и козлогласовников не ходить, ни скверного Диониса имени, топча виноград в точиле, не призывать, не смеяться по образу невежества или в суете бесовского обмана, разливая вино по бочкам. Тех же, кто в здравом уме начнет творить что-либо из перечисленного, если они клирики — отвергнуть, если же простецы — отлучить повелеваем».

Того же Шестого собора правило двадцать четвертое: «Не следует никому из причитаемых к духовному чину и монахам на конское ристалище ходить или бесовскими играми наслаждаться. Но если кто из клириков на брак зван будет, то, когда начнутся соблазны и искушения, пусть встанет и сразу же уходит. Так учители и отцы нам повелевают. Если же кто в том будет изобличен, то пусть или перестанет <это творить>, или да будет лишен сана».

Или вот Лаодикийского собора правило пятьдесят третье: «Не подобает христианам, будучи позванным на брак, плясать и плескать в ладони, но достойно и благочестиво ужинать или обедать, как и пристало христианам». Того же собора правило пятьдесят четвертое о том, что «не подобает священникам или клирикам взирать на некие зрелища на браках и во время званых обедов, но прежде входа лицедеев следует им встать и уйти».

Из окончания пятнадцатого правила карфагенского собора: о том, что «чадам священническим зрелищ мирских не творить и не взирать на них. То же всегда проповедуется и всем христианам, чтобы от таковых удалялись и туда, где хуление есть, не приступали».

Так говорят об этом священные правила. Подобно же им и святой Ефрем глаголет, что не подобает участвовать в игрищах и глумлениях, как и святые правила возвещают <о том>, что ходящий на игрища к идолослужителям приобщается. Так и великий апостол глаголет: «Ведомо ли вам, братия моя любимая, что возвращаетесь вспять и снова хотите действовать по-язычески? Ибо всякий, пекущийся о плотском, глумясь, не Христа ли совлекся, будто не верит слову о воздаянии в день судный. Ибо, как глаголет Господь божественными своими устами, и о праздном слове воздадут люди ответ в тот день. Если же за слова <придется держать столь грозный ответ> без послабления, то каков же будет <ответ> о делах?» И еще он же сказал: «Когда зовет Христос через пророков, апостолов и евангелистов, то от многих людей мало приходит. Когда же позовет дьявол гуслями, и плясанием, и непристойными песнями, тогда многие на то собираются. Человеколюбец же Бог призывает нас и говорит: “Приидите ко мне все”, и нет никого идущего, никого устремляющегося и подвизающегося. А если ненавидящий человека дьявол позовет на какое сборище, то многие стекутся. Когда же по заповедям предписывается пост или бдение, то все ужаснутся и отойдут, и будто мертвые будут. А если объявятся пиры и застолья, или гусли, или свирели, или непристойные песни, то все окажутся готовы и, проснувшись, устремятся, призывая друг друга, и потекут злым тем путем, и возликуют на злом том сборище, не так, как христианам подобает, но как поганым». И еще сказано: «Проповедано тебе, брат, апостолом все во славу Божию творить». Так в плясании ли есть слава Божия, в том, что погаными ты делами дьяволу угождаешь, человеколюбца-Бога не почитаешь? Дана тебе заповедь непрестанно молиться Богу, а ты беспрестанно смеешься и играешь. Если хочешь разуметь, что бесовское это дело — игра, послушай апостола, говорящего: «Не будьте служителями бесам, ибо было уже написано <о том>, как сели люди есть и пить, и встали играть, и прогневили Бога, и погибло их в том грехе двадцать три тысячи. Опасайся и ты, не люби игрищ, да не окажешься там с бесовскими слугами. Ибо каждый

понесет свое бремя и пожнет, что посеял. Итак, соблюдай себя, ибо если здесь посеешь плевелы смехом и глумлением, то там пожнешь слезы и рыдание».

Подобно сему и великий Иоанн Златоуст глаголет: «Всякая лютость и постыдные дела, проникающие в души слушающих, от играния и глумления бывают, единственная их забота — исторгнуть всякое целомудрие до основания и посрамить естество, исполнив его вожделением лукавого беса. Ибо там и слова постыдные, и дела постыднейшие, и таковые же прически, и таковые же походки, и одежды, и возгласы, и виляние членов, и очей развращение, и свирели, и сопели, и деяния, и проступки, и, попросту, все, исполненное конечного стыда. Когда протрезвишься, скажи мне, таково ли тяжело было тебе удержаться от изливающего блудодеяние дьявола, подносящего таковую невоздержания чашу?»

И еще он же сказал: «Будем же прибегать к слушанию таковых словес, в поте лица стяжая целомудрие, понемногу уклоняясь от смеха, и песней, и постыдных сих словес. Ибо вполне может душа, обогащаясь всем этим, стать честной и целомудренной. А если в таковых песнях обретаемся, не ведаете ли, что наиболее к злобе уклоняемся. Ибо, когда сотворяем таковое художество и дело, разве сможем избежать печи оной огненной? Не слышал ли, что сказал Павел? “Радуйтесь, — сказал, — о Господе”. Не сказал: о дьяволе. Когда же сможешь услышать Павла, когда придешь в сознание своих прегрешений, пьянствуя вечно и непрестанно от созерцания оного <дьявола>?» Так святой Златоуст, и святой Ефрем, и другие многие из таковых сказали. И священные правила возбраняют подобному бывать, что кратко и выше показано было, как священников и тех, кто причислен к причту, они извергают и полагают под запрещение, а простых людей отлучают от причащения.

Всего ради этого молю вас, не любите сквернословия, игрищ и глумления, отступайте от бесед, растлевающих душу, и соблюдайте сердца свои всячески от нечестивых и скверных помыслов. Храните очи свои от пагубных зрелищ и берегитесь слушания всего, что вредит душе. И, как от змея, бегайте от величания, и гордости, и зависти, и пьянства. Ибо много нам суждено страха и боязни в настоящем сем житии, и потому всегда есть нужда ко бдению и трезвости. Потому бдите и будьте трезвы, и много смирения и воздержания во всем имейте, и никоим образом не отступайте от учения божественного Писания, но всегда поучайтесь божественным Писанием, читайте, пойте, молитве прилежно внимайте, рукодельствуйте, суетные помышления из ума исторгайте, в мечтания и плен скверных и тщеславных помыслов не уклоняйтесь, от общения церковного не отлучайтесь, нищим давайте, о рае и царствии небесном беседуйте,

помните о смерти, всекрасную и премудрую простоту, кротость и смирение больше всего соблюдайте, да избавит нас Господь Бог от сетей вражиих, и от всякого плотского мудрования, и от прочих злокозненных людей, да помилует и спасет нас молитвами преславной и пречистой Богородицы и всех святых. Аминь.

ТАЙНАЯ ТАЙНЫХ

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина

ВСТУПЛЕНИЕ

«Тайная Тайных» — древнерусский вариант памятника, пользовавшегося исключительной популярностью во всей средневековой Европе и известного там под заглавием «Secretum Secretorum». Сочинение это восходит в конечном счете к арабскому оригиналу VIII—IX вв. и представляет собой собрание житейских наставлений по различным вопросам — от политики до алхимии, которые будто бы были преподаны Аристотелем его ученику Александру Македонскому. Арабский текст «Secretum Secretorum» известен в двух редакциях — полной и краткой. В отличие от большей части европейских переводов, которые берут начало от полной редакции через посредство латинского перевода Филиппа Трипольского, древнерусский вариант наряду с неполным кастильским и еврейским происходит от краткой редакции.

Некоторые особенности древнерусской версии памятника позволяют связать ее с еврейским переводом «Secretum Secretorum», сделанным аль-Харизи в XII—XIII вв. К числу следов еврейского оригинала, сохранившихся в русском тексте, относятся, во-первых, оставшиеся непереведенными еврейские слова; во-вторых, указания при главах на дни недели — характерная черта еврейских текстов (параши-гофтары); наконец, подразделение глав на «врата» (на «врата» делится и «Логика» Моисея бен Маймонида, также переведенная с еврейского). Вместе с тем в древнерусском тексте «Тайной Тайных» имеются отдельные чтения и даже целые разделы, не находящие аналогии в других версиях сочинения. Этим определяется значение русского варианта памятника не только для истории литературы Древней Руси, но и для реконструкции его утраченного оригинала. Точной датировке перевод не поддается. Считается, что он сделан либо в конце XV, либо в начале XVI в.; во всяком случае к середине XVI в. он уже существовал. По мнению некоторых исследователей, именно «Тайная Тайных» называется в «Стоглаве» «Аристотелевыми вратами» и упоминается в числе еретических книг. Идеи, сформулированные в этом произведении, оказали влияние на памятники русской публицистики XVI в. В частности, многие советы политического характера, которые дает Аристотель своему ученику, повторяются в сочинениях Ивана Пересветова («Сказание о Магмете-салтане», «Большая челобитная»). Высказывались предположения о влиянии «Тайной Тайных» на

политическую концепцию князя А. М. Курбского. Обнаружено также заимствование из памятника в первом послании Ивана Грозного беглому князю.

Языковые данные свидетельствуют о том, что перевод «Тайной Тайных» осуществлен в Западной Руси. Переводчик, по-видимому, плохо владел языком, на который он переводил весьма сложное сочинение, поэтому в некоторых случаях текст безнадежно испорчен. Ближе всего к протографу перевода стоит список Вильнюсской публичной библиотеки, ОР, № 272 (222), по которому «Тайная Тайных» была опубликована: *Сперанский М.* Из истории отреченных книг, IV. «Аристотелевы врата», или «Тайная Тайных». СПб., 1908 (Памятники древней письменности и искусства, т. 171). Во всех остальных доступных нам списках перевод подвергся более или менее значительной русификации (характерно при этом, что одни и те же слова западнорусского происхождения переводятся в любом контексте одинаково — это свидетельствует о вторичности русифицированных списков).

Малой изученностью памятника определяются трудности его перевода. Не имея возможности определить место перевода «Тайной Тайных», мы зачастую лишены возможности адекватно понять его политическую терминологию. Поэтому нужно учитывать, что следующие обозначения должностных лиц, которыми оперирует переводчик, оставлены без перевода: правитель (в отличие от правителя над витязями этот термин переведен словом «военачальник»), урядник, гетман, столечник, витязь, боярин, властитель, писарь, печатник, заказчик, маршалок, законоучитель (вариант: законник); слово «земляне» переведено как «землевладельцы», «градодержец» — «градоначальник»; «царь» в необычном значении — как лицо подчиненное главе государства условно переведено «начальник».

Вступление, главы 1—6 и начало 7-й (до «врат» 2-х) публикуются по изданию: *Сперанский М.* Из истории отреченных книг, IV. Аристотелевы врата, или Тайная Тайных. С. 135—179, по рукописи XVI в. Вильнюсской публичной библиотеки, ОР, № 272 (222), лл. 1—23. При переводе были учтены особенности еврейской версии «Тайной Тайных», наиболее близкой к древнерусскому варианту памятнѣка. Отсутствующее в Вильнюсской рукописи начало (до слов «преступили персове к послушенству Александрову») и пропуск после л. 2 об. (со слов «некоему слузѣ своему надежному» до слов «Александре, не отпускай») восполнены по рукописи XVI в. Бодлеанской библиотеки, № 15, с. 1—2, 6—13. По той же рукописи внесены основные исправления. Целый ряд исправлений сделан по рукописи 1685 г. (БАН, собр. Археографической комиссии, № 97 (229)); одно — по рукописи XVII в. (РГБ, ф. 310, собр. Ундольского, № 750, л. 57). Наши конъектуры делятся на две группы: в первую входят чтения, которые, будучи испорчены в Вильнюсском списке, не могут быть исправлены по другим доступным нам рукописям, подвергшимся русификации, так как в них на соответствующем месте стоит русский эквивалент западнорусского слова; во вторую группу входят чтения, испорченные во всех доступных нам списках. За предоставление копии с рукописи Бодлеанской

библиотеки и за ценные советы благодарим В. Райэна (Великобритания). В комментариях использованы наблюдения над арабским текстом «Secretum Secretorum» в работе: *Manzalaoui M.* The pseudo-Aristotelian Kitāb Sirr al-Asrār // Oriens. 1974. Vol. 23—24.

ОРИГИНАЛ

Рече Патрекий списатель:[1] «Господи направи тя, царю благовѣрный, и укрѣпи тя хранити законъ и съблюсти народ и вѣщи главизнъ сихъ! Се рабъ твой приступилъ к заповѣди твоей о списании книги сея, нарицаема “Тайная Тайных”, сложенаа философомъ великим и преподобным Аристотелис ученику своему — царю великому Александру, сыну Нектанавову, нарицаему Рогатымъ».[2] А сей времени стараго своего немощенъ сый ходити с ним по войнам. Царь же Александръ поставилъ его правителемь правомудриа его ради и премудрости божественыа, и сего ради приличенъ есть въ пророкы непосланныа и законоучителеве. Обрѣтено же въ книгах еллиньских, иже Господь рече му: «Близь еси нарещися аггелом, нежели нарещися мудрым в премудростех безчисленыхъ». И разнятся мнози о смерти его: иные рекут, иже възнесен бысть по чину Илиину на колесницах,[3] друзии же рекут, иже умерлъ по обычаю всея земли. Поставилъ Александра благодумиемь своимъ, иже владѣл всею вселеною, прешед вдоль же и поперекъ; и приступиша к послушеньству его вси арапове и фрягове.[4]

Александръ же не преступилъ заповѣди его, а невѣдомаа пыталъ епистолию своею: «Вѣдай, учителю преподобный и правителю вѣрный, иже добылъ есми землю Перскую, и обрѣтох люди велми мудры, но владѣютъ государемъ своимъ. Но боюся их царства ради. А приводит ми мысль моя побити всѣх, и пытаю рады твоея[5] о семь».

Отписалъ же есмо: «Александре, аще приводит мысль твоя побити и всѣх, а может ти ся то стати царства ради, но не можеши побити землю ихъ, ни переменити вѣтръ их и воду их. Но лѣпѣи сего царствуй над ними, чествуя их под добротѣ их, зань же уставнаа доброта пробавит царство, а лютование супостатно сему. Не есть бо истинно купление купити животы, иже по сему отбѣгают рабы и рабыни; но истинно купление ти купити душу, зань же по них идуть животы. А ближе ти купити сладостию своею свободных а на векы вѣчныа, нижели неволных за сребро свое а не вѣчно. А вѣдай, Александре: иже народ возмогут ли рещи, могуть и учинити. А про то отвѣди слово, да отидет дѣло». А заповѣдию сею преступили персове к послушенству Александрову.[6]

Рече *Патрикей*: «Не оставих жадного храму философьского, *не* расмотревъ его, а ни жадного фарисея,[7] не говоривши с ними о неведомых своих. По сем же приидох ко храму Солнечному, устроенъ

великим Ромасом,[8] в нем же обретох фарисея мудраго и переидох его мудростью, иже дал ми чести книги храма сего. Но там обретох книгу сию, писану златом. И *пристах* к ней перекладати ея изь языка греческа н-арапьскый любви ради государя своего».

Рек Аристотель: «Видех листъ сей честнаго, и любимаго, и мудрого царя, Александра справедливаго. Господь милосердием своим направи тя на истину, да избави тя ереси плотьския, им же достанеши исполнения дущевного и телесного. Но что пишешь ми исперва, жалуючи вельми о разлучении нашем, иже нѣт мѣне у поседении твоем, а просишь мя, *дабых* ти написал по ряду, дабы было со всим делом твоим яко веси и мера, дабы се было тобѣ на мое место. Но *мню*, иже ведаешь, иже что есми не подле тебѣ, не того дѣля абых то тобѣ *ненавидѣлъ*, но про то же не могу старости моея ради. Ведаю же — хотение твое не местится в живыя, а о всем подолгу мертвых. Но толико повиненъ есми исполнити просьбу твою по достоянию, дабы не просилъ еси мене боле сего. Зан же дал ти Богь мудрость и благодарилъ тя духом радным и храбрым, сего ради смотри много веленью моему, да достанешь потребъ своих. Но воистинну знаменовахом тайны *разверзениемъ печатѣй, притчами, дабы не впала* книга наша сия в руку недостойных, да внегда изведають то, что им Богь не судилъ вѣдати. Но бых я то разорилъ завѣт того, хто же мне тое отокрыл. А тако же тя заприсягаю, и яко и мене заприсягали о сию вѣщь. А хто, уведавъ сию вещь тайную, открыеть недостойным, ущепень есть сего свѣта *и оного*. Господи силам, уховай нас от сего, аминь.

По сем поминаю ти напред всего, чим коли есми тебе тешивал, иже не убечи жадному царю 2 вещь:[9] 1 — *крѣпость* душевную, и не исповесться ему сей, но обема. Зан же, свед сия, и крепится государь рабу, а *измѣною* сих изьсилееть рабъ государя. Но искажю ти, чим собе ты обе речи изведешь. Ино *извод* сему 2 вещы: 1 — нутреняя, 2 — наверхнея. Наверхнея же — имения, оно же подпора тѣлу человеческому привѣзати душю водейством, ею же приставають к тобѣ народ, видячи справедливость и милосердие до себе. Нутреняя же — миловати и чествовати каждого мудрого шляхетного, иже их Господь знаменовалъ милосердием своим, открывая имъ *тайницы* свои. А не будешь ли мил сим написанным — не будешь милъ ничим иным. А про то жь даю ти тайну сию, иже исперва мышленыя мнится яко бы накозание, а *нутрь ея* — исполнение царское. Господи, помози руце твои чествовати премудрость и превозносити мудрых, аминь».

КНИГА СИЯ ОСМЪ ГЛАВИЗЕНЬ:

1. У колку члонковъ обычай царский.

2. Которыми обычаи вести ся ему пред народомъ, чтобы вложили надею свою в него, хваля житие его.

3. Которым обычаем водити ему шляхотных народи.

4. В которой мере учити ему правителя государьству своему, а через него вси свои урядники.

5. О грядущих на путь, о потребных его, и о посланных от него, и о поведених в посольствѣ своем.

6. О повѣдании воином и гетманом.

7. О поведании воевном, имети того часу мысль особную: и како раставляти полкы, и стеречися, часы пригодные сему и время годное выходити на то, и с ким ся бити или с ким ся не бити, и о премудрости парсунной, и како подобаеть водити животъ, дабы захованъ въ здравьи.

8. О камени, и зелияхъ, и животинах, их же подобаеть царю имети а без того ни изведеть себе ничего доброго, а ни захоеваеть свой живот во здравии, а ни усидеет во царствии своем. И ся главизна последняя, яко бы исполнение поведанию царскому.

ГЛАВИЗНА 1. ИМАТЬ ВРАТА ЧЕТВЕРА: 1. О ЩЕДРОСТИ; 2. О ХРАБРОСТИ; 3. О МИЛОСЕРДИИ; 4. О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Врата 1-е.[10] Царь щедръ собе и людем; или скупъ собе и людемъ; царь щедръ собѣ, а скупъ людем; *или скупъ собѣ, а щедръ людем*. Рекут же римляни: «Нету ганбы царю, бывшю скупу до себе, а щедръ до людей». Рекут же персове: «Иже царь щедрый до себе и до людей, сей есть исполненъ чином своим», а сознавають вси. И иже щедръ до собѣ, а скупъ до людей — и се есть ганба и шкода царству. А о четвертой не пытай: подобаеть убо нам неходя исполнити вещь сию. Но преж *исказати*, что то щедрость.

Александръ, вѣдай, иже скупый добрым человеком не можеть быти а ни *законным*, а ни тако же стравца *остати* вечне при своей чти. А всякий обычай — сереина их выбрана исполнению, оба конца не годна суть; а о всем царству подобаеть мерьность, а без него не пробавится. Смышление же о щедрости трудно есть, а о скупости легко есть. Щедрость истинная, дабы давалъ по часу потребу, и достойному, по силѣ, иначеже есть щедрость на первый конець. Стравца подобенъ есть некоему, лиющю воду слану в море или да помогати врагу своему до себе. Щедрый поспешень есть во всих делех своих, а не тот, который скарбь царский теряеть, *даваа, не смотря* последняя своя. А скупость же вселично слава злая, не пристойная государьству. Аще бы се побачил на себе *царь* некий, *но* подал бы царство свое некоему слузѣ своему надежному, а сам бы вѣдалъ о вѣнци и престолѣ.

Александре, реку ти, иже всякъ царь, что даетъ не по собѣ, разрушаетъ собе. А хто накладаетъ на свое царство бремя не по силѣ, сей погубит и погибнет. Зань же одеръжание щедрости — коли не посягнет за чюжее. Тако видѣх слово великаго Ромаса, иже рекъ: «Исполнение царю, и закону его, и доброму его, коли не посягнет за чюжее».

Александре, вѣдай, иже ничемь не оскудѣло царьство навышьшее и старое,[11] ниже много давали, а мало клали, но посягли на народское, и разсыпали ихъ — а симь погибло и доселѣ. Се есть прирожено въ обычай — иже имѣнием пробавится душа живаа. Оно же яко часть от нея, всячьство убо съставится частми своими. Истиннаа щедрость такеже, дабы оставлялъ захотѣниа неподобныи, а не доискивал бы ся тайниць тщеславных, а не выкоривал бы, давь кому, яко же съ оружиемъ. Полному преподобнаго приими наказание, и чествовати честнаго и примолвити, и сѣдѣние смиренаго, а небрещи о надѣжи неразумнаго.

Александре, много часовъ глаголах ти; всели слово се въ душю твою, да будеши безпечаленъ. Аще бых ти не реклъ толико се, досыти бы еси моглъ имѣти на семь о повѣлении[12] житѣйскомь и духовномь. Вѣдай, иже умъ — то есть верхъ всякому смыслу, им же спасется душа и изъяснится тайна, и отдалишь врагы житѣйскиа и духовныя, приближишь же любимых. Он же похвалимь корень и основание твердости всемъ хотящимъ. А начало ему приступати к розмышлению.[13] Приступивый же к нему посрединѣ — блаженъ есть, а в конець убо послѣдний — Богу супостатенъ есть. Сему бо размышлѣние пытаниемь есть. А государьство не обретается собою, но размышлѣниемь; а про то же[14] верхъ властельства умова — размышлѣние. А государство ражаетъ любовь к размышлѣнию. Да аще будут искати размышлѣние в концы послѣднем, родитъ ревнование, а ревность ражаетъ ложь, а ложь

ражает невѣжество, оно же давание. А се же родит ненависть, а ненависть родитъ несправедливость, а то родит неволю, а неволя родит враждование, а се родить прю, а пря родит войну, а война преступит законъ и оскудит вселеную. А симъ премѣнится прироржение, да родится оно злое же нѣтовство погибелию доброго, оно же естьство, зане же зло, не идетъ с небеси толико по дѣйству нашему.[15] Да еще же переможет разумъ спирание, родится из него вѣрность, а се родит смѣрение, а из сего родится гроза, а из грозы справедливость, а се из сего съединачение, а се родить честь, а честь родит пристатие, а пристатие родит кладение живота подлѣ живота, а симь усилѣет царьство и законъ, и наполняется съкровища истинны. И се изъяснится — искати господьства посредине блажено и благословено есть.

Александре, брежися велми попустити скотство над владычествомь, да возвеселишь тлимое над вѣчнымъ, хота за тѣмь, что ся хощет, — а то грѣх превеликий.

ГЛАВИЗНА 2. КОТОРЫМИ ОБЫЧАИ ВѢСТИ СЯ ЦАРЮ, КОТОРЫМИ ОБЫЧАИ ВѢСТИ СЯ ЕМУ ПРЕД НАРОДОМЪ И СЛУГАМИ И ЧЕМ ЖЕ ВЪОСОБИТ СЯ ОТ НИХ. ЗАНЕ ЖЕ, КОГДА БУДЕТЪ ИМѢТИ МУДРОСТЬ ОСОБНУЮ И СМЫСЛЪ ХЫТРЫЙ, И ПРИСТАНУТ К НЕМУ И ПОЛОЖАТ НАДѢЖУ СВОЮ НА НЕГО

Александре, всякий царь покаряетъ царство свое истинѣ закона своего, достоить[16] ему царствовати; а который покаряеть закон царства ради, побиеть его законъ. Азъ же реку тобѣ, яко же рекли преподобнии, их же наслѣдуем, иже народ ропщут на Бога, не вѣдаа мѣры дѣломъ своимъ — а онъ что виненъ? — зане же повѣдениемь непомѣрным выходят ис-воеа планиты. А про то ж реку, дабы еси имѣлъ мѣру и вагу дѣломъ своимъ, а чествовал бы еси вси вѣтви закона своего. А не отпускай ничего заповѣде закона, дабы видѣлъ весь народ вѣрование твое. А о всемь иже бы еси вѣрилъ присеръднѣ, зане же увидят ли, иже мысль твоя не единака с дѣли твоими, не похвалят житиа твоего. А про то же не опускайся ни единыа рѣчи законныи, хотя бы еси на то наложил добытку много. А тѣмь будешь любъ Богу и слугамъ своимъ.

Александре, вѣдай, иже ни зведешь собѣ того нижели величаа, повышаа учителевъ законных и учителевъ судовых. Да буди честенъ смирениемь без гордости и пространенъ мыслию, досмотряй исполна, давѣдываючися конца, и буди милосердивъ. А не свершай гнѣва своего ниже думою боляръ своихъ, зане же симъ въимешь захотѣние свое, и усилѣет разум твой. А обыскавь путь правый, и чини без мѣдлѣниа. А не буди бестуж лицемь и срамя люди. А носи порты, иже мило зрѣти на них, сими бо збудишь душю в собѣ, а будеши знаменит в людех. И

такоже подобает ти, дабы былъ еси слова чистаго и тихаго, а глас бы его тлъстъ, зань же тлъстина гласа его страшит народы и грозно имъ. Про то же мало бы говорилъ тѣмъ гласом толъстымъ, но ли к потребѣ великой, да уложат в него народ надѣжду свою.

Такоже мало бы сѣдѣлъ со всѣми слугами, по опщиньству разговариваючи и дворячи, да не бы видѣлся легокъ въ очию их, а о всем не годится с черьнью. Якоже рекут индѣяне: «Когда указуется царь народу за плохо, малит честь свою и безчествуетъ дѣла своя». А про то же не указал бы ся имъ нижели изрѣдка, въ время воевное или съ сооруженными <...> да в праздникъ великий на году единова. А тогда бы указался народу всему, и стал бы пред ними нѣкоторой рѣчникъ от думець его, наученый закону и мудрости, и реклъ бы имъ, иже государь мой такъ глаголет: «Благодарю Бога, иже есте приступили к послушеньству моему. И азъ вамъ обѣщаюся такоже стояти при вас животом своим и имѣниемъ отца своего. А молю вас над тѣмь, дабы есте были покорни закону, и слѣдовали правдивость, и понижали похлѣбъство.[17] А естли то сами не можете, скажите мнѣ, и азъ допомогу по силѣ своей. А которая вам тягость от мене видится, справѣдайте мнѣ: рад язъ хочю полегчити. Ибо не хочю службы вашея с *плачемъ*, но с радостию, яко же есми повиненъ[18] величати добродѣевъ а убивати злодѣевъ, зань же симь нарицаюся слуга Божий и его меченосець. А который чюется прѣступивъ пред мною, покайся от сѣх мѣстъ, и азъ его прииму по прьвому; а старѣйшаго молѣние исполню. А хочю терпѣти с вами зло и добро в той мѣрѣ». А симь възвеселятся мужеве, и разговорят с женами и с дѣтми своими о семъ, да възрастят младенець своих за любовь твою, и жена нѣкоими дѣлы научит сына своего любви твоей. А о сѣмъ положат главы своя за тѣбе, да отстоишься государемь вѣрнымъ, ты и дѣти твои памятию любвѣ оной.

Александре, не премѣняй обычаа земьскаго людскых словъ ради, а над всѣмь своего обычая. Да буди прилѣженъ думати, а сяк бы полегчити всякы дани и мыта гостемь своимь, зан же аще ся уймешь непотребнаго, достанешь потребнаго повышение, и богатьство царево земли его пространячи народу, не стискаючи их. А хотя бы еси имѣлъ полны съкровища злата, а не будешь ли имѣти славы добрыа от народа, то все ни за что. А славою доброю полнишь землю свою всѣми землями, зань же вси рѣчи драгии изъ своихъ земль повезуть въ твою, да наполнится народ всѣх потрѣбных своих. А симь будут ти покорни, и въсхотят тя чюжии государевати над собою, зань же они холопиа справедливости. А симь побѣдишь всѣхъ неприателей своих. Яко же рече мудрый царю своему: «Аще бы намь Богъ нашь възрастилъ от земля вси потребы наши, не превратилъ сердца своего к намъ, се указалъ намъ, иже что възрастил от земля, то не насъ ради, но скота ради». А по то же отчайся малаго, оно же видится велико с первамышлениа, да достанешь малаго с первомышлениа многаго въ умозрѣнии. А буди памятливъ и сладокъ приставающим к тобѣ и не

въсклоняйся къ обычаемь скотским или волчьим — урвати что обрѣтши, искати не потерявьши. Се есть въистину не имущи милосердиа, хотя над тѣмъ, с каго сможешь. Имѣй милосердие, да не отдалишься от добьрыа славы своеа. А не влѣгай в похотѣние свое ѣствою, и питиемь, и мужьствомъ, и спаниемъ. Мужество бо свиньство есть,[19] а лѣность преступаеть славу свѣта сего и онаго. Скотство бо погубляет душю, и зашкодит плоти, и убавит дней живота, и дасть женам владѣти над собою.

Александре, не отпускай милостных друговъ своих, лепших столечниковъ своих. Чтобы еси потешался с ними ествою и питием, а не умноживай сего дабы се трижды или четырижды в году. По сем же достойно тобѣ чествовати каждого тым, кто чего достоин, а садити кождого по достоянию, и ставити каждого в полъку по достоянию, и примовлятися им, и хвалити их пред ними о достоянию и заочне, и примиряти их, колко мога; зан же сим положится голова подле головы, и привитяжишь неприятели свои. Довати по достоянию портъ, да аще изъ своего плеча — се будеть даръ лепший и ласка яснѣйшая. А довай сребро, едином оделяй всих.

Особление же царское уменшати дворъки и смехи, зан же умножением смеховъ уменьшаеть грозу свою, а честь царская подлуг грозы его. И такоже бы водилися всякии, седящии во беседе его. А коли бы увиделъ некоего безъществующа их, вложилъ бы его в вину. А будет ли близъскых ко царю, подобаеть отдалити его от беседы царское, донде же увоимется легоглавье его. А будет ли делати се нароком, нечестуя царя или беседу его, подобаеть отдалити его удалением великим после казни. А будеть витяжь или воинъ изборный, достоинъ смерти. Якоже рекуть арапове:[20] «Нѣсть бо меж тым, что царствуеть царь над людми или царствують люди над ним — крѣпость или слабость есть». Такоже Сакулевкуасу[21] главизна о той вещи: «Налепший царь подобенъ орлу, а около его все стервище, а напущи царь что подобенъ ко стерву, а около его орлы».

Александръ, не приступають к послушенству царскому, нижели четырма вещьми: 1. Крѣпяй законъ; 2. Любовъю твоею до них; 3. Пытанием; 5. Грозою. А унятием кривды от них изведши им вси четыри предреченных. А смѣют ли говорить о тобе лихо, смеють учинити; а про то же не дай о собѣ говорити, да не даси и учинити. А иначе не отведешь дела их, нижели слово отведъ. А ведай, иже гроза умная влечется за справедливостью. Якоже рекуть фарисеи арапьскии:[22] «*Подобаетъ* царю облечи души слуг своих в грозу, нижели телеса в железа», зан же сим притяжит неприятели свои. Он бо есть подобенъ дождю, его посылаеть Богъ на жизнь земленым, и потреть корабли и порушаеть будование, и по нем снидуть молния, громы, и поплавить житья, и погубить люди и животину, и поставить футрун на мори, и

умножится злости людемъ. А ужды не воимутся люди проснти его у Бога, им же пробавятся вся цветущая на потребу им и скоту их. И хвалять Бога за сие милосердие его, а недбають о некоторой лихоты, иже пригодятся им.

Зло и добро речется на четверо: 1. Добро вселично; 2. Лихо вселично; 3. Мало зла, а много добра; 4. Мало добра, а много зла. 1-е бо — нѣсть никто, развеи Бога; 2-е бо — и не сотворено, и нѣсть *его*; 3-е бо — добро его; 4-е — зло есть. Про то же *дѣлай* дѣло свое, дабы мало зла, а много дабра.

Александръ, досмотри нищых града своего и дари их во прискорбный час их, да тии будут въ твой скорбный час *пристанны*. А сим *съхранишъ* закон свой и *пробавишь* царство свое. Александръ, умноживай скарбы житные подлуг людей своих в каждом городе. А что им поможеть мура каменная и зброя железная, не будет ли им поживления? И *розмѣрь* вежи и град подлуг бояръ своих народа, а всегда въоружай грады свои яко бы во облажении. Да аще будеть время *гладное*, но сим пробавиши царство свое.

Вторник. Александръ, остерегайся в речех своих; дабы еси не говорилъ ни о ком ничого лихого, нижели *пред* тым, кому доверишь у своей чести. А зълюбуй всякому смиренному миръ и ласку свою, и повышай тых, которыи любять правду. Зан же по тому отступять нечестивыи злодеи, надѣющися помосты твоея на собе, да будуть творити, еже имаеши очи на делех их.

Александръ, наболши и то тобѣ заказываю и много тя поучах в том, иже послушеством твоим накозанию исполняются вѣщи *твоя*. А про то же уимайся проливати крови, зан же се есть вина, достойна Господеви, ведящему тайну, а ты будешь чинити подлуг рвения ока твоего. А про то стережися о сем велми. Рек Ромас великий: «Аще сотвореный и убиеть иного по образу своему и по подобию, закричать аггели превышнии пред Богом и рекут: “Рабъ твой тот и тот призываеть”. Аще же будеть забитие крови ради иных, отвѣщаеть им Богъ: “Раба убилъ, посему убит”. Аще же в зависти человеческыя *ради* или мысли лъживыя, отвѣщаеть им Господь: “Кленуся престолом моим, иже не оставлю крови раба моего”. И не отступають аггели у каждо время молитвеное, донде же помстится кровъ его. Аще же умреть внезапу, вѣдай, иже се вины ради оноя». Александръ, досыть тобѣ, паче и всих винъ — долго седение нятцом твоим. И досмотряй о нереченном во книзе сей и о повѣдании земли своей — сие есть во книгах, сложеных о сем; и *обретѣшь* правило дѣлом своим.

Александръ, землян[23] своих, кто что имаеть, досмотряй, а чим тобѣ служить; изведаешь правосердие их до себе, и како терпить кождый тебе ради. Аще бо наложиши на мало многое — царству своему шкодить. А про то же обживали *государи святии* имения своя, дабы ведали, како накласти бремена своя на волости земляныи.

Александръ, не изведеши никакого полепшения собѣ и земли своей, не имеючи образа ея[24] со всеми реками, и полями, и болоты, вдолжь и поперекъ ведая меру ея. И такоже кождому властителю своему, даючи власть, дай же ему образець ея, переписаных людей ея, да ти дасть цѣло, каково взял. Аще которого сказил — дополнить собою, а вси суды свои переписуя, да положить перед тобою. Аще же будеть правъ, посади его на другий год; аще же сказил ти, полни шкоду свою. Сим бо уведешь и любовъ свою всих, любящих правду, и наполнишь землю свою народомъ и товаром.

Александръ, води ся з наменшим врагом своим, яко з наболшим. Да не будеть мал во очию твоих жадный человекъ, зан же будеть иногды болѣзнь мала и будеть великою, иже трудно излечити ея. Александръ, стережися изменити присяги своея да *искривити* завѣтъ свой, зан же по сему наречешися благовѣрный и законный. Да не буди се легко во очию твоих. А не простирай правици своея на слюбъ, нолны изведавши достаточно конець дела того. Александръ, ведаешь, иже одесную и олевую тебѣ духовныи, и все, что сотвориши и речеши, увѣдаеть сотворитель твой. Александръ, а хто же тя нудить преступати, не дай ему; хотя бы еси принялъ много добра таимаго — не стоить *за мало* непорухомого. Ижь ти *кленуся* живым Богом, иже не оскуде злость *Ниневгии*[25] толко за кривую присягу. Александръ, не бойся вещи минувших, или кровавых, или властных, зан же есть обычай женьскый и легкоумный. Но указуй тым ласку свою и привчай лицом добрым — повышишь дѣла своя, избудутся злости твоя.

Александръ, не речеши тако, о чем рекъ не так, *а ни не тако*, о чем еси рек тако, ниже ли приведет тя к сему неволя великая. А про то же чини дѣла свои с росмотром, и пытая рады в достойных ея, да будеши беспечален славы своея, именью своему. Зан же человечество присловѣ: *измѣшенъ бо* словом, измешень человечеством — а ведай конець сего. Александръ, не доверяй жонкам постели своея, нижели искушенную в собѣ и вѣрну животу своему. <...> Зан же еси Божий даръ народу, и пастырь телесный, и заграда свѣтская. И стережися окорму смертного, зан же сим побити некоторыи цари прежнии. А ни доверяй единому человекому лечити сѣбе, зан же человекъ единъ борздо дасться подмолвити о твое здаровье. А может ли ся стати, дабы лекарьство твое десятма человекы, — ино то лепши. А не поживай

лекарьство, но бравъ их вовместо. А ни чинил бы того, но вѣдая прирожение твое и того зелиа, чего имаешь поживати, и *замѣсъ* оного зелия, и вагу его. А пометаешь о цари индейском,[26] коли пустилъ к тобѣ поминокъ великий <...> — девку красную, накормлену ядом смертным, иже превратилося прирожения ея яко *скорпийное*. А коли бых не познал ея и стрягох тя — потому что есми видълъ у мудреца земли тоя и повѣдания их, — уморила бы тя, как бы еси ея обнялъ.

Александръ, соблюдай душю сию честную, аггельственую, зан же она есть благодать тобѣ сотворителем твоим по милосердию его. А не буди от тых глупых, что верують словом, а посему мнят ся правовернии; а не уразднишся от них нижели мудрых, беседуя с ними. Александръ, *но может* ли ти ся стати, иже бы еси не въсталъ, ни селъ, ни елъ, ни пилъ а ни починалъ жадного дѣла; нижели подлуг чтения звезднаго достойно тобѣ чинити. Про то же не сотворилъ Богъ ничего, нижели на потребу. И по сему познаъ преподобный Платон складати цвѣт цвѣту, облакати ся в них и всякии взоры.[27] А не протився словом глупым, иже вѣрять, иже мудрость звѣздная невозможно умети ея. И говорять такъже, иже *вѣдание мудрости сей спервословиа* бывало пророчества ради Бога. Также не верь, иже мудрость сяа поддана всякому, хто ся к ней притирает. Азъ же реку, иже вѣдати о премудрости сей годится. Зан же человекъ не избудется приключения искръ их, повѣдая путь ея, — якоже избуваеть студени, вѣдая путь солнечный, и приспееть собѣ древо и одежи земные, а про лѣта речей хладных и прохлади жита — и также, коли вьзвѣдают приключенныя преже прихода их, могут помочи собѣ, помолився Богу; и покаются постом и молитвою, и Богъ змилуется над ними.

Александръ, чествуй правителя своего болеи *себе*, и думай с ним о мале и о мнозе, и сади его подле собѣ, занже се есть красота предо всими, и потеха твоя, коли еси с ним наедине. Он же покрываеть омилыи твои и говорит добро о тобѣ. И зри на игру шаховую[28] и поведанье ферьзное с пешками, егда ся сьимают с нею и раставаются от нея. И се есть притча подобна вещи сей: *не вѣрь, дабы* могло царство се стоятися без правителя, зане же се есть ложь. А порсуна правителя твоего будет ти написано во главизне четвертой.

ГЛАВИЗНА ТРЕТЬЯА. О ПАРСУНѢ И О СПРАВЕДЛИВОСТИ РЕЧИ

Александръ, ведай, иже справедливость — прообразование честнейшие от прообразованиих Божиих. И царство, кому его Богъ далъ от рабовъ своих и поставилъ *его* владѣти над *ними*, и над пенязми их и надо всими делы их — и онъ им аки наместник Божий и правитель царству его; а про то же уподоблься ему всими дѣлы своими духовными и светскими,

ею же будеши близокъ. А милуя ея, наречешися и милостникъ Божий и правитель царству его. А про то же уподобляйся ему, он же есть милостив и милосердъ. И славы его, имень его боле, нижели человекъ можеть роскозати их.

Александръ, супостатно справедливости кривда, а правдѣ ложь; правдою образуется справедливость, и существо едино. А правдою стали небеса над землею, и правдою посла Богъ пророци честнии, и правдою порсуна *умова*, Богом данная любимым его, и ею же вселилася земля и наставилися царства, и приступили слуги к послушенству государевъ своих; ею же тешатся бедники, и приближаются далекии, и умирають народы от всякия кривды, и ею же *защищаются* цари от всякия зрады, *и она* прибежище их без времени. По сем же рекли индеяне, иже «справедливость царева помощна народу времени доброго». И также рекли: «Царь справедливый и пожиточней земли своей и *дожду* померного». Обретено вырыто на камени языком еллиньскым, иже «царь, справедливость — братие, невозможно единому без другаго». Избранныи же народи разноенны суть, и правда ведется межи сими единолично. *Обще тому же* народу же достоить имеючи праву вагу, и мѣру, и правый товаръ — не фалшивый, и правый суд. Избранныи же сверху того хотять вселити его правоверие во душю свою наукою и вооссоблением от пути свѣтскых. А про то же хочю ти написати два круги — *единъ* свѣтский, а другий духовный, а почнути свѣтский свѣтом, а духовный душею. А каждый от них осми частей,[29] а ими тобѣ завѣзую вси обыходы достатия их. А бых ти написал толко два тыи круги, досыть еси мѣлъ на том, зан же невозможно царю извѣсти свѣтьская, не извѣд духовная, — но ли беседою мудрою. А без того не можеть ему ни планета *его*. А все, что поминано во книзе сей издолга, — завезуется вократце во крузех сих, аминь.

ГЛАВИЗНА ЧЕТВЕРТАЯ. О ПРАВИТЕЛИ, И О ПИСАРИ, И О ПЕЧАТНИКУ, И О ГРАДОДРЪЖЦЫ, И О ТЫХ, ЗБИРАЮТЬ ДАНЕ СЕГО, И О ВИТЕЗЕХ, И О ЗАКАСЦЕХ, И О ПЕЧАТНИКОХ

Александръ, чти книгу сию многажды зѣло велми, сим бо да разумееши е. И зан же вложилъ есми в ню премудрость философии и поставих ти исполнение человеческое — что то есть ум, и как призыван в тело сие тлиемое, и благодарил им рабы свои достойно, чим же приближаются к нему — а то тобѣ потребно вѣдати, Господи дай ти то. Александръ, ведай, иже преже сего всего сотворил Богъ самовласть духовную,[30] и наполнейшую, и наподробнейшую, и вообразовал в ню все естество, и нарек ея ум. Ис тое же ся самоти создал самовластную подданную ей, нарицаемая душа. А привязал ея мудростию своею во плоть чювъствену. И поставил плоть, аки землю, и умъ, яко царя, а душа — аки правитель, ездить по земли и смышляеть о поведании ея. И поставил ум *в* месте навышшем и начестнейшем, оно же глава. Да аще

приключится пагуба души, погибнеть разум и плоть; исполнением душевным исполнится умъ и плоть до времени, Богом суженого.

Александръ, да разумей слово сие и помышляй и о сем, дабы еси уподоблялъся Сотворителю своему всими вѣщми своими, да был бы и справитель твой исполненъ духовными и свѣтскими. И думай с ним о мале и о мнозе, и приступай к думе его; коли напротивъ хотения твоего — а се есть рада правая. Якоже рек Ромос, коли пытали его, чему то рада дружня лепши своей; и реклъ: «Про то иже дума другова не облечена и-захотений». А то по правдѣ. А коли не исправится ти дума его, не спеши чинити ей и мысль о ней день и ночь. Ниже ли боятися полишити тую речь, не кончавши — но поспешай тогды. С покушением же и досмотрением изъяснится обход правителя твоего, и подлуг ласки его и *печалованиа* его о царствии его — тако будеть и дума его. А не смотри на лета его, но дсмотряй правоумья и сооружения его и поведенья его, хотя паки *вещь* ся, обыход ея, по рожеству планеты его, зан же иногды родится не в которую планиту, иже не прииметь дѣла ни наукы, что пративно планите его. Хотя бы его нужею выводили ис того дѣла, но преможеть его искра превышная.

Якоже пригодилося некоторым звѣздочетником идучи чресъ некоторый град, и стали не в которого ткача. И родился ему сынъ тое ночи; и считали рожество его и сказали им, иже дитя то будет мудро и остроумно, и маеть *думу* глубоку о вещех царских, достоинъ правительства. И дивилися ему, и не козали отцу его о том ничого. А коли уже возрасте отрок той, и пристали родители его учити реместву своему, и не восхотело прироженье его приняти ничого того; и ни нудили его велми и отреклися его. И пошед от них, и учился мудростем и философии свѣтьской, и был справителем у некоторого царя. И противъ сего о дивного прирожения дѣля звѣзднаго — что ся пригодило при роженью сына царя индейского. Иже было подлуг планеты его быти ему кузнецом, и *утоили сие* у царя. А коли возрасте царевичь, и печалися царь, и нудили его учитися премудрости духовной и светьской. И не склонилъ сердца своего к сему, толко реместву кузнеческому. И было жаль царю сего вельми и собрал звѣздочетниковъ, иже были во времени его, и сказали вси, иже исъкра звѣзды его привела его.

Александръ, не *попережай* ничим, нижели испытавъ рады правителя своего. А не отступили прежнии от того слова, иже ради — верхъ накозанию. И во поидани перьском писано, иже некоторый царь думалъ с правителем своим в тайне великой, иже на немъ столпъ царьства его. *И рече единъ от правитель его*: «Не подобаеть царю, дабы думалъ с каждым от нас о головной думе своей, нежели с каждым от нас особно». Зан же чим будеть тайна покрыта, будеть дума царева славна, и беспечална, и уготована ко исполненью; и менши переказу в ней,

зависти нашей межи собою. Якоже рек премудрый: «То есть тайна, что межи двема, а что межи трема — то несть тайна».

Александръ царь, про то же достовай тайницю неприятеля своего всею силою своею. А то собѣ не звѣдеть, но ли *намъздяючи старѣйших*, что въ его домѣ, имеючи купцовъ розных языковъ, что ездять вь его землю: зан же сим одолееть несилный силнаго. Рек *Ватисто* еллин:[31] «Пребываеть царю силы думою правителевъ его, яко прибываеть море реками, что теку в него. Достанеть хитростию и думою болши, ниже силою и витезми». И укозал единъ от царей перьских сыну своему, здовая ему царство свое за живота, и реклъ ему: «Подобает тобѣ родитися, зан же *ты одинъ* в людех. Радися с тым, кто в чем бывалъ и смиренъ, и свершенъ умом своим и повѣденьем своим, и любить тебѣ сердцем своим, и поставный словом своим, и говорить о твоей чти за очима, и пространенъ мыслию, не досветчень в недоверяи царству достойному и законному. Но скажет ти неведомое твое, не допустит ти с неприятелем твоим клопота, чтобы не утешилъ его, а ни врагу твоему на тя шоптания, чтобы не отвел его».

А не въимайся царства своего деля, дабы еси не приклал думы своея к думе иного, будет ли дума твоя урядна. Но сим научайся прикладати думу свою со иною думою, аще пременится от думы иного, — *досмотряй ей*. Будет ли урядна, — приими я, а будет ли неурядна, — приостави ея. И так же искуси правителя своего — указываючи ему потребу свою до скаръбных речей. Радит ли тобѣ выдовати что во скарбех, буди се легко во очи твоих, зан же любить с прирожения прятати скарбъ. Аще же ти радить взяти товаръ народовъ, вѣдай, иже злонравенъ есть и отстудить тя всим, а в том пагуба царству. А стравит ли того, что добыл у тебе, накладаючи на полепшение твое, вѣдай, *иже* дасть и живот свой за тебѣ. А налепший правитель — что приступаеть к послушанию твоему, а любить здравье твое, а *не* похлебуеть тобѣ, и мерзокъ *имать* свѣт сей, и ласкы для твоея даеть живот свой, и все, что имаеть, наполнити волю твою.

И были бы в нѣм нрави сии: 1.Дабы был цѣлъ уды своими, угоден к тым дѣлом, что надобе ему до них. 2. Чтобы был розумен и мудръ, доведаяся борзо, что ему укажет, помятлив <...>, росторопенъ, послушенъ, побачить тую речь, что конець ей. 3. Чтобы был добровиденъ, праводейственъ а не бы был *бестужь* лицом. 4. Чтобы был приветенъ, доброго языка, чистого, сказати похотение свое словы краткими. 5. Чтобы был хорошим одеянием, быстръ во всих премудростех, а надо всим во премудрости численой зан же она наостряеть разумъ и полепшаеть, яко соль и перець, ины что полѣпшаеть еству. 6. Дабы был верен словом своим и любить правду, даеть и берет ценою, и мерою, и вагою и прославленъ добром. 7. Чтобы не был опой, ни ожиря, ни поробник, и отдаляет кохание и маниячество. 8. Дабы был щедръ, и

промышленъ, и любит честь, и *низкого* духу. 9. Чтобы *были* пенязи и вси речи светскии легьки очию его; не клял бы мысли свои толко в тое, что честь царю, и прилюблял бы его людем. 10. *Чтобы любилъ* справедливых, и омерзял кривду, и сознавая правду праведному, и милостивъ покривденому и пообиденому, а не брал бы мзды ни на кривду, ни на правду, а не премолвил бы жадный человекъ на то; а не имелъ бы дружбы со лживыми, — ни со лживыми, ни со обидолюбци. 11. Чтобы крѣпился дѣлы своими и в том, что положил в *думѣ своей*, и дал бы живот свой на то; а не был бы мякосердъ, но храбръ и помятливъ во войнах. 12. Чтобы был скорописець, а не *шепетливъ*, и ведал бы накозание преже дней иных, и поведания царская, и обычеи иного закону, и повѣдания витяжьская, и местьца *слуг твоих*; и чтобы был роду того, чтобы племя его были правительми или столечники; и бывал в безвременьи или в чюжих землях. И такого же подымай в такую честь, и онъ вси дни свои будеть покорен тобѣ, и потоить тайны твои, и не восхочеть тобѣ жадного лиха, про то же распометается на урожение свое, и на очество свое, и на тыи речи предреченныи и воимется от сего. I3. Дабы не был рад говорити о безлепици, и пересмешливъ, и соромотя люди, оманывая люди и скрадя разумь их. 14. Чтобы был не кушал вина, нижели з лекарьскими речми нужою в немощи, не любил бы *лѣнивьства* и глупости. И печалил бы ся день и ночь привечати люди и полегчати мыслей оных; дабы дом его отворень всякому пришелцу и отшелцю, чего надобе сем; и да разумеють речи их, и послушаеть дѣла их, и тѣшить трудниковъ их, и подоимаеть бремя их; дабы был набоженъ, веруя речи Божии. А не вставляй правителя, нижели кто вѣсть вѣру твою и дръжить обычай закона твоего.

А вѣдай, иже сынъ человеческъ честенъ у Бога изо всего свѣта нижняго, а сотворение лепшаго не будеть, пущи его ради. Мы же сами второмышлением искрам небесным, а с ним ставятся обычаи и *прироженииа* замесу нашему телесному, зане же они привод, а мы приведени от них. Человекъ же первый всим живым честью, а последний всим замесом своим; а часом сотворенъ, а часом гинет. А про то жь несть того обычая въ каждом живом, чтобы не было в человецех. Храбръ како левъ, боязнивь яко заець, щедръ яко куръ, скупъ яко песъ, гневливъ какъ воронъ, бегаеть людей как рысь, приставаеть к ним яко голубъ, збойливъ яко лисица, простъ яко овца, борздъ яко елень, амешкаеть яко медведь, лепъ яко слонъ, уничижается яко оселъ, разбойникъ яко ногь, гордъ яко пава, блудить яко струцел, упрям яко синица, трьпяще яко свиния, смутенъ яко зелюля, хробрует яко конь, ховается яко мышь, очютливъ яко пчела, тужить яко поук, смиренъ яко мравей, мьститъ и враждуеть яко верблуд, повадливъ яко мескъ, нем яко рыба, пищить яко соловей. А наболшии *остерегаю* тя, дабы ся еси не стужал ни жадному человеку на свѣте. Зан же глава умова — познати истиннаго Бога, а потом — любити рада по чину добра и лиха.

И також заказую тобѣ, чтобы не был правитель твой велми бѣлъ, а око *зѣкро*, ли чернъ а око *зекро*, или страховиден. Александръ, варуй ставляти правителем некоего племенника своего или ровню своего во очине. А служит ти, а ни доверяй им ни в чем от дѣл своих и стережися их, яко скоръпий индейских, что забивають посмотром своим.[32] И наболши что к тобѣ будуть близки, болши ти будуть шкодити. Зан же ревность их до *тебе* болши чюжих, зан же вси мнятся такии же, яко ты, а не верят, иже царство ти Богом данно; а про то же не досыть им, али же имуть душю твою. А помятуй ся вельми зѣло. Александръ, вѣдай, иже се привязано во прирожении, досвѣтчено парсуною и покушением с перводеяния мужми праведными. А се было в начале миротворение, иже завистию убил Каин Авеля, брата своего.

О писарех и о печатникох рек. Александръ, достоить тобѣ выбрати собѣ писаря писати листы свои таких, иже образують умыслъ твой и сознавають болши иных о доброумъи твоем и расправности умысла твоего всякому досмотряющему в ню; иже не увидишь по них жадного ущепления о расказу умысла твоего. И да недосвечный в посягнении за чюжее. Зан же *ими* закрыта будеть тайна твоя, а сим усилееть царство. А не имущы тайници — не имущи силы, ни чести. Зан же слово исходить з умысла, а говорение его — се есть телествие оного слова, а писмо — образъ его. Якоже красну словесну быти добровидну, тако же подобаеть тобѣ, чтобы еси выбрал от писаревъ, хто бы сказал вещь твою исполна словы красными, писмом хорошим. А про то же писарьство — и краса твоя. А не хваливалися цари прежнии, ниже писарми своими, а не уступали на степень честный и превышни толко ими. А про то же как коли он толкуеть умыслъ твой, и смышляеть о тайнах твоих, и прославляеть честь твою по всих беседах действы своими, а тако же прислухаеть тобѣ чествовати его явно во всих делех подлуг службы его и смыслу его, не толко руки его дела.

О печатнику его. Александръ, *вѣдай*, иже печатникъ — скарбник чести твоей и *первой* по правители. Про то же выбери собѣ носити печать свою мужа, имуща в собѣ духъ радный и храбрый, и не было бы подобия лихого парсуною, яко же ти напишю. И был бы достоинъ стати на спици, и полкъ расправити, и посольство, и знал бы суд судити, и такий же законникъ, как и ты. Был бы совершенъ сими обычаи, еже ти напишю:[33] 1. Дабы был человекъ, ученый писму своему, и вѣрил святому Писму по достоянию. 2. Дабы не был упрям и любяй прю, ерамота людемъ. 3. Дабы был веренъ словом своим и заховал тайну братьи своей, опроче твоея шкоды, а о всем — твою тайну. 4. Дабы был промышленъ знати *хитрости* печатныя вселично и хитрости писменныи, и впадныи, и гретыи, и *парсуну* листовую по достоинъству всякого человека,[34] и давати записы земския по достоянию, и знати порсуну жадную, кому то он даеть записъ. 5. Дабы не был опой ни поробник, сими же прельщаются вси силни и мудрыи. 6. Дабы миловалъ честь градскую вышши сребра и злата а не брал бы мъзды. 7. Дабы был покорен и справедливости и дапомагатель сиротам и вдовам и боронил

их от обиды. 8. Дабы был пиленъ приказанию твоему, и честь поведанием одеяния своего, и згоде братьи своей всей; зане же онъ яко бы часть сердца твоего, и честь твоя при чести его. Про то же постави доброту свою при добротѣ его а милующих тебе милуй по достоянию их чести своея ради. А может ли быти, дабы был *правитель* твой то и печатникъ твой, и писарь твой — ино то и налепшии, и тайна твоя безпечалней.

О градодръжцы. Александръ, достойно ти вѣдати, городы свои держати тому, кто исполненъ всим тым, чим печатникъ твой. А на то чтобы вѣдалъ, колко людей прислухаеть к городу тому, и чим ся имають покормити до году, и как переживають во облежании, крепити город твой вежами, и горами, и мурою, и всякою обороною *градскою*, и ведати сооружение города твоего в мирный час, яко и не в мирный; и бывал бы по чюжим землям. И природенець бы земли твоея или от неприятельския земли и неприяеть неприятелю твоему, якоже ты сам. И судить *суды* свои изс книгъ, а кладеть пред тобою; а не прославленъ во кривде и во обиде и не позсягнеть за чюжее.

О моршалку его. Александръ, выбери собѣ на моршальство воина и храбра, и добровидна, и приветлива воиномъ твоим — зан же они милостники твои. Про то же бы не простирал рукы своея ни на кого же от них, а не был бы гордъ никоторому им, ни соромотил бы их и ни словом, и росправлял бы судьбы их, не допуская до тебе, и далил бы ся ганбы их, и был бы ездокъ по чюжим землям, и видал обычаи царьскыи, и был бы роду подобного его; и смел бы главу свою положити о чести государя своего. И уряденъ порты своими, и богобоенъ, не обидяй сироты и вдовъ, и достоинъ в посольствѣ да таких, яко государь его.

О тых, кто перечитаеть народы и расмотряеть обиды народовъ. Александръ, подобаеть тобе на кождый год вѣдати, абы тобѣ каждый человекъ давал головщину от себѣ и от слуг своих: пенезь наболший от себѣ, а от жонокъ и от детей — пензь наменший, дабы еси ведал, колко воиновъ имаешь в своей земъли, и колко людей посполитых, и колко богатых, и колко убогих — чим кто тобѣ достоинъ служити. А не дѣлай сего дѣла ниже людьми, вѣрными до себѣ, и пременяй на кождый год иных бо всих тых, кто серебро твое выбираеть. Зан же сим отведешь ревнование от слуг своих, изведаешь кождого, вѣрного до себѣ. И тако жь не можешь владѣти ими, нижли имети каждому заказу другого такова, а сим не будешь знанъ никоторым слугам своим. Александръ, подобаеть ти *имѣти* особных своих мастеровъ, что умеють направити каждую изброю; и всим умножити пушечниковъ и всяких стрелцовъ.

Кто збираеть дань. Александръ, ведаешь, иже народ — скарбъ твой певьный, иже погибель твоя погибелью их, царство твое ими *пробавишь*. Про то же мни собе их яко сад, а товаръ их яко насеяние и корень того саду. А сказиш ли корень и *сѣмя* — чим поставишь существо *породу* и по подобию? Но якоже милуешь царство свое, так милуй честь их и *отимай* речи, которыи иже *не* заживают им. А был бы тот *зьбиратель* твой искусен в вещехъ, и богат, и не драчливъ, дабы брал овощь, а не уломил бы вѣтки и не усушил бы кореня. И был бы добронравенъ, и смиренъ, не гневливъ; а не будет ли сяковъ, отженеть от тебѣ народ, а сим сказить умыслъ царский. И также не приставляй многих брати сребро свое, да не будешь шкоденъ.

ГЛАВИЗНА ПЯТАЯ. *О* ПУТИ ЕГО, И О ТЫХ, ЧТО НА ПУТЬ ХОДЯТЬ ОТ НЕГО И В ПОСОЛЬСТВЕ ОТ НЕГО, И О ПОВЕДАНИИ ПОСОЛЬСТВИЯ ЕГО

Александръ, подобает ти имети зерцало дорожное, и образ мира сего, и обычаи земскии; сим уведаешь, како имаеш ся сооружати путьми своими. Вѣдай — наразумит тя Господь — *иже* посланный свидетельствуеть народу послателеву *на разумъ послателевъ*. Посланный бо — око послателево, чего сам не дозрить, а ухо слышить, чего послатель не слышить, и язык его заочный. Вѣрен приятелю своему, и любить тебѣ, делается всякое речи ганебное, и не *опой*. *Такова шли* <...> и приказуй ему речи свои, да ведавъ поведание твое во иной вѣщи. А не приказуй ему о небывшей, зане же можеть пременитися воля твоя в тое, что лепшии хотелъ его тогды. А не будет ли свершенъ оным предреченым, но дсыть нам, чтобы был веренъ, да не приложил бы ни унял бы слово твоего, и мало бы говорил о поведаньях твоих, и остерегал бы ся опойства, и всего похлебьства, и говоренья с недостаточным. А да разумел бы, что *слишит,* и умел бы отповедати на то. А не будет ли сяковъ, ино толко бы веренъ былъ и донеслъ бы листы твои, да кого посылаешь его, и чтобы принеслъ тобѣ отвѣт вѣрный.

Александръ, побачиш ли на своем посланнику, иже среболюбець и мздоимець, не шли его, зан же можеть соблазнитися, и взяти даръ великий, и стратить тобѣ много велми. Якоже чинили персове, иже пред каждого посла приносили вино и, подпоивши, приносили перед него сребро и злато и ведали, иже тайница государя его открыта. А захотел ли у них нечего, и присылали ему жонкы красныи, дабы ся открыла тайница его. И также написуй посольство посланнику своему, и вси обыходы его тамашнии, колько можешь, а слово присланных до тебѣ а также *написуй*. Отпускаючи их от себѣ, посади и учестуй по достоянию, и пытай, чтобы ся роспометал во всѣм посольствѣ своем. Но будет ли пременяти умыслъ оных речей своих, вѣдай, *иже* дума государя его несовершена. Не довай ему много быти у себѣ, дабы не вѣдал обыходовъ твоих. А не может ли ся стати тобѣ, чтобы еси борзо

отпустил, но замышляй на него пиры пирити, дабы утаена тайна твоя от него. Не укладай надеи своея на слово, изменяющих слово твое, и мздоимцовъ, зане же сими изменяются умыслы твои. Александръ, остерегайся посылати правителя своего а не отдаляй его от своих очей; и зан же се искажение царъству твоему.

О ПОВЕДАНИИ СЛУГ СВОИХ, И БОЯРЪ, И ВИТЯЗЕЙ. ГЛАВИЗНА 6. ПЯТОК

Александръ, досмотряй кождого слугу своего, какова пильность его до тебѣ, и мужность его межи братьи своей, и ревность обыхода его и з дховными людьми, и свѣтьскими. И на сякова надейся, иже дасть живот свой за тебѣ. Не приими к службе своей *близко* и *в раду* свою *чюжеземцовъ*, ножели извѣстных тобѣ, а варуйся приимати милостника неприятеля твоего, и заговариваеть за него или ведет ся обычаими земли неприятеля твоего. Александръ, не уймешь от лихих дѣлъ слуг своих, нижели урядивши обход их питьем и ядением; и потешайся с ними <…> стрелбою и речми витязскими одинъ день в недели, абы еси *видѣлъ*, кождого году как во своем деле. А онъ будет приучен служити тобѣ тымъ, чим же имаешь витяжити неприятеля своего: а того жадай на них, не иного болшии. А не смотри на отчину их, но на дела их. А повышай ласкою своею к лепшим межи ими, зан же приведешь их к тому, же поидуть из далекия земли навыкати, чим бы имели налепшии послужити тобѣ. А варуйся зле велми *платити* службу их: и указатися смутен, видяще шкоду их, и призирати кождого в болезни его, и накладати на него всякими речьми лекарьскими, и делати им честь по животе их по достоянью. А се есть корень ласки твоея — прилюбити к собѣ слуг своих, которыи же, сие видя, и дадуть радостию каждый животъ свой за тебѣ; а сим притяжишь неприятеля своего. Александръ, не давай никакия згрои воином своим, нижели ховай про потребу их в своем скарбѣ; а осмотривай однова на неделю. И дай ея в руки верного, имеюще боловати ея. А суди судом праведным и борони их от каждыя ганбы, яко и сам себѣ, занеже се есть честь твоя.

О боярех его. Александръ, ведай, иже бояре — крѣпость земная и честь царская, и дети их прироженейшии ко службе твоей. Ими же самъ исполнишь *думу* твою и надеженъ еси, коли выедешь из земли своея; [35] и они — мура крѣпкая народу твоему. Про то давай городы твои достойнейшому от них и старейшому службе своей. А не соромоти явно и честуй кождого словом добрым и порты с плечь своих. А варуйся зѣло велми понижати, кого еси повышил, но ли по винам его, повышати не по заслузе его — се есть воистинну глупость и вѣщь та, что отгонить от царей славу их добрую. И такоже *милуй* дети ихъ по достоянию, и приближай и ко службѣ своей и болши чюжеземцов непокушеных. И оставляй каждого на очине своей и на выслужении своем, сим бо умножишь любовъ их до себе, и научить сына своего отець положити

главу свою за тебѣ; и не восхотять иного государя над собою, нежели тебѣ и сына твоего, по оной велицей ластѣ твоей. Александръ, вѣдай же кождого боярина своего и печать его; а се подобаеть ти некоих вещей ради, нужных царству твоему. И досмотряй достоиньства каждого человека к службе своей, ни земли его, ни роду его. Якоже рек Ромасъ: «Буди сыном кому хочешь, коли еси мудръ. Занеже нѣсть проку в роду без мудрости и достоиньства своего».

О витязех его. Александръ, витязи — начестнейшии во царстве и укрепителеве земли своей. А про то жь учини собе поведание налепших *о съоружении их*, дабы ти извѣстно о далеком от них и о близком от них. И сим будешь беспечален, кого от них посылати и на каго наложити полкъ свой, но постави собѣ числом которѕм хочешь. Иже наменший во царех — четвертый, зан же страны свѣта сего четыре; и перед и зад, правая и левая; по сему же восток, запод, полдне, полнощь. И всякий царь не обладаеть вѣчно то на четверти. А восхочешь болши — но до десяти, зан же десятма наполняются четыре оно жь: единъ, и два, и три, и четыри. А наменший царь на десяти столечниковъ, а под каждым столечникомъ десять бояръ, а под каждым боярином десять урядников, але будеть тисяча; и будеть под каждым десять головъ, а се будеть тисячь десять. А коли будешь потребенъ до тисячи, повели одному столечнику — да призоветь бояръ своих, а бояре урядниковъ своих; да изведешь волю свою вократцѣ. И так же, будешь ли потребенъ до ста или до десятка, указуй тым, кто над тыми; да будет ти легко водити их, зан же каждый укажеть тому, кто под ним. А постави правителя над витези человека мудра, и верна, и не горда, и терпяча, и россудна, и знающа порсуны, знающа повѣдания витязьска, и чѣм даровати кождого витязя. Сим бо направи дела их, да будеть каждый иметь смыслъ, как ти послужилъ, а не довай малому великого дару, а великому малого дару. А иже честуй златом и камением драгим не иных слуг своих, толко правителя своего, а заховай их во чести земской и дворьской болши иных слугъ своих и проче правителя своего. А всѣ, что писано чинити слузе, *чини имъ* и привитай их словом добрым. А который ся во чти не поведеть — карай его тайно, а не оставит *ли* лихого обычая — и скази его явно пред братиею его, а не оставит и — *пусти* его прочь. А подобаеть им, дабы тя чествовали и боялися болши иных слуг твоих. А не приступали бы к тобѣ близко, как приидуть пред тебе. Не умноживай говорити с ними явно, а о всем потай, а ни с жадным честником, или гостем, или з незнакомым, зане же се приведеть тя страсти царство свое, якоже сталося Тамостиосу царю[36] и иным прежним царем.

Научи их приносити прошения своя на писанных листех, а присылали бы до тебе людьми, достойными дела сего. И всякий листъ прочти его пред правителем своим и гетманом своим, будет ли о воевном деле. А будет ли годно досмотрети его и наказати на то, и ты *откажи* и напиши его на другой стороне того же листа, что пустил к тобе слуга твой; и весь род его будѣть ти служити всим сердцем своим. А еже не годно

писати, откозуй словы добрыми. И бывай веселъ с ними во зьстатии и в беседе гостиной, зан же они *весели* симь и честуются тым. Умножится любовъ их к тобѣ и к дѣтем твоим.

ГЛАВИЗНА 7. О ПОВЕДАНИИ ВОЕВНОМ, И О ОБРАЗЕХ ПОЛКОМ, И О СТОРОЖЕХ; КАК ПОДОБАЕТ РОСПРАВИТИ ВОЙСКО, С КИМ СЯ БИТИ И С КИМ СЯ НЕ БИТИ; И О ПРЕМУДРОСТИ ПАРСУННОЙ; КАКО ЗАХОВАТИ ЦАРЮ ЖИВОТ СВОЙ ПИТИЕМ, И ЯДЕНИЕМ, И СПАНИЕМ, И ПОРТЫ. СУББОТА

Александръ, не вымыкайся в лихое место на войне и прилепися в наболших от беседы своея. И был бы полкъ твой сооружение всих полковъ людми, и нарядом, и местом лѣпши первого полку, и людьми искушеными, и непробегивалыми, и бывалыми в далеких землях. Про то же посылай прироженцы земли своей в далекии земли, дабы ти приносили поведание воевное, и обычаи царскии поистинне, и *вѣдали* бы вси притчи воевные. И вси потребы пеших, и конных, и стурмных, и всяких заховай во чести витязьской предреченной. А который тобѣ принесеть писмо неправое или о поведании земли твоей, или о поведании тебе самого — отдаль его от земли своей. Сим бо накажеши слуги свои, и искрѣпешь правдолюбцевъ, и обратишь грѣшных во спасение.

Александръ, буди не знаком всим, что у войне твоей. А буди вбран в доспех тайный; а может ли ти ся стати тобѣ, чтобы еси *спалъ* убранъ — чини ти тое. А *не* чини так, как чинивали цари глупыи, что указывали ся на войне. А се азъ присегаю тобе: иже николи не минеть видевшеся царю со царем, дабы не мыслилъ о соблажнении его. А се обретено Писмом в начале свѣта, о *дѣлѣ* Каинове со Авелем, братом своим. Зан же зависть и любовъ свѣта сего приведеть к сему, что есть власть; по прирожению свѣта сего подобаеть варити его. И ведай, иже война тѣлом и душею, *сложени* со дву привращеных и уставляющих друг на друга. Душа же их тожде надеется каждый привитяжить, тело же *их съоружение* обоих полковъ, *сей* сопротиву сего; а коли бы не мелъ надежи взыскати, разошла бы ся та война; прок же ей, егда одолееть супостата своего. А про то жь умыслъ свой положи скрѣпити сердце воиновъ твоих; и слюбуй имъ, иже ты изыщешь; и кажи им, иже имаешь доводне се; и умножи им оружие, иже биеть здалека, яко ти напишю. И стал бы законоучитель твой и рек бы им твоим словом — а сам бы стоял тут же во смирении великом, — жалуючи со слезами о кривду супостата своего и *обѣщающи* им кождому ласку свою лепшии первое и кождому помнити доброту его и чистое сердце его. И слюбуй им, иже *заховаешь* их вѣчными слугами, и оболши им дару своего, и учинишь из селянина боярина, а з боярина витязя. И скажи им, иже писмо и поведание земское *пишет* о тых, хто покинеть государя своего на поли — ущепенъ чти и *вѣры*. А законникъ твой указывал им *долже* сего поучением

законным, и поститися, молити Бога боязнию и з смирением, зан же сим избудуть скорби и печалий, *находащих* на них.

Александръ, не бийся, нижели в поли или в месте высоком. А будет ли воеватися с тыми, кто выйдеть к тобѣ на полѣ, но заставляйся щиты надежными и сторожою певною въ дни и в ночи, дабы не нашелъ враг твой внезапу да превитяжить тя. А не ставляй шатра своего нижели в месте надежном, яко бы гора и подобно мѣсто, и близко воды. И умноживай корму дорожного и дровъ, хотя ти не нужно надобѣ.

Александръ, приучи кони свои гласу пушечному и зверем диким, дабы ся не бояли ничого, сим бо привитяжьшь неприятеля своего. Каждый бо копейникъ твой имѣл пищаль у копья, дабы на *сустрѣчении* и огромили кони неприятеля твоего и скрепя сердце воином твоим. Дабы были витязи твои разноличнии: иный бы стрелець, а иный копейникъ. А коли пустишь полкъ на них, то шли с ними слоны и туры,[37] иже в них стрелцы великии и пушечники; внегда будеть им страх, да окрепится сердце их с ними. И раздра войско свое числом подлуг неприятеля своего, и ставляй одесную людей воевных неотступных, и олевую — пушечников, и пищалниковъ, и стрелцовъ огненых,[38] и образовъ страшных, яко учинил есми тобѣ, коли еси бился со индеяны.[39] Иже слуху оного страшного ужаснулося сердце их, и замешалися кони их — а то все сосудми оными предречеными. Подобаеть же тобѣ, дабы еси приразил их и вѣдалъ сооружение оных людей и пушок оных — се будут боятися тебѣ, зане же коли познають на тобѣ, и делати дело свое с умыслом налепшим. И росмотривай народу неприятеля своего; а место, которое хворейшее, оттуль починай бити его. И поведися статком, коли расправляешь войну; а сам убранъ, а около тебѣ люди храбрыи и вѣрныи. И ставляй сторожовъ бывалых во всем. А николи не видали несмо, коли которую рать биють с одного конца, дабы сердца не ужаснулося другого конца. И ставляй подсаду многую со огнем и гласы страшными, занъ же се крѣпость великая твоим воиномъ и страна великая войне, зан же ужасиши сердце супостата твоего. И чини сосуды страшающи конем своим, имже замешаешь кони неприятелей своих. И умножишь собѣ вельблудовъ про беремена путнныи и про страх коньский.

О войне. Аще же воеватся будешь с городом, учини собѣ пороковъ[40] много великих и накидай онъ град огню, и камения, и запаху лихого; сим же порушаешь муръ их и пременишь вѣтры их. И учини собѣ судно рушати *муръ*; а стреляти <...> стрелами, мажючи ядом; поставъ лук коловоротный на них,[41] зан же сим ужасають сердце будущих во твержах великих. А в ночи преступ *тых*, которыи не умеють битися, и всѣх грецовъ своих докучати им и мешати сонъ их. А остерегайся всякиа притча ночныя, а *не* ставляй гетманом и спичником[42] мяккосердых. А можешь — чинити вся гдѣ твоя хитростьми, зан же

корень поведеный воевного хитрования. И положи битву конець всимъ дѣлом, яко индеяне хитры, а не злосердыи турковe, сердыи и глупыи. А про то же достойно воеватися с каждыми людьми, как ся *годит* с ними. А не отпускай малой речи одновъ будеть велика, але розмысль о ней преже прихода ей до тебѣ.

Числа имений.[43] Вѣдай, Александръ, иже тая тайница, иже ти есмь казывал, коли еси раживался противъ неприятеля своего и коли еси посылалъ некоторого слугу своего. И се есть тайница Божья, еюже помиловалъ нас; азъ же искусих его, обретох помочь его и бых *корыстенъ* в нѣм. А ты дапытывался его на мнѣ, я таивал его на мнѣ от тѣбе а указывал есми тобѣ помочь его. А нынѣ открываю ти ея над тым, абы еси никого не вчил; но не выходи сам противъ неприятеля своего, не ведавъ числом, иже одолеешь его. А не будет ли число твое, яко их, и ты пошли слугу своего, счетьшы имя его, дабы число его вышши неприятеля твоего. Но первого чти имя свое а мечи по довати, а что ся останеть от имении твоего или сама девять — ховай его. И тако же сочти имя супостата своего и мечи по девяти, по девяти, и останок храни, дондеже досмотришь у «вратех», еже ти напишю, числом. А коли обретѣшь, вѣри мнѣ, иже истинно есть помочью Божиею.

ВРАТА ПЕРВАЯ. О ПРЕМУДРОСТИ ПОРСУННОЙ. НЕДЕЛЯ

Александръ, ведай, иже мудрость сяя нужная царю болшии, нижели иному человеку. Зан же ему человекъ якоже посудия *каждое* <…> мастеру своему; а не будет ли мастеръ знати посудия своего велми гораздо, и не зведеть дѣла своего достаточного. И тако же вѣдаешь, иже прирожение мудро есть, *непразднодействяно*, но действо его со многим добром и с *малымь* лихом. А про то же неверность *нашу чинило* нам, посли то всим многим человеком, иже ходять, а лица их закрыты. Аще коли рознимся портьми, Александръ, обрести истинну легко есть страною возможною и достойно, и тяжко есть страною невозможною и недостойно. А ближний разумному тишится разумом, он же есть благодать Божия и знамение милосердия его над ними. А про то же вѣдай, иже мати детяти аки горнець вариву. *Слианиа* же пременяються по рожеству,[44] прирожения же применяются по замесу.

О белости. Бѣлость же безмѣрная со очима *зѣкрыма* и быстрыми без меры — сказание безтужьство, прельщению, и прелюбодеяния, и легоглавия; а зри на люди немецькия,[45] имущи сотворения сякая, коль дурны и безстужы. А про то же стережися всякого, имущи око *зѣкро*, а сам презлишь *бѣлъ*. А будет ли еще к сему еще широкочел, и *скудоборо*д, и влас главы его густъ, стережися его, яко скорпеевъ индейскых, *иже забивают* позрением своим.

И та же есть въ очию знамение — можешь не омылитися ими и увѣдаешь доброволие и гнѣв каждого человека, смотрячи на очи его. А нагоршии очи, что походило на *зѣкрость* ферзину. А еже очи его велики и вылезли — сей есть ревнивъ, и ленивъ, и бестуж, и неверенъ; а будет ли еще сини — *онъ* будеть еще напущый; а не можеть быти, чтобы око его не было зло. А еже очи его середнии, и мало глубоки, и *сурмисты*[46] или черныи — се есть расторопотный и разумный, другулюбовый. А будет ли яко осокою прорезаны — се есть прелестникъ. А будет ли подобни к очима животным, и станут яко бы стрелы, и мало подвизаются, и мало зрачнии — сей есть глупъ и грубого прирожения. А хто двизает зраком чисто своим — се есть фалчивый и хитрый тать; а будут ли к *сему* фворы — но се есть крѣпокъ и не щадить живота своего. А будет ли около ей тычки — сей есть потаенъ и вѣдаеть много. Александръ, коли увидишь человека, что смотрить на тебѣ много, а коли поглянешь на него, зазрится, и зардится, и засоромится, будеть яко бы веселъ, и навертятся ему очию слезы — вѣдай, яко боится тебѣ. Над всим будет ли во очию его знамение добра предреченная, а посмотришь на него, и онъ на тебѣ бестыдно и без боязни — сесь держить тя за мало и ревнуеть тобѣ, — не верь ему. Александръ, стережися *недородковъ*, яко же стережишися неприятеля своего.

О власех. Власы грубые — указание на крѣпость мозгову, сердечную. И влас мяккый указуеть мягко сердцо, и стюдень мозгову, и малоумие. И множество влас на плечех и на шии указуеть на скотство и глупостенъ; а также мнози власы на сердцы и на чреве указуеть прирожение скотьское и малолюбие до правды, а многолюбие до кривды. *Смядость* преизлишняя — указъ на глупость и многий гнѣвъ скорый; власы же и смядыи — указ на разум и правдолюбие, межи сими двѣма.

О бровех. Аще влас их густъ — указъ их на леность и грубое говорение. А коли будеть бровъ уподоблятися белости и тонка — се указуеть на гордость. Бров же померная и черна — се есть ростропотенъ и разуменъ.

О ноздрѣх. Ноздри же тонъкии — указъ на мягкосердие. Долгии же близу устъ — указъ на кротость сердечну. Долгии же простыи — указъ на нещажение. Надутьеи же — указъ на гнѣв и упрямство. Толстыи же посередине — а право сей указ есть на поставность и неисправедливость. А налепшии — ино что не испрямо долгьи толстиною середнею — и *доброуменъ*.

О челе. Чело гладкое, не видѣти жилъ его — указъ на сваръ и клопотание. Чело же середнейшое шириною и выпукнением, и жилы его знати — се есть вѣрный, и друголюбивый, и растропотный, и остроумный.

О устех. Уста широкая — указь на крѣпость сердечную и много ядения. Губы же толстыя — указь на гнѣв и глупость. Среднии же, черлены велми — указъ на правосердие.

Зубы же выпуклы и частыи — указ на твердость, и хитрование, и *невѣрность*. Зубы же правыи и редкии — указъ на разум и вѣрность.

О лицѣ. Лицо много мясом надутыи челюсти — сей есть глупъ, грубого прирожения. Лицо же худое, желтое — сей есть злый и прелесник, недоброхотен. Долголикий же человекъ — безъстужий. И выпуклыи же голубцы и надутыи жилы — сей есть гнѣвлив.

О ушию. Ухо великое — сей есть грубно тяжекъ мыслию. Ухо малое — глупъ и чюжелюбець.

О гласѣ. Глас толъстъ — се есть крѣпкосердый. Говоръ же померный, борзостию и толстиною, — сей есть разуменъ. Говоръ же борзый, а наипущее — коли еще тонок к тому — сей есть безъстужь и дуренъ. Глас же грубый и толстый — се есть гнѣвливъ и злонравенъ. Глас же смутный и гидкый — сей есть ревникъ и хитрован. Глас же гладкий — се есть легкоуменъ и гордъ; вертький — сей есть поставный и збойливъ. Хто же ростропотенъ в седении своем, и слово его сполно, подвизаеть рукою своею, говорячи, в час подобный — сей есть полонъ в разуме *своемь* и веренъ в делѣх своих.

О шии. Шия долгая и тонка — сей есть легоглавый и мягкосердый; а будет ли к сему и глава мала — сей есть напущий. Толстая шия — знамя ожирно или опоево и неглубокоумного.

О чреве и о персех. Чрево велико — се есть глупость, ожиря, мягкосердый. Тонкое же чрево и тесныи груди — указъ на добрый розум и добрую раду.

О плечех и хребте. Широкии плеча и широкий хребет указують крѣпость сердечную и легкоумие. Хребет нахилый и грубый указуеть на злонравие, прямый и хороший — знамя добро есть. Выпукнении верху плечное указует злосердие и злопомнение.

Мышки долгия, ажилъ досягнеть дланию до колена, указуеть на щедрость, и учтивость, и добродушие; короткии же — се есть *любитель* сваръ и мягкосердъ.

Длань долгая с палцими долгими — указъ на чистое мастеръство рукоделное и смышлениа царская.

Стегна и голении много мясо стегонное — указъ на худосильство и слабость. Толстина же голенная и лыточная знаменуеть на твердость ножную и силу животную.

Нога грубая мясом указуеть глуповъство и кривдолюбие, малая же и мягкая — указъ на збродню.

Тонкая же и *малая* пѣта — указъ на злосердие, толстая пѣта — указ крѣпкосердие. Ступни широкии и тихии — се есть полонъ дѣлы, словы своими, обзирается на последняя и мягкосердъ.

Образ же доброго прироженья. Тѣло его мягко и *сыровьствяно*, среднее межи тонким и толстым, межи долгим и коротким; бѣл с румяностию или смядостию; тонок лицом; власы середнии межи голыми и мохнатыми, русовлас; ровенъ главою в количевъстве, ровенъ шиею, тонокъ плечима, не грубъ мясом по *животу* и стегнах; глас его чистъ, не сипав, межи толстым и тонким; длани его прямы, палцы его долгы, погнулися *на* тонкость; слова его малы, а много вяжють; а мало смеется, в час потребный; и прироженые его склонено в кручину черную и черленую;[47] и посмотръ его весел; и не старуеть над тобою вещми неподобными ему. Сей воистинну наразумнѣйший, что сотворил Богъ. Сякого или близка к сему ищи, да будешь поспешенъ. Якоже вѣдаешь, иже государь болши ему потребенъ до людей, нижели людем до него. И про то да разумей знаменъ сих предреченых и углуби разумъ свой приподобный и полный во мудрость сию, да будеши беспечаленъ в делехъ своих помощиею Божиею.

---

[1] *Рече Патрекий списатель...* — В еврейской версии «Тайной Тайных» переводчиком назван его сын, Яхья бен Албатрик, вольноотпущенник халифа аль-Мамуна.

[2] *«...царю великому Александру, сыну Нектанавову, нарицаему Рогатымъ».* — В Романе об Александре Псевдокаллисфена рассказывается, как египетский царь Нектанав обманом овладел Олимпиадой, женой Филиппа Македонского; от их союза родился Александр Македонский. См. наст. изд., т. 8. Предание о двурогом Искандере (Александре) было широко распространено на мусульманском Востоке.

[3] *...възнесен бысть по чину Илиину на колесницах...* — Согласно Библии пророк Илия был вознесен на небо в огненной колеснице на огненных конях.

[4] *...арапове и фрягове.* — В еврейской версии — арабы и варвары.

[5] *...рады твоея...* — В рукописи глосса: «совѣта твоего».

[6] *А заповѣдию сею преступили персове к послушенству Александрову.* — Согласно персидской традиции Александр убил персидских мудрецов.

[7] *...ни жадного фарисея...* — Слово «фарисей» здесь и далее употребляется в значении «философ, мудрец». В этом видят одну из примет еврейского оригинала, с которого сделан древнерусский перевод «Тайной Тайных».

[8] *...ко храму Солнечному, устроенъ великим Ромасом...* — Обнаружение книг, спрятанных в храмах, — общее место арабской герметической традиции. Вместо Ромаса в еврейской версии здесь и далее стоит Гермес. Гермес Трисмегист (отождествленный с древнегреческим богом) — вымышленный автор теософского учения, излагаемого в так называемых герметических книгах.

[9] *...2 вещь...* — Вторая вещь в «Тайной Тайных» не названа.

[10] *Врата 1-е.* — В рукописи глосса: «О щедрости».

[11] *...царьство навышьшее и старое...* — В еврейской версии названо царство Нигит. Возможно, имеются в виду восточные гунны.

[12] *...о повѣлении...* — В рукописи глосса: «сказании».

[13] *А начало ему приступати к розмышлению.* — В следующем далее рассуждении слово «размышление» переводится словом «слава» в соответствии с еврейской версией.

[14] *...а про то же...* — В рукописи глосса: «а того ради».

[15] *...по дѣйству нашему.* — В рукописи глосса: «под мѣру нас».

[16] *...достоить...* — В рукописи глосса: «подобает».

[17] *...похлѣбъство.* — В рукописи глосса: «ласкосердъство».

[18] *...есми повиненъ...* — В рукописи глосса: «должен».

[19] *Мужество бо свиньство есть...* — У гностиков свинья — символ сладострастия.

[20] *...арапове...* — В еврейской версии индийцы.

[21] *...Сакулевкуасу...* — В еврейской версии Асклабиос, т. е. Асклепий, бог врачевания в древнегреческой мифологии. «Асклепий» — название одной из герметических книг.

[22] *...фарисеи арапьскии...* — В еврейской версии это изречение приписано книге индийцев.

[23] *...землян...* — В рукописи Бодлеанской библиотеки: «боляр».

[24] *...не имеючи образа ея...* — Первые русские карты относятся к началу XVI в.

[25] *...Ниневгии...* — В еврейской версии названы другие царства — Атаг, Скир, Ихас (Исм), Имим. Ниневия — древняя столица Ассирии. Согласно Ветхому Завету, пророк Иона проповедовал в Ниневии о наказании, которое постигнет ее жителей за их злодеяния.

[26] *А пометаешь о цари индейском...* — Непосредственный источник рассказа о губительном подарке индийского царя неизвестен, хотя сам сюжет широко распространен.

[27] *И по сему позналъ преподобный Платон складати цвѣт цвѣту, облакати ся в них и всякии взоры.* — Рассказ о Платоне маловразумителен здесь, равно как в еврейской и арабской версиях, где он более пространный.

[28] *И зри на игру шаховую...* — В еврейской версии другая мысль: царю рекомендуется наблюдать за взаимоотношениями между царем и ферзем.

[29] *А каждый от них осми частей...* — В еврейской версии к этому рассказу приложена диаграмма — круг, разделенный на восемь секторов.

[30] *Александръ, ведай, иже преже сего всего сотворил Богъ самовласть духовную...* — В этом месте видят отражение философии неоплатонизма.

[31] *...Ватисто еллин...* — В еврейской версии «Bhts (Bhtm, Krts)».

[32] *...стережися их, яко скоръпий индейских, что забивають посмотром своим.* — В еврейской версии идет речь о змеях. Вероятно, имеется в виду василиск — мифический змей, наделенный способностью убивать не только ядом, но и взглядом. Ср. также эпизод о Горгоне, вставленный в некоторые редакции «Хронографической» и «Сербской» Александрии.

[33] *Был бы совершенъ сими обычаи, еже ти напишю...* — Перечень качеств, необходимых печатнику, который отсутствует в еврейской версии «Тайной Тайных», построен, по мнению В. Райэна, на основе перечня достоинств правителя.

[34] *Дабы был промышленъ... всякого человека...* — Перевод предположительный.

[35] *...надеженъ еси, коли выедешь из земли своея...* — Первым русским царем, побывавшим за пределами своего царства, был Петр I.

[36] *...якоже сталося Тамостиосу царю...* —- В еврейской версии «Tmstis (Atmstis, Tmastius, Tamstius)».

[37] *Туры* —- осадные передвижные сооружения.

[38] *...и стрелцовъ огненых...* — Огненные стрельцы — войско, вооруженное ручным огнестрельным оружием.

[39] *...и образовъ страшных, яко учинил есми тобѣ, коли еси бился со индеяны.* — Вероятно, имеется в виду гидравлический орган («рог Александра»).

[40] *Пороки* — камнеметные орудия.

[41] *...поставъ лук коловоротный на них...* — О коловоротных (натягивавшихся с помощью ворота) самострелах упоминает под 1291 г. Ипатьевская летопись.

[42] *...спичником...* — Перевод словом «копейщик» предположителен.

[43] *Числа имений.* — К этому разделу приложена в рукописях таблица для гадания, которая здесь не воспроизводится. По мнению В. Райэна, именно эта таблица названа в «Стоглаве» «Аристотелевыми вратами» (вопрос 17, 22). Правда, М. Н. Сперанский обнаружил другое, чисто гадательное, сочинение под заглавием «Врата Аристотеля Премудраго», которое, как он считает, и имеется в виду в «Стоглаве». См.: *Сперанский М. Н.* «Аристотелевы врата», или «Тайная Тайных» //

Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928 (Сборник Отделения русского языка и словесности АН, т. 101, № 3).

[44] *Слианиа же пременяються по рожеству...* — В термине «слияние» отразилась средневековая теория, восходящая к греческому ученому и врачу Гиппократу (V—IV вв. до н. э.), согласно которой все процессы в человеческом организме определяются соотношением четырех основных жидкостей. Ср. ниже о черной и красной желчи.

[45] *...а зри на люди немецькия...* — В еврейской версии — народ ашкенац, древнееврейское название немцев (германцев), а также евреев, пользующихся немецким разговорным языком.

[46] *...сурмисты...* — Сернннстое соединение сурьмы использовалось как краситель.

[47] *...и прирожение его склонено в кручину черную и черленую...* — Желчь черная н красная — по средневековым представлениям, жидкости, которые наряду с кровью и слизью определяют особенности каждого человеческого организма.

ПЕРЕВОД

Сказал Патрикий-переводчик: «Господь да направит тебя, царь благоверный и укрепит тебя, чтобы ты хранил закон и оберегал народ и сказанное в главах этих! Вот раб твой приступил к выполнению приказания твоего о переписи книге этой, называемой “Тайная тайных”, составленной философом великим и преподобным Аристотелем для ученика своего — великого царя Александра, сына Нектанава, прозванного Рогатым». Аристотель из-за старости своей не мог сопровождать его в войнах. И царь Александр поставил его правителем из-за его правомудрия и премудрости божественной, за что философа причисляют к пророкам, хотя он не был послан Богом и не был законодателем. Найдено в книгах эллинских, что Господь сказал ему: «Ты скорее можешь быть назван ангелом, чем назваться только умудренным в премудростях бесчисленных». И разнятся сообщения о смерти его: иные говорят, что он вознесся, подобно Илье, на колесницах, другие же говорят, что он умер, как и все смертные. Он научил мудрости своей Александра, который владел всей вселенной, пройдя ее вдоль и поперек; и стали повиноваться ему все арабы и фряги.

Александр же следовал заповеди своего учителя и о неизвестных вещах спрашивал в послании своем: «Знай, учитель преподобный и правитель верный, что я завоевал землю Персидскую и нашел там очень мудрых людей, но они властвуют над государем своим. А я боюсь их из-за своего царства. И приходит мне мысль убить всех, и спрашиваю совета твоего об этом».

Он же ответил так: «Александр, хотя и приходит тебе мысль их всех убить и ты можешь это совершить для блага царства, но ты не можешь уничтожить землю их или переменить ветер их и воду их. Лучше царствуй над ними, делая им добро, так как согласная с законом доброта укрепит царство, а жестокость повредит этому. Ибо не есть настоящее приобретение — купить тело человека, и поэтому убегают рабы и рабыни; но настоящее приобретение — купить душу, потому что за ней идет тело. Лучше тебе купить добротой своей свободных и на веки вечные, чем купить невольников за серебро свое и не навечно. Знай, Александр: то, о чем народ сможет говорить, он сможет и совершить. Поэтому постарайся пресечь разговоры, чтобы предупредить поступки». И благодаря наставлению этому обратились персы к повиновению Александру.

Сказал Патрикий: «Не оставил я ни одного храма философского, не проверив его, и ни одного фарисея, не поговорив с ним о неизвестных мне вещах. После этого я пришел к храму Солнца, построенному великим Ромасом, а в нем нашел фарисея мудрого и превзошел его мудростью, так что он дал мне читать книги храма этого. И там я нашел книгу ту, написанную золотом. И я приступил к переводу ее с языка греческого на арабский из-за любви к государю своему».

Сказал Аристотель: «Посмотрел я письмо этого честного, и любимого, и мудрого царя, Александра справедливого. Господь в милосердии своем пусть направит тебя к истине, да избавит он тебя от греха плотского, благодаря чему ты достигнешь совершенства душевного и телесного. Ты пишешь мне вначале, сожалея очень о разлуке нашей, что нет меня рядом с тобой, и просишь меня тебе написать по порядку, чтобы было во всех делах твоих как бы равновесие и мера, чтобы это было тебе вместо меня. Но думаю, ты понимаешь, что я не подле тебя не потому, что я тебя не люблю, но потому, что не могу из-за своей старости. Я знаю — то, что ты хочешь, не могут вместить живые, а тем более мертвые. Но я обязан только исполнить просьбу твою по достоинству, чтобы ты не просил меня больше об этом. Так как дал тебе Бог мудрость и наделил тебя духом рассудительным и храбрым, внимательно присмотрись к наставлению моему, чтобы достичь осуществления желаний своих. Поистине мы указали на тайны, приоткрыв печати, притчами, чтобы осталась недоступна книга наша эта, оказавшись в руках недостойных, чтобы они не узнали того, чего им Бог не судил знать. А я бы тогда нарушил запрещение того, кто мне это открыл. Поэтому я и с тебя беру клятву, как и меня заставили поклясться в том, что я сохраню секрет. А кто, узнав эту вещь тайную, откроет ее недостойным, тот будет лишен этого света и будущего. Господь всесильный, сохрани нас от этого, аминь.

После этого напоминаю тебе прежде всего то, чему я некогда тебя учил, что не обойтись ни одному царю без двух вещей: из них первая — кротость душевная, и не достаточно ему одной, но нужны обе. Потому что, зная эти вещи, противостоит государь рабу, а если он изменит им, то пересилит раб государя. Но скажу тебе, как тебе обеих вещей достичь. Так вот, к достижению их ведут два пути: первый — внутренний, второй — внешний. Внешний же — богатство, которое помогает телу человеческому привязать душу к себе, также благодаря богатству подчиняется тебе народ, видя справедливость и милосердие по отношению к себе. Внутренний же — в том, чтобы расточать милости и почести каждому мудрому и благородному, которого Господь отметил милосердием своим, открывая им тайны свои. Если не будешь любезен им, следуя написанному, значит, не будешь любезен ничем другим. А потому даю тебе тайну эту, которая сначала кажется как будто вымышленным наставлением, а суть ее — утверждение царское. Господи, помоги внукам твоим почитать премудрость и превозносить мудрых, аминь».

В ЭТОЙ КНИГЕ ВОСЕМЬ ГЛАВ:

1. Из чего состоит поведение царское.

2. Каким образом ему вести себя перед народом, чтобы возложили надежду свою на него, прославляя жизнь его.

3. Каким образом руководить ему благородными людьми.

4. Какими способами учить ему правителя государства своего, а с его помощью всех своих урядников.

5. Об отправляющихся в путь, о необходимых им вещах, и о послах его, и как они должны вести себя во время посольства.

6. Об управлении воинами и гетманами.

7. О деле военном знать, что в это время необходимо: и как расставлять полки, и как обороняться, и о времени, подходящем для этого, и о времени, подходящем для выступления, с кем биться и с кем не биться, и о науке физиогномике, и какую следует вести жизнь, чтобы сохранить здоровье.

8. О камнях, и зельях, и животных, которые необходимы царю и без которых он не достигнет ничего хорошего, не сохранит здоровья своего, и не усидит на троне своем. И эта глава последняя, как бы завершающая наставление для царя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОСТОИТ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ВОРОТ: 1. О ЩЕДРОСТИ; 2. О ХРАБРОСТИ; 3. О МИЛОСЕРДИИ; 4. О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Ворота 1-е. Царь щедр к себе и людям; или скуп к себе и людям; царь щедр к себе, а скуп к людям; или скуп к себе, а щедр к людям. Говорят и римляне: «Не стыдно царю быть скупым к себе, а щедрым к людям». Говорят и персы: «Царь, который щедр к себе и людям, тот выполняет призвание свое», и с этим соглашаются все. А когда царь щедр к себе, а скуп к людям — это стыд и вред царству. А о четвертом случае не спрашивай: ибо подобает нам и нехотя следовать этому. Но сначала нужно сказать, что такое щедрость.

Александр, знай, что скупой не может быть добрым человеком и соблюдающим законы, так же как расточительный не может сохранить навсегда свою честь. Во всяком деле середины нужно придерживаться, обе крайности пагубны; и во всех царских делах следует соблюдать умеренность, а иначе царство не сможет процветать. Определить щедрость трудно, а скупость легко. Щедрость истинная в том, чтобы давать вовремя необходимое, и достойному, и в меру возможностей, иначе же щедрость переходит границы. Расточитель подобен тому, кто льет воду соленую в море или помогает врагу своему против себя самого. Щедрый тот, кто расторопен во всех делах своих, а не тот, который богатство царское теряет, раздавая его, не думая о будущем своем. А скупость вообще слава недобрая, не достойная государя. Если знает это за собой царь какой-нибудь, лучше пусть поручит царство свое какому-нибудь слуге своему надежному, а сам занимается венцом и престолом.

Александр, говорю тебе, что всякий царь, который раздает не в меру своих возможностей, разрушает свое царство. А кто налагает на свое царство бремя непосильное, тот погубит его и погибнет сам. Ибо основа

щедрости — не покушаться на чужое. Так, я видел слово великого Ромаса, который сказал: «Совершенства достиг царь, и закон его, и добродетель его, если он не посягает на чужое».

Александр, знай, что оскудело царство великое и старое только потому, что цари много давали, а мало вкладывали в казну, и они посягнули на народное добро, и народ сокрушил их — так погибло царство навсегда. Это естественное правило — имение поддерживает душу живую. Оно как бы часть ее, а целое состоит из частей своих. Истинная щедрость также в том, чтобы отказываться от желаний непотребных, и не допытываться тайн из тщеславия, и не требовать назад с оружием того, что кому-либо дал. Полностью следует преподобного выслушать поучение, воздать честь и поддержать честного, и сидеть со смирением, и не обращать внимания на желания неразумного.

Александр, много часов наставлял я тебя; впитай слова эти в душу свою, и тогда не будешь знать печали. Даже если бы я тебе сказал только это, ты бы уже достаточно знал из этого о вещах мирских и духовных. Знай, что ум — верх всякого понимания, с его помощью спасется душа и познается тайна, и ты удалишь врагов мирских и духовных, а приблизишь заслуживающих любви. Ум — корень похвальных вещей и твердое основание для всего желаемого. А начало его в стремлении к славе. Тот, кто стремится к ней по-настоящему, — тот блажен, а кто в последнюю очередь, — тот Богу противен. Ибо слава трудами достигается. К власти следует стремиться не ради нее самой, но ради славы; и поэтому вершина власти ума — слава. И власть рождает любовь к славе. А если цари будут искать славу в последнюю очередь, то родится зависть, а зависть рождает ложь, а ложь рождает заблуждение, оно же клевету. А это породит ненависть, а ненависть породит несправедливость, а она породит насилие, а насилие породит вражду, а та породит распри, а распри породят войну, а война нарушит закон и опустошит вселенную. Так изменится природа, и родится злой хаос с гибелью всего доброго в результате поступков наших. Если же пересилит разум страсть к распрям, то родится из него верность, а та породит покорность, а из нее родится боязнь, а из боязни справедливость, а вот из нее единство, а оно породит честь, а честь породит привязанность, а привязанность породит готовность отдать жизнь за других, а этим усиливается царство и закон, и приумножатся сокровища истинные. Так становится ясным, что искать власти по-настоящему достойно похвалы и благословения.

Александр, весьма остерегайся дать животным страстям одержать верх над царской властью, чтобы не дать превосходство тленному над вечным, следуя тому, что тебе хочется, — ведь это величайший грех.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О ТОМ, КАК ВЕСТИ СЕБЯ ЦАРЮ, КАКИМ ОБРАЗОМ ВЕСТИ СЕБЯ ЕМУ ПЕРЕД НАРОДОМ И СЛУГАМИ И КАК ВЫДЕЛИТЬСЯ ЕМУ СРЕДИ НИХ. ИБО, КОГДА ОН БУДЕТ ЗНАТЬ НАУКУ ОСОБЕННУЮ И ЕЕ СМЫСЛ ПРЕМУДРЫЙ, ЛЮДИ СТАНУТ ПОВИНОВАТЬСЯ ЕМУ И ВОЗЛОЖАТ НАДЕЖДУ СВОЮ НА НЕГО

Александр, всякий царь, который подчиняет царство свое истине закона своего, достоин царствовать; а тот, который подчиняет закон царству, убьет закон. Я скажу тебе, как сказали преподобные, наследниками которых мы являемся, что народ ропщет на Бога, не зная меры делам своим, — а Бог в чем виновен? — потому что люди из-за поведения высокомерного преступают путь, указанный их планетой. А потому скажу, чтобы ты имел меру и твердость в делах своих и чтил бы все положения закона своего. И не пренебрегай никаким словом закона, чтобы видел весь народ твое повиновение закону. Все законы ты должен соблюдать усердно, потому что если люди увидят, что требования твои не соответствуют делам твоим, то не похвалят жития твоего. А поэтому не нарушай ни одного из положений закона, даже если бы ты получил благодаря этому прибыль большую. Так ты будешь любезен Богу и слугам твоим.

Александр, знай, что ты достигнешь только величия, возвышая учителей закона и судей. Будь честен в смирении, не проявляй гордости и будь терпим, рассматривай все, предвидя будущее, и будь милосердным. И не давай выхода гневу своему, не посоветовавшись с боярами своими, так как иначе одолеет тебя желание твое, и пересилит оно разум твой. А отыскав решение правильное, действуй без промедления. Не будь высокомерен и не оскорбляй людей. Носи одежды, на которые приятно смотреть, ибо так ты души человеческие к себе привлечешь и будешь знаменит в людях. Также подобает, чтобы речь твоя была ясная и спокойная, а голос был бы сильный, так как сила голоса устрашает народы и вызывает у них боязнь. Поэтому следует тебе редко говорить тем голосом сильным, только по великой необходимости, чтобы связывал с твоим голосом народ надежды свои.

Также следует тебе редко общаться со всеми слугами, на равных разговаривая и шутя с ними, чтобы ты не казался доступным в их глазах, а особенно не годится общаться с чернью. Как говорят индийцы: «Когда показывается царь народу запросто, он умаляет честь свою и лишается почтения к делам своим». А поэтому следует царю показываться перед народом только изредка, в военное время или с войсками <…> да во время праздника великого раз в год. А тогда он должен появиться перед народом всем, и следует, чтобы встал перед людьми какой-нибудь глашатай из приближенных его, знающий закон и науку, и сказал бы им, что государь его так говорит: «Благодарю Бога, что вы обратились к моему повиновению. И я обещаю вам также отдать

за вас жизнь свою и владения отца своего. А прошу вас взамен, чтобы вы были покорны закону, и были правдивы, и уклонялись от лести. А если вы чего-нибудь сами не можете сделать, скажите мне, и я помогу в меру сил своих. А если вам кажется, что я наложил на вас тяжелое бремя, скажите мне: я буду рад облегчить его. Ибо я не хочу вашей службы с плачем, но с радостью, потому что я должен возвышать делающих добро и убивать злодеев, ведь поэтому я называюсь слугой Божьим и его меченосцем. А кому кажется, что он провинился передо мною, пусть покается сразу же, и я приму его по-прежнему; и старейшего просьбу исполню. Хочу я разделять с вами зло и добро в равной мере». Благодаря этому возрадуются люди, и расскажут женам и детям своим об этом, и воспитают в младенцах своих любовь к тебе. Благодаря этому люди положат головы свои за тебя и останутся верными государю своему, тебе и детям твоим, помня о любви той.

Александр, не изменяй обычаев земли, а особенно своих привычек, из-за людской молвы. Усердно думай о том, как облегчить всякие налоги и пошлины приезжающим к тебе купцам, потому что если ты воздержишься от незаконных поборов, то достигнешь увеличения законных, если богатство царское будешь раздавать народу своей земли, а не притеснять его. И даже если твои сокровищницы будут наполнены золотом, а ты не будешь иметь доброй славы у народа, то все это ничего не значит. А благодаря славе доброй ты наполнишь землю свою товарами из всех земель, так как все купцы вещи дорогие из своих земель повезут в твою, и приобретет народ все необходимое себе. И благодаря этому будут люди тебе покорны, и чужестранцы захотят, чтобы ты правил ими, потому что они холопы справедливости. Так ты победишь всех неприятелей своих. Как сказал мудрец царю своему: «Если бы наш Бог произвел для нас из земли все необходимое нам, но не обратил сердца своего к нам, этим он указал бы нам, что он произвел все это из земли не для нас, но для скота». Поэтому ожидай малого от того, что кажется на первый взгляд великим, и ты достигнешь многого в умозрении от кажущегося малым на первый взгляд. Будь внимателен и милостив к тем, кто привязан к тебе, и не поддавайся привычкам звериным или волчьим — захватывать все, что найдешь, искать то, чего не потерял. Тот воистину не имеет милосердия, кто требует от того, от кого может взять. Будь милосерден, чтобы не потерять добрую славу свою. Не позволяй овладевать собой влечениям к еде, и питью, и разврату, и ко сну. Ибо разврат — это свинство, а лень лишает славы в этом свете и в будущем. Ибо животные страсти губят душу, и вредят плоти, и сокращают дни жизни, и позволяют женщинам властвовать над человеком.

Александр, не удаляйся от хороших друзей своих, лучших столечников своих. Должно тебе веселиться с ними за едой и питьем, но не чаще, чем три или четыре раза в год. А также следует тебе воздавать честь каждому сообразно с его заслугами, и сажать каждого по достоинству, и ставить каждого в войске по достоинству, и помогать им, и хвалить их

по достоинству в лицо и заочно, и мирить их, насколько можно; и благодаря этому они положат за тебя свои головы, и ты победишь неприятелей своих. Дари им одежды по достоинству, а если со своего плеча — это будет для них дар лучший и очевиднейшее проявление милости. И раздавай серебро, одинаково наделяя всех.

Должно царю сдерживать шутки и смех, так как с умножением смеха уменьшается страх перед царем, а уважение к царю соответствует страху перед ним. Следует также, чтобы были сдержаны все, сидящие за столом его. А если он увидит кого-нибудь из них, кто не соблюдает почтение, должно того наказать. А если он будет из близких к царю, следует удалить его от стола царского, пока не пройдет легкомыслие его. А если будет делать это нарочно, не проявляя почтения к царю и застолью его, следует, наказав его, изгнать в далекое изгнание. А если это будет витязь или воин выдающийся, он достоин смерти. Как говорят арабы: «Разница между царем, который сам царствует над людьми, и тем, над которым царствуют люди, — только в его строгости или слабости». Также у Сакулевкуса есть глава об этом: «Лучший царь подобен орлу, а около него одна падаль, а худший царь подобен падали, а около него орлы».

Александр, люди начинают повиноваться царю только вследствие четырех вещей: первая — если он соблюдает закон; вторая — из-за любви твоей к ним; третья — из-за нужды; четвертая — из страха. Удалив неправду их, ты утвердишь среди них все четыре названные вещи. Если народ посмеет говорить о тебе плохо, он посмеет и совершить это; потому не давай говорить о себе плохо, чтобы не дать и совершить то. Не пресечешь дела их, иначе как пресекши их слова. Знай, что внушение страха разумное следует за справедливостью. Как говорят фарисеи арабские: «Лучше царю одеть души слуг своих в страх, чем их тела в оковы», так как благодаря этому царь овладеет неприятелями своими. Ибо царь подобен дождю, который посылает Бог для жизни всего земного, но который также сокрушает корабли и разрушает здания, за ним следуют молнии, гром; и он затопляет жилища, и губит людей и животных, и разыграется буря на море, и много принесет несчастий людям. Но никогда не перестанут люди просить у Бога дождя, благодаря которому умножается все растущее для потребностей их и скота их. И они хвалят Бога за это милосердие его, невзирая на те несчастья, которые случились с ними.

Соотношение зла и добра разделяется на четыре рода: первый — добро совершенное; второй — зло совершенное; третий — мало зла и много добра; четвертый — мало добра много зла. Из них первый — не кто иной, как Бог; второй — и не сотворено, и нет его; третий — добро его; четвертый — зло. Поэтому делай так дело свое, чтобы в нем было мало зла, а много добра.

Александр, блюди нищих города своего и одаривай их в тяжелый для них час, и они будут в тяжелый для тебя час твоей опорой. Так ты сохранишь закон свой и укрепишь царство свое. Александр, увеличивай запасы зерна по числу людей своих в каждом городе. Помогут ли им стена каменная и оружие железное, если не будет у них пропитания? И распредели башни и стену по числу народа у бояр своих, и всегда укрепляй города свои, как будто они в осаде. Если и наступит голодное время, укреплено будет царство твое.

Вторник. Александр, будь осторожен в речах своих; не должно тебе говорить ни о ком ничего плохого, кроме как в присутствии того, честности которого ты доверяешь. И выказывай каждому смиренному мир и милость свою, и возвышай тех, которые любят правду. Ибо благодаря этому откажутся от своих замыслов нечестивые злодеи, предвидя месть твою, и будут знать, что ты следишь за поступками их.

Александр, в первую очередь говорю тебе и многократно учил тебя тому, что, если только ты будешь следовать правилам, ты достигнешь цели своей. Потому избегай проливать кровь, ибо это наказание, находящееся во власти Господа, знающего тайное, а ты будешь делать, лишь насколько видит глаз твой. Поэтому остерегайся этого весьма. Сказал Ромас великий: «Если сотворенный Богом убьет другого, как он, по образу своему и подобию, возопят ангелы высшие пред Богом и скажут: “Раб твой такой-то и такой-то призывает тебя”. Если он был убит, так как сам пролил кровь других, отвечает им Бог: “Ты раба убил, а потом сам убит”. Если он был убит вследствие зависти человеческой или намерения дурного, отвечает им Господь: “Клянусь престолом моим, что не оставлю без отмщения крови раба моего”. И не перестанут ангелы взывать к нему каждый раз во время молитвы, пока не отомстится кровь того. Так что если он умрет внезапно, знай, что это в наказание за его проступок». Александр, достаточно тебе знать, что тяжелее всех наказаний — продолжительная служба в невольниках твоих. И обдумывай сказанное в книге этой и об управлении земли своей — все это есть в книгах, написанных об этом; и найдешь правила для дел своих.

Александр, о землевладельцах своих узнавай, кто чем владеет и чем тебе служит; так ты узнаешь их преданность тебе и чем каждый перед тобой расплачивается. Ибо если ты обложишь малоимущих многими налогами — это царству твоему повредит. Поэтому следует знакомиться государям святым с владениями своими, чтобы они знали, какими им обложить налогами волости своей земли.

Александр, ты не принесешь никакого добра себе и земле своей, не имея изображения ее со всеми ее реками, и полями, и болотами, не зная вдоль и поперек размеры ее. Также каждому властителю своему, давая ему волость, дай ему также изображение ее и перепись людей этой волости, чтобы он вернул тебе все целым, как и взял. Если он что-либо испортил — пусть восполнит сам и, все приговоры свои перечислив, пусть положит перед тобой. Если он будет во всем прав, посади его на другой год; если же он навредил тебе, восполни нанесенный тебе урон. Так ты возбудишь любовь к себе во всех, любящих правду, и наполнишь землю свою людьми и товаром.

Александр, веди себя с самым малым врагом своим, как с самым большим. Пусть не будет малым в глазах твоих ни один человек, так как бывает иногда, что болезнь малая становится великой, так что трудно излечить ее. Александр, остерегайся нарушить клятву свою и изменить договору своему, ибо только тогда будешь ты называться благоверным и следующим закону. И ты не должен относиться к этому легкомысленно. Не простирай десницы своей, чтобы заключить соглашение, пока не выяснишь достаточно, чем кончится дело то. Александр, ты знаешь, что справа и слева от тебя одушевленные твари, и все, что ты сделаешь и скажешь, узнает Творец твой. Александр, если кто-нибудь будет принуждать тебя нарушить клятву, не поддавайся ему; хотя бы ты получил за это много добра тайного — не стоит оно ничуть ненарушенного слова. Клянусь тебе живым Богом, что ждало возмездие Неневию только из-за нарушения клятвы. Александр, не бойся дел минувших, или кровавых, или жестоких, потому что это свойственно женщинам и легкомысленным людям. Но проявляй к ним милость свою и встречай их с лицом приветливым — так улучшатся дела твои, изгладятся в памяти злодеяния твои.

Александр, не говори «да» о том, о чем ты раньше говорил «нет», и не говори «нет», о чем ты говорил «да», если не понуждает тебя к этому необходимость великая. Поэтому совершай дела свои осмотрительно, спрашивай совета у достойных людей, и тогда ты не будешь знать печали в славе своей, во владениях своих. Потому что человеческое изречение гласит: если ты непостоянен в словах, значит, непостоянен и в жизни — а результат этого ты знаешь. Александр, не доверяй женщинам в постели своей, только лишь проверенной и преданной твоей жизни. <...> Ибо ты есть Божий дар народу, и пастырь их плоти, и их защита в миру. Остерегайся отравы смертельной, ибо так погибли некоторые из прежних царей. И не доверяй одному человеку лечить себя, так как одного человека можно легко подговорить, и он повредит твоему здоровью. А если можно сделать так, чтобы лечили тебя десять человек, — это самое лучшее. И принимай лекарство, только собрав вместе всех врачей. И тебе должно принимать его, только зная особенности своей натуры и особенности того зелья, которое собираешься принимать, и состав этого зелья, и значение его. Помнишь о царе индийском, когда он послал тебе подарок великий <...> —

девушку красивую, накормленную ядом смертельным, так что превратилось тело ее как бы в тело скорпиона. Если бы я не узнал ее и не остерег тебя (потому что я видел ее у мудреца той земли и знал обычаи их), то она уморила бы тебя, как только бы ты ее обнял.

Александр, сохраняй душу свою чистой, ангельской, так как она как благодать дана тебе Творцом твоим по милосердию его. Не будь в числе тех глупцов, которые верят на словах и поэтому считают себя правоверными; ты будешь отличен от них, только если будешь с мудрыми, беседуя с ними. Александр, если это возможно, тебе не следует ни вставать, ни садиться, ни есть, ни пить и не начинать никакого дела; но только сообразуясь со звездами, следует тебе это делать. Потому что не создал Бог ничего впустую. Благодаря этому научился преподобный Платон соединять цвет с цветом, облачаться в них и во всякие образы. Не возражай на слова глупых людей, которые считают, что премудрости звездной невозможно научиться. Они говорят также, что знание премудрости этой с самого начала было следствием пророчества Бога. Также не верь, что премудрость эта доступна всякому, кто к ней стремится. Я скажу тебе, что о премудрости этой следует знать. Хотя человек не спасется от воздействия сияния звезд, зная движение их, — как он спасется от холода, зная движение солнца, и приготовит себе дрова и одежды зимние, а для лета приготовит легкие вещи и прохладные жилища — точно так же, если люди узнают, что с ними будет, заранее, они смогут помочь себе, помолившись Богу; они покаются постом и молитвой, и Бог смилуется над ними.

Александр, воздавай честь правителю своему более, чем себе, и советуйся с ним о малом деле и о большом, и сажай его возле себя, так как он является украшением твоим перед всеми, и в радость тебе, если ты находишься в его обществе. Он же будет покрывать проступки твои и говорить добро о тебе. Посмотри на игру в шахматы и взаимоотношения ферзя с пешками, когда они встречаются с ним и расстаются с ним. И это сравнение показывает вот что: не верь, чтобы могло царство существовать без правителя, так как это ложь. А о личности правителя твоего будет тебе написано в главе четвертой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. О ЛИЦЕ И О СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЕЛ

Александр, знай, что справедливость — свойство, замечательнейшее из свойств Божьих. И кому из рабов своих Бог дал царство, и кого он поставил править людьми и деньгами их и всеми делами их, — тот для них как наместник Божий и правитель царства его; и поэтому будь подобен ему во всех делах своих духовных и мирских и будешь в них

близок Богу. И если будешь милостиво относиться к людям, будешь в милости у Бога и правителем царства его. Поэтому будь подобен ему, который милостив и милосерден. А славы у него и имен больше, чем человек может перечислить.

Александр, противостоит справедливости обман, а правде ложь; правдой держится справедливость, и суть их едина. Правдой утвердились небеса над землей, и по правде послал Бог пророков честных, и правда — это образа ума, который Бог дал возлюбленным своим; правдой утешаются те, кто в беде, и приближаются те, кто удалены, а от всякой лжи гибнут народы, правдой же защищаются цари от всякой измены, и она является прибежищем для них навеки. Поэтому сказали индийцы: «Справедливость царская важнее народу, чем погода хорошая». И еще они сказали: «Царь справедливый ценнее для земли своей дождя своевременного». Была найдена надпись на камне на языке эллинском: «Царь и справедливость — братья, невозможно одному без другого». Разные народы отличны друг от друга, и правда их соответствует их особенностям. А для того, чтобы правда была общей, каждому народу следует иметь правильные весы, и измерения, и хороший товар — не фальшивый, и справедливый суд. Избранные же, сверх того, хотят вселить правоверие в душу свою наукой и отказом от занятий мирских. А поэтому я хочу тебе нарисовать два круга — один мирской, а другой духовный, так что мирской начнется миром, а духовный душой. Каждый из них состоит из восьми частей, и этими частями я тебе покажу все пути достижения их. Если бы я тебе нарисовал только эти два круга, ты бы достаточно знал об этом, так как невозможно царю узнать мирские вещи, не узнав духовные, — только в беседе с мудрым он может достичь этого. А без этого не поможет ему даже его планета. И все, о чем сказано в книге этой пространно, — заключено вкратце в кругах этих, аминь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. О ПРАВИТЕЛЕ, И О ПИСАРЕ, И О ПЕЧАТНИКЕ, И О ГРАДОНАЧАЛЬНИКЕ, И О ТЕХ, КОТОРЫЕ СОБИРАЮТ ЕГО ДАНЬ, И О ВИТЯЗЯХ, И О ЗАКАЗЧИКАХ, И О ПЕЧАТНИКАХ

Александр, читай книгу эту очень много раз, чтобы понять ее. Так как я собрал в ней премудрость философии и объяснил тебе природу человеческую — что такое ум, и как он связан с телом этим тленным, и как наградил им Бог рабов своих достойно, благодаря чему они приближаются к нему — поэтому все это тебе необходимо знать, дай тебе это Господь. Александр, знай, что прежде всего другого сотворил Бог сущность духовную, и совершеннейшую, и основательнейшую, и создал в соответствии с ней всю природу, и назвал ее умом. А из этой сущности он создал самовластную подданную ее, называемую душой. И связал ее по мудрости своей с плотью чувственной. И сделал он плоть, как землю, и ум, как царя, а душа — как правитель, ездит по земле и

заботится о состоянии ее. И поставил он ум на высшем и почетнейшем месте, которое есть голова. И если постигнет гибель душу, то погибнет разум и плоть; а при благополучии души будет благополучен ум и плоть до времени, Богом назначенного.

Александр, пойми поучение это и помышляй о том, как бы тебе уподобиться Творцу своему во всех делах своих, чтобы был и твой правитель осведомлен в духовных и мирских делах. И советуйся с ним о малых вещах и о больших, и обращайся за советом к нему; а если он противоречит желанию твоему — значит, это правый совет. Так сказал Ромас, когда спрашивали его, почему совет Друга лучше своего собственного; он сказал: «Потому что совет друга не порожден пристрастиями». И это правда. А если не понравится тебе совет его, то не спеши осуществлять его и не думай о нем день и ночь. А если ты боишься, что из-за промедления это дело не осуществится, — тогда спеши с ним. После проверки и наблюдения определится нрав правителя твоего, и насколько он предан тебе и заботится о царстве твоем, — в соответствии с этим будет и совет его. Не смотри на возраст его, но замечай правильность дел его и поведения его, хотя эти вещи, осуществление их, зависят также от планеты, под которой он родился, так как иногда человек родится под такой планетой, что он не понимает ни дела, ни науки, которые противоречат планете его. Даже если бы его силой принуждали к этому делу, все же одержит верх сияние свыше.

Так, случилось неким звездочетам проходить через некий город, и остановились они у одного ткача. И родился у ткача сын в ту ночь; и высчитали они соединение звезд, под которыми он родился, и сказали им звезды, что дитя это будет мудрым и сообразительным, и будет советником хорошим в делах царских, и станет правителем. И удивились они, но не сказали отцу его об этом ничего. А когда уже вырос отрок этот, и начали родители учить его ремеслу своему, то не захотела природа его принять этого; они не принуждали его очень к этому и отреклись от него. Он ушел от них, и обучался наукам и философии мирской, и стал правителем у одного царя. А вот обратный случай этому удивительному проявлению влияния звезд на природу человека — то, что случилось при рождении сына царя индийского. Было установлено по планете его, что будет он кузнецом, и утаили это от царя. А когда вырос царевич, озаботился царь, и стали принуждать царевича учиться науке духовной и мирской. Но не склонилось сердце его к этому, стремился он только к ремеслу кузнечному. Царь очень сожалел об этом и собрал звездочетов, которые были во времена те, и они сказали все, что сияние звезды его привело царевича к этому.

Александр, не спеши что-либо делать, не посоветовавшись с правителем своим. Не переставали древние повторять, что совет — это

в деле главное. И в предании персидском написано о том, что некий царь советовался с правителем своим в тайне великой и думал, что этот правитель — столп царства его. И сказал один из правителей его: «Не подобает царю советоваться только с одним из нас о главной задаче своей, но должен он советоваться с каждым из нас в отдельности». Потому что так будет тайна сокрыта, будет решение царское славным, и твердым, и готовым к воплощению; и меньше будет толков о тайне, а мы будем меньше завидовать друг другу. Как сказал мудрец: «Тайна — это то, что между двумя, а что между тремя — то не тайна».

Александр-царь, поэтому старайся узнать секреты неприятеля своего всеми силами. А иначе того не достигнуть, кроме как подкупая самых важных из тех, кто в его доме, имея купцов из разных народов, которые ездят в его землю: ибо так одолеет несильный сильного. Сказал Ватисто-эллин: «Прибавляется у царя силы с советами правителей его, как наполняется море реками, которые текут в него. Он достигнет хитростью и советами больше, чем силой и витязями». И оставил наказ один из царей персидских сыну своему: «Следует тебе советоваться, потому что ты один среди людей. Советуйся с тем, кто опытен, и смирен, и лучший по уму своему и поведению своему, и который любит тебя в сердце своем, и выдающийся в речах своих, и говорит о твоей чести за глаза, и широк в мыслях, не уличен в небрежении к царству достойному и справедливому. Он скажет тебе неизвестное для тебя, не даст тебе вступить в спор с неприятелем твоим, не успокоив его, и не даст врагу твоему клеветать на тебя, не возразив ему».

Не возносись из-за царства своего, но должно тебе сравнить мысль свою с мыслью другого, чтобы узнать, правильно ли твое мнение. Так учись сравнивать мысль свою с другой мыслью, и если изменится она от мысли другого, — проверь свою. И если мысль другого будет согласна с твоей, — прими ее, а если не будет согласна, — оставь ее. Таким образом испытай правителя своего — указав ему, что тебе необходимы денежные траты. Если он посоветует тебе тратить то, что в казне, не доверяй ему, ибо это значит, что он любит по природе своей прятать деньги. Если же он посоветует тебе взять имущество у народа, знай, что он злонравен и оттолкнет от тебя всех, а в этом гибель царства. А если он истратит то, что получил от тебя, отдавая это для блага твоего, знай, что он отдаст и жизнь свою за тебя. Наилучший правитель — кто обратился в повиновение тебе, и заботится о здоровье твоем, и не льстит тебе, и презирает свет этот, и ради милости твоей отдает жизнь свою, и все, что имеет, чтобы исполнить волю твою.

И чтобы отличался он следующими качествами: 1. Чтобы были полноценны все члены его, чтобы он был пригоден к тем делам, которые на него возложены. 2. Чтобы он был разумен и мудр, понимая быстро то, что ему скажут, с хорошей памятью <...>, расторопен,

послушен, чтобы понимал смысл каждого дела. 3. Чтобы он был приятной наружности, правдив и был бы благолепен лицом. 4. Чтобы он был приветлив, умел бы хорошо и отчетливо говорить, желание свое выразить в кратких словах. 5. Чтобы он был хорошо одет, сообразителен во всех науках, и прежде всего в науке чисел, так как она делает острым и улучшает ум, как соль и перец и другие пряности улучшают еду. 6. Чтобы он был верен слову своему и любил правду, чтобы давал и брал по справедливой цене, и мере, и весу и чтобы он был прославлен добрыми делами. 7. Чтобы он не был пьяницей, и обжорой, и блудником, и чтобы он избегал любовных утех и безумства. 8. Чтобы он был щедрым, и заботливым, и любил бы почет, но был бы кроток духом. 9. Чтобы были деньги и все вещи мирские ничем в глазах его; чтобы он направлял мысли свои только на то, что делает честь царю, и возбуждал любовь к нему в людях. 10. Чтобы он любил справедливых, и ненавидел ложь, и воздавал правду праведному, и был милостив к оболганному и обиженному, и чтобы он не брал взяток ни за ложь, ни за правду, чтобы ни один человек не мог склонить его к этому; и чтобы он не водил дружбы со лживыми людьми, — ни со лживыми, ни с любящими обидеть других. 11. Чтобы он был тверд в делах своих и в том, что решил в мыслях своих, и отдал бы жизнь свою за это; и не был бы изнеженным, но храбрым и сообразительным в войнах. 12. Чтобы он быстро писал, и не шепелявил, и чтобы он знал события прежних дней, и деяния царские, и обычаи других народов, и дела витязей, и места слуг твоих; и чтобы он был из такого рода, чтобы предки его были правителями или столечниками; и чтобы он прошел испытание в тяжелые времена или побывал в чужих землях. Вот такого возвышай и воздавай ему честь, и он всю жизнь свою будет покорен тебе, и сохранит тайны твои, и не помыслит против тебя никакого зла, потому что вспомнит о происхождении своем, и о роде своем, и обо всем сказанном, и воздержится от этого. 13. Чтобы он не любил говорить о пустяках, не был бы насмешлив, не оскорблял бы людей, обманывая и смущая разум их. 14. Чтобы он не вкушал вина, кроме как по указанию врача по необходимости во время болезни, и не предавался бы лени и глупостям. И чтобы он был готов днем и ночью принимать людей и облегчать нужды их; чтобы дом его был открыт всякому приходящему и уходящему для всего, что нужно им; и чтобы он разбирал просьбы их, и выслушивал дела их, и помогал их подвластным, и разделял бремя их; чтобы он был набожен и верил в слова Божьи. Ставь правителем только того, кто разделяет веру твою и придерживается правил закона твоего.

Знай, что сын человеческий в наибольшей чести у Бога во всем свете, и поэтому создания лучшего не будет, величайшего. Мы же сами являемся отражением небесных звезд, и ими определяются особенности и свойства строения нашего тела, так как звезды являются двигателем, а мы движимы ими. Человек первый среди всех живых существ по чести, а последний среди всех по времени сотворения; в один час он сотворен, в один час и погибнет. И поэтому нет такой особенности в любом из живых существ, которой не было бы в людях. Он храбр как лев, боязлив как заяц, щедр как петух, скуп как пес, гневлив как ворон, бегает от людей как рысь, привязан к ним как

голубь, драчлив как лисица, прост как овца, быстр как олень, медлителен как медведь, хорош как слон, унижается как осел, разбойник как гриф, горд как павлин, блудит как страус, упрям как синица, терпелив как свинья, печален как кукушка, храбр как паук, кроток как муравей, мстителен и зол как верблюд, послушен как мул, нем как рыба, заливается как соловей. А больше всего предостерегаю тебя, чтобы ты не был ненавистен ни одному человеку на свете. Потому что вершина ума — познать истинного Бога, а потом — любить совет по правилам добра и зла.

И также предупреждаю тебя, чтобы не был правитель твой слишком бел и с глазами голубыми, или черным и с глазами голубыми, или страшен на вид. Александр, остерегайся ставить правителем какого-нибудь родственника своего или равного тебе по происхождению. А если они служат тебе, то не доверяй им ни в каких делах твоих и остерегайся их как скорпионов индийских, которые убивают взглядом своим. И чем ближе они к тебе будут, тем больше тебе будут вредить. Ибо зависть их к тебе больше, чем у чужих, так как все они считают себя такими же, как ты, и не верят, что царство тебе Богом дано; а поэтому они не удовлетворятся, пока не погубят жизнь твою. Остерегайся их весьма. Александр, знай, что это установлено природой, проверено с давних времен примером и опытом мужей праведных. Так было в начале сотворения мира, когда из зависти убил Каин Авеля, брата своего.

О писарях и печатниках сказал. Александр, следует тебе выбрать себе писарей, чтобы писать письма твои, таких, которые воплотят мысль твою и покажут лучше других разум твой и намерения твои всякому, читающему эти письма; так что ты не увидишь никакого искажения в пересказе мысли твоей. И чтобы он не был замечен в посягательстве на чужое. Ибо благодаря писарям будет сокрыта тайна твоя, и этим усилится царство. А не имеющие тайны — не имеют ни силы, ни чести. Ибо слово происходит от мысли, а произнесение его — это телесная оболочка того слова, а письмо — изображение его. Как красноречивому нужно иметь привлекательную внешность, так следует и тебе выбрать из писарей такого, кто бы выразил дело твое полностью в словах красивых, почерком хорошим. А поэтому писари — это украшение твое. Цари прежние не хвалились ничем другим — только писарями своими, и достигали положения почетного и самого высокого только благодаря им. Поэтому в зависимости от того, как он толкует мысль твою, и заботится о тайнах твоих, и прославляет честь твою во всех беседах действиями своими, так следует и тебе воздавать честь ему явно во всем в соответствии со службой его и разумом его, а не только за искусство руки его.

О печатнике его. Александр, знай, что печатник — хранитель чести твоей и первый после правителя. Поэтому выбери себе в хранители печати человека, наделенного духом разумным и храбрым, и чтобы он не был похож на злых людей, как я тебе напишу. Чтобы он мог встать во главе, и войско снарядить, и посольство, и умел бы суд править, и знал бы законы так же, как и ты. Чтобы был он наделен такими свойствами, о которых я тебе напишу: 1. Чтобы он был человеком, обученным грамоте, и верил бы в Священное Писание, как полагается. 2. Чтобы он не был упрямым и любящим распри, не оскорблял бы людей. 3. Чтобы он был верен слову своему и сохранял бы тайну друзей своих, если она не принесет тебе вреда, а более всего — твою тайну. 4. Чтобы он был искушен во всех подделках печатей и подделках почерка, связанных и с затертостями, и с нагреванием, и знал бы особенности почерка всякого человека, чтобы он мог выдавать записи земские, как положено, и знал бы личность каждого, кому он выдает запись. 5. Чтобы он не был пьяницей и блудником, из-за чего совращаются даже сильные и мудрые люди. 6. Чтобы он предпочитал честь города серебру и золоту и не брал бы взяток. 7. Чтобы он был послушен голосу справедливости и был помощником для сирот и вдов и чтобы охранял их от обиды. 8. Чтобы он был послушен приказанию твоему, и делал своим поведением честь одежде своей, и был угоден товарищам своим всем; так как он как бы часть сердца твоего, и честь твоя зависит от чести его. Поэтому поставь доброту свою рядом с добротой его и любящих тебя люби по их достоинству для своей же чести. А если возможно, чтобы правитель твой был и печатником твоим, и писарем твоим — это лучше всего, и тайна твоя в наибольшей сохранности.

О градоначальнике. Александр, следует тебе знать, что городами твоими должен управлять тот, кто отличается всеми теми качествами, что и печатник твой. А сверх того, чтобы он знал, сколько людей живет в городе этом, и что у них есть, чтобы прокормиться в течение года, и как они переносят осаду, как укрепить город твой башнями, и валами, и стеной, и всякими городскими оборонительными сооружениями, и чтобы заботился об укреплении города твоего в мирное время так, как и в немирное; и чтобы он бывал в чужих землях. Будь он уроженец земли твоей или происходит из неприятельской земли, он должен быть непримирим к неприятелю твоему, как ты сам. И чтобы он правил суд свой по книгам и отчитывался перед тобой; и чтобы он не снискал себе славы ложью и обидами и не покушался на чужое.

О маршале его. Александр, выбери себе на маршальство воина и храброго, и приятной наружности, и приветливого к воинам твоим — ведь они любимцы твои. Поэтому следует, чтобы он не поднимал руки своей ни на кого из них, и не бывал бы высокомерен ни с кем из них, не оскорблял бы их ни одним словом, и распоряжался бы судьбами их, не обращаясь к тебе, и воздерживался бы от хуления их, и бывал бы в чужих землях, и знал бы обычаи в разных царствах, и принадлежал бы к роду, достойному его сана; и готов был бы голову свою положить за

честь государя своего. Чтобы он был красиво одет, и богобоязнен, не обижал сирот и вдов, и достоин участвовать в посольстве к таким же особам, как государь его.

О тех, кто ведет перепись населения и рассматривает обиды населения. Александр, необходимо тебе каждый год быть уверенным в том, что каждый человек платит тебе годовщину за себя и за слуг своих: плату большую за себя, а за жен и за детей — плату меньшую, чтобы ты знал, сколько воинов у тебя есть в твоей стране, и сколько людей простых, и сколько богатых, и сколько бедных — чем каждый из них должен тебе служить. Доверяй это дело только людям, верным тебе, и заменяй каждый год иными всех тех, кто деньги твои собирает. Потому что благодаря этому ты избавишься от зависти среди слуг твоих, узнаешь каждого, кто верен тебе. Ты сможешь управлять ими, только имея для каждой должности заместителя, и таким образом ты не будешь известен ни одному из слуг своих. Александр, следует тебе иметь при себе специальных мастеров, которые умеют починить любой вид оружия, и всячески увеличивать количество пушкарей и всяких лучников.

О тех, которые собирают дань. Александр, ты уже знаешь, что народ — сокровище твое верное, что гибель твоя неизбежна с гибелью их, а царство твое благодаря им укрепишь. Поэтому считай их своим садом, а добро их как бы семенами и корнем того сада. Если ты испортишь корень и семя, — как ты восстановишь должным образом особенности породы? Но как ты любишь царство свое, так люби честь их и удаляй те вещи, которые не приносят им пользы. Следует, чтобы был твой сборщик дани осведомлен в делах, и богат, и не драчлив, чтобы он срывал плод, не сломав ветки и не засушив корня. И чтобы он был доброго нрава, и смиренным, не гневлив; а если он будет таким, то оттолкнет от тебя народ и таким образом исказит замысел царский. Также не поручай многим людям собирать деньги твои, чтобы тебе не быть в убытке.

ГЛАВА ПЯТАЯ. О ПОХОДАХ ЕГО И О ТЕХ, КОГО ОН В ПОХОД ПОСЫЛАЕТ И В ПОСОЛЬСТВО, И КАК ОНИ ПРАВЯТ ПОСОЛЬСТВО ЕГО

Александр, следует тебе иметь зеркало дорог, и изображение мира этого, и описание обычаев в разных землях: тогда ты узнаешь, как тебе должно готовить походы свои. Знай — пусть вразумит тебя Господь, — что посол показывает народу, к которому он послан, разум пославшего его. Ибо посол — это глаз пославшего в том, чего сам он не увидит, и ухо посла услышит то, чего пославший его не слышит, и это язык его

заочный. Он должен быть верен в дружбе, и любить тебя, избегать всех вещей предосудительных, и не быть пьяницей. Такого посылай и давай ему указания о деле своем, чтобы он знал отношение твое к этому делу. Но не давай ему указаний о том, чего еще нет, так как может измениться твое отношение к тому, что ты считал тогда лучшим. А если он будет отвечать названным требованиям, достаточно нам и того, чтобы посол был человеком верным, и не прибавил бы и не убавил ничего из слов твоих, и мало бы говорил о делах твоих, и остерегался бы пьянства, и всякой лести, и разговора с человеком, не наделенным полномочиями. И чтобы он понимал то, что слышит, и умел бы ответить на это. А если не будет такого человека, то только бы верен был и донес бы послания твои тому, к кому ты его посылаешь, и чтобы принес тебе ответ верный.

Александр, если ты увидишь, что твой посол сребролюбец и взяточник, не посылай его, так как он может впасть в соблазн, и взять дар великий, и принести тебе очень большой убыток. Как делали персы, которые каждому послу приносили вина и, напоив его, приносили ему серебро и золото и знали тогда, что тайна государя его будет им открыта. А если он отказывался от всего, они присылали к нему женщин красивых, чтобы обнаружилась тайна его. Дай также письменный наказ о посольстве послу своему и напиши ему обо всех действиях его тамошних, насколько можешь, а слова присланных к тебе также записывай. Отпуская чужих послов от себя, посади их, и воздай честь им по заслугам, и спроси, помнят ли они обо всем посольстве своем. Если посол будет изменять смысл прежних речей своих, то знай, что мысли государя его непрочны. Не позволяй ему долго оставаться у тебя, чтобы он не знал о делах твоих. Но если ты не можешь его быстро отпустить, устраивай для него пиры, чтобы утаить тайну свою от него. Не возлагай надежды на слово тех, кто изменяет слова твои, и на речи мздоимцев, так как из-за них нарушаются планы твои. Александр, остерегайся отправлять в посольство правителя своего и не удаляй его от своих глаз; ибо это приносит вред царству твоему.

ОБ УПРАВЛЕНИИ СЛУГАМИ СВОИМИ, И БОЯРАМИ, И ВИТЯЗЯМИ. ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПЯТНИЦА

Александр, проверяй каждого слугу своего, каково прилежание его в службе тебе, и мужество его по сравнению с соратниками его, и обходительность его в обращении и с духовными людьми, и с мирскими. И на такого полагайся, который отдаст жизнь свою за тебя. Не приближай к себе по службе и не принимай в совет свой чужестранцев, за исключением известных тебе, и остерегайся принимать на службу человека, близкого неприятелю твоему, который говорит в его пользу или ведет себя согласно обычаям земли неприятеля твоего. Александр, не отучишь от злых дел слуг своих иначе, кроме как обеспечив жизнь

их питьем и едой; и развлекайся с ними <...> стрельбой и потехами воинскими один день в неделю, чтобы ты видел, каков каждый из них в своем деле. А он будет приучен служить тебе тем, чем ты победишь неприятеля своего: именно этого требуй от них, а не чего-нибудь большего. Не смотри на происхождение их, но на дела их. Возвышай милостью своей лучших из них, ибо так ты достигнешь того, что придут из далекой страны и будут стараться, как бы лучше послужить тебе. Остерегайся слишком плохо оплачивать службу: тебе следует выказать сочувствие, увидев убытки их, и заботиться о каждом во время болезни его, и обеспечивать его всякими снадобьями, и оказывать им честь после смерти сообразно их заслугам. В этом цель твоей милости — заставить любить себя слуг своих, которые, видя это, отдадут с радостью жизнь свою за тебя; так ты овладеешь неприятелем своим. Александр, не давай никакого вооружения воинам своим, но лучше храни оружие для их нужд в своей оружейнице и производи смотр раз в неделю. Поручи свою армию верному человеку, умеющему угождать ей. Суди их судом праведным и защищай их от всякой хулы, как самого себя, ибо в них честь твоя.

О боярах его. Александр, знай, что бояре — укрепление земли и честь царя, а дети их от рождения находятся на службе твоей. С их помощью ты выполнишь замысел свой и будешь спокоен, если выезжаешь из земли своей; они — стена крепкая для народа твоего. Поэтому отдавай города свои достойнейшему из них и тому, который дольше служит тебе. Не оскорбляй их явно и воздавай честь каждому словом добрым и одеждой с плеч своих. Остерегайся весьма понижать того, кого ты возвысил, но только за провинность его, или возвышать кого-нибудь не по заслугам его — это воистину глупость и та причина, которая лишает царей славы их доброй. А также милостив будь к детям их соразмерно их заслугам, и приближай их к себе по службе больше, чем чужеземцев неопытных. И оставляй за каждым родовые владения его и выслуженные поместья его, так ты умножишь их любовь к себе, и научит сына своего отец положить голову свою за тебя; и они не захотят другого государя над собой, кроме тебя и сына твоего, из-за такой великой милости твоей. Александр, знай каждого боярина своего и печать его; это нужно тебе для некоторых вещей, необходимых царству твоему. И суди о достоинствах каждого человека по службе его, а не по владениям его или роду его. Как сказал Ромас: «Будь сыном кого угодно, если ты мудр. Ибо нет проку в происхождении без мудрости и достоинств своих собственных».

О витязях его. Александр, витязи — наиважнейшие в царстве люди и опора земли своей. Поэтому создай себе устройство лучшее в порядке подчинения их, чтобы тебе было известно о тех из них, кто далеко, и о тех из них, кто близко. Так ты не будешь иметь забот о том, кого из них послать и кому поручить войско свое, так что ты сможешь собрать количество их, которое тебе нужно. Наименьшее количество начальников — четыре, потому что сторон света этого четыре;

передняя и задняя, правая и левая; подобным образом восток, запад, юг, север. И пусть каждый начальник не обладает вечно своей четвертью. А если захочешь больше частей — увеличь их до десяти, потому что в десяти содержатся четыре следующие части: один, и два, и три, и четыре. Под каждым начальником по десять столечников, а под каждым столечником десять бояр, а под каждым боярином десять урядников, чтобы их было тысяча; а под каждым урядником будет десять человек, и таким образом получится десять тысяч. А если тебе потребуется тысяча человек, прикажи одному столечнику призвать бояр своих, а боярам урядников своих; так ты сможешь осуществить желание свое быстро. Таким же образом, если тебе будет нужно сто или десять человек, приказывай тем, кто над ними; чтобы было тебе легко управлять ими, потому что каждый будет приказывать тому, кто под его началом. А военачальником над витязями поставь человека мудрого, и верного, и не гордого, и терпеливого, и рассудительного, и знающего нрав подчиненных, знающего искусство воинское и как награждать каждого витязя. Так устрой дела эти, чтобы каждый понимал, как ему служить тебе, а не делай малому чином великого подарка, а великому малого подарка. А золотом и драгоценными камнями воздавай честь не другим слугам своим, но только военачальнику своему, и оказывай честь земельными пожалованиями и при дворе больше, чем другим слугам своим, и больше, чем правителю своему. Относись к ним так, как написано о твоем отношении к слуге, и встречай их словом добрым. А который не будет достоин чести — наказывай его тайно, а если он не откажется от дурного поведения — тогда образумь его в присутствии соратников его, а если он вновь не откажется от этого — прогони его прочь. И следует, чтобы они тебя почитали и боялись больше других слуг твоих. И не следует, чтобы они близко допускались к тебе, когда придут к тебе. Не говори с ними долго в присутствии других, но обо всем втайне, и не говори в присутствии никакого сановника, или гостя, или незнакомого человека, ибо это приведет к тому, что ты погубишь царство свое, как случилось с Тамостиосом-царем и другими древними царями.

Научи их приносить прошения свои в виде грамот, и чтобы они присылали их к тебе с людьми, достойными этого дела. И всякую грамоту прочти перед военачальником своим и гетманом своим, если речь идет о военном деле. А если нужно будет рассмотреть прошение или отдать приказ об этом, ты дай ответ и напиши его на другой стороне той же грамоты, которую принес тебе слуга твой; и весь род просителя будет тебе служить от всего сердца своего. А о чем не следует писать, откажи в мягких выражениях. И будь весел с ними при встрече и в разговоре застольном, потому что они будут веселы благодаря этому и будут гордиться этим. Умножится любовь их к тебе и к детям твоим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О ДЕЛЕ ВОЕННОМ, И ОБ УСТРОЕНИИ ПОЛКОВ, И О СТОРОЖЕВЫХ ПОСТАХ; КАК СЛЕДУЕТ РАССТАВИТЬ ВОЙСКО, С

КЕМ БИТЬСЯ И С КЕМ НЕ БИТЬСЯ; И О НАУКЕ ФИЗИОГНОМИКЕ; КАК СОХРАНИТЬ ЦАРЮ ЖИЗНЬ СВОЮ В ПИТЬЕ, И В ЕДЕ, И ВО СНЕ, И В ОДЕЖДЕ. СУББОТА

Александр, не выходи на опасное место во время войны и держись близко от главных людей из совета своего. И следует, чтобы твой полк обеспечен был лучше всех полков людьми, и орудиями, и находился на месте лучшем, чем первый полк, и чтобы в нем были люди опытные, и не обращающиеся в бегство, и побывавшие в далеких землях. Поэтому посылай уроженцев земли своей в далекие земли, чтобы они тебе приносили знания военные и обычаи царей доподлинно и знали бы все уловки военные. А все нужды пеших воинов, и всадников, и идущих на приступ, и других удовлетворяй согласно чести воинской, прежде названной. А того, кто принесет тебе жалобу несправедливую или об устройстве земли твоей, или о твоем собственном поведении — удали его из земли своей. Так ты научишь слуг своих, и укрепишь любящих правду, и обратишь грешников ко спасению.

Александр, пусть тебя не знают все, кто участвует в войне твоей. И будь покрыт доспехами под одеждой; а если ты можешь спать вооруженным — делай так. Не делай так, как делали цари глупые, которые обнаруживали себя во время войны. Я клянусь тебе: никогда не будет так, чтобы царь, увидевшись с царем, не думал о вреде его. Ведь сообщается в Писании о начале света, о преступлении Каина против Авеля, брата его. Потому что зависть и любовь к этому свету приводит к тому, что является властью; по природе света сего следует остерегаться этого. Знай, что война подобна телу и душе, которые состоят из двух противоположностей, восстающих друг на друга. В душе каждая из противоположностей также надеется победить другую, тело же состоит из двух врагов, из которых один вооружен против другого; а если бы у одного из них не было надежды победить, прекратилась бы эта война; смысл ее в том, чтобы победить врага своего. Потому пусть будет целью твоей укрепить сердца воинов твоих; и обещай им, что ты достигнешь победы; и покажи им, что ты имеешь в доказательство этого; и умножь у них оружие, которое бьет издалека, о котором я тебе напишу. Следует, чтобы встал законоучитель твой и произнес речь от твоего имени (а ты бы стоял здесь же в смирении великом), негодуя со слезами о неправде врага твоего, и обещая каждому из них милость твою больше прежней, и каждому обещая помнить доброту его и чистое сердце его. И обещай им, что сделаешь их вечными слугами своими, и увеличь им дары свои, и обещай сделать поселянина боярином, а боярина витязем. И скажи им, что правило и заповедь государственная гласит, что те, кто покинет государя своего на поле брани — лишены чести и доверия. Следует, чтобы законник твой рассказывал им пространно об этом в поучении должном и что нужно поститься, молить Бога со страхом и со смирением, потому что так они избавятся от скорби и печалей, которые их ожидают.

Александр, не вступай в битву, если не находишься в поле или на месте высоком. А если придется сражаться с теми, кто выйдет против тебя на поле, защищайся заслонами надежными и выставляй сторожей верных днем и ночью, чтобы не напал враг твой внезапно и не победил тебя. Раскидывай шатер свой только в месте надежном, например на горе или подобном месте, и близко от воды. И запасайся снедью на дорогу и дровами, даже если у тебя нет нужды в них.

Александр, приучи коней своих к пушечной стрельбе и к зверям диким, чтобы они не боялись ничего, ибо так ты победишь неприятеля своего. У каждого копейщика твоего, кроме коня, должна быть пищаль, чтобы при столкновении они оглушили коней неприятеля твоего и укрепили сердца воинов твоих. Следует, чтобы у тебя были воины различные: чтобы один был лучник, а другой копейщик. А когда ты пошлешь полк на неприятеля, посылай вместе с ним слонов и туры, а в них чтобы были лучники меткие и пушкари; если страх охватит воинов, пусть укрепится сердце их такой поддержкой. И разделив войско свое сообразно числу неприятеля своего, ставь справа людей в битве твердых, а слева — пушкарей, и пищальников, и стрельцов огненных, и орудия страшные, которые я сделал тебе, когда ты бился с индийцами. От этого звука страшного ужасом были охвачены сердца их, и смешались кони их — и все это благодаря сосудам этим самым. Необходимо, чтобы ты заботился о воинах и знал состояние своих людей и пушек их — тогда они будут бояться тебя, если узнают, что ты наблюдаешь за ними, и будут делать дело свое с большим старанием. И присматривайся к людям неприятеля своего; и с того места, которое у него слабейшее, начинай нападение на него. Действуй уверенно, когда разворачиваешь войско; а сам будь вооружен, и чтобы около тебя были люди храбрые и верные. И выставляй сторожей опытных во всем. Я никогда не видел, чтобы когда какое-нибудь войско терпит поражение с одной стороны, чтобы сердца врагов не были охвачены ужасом и с другой. Устраивай засаду большую с огнем и звуками страшными, ибо это подмога великая твоим воинам и дело важное в войне, потому что так ты вселишь ужас в сердце врага твоего. И укрепляй сосуды устрашающие на конях своих, которыми ты приведешь в смятение коней неприятелей своих. И увеличь в войске своем количество верблюдов для переноса тяжестей в пути и для устрашения вражеских коней.

О войне. Если же ты воевать будешь против города, приготовь себе пороки многие и великие и набросай в этот город огня, и камней, и запаха удушливого; так ты разрушишь стену их и испортишь воздух им. И создай себе орудие, чтобы разрушить стену; а стрелять <…> следует стрелами, намазав их ядом; направь лук коловоротный на них, потому что это вселяет ужас в сердца находящихся в крепостях великих. А ночью поставь тех, которые не умеют сражаться, и всех музыкантов

своих, чтобы они докучали им и мешали сну их. Остерегайся всяких уловок ночных и не делай гетманом и копейщиком робких людей. А если можешь — добивайся всех своих целей хитростями, потому что хитрости — основа военного дела. Считай битву крайним выходом при решении всех дел, как индийцы хитрые, а не злые турки, сердитые и глупые. Поэтому следует воевать с каждым народом по-разному, в соответствии с его особенностями. Не допускай, чтобы малая вещь снова стала великой, но подумай о ней, прежде чем она коснется тебя.

Вычисление имен. Знай, Александр, что это та тайна, о которой я тебе говорил, когда ты снаряжался против неприятеля своего и когда ты посылал против него одного из слуг своих. Это тайна Божья, которую он даровал нам; а я испытал эту тайну, обнаружил, в чем ее помощь, и извлек пользу из нее. Ты допытывался у меня о ней, а я скрывал ее от тебя и давал тебе только извлечь выгоду из нее. А теперь я открываю тебе ее с тем, чтобы ты ее никому не обнаруживал; но ты сам не выходи на битву против неприятеля своего, не вычислив, что ты одолеешь его. Если не будет число твое таким, как число неприятеля, то пошли слугу своего, сосчитав имя его, чтобы полученное число было больше числа имени неприятеля твоего. Сначала сосчитай имя свое и вычитай из полученного числа по девять, а то, что останется от имени твоего или само число девять, — храни это. Таким же образом сосчитай имя противника твоего и вычитай из полученного по девять, а остаток сохрани, пока не посмотришь числа во «вратах», которые я тебе напишу. А что найдешь, поверь мне, это истинно с помощью Божьей.

ВОРОТА ПЕРВЫЕ. О НАУКЕ ФИЗИОГНОМИКЕ. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Александр, знай, что наука эта нужна царю больше, чем другому человеку. Ибо для царя человек то же, что орудие всякое <...> для его мастера; если не будет мастер знать орудия своего очень хорошо, то не сможет делать работу свою должным образом. Ты уже знаешь, что природа мудра, действия ее не бессмысленны, а в действиях ее много добра и мало зла. Поэтому природа различия между нами установила, соответствующие каждому из людей, которые ходят, а лица их закрыты. Хотя мы различаемся одеждой, Александр, обрести истину легко и достойно способом доступным, а трудно и недостойно способом недоступным. Человек, близкий к разумному, пользуется его разумом, который является благодатью Божьей и знаком милосердия его к людям. Поэтому знай, что чрево матери для ребенка то же, что горшок для варева. Характеры различаются в зависимости от рождения, а природа человеческая в зависимости от состава.

О белизне. Белизна чрезмерная в сочетании с глазами голубыми и чрезмерно быстрыми — признак бесстыдства, коварства, и похотливости, и легкомыслия; посмотри на людей немецких, имеющих особенности эти, насколько они дурны и бесстыдны. А поэтому остерегайся всякого, у кого глаза голубые, а сам он слишком белый. Если же у него к тому же широкий лоб, и жидкая борода, и волосы на голове у него будут густыми, остерегайся его, как скорпионов индийских, которые убивают взглядом своим.

Также есть в глазах свои приметы — по ним ты не можешь ошибиться и узнаешь доброту и гнев каждого человека, смотря на глаза его. Худшие глаза те, цвет которых похож на голубизну бирюзы. У кого глаза большие и вылезли из орбит — тот завистлив, и ленив, и бесстыден, и лжив; а если к тому же они синие — этот еще хуже; и не может быть, чтобы глаз его не был злым. У кого глаза средние, и неглубоко посажены, и сурмистые или черные — тот расторопный и разумный, дружелюбный. У кого будут глаза как будто осокой прорезаны — тот обманщик. У кого они будут похожи на глаза животных, и остановятся как стрелы, и малоподвижные, и подслеповатые — тот глуп и груб по природе. У кого глаза быстро бегают — тот лживый и хитрый обманщик; а если к тому же они будут больными — тот выносливый и не щадит жизни своей. У кого около глаз точки — тот скрытен и знает много. Александр, если увидишь человека, который смотрит на тебя часто, а если ты взглянешь на него, засмущается, и покраснеет, и застыдится, сделает вид, что он весел, и накатятся ему на глаза слезы — знай, что он боится тебя. Но даже при наличии в глазах его перечисленных добрых признаков, если, когда ты посмотришь на него, он на тебя взглянет бесстыдно и без боязни — этот мало уважает тебя и завидует тебе, — не доверяй ему. Александр, остерегайся уродов, как ты остерегаешься неприятеля своего.

О волосах. Волосы жесткие — признак твердости ума и сердца. Волосы мягкие указывают на мягкое сердце, и холодность ума, и малоумие. Множество волос на плечах и на шее указывает на скотство, и такой человек глуп; также обильные волосы напротив сердца и на животе указывают на натуру животную и нелюбовь к правде, а любовь ко лжи. Смуглость чрезмерная — признак глупости и великого и скорого гнева; а если и волосы черные — это признак разума и правдолюбия, одного из двух.

О бровях. Если волос их густой — это признак лени и резкой речи. А если будет бровь, близкая к белому цвету и тонкая — это указывает на гордость. У кого бровь средняя и черная — тот расторопен и разумен.

О ноздрях. Ноздри тонкие — признак мягкосердия. Длинные ноздри до губ — признак кротости сердечной. Просто длинные — признак беспощадности. Раздутые ноздри — признак гнева и упрямства. Ноздри, толстые посередине, — это верный признак твердости и несправедливости. А лучше всего — когда ноздри не слишком длинные и толщины средней — такой человек разумен.

О лбе. Лоб гладкий, не видно вен на нем — признак сварливости и суетливости. Лоб средний по ширине и выпуклости, и вены на нем видны — такой человек верный, и любящий друзей, и расторопный, и разумный.

О рте. Рот широкий — признак твердости сердца и пристрастия к еде. Губы толстые — признак гнева и глупости. Средние же, красные весьма — признак справедливости.

Зубы выпуклые и частые — признак твердости, и хитрости, и неверности. Зубы же прямые и редкие — признак разума и верности.

О лице. У кого лицо с очень мясистыми челюстями — тот глуп, груб по природе. У кого лицо худое, желтое — тот злой и обманщик, недоброжелателен. Длиннолицый человек — бесстыдный. У кого выпуклые виски и вздувшиеся вены — тот гневлив.

Об ушах. У кого ухо большое — тот груб и тугодум. Если ухо маленькое — глуп и любит чужое.

О голосе. У кого голос низкий — тот тверд сердцем. У кого голос умеренный, по скорости и высоте, — тот разумен. У кого голос быстрый, а что еще хуже — если он к тому же высокий — тот бесстыден и плох. А у кого голос грубый и низкий — тот гневлив и злонравен. У кого голос неясный и гадкий — тот ревнив и хитроват. А у кого голос ровный — тот легкомыслен и горд; если изменяющийся — тот тверд и драчлив. Кто спокоен на месте своем, и речь его последовательна, говоря, двигает рукой своей в подходящее время — тот преисполнен разума и верен в делах своих.

О шее. У кого шея длинная и тонкая — тот легкомысленный и мягкосердечный; а если к тому же у него будет голова маленькая — этот еще хуже. Толстая шея — признак обжоры или пьяницы и человека недалекого ума.

О животе и о груди. Живот большой — признак глупости, такой человек обжора, мягкосердечный. Маленький же живот и узкая грудь — признак хорошего ума и доброго совета.

О плечах и спине. Широкие плечи и широкая спина указывают на твердость сердца и сообразительность. Спина слабая и грубая указывает на злонравие, прямая и хорошая — признак добрый. Приподнятые плечи указывают на злосердечность и злопамятность.

Руки длинные, так что ладони достают до колена, указывают на щедрость, и учтивость, и добродушие; а у кого они короткие — тот любитель ссор и мягкосердечен.

Ладонь длинная с пальцами длинными — признак высокого мастерства рукодельного и понимания царских дел.

На бедрах и голенях много мяса — признак немощи и слабости. Толщина голеней и лодыжек указывает на твердость ног и жизненную силу.

Нога грубая и мясистая указывает на глупость и лживость, маленькая же и нежная нога — признак злодейства.

Тонкая и маленькая пятка — признак злосердечности, толстая пятка — признак твердости сердца. У кого шаги широкие и тихие — тот благополучен в делах и словах своих, предвидит будущее и мягкосердечен.

Признаки хорошей натуры. Тело мягкое и нежное, среднее между тонким и толстым, между длинным и коротким; белый и румяный или смуглый; тонок лицом; волосы средние между прямыми и

завивающимися, русые волосы; с ровной и правильной формой головы, прямой шеей, с худыми плечами, не толст в животе и бедрах; голос его чистый, не сиплый, средний между низким и высоким; ладони его прямые, пальцы его длинные, скорее тонкие; слова его немногочисленны, но весьма вески; он мало смеется, лишь в подходящее время; в природе его преобладает желчь черная и красная; а взгляд его весел; и не превозносится над тобой в вещах, не приличествующих ему. Это поистине самый разумный из всех, кого сотворил Бог. Такого или близкого к такому ищи, и будешь благополучен. Ты уже знаешь, что государь больше нужен людям, чем люди ему. Поэтому пойми эти отмеченные признаки и углубись всем разумом своим преподобным в науку эту, и не будет печали в делах твоих с помощью Божьей.

СКАЗАНИЕ ОБ АРИСТОТЕЛЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сказание о еллинском философе, о премудром Аристотеле» присоединяется во многих списках к «Тайная Тайных». Но если последний памятник восходит к еврейской версии «Secretum Secretorum», то источник «Сказания» иной. Как установил В. Райэн, эта статья представляет собой сильно сокращенный перевод жизнеописания Аристотеля, входящего в знаменитую книгу Диогена Лаэртского (III в.) «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» — одну из самых популярных греческих книг и в средние века, и в новое время (см.: *Райэн В.* Древнерусский перевод жизнеописания Аристотеля Диогена Лаэртского // Slavia. 1968. Roč. 37, seš. 2. С. 349—355). Вероятно, объединение «Сказания об Аристотеле» с «Тайная Тайных» произошло уже в древнерусской рукописной традиции.

«Сказание об Аристотеле» кое в чем пополняло сведения древнерусского читателя о прославленном философе древности: здесь приводятся некоторые данные о его жизни, внешности, а также несколько его афоризмов; наконец, описывается странный прибор, который служил Аристотелю будильником. По наблюдениям В. Райэна, при переводе опускалось все, что могло как-нибудь опорочить Аристотеля. С какого языка сделан перевод, остается неясным. «Сказание о еллинском философе, о премудром Аристотеле» публикуется по изданию: *Сперанский М.* Из истории отреченных книг, IV. «Аристотелевы врата», или «Тайная Тайных». СПб., 1908 (Памятники древней письменности и искусства, т. 171). С. 240—241, по рукописи 1640 г. — ГИМ, Синодальное собр., № 723, лл. 129—131. Текст выверен по рукописи.

ОРИГИНАЛ

СКАЗАНИЕ О ЕЛЛИНСКОМ ФИЛОСОФЕ, О ПРЕМУДРОМ АРИСТОТЕЛЕ

При Аминфе, царе макидонстем,[1] был еллинский философ Аристотель премудрый, учитель Александра, царя макидонскаго.[2] Ученик же бѣ Платона, философа еллинскаго; иже всѣх превзыде в научении платонских учениковъ премудростию, и разумом, и всякими философскими и *риторьскими* учении и наказании. Любим же бѣ и знаем Аминфием царем для премудрости и разума его. Бѣ же се Аристотель премудрый от страны Стачеритския, отца же богата и славна мужа именемъ Ничемача.[3] Образ же имѣл возраста своего средний, глава его невелика, глас его тонокъ, очи малы, ноги тонки; а ходилъ в разноцвѣтном и хорошом одѣянии. А перьстней и чепей золотых охочь был носити.

А говорил и писалъ въ книгах своих сице: «Неусыпно естество Божие, бытие не имущи начала, от него же все крѣпъкое существится словом», и прочая. И ины многыя мудрости написал и о немощах нутренних изъявил.[4]

А самъ умывался в суднѣ маслом древяным теплым.[5] А какъ ложился на одрѣ постеля своея спати, и онъ держалъ в руцѣ своей яблоко меденое, а подъ яблоком у постели своей ставил умывалницу великую, мѣдяную же, того ради, да егда уснетъ сном глубоким, и послабѣетъ крѣпость плоти его, и выпадет то яблоко мѣденое из руки его и падет во умывалницу. И учинится стукъ и зукъ от обоих сих, и разшумит его от сна глубокаго, и будет яко не хотяй сна. И то была мѣра времени сна его.

Нѣкогда же убо премудрый Аристотель вопросим бысть о философии и о свободных мудростех. Он же о философии отвѣща: «Могу живущи то здѣлати без велѣния, что иный толь не сотворит по закону и с понуждением». А о свободных мудростех[6] рече: «Корени свободных мудростей и горки суть, но плоды их велми сладки». И паки вопросим бысть от любопремудрых: «Что, — рече, — польза человеку тому, иже вмѣсто истинны и лжу глаголет?» — он же тако к ним отвѣщал: «Егда тот человекъ и правду скажет, и онъ не вѣренъ будетъ».

А о дружбе рече, еже убо едино души во многих телесех живление бывает. К нему же паки рѣша: «Како бывают совѣты и бесѣды ученому человеку с неученым?» Он же к ним отвѣщалъ: «Яко же и мертвый не требует от живаго ничто же, тако и неученый человекъ не приобщается

совѣту ученаго человека ничим же. Учение бо, — рече, — во обители угодно и во обиде помочно».

Нѣкий человекъ брань износя и хулы глаголаше ко Аристотелю. И отшед, и абие возвращся и рече: «Не в досаду ли ти есть о семъ, еже ти пред очима брань и хулу изнесох?» Аристотел же к нему отвѣщал: «А язъ на тобя в тое пору не възглянулъ». И паки той же человекъ рече Аристотелю: «Слышах, — рече, — другаго человека, иже за очи велию ти брань творит и хулы тебѣ глаголет». Он же к нему отвѣщал: «Человече, егда от него прочь отиду, вели ему и бити меня».

---

[1] *При Аминфе, царе макидонстем...* — Македонский царь Аминта III, отец Филиппа Македонского, правил в 393/392—370 гг. до н. э. Диоген Лаэртский пишет, что другом царя Аминта был Никомах, отец Аристотеля, служивший его придворным врачом.

[2] *...учитель Александра, царя макидонскаго...* — В 343/342 г. до н. э. Филипп Македонский призвал Аристотеля для обучения своего сына Александра.

[3] *...от страны Стачеритския, отца же богата и славна мужа именемъ Ничемача.* — Стагир — маленький городок в древней Фракии.

[4] *А говорил... нутренних изъявил.* — Этому отрывку нет соответствия в сочинении Диогена Лаэртского.

[5] *А самъ умывался в суднѣ маслом древяным теплым.* — Диоген Лаэртский говорит, что после купания в масле Аристотель его продавал.

[6] *...о свободных мудростех...* — В оригинале — об «учении». Насчитывали семь «свободных мудростей»: грамматика, диалектика, риторика, музыка, арифметика, геометрия, астрономия.

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ ОБ ЭЛЛИНСКОМ ФИЛОСОФЕ, О ПРЕМУДРОМ АРИСТОТЕЛЕ

При Аминте, царе македонском, жил эллинский философ Аристотель премудрый, учитель Александра, царя македонского. А учеником он

был Платона, философа эллинского; и он превзошел в обучении всех учеников Платона премудростью, и разумом, и во всяких философских и риторических науках и знаниях. Его любил и знал Аминт-царь из-за премудрости и разума его. Этот Аристотель происходил из места Стагира, а отец его был богатым и славным мужем по имени Никомах. Роста он был среднего, голова у него была небольшой, голос высокий, глаза маленькие, ноги худые; а носил он разноцветную и хорошую одежду. Любил он носить перстни и цепи золотые.

Он говорил и писал в книгах своих так: «Бесконечно существо Божье, бытие которого не имеет начала, а силой слова его все крепкое происходит», и прочее. И другие многие умные вещи он написал и о недугах внутренних разъяснил.

А мылся он в сосуде с маслом оливковым теплым. А когда он ложился в постель свою спать, то держал в руке своей яблоко медное, а под яблоком у постели своей ставил умывальник большой, также медный, для того чтобы, когда он заснет сном глубоким и ослабеет напряжение тела его, тогда выпало яблоко медное из руки его и упало в умывальник. И раздастся стук и звон от них, и это пробудит его от сна глубокого, так что он уже не будет хотеть спать. Это была мера для сна у него.

Однажды премудрого Аристотеля спросили о философии и о свободных мудростях. Он же о философии ответил: «Благодаря ей я могу в жизни то сделать без повеления, что другой не сделает даже по закону и по принуждению». А о свободных мудростях сказал: «Корни свободных мудростей хотя и горьки, но плоды их весьма сладки». И также когда его спросили любознательные: «Какая, — спросили они, — польза человеку в том, что он вместо истины ложь говорит?» — он так им ответил: «Когда такой человек правду скажет, и тогда ему не поверят».

А о дружбе он сказал, что это одна душа, во многих телах живущая. Его вновь спросили: «Как происходит общение и разговор ученого человека с неученым?» Он же им ответил: «Как мертвый не получит от живого ничего, так и неученый человек не поймет ничего в рассуждении ученого человека. Ибо наука, — сказал он, — в жизни приятна и в обиде помогает».

Один человек бранью осыпал и хулы возводил на Аристотеля. Он ушел, но затем вновь возвратился и спросил: «Не досадно ли тебе то, что я тебя в глаза бранил и хулил?» Аристотель же ему ответил: «А я на тебя

тогда не смотрел». И опять тот же человек сказал Аристотелю: «Слышал я, — сказал он, — как другой человек за глаза великой бранью тебя осыпает и хулы на тебя изрекает». А тот ему ответил: «О человек, когда я от него прочь уйду, пусть он хоть бьет меня».

СОЧИНЕНИЯ ИВАНА СЕМЕНОВИЧА ПЕРЕСВЕТОВА

Подготовка текста М. Д. Каган-Тарковской, перевод А. А. Алексеева, комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Челобитные Ивана Пересветова — выдающиеся публицистические памятники XVI в., дошли до нас только в списках XVII в. (начиная с 30-х г.). Большинство этих списков представляют собой сборники, содержащие целый комплекс сочинений Пересветова. Сборники эти могут быть разбиты на две редакции — Полную и Неполную. Полная редакция включает: «Повесть об основании Царьграда» и «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера (см. наст. изд., т. 7), «Сказание о книгах», «Сказание о Магмете-султане», «Первое предсказание философов и докторов», «Малую челобитную», «Второе предсказание философов и докторов», «Сказание о царе Константине», «Концовку»; «Большая челобитная» не занимает в этом комплексе постоянного места, а помещается то в конце, то в начале, то совсем отсутствует. В сокращенном изводе Неполной редакции есть обе челобитные; «Повесть об основании Царьграда» заменена кратким отрывком, «Концовка» также сокращена, отсутствуют «Сказание о книгах» и «Второе предсказание философов и докторов»; в Барсовско-Никоновском изводе той же редакции «Повесть об основании Царьграда» и «Сказание о книгах» читаются, но зато нет обеих челобитных и предсказаний философов; в Хронографическом изводе нет и «Повести об основании Царьграда».

Если текстологические взаимоотношения между этими двумя редакциями установлены достаточно убедительно (ср.: Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.; Л., 1956. С. 78—120; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 245—266), то гораздо более сложным представляется вопрос об истории самих сочинений Пересветова — до их объединения в сборники. Были ли эти сборники, в том виде, в каком они дошли до нас, созданы самим Пересветовым? Едва ли это так — нам представляется более вероятным, что сборники эти сложились в XVII в. (подобно сборникам, включавшим сочинения Курбского и Грозного). Однако мы не можем с достаточной уверенностью восстановить первоначальный

текст обеих челобитных (и особенно — Большой) и публикуем их в том виде, в каком они дошли в сборниках Полной редакции.

Челобитные Пересветова издаются по Олонецкому списку Полной редакции — БАН 33.7.11 (30-е гг. XVII в.), где они помещены на лл. 225 об.—252 (Большая челобитная) и лл. 328 об.—332 об. (Малая челобитная). Исправления даются по Музейному I списку Полной редакции — РГБ, собр. Музейное № 4469 (30-е гг. XVII в.) лл. 66 об. — Малая челобитная, лл. 83 об. — 100 — Большая челобитная; самое значительное из них — вставка в начале Большой челобитной целого фрагмента — от слов «котораго царя мудрости его прирожденныя воинская оминет» до слов «Да естьли хотѣти царской мудрости отвѣдати о воинстве».

ОРИГИНАЛ

МАЛАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Государю благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии бьет челом холоп твой государевъ Ивашко, Семенов сынъ, Пересвѣтов,[1] чтобы еси, государь, пожаловал холопа своего, велѣлъ службишко моего посмотрити.

Коли есми выехал на *твое* государево имя и вывез есми образецъ тое службы[2] к тебѣ государю, и тот образецъ службы моей пред тобою пред государем клали. И ты, государь, образецъ службы моей смотрил и Михайлу Юрьевичу меня, холопа своего, приказал[3] и образцы службы моей Михайлу же дал. И Михайло Юрьевич образцы посмотрив и тебѣ, государю, службу мою похвалил и обо мнѣ тебѣ, государю, печаловался.

Дѣлати было, государь, мнѣ щиты гусарския[4] добраго мужа косая сажень, с клеем и с кожею сырицею, и с ыскрами, и с рожны желѣзными, — а тѣ, государь, щиты макидонсково оброзца.[5] А дѣлати их в ветляном древе, легко, добрѣ и крѣпко: один человѣкъ с щитом, гдѣ хощет, тут течет и на конѣ мчит. И тѣ щиты в поле заборона: из ближняго мѣста стрела немет, а пищаль из дальные цѣли неймет ручныя. А из-за тѣхъ щитов в поле с недругом добро битися огненною стрельбою из пищалей и из затинных,[6] з города. И приказал был еси государь Михайлу Юрьевичу мнѣ дати плотников к тому дѣлу и иных мастеровъ, которые мнѣ было надобеть к тому дѣлу. Да из-за тѣхъ же государь щитов на *Волге*[7] не похочет с недруг воинством своим *берега* дати, ино мочно, государь, у него твоим воинником из-за тѣхъ щитов берег взяти. И Михайлу Юрьевича борзо в животѣ не стало,[8] и вскоре преставися. И та, государь, служба моя задлялося. И тебе, государю, надобе ли службишко мое?

А выезду, государь, моему 11 лѣтъ,[9] а яз тебя, государя благовѣрнаго, доступити не могу. А яз тебѣ, государю, говорю надобя для твоего царскаго воинства мудрого, чтобы моя служба не мерла за мною, а тебѣ, государю, надобеть вскоре на недрузи твои. А велѣл бы еси, государь, дѣлати щиты на триста человѣкъ, да велѣлъ бы еси, государь, на триста коней юнодцких дѣлати щиты же, которые горазди смертною игрою играти противу недруга за християнскую вѣру и за тебя, государя, великого царя.

Служил есми, государь, у угорского короля Вьянуша на Гусины граде[10] службу дворянскую на шесть коней, а имал есми, государь, на всякой конь по семи золотыхъ на двенатцать недѣль. А был есми, государь, там три годы в полку с Федриком с Сопѣжничиком,[11] было, государь, насъ дворян триста королевских, короля полскаго, а ездили есми с королевского вѣдомо к угорскому королю. А яз, государь, тѣ щиты видел там гусарския с оброзца с макидонсково.

Да служилъ, есми, государю, четцкому королю Фодыналу[12] дворянскую службу на семи коней, а имал есми, государь, на всякой конь по семи золотых на двенатцать недѣль. Было нас, государь, полсково короля пять сот, а был у нас гетман Андрѣй Точинской,[13] староста былъ бѣлской. Служили есми, государь, у чатцково короля три годы с вѣдомо полского короля, коли грамоты его с нами были. И оставя яз там дворянскую службу, и выехал есми на твое государево имя, слышавши от многих мудрецов, что быти тебѣ, государю, великому царю по небесному знамению.[14] И ты было, государь, своим царским жалованьем — помѣстьем пожаловал меня, холопа своего, гораздо. А с собою есми собинки вывез гораздо же.

И твое государь жалованье — помѣстье от великих людей от обиды нарядили пусто, а яз тебя, государя благовѣрнаго царя, доступити не могу, пожаловатися на них. Да и собинку есми, государь, изтерял, которую с собою вывез из королевствъ: в моих обидах и в волокитах вся пропала. Службу твою государеву служу: с Москвы на службу, а с службы к Москве, а в помѣстье, государь, в твоем жалованье, не дадут жити ни часу недруги. Нас, государь, приезжих людей не любят. И нынѣ, государь, от обидъ и от волокит наг и бос, и пѣшь. Служил есми, государь, трем королем,[15] а такия обиды ни в котором королевстве не видал. Что есми с собою собинки ни вывез, то все здѣ потерял в обидах, в волокитах. С Москвы на службу, а с службы к Москвѣ, а тебя, государя благовѣрнаго царя, доступити не мочно.

Умилосердися, государь благовѣрный царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, обыщи своим царьским обыском и оборони от насильных людей, чтобы холоп твой государевъ до конца не погиб и службы твоей царские не остал. А яз, холоп государевъ, слышачи про твое мудрое воинство и счасливое, ехал к тѣбе, государю, нароком для твоей мудрости, оставивше королевския службы богатыя.

БОЛЬШАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Мудрость греческих философов и латынских дохтуровъ[16] и Петра, волоского воеводы.[17] А вывез сия рѣчи и дѣла царьския изо многихъ королевствъ ко благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии Иван, Семенов сынъ, Пересвѣтов.

Аще кто хощет при помощи Божии вѣдати, котораго царя мудрости его прирожденныя воинская оминет и приидет на него великая *кротость*, то и есть уловление врагов его: не будет царь мыслити о воинствѣ, ни о управѣ во царствѣ своем, и будет веселитися с тѣми, которыя ему сердце разжигают вражбами и многими прелѣстными путми. А на воинники свои великие кручины напустит и на все царство свое неутолимыя бѣды великия от велможъ своих. Да ничтоже ему не будет мило, *ни*которая мудрость воинская, ни жития царства того. Или которыя мудрости воинския будут доходити до него или от его прирожденной мудрости царской, и учнет ставити их ни за что.

И так рече Петръ, волоский воевода: «Да естьли хотѣти царской мудрости отвѣдати о воинствѣ и о уставе жития царьского, ино прочести взятие греческое до конца, и не пощадити себя ни в чем, да тамо найдет всю помощь Божию. Богъ помогает не ленивым, но кто труды приимает и Бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведный суд судит. Правда — Богу сердечная радость, а царю великая мудрость».

Примѣтил ли еси, государь, Петра, волосково воеводу? Был тебѣ, государю, великий доброхот и царьству твоему. А яз, государь, слышав потому тѣ рѣчи ево и, переписав, вывес тебѣ, государю, служачи тебѣ, государю. И как полюбится тебѣ, государю, службишко мое, холопа твоето?

И тако говорит Петръ, волоский воевода: «Ленилися греки за християнскую вѣру крѣпко стояти против невѣрных, и онѣ нынѣ неволею бусурманскую вѣру берегут от находа. Царь турский у греков и у сербовъ дѣти отнимает седми лѣтъ на воинскую науку, и во свою вѣру приводит ихъ, и они же з детми своими разстоваючися великим плачем плачутся, да никтоже себѣ не пособит».

Государю благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии бьет челом холоп твой государевъ,[18] выежжей из Литвы Ивашко, Семенов сынъ, Пересвѣтов. И вывез есми, государь, тебѣ речи, государю, изо многих королествъ *и* от Петра, волоского воеводы, и дѣла твоя царьския.[19] И тѣ, государь, рѣчи и дѣла легли в казнѣ твоей государеве, а меня, холопа своего, за тѣ рѣчи и дѣла вѣлѣлъ горазда пожаловати. А тѣ, государь, рѣчи и дѣла и до сѣхъ мѣстъ пред тобою государемъ не бывали. Ино, государь, противен пред тобою, государемъ, а дѣла твои, государь, у меня службы моей.

А в тѣхъ, государь, королевствахъ твоему царскому прироженiю и небесному знамению велми дивилися, и восхвалили и славили мудрыя люди, философи греческия и дохтуры латынския, и рькли про тѣ рѣчи: «Годится такову царю воинску от Бога мудрому прироженному таковыя рѣчи златом росписати про себя на многие лѣта держати, и после себя иному царю оставити таковыя дѣла и славу свою царьскую». А яз, государь, тѣ рѣчи и дѣла достал в королевствах в мудрыхъ людех. Как тебѣ, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего?

А яз, государь, выѣхал с тѣми рѣчми из Литвы, — уже тому 11 лѣтъ минула, — служачи тебѣ, государю благовѣрному, царю великому вѣрному, поминая своих пращур и прадѣд, как служили вѣрно государем рускимъ великим князем, твоим пращуром: Пересвѣт и Ослябя в чернцѣхъ и в скимехъ со благословением Сергия-чюдотворца на Донском побоище[20] при великом князе Дмитрее Ивановиче за вѣру християнскую и за святыя церкви, и за честь цареву пострадали, главы своя положили. А яз, холопъ твой, на то же выехал на твое царьское имя, во всем тебѣ, государю, вѣрно служити, сколко Богъ поможетъ.

Пишут о тебѣ, государе, мудрые философи греческия и дохтуры латынския, о благовѣрном великом царѣ, что будет о тебѣ, государе, слава велия во вѣки, яко о цесарѣ Августе и о царѣ Александре Макидонстем, и тако же и о тебѣ, государе, тѣ мудрые философи пишут и о твоем государеве воинстве, и о мудрости твоей. Да и то начитают в мудрых книгах своих, яко введешь правду великую во царьство свое и утѣшишь Бога сердечною радостию. И тако начитаютъ мудрые философи, что не будет таковые правды под всею подсолничною: яко в

твоем царьстве государеве от твоей мудрости великой грозы царьской лукавые судьи яко от сна возбудятся, да и посрамятся от дѣлъ своихъ лукавых, да будут сами о себѣ дивитися, что собирали безчисленно. Ино тако пишут о тебѣ благовѣрном царѣ: ты, государь грозный и мудрый, грѣшныхъ на покаяние приведешь и правду во царьство свое введешь, Богу сердечную радость воздашь.

Ко Августу кесарю во убогом образе прииде нищий. Пришед воинникъ и принес великия мудрости, и он его про то пожаловал, *держал его* блиско себя и род его. А ко царю Александру Макидонскому пришед воинник[21] во убогомъ же образе с великою мудростию воинъскою. От богатых мудрость воинская не почитается николиже. Хотя и богатырь обогатѣетъ, и обленивеетъ. Богатый любитъ упокой, а воинника всегда чредити яко сокола, сердце ему веселити, ни в чемъ кручины на него не напускати.

А яз, холопъ твой, Ивашко Пересвѣтов, одиннатцать лѣтъ минуло, не могу доступити тебя, государя благовѣрного царя великого князя. Кому ни подамъ память, и онѣ до тебя, государя, велможи твои, не донесутъ. А на приѣзде, государь, приказал еси меня, холопа своего, боярину своему Михайлу Юрьевичю во всем. И вскоре, государь, после твоего государева приказу Михайло Юрьевич преставился, а яз, государь, без приказу и по ся мѣста живу, до тебя, государя, доступити не могу, побити челомъ о приказе. А приѣзжему, государь, человѣку без приказу и без береженья пробыти не мочно в твоем государеве царьстве. И доступил есми тебя, государя, у празника в церкве на Рожество пречистыя Богородицы,[22] и подал есми тебѣ, государю, две книжки с твоими речми царьскими, что есми вывез из ыных королевствъ, служачи тебѣ, государю благовѣрному царю и великому князю. И ты, государь, меня, холопа своего, не приказал никому. И будетъ тебѣ, государю великому царю, не полюбится службишко мое и рѣчи, что яз тебѣ вывез из ыных земель и королевствъ, слышавъ от многихъ мудрыхъ людей и дохтуров и философов про твое царьское мудрое прирожение, и так пишут о тебѣ о великом царѣ по небесному знамению о твоем царьстве и о мудром воинстве беречи вѣры християнския и умножати, и невѣрных в вѣру приводити, и славу Божию возвышати, и правду во царьство свое ввести, Богу сердечную радость ввезсти, и ты, государь, тѣ книшки обе вели отдать назад. Да и сию книжку прочетши вели мнѣ же отдати,[23] и только тебѣ не полюбится, благовѣрному царю.

Ѣхал есми, государь, из Югор на Волоскую землю[24] и был есми пять мѣсець у Петра, волоского воеводы, в Сочаеве.[25] И он про тебя, государя благовѣрного царя, и про твое царьство говорит на всяк день, и у Бога просит во умножение вѣры християнские. И онъ говорит: «Такова была вѣра греческая силна и мы ся ею хвалилися, а ныне рускимъ царьством хвалимся». Да говоритъ так: «Боже, поблюди еѣ от

невѣрныхъ и от ереси вражия». Да того не хвалит, что крестъ целуютъ, да изменяют,[26] то есть велия ересь, что за вѣру християнскую не стоятъ, а государю вѣрно не служат. Да и того не хвалит, что усобную войну на царство свое напускаетъ, дает городы и волости держати вельможам своимъ,[27] и вельможи от слез и от крови рода християнского богатѣют нечистым собраньем, и как сьѣдут с кормленей и с волостей, а в обидах присужают имъ поле,[28] и в том на обе страны много греха сотворяют. Крестъ целуют на виновате оба исца,[29] — истецъ и отвѣтчик: один приложивши ищет в своей обиде, а другой всего запирается, и в том оба ихъ во гресѣ погибают, и в великую ересь впадают, и на Бога хулу кладут, и не крѣпко крестъное целованье держат, тѣмъ Бога всѣмъ гнѣвят. Чѣмъ вѣра християнская украшена, а они того крѣпко не держат.

Тако говоритъ Петръ, волоский воевода, про первого царя турского Махмет-салтана:[30] «Невѣрный царь, да Богу угодно учинил: великую мудрость и правду во царьство свое ввел, по всему царьству своему розослал вѣрныя своя судьи, и пооброчивши их ис казны своим жалованьемъ,[31] чѣмъ им мочно прожити з году на год. А судъ дал полатный во всем царство свое судити без противня, а присуд велѣл имати на себя в казну, чтоб не искушалися и в грѣхъ не впадали, Бога не разгневили. Да какова вельможу пожалует за ево вѣрную службу каким городом или волостью, и онъ пошлет к судьямъ своим и велит по доходному списку выдати ис казны вдруг.[32] А просудится судья, ино им пишется такова смерть по уставу Махметеву: возведет его высоко, да бьет его взашей надол, да речет тако: «Не умѣлъ еси в доброй славе жити, а вѣрно государю служити». А иныхъ живых одираютъ, да речет тако: «Обростешь тѣлом, отдастъ ти ся вина та». По уставу Махметеву с великою грозною мудростию а нынешнии цари живут.[33] А виноватому смерти розписаны, а нашедши виноватого не пощадити лутчаго, а казнят ихъ по дѣлу дѣл ихъ. Да рекут тако: «От Бога написано: комуждо по дѣломъ его».

А тако говорит Петръ, волоский воевода: «Знаменуется в мудрых книгах, пишут философи и дохтуры о благовѣрном великом царѣ руском и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии, что будет у него во царьстве таковая великая мудрость и правда неправедным судьямъ от его мудрости великия, от Бога прироженныя».

А тако говорит Петръ, волоский воевода, про руское царьство, что: «Вельможи руского царя сами богатѣют а ленивеют, а царьство оскужают его. И тѣм ему слуги называются, что цвѣтно и конно и людно выезжают на службу его, а крѣпко за вѣру християнскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тѣм Богу лгут и государю».

Ино тако говорит Петръ, волоский воевода: «Что ихъ много, коли у нихъ сердца доброго нѣту и смерти боятся, не хотят умрети. Всегда богатые о войне не мыслят, а мыслят о упокое. Хотя и богатырь обогатѣет, и онъ обленивеетъ».

Тако говорит Петръ, волоский воевода: «Воинника держати, как сокола чредити:[34] и всегда сердца имъ веселити, а ни в чем на него кручины не напускати».

Ино тако говорит Петръ, волоский воевода: «Таковому силному государю годится со всего царьства своего доходы себѣ в казну имати, и из казны своея воинником серца веселити, ино казнѣ ево конца не будет. Который воинникъ лют будет против недруга государева смертною игрою играти и крѣпко будет за вѣру християнскую стояти, ино таковым воинником имяна возвышати и серца имъ веселити, и жалованья имъ из казны своея государевы прибавливати, и иным воинником серца возвращати, и к себѣ ихъ блиско припущати, и во всем имъ вѣрити и жаловати ихъ, послушати во всем и любити ихъ, аки отцу детей своих, и быти до них щедру. Щедрая рука николиже не оскудевает и славу царю собирает. Что государю щедрость к воинником, то его и мудрость».

А про тебя, про государя, про великого царя благовѣрного говорит Петръ, волоский воевода: «Таковому государю годится держати дватцать тысячь юнаков храбрых со огненною стрельбою[35] гораздо ученою и стрельбы поляницъ со украины[36] на поле при крепостехъ от недруга, от крымского царя, и оброчивши их из казны своим жалованьемъ государевым годовым. И онѣ навыкнут в поле жити и от недруга, от крымского царя, воевати. Ино та ему дватцать тысечь лутчи будет ста тысящ, а украины его будут всѣмъ богаты и не оскужены от недругов. А мочно ему таковому сильному царю то все учинити».

Тако говоритъ Петръ волоский воевода, про греческое царьство: «Велможи греческия при царе Констянтине Ивановиче царьством обладали[37] и крестное целование ни во чтоже ставили, и изменяли, и царьство измытарили своими неправедными суды, от слез и от крови християнския богатѣли и богатство свое наполнили нечистым собранием. А сами обленивели, за вѣру християнскую крѣпко не стояли и царя укротили от воинства своими вражбами, и прелестными путми, и ерестными чародѣйствы. И тѣмъ царьство греческое, и вѣру християнскую, и красоту церковную выдали иноплемянником турскимъ на поругание. А нынѣ сами греки за свою гордость и за беззаконие, и за

ленивство свое вѣру християнскую у царя у турсково откупают: и великие оброки даютъ царю турскому, а сами в неволе у царя у турсково за свою гордость и за ленивство живут. Греки и сербы наймуются овецъ пасти и верблюдов у турского царя, и лутчие греки, и они торгуютъ».

Говорит Петръ, волоский воевода, с великими слезами про ту вѣру християнскую руского царьства. И просят у Бога всѣ, государь, во умножение вѣры християнския от восточнаго царьства, от рускаго царя благовѣрнаго и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии. Тѣмъ царьством руским ныне и хвалится вся греческая вѣра, и надѣются от Бога великого милосердия и помощи Божии свободити руским царемъ от насильства турскаго царя-иноплемянника.[38]

И говорит Петръ, волоский воевода: «Таковое силное, и славное, и всѣмъ богатое то царьство Московское! Есть ли в том царьстве правда?» Ино у него служит москвитинъ Васка Мерцалов, и он того спрашивал: «Ты гораздо знаешь про то царьство Московское, скажи ми подлинно!» И он стал сказывати Петру, волоскому воеводе: «Вѣра, государь, християнская добра, всѣмъ сполна и красота церковная велика, а правды нѣту».[39] Ктому Петръ волоский воевода заплакал и рекъ тако: «Коли правды нѣтъ, ино *то* и всего нѣту».

Тако говорит Петръ, волоский воевода: «Истинная правда Христос есть, сияет на всѣ небесныя высоты и на земныя ширины, на преисподния глубины многочисленно светлѣе солнца. Всѣ ему колѣна поклонилися небесныя и земныя, и преисподния, и всѣ его святое имя восхвалили и прославили, яко святъ Господь Богъ нашь, силен и крѣпок, и безсмертенъ, и велик Богъ християнский, и чюдна дѣла его, долготерпелив и многомилостивъ. И в котором царьстве правда, в том царстве и Богъ пребывает и гнѣвъ Божий не воздвизается на то царьство. Нѣтъ сильнее правды в божественном Писании. Правда Богу сердечная радость, а царю великая мудрость и сила. Помилуй, Господь, вѣры християнския тоя от неправды. Тако боролся диявол всѣми неправдами з грѣки, не любячи вѣры християнския, для тово что вѣра християнская Богу люба; всѣхъ вѣръ лутчи, Богъ ее любит, и диявол изборол всякою неправдою. Ино нынѣ на то надѣются, что пишут мудрыя философи и дохтуры о благовѣрном царѣ и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии, что он будет мудръ и введет правду во свое царство».

И тако говорит Петръ, волоский воевода, и просит у Бога милости, моляся: «Боже, дай милосердие свое великое, чтобы та его мудрость не обинулася благовѣрнаго и великого царя, и толко бы по нашимъ грѣхом

да не то царство руское осталося, и просияло вѣрою християнскою волное царство, и нам было нѣчим говорити греческой вѣре, яко жидом и ормяном нѣчим говорити, что нѣтъ у них волнаго царя и царства волнаго. А мы тѣмъ царством християнским руским греческой вѣре хвалимся». И тако говорит Петръ, волоский воевода: «Поблюди его, Господи, многолѣтно и на умножение вѣры християнской».

Да о том добрѣ дивится Петръ, волоский воевода, и говорит так: «Великий государь, силный царь благовѣрный такия великия досады терпитъ от своего недруга от казанскаго царя.[40] Тот ему пущей недруг, казанской царь, не надобет ему тако много терпѣти. Так был Магмет-царь, салтан турской, к Царюграду дань давал, з благовѣрным царемъ жил в велии смирении и безбранно,[41] а отецъ его был разбойник на море и турскую землю осилел и засѣлъ,[42] и потом грѣх ради наших Магмет-салтан, турской царь, разбойнический род, асилел, Царьград взял и благовѣрнаго царя Констянтина потребил, и красоту церьковную обезчестил, и звон церковный поотнимал, и кресты с церквей поснимал, и образы чудотворные из церквей нечестно выносил, и в церквах мизгити подѣлал на свои скверныя молитвы».

И Петръ, волоский воевода, говорит и Бога молит: «Боже, поблюди и буди милостивъ над руским царем благовѣрным и великом князем Иваном Васильевичем всеа Русии, и над царством его, да не уловили бы его тако же велможи его враждбою от ереси своей и лукавъством своим, да не укротили бы его от воинства, бояйся смерти, чтобы имъ, богатым, не умирати. Якоже благовѣрнаго царя Констянтина Ивановича Царяграда велможи укротили от воинства враждбою ереси своея и ленивства ради лукавством своимъ, и онѣ царство вѣрное потеряли, царя благовѣрнаго потребили иноплемяннническим мечем. Давно то не хвалят мудрыя философи, что которые велможеством к царю приближаются не от воинския выслуги и не от иныя которыя мудрости, ино про тѣ мудрыя философи говорят тако: «То есть чародѣи и еретики, у царя счастие отнимают и мудрость царьскую, и к себѣ царьское сердце зажигают ересью и чародѣйствомъ, и воинство кротят». *И* то говорит Петръ, волоский воевода: «Таковыхъ годится огнем жещи и иные лютые имъ смерти предавати, чтобы лиха не множилося. Без лица имъ вина, что воинство у царя кротят и мысль царьскую отнимают. А царю без воинства не мочно быти: ангели Божии, небесныя силы, и тѣ ни на един час пламенного оружия из рукъ своих не выпущают, стрегут рода християнского от Адама и до сего часа, да и тѣ службою своею не скучают. А царю как без воинъства быти? Воинником царь силенъ и славен. Царю быти благодатию Божиею и мудростию великою на царьстве своем, а до воинников быти аки отцу до детей своих щедру. Что царьская щедрость до воинников, то его и мудрость. Щедрая рука николиже не оскужает и славу себѣ великую збирает».

Да то говорит Петръ, волоский воевода: «У благовѣрного царя Констянтина во Царѣграде воинники оскужали и нищили, а мытари богатѣли. А иные воинники, видячи тот непризор благовѣрного царя к воинству, и онѣ оставивши воинство да на мытарствах прелщалися, и царьство Констянтиново оскужали и казну цареву. А сами мытари богатѣли: пошлют его гдѣ собрати царьския казны, ино на царя гдѣ взяти десять рублев, и онѣ на царя десять рублев возмутъ, а на себя по сту рублевъ. А хто их посылают, велможи царьския, и тѣ с ними, мытари, делилися, а царьство благовѣрного царя Констянтина оскужали и казну цареву, а сами богатѣли от крови от слез рода християнского. А велможи друг о друге печаловалися царю Констянтину о кормлениях, и о градѣхъ, и о намѣстничествѣ, яко голодны пси, хистяся на кровь и на слезы рода християнского. А царь все ихъ волю творилъ, во всемъ им сердце веселил и усобную войну на царство свое напущал велможъ своих, и всѣмъ Бога разгнѣвилъ».

Да тако рек Петръ, волоский воевода: «Суд был греческой неправеден, купля их была нечиста: купец не умѣл товару своему цены уставити. Первое душу продастъ, тоже и товаръ продастъ. Нечисто собрание их было. А велможи царьския на градѣхъ и на волостях домышлялися лукавством своим, дияволским прелщением: мертвых новопогребеных из гробов вынимали, да тѣ гробы порожни загребали, а того мертвеца рогатиною исколовши или саблею изсѣкши, да кровью вымажут, да богатому человѣку в дом подкинут. Да изца ему ябедника поставят, которой Бога не боится, да осудивши его неправеднымъ судом, да подворье его и богатество все разграбят. Нечисто богатѣли дияволским прелщением, а царьския грозы к ним не было. Всѣмъ Бога разгнѣвили. Ино про то Господь Богъ разгнѣвася на них неутолимым гнѣвом своим святымъ, посла на них плѣнъ иноплемянника Магметя салтана, турского царя, Амуратова сына от ниского колѣна разбойническаго роду, и Магмет-салтан потребивши Царьград и царя Констянтина вземши вѣру християнскую себѣ в мочь Богомъ выдана грѣхъ ради для их гордости, что они мир отбивали от царя жалобников к царю не припущали. А управы во царстве Констянтинове никому не было от велмож Констянтиновых. А они, велможи, сами обиду во царстве дѣлали и царство оскужали. То они не мир от царя отбивали и не жалобников, отбивали онѣ от царя Божие милосердие, да и отбили».

И тако рек Петръ, волоский воевода, со слезами радѣючи вѣре християнской: «По грѣхом по нашим сталося, что впали есми невѣрному в неволю иноплемяннику для беззакония великого греческаго, что греки тмы для да свѣтъ оставили, во всем вь ересь впали, Бога разгнѣвили неутолимым гнѣвом. И невѣрный иноплемянник, да познал силу Божию: Магмет-салтан, турской царь, взявши Царьград, да уставил правду и праведный суд, что Богъ любит, во всемъ царстве своем, и утѣшил Бога сердечною радостию. За то ему Богъ помогает: многия царства обладал Божиею помощию. А онъ великую правду во царство свое ввел и купцемъ куплю уставил купити и

продати однѣм словом хотя на тысящу рублевъ. Да тако рек: «Дѣлайте правду во царстве моем богоданном. Видите вы то, иже Богъ любит правду, а за неправду гнѣвается неутолимым гнѣвом своим: како есть мнѣ, малому царю, выдал Богь великого царя. Держитеся заповеди Божии и наживайте в поте лица своего. Якоже отцу нашему первому приказал Богъ Адаму, создав его и дав ему всю землю в мочь, и велѣлъ дѣлати землю и в поте лица ясти хлѣбъ, и Адам заповедь Божию исполнил, и нам такоже годится во всем Бога послушати, правдою сердечною ему радость воздати».

И тако рек Петръ, волоский воевода: «Богъ не вѣру любит, правду. Истинная правда — Христосъ, Богъ нашь, Сынъ Божий возлюбленный, в Троице едине божествѣ неразделимый, едино божество и сила. Да оставил нам Евангилие — правду, любячи вѣру християнскую надо всѣми вѣрами, указал путь Царства небеснаго. Греки Евангилие чли, а иныя слушали, а воли Божии не творили, на Бога хулу положили, вь ересь впали. И во всемъ диявол прелстил велмож Констянтиновых, всю его волю дияволскую творили и Бога прогнѣвали. И сами прелщалися, и царство Констянтиново все на прелщение привели, и потеряли вѣру християнскую. Тѣ же прелесники дияволскую волю творили. Коли Адама Господь Богъ из рая выгнал, а онъ заповедь Божию преступил и тогда диявол его искусил и запись на него взял,[43] — и Адам было во вѣки погинул. И Господь Богъ милосердие свое учинил волною страстию своею святою и Адама возвел изо ада, и рукописание растерзалъ. И един Богъ над всѣмъ свѣтом. То есть которыи записываются в работу во вѣки, прелщают, дияволу угожают, и которые прелщаются для свѣтлые ризы да во вѣки записываются в работу, — тѣмъ оба погибают во вѣки».

И тако рек Петръ, волоский воевода: «Которая земля порабощена, в той землѣ все зло сотворяются: татба, и разбой, и обида, и всему царьству великое оскужение, всѣмъ Бога гнѣвят, дияволу угожают. Ино у благовѣрнаго царя Констянтина велможи его всѣмъ тѣмъ беззаконием исполнилися и Бога разгнѣвили, ино у нихъ живыи мертвым завидовали, а волные порабощенным от велмож Констянтиновых. А благовѣрнаго царя Констянтина осѣтили кудесы и уловили вражбами, и мудрость воинскую отлучили, и богатырство ево укротили, и меч царской воинской отъпустили, и учинили в беспутном его житие. Имянем было царьским немочно никому прожити, ни главы из дому выклонити, ни версты переѣхати от обиды от велмож его: все царство заложилося за велмож его[44] и слыли ихъ имянем для прожитку, ждучи мудрости царьския, и не дождалися. А того греки забыли, знамение Господь Богъ показал над фараоном, царем египетским, что морем потопил его и со всѣми велможи его для того, что он было поработил израилтян. Ино то есть знамение великое от Бога: гордости не любит Господь и порабощения. А греки за то же погибли — за гордость и за порабощение. А израилтян умножилося и загордѣли, и Бога забыли, и погинули в неволю, и в разсѣянии бысть, и царства

волнаго нѣсть им. И не познали Сына Божия Христа, Царя небеснаго, и сердце ихъ окаменело з гордости».

И тако рек Петръ, волоский воевода: «Видячи, да погибают, иже гордым Господь Богъ противляется и неутолимый на них гнѣвъ пущает за неправду их. А правду Господь любит, силнѣе всего правда. Турской царь Магмет-салтан правду великую во царство свое ввел, хотя иноплемянникъ, да сердечную радость Богу воздал. Аще бы к той правдѣ вѣра християнская, ино бы с ними ангели бесѣдовали».

Да тако рек Петръ, волоский воевода, про Казанское царство: «Естьли хотѣлъ, взем Бога на помощь, Казанского царства добыти, ино себя не пощадити ни в чемъ, послати войско на Казань, возрастивши им сердца воиником своим царьским жалованьемъ и алафою, и привѣтом добрым, а иныя воиники удалыя послати на улусы казанския, да велѣти улусы жечи, а людей сѣчи и пленити, так Богъ помилует и помощь свою святую дает. Аще возмет ихъ, да крестит, то и крѣпко будет. Да слышал есми про ту землицу, про Казанское царьство у многих воинников, которые в том царстве в Казанском были, что про нее говорят, применяют ее под райской землѣ угодием великимъ. Да тому велми дивимся, что та земля не велика и угодна велми у таково у великово у силново царя под пазухою в недружбе, а онъ ей долго терпит и кручину от них великую приимает. Хотя бы та земл*и*ца и в дружбе была, ино бы ей не мочно терпѣть за такое угодье».

Государь, благовѣрный царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русии! Был есми в Сочаеве у Петра, волосково воеводы, пять мѣсяць холоп твой Ивашко, Семенов сынъ, Пересвѣтов и видел есми мудрость великую. И тѣ рѣчи говорит от научения вѣры мудрости философьския, занеже государь сам Петръ ученый философъ и дохтур мудрый. Служили ему многия люди философи мудрыя и говорили про твое царское прирожение по небесному знамению, что быти тебѣ государю великому и покорит ти Богъ недруги твои тебѣ, государю. Божиею помощию, дочлися в книгахъ, что обладати тебѣ многии царства.

Толко, государь, то начитают в своих мудрыхъ книгах в видоцѣях,[45] что будет на тебя на государя уловление, яко на царя на Констянтина царяградскаго от вражбы и от кудес, то знаменуется у них укрочение воинству твоему мудрому. Будут доходити велможи твои любви твоея царския с вражбами, и с кудесы, и с прелес*т*ными путми ни по роду, ни по вотчине, ни по воинству, ни по мудрости, которая бы мудрость пригодилося тебѣ, государю, и славе твоей царьской, и в твоем царстве государеве. И то они начитают, что тѣми кудесы и вражбамы твою мудрость, от Бога прироженную, и счастье отнимают, и воинство

кротят, к чему тебя, благовѣрнаго царя, Богъ природил, а велможи твои к собѣ сердце твое разжигают и великую любовь, и не мошно от них часу отбыти. И видел есми государь, что Петръ, волоский воевода, стал пред образом пречистые Владычицы Богородицы молитися со слезами о твоем многолѣтном здравии, чтобы свершил Господь Богъ твое царское прирожение к воинству счасливое во умножение вѣры християнской, во исполнение правды в твоем царьстве, как ихъ имъ книги указывают о твоем царском прирожении по небесному знамению, и от ловления вражбы, а твоихъ велмож и от кудесов всякихъ Богь избавит своею святою великою милостию, чтобы его не оминуло царьское от Бога мудрое прирожение и счастливому к воинъству, к чему его Бог природил. Тако рек Петръ, волоской воевода: «Толко его Богъ соблюдет от того уловления велмож его, ино таковаго под всею подсолничною не будетъ мудраго воина и счастливаго к воинству. Введет во царьство свое великую правду и утѣшит Бога сердечною радостию, и за то ему Господь Богъ многия царства покорит».

А меня, холопа твоего, Ивашка, Семенова сына, Пересвѣтова унимал у себя служити Петръ волоский воевода, а яз, холопъ твой государевъ, слышачи таковыя рѣчи мудрыхъ людей и у великихъ многихъ дохтуровъ и философовъ про тебя, великого государя, и про твое царьское от Бога мудрое прирожение и счастливое к воинству и, оставивши службы богатыя и безкручинныя, аз выехал к тебѣ, государю благовѣрному царю, служити с тѣми речми и з дѣлы с воинскими. Как тебѣ, государю, полюбится службишко мое холопа твоего?

---

[1] *...Ивашко, Семенов сынъ, Пересвѣтов...* — Имя Ивана (Ивашки) Пересветова не фигурирует в других публицистических и исторических памятниках, кроме его челобитных, и в научной литературе высказывались сомнения в реальности этой исторической фигуры (Н. М. Карамзин, А. И. Попов, А. С. Орлов и др.). Однако Пересветов упоминается в важнейшем документальном источнике, относящемся к этому времени — в «Описи царского архива», в одном из ящиков которого находился «черный список Ивашки Пересветова, да Петра Губастого, да иные списки». Эта запись может быть истолкована по-разному — как указание на то, что в архиве был список (копия) челобитной Пересветова или, что представляется нам более вероятным, как упоминание какого-то следственного дела Пересветова (аналогичное упоминание «списков черных Матвея Башкина» — следственного дела известного еретика XVI в. — содержится в другом ящике той же описи). Если Пересветов (чьи взгляды, высказанные в его сочинениях, во многих отношениях были не ортодоксальными)

подвергся репрессиям при Иване Грозном, то это объясняет умолчание о нем в летописях и других источниках.

[2] *...образецъ тое службы...* — Речь идет, как видно из дальнейшего, скорее всего, о щитах, которые делал Пересветов.

[3] *...Михайлу Юрьевичу меня, холопа своего, приказал...* — Имеется в виду Михаил Юрьевич Захарьин-Юрьев, боярин (из рода Кобылиных-Кошкиных, родич Романовых, дядя будущей царицы Анастасии), игравший видную роль в последние годы Василия III и в первые годы после его смерти. «Приказ» М. Ю. Захарьину взять под свое покровительство Пересветова, естественно, исходит не от Ивана IV, которому в 1538 г. было 8 лет, а от лиц, правивших за него, но согласно существовавшей тогда официальной терминологии такое поручение все равно считалось «приказом» государя.

[4] *...щиты гусарския...* — «Гусарами» назывались легкие дворянские кавалерийские части, существовавшие в то время только в венгерской армии.

[5] *...макидонсково оброзца.* — Гусарские щиты XVI в. делались по образцу щитов, употреблявшихся в войске Александра Македонского.

[6] *...из затинных...* — Из огнестрельного оружия, установленного в затине, специально укрепленном месте с амбразурами, через которые стреляли.

[7] *...на Волге...* — Речь идет о войне с Казанским ханством в 40-х гг. XVI в., упоминаемой и в других сочинениях Пересветова.

[8] *И Михайлу Юрьевича борзо в животѣ не стало...* — М. Ю. Захарьин умер около 1538 г.; смерть его и наступившее в те годы «Боярское правление» привели к тому, что предложения Пересветова (организация мастерской щитов) так и не были осуществлены, и он не мог «доступить» Ивана IV.

[9] *А выезду, государь, моему 11 лѣтъ...* — Если Иван Пересветов приехал на Русь незадолго до 1538 г., то приблизительное время подачи челобитной — 1548—1549 гг.

[10] *...у угорского короля Вьянуша на Гусины граде...* — «Угорским королем Вьянушем» Пересветов именует трансильванского князя Яна Заполю, избранного в 1526 г. венгерским королем после гибели его предшественника Людовика Ягеллона в битве с турками; Заполя признал вассальную зависимость Венгрии от султана. Соперником Заполи в борьбе за венгерскую корону был брат германского императора чешский король Фердинанд Габсбург; военные действия происходили в 1527—1529 гг. В это время, очевидно, Пересветов и служил Яну Заполе. Какой город Пересветов именует «Гусином», неясно — в Неполной редакции сочинений Пересветова вместо этого читается название «Бузын», напоминающее турецкое наименование Буды (Будапешта) — «Будын».

[11] *...с Федриком с Сопѣжничиком...* — Имеется в виду Фредерик-Федор Сапега, представитель одного из наиболее могущественных магнатских родов Литвы.

[12] *...четцкому королю Фодыналу...* — После трех лет службы у турецкого вассала Заполи Пересветов перешел на службу к его сопернику Фердинанду I Габсбургу, воевавшему в 1532—1534 гг. с султаном и Заполей.

[13] *...гетман Андрѣй Точинской...* — Представитель польского магнатского рода Тенчинских, державшегося прогабсбургской ориентации; имя Андрея носили два представителя этого рода — краковский воевода и бельский староста, один из крупнейших сподвижников короля Сигизмунда I, и его племянник. В войне с султаном в 1532 г. участвовал Тенчинский-племянник (хотя нет сведений о том, что он носил звание бельского старосты).

[14] *...по небесному знамению.* — Пересветов имеет в виду астрологические предсказания — гороскопы, якобы составленные латинскими философами для Ивана IV, о которых он писал также в особых сочинениях (двух «предсказаниях философов и докторов», входящих в состав пересветовского цикла сочинений) и в Большой челобитной.

[15] *Служил есми, государь, трем королем...* — Имеется в виду, очевидно, польский король Сигизмунд I, венгерский король Ян Заполя и чешско-венгерский король Фердинанд I. В Большой челобитной Пересветов упоминает также свое пребывание при дворе молдавского господаря Петра, но ему он не «служил» (то есть не нес военной службы) и никогда не именовал его королем (а лишь «воеводой»).

[16] *Мудрость греческих философов и латынских дохтуровъ...* — Этот заголовок и следующие за ним пять абзацев предшествуют в Большой челобитной обычному началу челобитных (ср. в Малой челобитной). Начиналась ли Большая челобитная с такого вступления уже при ее составлении, или оно было к ней добавлено при ее включении в цикл сочинений Пересветова? Текст этих абзацев варьируется в различных редакциях циклов сочинений Пересветова, и даже в публикуемом Олонецком списке второй абзац почти полностью отсутствует (см. выше). В Щукинском списке, содержащем одну только Большую челобитную Пересветова, текст начинается так, как принято в челобитных: «Государю благоверному... Ивану Васильевичу... бьет челом холоп твой... Ивашко Семенов сын Пересветов». Однако текст, составляющий в других списках вступление, читается в этом списке — после основных сведений об авторе и в конце челобитной; можно думать поэтому, что Щукинский список восходил к тексту Неполной редакции, где ссылки на философов и на Петра Волосского составляли органическую часть челобитной.

[17] *...Петра, волоского воеводы.* — Петр IV Рареш, молдавский господарь, занимавший престол в 1527—1538 и 1541—1546 гг. Многочисленные упоминания о Петре Волосском в Большой

челобитной казались многим авторам противоречащими тому, что в Малой челобитной о Петре и о пребывании у него Пересветова ничего не говорится; однако это может объясняться тем, что Пересветов у молдавского господаря не служил, а лишь был у него проездом.

[18] *...бьет челом холоп твой государевъ...* — Большая челобитная Пересветова по своему характеру резко отличалась от Малой — Пересветов здесь «бил челом» не о своих делах (защита от «насильных людей»), а предлагал широкие государственные реформы.

[19] *...вывез есми, государь, тебѣ рѣчи... и дѣла твоя царьския.* — Содержание этих «речей» и «дел» 30-х гг. XVI в. (если они реально существовали) определить едва ли возможно. Хотя Иван IV (или, точнее, правившие за малолетнего государя лица) приказал, по словам Пересветова, «гораздо пожаловати» его за эти речи, но сам он их тогда явно читать не мог. Обращаясь в конце 40-х гг. уже не к номинальному, а к реальному государю, Пересветов надеялся привлечь его внимание к своим политическим проектам, как-то связывая их с «делами» и «речами» 30-х гг.

[20] *...Пересвѣт и Ослябя в чернцѣхъ и в скимехъ со благословением Сергия-чюдотворца на Донском побоище...* — Пересветов имеет в виду рассказ «Сказания о Мамаевом побоище» об участии чернецов Пересвета и Осляби по воле Сергия Радонежского в Куликовской битве (см. наст. изд. т. 6). Хотя Пересветов был выходцем из Литовской Руси, он, очевидно, возводил свой род к герою Мамаева побоища Пересвету.

[21] *Ко Августу кесарю... Пришед воинникъ... А ко царю Александру Макидонскому пришед воинник...* — Этот рассказ, возможно, восходит к польскому памятннку конца XV — начала XVI в. «Записки янычара» Константина из Островицы, где также говорится о том, как Александр Македонский пригрел старого солдата-пехотинца и как такую же «ласковость» обнаружил «Юлий, цесарь Римский». Но у Пересветова вместо Юлия Цезаря упоминается его преемник Август и, главное, подчеркивается не только «ласковость» обоих государей, но и их готовность учиться у простого «воинника» «великой мудрости воинской».

[22] *...у празника в церкве на Рожество пречистыя Богородицы...* — Храмовым праздником в придворной церкви Рождества Богородицы был день Рождества Богородицы — 8 сентября (в этот день в 1380 г. произошла Куликовская битва, в связи с чем воспоминания Пересветова об ее участнике Пересвете обретало особый смысл). Пересветов, очевидно, говорил с Иваном IV 8 сентября 1548 или 1549 г.

[23] *...и ты, государь, тѣ книшки обе вели отдать назад. Да и сию книжку прочетши вели мнѣ же отдати...* — Под «сией книжкой» Пересветов, очевидно, имеет в виду Большую Челобитную, под «двумя книжками», поданными в день Рождества Богородицы, — Малую челобитную и еще какое-то свое сочинение, вероятно, «предсказания философов и докторов» (см. коммент. выше к строке *...по небесному знамению*). Предположения авторов, отождествлявших «книжки»,

поданные Пересветовым, с дошедшими до нас редакциями сборников сочинений Пересветова (Полной и Неполной), вызывают сомнения — едва ли самим Пересветовым уже были созданы обе редакции, дошедшие до нас в рукописях XVII в. — скорее, эти редакции сформировались уже в последующей традиции.

[24] *...из Югор на Волоскую землю...* — «Волоской землей» называли на Руси Молдавию. В 30-х гг. Пересветов служил, как мы можем полагать, в «Уграх» (Венгрии) чешско-венгерскому королю Фердинанду I; «из Югор» он поехал на «Волоскую землю» (т. е. через Молдавию) на Русь, по дороге пробыв некоторое время при дворе молдавского господаря Петра IV.

[25] *...в Сочаеве.* — Имеется в виду, очевидно, Сочава, главный город Молдавии в XIV—XVI вв. (ныне в Румынии).

[26] *...крестъ целуютъ, да изменяют...* — Речь идет о праве «перехода» или «отъезда» от одного государя к другому, которым обладали до XVI в. крупные феодалы как на Руси, так и в Польско-Литовском государстве. Московские государи уже с XV в. требовали от русских крупных феодалов «поручных записей» о неотъезде (они охотно принимали, однако, западнорусских феодалов, переходивших из Польско-Литовского государства на Русь).

[27] *...усобную войну на царство свое напускаетъ, дает городы и волости держати вельможам своимъ...* — Наместническое управление крупных феодалов, получавших города и волости в «кормление», было вплоть до середины XVI в. (до реформ Ивана Грозного) важнейшей формой управления на местах. Междоусобные войны были частым явлением в годы «боярского правления» конца 30-х — первой половины 40-х гг.; однако в данном случае Пересветов, очевидно, имеет в виду столкновения между наместниками и управляемыми лицами (см. след. коммент.).

[28] *...в обидах присужают имъ поле...* — Т. е. судебный поединок, которым нередко разрешались спорные дела (в частности, между наместниками и лицами, жаловавшимися на них).

[29] *Крестъ целуют на виновате оба исца...* — Клятва (крестное целование) была другим, наряду с «полем»-поединком, видом состязательного судебного процесса, которому Пересветов в ряде своих сочинений противопоставлял «обыскание иска» — расследование дела.

[30] *...первого царя турского Махмет-салтана...* — Ссылки на авторитет турецкого султана Мухаммеда II от имени Петра Волосского и от собственного имени содержатся во всех сочинениях Пересветова: Пересветов посвятил ему и особое сочинение — «Сказание о Магмете-салтане». «Мудрому философу» «царю Махмету», завоевавшему Константинополь, автор противопоставлял другого государя, «царя Константина» — последнего византийского императора Константина XI Палеолога. Главными заслугами «Магмета-салтана» Пересветов считал «грозу», «правду» и покровительство воинам, главным недостатком

Константина — «кротость», против которой он предостерегал Ивана IV уже в начале Большой челобитной.

[31] *...вѣрныя своя судьи, и пооброчивши их ис казны своим жалованьемъ...* — Как и в «Сказании о Магмете-салтане», Пересветов здесь в форме рассказа о реформах турецкого царя предлагает реформы русского суда и управления. Вместо наместничьего суда он предлагал передать судебные функции специально назначенным лицам. В реальной действительности Московской Руси этим лицам соответствовали выборные «излюбленные старосты» и «губные старосты», судившие за крупные уголовные преступления — «душегубство, татьбу и разбой с поличным», а также «данные судьи», судившие в районах, не подведомственных наместникам. Выплата денежного жалованья была редким явлением в России XVI в. (обычной формой вознаграждения за службу было поместье), но «данным судьям» оно выдавалось. С 1549 г. из ведения наместников были изъяты все дела о помещиках и крестьянах, в 1555—1556 гг. был окончательно установлен институт «излюбленных старост».

[32] *Да какова вельможу пожалует за ево вѣрную службу каким городом или волостью, и онъ пошлет к судьямъ своим и велит по доходному списку выдати ис казны вдруг.* — Предусмотренный здесь случай «пожалованья» какого-либо «вельможи» «городом или волостью» свидетельствует о том, что, отвергая систему наместничества в принципе, Пересветов допускал отдельные случаи «кормления» для особо «верных» вельмож при условии немедленной выплаты им их «корма» «ис казны» по «доходному списку». Следует отметить, что и в действительности после 1556 г., когда наместничество, по мнению большинства историков, было отменено, имели место его отдельные случаи, причем доходы кормленщиков, как и в проекте Пересветова, определялись полученным ими «доходным списком».

[33] *По уставу Махметеву с великою грозною мудростию а нынешнии цари живут.* — Речь идет, очевидно, о турецких «царях» — современниках Пересветова (Сулейман II и др.); в середине XVI в. нельзя было еще упоминать русских «царей» во множественном числе, не говоря уже о том, что и Иван IV, по представлениям Пересветова, не следовал «уставу» Махметеву.

[34] *Воинника держати, как сокола чредити...* — Противопоставление «воинников» (служилых людей, дворян) богатым «вельможам» характерно для всех сочинений Пересветова: оно содержится и в «Сказании о Магмете-салтане», соединяясь с другой излюбленной темой автора — о природном равенстве людей («все есмя дети Адамовы») и о недопустимости их «порабощения». В челобитных Пересветова таких прямых выступлений против «порабощения» нет.

[35] *...двадцать тысячь юнаков храбрых со огненною стрельбою...* — Вопрос о создании постоянного войска (в дополнение к обычному феодальному ополчению) — особенно для защиты южных границ от казанско-крымских набегов — остро стоял в тот период. В середине

XVI в. было сформировано стрелецкое войско, получавшее денежное жалованье; однако общие размеры его не достигали десяти тысяч.

[36] *...стрельбы поляницъ со украины...* — «Поляница» (удалец, богатырь) — слово, встречающееся в былинах и в «Сказании о Мамаевом побоище»; «стрельбы», может быть, означает «стрелковые отряды».

[37] *Велможи греческия при царе Констянтине Ивановиче царьством обладали...* — Император Константин XI наследовал в 1449 г. своему брату Иоанну VIII, но отцом его был не Иоанн, а Мануил II. Вопрос о причинах гибели «Греческого царства» при Константине XI — одна из основных тем публицистики Пересветова: она подробно разбирается и в «Сказании о Магмете-салтане», и в особом «Сказании о царе Константине». Вопрос этот занимал многих русских публицистов XV—XVI вв. Но если официальная идеология Московской Руси объясняла гибель Византии «отступлением от благочестия» (Флорентийской унией), если Максим Грек считал главным грехом последних императоров «Гордость», «желание чюжого имения» (в частности,«имения» «вельмож») и склонность к «ратям» и «воеваниям», то Пересветов осуждал прежде всего уступки царей «вельможам», «кротость» и согласие на порабощение «детей Адамовых».

[38] *...надѣются... свободити руским царемъ от насильства турскаго царя-иноплемянника.* — Идея освобождения «русским царем» стран «греческой веры» от турецкого ига (в отличие от идеи «изрушения» греческой веры в результате унии) была довольно необычной для русской публицистики XV—XVI вв. — ее высказывал только Максим Грек, в остальном резко расходившийся с Пересветовым. Возможно, что Пересветов излагал в этом случае идеи, действительно воспринятые им от представителей «греческой веры» за рубежом (в частности, в Молдавии).

[39] *...Вѣра, государь, християнская добра... а правды нѣту...* — Тема «правды», противопоставление «воинников» «вельможам» представляет собой одну из основных тем сочинений Пересветова. Тема эта развивалась также уже в «Сказании о Магмете-салтане». «Правда» у Пересветова неразрывно связана с «грозой» против ее нарушителей. Едва ли трактовку этой темы у Пересветова можно считать ортодоксальной: настаивая на том, что прославляемая им «правда» — «веры красота» и заслуживает почитания с религиозной точки зрения, Пересветов нигде не придает этой формуле обратной силы: «правда» и без «веры» угодна Богу (у Магмета-салтана), но «вера» без «правды» (у Константина) ведет лишь к гибели. Далее Пересветов прямо заявляет, что «Бог не вѣру любит, правду». Характерно в связи с этим, что наиболее опасную мысль об отсутствии «правды» в Московском государстве Пересветов излагает чужими устами: от имени неизвестного «московитина» Васьки Мерцалова, находящегося на службе у молдавского господаря.

[40] *...великия досады терпитъ от своего недруга от казанскаго царя.* — С 1536 г. происходили постоянные столкновения Русского государства с Крымским ханством, во главе которого стоял Сафа-Гирей, связанный с Крымом и Турцией. В 1546 г. в результате большого похода на Казань Сафа-Гирей был свергнут и на его место посажен московский ставленник Шах-Али (Шигалей). Однако власть Шах-Али оказалась непрочной, и вскоре его снова сменил Сафа-Гирей. В 1547—1548 гг. подготавливался большой поход на Казань; с 1549 г. началась война. Окончательно Казань была присоединена в 1552 г.

[41] *...Магмет царь, салтан турской, к Царюграду дань давал... жил в велии смирении и безбранно...* — Пересветов излагает историю турецко-византийских отношений перед падением Константинополя неточно и тенденциозно. Мухаммед II вступил на престол в 1451 г. и никакой дани императорам не давал; спустя два года, в 1453 г., он завоевал Константинополь.

[42] *...отецъ его... турскую землю осилел и засѣлъ...* — Отец Мухаммеда II, Мурад II, завоевал Валахию, значительную часть Греции и Сербии, но «турскую землю» (Анатолию) завоевал не Мурад II, а Мурад I в XIV в.

[43] *...диявол его искусил и запись на него взял...* — Пересветов излагает легенду о «рукописании Адама», данном дьяволу, содержащуюся в апокрифических памятниках — «Исповедание Евы», «Отреченная книга бытия», «О море Тивериадском» (легенда эта, возможно, имела в основе богомильские представления о принадлежности дьяволу земли). Любопытно, что Максим Грек, высказывания которого в ряде случаев пересекались со взглядами Пересветова, написал особое сочинение «О рукописании греховном», где осуждал как «безумное мудрословие» утверждение, будто бы Адам дал дьяволу «рукописание вечныя работы».

[44] *...все царство заложилося за велмож его...* — Речь идет о так называемом «закладничестве» — отдаче себя под покровительство крупного светского или церковного феодала, связанной с зависимостью от этого феодала, с целью защититься от «обид» других феодалов и избавиться от налогов (на «закладчиков» распространялся иммунитет их господ).

[45] *...в своих мудрыхъ книгах в видоцѣях...* — Последнее слово читается по-разному в различных списках сочинений Пересветова: «завидощах», «видощах», «войдоцеях», «видцесех» и т. д. Несомненно, речь идет об астрономических книгах или таблицах — о чем-то вроде гороскопа.

ПЕРЕВОД

МАЛАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Государю благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу бьет челом государев холоп Ивашка, сын Семена, Пересветов, чтобы ты, государь, пожаловал своего холопа и велел оценить мое уменье.

Когда я прибыл в твое распоряжение, я привез образчик этого уменья тебе, государь, и этот образчик моего уменья тебе, государь, представляли. И ты, государь, осмотрел образчик моего уменья и определил меня, твоего холопа, к Михаилу Юрьевичу и Михаилу же передал образчики моего уменья. А Михаил Юрьевич осмотрел образчики и похвалил перед тобой, государь, мое уменье и ходатайствовал за меня перед тобой, государь.

Взялся я, государь, изготавливать гусарские щиты в косую сажень крупного человека, с клеем, сыромятной кожей, каменьями и железными остриями, — это щиты, государь, по македонскому образцу. И если изготавливать их из древесины ветлы, то будет легко, надежно и крепко: с таким щитом и один человек может передвигаться как угодно или скакать на коне. А в поле эти щиты — защита: с близкого расстояния не возьмет стрела, а с дальнего боя не возьмет ручная пищаль. И в поле из-за этих щитов удобно вести огневую перестрелку с неприятелем из пищалей и из затинных пищалей, как из крепости. И ты, государь, приказал было Михаилу Юрьевичу для этого производства дать мне плотников и других мастеров, которые были нужны мне для этого производства. К тому же, государь, с этими щитами на Волге, где неприятель не пожелает подпустить к берегу своими войсками, так твои воины, государь, смогут отбить у него берег. Но скоро не стало в живых Михаила Юрьевича, он внезапно скончался. И уменье это мое, государь, пропадает. Не нужно ли тебе, государь, уменьице мое?

А с прибытья моего, государь, одиннадцать лет, а я к тебе, благоверный государь, доступа не имею. Я же тебе, государь, о себе говорю ради царского твоего воинственного духа, чтобы уменье мое не пропало втуне у меня, ведь тебе скоро, государь, на твоих неприятелей понадобится. Вот велел бы ты, государь, изготовить щиты для трехсот человек и велел бы ты, государь, на триста коней богатырских изготовить щиты, — для тех, кто горазд вести смертную игру с твоими неприятелями за веру христианскую и за тебя, государь великий царь.

Служил я, государь, у венгерского короля Яноша в городе Гусине рыцарскую службу с шестью всадниками, а на всякого получал, государь, по семи золотых на двенадцать недель. А пробыл я там, государь, три года в полку Фредерика Сапежича: было нас, государь, триста королевских рацарей польского короля, и с королевского ведома

ездили мы к венгерскому королю. Там вот, государь, и видел я эти щиты гусарские по македонскому образцу.

Служил я также, государь, чешскому королю Фердинанду тоже рыцарскую службу с семью всадниками и получал на всякого по семи золотых на двенадцать недель. Было нас, государь, пять сотен от польского короля, а гетманом у нас был Андрей Точинский, староста бельский. Служили мы, государь, у чешского короля тоже три года с ведома польского короля, ведь были у нас его грамоты. Но, оставив там рыцарскую службу, прибыл я в твое распоряжение, потому что слышал от многих мудрецов, что быть тебе, государь, по небесному знаменью, великим царем. И пожаловал ты было меня, холопа своего, богато царским своим пожалованьем — поместьем. Да и добра с собой привез я порядочно.

Но пожалованное тобой, государь, поместье опустошили притеснениями сильные люди, а я к тебе, государь, благоверному царю, подступиться не могу, пожаловаться на них. Да и добро, государь, я растратил, что с собою привез из королевств: все пропало за притеснениями и судебными волокитами. Служу я твою государеву службу: из Москвы — на службу, а со службы — в Москву, а в пожалованном тобой, государь, поместье враги и часу не дают пожить. Не любят, государь, нас, людей приезжих. И вот, государь, от притеснений и судебных волокит наг я, бос и пеш. Служил я, государь, трем королям, а таких притеснений ни в одном королевстве не видал. Что было с собой привез я добра, все здесь потратил за притеснениями и волокитами. Из Москвы на службу, со службы в Москву, а к тебе, государь, благоверному царю, подступиться невозможно.

Государь благоверный царь и великий князь всея Руси, Иван Васильевич, смилуйся, расследуй своим царским следствием и защити от насильников, чтоб не погиб окончательно холоп твой и службу твою не забросил. Ведь я, твой государев холоп, услышав о твоем воинственном духе и счастье, оставил доходную службу у королей и только ради этого твоего духа к тебе, государь, приехал.

БОЛЬШАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Премудрости греческих философов, латинских докторов и Петра, молдавского воеводы. А привез эти изречения и царские бумаги из многих королевств благородному царю и великому князю всея Руси Иван, сын Семена, Пересветов.

Пусть, с Божьей помощью, всякий, кто хочет, знает, что, когда пропадает у царя врожденная воинская доблесть и сходит на него великая кротость, это и есть происки врагов его: не будет царь помышлять ни о военном деле, ни об управлении царством своим, а станет веселиться с теми, кто распаляет ему сердце гаданиями и путями различных соблазнов. И напустит он великую печаль на своих воинов, на все свое царство великие неутолимые беды от своих вельмож. И все будет ему немило: ни воинская доблесть, ни существование всего царства. А если будет добиваться доступа к нему кто-либо из умудренных в делах войны или собственная его врожденная царская доблесть, то поставит он их ни во что.

А Петр, молдавский воевода, так сказал: «Если желаете узнать о царской умудренности в военном деле и о правилах царской жизни, то прочтите о полном порабощении греков и не пожалейте себя при этом, — там-то и найдете Божью помощь. Бог помогает не ленивым, а тем, кто трудится и Бога призывает в помощь, тем, кто любит правду и судит праведным судом. Правда — сердечная радость Богу, для царя же — великая мудрость».

Приметил ли ты, государь, Петра, молдавского воеводу? Был он тебе, государь, и царству твоему большой доброжелатель. А я, государь, слышал эти его изречения и потому, записав, привез к тебе, государь, чтобы тебе оказать услугу. Как понравится тебе, государь, услуга моя, твоего холопа?

Так говорит Петр, молдавский воевода: «Поленились греки твердо стать против неверных за веру христианскую, а теперь вот они поневоле оберегают от нападений веру мусульманскую. Отнимает у греков и сербов турецкий царь семилетних детей для военной выучки и обращает их в свою веру, а они, расставаясь с детьми своими, плачем великим плачут, да нечем помочь себе».

Государю благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу бьет челом холоп твой государев, приехавший из Литвы, Ивашка, сын Семена, Пересветов. Привез я тебе, государь, из многих королевств изречения, а также и Петра, воеводы молдавского, и бумаги, касающиеся твоего царства. Изречения эти и бумаги положены, государь, в твоей государевой казне, а меня, твоего холопа, велел ты, государь, за эти бумаги и изречения хорошо наградить. Но изречения эти и бумаги до сих пор, государь, к тебе не поступали. Так

что, государь, это копия перед тобой, государь, а бумаги твои, государь, у меня по службе моей.

Ведь в тех королевствах, государь, мудрые люди, греческие философы и латинские докторы, очень удивлялись небесным знаменьям и царственному твоему предназначению, восхвалили и прославили и сказали об этих изречениях: «Нужно, чтобы такой доблестный царь, с мудростью, дарованной от Бога, речи эти расписал золотом и держал у себя многие лета, а по себе другому царю оставил эти бумаги и царскую свою славу». Я же, государь, достал эти изречения в королевствах у мудрых людей. Как понравится тебе, государь, услуга моя, твоего холопа?

А я, государь, прибыл с этими изречениями из Литвы — уже исполнилось этому одиннадцать лет, — чтобы служить тебе, государь, благоверному и верному великому царю, памятуя о своих предках и прадедах, как служили они верою великим государям князьям русским, твоим предкам: Пересвет и Ослябя, в чернецах и схиме, по благословению Сергия-чудотворца при князе великом Дмитрии Ивановиче приняли страдания на Донском побоище и головы свои сложили за веру христианскую, святые церкви, за честь государя. И я, холоп твой, для того же прибыл в твое распоряжение, чтобы с Божьей помощью во всем, государь, служить тебе верно.

Пишут о тебе, государь, о благоверном великом царе, мудрые греческие философы и латинские докторы, что будет о тебе, государь, великая слава вовеки — как о цезаре Августе или о царе Александре Македонском. Так и о тебе, государь, пишут мудрые эти философы, и о твоем государевом войске, и о мудрости твоей. И о том читают в своих мудрых книгах, какую великую справедливость введешь ты в своем царстве и утешишь Бога сердечной радостью. И о том читают мудрые философы, что такой справедливости, как в твоем царстве-государстве, не будет во всей вселенной: от великой грозы твоей мудрости как от сна проснутся царские лукавые судьи, чтобы устыдиться своих лукавых дел, и сами на себя будут удивляться, что обирали без счета. Так вот пишут о тебе, о благоверном царе: ты, грозный и мудрый государь, приведешь к покаянию грешников, введешь в свое царство справедливость, а Богу воздашь сердечную радость.

К цезарю Августу пришел воин, нищий обликом, и принес великие изобретения, и тот его за это наградил, приблизил к себе его и род его. И к царю Александру Македонскому пришел воин, тоже нищий обликом, с великим военным изобретением. Богачи ничуть не почитают воинские таланты. Пусть даже богатырь разбогатеет, и тот обленится.

Богач любит покой, а воина всегда нужно кормить как сокола, сердце ему веселить, никакой печали к нему не допускать.

А я вот, холоп твой, Ивашка Пересветов, одиннадцать лет прошло, как пробиться к тебе не могу, государю благоверному царю и великому князю. Кому ни подам записку, а они, вельможи твои, до тебя, государь, не донесут. По прибытии вполне определил ты, государь, меня, своего холопа, к своему боярину Михаилу Юрьевичу. Но Михаил Юрьевич, государь, скончался вскоре после твоего государева определения, и я, государь, без определения до сих пор живу, к тебе, государь, пробиться не могу, чтобы бить челом об определении. Ведь приезжему человеку, государь, без определения и поддержки нельзя прожить в твоем царстве-государстве. А на праздник в церкви Рождества пречистой Богородицы пробился я к тебе, государь, и поднес тебе, государь, две тетради с царскими о тебе изречениями, это которые привез из других королевств, чтобы услужить тебе, государь, благоверному царю и великому князю. Но ты, государь, не определил ни к кому меня, холопа своего. И уже если тебе, государь, великому царю, не понравится услуга моя и изречения, что привез я из иных земель и королевств, прослышав от многих мудрых людей, докторов и философов, про мудрое твое и царственное предназначение, как пишут о тебе, великом царе, по небесным знаменьям о твоей царской и военной мудрости, что беречь и умножать тебе веру христианскую, иноверцев в веру обращать, славу Божию возвышать, справедливость в царство свое вводить, а Богу радость сердечную воздавать, — так ты обе эти тетради вели отдать мне назад, государь. Да и эту тетрадь, как прочтешь, тоже вели мне отдать, коли не понравится тебе, благоверному царю.

Ехал я, государь, из Венгрии через Молдавию и пять месяцев пробыл у Петра, молдавского воеводы, в Сочаве. А он о тебе, государь, благоверном царе, и о твоем царстве всякий день говорит и у Бога просит об укреплении христианской веры. Так вот он говорит: «Так была греческая вера крепка, что мы ею похвалялись, а теперь русским царством похваляемся». И так он говорит: «Боже, сохрани ее от неверных и от ересей враждебных». И того он не одобряет, когда крест целуют, а изменяют: это вот великая ересь, когда за веру христианскую не стоят и государю верой не служат. И того он не одобряет, когда впускают в царство свое усобицы, дают города и области в управление своим вельможам, а вельможи на слезах и крови рода христианского богатеют от бесчестных поборов, а как оставят кормление с волостей, то при несправедливостях решают споры полем, и тут на обе стороны много ложится греха. Крест целуют в оправдание оба тяжущихся — истец и ответчик: один, приложившись, предъявляет иск за свой ущерб, а другой — от всего отказывается, и тут оба гибнут в грехе, и впадают в великую ересь, и Бога хулой осыпают, и крестное целование не держат крепко, тем и Бога гневят. Ведь того они не держат крепко, чем вера христианская украшена.

Вот что говорит Петр, молдавский воевода, о первом турецком царе султане Магомете: «Хоть неправославный царь, а устроил то, что угодно Богу: в царстве своем ввел великую мудрость и справедливость, по всему царству своему разослал верных себе судей, обеспечив их из казны жалованьем, на какое можно прожить в течение года. Суд же он устроил гласный, чтобы судить по всему царству без пошлины, а судебные сборы велел собирать в казну на свое имя, чтобы судьи не соблазнялись, не впадали в грех и Бога не гневили. А если наградит он какого вельможу за верную службу городом или областью, то пошлет к своим судьям и велит выплатить тому по доходной росписи единовременно из казны. И если провинится судья, то по закону Магомета такая предписана смерть: возведут его на высокое место и спихнут взашей вниз и так скажут: «Не сумел с доброй славой прожить и верно государю служить». А других живьем обдирают и так говорят: «Нарастет мясо, простится вина». И нынешние цари живут по закону Магометову с великой и грозной мудростью. А провинившемуся смерть предписана, а как найдут провинившегося, не помилуют и лучшего, но казнят по заслугам дел его. И так говорят: «Писано от Бога: каждому по делам его».

Так говорит Петр, молдавский воевода: «Обозначено в мудрых книгах, пишут философы и докторы о благоверном великом царе русском и великом князе всея Руси Иване Васильевиче, что будет в его царстве такая великая мудрость, а судьям неправедным — закон от его великой мудрости, дарованной Богом».

Так говорит Петр, молдавский воевода, про русское царство, что: «Сами вельможи русского царя богатеют и в лени пребывают, а царство его в скудость приводят. Потому называются они слугами его, что прибывают на службу к нему в нарядах, на конях и с людьми, но за веру христианскую некрепко стоят и без отваги с врагом смертную игру ведут, так что Богу лгут и государю».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «Что из того, что их много, раз нет у них верного сердца, а смерти боятся и умирать не хотят. Богач никогда не мечтает о войне, а о покое мечтает. Пусть хоть богатырь разбогатеет, и тот обленится».

Так говорит Петр, молдавский воевода: «Воина содержать, что сокола кормить: всегда ему сердце веселить, никакой печали к нему не подпускать».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «Нужно, чтобы столь могущественный государь со всего царства доходы брал себе в казну и из казны своей воинам сердце веселил, тогда казне его конца не будет. Кто из воинов отважно будет вести смертную игру с врагом государевым и крепко стоять за веру христианскую, то таковому воину и честь воздавать, и сердце веселить, и жалованье прибавлять из государевой казны, и к таким воинам — сердце обращать, к себе их приближать, верить им во всем, просьбы их выслушивать обо всем, любить, как отец детей своих, и быть к ним щедрым. Щедрая рука вовек не оскудевает, а славу царю созидает. Какова щедрость государя к воинам, такова и мудрость его».

А о тебе, государь, о великом благоверном царе, говорит Петр, молдавский воевода: «Нужно, чтобы такой государь держал против врага, крымского хана, двадцать тысяч храбрых витязей с огнестрельным, хорошо подготовленным оружием и огневые заставы на границах степи и обеспечивал их ежегодно из казны государевым жалованьем. И приспособятся они в степи жить и защищать его от врага, крымского хана. И эти двадцать тысяч будут тогда для него лучше, чем сто тысяч. И приграничные области все богаты будут и не в разоренье от врага. Есть у него, у столь сильного царя, возможность все это устроить».

Так говорит Петр, молдавский воевода, о греческом царстве: «При царе Константине Ивановиче управляли царством греческие вельможи и крестное целованье ставили ни во что, совершали измены, несправедливыми судами своими обобрали они царство, богатели на слезах и крови христиан, пополняли богатство свое бесчестным стяжаньем. Сами они обленились и не стояли крепко за веру христианскую и в царе укротили воинственность ворожбой, путями соблазна, еретическим чародейством. Таким образом отдали они иноплеменникам-туркам на поругание и греческое царство, и веру христианскую, и красоту церковную. А теперь сами же греки за гордость свою, за беззаконие, за свою лень откупают у турецкого царя веру христианскую: большой оброк платят они турецкому царю, а сами — за гордыню свою и за лень — в неволе живут у турецкого царя. Нанимаются греки и сербы пасти овец и верблюдов у турецкого царя, а знатные греки, так те торгуют».

С великим чувством говорит Петр, молдавский воевода, о вере христианской царства русского. И все просят Бога, государь, чтобы царство восточное и русский царь — благоверный и великий князь всея Руси Иван Васильевич — укрепили христианскую веру. Вся греческая вера гордится теперь этим русским царством, ожидая от Бога великого

милосердия и помощи Божьей, чтобы освободиться с помощью русского царя от насилий турецкого царя-иноплеменника.

И говорит Петр, молдавский воевода: «Сильно и прославленно и всем богато это царство Московское! А есть ли в этом царстве правда?» А служит у него москвитянин Васька Мерцалов, и он спросил того: «Все ты знаешь о царстве том Московском, скажи мне истинно!» И стал тот говорить Петру, молдавскому воеводе: «Вера, государь, христианская добра, во всем совершенна, и красота церковная велика, а правды нет». Тогда Петр, молдавский воевода, заплакал и так сказал: «Коли правды нет, так ничего нет».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «Христос есть истинная правда, ярче солнца освещает он всю небесную высоту и земную ширину и бессчетные глубины преисподние. Поклонились ему все племена небесные, земные и преисподние, все восхвалили и восславили имя его святое, ибо свят Господь наш Бог, силен и крепок, и бессмертен, велик христианский Бог, и чудесны дела его, долготерпелив и многомилостив. В каком царстве правда, там и Бог пребывает, и не поднимается Божий гнев на это царство. Ничего нет сильнее правды в божественном Писании. Богу правда — сердечная радость, а царю — великая мудрость и сила. Помилуй, Господи, веру эту христианскую от их неправды. Так всею неправдою боролся с греками дьявол, ненавидя христианскую веру, потому что вера христианская Богу любезна: больше других вер любит ее Бог, а дьявол одолел всякой неправдой. Теперь только на то я надеюсь, что пишут мудрые философы и докторы о благоверном царе и великом князе всея Руси Иване Васильевиче, что будет он мудр и введет правду в свое царство».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода, и просит милости у Бога с молитвой: «Боже, дай милосердие свое великое, чтобы эта мудрость не покинула великого благоверного царя, и только бы, вопреки грехам нашим, устояло русское царство и просветилось верой христианской независимое царство, а нам не приходилось бы говорить греческой вере, как иудеям или армянам приходится говорить, что нет у них независимого царя и независимого царства. Мы же царством этим русским и христианским перед греческою верою гордимся». И так говорит Петр, молдавский воевода: «Сохрани его, Господи, на многие лета и на укрепление веры христианской».

И вот чему сильно удивляется Петр, молдавский воевода, и так говорит: «Великий государь, сильный и благоверный царь, столь большие терпит обиды от врага своего, царя казанского. Это ему самый злой враг, царь казанский, не надо ему столько терпеть. Так и царь Магомет, турецкий

султан, платил дань Царьграду, с благоверным царем жил в полном мире без войн, но отец его был морской разбойник и землю Турецкую одолел и захватил, а после за грехи наши султан Магомет, царь турецкий, разбойничьего рода, накопил силы и занял Царьград, благоверного царя Константина погубил и красоту церквей обесчестил: истребил церковный звон, снял кресты с церквей, и с позором вынес он из церквей чудотворные иконы, а в церквах устроил мечети для своих скверных молитв».

Так говорит Петр, молдавский воевода, и молит Бога: «Боже, сохрани и милостив будь к благоверному русскому царю великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и к царству его, чтобы не уловили и его также вельможи еретической своей ворожбой и своим коварством, чтобы не укротили его воинственный дух, боясь смерти, чтобы им, богачам, не погибать. Вот ведь благоверного царя царьградского Константина Ивановича укротили вельможи воинственный дух еретической своей ворожбой и коварством от лени, так что потеряли они православное царство и царя благоверного сгубили мечом иноплеменника. Издавна не одобряют того мудрые философы, что иные становятся вельможами при царе не по своим военным заслугам, не по другим каким дарованьям, так что про таких так говорят мудрые философы: «Это чародеи и еретики, удачу отнимают у царя и царскую мудрость, ересью и чародейством распаляют на свою пользу царское сердце, а воинский дух укрощают». И еще говорит Петр, молдавский воевода: «Таких надо в огне сжигать и другим лютым смертям предавать, чтобы не умножились беды. Без меры и вина, что воинский дух царя укрощают и замыслы царские пресекают. А царю нельзя быть без воинского духа: ангелы Божьи, небесные силы, и те ни на один миг не выпускают из рук своих пламенное оружие, от Адама и доныне охраняют род христианский, — и те службой своей не томятся. А царю как без воинского духа быть? Воином силен и славен царь. Царь на престоле своем — благодать Божья и мудрость великая, а к воинам своим щедр, как отец к детям. Какова щедрость царя к воинам, такова и мудрость его. Щедрая рука никогда не оскудевает, а славу себе великую приобретает».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «У благоверного царя Константина беднели и нищали воины, а богатели сборщики налогов. И иные из воинов, видя это пренебрежение к воинству благоверного царя, оставляли военное дело и прельщались сбором налогов, разоряли царство царя Константина и царскую казну. Но сами сборщики богатели: пошлют его куда собирать в царскую казну, и где бы взять в пользу царя десять рублей, возьмет десять рублей в пользу царя, а сто рублей в свою пользу. А с теми, кто посылал их, с вельможами царскими, сборщики эти делились и разоряли царство благоверного царя Константина и царскую казну, и сами богатели на крови и слезах рода христианского. А вельможи друг перед другом выпрашивали у царя Константина кормления, города и наместничества, бросаясь, как

голодные псы, на кровь и на слезы рода христианского. А царь во всем исполнял их волю, во всем веселил им сердце, так что впустил в свое царство междуусобную войну своих вельмож и во всем прогневил Бога».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Суд был у греков неправедный, торговля у них была бесчестная: не мог купец товару своему назначить цену. Вперед душу свою продаст, потом и товар продаст. Бесчестно совершалось у них приобретение. А царские вельможи благодаря своему коварству и дьявольскому соблазну додумывались до того, что выкапывали только что захороненных покойников из могил, пустые могилы засыпали, а покойника, исколов рогатиной или разрубив саблей и измазав кровью, подбрасывали в дом богача. Потом выставят истца-клеветника, который Бога не боится, и, осудив неправедным судом, разграбят двор его и все богатство. По дьявольскому соблазну бесчестно они богатели, а царской власти над ними не было. Во всем гневили они Бога. Потому разгневался на них за это Господь Бог неутолимым и святым своим гневом, предал их в рабство иноплеменнику, турецкому царю султану Магомету, сыну Амурата, низкого разбойничьего рода, так что истребил султан Магомет Царьград и царя Константина и покорил своей власти веру христианскую, преданную Богом за грехи и за гордыню их, потому что отстраняли они от царя мир, не подпускали к нему жалобщиков. И никто не видел справедливости от вельмож в царстве Константина. Но сами они, вельможи, чинили в царстве притеснения и разоряли царство. Так что они не мир от царя отстраняли и не жалобщиков, отстраняли они от царя милосердие Божие, да и отстранили».

И так еще со слезами сказал Петр, молдавский воевода, радея о вере христианской: «И стало так по грехам нашим, что попали мы в рабство иноплеменнику за великое беззаконие греков, потому что оставили греки свет ради тьмы, впали в ересь во всем и прогневили Бога гневом неутолимым. А вот нехристь-иноплеменник, тот осознал Божью силу: султан Магомет, турецкий царь, захватив Царьград, во всем своем царстве установил справедливость и справедливый суд, какой любит Бог, и утешил Бога сердечной радостью. И за это помогает ему Бог: многими царствами завладел он с Божьей помощью. И вот он великую справедливость установил в своем царстве и снабдил уставом купеческий торг, так что только на слово можно и купить, и продать хоть на тысячу рублей. И так он сказал: «Творите правду в моем, Богом данном, царстве. Глядите же, как Бог любит правду, а за неправду гневается неутолимым гневом: ведь мне, невеликому царю, выдал Бог великого царя. Держитесь заповеди Божьей, наживайтесь в поте лица своего. Как наказал Бог нашему праотцу Адаму, когда создал его и дал ему во власть всю землю и велел обрабатывать землю и в поте лица своего есть хлеб, а Адам заповедь Божью исполнил, так и нам также нужно во всем слушаться Бога и правдою воздать ему сердечную радость».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Не веру любит Бог, правду. Истинная правда — Христос, Бог наш, Сын Бога возлюбленный, нераздельный в божестве единой Троицы, едино божество и сила. И оставил он нам Евангелие — правду, а любя веру христианскую больше всех других вер, указал путь в Царство небесное. А греки читали Евангелие, иные же слушали, но Божьей воли не исполняли, возвели хулу на Бога и впали в ересь. Соблазнил дьявол вельмож Константина, исполнили они целиком дьявольскую волю, а Бога прогневили. Сами соблазнились и царство Константина на соблазн навели, а веру христианскую потеряли. Они же, прельстители, дьявольскую волю исполняли. Когда Господь Бог изгнал Адама из рая — ведь он заповедь Божью нарушил, а дьявол тогда подверг его искушению и расписку с него взял, — то навеки было погиб Адам. Но проявил свое милосердие Господь Бог своими добровольными страданиями, извел Адама из ада и расписку разорвал. Над всем миром один Бог. А есть такие, кто расписывается в рабстве навеки тем, что прельщают и дьяволу угождают, и такие, кто прельщается на блистательные одеяния и тоже расписывается в рабстве навеки, — и те и другие гибнут навеки».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Если какая земля находится в порабощении, все зло творится в этой земле: воровство, разбой, притеснения, великое разоренье всему царству, во всем там гневят Бога, а угождают дьяволу. Так и у царя благоверного Константина наполнились вельможи всеми этими беззакониями и прогневили Бога, так что из-за вельмож Константина живые у них завидовали мертвым, а свободные — рабам этих вельмож. А благоверного царя Константина опутали колдовством и изловили ворожбой, воинского духа его лишили и богатырскую силу его укротили, заставили выпустить царский воинский меч, а жизнь его сделали беспутной. Из-за утеснений вельмож царским именем никому нельзя было прожить, даже носу из дому высунуть или версты проехать: все царство пошло к вельможам его в закладники, чтобы выжить, их именами звались, ожидая царской мудрости, да не дождались. А забыли про то греки, что показал Господь Бог знамение на фараоне, египетском царе, когда его и вельмож его утопил в море за то, что обратил он в рабство израильтян. Так что великое это знаменье от Бога: не любит Господь гордыни и рабства. За это же и греки погибли: за гордыню и рабство. А израильтяне усилились и возгордились, забыли Бога и погибли в неволе и рассеянии, нет у них независимого царства. И Сына Божия — Христа, Царя небесного, не признали они, так окаменело в гордыни их сердце».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Видим мы, как они гибнут, ибо враждебен Господь Бог гордым, обращает на них за неправду неутолимый гнев. А правду любит Господь, правда сильнее всего. Турецкий царь султан Магомет великую правду ввел в царстве

своем, хоть иноплеменник, а доставил Богу сердечную радость. Вот если б к той правде да вера христианская, то бы и ангелы с ними в общении пребывали».

А о Казанском царстве так сказал Петр, молдавский воевода: «Если хотеть с Божьей помощью добыть Казанское царство, нужно без снисхождения к себе послать к Казани войска, ободрив сердца им, воинам, царским жалованьем, дарами и доброй заботой, а других удалых воинов послать в казанские улусы с приказом улусы жечь, а людей рубить и в плен брать, тогда смилуется Бог и подаст свою святую помощь. А как захватит их, пусть крестит: это надежно. А слыхивал я про эту землицу, про царство Казанское, от многих воинов, которые в этом Казанском царстве бывали, что говорят они про нее и сравнивают ее с райской землей по большому плодородию. И мы сильно удивляемся тому, что столь небольшая и очень плодородная земля, почти за пазухой у такого великого и сильного царя, а не усмирена, и он все это терпит, а ему от них большие неудобства. А хоть бы такая землица и смирилась, все равно за ее плодородие нельзя было бы так оставить».

Государь благоверный царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич! Был я, холоп твой, Ивашка, сын Семена, Пересветов, в Сочаве у Петра, молдавского воеводы, пять месяцев и насмотрелся я на великую мудрость. Изречения эти произносит он от наставлений веры и от философской мудрости, потому как, государь, Петр и сам ученый философ и мудрый доктор. А ему служили многие люди, мудрые философы, и прорекли они по небесным знаменьям про царственное твое предназначение, что будешь ты великим государем, и тебе, государь, Бог покорит врагов твоих. Вычитали они с Божьей помощью в книгах, что будешь ты владеть многими царствами.

Однако, государь, прочитывают они в своих мудрых книгах и гороскопах, что будут тебя, государь, уловлять ворожбой и колдовством, как царьградского царя Константина, обозначено у них и укрощение воинского твоего духа. Будут добиваться твои вельможи твоей царской любви ворожбой, колдовством и путями соблазна, но ни родом, ни происхождением, ни воинским духом, ни мудростью, а мудрость бы эта понадобилась тебе, царю, и твоей славе царской в твоем царстве-государстве. Прочитывают они и то, что этим колдовством и ворожбой лишают тебя твоей мудрости, Богом данной, и удачи, укрощают дух твой воинский, для чего тебя, благоверного царя, создал Бог, а вельможи твои к себе склоняют твое сердце великой любовью, так что без них не можешь ты и часа быть. И видел я, государь, что Петр, молдавский воевода, встал перед образом пречистой Владычицы нашей Богородицы со слезами помолиться о многолетнем здравии твоем, чтобы исполнил Господь Бог твое царское счастливое и мудрое предназначение к воинским делам для укрепления христианской веры,

для наполнения правдой твоего царства, как указывают им по небесным знакам их книги о царском твоем предназначении, чтобы избавил тебя Бог своей святой и великой милостью от вражеских уловок твоих вельмож и от всякого колдовства, чтобы не покинуло тебя мудрое от Бога царское предназначение к удачным военным делам, на что создал тебя Бог. Так сказал Петр, молдавский воевода: «Если только сохранит его Бог от уловок вельмож его, по всей вселенной не будет такого мудрого воина и счастливого в военных делах. Тогда введет он в царстве своем великую справедливость и утешит Бога сердечной радостью, а за это Господь Бог подчинит ему многие царства».

И меня, холопа твоего, Ивашку, сына Семена, Пересветова, удерживал у себя на службе Петр, молдавский воевода, но я, твой государев холоп, услышав такие изречения мудрых людей и многих великих докторов и философов о тебе, великом государе, о твоем царственном и мудром божественном предназначении и удаче в военных делах, оставил доходную и беспечальную службу и прибыл к тебе, государь благоверный царь, послужить теми изречениями и военными бумагами. Как тебе, государь, нравится услуга моя, твоего холопа?

СОЧИНЕНИЯ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА

Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод А. А. Алексеева и Л. А. Дмитриева

ВСТУПЛЕНИЕ

Ермолай-Еразм — выдающийся русский писатель и публицист. Литературное творчество его относится к 40—60-м гг. XVI в. В 40-е гг. был священником в Пскове, затем служил протопопом дворцового собора Спаса на Бору в Москве. В 60-х гг. постригся в монахи под именем Еразма. В своих произведениях называл себя «прегрешным». В настоящее время известно значительное число произведений, принадлежащих этому писателю. «Книга о Троице» и «Зрячая пасхалия» свидетельствуют о его образованности и начитанности в церковно-богословской литературе. Ему принадлежит ряд произведений церковно-назидательного содержания, в которых отразились и его социально-политические воззрения.

Расцвет писательской деятельности Ермолая-Еразма падает на середину века, именно в это время им был написан трактат, известный под названием «Благохотящим царем правительница и землемерие» (в первой редакции озаглавлен — «Аще восхотят, царем правителница и землемѣрие»), который был направлен царю с предложением

проведения социальных реформ. В нем изложен проект податных реформ и переустройства поземельного обеспечения военной службы. Автор «Правительницы», безусловно, сочувственно относится к крестьянству как основному создателю благосостояния общества. По его мнению, крестьянство, притесняемое боярством, терпит непосильные лишения. Ермолай предложил заменить все виды повинности, лежащие на крестьянстве, натуральной рентой из расчета платежа одной пятой части урожая. Введение такой реформы действительно облегчило бы тяготы крестьянства.

Позиция сочувственного отношения Ермолая к крестьянству тесно связана с идеей гуманности, проводимой им в других произведениях. Сочетание темы милосердия и христианской любви одновременно с осуждением и неприязненным отношением к вельможам и боярам прослеживается в его сочинениях назидательного содержания.

Эти идеи, глубоко волновавшие Ермолая, нашли свое полное и гармоничное выражение в «Повести о Петре и Февронии Муромских». Видимо, в связи с соборами 1547 и 1549 гг. от лица митрополита Макария Ермолаю было сделано предложение написать агиографические сочинения, посвященные муромским святым. Действительно, Петр и Феврония, канонизированные на соборе 1547 г., в заглавии повести названы «новыми чудотворцами». Содержание «Повести о рязанском епископе Василии», написанной тоже Ермолаем, было использовано в житии муромского князя Константина и его сыновей, канонизированных на соборе 1549 г. Источниками для этих двух произведений Ермолая послужили муромские легенды. «Повесть о епископе Василии» написана предельно сжато, сюжет в ней изложен четко, но детали его не разработаны. Совершенства в разработке сюжета (ясность в передаче главной мысли, конкретность деталей, четкость диалогов, имеющих большое значение в развитии сюжета, композиционная завершенность) Ермолай-Еразм достиг в «Повести о Петре и Февронии». Определяющим в разработке сюжета оказалось воздействие устного источника, более всего связанного с жанром новеллистической сказки. На Ермолая-Еразма такое сильное влияние оказало народное предание о муромском князе и его жене, что он, хорошо образованный церковный писатель, перед которым была поставлена цель дать жизнеописание святых, создал произведение, по существу не имеющее ничего общего с житийным жанром. Этот факт выглядит особенно поразительным на фоне той житийной литературы, которая в это же время создавалась в писательском кругу митрополита Макария, к которому, собственно, принадлежал и Ермолай-Еразм. «Повесть о Петре и Февронии» резко отличается от житий, написанных в это время и включенных в Великие Минеи Четьи, она выделяется на их фоне и не имеет ничего общего с их стилем. К ней, скорее, можно найти параллели в повествовательной литературе второй половины XV в., построенной на новеллистических сюжетах («Повесть о Дмитрии Басарге», «Повесть о Дракуле»).

В «Повести о Петре и Февронии» рассказывается история любви между князем и крестьянкой. Сочувствие автора героине, восхищение ее умом и благородством в трудной борьбе против всесильных бояр и вельмож,

не желающих примириться с ее крестьянским происхождением, определили поэтическую настроенность произведения в целом. Идеи гуманности, свойственные творчеству Ермолая-Еразма, нашли наиболее полное и цельное выражение именно в этом произведении. Сюжет «Повести» построен на активных действиях двух противостоящих сторон, и только благодаря личным качествам героини она выходит победителъницей. Ум, благородство и кротость помогают Февронии преодолеть все враждебные действия ее сильных противников. В каждой конфликтной ситуации высокое человеческое достоинство крестьянки противопоставляется низкому и корыстному поведению ее высокородных противников. Ермолай-Еразм не был связан с каким-либо реформационно-гуманистическим течением, но высказываемые в этом произведении мысли о значенин ума и защите человеческого достоинства созвучны с идеями гуманистов. «Повесть о Петре и Февронии» является одним из шедевров древнерусской повествовательной литературы, и имя автора ее должно стоять в ряду самых видных писателей русского средневековья.

Тексты издаются по сборнику — автографу Ермолая-Еразма: РНБ, Соловецкое собр., № 287/307.

ОРИГИНАЛ

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

ПОВЕСТЬ ОТ ЖИТИЯ СВЯТЫХ НОВЫХ ЧЮДОТВОРЕЦ МУРОМСКИХ, БЛАГОВѢРНАГО, И ПРЕПОДОБНАГО, И ДОСТОХВАЛНАГО КНЯЗЯ ПЕТРА, НАРЕЧЕННАГО ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ДАВИДА, И СУПРУГИ ЕГО, БЛАГОВѢРНЫЯ И ПРЕПОДОБНЫЯ И ДОСТОХВАЛНЫЯ КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ, НАРЕЧЕННЫЯ ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ЕУФРОСИНИИ

Благослови, отче. Богу Отцу и сприсносущному Слову Божию — Сыну, и пресвятому и животворящему Духу, единому Божию естеству безначалному, купно в Троицы воспеваемому, и хвалимому, и славимому, и почитаемому, и превозносимому, и исповѣдуемому, и вѣруемому, и благодаримому, содѣтелю и творцу невидимому и неописанному, искони самосилно обычною си премуд ростию свершающему, и строящему всяческая, и просвѣщающему, и прославляющему, еже хотящу, своим самовластиемъ, якоже бо исперва сотвори на небеси аггелы своя, духы и слуги своя, огнь палящъ, умнии чинове, бестелесная воинества, ихже неисповѣдимо величество есть, тако и вся невидимая сотвори, о нихже недостижно есть уму человеческу, видимая же небесная стихия сотвори: солнце, и луну, и звѣзды, и на земли же древле созда человека по своему образу и от своего трисолнечьнаго Божества подобие тричислено дарова ему: умъ, яко отецъ слову; слово же исходит от него, яко сын посылаемо; на

немже почиет духъ, яко у коегождо человека изо устъ слово без духа исходити не может, но духъ с словом исходит, ум же началствует.

И да не продолжим слова в твари человечестей, но на предлежащее возвратимся.

Богъ же безначалный, создав человека, почти и, надо всѣм земным существом царем постави и, любя же в человечестем роде вся праведники, грѣшныя же милуя, хотя бо всѣх спасти и в разум истинный привести. Егда же благоволением Отчим и своим хотѣнием и споспѣшеством святаго Духа единый от Троица Сынъ Божий, не ин ни инак, но той же Богь, Слово, Сынъ отчь, благоволи родитися на земли плотию от пречистыя девица Мария, и бысть человекъ, еже не бѣ не преложив божества; еже бѣ на земли ходя, никакоже отчих нѣдръ отлучися. И во страсть его божественое его естество безстрастно пребысть. Безстрастие же его неизреченно есть, и невозможно есть никакою притчею сказати, ни мощно к чесому приложити, занеже все тварь его есть; в твари же его разумѣваем безстрастие, ибо аще какову древу стоящу на земли, солнцу же с небеси сияющу на нь, в ту ж годину древу тому, аще ключится посекаему быти и сим страдати, ифиръ же солнечный от древа того не отступит, ниже спосѣкается з древом, ни стражет.

Глаголем же убо о солнце и о древѣ, понеже тварь его есть; зижител же и содѣтель неизглаголим есть. Сей бо пострада за ны плотию, грѣхи наша на крестѣ пригвозди, искупив ны миродержителя лестца ценою кровию своею честною. О сем бо рече сосуд избранный Павел: «Не будите раби человеком, куплени бо есте ценою». По распятии же господь наш Исус Христосъ тридневно воскресе, и в четыредесятный день вознесеся на небеса, и сѣде одесную Отца, и в пятидесятный день ото Отца послав Духъ святый на святыя своя ученики и апостолы. Они же всю вселенную просвѣтиша вѣрою, святым крещением.

И елицы во Христа крестишася, во Христа облекошася. Аще ли же во Христа облекошася, да не отступают от заповѣдей его, не якоже лестцы и блазнители по крещении оставлыше заповѣди Божия и лстяще ся мира его красотами, но якоже святии пророцы и апостоли, такоже и мученицы и вси святии, Христа ради страдавше в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроениих, трудѣх, во бдѣниих, в пощениих, в чищениих, в разумѣ, в долготерпѣнии, во благости, в Дусѣ святѣ, в любви нелицемѣрне, в словеси истиннѣ, в силѣ Божии, — иже свѣдоми суть Единому, вѣдущему тайны сердечныя, имиже землю просвѣтил есть, якоже небо звѣздами украси, и почтив их чюдотворенми, овых убо молитвъ ради и покаяния и трудов, овых же

мужеств ради и смирения, якоже сих святых прослави, о нихже нам слово предлежит.

I

Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром,[1] в немже бѣ самодержьствуяй благовѣрный князь, яко повѣдаху, именем Павел. Искони же ненавидяй добра роду человечю дьявол всели неприязненаго летящаго змия к женѣ князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты, якоже бяше и естеством; приходящим же людем являшеся, якоже князь сам сѣдяше с женою своею. Тѣми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но повѣдаше князю, мужеви своему, вся ключшаяся ей. Змий же неприязнивый осили над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумѣяшеся. И рече женѣ си: «Мыслю жено, но недоумѣюся, что сотворити неприязни тому? Смерти убо не вѣм, каку нанесу на нь? Аще убо глаголеть к тебѣ какова словеса, да воспросиши и с лестию и о сем: вѣст ли сей неприязнивым духом своим, от чего ему смерть хощет быти? Аще ли увѣси и нам повѣдаеши, свободишися не токмо в нынешнем вѣце злаго его дыханиа и сипѣния и всего скарядия, еже смрадно есть глаголати, но и в будущий вѣк нелицемѣрнаго судию Христа милостива себѣ сотвориши». Жена же мужа своего глаголъ в сердци си твердо приимши, умысли во умѣ своем: «Добро тако быти».

Во един же от дний неприязнивому тому змию пришедшу к ней, она же, добру память при сердцы имѣя, глаголъ с лестию предлагает к неприязни той, глаголя многи иныя рѣчи, и по сих с почтением воспросив его, хваля, рече бо, яко: «Много вѣси, и вѣси ли кончину си, какова будет и от чего?» Он же, неприязивый прелестник, прелщен добрым прелщением от вѣрныя жены, яко непщева тайну к ней изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча».[2] Жена же, слышав таковую рѣчь, в сердцы си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того повѣда князю, мужеви своему, якоже реклъ есть змий. Князь же, то слышав, недоумѣяшеся, — что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

Имѣяше же у себе приснаго брата, именем князя Петра.[3] Во един же от дний призвав его к себѣ и нача ему повѣдати змиевы рѣчи, якоже реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ, слышав от брата своего, яко змий нарече тезоиме-нита ему исходатая смерти своей, нача мыслити, не

сумняся мужествене, како бы убити змиа. Но и еще бяше в нем мысль, яко не вѣдыи Агрикова меча.

Имѣяше же обычай ходити по церквам уединяяся. Бѣ же внѣ града церковь в женстем монастыри Воздвижение честнаго и животворящаго креста.[4] И прииде к ней един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хощеши ли, да покажу ти Агриков мечь?» Он же, хотя желание свое исполнити, рече: «Да вижу, гдѣ есть!» Рече же отроча: «Иди вслѣд мене». И показа ему во олтарной стенѣ межу керемидома скважню, в ней же лежаше мечь. Благовѣрный же князь Петръ, взем меч той, прииде и повѣда брату своему. И от того дни искаше подобна времени, да убиет змия.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносѣ своей на поклонение. Ключи же ся ему прийти в храмину к брату своему и том же часѣ, шед к сносѣ своей во ину храмину, и видѣ у нея сидяща брата своего. И паки пошед от нея, встрѣти нѣкоего от предстоящих брату его и рече ему: «Изыдох убо от брата моего к сносѣ моей, брат же мой оста в своем храму, мнѣ же, не коснѣвшу никаможе, вскоре пришедшу в храмину к сносѣ моей, и не свѣм и чюжуся, како брат моей напреди мене обрѣтеся в храминѣ у снохи моея?» Той же человекъ рече ему: «Никакоже, господи, по твоем отшествии не изыде брат твой из своея храмины!» Он же разумѣ быти пронырьство лукаваго змия. И прииде к брату и рече ему: «Когда убо сѣмо прииде? Аз бо от тебе из сея храмины изыдох, и нигдѣже ничесоже помедлив, приидох к женѣ твоей в храмину, и видѣх тя с нею сидяща, и чюдяхся, како напред мене обрѣтеся. Приидох же паки, ничтоже нигдѣ паки помедлив, ты же, не вѣм, како мя предтече и напред мене здѣ обрътеся?» Он же рече: «Никакоже, брате, ис храма сего по твоем отшествии не изыдох и у жены своея никакоже бѣх». Князь же Петръ рече: «Се есть, брате, пронырьство лукаваго змия, да тобою ми ся кажет, аще не бых хотѣл убити его, яко непщуя тебе своего брата. Нынѣ убо, брате, отсюду никакоже иди, аз же тамо иду братися со змием, да нѣкли Божиею помощию убиен да будет лукавый сей змий».

И взем мечь, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносѣ своей, и видѣ змия зраком аки брата си, и твердо увѣрися, яко нѣсть брат его, но прелестный змий, и удари его мечем. Змий же явися, яков же бяше и естеством, и нача трепетатися, и бысть мертвъ, и окропи блаженного князя Петра кровию своею. Он же от неприязнивыя тоя крови острупѣ, и язвы быша, и прииде жа нь болезнь тяжка зело. И искаше в своем одержании ото мног врачев исцелениа, и ни от единого получи.

II

Слыша же, яко мнози суть врачеве в предѣлех Рязаньския земли, и повелѣ себе тамо повести, не бѣ бо сам мощен на кони сидѣти от великия болѣзни. Привезен же бысть в предѣлы Рязаньския земли и посла синклит свой весь искати врачев.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающуся Ласково.[5] И прииде к некоего дому вратом и не видѣ никогоже. И вниде в дом, и не бѣ, кто бы его чюлъ. И вниде в храмину и зря видѣние чюдно: сидяше бо едина девица, ткаше красна, пред нею же скача заец.

И глаголя девица: «Нелѣпо есть быти дому безо ушию и храму безо очию!» Юноша же той, не внят во умъ глаголъ тѣх, рече к девице: «Гдѣ есть человекъ мужеска полу, иже здѣ живет?» Она же рече: «Отецъ и мати моя поидоша взаем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави зрѣти».

Юноша же той не разумѣ глаголъ ея, дивляшеся, зря и слыша вещъ подобну чюдеси, и глагола к девицы: «Внидох к тебѣ, зря тя дѣлающу, и видѣх заец пред тобою скача,[6] и слышу ото устну твоею глаголы странны нѣкаки, и сего не вѣм, что глаголеши. Первие бо рече: нелѣпо есть быти дому безо ушию и храму безо очию. Про отца же твоего и матерь рече, яко идоша взаим плакати, брата же своего глаголя “чрез ноги в нави зрѣти”. И ни единого слова от тебе разумѣх!»

Она же глагола ему: «Сего ли не разумѣеши! Прииде в дом сий и в храмину мою вниде и видѣв мя сидящу в простотѣ. Аще бы был в дому наю пес и чюв тя к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храминѣ моей отроча и видѣв тя к храминѣ приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и матерь и про брата, яко отецъ мой и мати моя идоша взаем плакати — шли бо суть на погребение мертваго и тамо плачют. Егда же по них смерть приидет, инии по них учнут плакати: се есть заимованный плач. Про брата же ти глаголах, яко отецъ мой и брат древолазцы суть, в лѣсе бо мед от древия вземлют. Брат же мой нынѣ на таково дѣло иде, и яко же лѣсти на древо в высоту, чрез ноги зрѣти к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гонзнет. Сего ради рѣх, яко иде чрез ноги в нави зрѣти».

Глагола ей юноша: «Вижу тя, девице, мудру сущу. Повѣжь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврония». Той же юноша рече к

ней: «Аз есмь муромскаго князя Петра, служаи ему. Князь же мой имѣя болѣзнь тяжку и язвы. Острупленну бо бывшу ему от крови неприязниваго летящаго змия, егоже есть убил своею рукою. И в своем одержании искаше исцеления ото мног врачев и ни от единого получи. Сего ради сѣмо повелѣ себе привести, яко слыша здѣ мнози врачеве. Но мы не вѣмы, како именуются, ни жилищ их вѣмы, да того ради вопрошаем о нею». Она же рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себѣ, мог бы уврачевати и». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себѣ! Аще кто уврачюет и, князь мой дасть ему имѣние много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его?» Она же рече: «Да приведеши князя твоего сѣмо. Аще будет мяхкосердъ и смирен во отвѣтех, да будет здрав!»

Юноша же скоро возвратися ко князю своему и повѣда ему все подробну, еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же князь Петръ рече: «Да везете мя, гдѣ есть девица». И привезоша и в дом той, в немже бѣ девица. И посла к ней ото отрок своих, глаголя: «Повѣж ми, девице, кто есть хотя мя уврачевати? Да уврачюет мя и возмет имѣние много». Она же не обинуяся рече: «Аз есмь . хотя и врачевати, но имѣния не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не требе ми есть врачевати его». И пришед человекъ той, повѣда князю своему, якоже рече девица.

Князь же Петръ, яко небрегий словеси ея, и помысли: «Како князю сущу древолазца дщи пояти себѣ жену!» И послав к ней, рече: «Рцыте ей, что есть врачевство ея, да врачюет. Аще ли уврачюет, имам пояти ю себѣ женѣ». Пришедше же, рѣша ей слово то. Она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди своея, и дуну на ня, и рек: «Да учредят князю вашему баню, и да помазует сим по телу своему, идѣже суть струпы и язвы. И един струп да оставит не помазан. И будет здравъ!»

И принесоша к нему таково помазание. И повелѣ учредити баню. Девицю же хотя во отвѣтех искусити, аще мудра есть, якоже слыша о глаголѣх ея от юноши своего. Посла к ней съ единым от слуг своих едино повѣсмо лну, рек, яко: «Си девица хощет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть, да в сием лну учинит мнѣ срачицу, и порты, и убрусецъ в ту годину, в ню же аз в бани пребуду». Слуга же принесе к ней повѣсмо лну и дасть ей и княже слово сказа. Она же рече слузѣ: «Взыди на пещъ нашу и, снем з гряд полѣнце,[7] снеси сѣмо». Он же, послушав ея, снесе полѣнце. Она же, отмѣрив пядию, рече: «Отсеки сие от полѣнца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Возми сий утинок полѣнца сего, и шед даждь князю своему от мене и рцы ему: в кий час се повѣсмо аз очешу, а князь твой да приготовит ми в сем утинцѣ стан и все строение, киим сочтется полотно его». Слуга же принесе ко князю своему утинок полѣнца и рѣчь девичю сказа. Князь же рече: «Шед, рцы девицы, яко невозможно есть в таковѣ мале древцѣ и в таку малу годину

сицева строения сотворити!» Слуга же пришед, сказа ей княжю рѣчь. Девица же отрече: «А се ли возможно есть, человеку мужеска возрасту вь едином повѣсме лну в малу годину, в нюже пребудет в бани, сотворити срачицу, и порты, и убрусецъ?» Слуга же отоиде и сказа князю. Князь же дивлеся отвѣту ея.

И по времени князь Петръ иде в баню мытися и повелѣнием девица помазанием помазая язвы и струпы своя. И един струп остави не помазанъ по повелѣнию девицы. Изыде же из бани, ничтоже болѣзни чюяше. На утрии же узрѣв си все тѣло здраво и гладко, развие единого струпа, еже бѣ не помазал по повелѣнию девичю, и дивляшеся скорому исцелению. Но не восхотѣ пояти ю жену себѣ отечества ея ради и послав к ней дары. Она же не прият.

Князь же Петръ поѣхав во отчину свою, град Муром, здравствуяи. На нем же бѣ един струп, еже бѣ не помазан повелѣнием девичим. И от того струпа начаша многи струпы расходитися на тѣле его от перваго дни, в оньже поѣхав во отчину свою. И бысть паки весь оструплен многими струпы и язвами, якоже и первие.

И паки возвратися на готовое исцеление к девицы. И якоже приспѣ в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания. Она же, нимало гнѣву подержав, рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван». Он же с твердостию слово дасть ей, яко имат пояти ю жену себѣ. Сия же паки, яко и преже, то же врачевание даст ему, еже предписах. Он же вскоре исцѣление получив, поят ю жену себѣ. Такою же виною бысть Феврония княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста во всяком благочестии, ничтоже от Божиих заповѣдей оставляюще.

III

По мале же дний предреченный князь Павел отходит жития сего. Благовѣрный же князь Петръ по брате своем един самодержец бывает граду своему.

Княгини же его Февронии боляре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея; Богу же прославляющу ю добраго ради жития ея.

Нѣкогда бо нѣкто от предстоящих ей прииде ко благовѣрному князю Петрови навадити на ню, яко: «От коегождо, — рече, — стола своего без чину исходит: внегда бо встати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна!» Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ да обѣдует с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обѣду, она же, якоже обычай имѣяше, взем от стола крохи в руку свою. Князь же Петръ приим ю за руку и, развед, видѣ ливан добровонный и фимиян. И от того дни остави ю к тому не искушати.

И по мнозе же времени приидоша к нему сь яростию боляре его, ркуще: «Хощем вси, княже, праведно служити тебѣ и самодержцем имѣти тя, но княгини Февронии не хощем, да господьствует женами нашими. Аще хощеши самодержцем быти, да будет ти ина княгини. Феврония же, взем богатество доволно себѣ, отоидет, аможе хощет!» Блаженный же Петръ, якоже бѣ ему обычей, ни о чесомже ярости имѣя, со смирением отвеща: «Да глаголита к Февронии, и якоже рчет, тогда слышим».

Они же, неистовии, наполнившеся безстудия, умыслиша, да учредят пиръ. И сотвориша, и егдаже быша весели, начаша простирати безстудныя своя гласы, аки пси лающе, отнемлюще у святыя Божий даръ, егоже ей Богъ и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Феврония! Весь град и боляре глаголють тебѣ: дай же нам, егоже мы у тебе просим!» Она же рече: «Да возмета, егоже просита!» Они же, яко единеми усты, ркоша: «Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодержьствует над нами. Тебе же жены наши не хотяхут, яко господьствуеши над ними. Взем богатество доволно себѣ, отоидеши, аможе хощеши!» Она же рече: «Обещахся вам, яко елика аще просите — приимете. Аз же вам глаголю: дадите мнѣ егоже, аще аз воспрошу у ваю». Они же, злии, ради быша, не вѣдуще будущаго, и глаголаша с клятвою, яко: «Аще рчеши, единою без прекословия возмеши». Она же рече: «Ничтоже ино прошу, токмо супруга моего, князя Петра!» Рѣша же они: «Аще сам восхощет, ни о том тебѣ глаголем». Враг бо наполни их мыслей, яко аще не будет князь Петръ, да поставят себѣ инаго самодержьцем: кииждо бо от болярь во умѣ своем держаше, яко сам хощет самодержец быти.

Блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго самодержавьства кромѣ Божиих заповѣдей, но по заповѣдем его шествуя, держашеся сих, якоже богогласный Матфѣй в своем Благовѣстии вещает.[8] Рече бо, яко иже аще пустит жену свою, развие словеси прелюбодѣйнаго, и

оженится иною, прелюбы творит. Сей же блаженный князь по Еуангеллию сотвори: одержание свое, яко уметы вмени, да заповѣди Божия не разрушит.

Они же, злочестивии боляря, даша им суды на рѣцѣ — бяше бо под градом тѣм рѣка, глаголемая Ока. Они же пловуще по рѣцѣ в судѣх. Нѣкто же бѣ человекъ у блаженныя княгини Февронии в судне, егоже и жена в томже судне бысть. Той же человекъ, приим помыслъ от лукаваго бѣса, возрѣв на святую с помыслом. Она же, разумѣв злый помыслъ его вскоре, обличи и, рече ему: «Почерпи убо воды из руки сия с сю страну судна сего». Он же почерпе. И повелѣ ему испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпе. И повелѣ ему паки испити. Он же питъ. Она же рече: «Равна ли убо си вода есть, или едина слажеши?» Он же рече: «Едина есть, госпоже, вода». Паки же она рече сице: «И едино естество женское есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжиа мыслиши? Той же человекъ, уведѣ, яко в ней есть прозрѣния даръ, бояся к тому таковая помышляти.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися на брезѣ. Блаженный же князь Петръ яко помышляти начат: «Како будетъ, понеже волею самодержьства гонзнув?» Предивная же Феврониа глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый Богъ, творец и промысленник всему, не оставит нас в низшетѣ быти!»

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовляху. И потче поваръ его древца малы, на нихже котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврониа, ходящи по брегу и видѣвши древца тыя, благослови, рекши: «Да будут сия на утрии древие велико, имущи вѣтви и листвие». Еже и бысть: вставши бо утре, обретоша тыя древца велико древие имуще вѣтви и листвие.

И яко уже хотяху людие их рухло вметати в суды со брега, приидоша же велможа от града Мурома, ркуще: «Господи княже! От всѣх велмож и ото всего града приидохом к тебѣ, да не оставиши нас сирых, но возвратишися на свое отечествие. Мнози бо велможа во градѣ погибоша от меча. Кииждо их хотя державствовати, сами ся изгубиша. А оставшии вси со всѣм народом молят тя, глаголюще: господи княже, аще и прогнѣвахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Феврония господьствует женами нашими, нынѣ же, со всѣми домы своими, рабиваю есмы, и хощем, и любим, и молим, да не оставита нас, раб своих!»

Блаженный же князь Петръ и блаженная княгини Феврония возвратишася во град свой. И бѣху державстсвующе во градѣ том, ходяще во всѣх заповѣдех и оправданиих Господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всѣм людем, под ихъ властию сущим, аки чадолюбивии отецъ и мати. Бѣста бо ко всѣм любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, ни богатества тлѣннаго щадяще, но в Богь богатѣюще. Бѣста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наимника.[9] Град бо свой истинною и кротостию, а не яростию правяще. Странныя приемлюще, алчьныя насыщающе, нагия одевающе, бѣдныя от напасти избавляюще.

IV

Егда же приспѣ благочестное преставление ею, умолиша Бога, да во един час будет преставление ею. И совѣт сотворше, да будут положена оба вь едином гробѣ, и повелѣша учредити себѣ вь едином камени два гроба, едину токмо преграду имущи межу собою. Сами же вь едино время облекошася во мнишеския ризы. И наречен бысть блаженный князь Петръ во иноческом чину Давидъ, преподобная же Феврония наречена бысть во иноческом чину Еуфросиния.

В то же время преподобная и блаженная Феврония, нареченная Еуфросиниа, во храм Пречистыя соборныя церкви[10] своима рукама шияше воздух,[11] на немже бѣ лики святых. Преподобный же и блаженный князь Петръ, нареченный Давидъ, прислав к ней, глаголя: «О сестро Еуфросиния! Хощу уже отоитти от тѣла, но жду тебе, яко да купно отоидем». Она же отрече: «Пожди, господине, яко дошию воздух во святую церковь». Он же вторицею послав к ней, глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко же третицею присла, глаголя: «Уже хощу преставитися и не жду тебе!» Она же остаточное дѣло воздуха того святаго шияше, уже бо единого святаго риз еще не шив, лице же нашив; и преста, и вотче иглу свою в воздух, и превертѣ нитью, еюже шияше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнѣм. И, помолився, предаста святая своя душа в руцѣ Божии месяца июня в два десять пятый день.

По преставлении же ею хотѣста людие, яко да положен будет блаженный князь Петръ внутрь града, у соборныя церкви пречистыя Богородицы, Феврония же внѣ града в женстем манастыри, у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, ркуще, яко во мнишестем образѣ неугодно есть положити святых вь едином гробѣ. И учредиша им гроби особны и вложиша телеса их в ня: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣло вложиша во особный гроб и поставиша внутрь града в церкви святыя Богородицы до утриа, святыя же

Февронии, нареченныя Еуфросинии, тѣло вложиша во особный гроб и поставиша внѣ града в церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста. Общий же гроб, егоже сами повелѣша истесати себѣ вь едином камени, оста тощ в том же храмѣ Пречистыя соборныя церкви, иже внутрь града. На утрии же, вставше, людие обрѣтоша гроби их особныя тщи, в няже их вложиста. Святая же телеса их обретоста внутрь града в соборней церкви пречистыя Богородицы вь едином гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша сотворити. Людие же неразумнии, якоже в животѣ о них мятущеся, тако и по честнѣм ею преставлении: паки преложиша я во особныя гробы и паки разнесоша. И паки же на утрии обрѣтошася святии вь едином гробѣ. И ктому не смѣяху прикоснутися святѣм их телесем и положиша я во едином гробѣ, в немже сами повелѣста, у соборныя церкви Рождества пресвятыя Богородица внутрь града, еже есть дал Богъ на просвѣщение и на спасение граду тому: иже бо с вѣрою пририщуще к раце мощей ихъ, неоскудно исцеление приемлют.

Мы же по силе нашей да приложим хваление има.

Радуйся, Петре, яко дана ти бысть от Бога власть убити летящаго свирѣпаго змия! Радуйся, Февроние, яко в женстей главѣ святых муж мудрость имѣла еси! Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося, доблествене скорби претерпѣл еси! Радуйся, Февроние, яко от Бога имѣла еси даръ в девьственней юности недуги целити! Радуйся, славный Петре, яко заповѣди ради Божия самодержьства волею отступи, еже не остати супруги своея! Радуйся, дивная Февроние: яко твоим благословением во едину нощь малое древие велико возрасте и изнесоша вѣтви и листие! Радуйтася, честная главо, яко во одержании ваю в смирении, и молитвах, и в милостыни без гордости пожиста; тѣмже и Христосъ дасть вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробѣ лежаще, духом же предстоита владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с вѣрою к вам приходящим невидимо подаете!

Но молим вы, о преблаженная супруга, да помолитеся о нас, творящих вѣрою память вашу!

Да помянете же и мене прегрѣшнаго, списавшаго сие, елико слышах, невѣдыи, аще инии суть написали, вѣдуще выше мене. Аще убо грѣшен есмь и груб, но на Божию благодать и на щедроты его уповая и на ваше моление ко Христу надѣяся, трудихся мыслми. Хотя вы на земли хвалами почтити, и не у хвалы коснухся. Хотѣх вама ради вашего смиреннаго самодержьства и преподобьства по преставлении вашем венца плести, и не уплетения коснухся. Прославлени бо есте и венчани на небесѣх истинными нетлѣнными венцы ото общаго всѣхъ владыки

Христа, емуже подобает со безначалным его Отцем купно и с пресвятымъ, благим и животворящим Духом всяка слава, честь и поклонение нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПОВЕСТЬ О РЯЗАНСКОМ ЕПИСКОПЕ ВАСИЛИИ

О ГРАДѢ МУРАМѢ И О ЕПИСКОПЬИ ЕГО, КАКО ПРЕИДЕ НА РЯЗАНЬ

Слышах убо нѣкиа глаголющих древняя сказаниа о градѣ Мурамѣ, яко в прежняя лѣта бысть создан не на том мѣсте, идѣже нынѣ есть, но бѣяше нѣгдѣ в той же области, отстояние же имѣя немало от нынѣшняго града. Сказание же о нем, яко преславен град бяше в Росийстей земли во дни древняя. Многим же лѣтом прешедшим, разорися нѣкако и запустѣ, и потом по многих лѣтех пренесен бысть на ино мѣсто вскраи тояже области и ту поставлен бысть, идѣже и нынѣ есть.

Егда же бысть в Киеве и во всей Русии держава превеликаго князя и святаго равна апостолом Владимира,[12] и внегда ему дѣти своя раздѣлити во одержание градов, предасть сынови своему, рку же святому Борису, в Росийстей земли град Росьтов, и сынови же своему, рку же святому Глѣбу град Мурам. Ис тѣх градов бысть по Христѣ и страдание ею,[13] и якоже святыня ею познана бысть от вѣрных и прославися во святых церквах. И бѣяху в тѣх градѣх одержания их епископи, и нарицахуся тии епископи домовнии святых страстотерпец Бориса и Глѣба. Потом же два князи от тогова же сродства святого превеликаго князя Владимира, присная суще себѣ братиа, начаша державствовати: вящешии во градѣ Мурамѣ, мнии же в Рязани.

Нѣ в колика же времена бысть во градѣ Мурамѣ епископъ праведенъ, именем Василие.[14] Сего же добляго жития не терпя враг, иже древний душам разбойник, нача на нь спону творити, яко да прилична его блудному дѣлу сотворити. И воображаяся в девицу, и показуя себе из храмины епископа овогда во оконце его, иногда же преход творя из храмины его. Видѣвши же се, мног народ соблазнися, такоже и велможа. И приидоша кь епископу в домъ, да сея ради вины изгонят и сь епископии.

Епископъ же, приимъ икону образа Божиа превѣчнаго младенца и Богородична, на нюже имѣяше надежу о всяцем спасении своем, и поиде из епископии. Проводиша же его до реки, нарицаемыя Оки, и

хотяху дати ему отплути судно мало. Сий же, стоя на брезѣ, снем мантию и, простре на воду и вступи на ню, нося Божий и Богородичный образы, и абие духом бурным несен бысть со образы противу струям, отнюдуже река течаше. Повѣдаху же, яко бысть се в третий час дне, и того же дни в девятый час примчан бысть в мѣсто, еже нынѣ зовомо Старая Рязань;[15] ту бо тогда пребываху и князи рязанстии. Князь же рязанский Олег[16] срѣте и со кресты; и тако пребысть мурамская епископья в Рязани; нарицает же ся и по днесь Борисоглѣбская.[17]

По сих же паки прият бысть Мурам от рязанских епископов. Сами же к тому в Мурам не возвратишася и нарицахуся епископи преже рязанстии и потом мурамстии. Егда же посѣщениа ради во град Мурам епископи приход творяху, тогда нарицахуся преже мурамстии и потом рязанстии. Чюдесная же та икона, иже епископа пренесе, и донынѣ в Рязани есть. Он бо вѣрою упова на ню, сия же милостию удиви, хотя явити без порока своего раба, и вь едину шесть часовъ премча вверхъ по рѣцѣ множае дву сот поприщъ.[18]

О Пречистая Божиа мати, кий языкъ исповѣсть твоя чюдеса или кий смыслъ по достоянию похвалит твоя благодѣяниа, како молиши Сына си со Отцем и со Святым Духом о наших согрѣшениихъ! Се бо слыша — не самого зрака твоего, но образа написаннаго каки силы сотвори, ужасает ми ся ум! Хотѣх бо распространити и не свѣм, како написати, понеже оттуду уже многа лѣта преидоша, и аз о сем не добре свѣдѣ и боюся, да не явлюся о сем глаголяи ложь. Якоже слышах, тако и написах; аще же нѣчто и не до конца свѣдѣ написах, но имѣя в помощь исправляющу владычицу всѣх — Богоматерь, еяже достоит всему християнству безпрестани молити, да избавит ны от навѣт вражиих всегда, нынѣ и присно и в вѣки вѣком. Аминь.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА

АЩЕ ВОСХОТЯТ, ЦАРЕМ ПРАВИТЕЛНИЦА И ЗЕМЛЕМѢРИЕ

Премудрость Соломоня глаголеть: «Слышите убо, царие,[19] и разумѣйте, и навыкните, судиа концем земли, внушите, держащии множества и гордящеся о народех языческих, яко дася от Господа держава вам и сила от Вышняго». Аще же убо вѣрных царь в нынешнее время испытоваем, во всѣх языцех кромѣ русийскаго языка не вѣмы правовѣрствующа царя. Аще же убо вѣрою прав есть, достоит ему нелѣностно снискати, разсмотряя, яже к благополучению всѣм сущим под ним, не едиными велможи еже о управлении пещись, но и до

послѣдних. Велможа бо суть потребни, но ни от коихже своих трудов доволствующе. В начале же всего потребни суть ратаеве; от их бо трудов есть хлѣб, от сего же всѣх благих главизна — Богови в службу безкровная жертва хлѣб приносится и в тѣло Христово претворяется. Потом же и вся земля от царя и до простых людей тѣх труды питаема. Сии же всегда в волнениих скорбных пребывающе, еже не единаго ярма тяготу всегда носяще. Подобно бы убо в лѣте един тяжателный ярем носити сим, яко бы всяка тварь — и птицы, и звѣрие, и скоти — единою лѣтом изнемогают линством. Ратаеве же беспрестани различныя работныя ига подъемлют: овогда бо оброки дающе сребром, овогда же ямская собраниа,[20] овогда же ина. Елицы, иже от даропитателных сих ради царских собраний к ним послани бывают, и си убо подлѣ царскаго уставлениа и себѣ с ним многа збирают, еще же сих ради посланий, яжьдения ради коней, вь ямская расточения много сребра разходящеся. Многа же и ина ратаем обида от сего, еже царския землемѣрителнии писарие яздяху сь южем дѣлом мѣрном, отдѣляюще царевым воином землю, и мѣру земли вразнь всяку четерть полагающе, и сим много медляще, изъядаху много брашна у ратаев.

И многа убо царства прочтохом, и сего обычая не видѣхом. Видѣхом же се: егда бѣ Иосиф вь Египте, строяше все Фараона-царя бытие, и во время гладу предержа неизглаголанное множество пшениц. От егоже руку египтяня вси взимающе пшеница, сокровища своя вся издаяху ему, и уже никомуже не имѣющу, что дати, и Иосиф даяше им пшеницу и таку дань возлагаше на них, яко егда приидет жатва, да приимет кождо жит своих четыре части, пятая же часть жит их да будет царю Фараону. И емляше у жнущих жита пятую часть, кромѣ же сего ничесоже не имаше. И после же сего, во всѣх языцех кийждо человекъ своему цареви или властелем воздает урок от приплодов своея земля: идѣже бо ражается злато и сребро, ту и воздают злато и сребро, а идѣже плодятся множество великих скот, ту и воздают скоти, а идѣже плодятся звѣрие, ту и воздают звѣрие. Здѣ же в Русийсте земли ни злато, ни сребро не ражается, ни велицыи скоти, но благоволением Божиим всего дражайши ражаются жита на прекормление человеком. Достоит убо и дань у ратаев царем и велможам всѣм имати от жит притяжаниа их пятая часть, якоже Иосиф вь Египте учреди. Иосиф бо, пишется, продан бысть в Египет на тридесять сребреник во образ Господень.[21] Како же правовѣрным царем и велможам их не достоит сему ревновати, еже в своих селех и весех имати от притяжаниа жит у ратаев житом пятую чясть, кромѣ же сего ничесоже, злата же и сребра ратаеве недоумѣюще, откуду притяжати? Аще же гладни лѣта, тогда убо мнози мучими суть, ихже и видѣхом.[22] Како бо о сем мучению достойни, яко лѣто мала притяжаниа сподобльше? Ратаеве же мучими сребра ради, еже в царску взимается власть и дается в раздаяние велможам и воином на богатество, а не нужда ради. Нужда бо ради кийждо от велмож своя ратая имут и сими доволни будут, пятую часть у коегождо ратая приемлюще и цареви от сего служаще. Их же ратаем ничтоже инаго никомуже не достоит подаяти, ни ямскаго собраниа своих ради велмож или воиновъ.

Ямская бо правлениа подробну достоит устраяти от града по расписанию и до другаго града. Сим, елицыи во градѣх купующе и продающе и прикупы богатѣюще, достоит сим сий ярем межу всѣх градов носити, понеже суть стяжатели многа прибытка. Кромѣ же сего ярму ничесомже никиих улишений да не сподобятся, но во вся грады безо всяких возданий купующе и продающе, и сего ради нарицаемая ямская правления от града до града по написанию исправляти сим достоит. Се убо всякого мятежа в земных умалится: писарем умаление, зборы престанут, мзды неправедныя отлучатся.

А еже землемѣрителии писарие четвертию мѣряюще и ратаем многу скорбь ото объяданиа приносяще, о сем убо тако достоит разумѣти: скорости ради мѣрныя и вражды и тяжеб межных мѣряти достоит и отделяти поприщми.[23] Вѣмы бо, яко четверогранное поприще и в долготу и въпреки по обѣма концема 1000 сажен мужскъ имат в себѣ ржаных сѣмен в сѣяниа осмь сот тридесят три четверти с третию, в три же поля раздѣлениа ради житнаго поприще таково наричется 278 четвертей без полуосмины в поле, а в дву полех — по толицѣй же мѣре.

Се убо поприще удоб ест даст за 250 четвертей в поле и в дву тако же, понеже 28 четвертей без полуосмин изляшняго к коемуждо полю за сено и за лес достоит дати. Изляшняя же та, аще будет земли чисты, се и лѣпши есть: с сего бо приим хлѣб и продав, и купует сѣно и лѣс. И тою мѣрою землемѣрителнии писарие скорѣе поспѣет четвертныя мѣры в десятеро: киими денми нынѣ град описовати, тѣми денми возмогут десят град описоватися, понеже четвертинная мѣра — в частости мешкано, сия же поприщми вдруг все около оградит. Сего ради и о землях тяжа не имат быти: аще бо кто хощет прекривити, и убо мѣра его обличит, яко излишняя чюжая восхити; и у коегоже отъято, тако же мѣра обличит, яко обиден есть.

Тако убо удобно есть царем повелевати землемѣрие учрежати поприщми, а не четвертми. Аще убо сам царь во всѣх своих градѣх елико восхощет себѣ поприщ своея ради потребы прияти, и аще гдѣ будет в долготу и в преки четерогранно по обѣма концема десять поприщъ, ту есть по сему счетованию 25 000 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре, да кромѣ того за сено и за лес 2775 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре, и повелитъ на себе житных плодов на лѣто пятую часть отделити, а Богъ дастъ аще в земли родит зерно пять зерен, и вь едином градѣ буде его ржа 25 000 четвертей, а яри вдвое того. Аще убо во 100 градѣх по селику и вь едино лѣто будет ржи 2000 тысящ и 500 000 четвертей ржи, да яри того вдвое. Есть бо что из сего и продаяти на собрание сребра, а ни един ратай не будет слезен и мучен в недостатцѣх, еже имати у них з земли хлѣб, с

лесов же звѣрие и мед, с рѣк же рыбы и боброве. Аще ли же гдѣ лѣс вполится, удобно есть медвеннии и звѣриныя уроки отставляти, понеже уже хлѣбом дадут с того пятую часть.

Такожде же убо достоит и боляром и воином даяти поприщми, а не четвертми, комуждо по его достоинству. Аще убо есть от боляръ совершенне, кому 1000 четвертей достоит прияти, сему убо в долготу два поприща и в преки два поприща, четверогранно по обѣма концема, удобь есть дати по сему счетованию за тысящу четвертий в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лѣс по 111 четвертей в поле. Аще же мнии сего, кому от воевод достоит 750 четвертей прияти, сему убо в долготу два поприща, а в преки полтора поприща по обѣма концема удобь есть дати по сему счетованию за 750 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лес по 83 четверти в поле. Аще ли же кому от воин достоит прияти 500 четвертей в поле, сему убо в долготу два поприща, а в преки едино поприще по обѣма концема удобь есть дати по сему счетованию за 500 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лес, по 55 четвертей с осминою в поле. Аще ли же кому достоит прияти 400 без два десяти и пяти четвертей, сему убо в долготу полтора поприща, а в преки едино поприще по обѣма концема удобь есть дати по сему счетованию за 400 без 25 четверти в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лѣс по 41 четверти с осминою в поле. Аще ли же кому достоит прияти пол 300 четвертей, сему убо в долготу и в преки четверогранно поприще по обѣма концема удобь есть дати по сему счетованию за пол 300 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лес по 28 четвертей без полуосмины в поле. Аще же кому достоит прияти 125 четвертей, сему убо поприще в долготу, и в преки полпоприща по обѣма концема удобь есть дати по сему счетованию за 125 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лѣс по 14 четвертей в поле. Аще же будет гдѣ поприще по поприщу землею неравно, есть бо тако и людие: суть вь едином удобствии, сирѣчь равенствѣ, имут же нѣкая отстояния, межю себе суще неравна, по человеку убо разсмотряяи, и поприща раздѣляет лучешим лучешая.

Приемляй же землю болярин или воевода или воин имат своих ратаев доволство по своему достоинству. Аще убо пятую часть жит взимая, и сѣмен же убо не вдает ратаем. Аще же благоволит Богь, в земли едино зерно родит пять, и комуждо убо вдано есть поприще едино, сий с того возмет у своих ратаев пятыя части пол 300 четвертей ржи, да яри того вдвое, и сим убо доволен будет.

Не достоит бо никомуже боляром, и воеводам, и воином, своя ратаи имуще, со инѣх же сребро имати. Аще бо кто предо инѣми воины и

велик есть, то по достоянию его болши есть земли дано ему, и тако ратаев своих предо инѣми воины болши стяжет, оваго вдвое, а инаго втрое, инѣх же вседмеро и воосмеро. Сей тако велик есть, аще и воеводствовати удобен, но неудобь же есть ему предо инѣми воины яко государем быти. Се бо есть излишнее и богатество и гордость, еже с своих ратаев удобная довольствиа взимая, к сему же и с чюжих сребро взимати. Аще же убо кому на потребу будет сребро, имат кийждо излишняя жита своя и си продая градцким жителем и елицы и хлѣб купуют, сим на свою потребу сребро притяжет. Како бо у ратаев сребра хотѣти и сего ради их, яко же видим, муками томити? Сии бо сребра не назидаху, но хлѣб назидаху. Сего ради у них хлѣб достоит приимати по Иосифа Прекраснаго уставу пятую часть, тако же и сѣна и дров пятую часть достоит приимати.

Противу ж ратным исходити достоит тако. Иже имат царскаго даяниа во одержании земли в долготу и во преки четверогранно поприще, сему подобает быти самому и с ним слузѣ во бронях. А прочим по тому же счетованию. Аще ли же царь восхощет, дабы воинство его противу ратным во един день собиралося, подобно есть ему повелѣти всѣм воином не жити в селех и в весех, но во градѣх, яко да уставленное свое приемлют — хлѣб, и сѣно, и дрова — у ратаев своих, сами же жительствуют во градѣх. Сего ради яко едина царева грамота о воинствѣ приидет к ним, единаго часа вси, слышав, усрамятся друг друга отличитися, но едномысленно и во единъ день вси грядут на порученную им службу.

Аще ли же сам царь восхощет, дабы ему за всю землю не отвещати, якоже коемуждо человѣку за свой дом? Рече бо Господь: «Емуже дано боле, и взищется боле от него, и емуже дано множайше, множайше и просят от него».[24] Глаголет же и апостолъ к галатом, яко блудницы и прелюбодѣйцы и пьяницы царствиа Божиа не наслѣдят.[25] Здѣ же видим, яко во градѣ, нарицаемем Пскове, и во всѣх градѣх русийских — корчемницы.[26] В корчемницах бо пьяницы без блудниц никакоже пребывают. Аще же не будут изведени корчемница — си есть вѣдомо, еже есть и пьянство и блуд хластым и прелюбодѣйство женатым, — отвѣт же будет о сем иже сим богатѣющим.

Но, Господи, умилосердися, даждь цареви нашему вразумѣние, еже сиа извести и не едино се, но и всяко пьянственное питие. Аще убо в земли нашей не будет пьянства, не будет и мужатицам блуда, не будет и душегубства, кромѣ разбою. Разбой бо аще и умыслит кто злодѣй, и овогда получит, овогда же презорства ради и не получит. Сия же напасть не мысля погубляет и презорства не помнит. Аще бо в земных обычаех снидутся ко пьянственому питию мужи и жены, приидут же ту нѣцыи кощунницы, имуще гусли и скрыпѣли, и сопѣли, и бубны, и иная бесовскиа игры, и пред мужатицами сиа играюще, бесяся и скача и

скверныыя пѣсни припѣвая. Сия же жена уже сидяше от пьянства яко обуморена, крѣпость бо трезвеная изсяче, и бысть ей желѣние сатанинскому игранию, мужеви же ея также ослабѣвшу и на иныя жены умом разслабѣвшу, и бывши сѣмо и овамо очима соглядание и помизание и кийждо муж чюжей женѣ питие даяше с лобзанием, и ту будуще и рукам приятие и рѣчем злотайным сплетение и связь дияволь. Преже бо убо единаго искуса жена срам имат, егдаже во искусѣ, уже ктому сраму не имат, обыкши в том, блудница бывает. Первое бо всякой блуднице навѣт дьяволь бывает в бесѣдах пьянственых.

Душегубство же также во пьянствѣ. Преже бо прешед в пиршество, восхощет всяк сидѣти в высочайшем мѣсте, и егда не получит, и трезвъ молчит, но возненавидит брата своего, в честнѣ мѣсте пред собою сѣдяща, и преже положит на нь в сердцы си гнѣв. И яко от пьянства изступлен ума бывает, учнет мыслити срамотити и, меща на нь злыя рѣчи, а аще сей претерпит, он же паки з досажением. И той убо также от пьянства не умолчит, и бывает брань, и потом един единаго ножем закалает. Гдѣ бо есть слышано инако ножеваго убийства, яко еже во пьянственных бесѣдах и играх, паче же о праздницѣх, елицы пьянством празднуют? Сиа бо двѣ радости бесовскиа: мужатицам начинание блуда и душегубство от пьянственых бесѣд.

Аще же кто любяи пьянства и сиа блядословит, аще не будет хмелю, то опрѣсноцы служити, таковый себѣ помогает, абы всегда ему квасититсся хмелем. Тѣсту же квас есть не от хмелю, но от дрождий всяких, а цыи и безхмелни суть, яко бо о служебнем хлѣбе Писание сего не глаголет, еже бы преквасно, но дабы квасено.

Святым бо апостолом Петром Марко евангелист поставлен бысть во Александрѣи епископом, и от Марка и поднесь александрѣйстии патриарси паствою не бѣша опустѣли николиже, но, друг по друзѣ приемлюще, служаху квасеным хлѣбом от виноградных дрождий: тамо бо нѣсть хмелю, но может тѣсто каситися и безхмельными дрождиями. Аще же Богъ благоволит, благочестивому цареви достоит по всѣм градом русийским к правителем наказати, абы строениа хмелеваго заповѣдовали строити, сим бо душегубству, и блуду, и пьянству упражнение. Еще же душегубства ради да заповѣдавают во всѣх странах ковачем, абы ножеве ковали притупо без концев, и от сего бо душегубству упражнение. Цареви же за се отдание согрѣшением и воздание будущих некочаемых благ от Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа в вѣки вѣком, аминь.

---

[1] *Муром* — один из древнейших русских городов, первое упоминание о нем в летописях датировано 862 г.; расположен на левом высоком берегу реки Оки в пределах Владимирской области.

[2] *Смерть моя естъ от Петрова плеча, от Агрикова же меча.* — Предложение по своей конструкции близко к формуле, употребляемой в народной поэзии (ср.: «Сей мечь моево плеча богатырскова»). Название меча «Агриковым» следует производить от греческого имени Агрика, однако в русском фольклоре известно имя богатыря Агрикана; возможно, в «Повести» произошло замещение былинного имени Агрикан на книжное — Агрика.

[3] *...самодержьствуяй благовѣрный князь... именем Павел... Имѣяше же у себе приснаго брата, именем князя Петра.* — В научной и краеведческой литературе существует мнение, что под вымышленными именами Петра и Павла следует видеть реальных муромских князей; преимущество отдается двум братьям — Владимиру и Давиду, принявшим княжение в Муроме после отца князя Георгия в 1175 г., в 1203 г. после смерти старшего брата Владимира на княжеском престоле остался Давид, после смерти которого в 1228 г. муромский престол занял его сын Юрий. Это предположение основано только на упоминании в «Повести» о совместном правлении в Муроме двух братьев и на совпадении исторического имени Давид с принятым в схиме именем героя повести. Некоторые исследователи склонны отождествлять князя Петра повести с князем Петром, родоначальником рода бояр Овцыных, жившим в начале XIV в., имя которого известно только по родословной, составленной не ранее конца XVI в.

[4] *Бѣ же внѣ града церковь в женстем монастыри. Воэдвижение честнаго и животворящаго креста.* — Никаких документальных известий о существовании муромского Крестовоздвиженского монастыря не сохранилось. В муромских источниках конца XVI—XVII вв. упоминается деревянная Крестовоздвиженская церковь, которая находилась в черте города на посаде. В краеведческой литературе считается, что в XIII в. на этом месте стоял монастырь, упоминаемый в «Повести».

[5] *...юноша уклонися в весь, нарицающуся Ласково.* — Деревня Ласково находится в Рязанской области в пяти километрах от села Солотчи и бывшего Солотчинского монастыря. До настоящего времени там сохраняется предание о том, как крестьянка этой деревни вышла замуж за муромского князя, однако оно, сохраняя те же имена и географические названия, которые упоминаются в «Повести о Петре и Февронии», имеет свое сюжетное построение, не зависящее от муромской легенды.

[6] *...пред нею же скача заец... и видѣх заец пред тобою скача...* — В славянском песенном и обрядовом фольклоре заяц является одним из атрибутов свадебной и любовной тематики. В фольклорном источнике

«Повести» героиня, видимо, как и на свои иносказания, должна была дать пояснение о скачущем зайце. Автор «Повести» включил упоминание о зайце в недоуменную речь посланца от князя, в ответе же Февронии об этом не говорится.

[7] *...снем з гряд полѣнце...* — Здесь: «грядка» — две жерди над печью, предназначенные для сушки лучины.

[8] *Блаженный же князь Петръ... держашеся сих, якоже богогласный Матфѣй в своем Благовѣстии вещает.* — В Евангелии от Матфея говорится, что Христос в ответ на вопросы фарисеев сказал: «Но я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует» (Мф. 19, 9).

[9] *Бѣста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наимника.* — Христос говорит о себе: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их» (Иоан. 10, 11 —12).

[10] *...во храм Пречистыя соборныя церкви...* — Собор Рождества Богородицы — главный муромский храм — был расположен внутри кремля, на Воеводской горе (не сохранился). Мощи святых Петра и Февронии находились в этом соборе, в правом приделе, посвященном Петру и Павлу. В летописях упоминается о том, что в 1449 г. в этом соборе прятали от преследования Дмитрия Шемяки сыновей Василия Темного Ивана и Юрия; в 1552 г. Иван Грозный во время похода на Казань посетил собор, где «поклонялся» «своим сродникам» Петру и Февронии. Собор долгое время был деревянным, точных сведений о том, когда на месте деревянного был отстроен каменный, не сохранилось, во всяком случае из описей г. Мурома 1624 и 1637 гг. следует, что в XVII в. собор был каменным «о трех верхах с папертми» и построен был «блаженныя памяти государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси».

[11] *...своима рукама шияше воздух...* — Воздух — покров для церковных сосудов.

[12] *...равна апостолом Владимира...* — Владимир I Святославич, великий князь киевский (980—1015), назван равноапостольным как «креститель» Руси — при нем в 987—988 гг. государственной религией было признано христианство.

[13] *...предасть... Борису... град Росьтов, и... Глѣбу град Мурам. Ис тѣх градов бысть по Христѣ и страдание ею...* — Владимир I при жизни распределил города между сыновьями. После его смерти в борьбе за великокняжеский стол в Киеве Святополком были убиты Борис и Глеб, признанные потом святыми (см.: Сказание о Борисе и Глебе в наст. изд., т. 1).

[14] *...бысть во градѣ Мурамѣ епископъ праведенъ, именем Василие.* — Было два рязанских епископа Василия, о первом известно, что он умер

в 1295 г., второй был поставлен в епископы в 1356 г. В церковной и научной литературе существует спор о том, которому из двух епископов посвяшена «Повесть». Автор «Повести» основывается только на устном предании, в котором, безусловно, реальные и исторические события XIII—XIV вв. приобрели обобщенный характер. Поэтому попытки решить вопрос о реальном прототипе героя «Повести» лишены смысла. Автор жития муромского князя Константина, включивший в свое произведение наряду с «Повестью о епископе Василии» известия из летописи 1351 г. о муромском князе Юрии Ярославиче, который якобы поставил в епископы Василия, связал тем самым события повести с именем второго епископа Василия. Однако его повествование оказалось с исторической точки зрения противоречивым — епископ Василий был поставлен на епископию только в 1356 г., а Юрий Ярославич лишился княжения в 1355 г.

[15] *...в мѣсто, еже нынѣ зовомо Старая Рязань...* — В 1237 г. во время Батыева нашествия столица Рязанского княжества — город Рязань — был разгромлен. В середине XIV в. столица княжества была перенесена в город Переяславль-Рязанский, который в 1778 г. был переименован в Рязань. В настоящее время на месте Старой Рязани, на высоком берегу реки Оки, в пятидесяти километрах юго-восточнее современного города Рязани, находится городище.

[16] *Князь же рязанский Олег...* — В истории Рязани было два князя с этим именем: Олег Игоревич, который правил в Рязани в 1252—1258 гг., и Олег Иванович (1350—1402).

[17] *...тако пребысть мурамская епископья в Рязани; нарицает же ся и по днесь Борисоглѣбская.* — Рязанская епископия была учреждена в начале XIII в. и находилась всегда в Рязани. Епископской кафедры в Муроме, откуда якобы Василий был изгнан, на самом деле никогда не было. Муром входил в Рязанскую епископию до 1764 г., когда был переведен во владимирскую епархию. Борисо-Глебский собор был выстроен в Старой Рязани еще в XII в. (очевидно, в 1112—1115 гг.), что позднее и послужило отчасти основанием назвать рязанскую епархию — Борисоглебской. Ни в одном историческом источнике не упоминается о существовании в самом Муроме Борисо-Глебской церкви. Известен только Борисо-Глебский монастырь, находившийся в семнадцати км от города.

[18] *Поприще* — мера длины, около 1 км.

[19] *«Слышите убо, царие...»* — Прем. 6, 1—3.

[20] *...овогда бо оброки дающе сребром, овогда же ямская собраниа...* — К середине XVI в. в России денежный оброк был наиболее обременительной формой ренты, размеры которой все возрастали. Ямская повинность была основным налогом, который поступал в царскую казну. В Русском государстве существовала ямская повинность тяглового сельского и городского населения по обеспечению перевозок администрации, послов, государственных грузов. Ямская повинность была в деньгах и в натуральной форме. По мнению Ермолая, ямскую

повинность должны были бы нести те городские жители, которые занимаются торговлей.

[21] *...егда бѣ Иосиф вь Египте, строяше все Фараона-царя бытие... И емляше у жнущих жита пятую часть... Иосиф бо, пишется, продан бысть в Египет на тридесять сребреник во образ Господень.* — Иосиф, сын Иакова от Рахили, согласно Библии, был продан братьями в рабство за двадцать серебреников (Быт. 37, 28; Ермолай, видимо, по ошибке назвал тридцать серебреников). Впоследствии Иосиф по поручению фараона стал фактическим правителем Египта (Быт. 41). Ермолай, предлагая ввести натуральную ренту для крестьян в одну пятую часть урожая, как на образец ссылается на библейский рассказ об Иосифе.

[22] *Аще же гладни лѣта, тогда убо мнози мучими суть, ихже и видѣхом.* — Неурожайными годами на псковщине были 1540, 1544; 1548—1549 гг., был повсеместный недород, и уже в 1547 г. в летописи отмечалось, что «во всех городех Московские земли и в Новгороде хлеба было скудно».

[23] *...четвертию мѣряюще... скорости ради мѣрныя и вражды и тяжеб межных мѣряти достоит и отделяти поприщми.* — Ермолай вместо четверти как поземельной единицы предлагает более крупную единицу измерения «четверогранное поприще», или квадратную версту.

[24] *...«Емуже дано боле, и взищется боле от него, и емуже дано множайше, множайше и просят от него».* — Лк. 12, 48.

[25] *Глаголет же и апостолъ к галатом, яко блудницы и прелюбодѣйцы и пьяницы царствиа Божиа не наслѣдят.* — Посланне к Галатам апостола Павла (5, 21), однако приведенный текст у Ермолая ближе цитате из «Первого послания Коринфянам» (6, 10).

[26] *Здѣ же видим, яко во градѣ, нарицаемем Пскове, и во всѣх градѣх русийских — корчемницы.* — Ермолай как пскович ссылается на пример своего города, говоря о вреде существования корчем. В 1547 г. новгородский архиепископ Феодосий написал послание Ивану IV с просьбой о закрытии корчем в Новгороде. В 1550 г. само правительство свидетельствовало о вреде корчем (Памятники русского права, вып. IV. М., 1956, с. 577—578).

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ НОВЫХ МУРОМСКИХ СВЯТЫХ ЧУДОТВОРЦЕВ БЛАГОВЕРНОГО, И ПРЕПОДОБНОГО, И ДОСТОЙНОГО ПОХВАЛЫ КНЯЗЯ ПЕТРА, НАЗВАННОГО ВО ИНОЧЕСТВЕ ДАВИДОМ, И СУПРУГИ ЕГО, БЛАГОВЕРНОЙ И ПРЕПОДОБНОЙ И ДОСТОЙНОЙ ПОХВАЛЫ КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ, НАЗВАННОЙ ВО ИНОЧЕСТВЕ ЕФРОСИНИЕЙ

Благослови, Отче. Слава Богу Отцу и вечно сущему Слову Божию — Сыну, и пресвятому и животворящему Духу, единому и безначальному Божию естеству, воедино в Троице воспеваемому, и восхваляемому, и прославляемому, и почитаемому, и превозносимому, и исповедуемому, в которого веруем и которого благодарим, создателю и творцу невидимому и неописанному, изначала по своей воле своею премудростию все свершающему, и создающему, и просвещающему, и прославляющему тех, кого изберет по своей воле, ибо прежде сотворил он ангелов своих на небесах, духов и слуг своих, огонь палящий, чины мысленные, бестелесное воинство, силу которого нельзя описать, и все невидимое сотворил, что непостижимо уму человеческому, сотворил и видимые небесные стихии: солнце, и луну, и звезды, а на земле же издревле создал человека по своему образу и подобные своему трехсолнечному Божеству три качества даровал ему: разум, ибо Он отец слова, и слово исходит от него, посылаемое, словно сын, на котором почиет дух, потому что уста каждого человека слов без духа произвести не могут, но слово с духом исходит, а разум руководит.

Да закончим слово о сути человеческой и возвратимся к тому, о чем начали речь.

Бог же, не имеющий начала, создав человека, оказал почет ему — над всем, что существует на земле, поставил царем и, любя в человеческом роде всех праведников, грешников же прощая, захотел всех спасти и привести в истинный разум. И когда с Отчего благословения, по своей воле и с помощью святого Духа один из Троицы — Сын Божий не кто иной, как Бог, слово, Сын отца, соблаговолил родиться во плоти на земле от пречистой девы Марии, то и стал человеком, не изменив Божества своего; и, хотя по земле ходил, от отчих недр вовсе не отлучился. И в мучениях божественная сущность его не подверглась страданиям. И бесстрастие это его несказуемо, и никаким иносказанием не выразишь этого, ни с чем не сравнишь, потому что все создано им самим; и в творениях его есть бесстрастие — ведь вот, если дерево стоит на земле и солнце озаряет его и в это время окажется, что дерево то начнут рубить, и в этом заключается его страдание, то эфир солнечный, заключенный в нем, из него не исчезнет, тем более не погибнет с деревом, не страдает.

Говорим же о солнце и о дереве потому, что это им сотворено, создатель же и творец этого словами определен быть не может. Он ведь плотью пострадал за нас, грехи наши к кресту пригвоздив, искупив нас у владыки мира дьявола ценою крови своей честной. Об этом так сказал избранник божий Павел: «Не будете рабами людей, ибо выкуплены дорогой ценой». А после распятия, через три дня, господь наш Иисус

Христос воскрес, и на сороковой день вознесся на небо и сел справа от Отца, и на пятидесятый день послал от Отца Духа святого на святых своих учеников и апостолов. Они же всю вселенную просветили верою, святым крещением.

И те, кто в Христа крестились, во Христа облеклись. А если во Христа облеклись, пусть не отступают от заповедей его, как обманщики и лжецы, после крещения забывшие заповеди Божий и прельстившиеся соблазнами мира сего, но как святые пророки и апостолы, а также мученики и все святые, ради Христа страдавшие, перенося скорби, и беды, и притеснения, и раны, находясь в темницах, неустроенные в жизни, в трудах, в бдениях, в постах, в покаянии, в размышлениях, в долготерпении, в благости, пребывая в Духе святом, в нелицемерной любви, в словах правды, в силе Божьей — все они известны Единому, который знает все тайны сердечные, которыми землю осветил, как небо украсил звездами, почтил их даром чудотворения — одних ради молитв, и покаяния, и трудов, других же — твердости ради и смирения, как и тех святых прославил, о которых будет наша повесть.

I

Есть в Русской земле город, называемый Муромом, в котором правил, как рассказывают, благоверный князь по имени Павел. Но дьявол, испокон веку ненавидящий благо человеческого рода, послал жене князя на блудное дело злого крылатого змея. Он являлся ей в видениях таким, каким был по своей природе, а посторонним людям казалось, что это сам князь с женою своею сидит. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизнь от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилостивишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: пусть так и будет.

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с льстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча, от Агрикова меча». Жена же, услыхав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему то, что сказал ей змей. Князь же, услышав это, недоумевал — что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услыхав от брата своего, что змей назвал виновника смерти своей его именем, стал думать, без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его — не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквам. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежал меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного из приближенных брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» А тот человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не

был». Тогда князь Петр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, авось, с Божьей помощью убит будет лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И искал он у многих врачей от своего недуга исцеление, но ни у кого не нашел.

II

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжкой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И вошел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц.

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли взаймы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги на покойников глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услышал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаймы плакать, про брата же сказала — “сквозь ноги на покойников смотрит”. И ни единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это есть у горницы очи. А что сказала тебе про отца и мать, и про брата, что отец мой и мать моя пошли взаймы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаймы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги на покойников глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. От своей болезни искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слыхал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имени, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь взял твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может взять моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну как это можно — князю дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит, как умеет. Если вылечит,

возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ею квасу, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь; и повелел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слыхал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойди и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него». Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А это разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка, и дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как и в первый раз.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божиих заповедей.

III

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды кто-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз, — говорил он, — окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем, как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Петр, желая ее испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, путь будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит, куда захочет!» Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, лишая святую Божьего дара, который Бог обещал ей сохранить и после смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи, куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что чего ни попросите — получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум — каждый подумал, что если не будет князя Петра, то поставят другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божиих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что, если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: достояние свое к навозу приравнял, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые же бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с вожделением. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, забыв о своей жене, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться такими мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его воткнул маленькие колья, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвой». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвой.

И вот, когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Мурома, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления Господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели Божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не как наемники. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

IV

Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они

монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время, когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе для соборного храма пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Не долго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не докончила, лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки Божий в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения честного и животворящего креста, говоря, что, так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которые они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии, пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества святой Богородицы, как повелели они сами — в едином гробе, который Бог даровал на просвещение и на спасение города того: припадающие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им.

Радуйся, Петр, ибо дана тебе была от Бога сила убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской голове твоей мудрость святых мужей заключалась! Радуйся, Петр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел! Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги! Радуйся, прославленный Петр, ибо, ради заповеди Божьей не оставлять супруги своей, добровольно отрекся от власти! Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословению за одну ночь маленькие деревца выросли большими и покрытыми ветвями и листьями! Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносясь прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая — писали о вас другие, сведущие более меня, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божию благодать и на щедроты его уповая и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венками общим владыкой всех Христом, которому подобает вместе с безначальным его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом вся слава, честь и поклонение ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О РЯЗАНСКОМ ЕПИСКОПЕ ВАСИЛИИ

О ГОРОДЕ МУРОМЕ И О ЕПИСКОПИИ ЕГО, КАК ПЕРЕШЛА ОНА В РЯЗАНЬ

Слышал я от неких, рассказывавших древние сказания о городе Муроме, что в стародавние времена был он основан не там, где ныне стоит, но находился в ином месте в той же области, на расстоянии от

нынешнего города немалом. Сказание же о нем говорит, что был это преславный город в Российской земле в древние времена. По прошествии же многих лет пришел он в разорение и запустение, потом минуло еще много времени, и был он перенесен на иное место, на окраину той же области, и поставлен там, где и ныне стоит.

Во времена правления в Киеве и во всей Русской земле превеликого, святого и равноапостольного князя Владимира, когда пришло ему время разделить между детьми своими города — кому каким владеть, то одному из сыновей своих, святому Борису, передал он город в Российской земле Ростов, а другому сыну, святому Глебу, — город Муром. Из этих городов и пошли они на страдание ради Христа, и святость их познана была праведными людьми, и стали прославляться они во святых церквах. И в тех городах, где княжили они, были поставлены епископы, и назывались те епископы местными епископами святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Со временем два князя, родные братья, из того же рода святого превеликого князя Владимира начали управлять городами: старший — городом Муромом, младший же — Рязанью.

В некие времена был в городе Муроме епископом праведный Василий. Дьявол же, древний погубитель душ человеческих, не в силах терпеть праведной жизни этого епископа, начал ему вредить так, чтобы представить его блудником. И вот, преображаясь в девицу, показывался он из дома епископа — то выглядывал в окно, то выходил из епископского дома. Видя такое, многие жители города и городские вельможи впали в обман — поверили этому. И вот пришли в дом епископа, чтобы ради вины такой прогнать его из епископии.

Тогда епископ взял икону с изображением предвечного младенца Христа с Богородицей — на икону же эту имел он великую надежду о спасении своем — и пошел с епископского двора. Его проводили до реки Оки и хотели дать ему небольшую ладью, чтобы он мог уплыть. Он же, стоя на берегу, снял мантию и, разостлав ее по воде, встал на нее, держа в руках образ с Христом и Богородицей, и сразу же бурным порывом ветра понесло его против течения, вверх по реке. Рассказывают, что случилось это на третьем часу дня, а в девятом часу того же дня примчало его в то место, которое ныне зовется Старой Рязанью, тогда ведь здесь жили рязанские князья. Князь же рязанский Олег встретил его с крестами; так и перешла в Рязань муромская епископия; и до сих пор называется она Борисоглебской.

После этого Муром стал входить в епархию рязанских епископов. И епископы с тех пор в Муром больше не возвратились и стали

именоваться епископами, на первом месте — рязанскими, а на втором — муромскими. Когда же епископы посещали город Муром, то именовались на первом месте — муромскими, а на втором — рязанскими. Чудесная же та икона, которая епископа Василия перенесла, и ныне находится в Рязани. Он с верою уповал на нее, она же милостью своей прославила его, желая показать беспорочность святого раба, и всего за шесть часов домчала его вверх по реке на расстояние, больше двухсот поприщ.

О Пречистая Божия Матерь, какой язык расскажет о твоих чудесах, или какой ум по достоинству восхвалит твои благодеяния, когда ты молишь Сына с Отцом и со Святым Духом о наших согрешениях! Слыша о том, что не ты сама, а написанный образ твой такие чудеса свершил, поражаюсь я в уме своем! Хотел бы подробнее о всем рассказать, но не знаю, что писать, ибо с тех пор прошло много лет, и многое мне осталось неизвестным, и я боюсь, чтобы, рассказывая об этом, не оказаться мне лжецом. Как слышал, так и написал; если же о чем-то, и не до конца разузнав, написал, то уповаю на милостивую помощь владычицы всех — Богоматери, которую следует всем христианам молить, чтобы избавила нас от наветов вражьих всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА

НАСТАВЛЕНИЕ В ЗЕМЛЕМЕРИИ ЦАРЯМ, ЕСЛИ ИМ УГОДНО

Гласит Соломонова премудрость: «Услышьте, цари, и поймите, научитесь, судьи земных пределов, внемлите, управляющие множеством и кичащиеся толпами народов, что от Господа дана вам власть и сила от Вышнего». Если же поищем мы теперь благоверного царя, ни у одного народа, кроме русского народа, не увидим царя православного. И уж если справедлив он по вере, то стоит ему без устали стараться, принимая во внимание то, что к благополучию подданных, заботиться в делах управления не только о вельможах, но и о самых последних. Необходимы вельможи, но вовсе не трудом своим снабжаются они. Необходимы прежде всего земледельцы: от их трудов хлеб, а от него начало всех благ — хлеб на литургии в бескровную жертву приносится Богу и в тело Христово обращается. И вся земля потом от царя и до простых людей питается от их трудов. А они всегда пребывают в скорбных волнениях, ибо всегда несут тяжесть не одного бремени. Следовало бы им одно тяглое бремя нести в году, как и всякое животное — и птицы, и звери, и скоты — однажды в год мучается линькой. А земледельцы постоянно поднимают гнет разных работ: то платя оброк деньгами, то ямские поборы, то еще какие. Те, кто из

дармоедов направлены бывают к ним за царскими поборами, и те еще много себе с них берут, кроме назначенного для царя, да из-за этих посылок, из-за корма лошадям, ямских издержек много к тому же расходуется денег. Много и других обид земледельцам от того, что царские писари-землемеры ездили с землемерной цепью, наделяя царских воинов землей и всякую четверть полагая по отдельности мерой земли, сильно этим затягивая, проедали много съестного у земледельцев.

О многих царствах мы читали, но такого обыкновения не видели. А видели вот что: когда Иосиф был в Египте, ведя хозяйство Фараона-царя, то во время голода придержал несказанное множество пшеницы. Принимая из рук его пшеницу, египтяне отдали ему все свои сокровища, а когда не осталось ни у кого что дать, то давал им Иосиф пшеницу и возложил на них такую дань, чтобы, когда будет урожай, каждый взял себе четыре части своего хлеба, а пятая часть их хлеба пошла Фараону-царю. И брал он у жнущих пятую часть урожая, но сверх этого ничего не брал. И наконец, у всех народов каждый человек отдает своему царю или владыкам часть плодов своей земли: где родится золото и серебро, там золото и серебро и дают, а где во множестве плодится многочисленный скот, так скот и дают, а где водятся дикие звери, там зверей и дают. Здесь же в Русской земле не родится ни золото, ни серебро, ни многочисленный скот, но Божьим благословением лучше всего родится хлеб на пропитание людям. Так и нужно, чтобы цари и вельможи в дань с земледельцев брали пятую часть от их хлеба, как положил Иосиф в Египте. Ведь написано, что Иосиф как прообраз Господа продан был в Египет за тридцать Серебреников. Разве же не стоит подражать этому православным царям и вельможам, чтобы в селах своих и деревнях брать с земледельцев от собственного их хлеба пятую часть хлебом же, а сверх того ничего, поскольку невдомек земледельцам, где приобрести золото и серебро? Если же голодные годы, тогда многих мучают, как мы знаем. Разве же заслужили они муку за то, что год доставил малый прибыток? Земледельцев мучают из-за денег, которые поступают в царское распоряжение и даются на раздачу для обогащения вельможам и воинам, а не для необходимости. Для необходимости каждый из вельмож пусть имеет своих земледельцев и довольствуется ими, взимая пятую часть с каждого земледельца и исполняя за это царскую службу. И их земледельцы ради своих вельмож или воинов не должны ничего никому давать, как и ямского сбора.

Нужно тщательно наладить все ямское устройство по росписи от одного города до другого. Те, кто покупает и продает в городах и богатеет от прибыли, те должны взять на себя бремя связей между городами, потому что они собиратели больших доходов. Кроме же этого бремени, пусть не подвергаются они другим повинностям, но, безо всяких пошлин ведя куплю и продажу по городам, пусть поэтому обеспечивают так называемое ямское устройство по росписи от города до города. Так

и уменьшится в областях всякое недовольство: уменьшится писарей, отменятся поборы, прекратятся бесчестные прибытки.

А что писари-землемеры меряют четвертями и земледельцев объедают и великую скорбь им причиняют, об этом вот что нужно знать: ради быстроты в землемерии, из-за межевых тяжб и вражды, нужно мерить и наделять в поприщах. Мы имеем в виду, что квадратное поприще — в длину и в ширину по обеим сторонам в тысячу саженей мужских — нуждается для своего засева в восьмистах тридцати трех четвертях с третью ржаных семян, при трехпольном севоразделе таким поприщем назовется поле в двести семьдесят восемь четвертей без полуосьмины, по этой же мере — и два поля.

Это вот поприще удобно дать за поле в двести пятьдесят четвертей или два таких же, поскольку излишек в двадцать восемь четвертей без полуосьмины следует прибавить к каждому полю вместо сенокосных и лесных угодий. Если земли будут чистые, это и лучше, что такой излишек: сняв с него хлеб и продав, купят и сено, и лес. С такой мерой писари-землемеры вдесятеро быстрее управятся, чем с четвертинной мерой: за те дни, что теперь один город обмеряют, за те же дни смогут десять городов обмерить, потому что четвертинная мера — задержка в скорости, а поприщами сразу все вокруг обмерят. Потому не будет и тяжб о землях: если кто захочет покривить, то обличит его мера, что захватил лишнее и чужое; у кого же будет отнято, мера также обличит, что он обижен.

Так что уместно, чтобы повелели цари учредить обмер земель поприщами, а не четвертями. Если же сам царь во всех городах своих для своих потребностей захочет взять себе сколько-то поприщ и если окажется где в длину и ширину с обеих сторон квадрата по десять поприщ, то и будет по этому счету поле в двадцать пять тысяч четвертей или же два поля такого размера, а кроме того, поле в две тысячи семьсот семьдесят пять четвертей за сено и лес или же два поля такого размера, тогда велит он ежегодно пятую часть хлебного приплода отделять себе, и если даст Бог и родится в земле из зерна пять зерен, то в одном только городе окажется у него двадцать пять тысяч четвертей ржи, а ярового вдвое больше. И если в ста городах будет по стольку, то за один год ржи будет два миллиона пятьсот тысяч четвертей, а ярового вдвое больше. Будет из этого и что продать для скопления денег, и ни один земледелец не будет в слезах и мучениях из-за недоимок, как бывает, когда с земли берут хлеб, с леса зверей и мед, с рек рыбу и бобров. Если же в наделе будет лес, нужно отменить налог медом и зверьми, потому что дадут за это пятую часть хлебом.

Точно так и боярам и воинам нужно давать каждому по его положению поприщами, а не четвертями. Если кто боярского достоинства и заслуживает получить тысячу четвертей, тому нужно дать по этому счету за тысячу четвертей квадратное поле в длину два поприща и поперек два поприща с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в сто одиннадцать четвертей. Если же кто из воевод, кто поменьше, заслуживает получить семьсот пятьдесят четвертей, тому нужно дать по этому счету за семьсот пятьдесят четвертей поле длиною два поприща и поперек полтора поприща с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в восемьдесят три четверти. Если же кто из воинов заслуживает получить пятьсот четвертей, тому нужно дать по этому счету за пятьсот четвертей поле длиною два поприща и поперек одно поприще с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в пятьдесят пять четвертей с осьминою. Если же кто заслуживает получить четыреста без двадцати пяти четвертей, тому нужно дать по этому счету за четыреста без двадцати пять четвертей поле длиною полтора поприща и поперек одно поприще с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в сорок одну четверть с осьминой. Если же кто заслуживает получить двести пятьдесят четвертей, тому нужно дать по этому счету за двести пятьдесят четвертей квадратное поле поприще в длину и поперек с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в двадцать восемь четвертей без полуосьмины. Если же кто заслуживает получить сто двадцать пять четвертей, тому нужно дать по этому счету за сто двадцать пять четвертей поле длиною поприще и поперек полпоприща с обеих сторон или же два поля такого размера, кроме того, что за сено и лес будет ему поле в четырнадцать четвертей. Если же будет где поприще поприщу неравно землею, такое есть и среди людей: бывают одного достоинства, то есть равные, или же имеют некоторые отличия, оказываясь неравны друг другу, так что оценивай по человеку, чтобы лучших наделять лучшими поприщами.

Боярин, воевода или воин, имеющий землю, по своему достоинству имеет достаточно и своих земледельцев. Взимающий пятую часть урожая уже не дает земледельцам семян. Если благоволит Бог и одно зерно родит в земле пять, то тот, кому дано одно поприще, получит с него от своих земледельцев в качестве пятой части двести пятьдесят четвертей ржи, а ярового вдвое больше, и этого будет ему достаточно.

Не следует никому из бояр, воевод или воинов, имеющих своих земледельцев, с других собирать деньги. Ведь если кто велик перед другими воинами, то по своему достоинству получает больше земли, так что и земледельцев приобретает больше, чем другой, вдвое или же втрое, или же всемеро и ввосьмеро. Пусть он так велик, что достоин быть воеводой, но не следует все же ему быть чуть ли не государем рядом с другими воинами. В этом излишнее богатство и гордыня,

чтобы, собирая со своих земледельцев достаточный доход, к тому же и с чужих взимать деньги. Ведь если кому нужны деньги на расходы, то имеет он у себя излишек хлеба, продав который городским жителям и тем, кто покупает хлеб, добудет деньги на свои потребности. Как можно хотеть от земледельцев денег и ради этого подвергать их мукам, как нам случается видеть? Они ведь деньги не создали, но хлеб создали. Поэтому нужно брать с них хлеба по правилу Иосифа Прекрасного пятую часть, также нужно брать пятую часть сена и дров.

А на ополчение нужно так являться. Кто имеет царскую дачу на пользование землей в длину и поперек квадратное поприще, тот должен явиться со слугой в полном вооружении. И другим по такому же расчету. Если же царь пожелает, чтобы его войско собралось на ополчение за один день, должен он велеть всем воинам жить не в селах и деревнях, но в городах, чтобы положенное им — хлеб, сено и дрова — получали от своих земледельцев, а сами жили в городах. Поэтому как только поступит к ним царская грамота о военных сборах, тотчас все, узнав, постыдятся друг от друга отстать, но единодушно за один день явятся на назначенную им службу.

Разве же захочет сам царь, чтоб не отвечать ему за всю землю, как всякому человеку за свой дом? Ведь сказал Господь: «Кому больше дано, с того больше и взыщется, а кому дано особенно много, с того особенно много и спросят». И апостол говорит галатам, что блудники и прелюбодеи, и пьяницы не удостоятся царства Божия. Мы же тут видим, что в городе по названию Псков и во всех городах русских — корчмы. А пьяницы в корчмах без блудниц никогда не бывают. Если же не будут уничтожены корчмы, а это есть, как известно, пьянство, распутство холостых, прелюбодеяния женатых, отвечать за это будут те, кто обогащается на этом.

Но смилуйся, Господи, и вразуми нашего царя уничтожить это, и не только это, но и всякое хмельное питье. Ведь если в земле нашей не будет пьянства, не будут блудить замужние, не будет и убийств, помимо разбоя. Но если какой злодей и замыслит разбойное дело, один раз исполнит, другой раз из опасения не исполнит. А эта напасть губит не желая и опасения не знает. Как сойдутся по нашему обычаю на хмельное питье мужчины и женщины, тут же приходят скоморохи, берут гусли, и скрипки, и дудки, и бубны, и другие бесовские инструменты, играют на них перед замужними женщинами, бесятся, прыгают, поют непристойные песни. А жена эта уже сидит от хмеля, как в обмороке, трезвая твердость пропадает, и приходит ей охота к сатанинской игре, так же притом и муж ее распустился и за другими женщинами в мечтах пустился, и взгляды туда и сюда устремляются, и каждый муж чужой жене питье подносит с поцелуем, и тут случается прикосновенье руками и сплетение речей потаенных и дьявольские

связи. Ведь женщина испытывает стыд, прежде чем однажды не вкусит, когда же вкусит, больше уже не знает стыда и, привыкнув к этому, становится блудницей. Всякой блуднице впервые дьявольское искушение случается на пьяных сборищах.

И смертоубийство тоже в опьянении. Придя на пир, всякий хочет прежде всего занять почетное место, и если не выйдет это, то, будучи еще трезвым, молчит, но начинает ненавидеть брата своего, сидящего на более почетном месте, и тут уж затаит гнев на него в своем сердце. А когда в опьянении уже потеряет разум, начинает злоумышлять и оскорблять того, осыпая злобными словами, и если тот стерпит, этот снова пристает. Но тот в опьянении тоже не смолчит, тогда случится драка, и один другого ножом заколет. Разве бывает слышно о ножевых убийствах, кроме как в пьяных обществах и игрищах, особенно по праздникам, которые празднуют в пьянстве? Вот две радости дьяволу: в пьяных обществах начало разврата замужним и смертоубийства.

Если же кто из любителей пьянства болтает, что если не будет хмеля, то придется с опресноками служить, такой о себе старается, чтобы самому всегда хмелем закваситься. Тесто квасится не от хмеля, а от всяких дрожжей, а те бывают и нехмельные, ведь не говорит Писание о хлебе, употребляемом на службе, чтоб он перебродил.

Святой апостол Петр поставил в Александрии епископом евангелиста Марка, а от Марка и до сего дня ничуть не обеднели александрийские патриархи паствою, но, наследуя друг другу, служили хлебом, квашенным виноградными дрожжами: нет в них хмеля, и тесто может киситься нехмельными дрожжами. Если благоволит Бог, следует, чтобы благочестивый царь наказал правителям всех русских городов, чтоб запрещали делать хмельные изделия, от этого упразднится смертоубийство, блуд, пьянство. А еще бы из-за смертоубийств наказать во всех областях кузнецам, чтоб ковали ножи с тупыми концами, и от этого упразднится смертоубийство. Царю же за это простятся грехи и воздадутся в будущем бесконечные блага от Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа во веки веков, аминь.